

DEPT. OF THE ARMY

OFFICE OF THE ADJUTANT GENERAL

ADJUTANT GENERAL

ADJUTANT GENERAL

ADJUTANT GENERAL

ADJUTANT GENERAL

ADJUTANT GENERAL

ADJUTANT GENERAL

ВЕРНУТЬСЯ В РОССИЮ - СТИХАМИ...

200 поэтов
эмиграции

Антология

*Составитель,
автор предисловия,
комментариев
и биографических
сведений о поэтах
Вадим Крейд*

ВЕРНУТЬСЯ В РОССИЮ –

СТИХАМИ...

Издательство
"Республика"
Москва 1995

Художник
Борис Шварев

Вернуться в Россию — стихами... 200 по-
В35 **этов эмиграции: Антология / Сост., авт. предисл.,**
коммент. и биограф. сведений В. Крейд.— М.: Респуб-
лика, 1995.— 688 с.
ISBN 5—250—02310—X

Уникальное по составу собрание поэтического наследия первой и второй волн русской эмиграции представлено в настоящей антологии. 200 поэтов, чья судьба разбросала по всему миру — от Харбина до Парижа, Рима и Нью-Йорка, возвращаются в обетованную Россию. Знаменитые и пока еще не известные российскому читателю, писавшие о Родине и чужбине, любви и смерти, одиночестве и вдохновении — в надежде, что когда-нибудь их услышат в России...

Книга включает единственный в своем роде биографический словарь русских зарубежных поэтов.

Антология, несомненно, вызовет интерес ценителей поэзии.

В 4702010000—092
079(02)—95 71—94

ББК 84Р6

ISBN 5—250—02310—X

© Издательство "Республика", 1995

Еще недавно о скором возвращении всех богатств русской зарубежной словесности трудно было даже мечтать. Предсказывать же стремительное тотальное их возвращение, кажется, никто в России и не пытался. Но в чужом отечестве пророки случались. Двадцать с лишним лет назад Ю. Иваск в своем обзоре эмигрантской поэзии писал: "Я убежден, недобросовестную хулу партийных скалозубов сменит хвала миллионов читателей, открывающих в России незнакомую им зарубежную литературу"¹. Раньше Иваска напроорочил возвращение Георгий Иванов, предсказывая за несколько дней до своей смерти:

Хождение по мукам, что видел во сне —
С изгнанием, любовью к тебе и грехами.
Но я не забыл, что обещано мне —
Воскреснуть. Вернуться в Россию — стихами.

У Г. Иванова можно найти и более ранние предчувствия. Например, в стихотворении 1951 г.:

Тишина благодатного юга,
Шорох волн, золотое вино...

Но поет петербургская вьюга
В занесенное снегом окно,
Что пророчество мертвого друга
Обязательно сбыться должно.

¹ Русская литература в эмиграции / Под ред. Н. П. Полторацкого. Сб. статей. Питтсбург, 1972. С. 68.

² Якорь. Антология зарубежной поэзии. Берлин: Петрополис, 1936. С. IX.

Порой трудно провести резкую черту между надеждой и предсказанием. Первая антология эмигрантской поэзии вышла в 1936 г. Ее название "Якорь" навеяно строкой Баратынского: "Подняли якорь — надежды символ!" "Без громких фраз, этот сборник обращен скорее к будущему, чем к настоящему", — писал в предисловии Г. Адамович².

Ко времени выхода "Якоря" у русской эмиграции уже была своя история: сопротивление, отступление, бегство, встреча с чужбиной, скитания, рассеяние, хождения по му-

кам, осмысление прошлого, ностальгия, осознание миссии: быть не в изгнании, а в послании. Вместе с этой цепью фактических событий и психологических состояний выстраивался и богатый культурный ряд: возникновение в диаспоре русских центров, общественных организаций, журналов, газет, кружков, издание тысяч книг... Примем еще во внимание и некоторый ряд идей и настроений, одновременно существовавших и тех, что последовательно сменялись. Словом, создавалась определенная атмосфера, в которой нуждается литература. Да, была эта литература оторванной от родной земли, создавалась она на чужих берегах. Но зато безгранична была творческая свобода. И все же Родина столь щедро представлена в этой литературе, что всю ее в каком-то смысле можно бы назвать, пользуясь определением XIX в., почвеннической, если бы не самая суть феномена эмиграции.

Итак, "Якорь" был поднят, а не брошен: остановки в пути, в безытийности долго не было. Смешивая понятия "сборник" и "антология", в предисловии к "Якорю" Г. Адамович провидчески сказал: "Сборник обращен скорее к будущему... будущее найдет общее наше оправдание..." Это отдаленное будущее наступило, когда из семидесяти семи участников антологии, поднявших "надежды символ", в живых осталось человек десять. Они могли бы подтвердить ясновидческую правоту мысли, сверкнувшей во вступительном слове к "Якорю", — мысли о возможном "общем оправдании". Будущее, т. е. наше сегодня, деятельно и эмоционально оправдало их творчество, опиравшееся хоть и не на свою почву (что для поэта столь важно), но все же на родную традицию. Адамович затронул мимоходом и самый трудный вопрос — вопрос обобщения. Двести поэтов — авторов нашей антологии — все индивидуальны. Они принадлежат не менее чем к пяти поколениям, расселившимся на пяти континентах. Они исповедовали различные эстетические веры. Как говорить о единстве столь обширного рассеяния? И вообще можно ли подвести под общий знаменатель смысловой, эстетический, духовный потенциал столь многих и столь разных поэтов?

Возраст эмигрантской поэзии — три четверти века, но реальный опыт более чем столетний. Старейший из поэтов зарубежья — Н. Минский принадлежал к поколению Владимира Соловьева и Константина Романова, т. е. к более старшему, чем поколение Фофанова и Надсона. Самые молодые поэты второй эмиграции родились в 1930-х гг. и остаются активными в искусстве и теперь, в конце XX столетия. Поэзия зарубежья началась даже раньше, чем собственно эмиграция. Были поэты, которые узнали об Октябре, находясь за границей. В Америке это В. Ильяшенко и В. Диксон. Антонину Горскую революция застала в Персии, Д. Магулу — в Швеции. С этих и других невозвращенцев и начинается эмигрантская поэзия.

Ее наиболее очевидное многообразие — географическое. В Берлине жили Белоцветов, Р. Блох, Бродская, Горлин, Джанумов, Корвин-Пиотровский, Прегель, Раевский и др. Поэтической школы они не создали, хотя и пытались объединиться, выпуская в тридцатые годы свои коллективные сборники — "Новоселье", "Роща", "Невод". Временно же оставались в Германии многие, особенно в начале двадцатых, когда Берлин стал ненадолго столицей русского зарубежья. Эмигранты начали приезжать сюда после подписания Брестского мира. Первый эшелон прибыл из Киева 3 января 1919 г. Вскоре в Берлине образовалась русская колония. На его главной улице, по свидетельству Романа Гуля, русскую речь можно было услышать чаще, чем немецкую. Возникло около сорока издательств, и был такой год, когда в Германии книг на русском языке вышло больше, чем на немецком. Были основаны журналы, в том числе вошедшие в историю литературы "Беседа", "Эпопея", "Слово", "Жар-птица". В Берлине находились тогда сотни русских писателей. Германия формально признала ленинскую Россию и установила с Москвой дипломатические связи. Поэтому в те годы, когда занавес был еще "жестяным", а не "железным", в Берлин приезжало из России немало писателей. Германская столица явилась местом встречи двух литературных потоков: не сформировавшейся еще советской литературы и не установившейся еще эмигрантской.

К 1924 г. центром русского зарубежья становится Париж. Перечень поэтов, поселившихся там, впечатляющий. Гиппиус, Г. Иванов, Ходасевич, Цветаева, Оцуп, Маковский, Поплавский, Присманова, Гингер, Терапиано, Злобин, Кнорринг, Кнут, Ладинский, Туроверов, Смоленский, Софиев, Ставров, Евангулов, Гронский, М. Струве, Червинская — вот лишь несколько имен. Таким созвездием талантов мог бы гордиться любой из российских городов. Не менее трети участников нашей антологии — русские парижане. Париж отразился в сотнях эмигрантских произведений, и многие тысячи стихотворений написаны в этом городе на языке Пушкина, значительно больше, чем в Городе Муз — Царском Селе.

Эта поэзия разноликая. Но была и своего рода сердцевина — так называемая "парижская нота". Ее, впрочем, исповедовало меньшинство. Многие писали вне этой тональности. Однако "нота" была определяющей и повлияла также на прозу и на критику. В другие времена такая "нота" переросла бы в школу. Но в тогдашних условиях, на чужой земле формирование литературного направления представлялось задачей искусственной. Мосты были сожжены: Россия потеряна, Европа уже не обольщала, и сам взгляд на литературу переменился. "Был целый мир — и нет его" — это строка Г. Иванова о переживаемом тогда настроении, о трагической утрате того, о чем поэт говорил: "наше все". "Опыт у эмиграции был исключительный, притом такой редчайшей внутренней ценности, какой едва ли скоро повторится", — писал Г. Адамович¹. В сложной и эмоционально противоречивой ситуации по необходимости "нота" проявилась в стремлении к художественной простоте, отрешении от всего лишнего. Обозначилась аскетическая тенденция, прямо противоположная стиливой орнаментальности в ранней советской литературе. "Парижская нота" прозвучала в сосредоточенных, серьезных, скромных стихах. Их темы — смерть, любовь, одиночество. Тематический плюрализм "ноту" прельстить не мог. "Как ни разу еще в памяти нации, — писал Г. Адамович, — оставался человек один, наедине с собой, вне общества, и лишь с насмешливо-ядовитым сознанием, что вот и вне об-

¹ Адамович Г.
Одиночество и
свобода. Нью-
Йорк, 1955. С. 27.

щества можно еще существовать, любить, думать, жить..."¹ Конечно, "парижская нота" оформилась под влиянием статей и стихов Адамовича, но не только его. В пору расцвета эмигрантской литературы вышел сборник Г. Иванова "Розы" (1931), в котором "нота" нашла классическое выражение. "Розы" выделялись на фоне всего, что было написано за последние 15—20 лет в России и в эмиграции... — заметил Ю. Терапиано. — Это глубокая и страшная книга... Под "невинными сладкими звуками" скрыта большая горечь и отчаянье и надежда"².

В самой "ноте" не было единства, скорее имелся спектр проявлений. К "ноте" был близок последователь В. Ходасевича Владимир Смоленский, хотя сам Ходасевич полемизировал с Г. Адамовичем и, живя в Париже, "парижской ноте" остался вполне чужд. Мы слышим ее звучание не только в стихах поэтов, живших во Франции, но и у прибалта Белоцветова, а позднее у Чиннова (США). "Парижская нота" в творчестве Поплавского, Терапиано, Червинской, Штейгера, Ставрова не связана стилевым единством. В целом же их поэтика продолжила линию серебряного века.

Активной была эмигрантская литература и в Чехии. Здесь жили Маковский, Д. Ратгауз, Цветаева (до 1925 г.), Потемкин. В Праге возникло по инициативе литературоведа А. Л. Бема объединение "Скит поэтов". В кружок входили И. Бем, Е. Гессен, Головина, Кроткова, Лебедев, Мансветов, Морковин, Т. Ратгауз, Чегринцева и др. Кружок издал несколько поэтических сборников, индивидуальных и коллективных. Темы пражан слабо поддаются определенной классификации. Набор их выразительных средств отчасти связан с московскими поэтами (Пастернак, в меньшей степени Цветаева, что-то от имажинизма), тогда как "нота" — петербургской ориентации (Анненский, Блок, Сологуб).

Немало эмигрантских поэтов поселилось в других славянских странах. В Польше — Кондратьев, Гомолицкий, Барт, Оленин, Вадимов, Волынцева (в ее доме собирался поэтический кружок). В Софии — Л. Столица, начавшая печататься еще в 1906 г., и А. Федоров, чьи стихи в читательском сознании свя-

¹ Адамович Г.
Комментарии.
Вашингтон, 1967.
С. 5.

² Круг Альма-
нах, 1936. Кн. 2. С.
161

зывались с поэзией Бунина. Гораздо больше поэтов обосновались в Югославии. Из них назовем только авторов нашей антологии. Это Алексеева, Халафов, Голенищев-Кутузов, Неймирок, Дураков, Таубер. Некоторые из них участвовали в белградском отделении парижского кружка "Перекресток".

Русские поэты жили и в трех прибалтийских странах, и в Финляндии: И. Северянин, Булич, Новосадов, Сабурова, Белоцветов, Иртель, Гарднер, Савин и др., но, обрывая этот перечень, все же следует включить в него еще два имени — Иваска и Чиннова, оба выросли в значительных поэтов уже в послевоенное время в Америке.

Единственная на поэтической карте страна, которая по числу русских поэтов может соперничать с Францией, — США. Еще в тридцатые годы русских поэтов здесь было меньше, чем, например, в Китае. Многие переехали в США в начале второй мировой войны из Европы. Другие эмигрировали после окончания войны. "Армия поэтов" пополнилась и русскими беженцами из красного Китая. В США поселились почти все значительные поэты второй (послевоенной) эмиграции — все, кроме Бушман, Кленовского и Трубецкого.

В тридцатые годы число дальневосточных поэтов было велико, больше, чем где бы то ни было, за исключением Парижа. В Харбин, Шанхай, Пекин эмигрировали Андерсен, Андреева, Ачаир, Визи, Ещин, Колосова, Коростовец, Крузенштерн-Петерец, Лесная, Логинов, Несмелов, Обухов, Паркау, Перелешин, Н. Петерец, Резникова, Светлов, Сергин, Тельтофт, Хаиндрова и др. После 1945 г. почти все поэты "русского Китая", кроме немногих вернувшихся в СССР и тех, кто был арестован НКВД, уехали в Америку.

Но даже в лаконичном обзоре должны быть упомянуты еще несколько стран и имен: Англия (А. Ней), Бельгия (Льдов, Дитрихштейн), Италия (В. Иванов, Сумбатов, Эристов, Лопатто), Бразилия (Перелешин, ранее живший в Китае), Канада (Боброва, Страховский), Австралия (Волин, Пестрово). Некоторое время находились в Африке Воробьев, Кнорринг, Гальской. Далеко не все поэты были связаны с крупными культурными цент-

рами, где сосредоточивалась общественная жизнь эмиграции. Дитрихштейн жил в маленькой бельгийской деревушке; И. Северянин — в эстонской; Кондратьев — в селе Дорогобуж; Оленин — в польском городке Сарны; Янковская — в маньчжурской тайге, "в совершенно первобытных условиях"; Вадимов скитался, а Волковой, говоря ее собственными словами, "пришлось жить на отшибе, в глухих уголках, не благоприятствующих литературной работе".

В эмигрантской поэзии, как и во всякой подлинной, были такие духовно-эстетические достижения, которые весьма не просто вписываются в "трехмерный" мир исторического процесса. Они-то и составляют душу этой поэзии, ее высшие достоинства. Еще раз дала о себе знать способность русской поэзии разглядеть непреходящее в человеке. Эти "влияния" исходили равно из литературных и внелитературных истоков. "Метафизическое электричество", которое чувствуется в этой поэзии, составляет ее глубинное содержание.

Если поэт пережил и смог выразить живое душевное движение, то какие другие требования можно ему предъявлять? Это те драгоценные минуты, когда жизнь и поэзия — одно. Духовность проявилась или через религиозность, или в медитативном строе души, как в этих строках:

Из невыносимого далёка
Голос твой мне иногда звучит,
Озаряя душу как сполохи
В ледяной арктической ночи.

.....
И на самом, самом дне печали
Еле вижу твоего лица
Облик смутный, вечный, изначальный,
Что со мной пребудет до конца.

(Е. Бакунина)

В глубине, на самом дне, сознанья,
Как на дне колодца — самом дне, —
Отблеск нестерпимого сиянья
Пролетает иногда во мне.

(Г. Иванов)

Утром, в ослепительном сиянье,
Ночью при мерцающей луне.

Дальний отблеск, смутное сознание
Вдруг становится доступным мне.

(Ю. Терапиано)

Удивительно не то, что тема прозрения
влечет иных поэтов, удивительно, что встре-
чается она у столь многих.

Другую настойчиво звучащую тему можно
назвать словами Б. Поплавского "домой с не-
бес". Она появляется не просто как тема
России, но и потому, что

...тоскует сердце в запредельном храме
По родным просторам на пути земном.

(Л. Волынцева)

С небес домой, в Россию, не вернуться.
И эмигрантские поэты пишут о России так,
как в России мало кто писал. Даже те, кто
уехали детьми, не могут вытеснить из сердца
страну детства страной своей юности:

Жребий конца и начала,
Детские годы, года,
Помню Россию так мало,
Помню Россию всегда.

(Н. Гронский)

И у Галины Кузнецовой такое же стремле-
ние помнить не только некогда прочный быт
и родную природу, но и страну своего душе-
вного строя.

Полно и щедро твое наследство,
Сладко мне бремя его нести.
Точно янтарь полноценный, детство
Тяжкою нитью лежит в горсти.

У каждого в памяти осталась своя Русь.
Для большинства — это мироощущение, пе-
реживаемое поэтами не политически и не
идеологически, а как наполненность челове-
ческой личности.

Кто-то песней смеялся. Позвали кого-то.
Шла слепая старуха в избушку свою.
И покой, и отрада. И грусть, и забота,—
Это было в России... Быть может,— в раю.

(И. Британ)

Лирика о России более эмоциональна, чем любовная лирика.

Лес мой, родимый мой лес!
В горести сгорбила спину...
Видно, опутал нас бес
И уволок на чужбину.

Грусть мою, русскую грусть
Выпущу птичкой из рук я.
Допьяна нынче напьюсь
Новой печалью-разлукой.

(М. Колосова)

Вспомним и строки погибшего в нацистском концлагере Ю. Мандельштама:

Ну, что мне в том, что ветряная мельница
Там на пригорке нас манит во сне?
Ведь все равно ничто не переменится
Здесь, на чужбине, и в моей стране.

.....
Но отчего неизъяснимо-русское,
Мучительно родное бытие
Мне иногда напоминает узкое,
Смертельно ранящее лезвие?

Быт чужбины не многих вдохновлял творчески. На чужбине ближе не быт, а бытие потому,

Что в мире торжествует суета,
Жестокость и позор,
Что вокруг меня знакомые места
Не узнает мой взор.

(Ю. Мандельштам)

Это отчуждение от "чужих душ е берегов" (В. Ильяшенко) встречается с такой повторяемостью, что его можно выделить в особую тему эмигрантской поэзии. Эпиграфом к ней звучит мучительная альтернатива в стихах Н. Оцупа:

Как часто я прикидывал в уме,
Какая доля хуже:
Жить у себя, но как в тюрьме,
Иль на свободе, но в какой-то луже.

Вариации этой темы видим у таких несхожих по "биографии души" (тоже слова Н. Оцупа) поэтов, как Н. Бродская, В. Гальской,

В. Диксон. Для киевлянки Бродской, входившей в кружок берлинских поэтов, разрыв между "здесь" и "там" непреодолим:

И нельзя позабыть на полмига,
Как провал между нами велик.
Нам они — устарелая книга.
Мы для них — непонятный язык.

Для В. Гальского, начавшего писать в Белграде, опыт жизни на чужбине обогащает умственно, но иссушает душевно:

Память стран чужих и городов
Бременем тяжелым горбит плечи.
Эту пыль и сор пустых годов
Только ветер родины разметет.

Для В. Диксона, родившегося в Сормове, в семье инженера-американца, и в 17-летнем возрасте навсегда уехавшего из России, Запад остается чужим эмоционально:

Здесь намечено и размерено
Все по правилу, по струне.
Только сердце мое потеряно
В этой выложенной стране.

Для умеющих слышать в этих цитируемых строфах заключено содержание целого социально-психологического трактата. Разительный экзистенциальный разрыв между беженцем и коренными жителями ("провал", как пишет Н. Бродская), бремя тяжелого жизненного опыта, придавленная стихийность и спонтанность в жестко разлинованном социуме — весь спектр этих переживаний входит в тему чужбины. Но не все в ней навеяно чувством отчуждения. Много в этой поэзии таких чувств и мотивов, что их экспрессия не зависит от континентов и меридианов: "поэт никогда не жил подножным кормом времени и места" ¹. Но образность в стихах зависит вполне от конкретного пейзажа или, например, вот от этого уголка Нью-Йорка:

¹ Цветаева М. Зинаида Шаховская. Дорога... // Современные записки. 1936. № 61. С. 465.

Черный Данте в облетевшем скверике
Замышляет бронзовый сонет.
Поздний вечер наступил в Америке,
А в его Италии рассвет.

(Л. Алексеева)

Некоторые находят красоту в экзотике, как
Н. Воробьев:

Бывает, на копеечной открытке
Глаз режут карамельные цвета —
Лазури, зелени — всего в избытке.
Как приторна бывает Красота!

Но неизменно пронеслись года,
И из чужой открытка стала нашей,
И все теперь приемлемей и краше.
Все, что казалось приторным тогда.

Идет вращение в чужую почву, освоение
"малых мест":

Жили мы высокими мечтами,
Ныне славой малых мест живем.
В простоте беседуем с богами
И огонь домашний бережем.

(П. Бобринской)

И вот уже при встрече с истинно поэтичес-
ким нет больше ни своего, ни чужого:

Становятся листья тише,
В саду ни души, ни звука.
Желудь порой на крышу
Падает с легким стуком.

Стукнет, а сердце екнет,—
Кажется стук уколом,
Так безнадежно мокнет,
Астра на стебле голом.

Так безнадежно никнет
Розовым цветом в слякоть,
И не умеет крикнуть,
И не умеет плакать.

(Т. Величковская)

Кажется, лирика зарубежья опозитизирова-
ла в русском слове и звуке все земные широ-
ты — камни Рима, виноградники Прованса,
корейские сопки, "зимний дивный город Копе-
нгаген" (А. Головина), "Суоми — царство хму-
рых сосен" (Н. Гронский), весну в Париже...

Весна в Париже незаметная,
Как девочка — хрупка, робка.
Тоска в Париже беспредметная,
Как будто даже не тоска.

.....
Пустынный остров — как видение.
Ты к берегам его причаль,
И на единое мгновение
Сольются радость и печаль.

(В. Злобин. Остров на Сене)

И все-таки об этих многоширотных странствиях, пейзажах, городах, впечатлениях ничего не было написано равного по лирической пронзительности стихам о России. Стихи на эту тему в таком изобилии встречаются в наследии эмиграции, что можно было бы только из них составить монументальную антологию. Одной ностальгией здесь ничего не объяснить, но **двумя ностальгиями** кое-что объясняется. Если обобщать эмигрантскую поэзию первой и второй волны, т. е. говорить не только о наших двухстах поэтах, но и еще о таком же, пожалуй, числе, то главный нерв этой поэзии — двойная ностальгия: по родине покинутой и по отчизне духовной.

За столько лет такого маянья
По городам чужой земли
Есть от чего прийти в отчаянье,
И мы в отчаянье пришли.

— В отчаянье, в приют последний,
Как будто мы пришли зимой
С вечерни в церковке соседней.
По снегу русскому, домой.

(Г. Иванов)

У З. Гиппиус в стихотворении "Домой" смысл вынесенного в заголовок слова раскрывается в другом ключе — в метафизическом:

Мне —
о земле —
болтали сказки:
"Есть человек. Есть любовь".

А есть —
лишь злость.
Личины. Маски.
Ложь и грязь. Ложь и кровь.

Когда
предлагали
мне родиться —
Не говорили, что мир такой.

Как же
я мог
не согласиться?
Ну а теперь — домой, домой!

Богатство эмпирического опыта в эмигрантских стихах связано с тем, что они написаны людьми двух, а иногда и трех культур. Богатство душевного и художественного опыта основывалось на пережитом, а самые острые переживания связаны с утратами, с трагическим в жизни.

Весна неизреченных чувств
Цветет на всяком пепелище.

(Л. Ганский)

Но душевный опыт был претворен в духовный. Духовная тема преобладает в грандиозном художественном наследии не статистически, а поэтически. Тема эта не монолитна: она зависит от личности поэта, от его дара преисполняться "неизреченными чувствами" и проникнуть за пределы обыденного опыта. Название этому опыту каждый поэт дает свое или вообще не называет:

И беззвучье и звучанье,
песня золотого дня...
Этой музыке молчанья
нет названья у меня.

(С. Маковский)

В этой теме, в связи с многообразием подходов к ней, можно выделить несколько мотивов. Из них магистральный — прямое внезапное видение, "талант двойного зрения" (Г. Иванов). Оно, это видение, не является монополией только больших поэтов. У многих, иногда основательно забытых, находим строки и целые стихотворения, свидетельствующие о прекрасном даре. Вот отчего среди других причин мы решили представить поэтов в нашей антологии в алфавитном порядке, не деля на великих и "малых сих", на старших, средних и младших. Например, Карл Гершельман, поэт малоизвестный, выразил магистральную тему в стихотворении, в котором сказалась такая цельность видения, что если цитировать, то целиком.

Не напрасно загорелось золотое,
Золотое, что мы жизнью называем:
Эти сосны, освеженные зарею,
Это облако с порозовевшим краем.

Эти ведра у колодца, с легким плеском,
С мягким плеском рассыпающие воду,
Гул трамвая за соседним перелеском,
Отдаленный перезвон по небосводу.

Из-за четкого вечернего покоя,
Из-за тучки над колодцем тонкошеим,
Из-за жизни наплывает золотое,
Золотое, что назвать мы не умеем.

Другие мотивы, разнообразящие эту тему,
в зависимости от индивидуального внутрен-
него опыта,— это надежда на чудо, самопоз-
нание, благоговейная тишина, благодарность
Творцу.

И мы с безымянного детства
Своей неизбывной земли
Того золотого наследства
Истратить еще не смогли.

(Д. Кленовский)

Как хорошо, что в мире мы как дома
Не у себя, а у Него в гостях,
Что жизнь неуловима, невесома,
Таинственна, как музыка впотьмах.

(Н. Оцуп)

Эта поэзия, без декламации и риторики, не
поучая, учит вчувствованию в тайну мира,
в чудо жизни. В лучших стихах в поэтическом
представлении мир — прозрачен, по крайней
мере до степени, когда сквозь материаль-
ность мира сквозит инобытие:

Странно видеть мне в себе самом
До конца раскрытую природу,
Я гляжусь в неясное потом,
Вечную предчувствуя свободу.

(Н. Оцуп)

Время взгляд человеческий сушит.
Он с годами острей и трезвей...
Нет, не вещи я вижу, а души,
Невесомую суть вещей.

(В. Булич)

Итак, размышляя о тематике поэзии русского зарубежья, находим в ее основании "лирический треугольник": Россия — чужбина — надмирность..

Психологически каждая из трех тем окрашена в тона ностальгии — ностальгии обоюдоострой: по утраченной родине и чаемой отчизне небесной.

Сколько лет прошло между этих стен,
Отшумел давно ветер перемен,—
Стало песней все, песней и стихом —
Мы воздвигли здесь наш нездешний дом.

(Е. Таубер)

Удерживая живую связь с культурной традицией России, эмиграция, как писал богослов Н. Арсеньев, "говорила миру от имени духовных сокровищ русского народа"¹. Чувство, которое продиктовало Арсеньеву эти слова, слышится и в стихах А. Ачаира, некогда широко известных в эмиграции:

И за то, что нас родина выгнала,
Мы по свету ее разнесли.

Другие часто встречающиеся темы в нашей антологии — любовь, природа, вдохновение, война. Для поэтов второй эмиграции вторая мировая война — событие, перевернувшее в их жизни все и навсегда. Поэты первой эмиграции, участники белого движения, писали о гражданской войне. Едва ли не лучшее стихотворение, когда-либо написанное на эту тему, включено в нашу антологию:

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня;
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо—
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

(Н. Тuroверов)

¹ Арсеньев Н.
Эмиграция — на
фоне России //
Возрождение.
1967. № 191. С. 77.

В своей этической правоте первая эмиграция никогда не сомневалась. Она ясно и остро сознавала свое предназначение — сохранить русскую культуру в непрерывности ее традиций. Но сомнения эстетические высказывались часто и без самообольщений. Впрочем, такова вообще задача литературной критики. "Начинает закрадываться сомнение в том, — писал рецензент в "Русских записках" в 1939 г. (т. е. в итоговом для первой эмиграции), — что эмигрантская поэзия сможет справиться с основной своей задачей — рассказать о себе и о России так, чтобы потом, через десятки лет, эти стихи можно было бы читать... и любить" ¹. Время произвело свой отбор, и мы видим в наследии эмигрантской поэзии на удивление много таких стихотворений, о которых теперь, через десятилетия, можно без сомнений сказать, что без них русская поэзия была бы значительно беднее.

И все же что было существенно общего в этом калейдоскопическом и индивидуалистическом разнообразии метафор, строф, метров, ритмов, рифм? Есть ли у нас основание для обобщающего суждения? Ведь в эмиграции оказались представители едва ли не всех поэтических направлений дореволюционной России: символисты (Минский, Бальмонт, Балтрушайтис, Мережковский, Гиппиус, Вяч. Иванов), акмеисты (Г. Иванов, Адамович, Оцуп, Одоевцева), футуристы (И. Зданевич, а также чуждавшийся эмиграции Д. Бурлюк), эго-футуристы (И. Северянин, Масаинов), поэты-сатирики (Дон Аминадо, Саша Черный и др.), реалисты (Бунин, А. Федоров), поэты старой школы (Льдов, Д. Ратгауз, Дитрихштейн, Косаткин-Ростовский) и многие другие, начинавшие творческий путь до революции: Ходасевич, Цветаева, Амари, Биск, Гарднер, Кондратьев, Кречетов, Лопатто, Маковский, Кузьмина-Караваева, Рафалович, Столица, М. Струве. И еще более двухсот имен тех, кто печататься начал в эмиграции. Общей поэтики у всех перечисленных и подразумеваемых, как бы мы ни искали, — не найдем. Можно отметить лишь факт, что к формальному экспериментаторству склонялись или пленялись им немногие. Общее было в жизненном опыте. Где, когда в мире

¹Осокин С. Н. Туроверов. Стихи... // Русские записки. 1939. Май. С. 200.

была еще такая поэзия, которая десятилетиями жила в условиях полной творческой свободы в абсолютно безразличной чужой среде, без внешних стимулов, без поддержки, оставаясь, несмотря ни на что, вдохновенной, плодотворной, плодovитой! Представим себе колонию единоплеменников, заброшенных на чужую планету, без связи с Землей. И вот на той далекой планете находятся поселенцы, которые пишут стихи и только в мечтах надеются забросить в межзвездное пространство бутылку с запечатанными в ней стихами. Такое сравнение не кажется излишне гиперболическим.

— Послушай. О как это было давно,
Такое же море и то же вино.

Мне кажется, будто и музыка та же.
Послушай, послушай,— мне кажется даже...

— Нет вы ошибаетесь, друг дорогой.
Мы жили тогда на планете другой...

(Г. Иванов)

Русский поэт в эмиграции — не столько географическое, сколько психологическое состояние. Родная речь и связанные с ней диапазон чувств, тип сознания, способ восприятия — вот все, что у него есть. Он — осколок национального сознания, лишенный национальной стихии. Остается полная самоопорность. Эта нерасчетливая опора лишь на себя, на собственные силы, следовательно, искренняя чистота — отличительная характеристика зарубежной поэзии в целом. И если мы хотим осмыслить эту объединяющую общность не в одних абстрактных понятиях, а пережить ее вместе с нашими поэтами, то лучше всего обратиться к стихам, посвященным теме "поэт и поэзия".

Музыка, она — твоя душа,
И она прекрасна и бессмертна.

(М. Волин)

И петь и чутя над собой
Творца внимающее ухо.

(Н. Белоцветов)

И еще о поэзии:

Ты была всегда лишь тайной,
Музыкой поющих слов
В мире хрупком и случайном,
В мире лучшем из миров.

(Н. Евсеев)

Общим были трагичность существования,
сознание, переживающее иноземный опыт на
фоне России, и обращенность к неизречен-
ному.

Но лишь катастрофа среди прозы
Вдруг делает жизнь высотой!

(А. Ладинский)

В начале этого очерка говорилось о пер-
вой эмигрантской антологии "Якорь". После
ее выхода в свет музе диаспоры предстоял
еще долгий путь. Но еще тогда, когда эмиг-
рантская поэзия была молода, один из луч-
ших критиков назвал "Якорь" "доказатель-
ством ценности того нового духовного опыта,
из которого новая поэзия возникла"¹. Дума-
ется, что современному читателю этот худо-
жественный, эмоциональный и духовный
опыт эмиграции может многое сказать и от-
крыть.

Вадим Крейд

*Составитель выражает искреннюю при-
знательность Вере Крейд, Валентине Син-
кевич, Дмитрию Бобышеву за существен-
ную помощь, оказанную в работе над этой
антологией.*

В. К.

¹ Бицилли П. // *Современные за-
писки*, 1936. № 60.
С. 465.

200 поэтов
эмиграции

Антология

Еще переменится все в этой жизни, — о, да!
Еще успокоимся мы, о былом забывая.
Бывают минуты предчувствий. Не знаешь, когда.
На улице, дома, в гостях, на площадке трамвая.

Как будто какое-то солнце над нами встает,
Как будто над нами последнее облако тает,
И где-то за далью почти уж раскрытых ворот
Один только свет бесконечный и белый сияет.

За все, за все спасибо. За войну,
За революцию и за изгнание,
За равнодушно-светлую страну,
Где мы теперь "влачим существование".

Нет доли сладостней — все потерять,
Нет радостней судьбы — скитальцем стать,
И никогда ты не был к Богу ближе,
Чем здесь, устав скучать, устав дышать,
Без сил, без денег, без любви,
В Париже...

Из голубого океана,
Которого на свете нет,
Из-за глубокого тумана
Обманчиво-глубокий свет.

Из голубого океана,
Из голубого корабля,
Из голубого обещанья,
Из голубого la-la-la...

Голубизна, исчезновение,
И невозможный смысл вещей,
Которые приносят в пень
Всю глуть бессмыслицы своей.

Невыносимы становятся сумерки,
Невыносимее вечера...
Где вы, мои опоздавшие спутники?
Где вы, друзья? Отзовитесь! Пора.

Без колебаний навстречу опасности.
Без колебаний и забытья
Под угасающим "факелом ясности",
Будто на праздник пойдем, друзья!

Под угасающим "факелом нежности", —
Только бы раньше не онеметь! —
С полным сознанием безнадежности,
С полной готовностью умереть.

...

За слово, что помнил когда-то
И после навеки забыл,
За все, что в сгораньях заката
Искал ты, и не находил,

И за безысходность мечтанья,
И холод растущий в груди,
И медленное умирание
Без всяких надежд впереди.

За белое имя спасенья,
За темное имя любви
Прощаются все прегрешенья
И все преступленья твои.

...

Что там было? Ширь закатов блеклых,
Золоченых шпилей легкий взлет,
Ледяные розы на стеклах,
Лед на улицах и в душах лед.

Разговоры будто бы в могилах,
Тишина, которой не смутить...
Десять лет прошло, и мы не в силах
Этого ни вспомнить, ни забыть.

Тысяча пройдет, не повторится,
Не вернется это никогда.
На земле была одна столица,
Все другое — просто города.

...

Когда успокоится город
И смолкнет назойливый гам,
Один выхожу я из дому,
В двенадцать часов по ночам.

Под черным, невидимым небом,
По тонкому первому льду,

Не встретив нигде человека,
Не помня дороги, иду.

И вижу широкую реку,
И темную тень на коне,
И то, что забыла Россия,
Тогда вспоминается мне.

Но спит непробудно столица,
Не светит на небе луна.
Не бьют барабаны. Из гроба
Никто не встает. Тишина.

Лишь с воем летя от залива
И будто колебля гранит,
Сухой и порывистый ветер
Мне ноги снежком порошит.

* * *

Но смерть была смертью. А ночь над холмом
Светилась каким-то нездешним огнем,
И разбежавшиеся ученики
Дышать не могли от стыда и тоски.

А после... Прозрачную тень увидал
Один. Будто имя свое услышал
Другой... И почти уж две тысячи лет
Стоит над землею немеркнущий свет.

* * *

Пора печали, юность — вечный бред.

Лишь растеряв по свету всех друзей,
Едва дыша, без денег и любви,
И больше ни на что уж не надеясь,
Он понял, как прекрасна наша жизнь,
Какое торжество и счастье — жизнь,
За каждый час ее благодарит
И робко умоляет о прощеньи
За прежний ропот дерзкий...

* * *

Ничего не забываю,
Ничего не предаю...
Тень несозданных созданий
По наследию храню.

Как иголкой в сердце, снова
Голос вещей услышать,
С полувзгляда, с полуслова
Друга в недруге узнать,

Будто там, за далью дымной,
Сорок, тридцать, — сколько? — лет
Длится тот же слабый, зимний
Фиолетовый рассвет,

И как прежде, с прежней силой,
В той же звонкой тишине
Возникает призрак милый
На змалевой стене.

* * *

Приглядываясь осторожно
К подробностям небытия,
Отстаивая сколько можно
Свое, как говорится, "я",

Надеясь, недоумевая,
Отбрасывая на ходу
"Проблему зла", "проблему рая"
Или другую ерунду.

Он верит, верит... но не будем
Сбиваться, повышая тон.
Не объяснить словами людям,
В чем и без слов уверен он.

Над ним есть небо голубое,
Та бесконечность, вечность та,
Где с вялой дремой о покое
О жизни смешана мечта.

Дни летят, летят, не устывая,
Сталкиваясь, падая, спеша —
А за ними еле поспевает
Словно изумленная душа.

И беспомощно влачится с ними
То в надежде робкой, то в тоске,
Как котенок на весенней льдине
В черной и взволнованной реке.

МОЕЙ ЕЛИ

В памяти горек и крепок —
Просто забыть не могу —
Запах оранжевых щепок
В сером зернистом снегу.

Запах встревоженной чащи,
Свежих, растоптанных хвой;
Ствол, на поляне лежащий,
Ствол опрокинутый твой...

Долго стояла, не веря,
У опустевшего пня, —
Словно любимого зверя
Кто-то убил у меня.

* * *

То сверкнет, то затонет
Черным боком скала —
Плеск прозрачных ладоней
О нее без числа:

Приливают упруго,
Отступают, журча, —
Три столетья — и угол
Стал круглее плеча.

Семь столетий — и выем,
Крабу влажный навес:
Им не к спеху, стихиям,
Им не надо чудес.

...

Черный Данте в облетевшем скверике
Замышляет бронзовый сонет.
Поздний вечер наступил в Америке,
А в его Италии рассвет.

Ветер над равниною этрусской
Розовые гонит облака,
И проходит улочкою узкою
Тень твоя, блаженна и легка.

Беатриче! Нет тебя желаннее...
Семь веков — как семь весенних дней!
И опять — любовь, стихи, изгнание,
Мокрый сквер и быстрый бег огней.

...

Из норки бурундук метнулся и исчез,
По небу облако переползло спокойно.
Нет, жизнь не только боль — она и этот лес,
Она и этот блеск и этот шорох хвойный.

Вот шишка под ногой подсохшая хрустит.
Вот рыжики во мху и капли в паутине...
Нет, жизнь не только боль, не только ложь и стыд,
Она — и этот день благословенно синий.

...

Там шурша струятся колосья,
Словно шелк, на сухом ветру.
Там находит тропинка лосья
Черный пруд в вековом бору.

Там, по пояс в низком тумане,
Над болотами, не спеша,
Утомленный проходит странник
С богомолья — моя душа.

ПОЛДЕНЬ

Медово зелен спелый виноград
На деревянном остоле беседки:
На грузных гроздьях капельки горят,
К ним осы льнут, настойчивы и едки.

Так пьян и нежен летний аромат,
Так сонно сухи солнечные ветки,
Что первых строк ликующий отряд
Летит в пылу лирической разведки —

И вот загнулся в жаркой тишине
И тайным эхом плещется во мне.
Неспешный день так ясен и отраден,
Что говорят не строфы, не слова,
Но вырезная крупная листва
И запах перегретых виноградин.

* * *

В садах, где прохладные ветры цветут,
Где яркий отдельный листок подбираем,
Опавшие листья сгребают и жгут,
И пахнет дымок их разлукой и раем.

Последние солнцем прогретые дни,
Последняя в книге зеленой страница...
Но чем-то прощальная горечь пьянит
И радостью тайной по жилам струится.

Мне близок едкий дым крестьянской черной бани
И кислый запах щей, и четкий стук подков,
И страшный фанатизм хлыстовских бичеваний,
И говор пряничных, рязанских мужиков.

Румянец сказочной, грудастой молодой,
И мерный, тихий шум жужжащих веретен,
Заплатанный платок из ярмарочной байки
И в люльке, под холстом, кричащее дите.

И рассказы былин субботних посиделок,
И старых песен грусть, и шум столетних лип,
И звуки нудные пастушеских сопелок,
И снега мерзлого веселый, бодрый скрип.

И ширь родных полей, проселочной дороги
Узорный бег, стоги, овраги и леса,
И месяц над селом холодный и двурогий.
И млечного пути звездная краса...

НЕВЕСТА

Ты в памяти живешь
не в красном сарафане,
Не в ситцевом платке,
надвинутом на лоб;
Не строгою послушницей
на черном покаяньи,
Ушедшей от греха
и от житейских злоб.

И в думах, и в мечтах,
на стороне варяжьей,
Ловлю черты Твои
в туманной вышине.
Но Ты идешь ко мне
не поступью лебяжьей,
Не как боярышня
в парчевом шушуне.

Я вижу образ Твой,
волос густые пряди,
Как будто в раме из
серебряных берез.
Ты хороша, как степь
в своем простом наряде, —
И этот облик Твой
мне крепко в сердце врос.

В весельи праздных дней
иль в тягости великой
Я вижу тот же блеск
Твоих дремотных глаз.
Ты выглядишь земной,
простой, но многоликой, —
Такой писал Тебя
подвижник-богомаз.

Мне часто видится
волнующийся рынок,
И там, среди толпы,
слепой старик гуслар.
Певец седых былин,
извечный русский инок,
Слагающий свой сказ
про смердов и бояр.

А иногда в тиши
заморской темной ночи
Мне снится, что вдали,
во всю степную длинь,
Несется песнь земли,
немолчный гам стрекочий,
И всюду — васильки,
ромашка да полынь.

Чрез пелену веков
и сквозь туман столетий
Ты гордо пронесла
свой вековечный крест,
И для меня, как встарь,
на этом белом свете
Ты краше всех земных
любовниц и невест.

...

К холодному сердцу нашел ты ключи,
и встала от сна я;
Напрасно ты хочешь меня приручить —
я нимфа лесная.
Тебе же в холодной, неясной любви
не будет отрады.
Ты ищешь заветных и ярких глубин
и в сердце дриады.
Подумай — я буду безгласной, немой
от жизненной фальши;
И ты ведь далекий, и ты ведь не мой,
а что будет дальше?
Но близок конец, там — в лесах голоса
я слышу, ликуя...
И снова уйду я в глухие леса,
И снова усну я...

УТРО АРЕСТА

Эта утренне хмурая
Непроглядная тьма —
Полуосень понурая,
Иль двойная зима?

Утро бедное, бледное,
Утро робких калек
(Душ их радость победная
Не коснется вовек!).

Город встал без желания
Для ненужного зла,
Как игрок, состояние
Проигравший дотла,

На мгновенье забывшийся
И проснувшийся вновь,
Чтобы вспомнить приснившийся
Сон про свет и любовь,

С неушедшей дремотою
В воспаленных глазах
И с унылой ломотою
В омертвевших костях!

Был я проданный, преданный
Привезен во дворец
На конец неизведанный,
На бесплавный конец.

Без шинели, как ветка я,
Не от страха дрожал,
Когда руки салфеткою
Адъютант мне вязал.

По паркету блестящему
Тихо вел он меня
К офицеру стоящему
У стола близ огня.

Перед мутные, жесткие,
Перед очи Царя
Как на плахи подмости я
Шел молитву творя.

И в мундире расстегнутом
Он, казалось, во мгле
Предо мной, полусогнутым,
Был один на земле.

Весь прямой (Боже, смилуйся).
Тихо пальцем грозя...
И тогда изменилася
Бедной жизни стезя...

ПРОГУЛКА НИКОЛАЯ I

Пристегнувши шнурками полость,
Запахнувши крепче шинель,
Он летит — и в душе веселость.
Ветер ветер, крепкий, как хмель,

Иногда от быстрого бега
Из-под легких конских копыт
Мягко белыми комьями снега
На мгновенье глаза слепит.

Мчатся сани стрелой прямою,
А вокруг них снежинок игра,
Опущающих белой каймою
Темно-серый город Петра.

Николай изящный, высокий,
Неподвижно прямой сидит,
И любовно царское око
Созерцает знакомый вид:

Дали ровны, улицы прямы,
И мундиры застегнуты все,
Дальней крепости панорама
В величавой стынет красе.

Дали ровны, улицы прямы...
Что страшней, прекрасней, скучней,
Чем создание воли упрямой
Напряженных петровских дней?

Дали ровны, улицы прямы,
Снег блестит, простор серебра.
О какая прекрасная рама
К величавой фигуре царя!

ПРОГУЛКА НИКОЛАЯ I

Снежно-белый, холодный
От метелей и пург
Над Невой благородной
Онемел Петербург.

Мчатся быстрые сани
В вихревое кольцо.
От холодных касаний
Запылало лицо.

Все полно здесь холодной,
Неживой красоты,
Несвободной, бесплодной
И бескрылой мечты.

Что за странное чувство
Средь полузабытья:
"Правда, жизнь и искусство
Все — мое. Все — как я.

Тяжкая величавость,
Огражденный простор,
Неба хмурая ржавость
• И свинцовый мой взор.

Зданий каменный очерк,
И кирпич, и гранит
Часть меня, как мой почерк,
Необманно хранит.

Хорошо мне промчаться
Улиц лентой прямой,
Хорошо возвращаться
В тихий Зимний домой.

По пути офицера
Пожутивши слегка,
Посадив для примера
За размер темпика".

ШЛИ ПОЕЗДА ПО КАЗАНСКОЙ ДОРОГЕ

Прошрое. Бывшее. Тень на пороге.
Бедного сердца комок.
Шли поезда по Казанской дороге...
Таял над лесом дымок.

Летнее солнце клонилось к закату.
Ветер вечерний донес
Горечь полыни, душистую мяту,
Странную свежесть берез.

Где-то над миром, над тайным пределом,
Кротко сияла звезда.
Где-то какие-то барышни в белом
Вышли встречать поезда.

Не было? Было? А тень на пороге.
Смех раздается, зловещ:
— Шли поезда по Казанской дороге...
Экая важная вещь!

БАБЬЕ ЛЕТО

Нет даже слова такого
В толстых чужих словарях.
Август. Ущерб. Увяданье.
Милый, единственный прах.

Русское лето в России.
Запахи пыльной травы.
Небо какой-то старинной,
Темной, густой синева.

Утро. Пастушья жалейка.
Поздний и горький волчец.
Эх, если б узкоколейка
Шла из Парижа в Елец...

УТЕШИТЕЛЬНЫЙ РОМАНС

Что жалеть? О чем жалеть?
Огонек горит, мигая...
Надо все преодолеть.
Даже возраст, дорогая!

Что есть годы? Что число?
Кто связать нас может сроком?
Лишь бы только нас несло
Нескончаемым потоком.

Сколько раз свои сердца,
Не спасая от контузий,
Мы шатались без конца
По республикам иллюзий.

Сколько тягостных колец
Все затягивалось туже!
Так уж худо, что конец.

А глядишь... на завтра — хуже.

"СПРЯТАЛСЯ МЕСЯЦ ЗА ТУЧКУ"

"Спрятался месяц за тучку,
Больше не хочет гулять"...
Дайте стило или ручку
Милой письмо написать.

Это не то, что когда-то,
Первую чувствуя страсть,
Быть ей двоюродным братом,
Вместе с ней яблоки красть.

Падать пред ней на колени,
Плакать и тихо, без слов,
Где-то, под веткой сирени,
Слушать всю ночь соловьев.

Это не то что, бывало,
Всеми восторгами жить,
В вихре блестящего бала,
Мчать ее, мучить, кружить.

Прятать на память перчатки,
И — на широких санях
Так и лететь без оглядки
В снежный, неведомый прах...

Спрятался месяц за тучку...
Пусть. Ни о чем не прошу.
Дайте чернила и ручку.
Я ей письмо напишу.

Пусть она знает, упрямый
Чувствуя сердца закат,
Что за дурак этот самый
Бедный двоюродный брат!

Как он учился смиренью,
Как ему стало невмочь.
...Вот он и бредит сиренью
В эту январскую ночь.

Огоньки...огоньки...огоньки...
Перезвон... Озаренные лица...
Пламенеющий очерк руки
И склоненные к свету ресницы.
Ореол освещенных волос,
Приоткрытые губы немножко
И, застывшими каплями, воск
На твоих полудетских ладошках.
...Пробудился от вечного сна
И упал преграждающий камень...
Наверху, невидимкой, весна
В синеве проплывает над нами.
У складного поют алтаря,
Что, в затерянном времени оном,
"Смертью смерть победил". И земля
Нарастающим плещется звоном.
У плеча дорогой огонек,
И глаза озаренные верят:
Охраняет твой ласковый Бог
И сиротку, и птичку, и зверя.
Огоньки...огоньки...огоньки...
И мелькающий свет на ресницах...
Научи же меня, без тоски,
Успокоенным сердцем молиться.

ЯБЛОНИ ЦВЕТУТ

Месяц всплыл на небо, золотая,
Легкою палаткой кочевой;
Разговор таинственный затеял
Ветер с потемневшею листвою...
Ведь совсем недавно я мечтала:
Вот, как будут яблони цвести,
Приподнимет предо мной забрало
Рыцарь Счастье на моем пути.
Говорят, что если ждать и верить,
То достигнешь. Вот и я ждала...
Почему бы счастьем день мой серый
Не осыпать искрами тепла?
Тихо, тихо шевелятся тени...
Все, как прежде... Сад, кусты раки...
Только май, верхушки яблонь вспенив,
Лепестками белыми кружит.
Месяц по стеклу оранжереи
Раздробил хрустальный образ свой.

Маленькие дымчатые феи
Реют над росистой травой...
Надо быть всегда и всем довольной.
Месяц — парус, небо — звездный пруд..
И никто не знает, как мне больно
Оттого, что яблони цветут.

...

В золотистом, зардевшемся августе,
На нескошенном мятном лугу,
День за днем немудреные радости
К вечерам для тебя берегу.
И, встречаясь под темными вязами,
Там, где мрак напоен тишиной,
Забываю о том, что не связано
С тихой ночью, тобою и мной...
День за днем на лугу, босоногая,
Я медвяные травы топчу,
Чтобы вечером темной дорогою
К твоему прижиматься плечу.
Не отдам никому этой радости,
Не отдам я ее сентябрю, —
В обессиленном, тающем августе
Вместе с летом зеленым сгорю.

...

Лучшие песни мои не спеты,
Лучшие песни мои со мной...
Может быть, тихою ночью это
Бродит и плачет во мне весной?
Месяц застыл, наостривши уши,
Слушает сонную тишь земли...
Если бы кто-нибудь мог подслушать
Боль безысходных моих молитв!
Сладким безумным предсмертным ядом
Яблони майскую ночь поят...
Знаю я — всем нам, цветущим, надо
Прятать в груди этот страшный яд...

Б. Поплавскому

Окно склоняется вот так:
Окно, окна.
А за окном все тот же мрак
И та же ночь видна.

Крутись, зеленоватый глаз
Звезды плывет.
Земля, тебя и в этот раз
Никто не назовет.

Все та же ночь, и в руки к нам
Плывет покой.
И тяжесть стелется к ногам,
И снова надо мной

Окно склоняется вот так:
Окно, окна.
О этот рок, о этот мрак
Бессмысленного сна!

И. Ясвен

Возьми прозрачный уголек,
С ладони на ладонь бросая осторожно.
Смотри — уже он изнемог,
Уже дышать ему почти что невозможно.

Уже покрылся пеплом он,
Как помутневший глаз свинцовой пеленою,
Уже к нему склонился сон
И окружил его прохладою ночною.

Смотри — вот он уже потух,
Вот он рассыпался и стал летучим прахом,
И тишиною озаренный слух
Внезапно поражен неотразимым страхом.

Погаснет слово, как огонь,
Оно рассыплется, как пепел,— слог за слогом,
Но сохранит твоя ладонь
Воспоминая золотистого ожога.

До чего же пленительна ночь!
Разве можно весну переспорить?
Даже волнам сегодня невмочь
В серебристом струиться просторе.

Разбросав зеркала на песке,
Море ловит в утихнувшей бездне
Угасающий там, вдалеке,
Упоительный отблеск созвездий.

И такой голубой холодок
Приникает и ластясь, и нежась,
Будто воздух — не воздух, — цветок,
Излучающий лунную свежесть.

С. Луцкому

Шагает рядом голубая тень,
Вкруг головы росистый нимб мерцает.
В канаву обвалившийся плетень
В репейниках лиловых утопает.

Вот, ласково шурша, навстречу мне
Огромный воз ползет с лохматым сеном,
И облачко в бессмертной вышине
Из тленного становится нетленным,

Вот ласточки серебряная грудь
Чуть не коснулась пыли придорожной...
Подумать только, что когда-нибудь
И я уйду... Нет, это невозможно!

...

Когда лиловеют вершины
И гаснут снега вдалеке,
И вечер по склону долины
Спускается к белой реке,

Когда на высоком откосе,
Как в зеркале, тает закат
И росы на рыжем покосе,
Как звуки, горят и звенят,

Когда на уступе высоком
Сквозь лапы еловых ветвей
Блестит деревеньки далекой
Созвездие зыбких огней, —

Душа поневоле трепещет
И все же не справиться ей
С дыханьем угрюмым и вещим,
С убийственной жизнью своей.

Блаженны все те, кто не знает.
Ты слышишь — кузнечик звенит,
Летучая мышь пролетает
И птица ночная кричит.

Душа проснулась, захотела пить,
Пригубила колодезной и жесткой
Воды молчанья — и рванула нить,
И вот одна на лунном перекрестке.

И улицей в кивающих садах
Сбегает, будто к озеру, на площадь,
Неся в протянутых пустых руках
Воспоминаний бережную ощупь.

Чтоб, совершив предутренний дозор
И обходя неспящих стороною,
Ундиной влиться в заповедный двор,
В кирпичную дорожку под стеною

И там беззвучно плакать, как ветла,
Как будто бы сюда пришла впервые,
Как будто бы впервые поняла,
Что камни в этом городе живые.

...

Когда весь дом причесан и умыт,
Осмысленной напитан тишиною,
И стол рабочий тянет как магнит
Свою сладостною шириною,

Когда лампадки верный огонек
На рушнике у образа поставлен,
И дух светло-насторожен и строг,
И как лампадка бережно заправлен,

И надо эту тишину вбирать,
И карандаш тянуть к себе рывками,
И теплую раскрытую тетрадь
Листать нетерпеливыми руками —

Тогда возьму я ключ, пойду к дверям,
Подальше спрячу душу человека,
И Божьи все дары опять отдам
За двухнедельную бумажку чека.

ВОЛЧЬЕ СЧАСТЬЕ

Намела пурга, залегли снега,
Селекстанция — что кус пирога:
Пухлый ком на крыше — на ставнях лед,
Чуть видна, к колодцу стежка ведет.

Что ни шаг — сугроб, что ни пядь — ухаб,
У колодца днем — следы волчьих лап,
Леденеет в сенцах дежа — бадья.
У меня жена, у тебя семья.

А в конторе — в слезах смоляных стена,
И буржуйка хворостом калена...
Мрачно-красным гудом гудит труба.
У тебя судьба, у меня судьба.

Кучки пепла в ряд на столе лежат.
Эх, сегодня в ночь добивать доклад!
У меня жена, у тебя семья.
Льдинками талыми звенит бадья.

Районной газетой покрыли край стола,
Ты как хозяйшкa на стол собрала...
Ах тюлька, повидло, брусничный чай!
Брусничный чай, из беды выручай.

Волчья горячая гудит беда,
Гудят от метелицы в небе провода...
Красный полыхающий печуркин кут.
Красный полыхающий в глазах лоскут.

Не глядевши, знаю: ты за спиной.
И, не слушав, знаю: ты спишь за стеной.
Волчье солнышко мое, треугольный рот.
Кожухом закутаю — мороз не возьмет...

По стежке от колодца ведро притащу.
Милая — не бойся — не расплещу.
Нет, не оступись, брат, не переступи!
Спи, зеленая моя, молодая, спи.

Утром — трехтонка, и конец снегам.
Так тебя нетронутую — так и сдам.
Разве ты солжешь? Разве я солгу?
Так и будь в святом, в заклином кругу.

Ходики ходят, толкают темноту.
Счастье мое волчье, сушь во рту.
Красный мерцающий тянущий магнит.
Льдинками ломкими заря звенит.

* * *

Масляна в дверях, дружок, так чего нам супиться?
Небо — сковородкой синей, облако — блинком...
Ветер с заречья, просохла мокростулица.
Сядем, моя умница, посидим ладком!

Пиво надо лить, пока кружка пенится,
Водку — пока стопка холодком запотела,
Жить — пока нежится, можется, ленится,
Пока трогаешь милое под током тело.

Тут у нас Масляная — синяя, студеная,
И река наша синяя, и в глазах синё...
Земля переваливается с боку на бок сонная,
Как в теплом наспанном логове зверье.

ЗЕЯ

Город Зея, Зея-пристань, пристань золотая,
От реки на взвоз дорожка поползла крутая.
Церковь белую далеко видно с поворота.
Пароход меж гор проходит, будто бы в ворота.

Город Зея, точно в чашке, окружен горами,
Деревянные домишки тонут меж садами,
Вдоль реки в тенистой роще тянутся аллеи,
Памятна мне эта роща в городишке Зее.

На проталинках ургульки бархатной копною,
А фиалок там душистых тысячи весной.
От багульника букетов горы лиловели
И палы по ним, как змеи, красные горели.

На косе в бутарках люди гальку промывали —
Самородков в этой гальке день-деньской искали.
На реке удили рыбу весело ребята —
Зея, пристань золотая, всем была богата.

Очень часто приезжали в город ротозеи,
Им казалось, что повсюду золото на Зее.
Зея-пристань с городами связана рекою, —
По реке все привозилось летом и зимою.

По дороге оснеженной с ношей шли верблюды,
Увозя потом из Зеи золотые руды.
Возвратиться в город Зею я живу, мечтая,
Всех мне мест она роднее, Зея золотая...

...

Раскидала повсюду взоры я,
В ритме вальса легко скользя.
Вновь в отеле "Вальдорф-Астория"
Уливаюсь весельем я.

Вспоминаю, как в этом зале вы,
Месяц с лишним тому назад,
В моем сердце раздули зарево,
Бросив в душу горящий взгляд.

И с тех пор засияли зорями
Все мои трудовые дни,
И хочу я, чтоб с вами вскоре мы
Снова встретились, но одни.

А теперь же в толпе затерянный
Образ ваш я ищу, как клад,
И кидаю взгляд неуверенный
В строгих фраков неровный ряд.

Я не знаю, сейчас вы в зале ли,
Может быть, вас здесь нет совсем.
Своим светом вы жизнь мне залили,
Заменить вас нельзя никем.

В МЕДНОМ РУДНИКЕ

Азурит, малахит, крайсоколла...
Сколько красочных, ярких пород,
Не найти мозаичнее пола
И синее уступчатый свод.

На стене свет холодный кристаллов
Голубых и зеленых тонов,
А меж ними прожилки металлов —
Смутный блеск незапомненных снов.

С гулким звоном тягуче-печальным
По уступам сбегает вода,
И торжественным пеньем хоральным
Тихо медная вторит руда.

Тени длинные мрачных циклопов
С электрическим глазом во лбу,
Грохот взрывов, лязг кирок из "стопов"
Говорят про труды и борьбу.

Скоро сине-зеленые камни
Превратятся в машину войны;
Битвы грозное эхо пока мне
Лишь приносит тревожные сны.

...

Не под черным плащом, не с косою отточенной,
Не скелетом с улыбкою злой,
Непохожей на образ, веками упроченный,
Я увидела смерть пред собой.

В модном платье, богато украшенном золотом,
И с румянцем на пухлых щеках,
И с цветком в волосах ее пышных приколотом,
Она радость несла, а не страх.

И не холодом смерти, а бодростью, силою
И как будто бы жизнью полна,
Прошептала она мне с улыбкою милою:
"Ты пока мне еще не нужна".

И погладив котенка, ушла за матросами,
Что усталые к морю брели.
А котенок, раздавленный тут же колесами,
Бездыханным остался в пыли.

ЗОЛОТАЯ ДВЕРЬ

В детстве далеко я часто сидела у печки-голландки, Глядя подолгу на жарко горящий огонь и мечтая. Пламя сжигало дрова... Из горячих углей золотая Дверь для меня отворялась в далекие грезные замки.

Мысленно в дверь эту видела я неизвестные страны,
Переживала я сердцем любовь, наслаждение и муки,
Слышала будто бы музыки непревзойденные звуки,
Видела горы, долины, людей, города, океаны...

Все, что любила я в жизни, чего я ждала непрестанно.
В дверь золотую входя, в своих грезах тогда узнавала.
В жизни потом мне пришлось испытать и увидеть немало,
Только не все было так же прекрасно, легко и желанно.

Снова сижу, как тогда, но в чужом, догоревшем
каmine
Нет ни манящих огней, ни дверей золотых, ни
мечтаний...
Тусклую вижу золу — только след от бесплодных
исканий,
Печки-голландки далекой давно не осталось в
поmine.

В СЕЛЕ МИХАЙЛОВСКОМ

Было все одновременно как-то
Радостнее, ближе и теплей —
Домик у Михайловского тракта
На убогой северной земле.
Дважды в месяц приходила почта.
Гости наезжали иногда.
Тяжело писалось, оттого что
Это были трудные года.
Небо слепло предвесенним блеском,
Снег лежал как синеватый пух,
И хотелось, только было не с кем,
Говорить о солнце южных бухт.
И хотелось, только было нечем,
Отплатить за этот странный быт,
Удивляться всем противоречьям
Страшной николаевской судьбы.
И когда предвестником зловещим
В ночь врывался африканский день,
Знал, что возвращаться будет не с чем,
Разве с грустью русских деревень.

СЯДЬ, МОЙ ДРУГ

Сядь, мой друг, и терпеливо слушай,
То, что я хочу тебе сказать.
Наши заблудившиеся души
В этом мире встретились опять.
Стали мы теперь на перепутьи
И не смеем повернуть назад.
Перед нами раскаленной ртутью
Мечется неистовый закат.
Падая все ниже, ниже, ниже —
В светопреставленье, в бездну бед,
Солнце языком кровавым лижет
Огненные раны на себе,
И встает пред нами в атмосфере,
Опираясь на воздушный кряж,
Наше вероломное преддверье
В апокалипсический мираж.
Сядь, мой друг, и слушай терпеливо.
Где слова? И почему их нет?

Я ведь их так страстно и ревниво
Собирал в течение стольких лет.
Судороги кончились заката.
Небосвод давно уже потух.
Все слова, которым нет возврата,
Ты, быть может, мне повторишь вслух,
Медленно мое сгорает тело.
Ты меня обратно не зови
От любви, которой нет предела,
За предел, в котором нет любви.

НЕТ НИЧЕГО ЛЮБВИ ВЕЛИКОЛЕПНЕЙ

Нет ничего любви великолепней.
Любви последней. Выпустим стрелу,
Пронзим глаза друг другу и ослепнем,
И побредем, нащупывая мглу.

Запомни: там, где вход, всегда есть выход,
И там, где смерть, всегда надежда есть,
И вдоль дороги есть скамья, где тихо
И незаметно можно будет сесть,

И отдохнуть, и с мыслями собраться,
Поговорить наедине с собой
И доиграть одну из вариаций
На скрипке жизни с лопнувшей струной.

А впрочем, нет. Нам оставаться не с кем.
Игра бездарна и не стоит свеч.
Потушим свет одним движеньем резким,
Хоть сроку не дано еще истечь.

Таков закон любви потусторонней:
Умчался поезд, скрылся за гудком,
Но кто-то остается на перроне
И машет безнадежности платком.

МОЙ СТАРЫЙ ДРУГ КИХОТ

Мне суждено: уйти, потом вернуться,
Уйти не радуясь, вернуться не скорбя.
Я чуть устал от войн, от революций
И, может быть, от самого себя.

Уйти, от жизни милостыню кланча,
Вернуться, не познав ее щедрот,
Как возвращался рыцарь из Ламанча,
Наивный дон, мой старый друг, Кихот.

ОТТЕПЕЛЬ

Дыханье далекое Гоби
с монгольских струится песков.
Нависшие, серые хлопья
тяжелых, парных облаков.

Как парус натянутый, ветер—
трепещущий и буревой.
И тонок, и строен, и светел,
рог месяца над синевой.

Какая весенняя милость!
Как вечер прекрасен и рос!
Душа, охмелев, притаилась.
Снег падает. Будет мороз.

Но эти минуты до стужи —
родны, и грустны, и близки,
как думы деревьев, как души,
как в девственном лубе — ростки.

Когда-нибудь пышно развесят
деревья плоды, веселясь...
Свети надо мной, полумесяц! —
далекая с предками связь!..

1935. Февраль

АНГАРА

Цветов моей родины благоуханье,
прохлада и свежесть снегов.
Ты — горного озера утром дыханье,
ты — белая птица с него.

Лучистое светится отдохновенье
сквозь зелень раскрывшихся хвой.
Ты — свежего утра сквозь сон дуновенье,
и свет этот утренний — твой.

И краски, и тени, и солнце, и снежный
покров затуманенных гор —
тебе, самой чистой, тебе, самой нежной,
достойный восточный убор.

И если сейчас я в отчаяньи руки
при имени звонком твоём
сжимаю, — я знаю, — сквозь годы разлуки
сквозь грозы — мы будем вдвоём!

Цветов моей родины благоуханье,
прохлада и свежесть снегов,
ты — горного озера утром дыханье,
ты — быстрая птица с него.

1934

ДОРОГА К ДОМУ

Кто там поет? Кто там поет так нежно?
Как о хрусталь звенит вода порой...
Кто синий плат перетянул над бездной,
чей звездный край светлеет над горой?

Это — снега... Овладевает холод.
Мрак и озноб... Темнее часа нет...
Но кто поет? Как голос свеж и молод!
Это — заря. О, милый друг, — рассвет!

Вспыхнули враз — точно огни цветами.
Звезды горят на ледяных цветах.
Светлая твердь, как океан, над нами.
Щебет вокруг — голубокрылых птах.

Это принес мне в жуткий час тревоги —
звездный мой луч — твой голосок, Сибирь.
Мой ветерок, мой ветер синеокий,
горных дорог веселый поводырь!

1935

ДУША ЗВЕЗДЫ

Как трудно жить, как верить упоительно!
Мечтаю я, следя движенье звезд, —
все о тебе, веселой и стремительной,
о самой восхитительной из грез.

О том еще, что есть во мне хорошего,
что от тебя, что — музе и судьбе,
и что тобой моя тетрадь заложена
на тех стихах, которые — тебе.

И что земля — от юга и до севера —
моя земля — любима и тобой,
и запах хвой, ночных костров и клевера,
и трепет их, и рост их буйный — твой.

Что твой поклон разбитой и униженной
часовенке станичной на яру —
несу к себе в скитальческую хижину,
чтоб сохранить, покамест не умру.

А умирая, попрошу немного —
взглянуть в глаза твои перед концом,
чтоб было черное медвежье логово
не смертным мне, а сказочным дворцом...

И скажут все: как дивно упоительно
жил на земле, где из огня и слез
родился свет его любви стремительной
к одной душе — прекраснейшей из звезд.

ГУДОК

Бывает: поезда гудок,
Ночной услышанный порою,
Родной, ленивый городок
Воспоминанию откроет.

Кирпичный старенький вокзал,
Кругом рябины да березы.
Собака силится слизать
С хвоста репейные занозы.

Вокзальный садик, круглый пруд,
Мостки, грозящие бедою,
Две ивы грустно ветви гнут,
Склоняясь над самою водою.

Ползет вагонная змея,
Шипя на колокол осипший,
И бабы босые, смеясь,
Счищают с ног навоз налипший.

А дальше крыши меж садов,
Дорога грязная, в ухабах,
Плетутся ждущие родов,
Пузатые все те же бабы.

В канаве сизая свинья.
Казармы, изгородь, часовня.
Реклама "шустовский коньяк"
Огнисто-желтая на бревнах.

Лавчонки. Пьяному зудит
Затылок, бок и спину сразу.
И телеграфный столб гудит
Свои таинственные сказы.

Убогий, закоснелый быт
Под небом скучным и дождливым —
Я не могу тебя забыть,
Как берег не забыть отливу.

...

Вспоминаю покров глазетовый
И суровый покой зимы,
На легчайший узор минаретовый
Засмотрясь из каютной тьмы.

Ликованье томит восточное
И крикливей мазков на ртах
На дворцах кружева цветочные
И дворцов кружева в цветах.

А объятые сном квадратики
Раскаленных на солнце крыш
С мавзолеем нетленной Аттики
Чудом Айя-Софии — тишь.

Знойным небом море расплавлено.
Чуть журчит о борта волна,
Зеленее амфор муравленных
И синее цветенья льна.

У оконца каюты круглого
Я — жаднее глазка тюрьмы.
Половина жизни обуглена,
А вторая — черней сурьмы.

ЗАКАТ

Багровых туч гряды остановились.
Их пухлые застыли тела
Купчихами, что в бане мылись,
И разлеглись устало в небесах.

Косое солнце топит жар, лучами
Последними ложась за синий лес.
Лебяжьими слепя плечами,
Пьет негу сонм молодок и невест.

Роскошное, голодное бесстыдство.
О, рдеющий в истоме небосклон:
В нем тела увяданье мнится,
Последний пыл, что исторгает стон.

...

Из невыносимого далёка
Голос твой мне иногда звучит,
Озаряя душу как сполохи
В ледяной арктической ночи.

Это несказанное сиянье
Я не знаю — радость или боль:
Холод, безнадежность, ожиданье,
Разума жестокость и... любовь.

И на самом, самом дне печали
Еле вижу твоего лица
Облик смутный, вечный, изначальный,
Что со мной пребудет до конца.

СКАЗКА

У людской дороги, в темный прах и ил,
Сеятель безмолвный тайну заронил...

И вскрываясь в яви, как светает мгла,
Острый листик к свету травка вознесла...

Вот и длились зори, дни и дни текли,
И тянулся стройно стебель от земли...

И на нем, как жертва, к солнцу был воздет
В час лазурной шири малый алый цвет...

Так и разрешилась в пурпуре цветка,
Все немотство праха, дольная тоска...

И была лишь слава миру и весне —
Вот что скрыто, братья, в маковом зерне!

...

Дышат бездной сумерки и зори.
Две ответных тайны, ночь и день,
В том немом и благостном просторе,
Где земля — лишь малая ступень!..

Для истомной сладости ль, для бед ли
Ты пришло во прах земных степей,
Сердце, здесь, в пыланье дня, помедли
И полночной горечи испей!

ЧАСЫ С КУКУШКОЙ

Ты все ходишь, маятник железный,
То с суровой кротостью, то гневно —
Над сокрытой вековечной бездной,
Над земной былинкой однодневной...

Вот кукушка, раскрывая дверцу
В мир, прядущий смертный страх и веру,
Возвещает трепетному сердцу
В круге жизни приговор и меру...

От удела скудости — к избытку,
От расцвета — в прах и снова к цвету —
Ты влечешь на пиршество и пытку
По укладу жизни и обету...

От свободы — к плачу доли пленной —
Так! Аминь цветам земли и горю —
В них я тайной благодати вселенной
Песней сердца, песней Духа вторю...

В ЧЕРНОМ

На деревне, далеко, прерывный напев петухов.
Скоро будет к заутрени благовест литься тягучий.
Я устал размышлять о сплетенье лучей и грехов.
Как ни есть, я таков. Я в неслышащем мраке певучий.

Помолиться хотел. Я не знаю молитв никаких.
Отче Наш. Богородица. Детская. Светы лампадки.
А откуда же посвисты вражьи набегов лихих?
Будет детям в беде только Мачеха строить загадки.

Загадает, как можно волков накормить, сохранив
Серебристых ягнят. Как построить твердыню из праха.
Как поднять золотые колосья растоптанных нив.
Как убийство убить, не коснувшись всеокого страха.

Я горю и не сплю. Неоглядна бездонная ночь.
Колокольная медь задрожала растущей силой.
Всескорбящая Мать, или ты мне не можешь помочь?
Дай увидеть твой взгляд, и в мгновениях черных
помилуй.

9 сентября [1921]

ЦВЕТНАЯ ТРОПА

Жужжанье мухи, в знойный час, в июле,
Коснулось тайн, как звонкая струна.
Уток мечты, цветная пелена,
Ведет туда, где дали потонули.

Первичность дней, в их красочном разгуле.
Колодец снов весь просветлел до дна.
Там мать, отец, там жизнь, там брат, жена.
Там дочь, там все, как звуки в дальнем гуле.

Я медленно иду в тени аллей.
Мне иволга поет о царстве сада.
Молебен ликов каждый миг светлей.

Глубинному душа извечно рада.
Дрема поет, что больше жить не надо.
Раскрылась Вечность. Даль зовет. Я в ней.

Вселяющей душою ввергаюсь я в смущенье:
Я не пастух народов, и я не пастырь стад.
Лишь одного хочу я — всемирного цветенья,
Люблю я только пенье, весну и мир как сад.
Сосна влюбилась в Солнце, а ель желает тени,
Среди корней деревьев — захват, мятеж, метель.
Мне любы все растенья, расцветы всех цветений,
Но как же певчей птице мирить сосну и ель?
Я с Солнцем и с Луною — в цветке и в птичьем кличе,
Весной раскрыт весь воздух превыше облаков.
Превыше войн и распрей, превыше всех различий,
У каждого есть сердце, и в каждом сердце зов.
Я знаю, — в том, что молвил, есть высшие соблазны,
И в каждом нежном слове есть тонкость лезвия.
Но дайте звонкой песне, — вы все, что сердцем
разны, —
Восславить Перемирье — хоть в миге бытия!

ДРЕМОТА

Задремал мой единственный сад,
Он не шепчет под снегом густым.
Только вьюга вперед и назад
Здесь ведет снегодышащий дым.
 Ты куда же стремишься, метель?
 Зачинаешь, чтоб вечно кончать.
 Ты для ткани какой же кудель
 Раскрутила — скрутила — опять?
Я по дому один прохожу,
Все предметы стоят в забытии.
От бессмертных полей на межу
Смотрят в прошлое мысли мои.
 Высоко — далеко — небосинь,
 Широко — широчайший простор.
 Занавеску в душе отодвинь,
 Рассвети мыслевнутренний взор.
Ты не сделал с собой ничего, —
Что бы сердцем не сделал опять.
Отчего же кругом так мертво
И на всем снеговая печать?
 Только дымно мерцает свеча,
 Содвигая дрожащую тень.
 Только знаю, что жизнь горяча
 И что в Вечность проходишь ступень.

Отчего же, весь снежный, мороз
Наковал многольдянность преград?
Нет ответа на жгучий вопрос.
Задремал мой таинственный сад.

ЗАДЫМЛЕННЫЕ ДАЛИ

Я люблю задымленные дали.
Предрассветность, дремлющую тишь.
Озерки, как бы из синей стали,
Ширь и даль, куда ни поглядишь.

Лип высоких ветви вырезные,
Четкие в лазури золотой,
Сети трав, утонченно-сквозные,
Солнца шар, из золота литой.

Я люблю крутые косогоры
В чашечках раскрывшихся цветов,
Свет их цвета, голубые взоры,
Мед их пить душой всегда готов.

Я люблю безмолвное качанье
Цветика к другому, рядом с ним,
Заревое сонное звучанье,
Звук, плывущий тихо за другим.

Эти накопленье, переборы,
Переплески восходящих сил,
Дышат опрокинутые горы,
Слышат хары вышних звезд-кадил.

Непрерывна творческая пряжа,
Все творят, во сне и наяву,
Червячок, и он, зеленый, даже
Хочет зеленить собой траву.

Многоскатно всюду, многопольно,
Многоцвет сапфиров, жемчугов,
Серебро реки всплеснулось вольно,
Волны шепчут сказку берегов.

Я шепчу вослед благословенью,
Чувствую, как силы возросли,
Как, испив рассветное мгновенье,
Дали, дрогнув, манят быть вдали.

1936. 21 ноября

ЛУНА

Поэма

Когда цветут абрикосы
И небо, как фарфор, —
Вспоминаю черные косы
И черный лукавый взор.
Вспоминаю цветы магнолий,
Самую странную любовь
Из противоречий и боли
Девушки из Нин-по.

Над старым крылатым домом
Медью взошла луна;
Легла золотым изломом
Бороздою в пруду вода.
На дальнем дворе прислуга
Играет, стуча, в маджан;
В беседке жду я друга —
Прислужницу госпожи Цзян.

Соседа хрустальная скрипка
Поет о моей луне,
И качается, словно зыбка,
Задремавший сампан на воде.
Заскрипела слегка дорожка,
Блеснул на луче халат;
Перебирают пугливые ножки
Пятна лунных заплат.

В полумрак протянула руки,
Вздохнула, меня узнав;
Сколько любовной муки
Бросила, недосказав:
"Хозяйка... нельзя... узнает...
Выгонит со двора!.."
Луна, восходя, сияет
И кружится голова

От цветочного аромата,
От близости, от любви,
От шелка ее халата
И ласковости руки.
Прижавшись ко мне устало,
Забыв о хозяйке злой,

Лепечет: "Тебя желала...
Непонятно, зачем с тобой?.."

Тушью черной кладет узоры
Лунный свет на полу.
Любовь китаянки — горы,
Когда горы весной цветут
Абрикосами, миндалями,
Жасмином, дыханием трав,
Смолистыми тополями —
Нежнейшими из отрав...

И такой вот, косой, черноглазой,
Не забыть мне любви вовек;
На старинной китайской вазе
Повторенных рисунков нет.
И когда над Китаем весны
Шелестят, пролетая, крылом,
Вспоминаю косматые сосны,
Обступившие черный дом.

Шанхай, 1931

Каждый миг несет с собою чудо!
Жду его, по улице идя...
Кто тебя послал мне и откуда,
Капелька вчерашнего дождя?

Где вчера ты спряталась от ветра?
Как тебя не сдуло на песок?
Как тебя не выпил до рассвета
Насмерть перепуганный жучок?

Под каким листком пересидела,
Терпеливо дожидаясь дня?
Но одна ты за ночь уцелела,
Сохранилась чудом для меня,

Чтоб сегодня, этим утром ярким,
Просияв алмазом средь ветвей,
Быть мне первым ласковым подарком,
Поцелуем на щеке моей.

ЗЕРКАЛА

Трепетали в окнах занавески,
И в саду акация цвела...
Колдовали в нестерпимом блеске,
Отражая юность, зеркала.

То покажут локон непослушный,
То глаза мне синевой зальют...
Только в доме молодости душно,
За стеною все дороги ждут.

Понеслась по суше и по морю
Жизнь моя покорней и быстрее.
Было все: разлуки, смерть и горе,
Было счастье солнца горячей.

Шли года. Вечерним теплым светом
Полон дом, в котором я жила.
Только странно мне, что в доме этом
Постарели зеркала...

Есть в каждом сердце
скрытая струна...

К. Паустовский

Сегодня так отрадна тишина.
(Лишь мелкий дождь чуть шелестит по крыше.)
"Есть в каждом сердце скрытая струна".
В такую ночь ее мы лучше слышим.

В такую ночь она издалека
Звенит ясней и нежно и печально,
И словно чья-то теплая рука
Моей души касается нечаянно.

Сметает пыль моих дневных забот,
Смягчает гнет обид и огорчений,
И что-то светлое со дна души встает,
И забываю о тоске осенней.

Я верю: радость мне еще дана.
И рой надежд взлетает выше, выше...
"Есть в каждом сердце скрытая струна"...
Прислушайся! Быть может, ты услышишь.

* * *

Нет, я не вернусь умирать домой,
Туда, где увидела свет.
Там все незнакомо. И город — чужой,
И близких давно в нем нет.

И я не вернусь умирать туда,
Где гор нетронутый снег,
Где летом быстрой речки вода
Смывала с камней мой след.

И в тихий город, где юных дней
Умчалась вдаль череда,
Где я столкнулась с Музой моей,
Нет, я не вернусь и туда.

Так где же, где застанет меня
(О, кто предсказать бы мог?)
Прощальный свет последнего дня
И ветра прощальный вздох?

Где улетит душа из тепла
Навстречу иному лучу?
...Но щедрой такую судьба была,
Что я и смерть ей прощу.

И прозвучало вдруг: "Восстань!"
И всколыхнулся сумрак зыбкий,
И Кто-то сжал мою гортань,
Как музыкант сжимает скрипку,

И заскользили по струне
Вдруг чьи-то трепетные пальцы, —
И я запел, и стали мне
Близки все робкие скитальцы,

Все приведенные судьбой
Дрожать и млеть в тисках у Духа,
И петь, и чуют над собой
Творца внимающее ухо.

БЛАГОВЕСТ

Звон — сон многоблагодатный,
Боговдохновенный звон — песнь!
Взмахи крыльев уху вняты.
Как невероятно! — Он здесь!..

Взмах. Взлет! Все преобразилось,
Преосуществилось: Сон, явь!
О, воспой Господню милость!
Полуоглушенный, звон славь!

...

Ветер гуляет по миру,
Кружится ветер вокруг,
Ветер безродный и сирий,
Горестный ветер разлук...

Ветер, вздымающий волны,
Ветер, взвивающий прах,
Ветер, томления полный,
С вестью о дальних мирах...

Ветер, внимающий жадно
Песням мирской суеты,
Ветер, как ты, безотрадный,
Ветер, бездомный, как ты...

АМАРИЛИС

Все продлилось лишь миг, но тот миг был как
вечность безмерный.
Озарилась вся даль, и Нева, и на ней корабли,
Озарились дворцы, озарились морские таверны,
И качался фрегат, четкой фреской синевы вдали.

Мы смотрели в окно, что раскинулось вольной дугою...
Перед нами пылал как оранжевый призрак закат,
Он играл облаками, лучами, червонной рекою,
Чистым золотом волн, и качался на волнах фрегат.

Мы смотрели в окно. Под пылающим облаком рея,
Словно снежные хлопья сверкали крыла голубей.
Как на тонкой гравюре резьбой обозначились реи,
И качался фрегат на лазоревом лоне зыбей.

Все продлилось лишь миг. Но все тайны в тот миг
озарились,
Все изгибы, все складки, вся скрытая прелесть земли.
Озарилась и ты, озарилась и ты, Амарилис!
И качался фрегат, и синели за ним корабли.

СПАСЕНИЕ

Удар. Толчок. И, охнув, рухнул дом,
Что целый час играл со смертью в жмурки.
И осыпаться стала штукатурка.
И заходил весь погреб ходуном.

Уже вода откуда-то сочится.
В ноздрях и в горле известковый прах.
Как призрачны при свете свечи лица!
Как нечеты — их отсветы в зрачках.

Над головой еще грохочет битва,
А под ногами чавкает вода.
В устах твоих чуть теплится молитва.
Скорей бежать. Спасаться! Но куда?

Подземный ход нас встретил рыжим дымом.
Ползем вперед, как вьючные мулы,
Сквозь гарь и чад из пасти жадной мглы,
В стремленье жить ничем неистребимом.

Багряный вихрь. И вновь над нами твердь.
Среди тюков в толпе стоим мы трое.
Как зверь ощерясь, отступает смерть.
И зарево нам кажется зарею.

Прекрасное слово — гордость!
Как горных раскатов звук,
Как стали каленой твердость,
Как смелых сплетенье рук.

Но гордость — только подножье
Иному слову, и несть
Надежней, светлей и тверже
Короткого слова — честь.

1937

Розовеет заря, зеленеет плетень,
И весна распускает намокшие пряди.
Вот уже гроыхало сквозь ливень весь день,
Вот уже повилика ползет по ограде.

Босоногое счастье мое у межи,
Босоногое счастье мое не согрето.
Босоножка весна... Но она добежит
До горячего, горького, сонного лета.

И когда, в знойный полдень, кривая сосна
Благовонными каплями брызнет сквозь поры,
Ты внезапно поймешь: миновала весна,
И с горячею нежностью сердце повторит.

Первых ливней разлив, зелень первой листвы,
Вдоль плетня повилики побеги крутые...
Беспричинные слезы, и радость, и ты,
Опаленное сердце любовью впервые...

1940

Иногда, просыпаясь, забудешь совсем, что война;
Удивленные очи слепят еще сонные грезы...
Иногда, просыпаясь, вдруг кажется: эта страна
На иные суровые страны ни в чем не похожа.

Может быть, на окне ледяные застыли цветы,
А другие, живые, мешают с рождественской елью
Теплый запах и краски; ребенок смеется, и ты
Предаешься на миг беспричинно, как в детстве,
веселью.

И поешь, и смеешься: грядущее снова встает
Словно утром залитые розовым солнцем вершины.
Иногда, забывая, еще и теперь запоем
Уязвленное сердце и верит на миг, на единый.

1944

Памяти Э. Н. Гиппиус

Я десять лет не открывала старой
Коробки с письмами ее. Сегодня
Я крышку подняла. Рукою тонкой
Вот эти бледные листы она
Когда-то исписала мне на радость.
Там бабочка случайная дремала,
Среди стихов, среди забытых слов,
Быть может, пять, быть может, десять лет...
И вдруг, раскрыв оранжевые крылья
(Напомнив рыжеватость *тех* волос),
Она из тьмы ушедших лет вспорхнула
И в солнце унеслась через окно,
В лучистый день, в лазурное сегодня,
Как будто камень отвалила я
У входа в гроб давно глубоко спящей.

1950

Ребенок маленький лепечет
О том, что больше Бога нет,
И люди говорят при встрече:
— Кто выдать мог ему секрет?

Секрет прополз в воображение,
Секрет прокрался в сладкий сон,
Оттуда не исчезнет он,
От сна не будет пробуждения.

К чему кощунственный намек?
Храните лучше тайны ваши!
Ведь от Моления о Чаше
Еще остался черепок.

Кассир спросил: Туда и обратно?
— Только туда. В путь безвозвратный.
Не возвращаются никогда
Туда, откуда гонит беда.
Кассир удивлен: умрет, где родился.
Над ним возлюбленный смерч не носился,
Над ним не сверкала наша гроза
И только мимо шли поезда.

Прощай, кассир! Спасибо за дело,
За дальний билет, за звонкую мелочь,
За обещанье счастливых дней
И за мерцанье вокзальных огней.
Кажется, это когда-то уж было:
Дама сказала, что зонтик забыла,
Рвался ребенок из чьих-то рук
И приближался к окошку друг:
— Хотела бы ты вернуться обратно?
Куда? Мне некуда. Всё — безвозвратно.
И только в памяти свист голосов:
Адресов, адресов, адресов, адресов.

ОТРЫВОК

Часы в столовой к ночи стали,
И гости выпили вино.
Он говорил, а мы молчали
И смирно слушали его.

Он говорил, что плох Шекспир,
Что скучны Баха бормотанья,
Что жаждет оглушенный мир
Четырехстопного молчанья.

Он был по-своему поэт,
И новой зры возникало
Неотвратимое начало
На тысячу иль больше лет.

1956

Ни о вазе. Ни о розе в вазе:
Запретили. Нельзя!
Постановили единогласно,
И я сама голосовала "за".

А что ж о черепках? Забыли?
Разбили вазу,
Цветок сломали,
А черепок?
О нем-то есть постановление?
— Конечно, запретили тоже,
И я сама голосовала "за".
(Читатель, я тогда моложе...)

Как жаль! А то по черепку восстановить бы вазу.
А там, глядишь, в горшке знакомом
Репейник бы зацвел опять, —
Наперекор, читатель, и тому
И этому. Наперекор всему,
Наперекор голосованью моему
И тем, кто любит запрещать.

Что делать нам с запретным сим репьем?
Куда его? Куда прикажете девать
Посудину? Опять разбить? Зарыть?
Закинуть за три моря?
(Морей у нас кругом не перечесать.)

— Забыть об этом безобразии!

Но кто-то есть, кто ждет осколок:
Он по нему восстановит
Меня, —
Наперекор всему,
Наперекор желанью моему,
Наперекор и вашим, и моим голосованьям.

ДУГА

Конь златогривый бывало летал по дорогам, как
молния.
На темно-синей дуге алые розы цвели.

Сердце Раскатова Тихона пело от мира и радости,
Сказкой казалась жизнь в сельской зеленой тиши.

Вихрь налетел разорительный в села неожиданно,
негаданно,
Рухнуло то, что века крепкой стояло стеной.

Умерли песни, надежды, остались лишь
воспоминания,
Боль о недавнем былом, распятом вдруг сатаной.

Отняли бесы у Тихона все, а коня златогривого
Взял председатель себе — гордость свою услаждать.

Выгнали из дому Тихона в тесную ветхую мазанку,
С риском и страхом мужик как-то припрятал дугу.

На чердаке покосившемся веники пахнут березою,
Корни и травы в пучках густо висят по шестам.

С ранней весны и до осени трудится Тихон на пáсеке,
Любит начальство медком душу свою ублажать.

Слава Всепетой Заступнице: в ссылку семью не
отправили,
А что ограбили, что ж, — Иов не то претерпел.

Травы и пчелы — две радости, все, что под
старость осталось,
Лечит недуги пчеляк, сдоблив молитвой настой.

Белоголовник, ромашка, плакун, зверобой,
подорожник,
Мята, эфедра, полынь, ландыш, подсолнечный
цвет, —

Не перечесть исцеляющих, Божьих, бесплатных
снадобий;
Лесенка узкая — путь с пола на ветхий чердак.

Там, в уголке, между травами — память о жизни
растерзанной,
Пылью покрыта дуга, светятся розы сквозь пыль.

— Младость моя, молодецкая, радости сердца
бывалые, —
Хочется песню запеть на чердаке старику,

Песню, рожденную мукою, в слезной купели
крещенную.
Слезы текут на дугу, розы свежают от слез.

Доля крестьянина русского, иль ты навеки загублена,
Скована цепью стальной, замкнута крепким замком?

Конь златогривый заезжен, замучен людьми
нерадивыми,
Если б не Тихон, и пчел не было б в сельских лугах.

Господи, много грешили мы словом, делами и
мыслями,
Грех наш оплачен сполна кровью, слезами, тюрьмой.

Милая сердцу дуга, темно-синяя, с алыми розами,
На чердаке, между трав, жизни приснившейся — друг!

1949

КЛУБОЧЕК ЖИЗНИ

В хороший день — хорошие слова.
Душа поет, не плача, не стаяя.
Перед глазами — неба синева
И живописность вечная земная.

Вдали стеной лиловые леса,
Вблизи луга и мотыльков порханье,
И облаков спешащих паруса.
Как в дни разлук платков и рук маханье.

Всю красоту и неба и земли
Не раз творцы великие воспели.
Мне хочется, чтоб в строчках расцвели
Все краски мира, все земные трели.

Как это сделать, Боже, подскажи,
Ведь Ты — Художник: нет таких на свете!
Что лучше синих васильков во ржи
И музыкальных птичьих междометий?

Я удивлен Твоею добротой
И щедростью, которой нет предела.
Мне жизни крикнуть хочется: "Постой!"
А жизнь летит, как до сих пор летела.

Остановить ее ничем нельзя,
Бесплодны все усилья и попытки.
Но пусть земная краткая стезя
Подобна будет золоченой нитке.

Та нить давно протянута к Творцу —
По рвам, горам, путям и бездорожьям...
Клубочек жизни катится к концу —
К той цели, что зовется Царством Божиим.

1963

МЕНЬШЕЕ ЗЛО

Святой Антоний льнул душой к святыне,
Упорством он боролся с сатаной
В безлюдной и безжизненной пустыне,
Где изнуляли и песок и зной.

И одержав не малые победы,
Он к людям шел бороться со грехом,
Но на него обрушивались беды,
И сатана казался меньшим злом.

К пескам, колючкам, возвращаясь снова,
Он отдыхал душой и телом там
От яда человеческого слова
И от грехов, бегущих по пятам.

1973

СВЕТАЩИЙСЯ ЦИФЕРБЛАТ

I

Темнеет комната, но нет, не страх,
Я не боюсь неведомой мне страсти,
Пусть полыхают на твоих часах
Созвездия любви, тоски и счастья.

Окружены мерцающей чертой
Две стрелки вместе только миг единый,
И снова, огибая круг старинный,
Минутная стремится к часовой.

Ты не сумел часы остановить,
Не любо мне жестокое вращенье,
Но маленьких детей недоуменье
Перед часами можно ли забыть?

II

Бессонница, но это не впервые —
Мерцанье стрелок, колесо минут.
О, как всегда не дремлют рулевые,
Воспоминая грузные плывут,

Нет гавани, нет бухты благосклонной,
Где к берегам могли б они пристать,
Под небом юга, среди глади сонной,
Морской травой тихо обрастать.

Корабль мертвых, капитан бездомный,
Вам странствия проклятые даны,
И вы в ночи, в ее волнах огромных,
Покачиваясь, плыть осуждены.

Ночь за оградой сада залегла.
Пока свеча горела, трепетали
На абажуре бледные крыла
И вышитые бабочки летали.
Но догорает дачная свеча.
Последний взлет... любимый дикий воздух.
Пошла заря телегами стучать
И деловито потушила звезды.
Мне бабочек недолетевших жаль,
На абажуре тонком распростертых.
Рисунок бледный. Ремесла печаль,
Пока огонь не воскресит из мертвых.

РУСЬ

Вот Русь моя: в углу, киотом,
Две полки в книгах — вот и Русь.
Склонясь к знакомым переплетам,
Я каждый день на них молюсь.

Рублевый Пушкин; томик Блока;
Все спутники минувших дней —
Средь них не так мне одиноко
В стране чужих моих друзей.

Над ними — скромно, как лампада,
Гравюра старого Кремля,
Да ветвь из киевского сада —
Вот Русь моя.

Варна, 1921

Проскользнул в каморку лучик,
И молитву я твержу.
У меня в шкатулке ключик,
А откуда — не скажу.

У меня душа и тело —
Для своих, и для чужих,
И кому какое дело
До шкатулок потайных.

Может быть, я где-то прячу
Много камушков цветных,
Может быть, я наудачу
Выну горсточку из них —

Разложу на много кучек,
Посмотрю, и заключу...
У меня в каморке лучик —
Это все, что я хочу.

1935

Простою речью ничего не скажешь,
Стихами можно многое сказать,
Но всех узлов и взглядом не развяжешь,
Но всех глубин и мыслью не объять.

Когда любимой в ночь самозабвенья
Гляжу в глаза с последней наготой —
Нет, и тогда не все спадают звенья
С оков души, молчальницы святой.

И даже в час, когда в полях бескрайных
Мелькает Смерть и манит — и тогда
Намеки неких тайн необычайных
С собою мы уносим навсегда.

1935

ШВАРЦ

В соседних кельях слышен только шорох
Мышей в углах и ангеловых крыл,
И братьев дух молитвенно уныл,
Но я набрал иных мечтаний ворох.

В моих ретортах, колбах и приборах,
Соблазну колдовства предав свой пыл,
Я порошок таинственный открыл,
Которому вы имя дали: порох.

И, вслед за мной, другие воскресят
Тысячекрат мой опыт Прометеев,
Пока, бесовским пламенем объят,
Не рухнет мир ханжей и добродеев.

И там, на небесах, поймут тогда,
Что в людях меньше проку, чем вреда.

1950

Пахнет в воздухе гвоздикой
И левкоем,
Пахнет вечером зеленым
И травой,
И мечтой в тиши великой,
И покоем,
Пахнет дымом отдаленным
И весной.
И прохладой с цепи снежной,
Где высоко
С каждым мигом гаснет лампа,
Как костер,
Словно кто-то тихий, нежный
Издавека
Крылья мягкие над нами
Распростер.

Мчались по мосту, словно ракеты во тьме, поезда.
И гудел далеко в тишине потревоженный мост,
И горел семафор у пути, и мигал, как звезда,
И в безмолвной реке отражался одною из звезд.

И рассказ поездов, пролетавших из дальней страны,
Долго дымом висел над покоем равнины немой,
И в дома проникал, облекаясь в прозрачные сны,
И шептал, и томил, и куда-то манил за собой.

Мирный ресторанчик
На краю дороги,
Вьется на пороге
Гибкий виноград,
Мак и одуванчик
Жмутся у фонтана,
Клены и платаны,
Темный, свежий сад.
Милый друг прохожий,
Посиди немного,
Далека дорога,
И пылет день, —
Здесь, по воле Божьей,
В полумраке сада
Легкая прохлада,
Тишина и тень.

Замер вечер над долиной,
Тень в саду легла темно
И дрожащей паутиной
Занавесила окно.

И кругом на смену света
Замерцали огоньки,
И шарманка пела где-то
В синей дымке у реки.

И расцвеченные перья
Плыли по небу легко,
И тянулся мир за дверью
Бесконечно далеко.

* * *

Двери, раскрытые в сад,
Пахнет весенним дождем,
Капли о землю стучат,
Мы на крыльце подождем.

Бьется пчела об окно,
Где-то вдали перезвон,
Все, как когда-то давно,
В весны ушедших времен.

Все — и тепло, и сирень,
И камыши над прудом,
И угасающий день,
И замирающий гром.

* * *

Приходи сюда почаще,
Мой печальный друг,
Здесь лучи скользят по чаще,
Здесь зеленый луг,
Здесь простор, и ветер в поле,
Небо и покой,
Приходи сюда на воле
Отдохнуть душой,
И в тиши с людской судьбою
Сердцем примиришь,
Поднимаясь над собою
В голубую высь.

* * *

Она ушла от нас неожиданно,
Как летним вечером звезда,
И как-то верить было странно,
Что так уходят навсегда.

И мы стояли в тихом храме
Без умиленной тоски,
Как будто в жизни перед нами
Пути прозрачны и легки.

И яркий луч влетал поспешно
Сквозь расцвеченное окно,
Казалось, здесь ничто не грешно,
И все для радости дано.

И были светлые мечтанья
Правдоподобно хороши,
И мы молились без вниманья
За упокой ее души.

Всякому в мире свое дано.
Всякому в мире — свой удел:
Камень зарылся в морское дно,
Сизый орел высоко взлетел.

А я не орел и не камень я,
Течет и проходит жизнь моя,
Пустой ручей, а мой дух ничей,
И брошен он Богом в царство лучей.

Принесла случайная молва
Милые, ненужные слова:
Летний сад, Фонтанка и Нева.

Вы, слова залетные, куда?
Здесь шумят чужие города
И чужая плещется вода.

Вас не взять, не спрятать, не прогнать.
Надо жить — не надо вспоминать,
Чтобы больно не было опять.

Не идти ведь по снегу к реке,
Пряча щеки в пензенском платке,
Рукавица в маминой руке.

Это было, было и прошло.
Что прошло, то вьюгой замело.
Оттого так пусто и светло.

Помнишь: отец, бывало,
Долго стоял молясь —
Белое покрывало,
Черная бахрома.
Солнце в окно блистало,
Радуюсь и дивясь, —
Нам ли теперь пристала
Торной дороги грязь!

...

Странно, что здесь Париж.
Что мне в названии новом?
Грозная крепнет тишь
В сердце моем свинцовом,

Будто сейчас прорвет
Дымные эти своды
Ангелокрылый взлет
Вещей моей свободы.

1934

...

Налетает ветер длиннокрылый,
Заметает по дорогам след,
Чтоб не помнить нам того, что было,
Не искать, чего уж больше нет;

И струится небо голубое,
Острова седые унося,
Чтоб нам жить в безоблачном покое,
Ни о чем у Бога не прося.

Ну а сердце, сердце не умеет,
Неуклонно темное зовет.
Для него напрасно ветер веет,
Истекает солнцем небосвод.
Ничего оно не понимает,
Об одном твердит который год.

1931

...

Небо благостное и жарок
Запах трав и деревьев сонных,
Небо праведное — подарок
Для усталых и огорченных,

Свод торжественный, купол полный
Птичьим щебетом, Божьим звоном,
И горячего ветра волны
По кудрявым сбегая склонам

До реки, до травы высокой,
Незабудковой, бирюзовой,
Где над девочкой синеокой
Смерть насыпала холмик новый.

...

Полная чаша света,
Как изумруд весна,
Право, долина эта
Радостной быть должна.

Гор несуровых главы
Теплый туман облек,
Среди травы кудрявой
Чистый бежит поток.

Тихо кругом и сонно,
Что же который раз
Сердце неугомонно
Страшный твердит рассказ.

Страшный, неумолимый,
Неодолимый бред,
Что все прошло уже мимо,
Что ничего уже нет.

О летней ночи — в метель,
О белом доме — в изгнании,
В пустую ложась постель
О нежном пальцев касании.

Мы ткали чудные сны
Из нитей цветочных, шелка,
Под знаком каждой луны,
Вдали от шума и толка.

И сколько светлых химер
С расцвеченными крылами
Мелькнуло, неся размер
В любимое смутно нами!

И стало с тех пор ясней:
Невиданные приметы —
Над мороком скучных дней
Зажглись огромные светы!

...

День пчелою прожужжит,
В вечность канет. И опять
Мерно ночь в окно стучит.
— Приголубить? Приласкать?
Свет в лампаде погасить,
В темь ночную погрузить
Душу сонную? — Легко
И привольно будет ей
В звездном сумраке аллей
Раскидаться широко.
Стынет ночь темным-темна.
Ни просвета. Ни звезды.
И, взыгравшая, одна,
Кинув горные сады,
Вся в алмазах, хороша
Окрыленная душа.

...

Жили мы высокими мечтами,
Ныне славой малых мест живем,
В простоте беседуем с богами
И огонь домашний бережем.

Только мудрость этой жизни малой
Дорогой купили мы ценой —

Веснами на родине усталой
И не первой вьюжною зимой.

И покой наш не всегда надежный,
Часто память раны бережит.
Выносливей сердца — глыбы снежной —
Петербургский розовый гранит.

...

Когда внимая вою бури
Перед завешанным окном,
От света внутреннего жмуря
Глаза, ослепшие давно,

Ты скажешь мигу — он прекрасен,
И времени — "остановись", —
Гляди, в пролеты черных башен
Лебяжьи стаи пронеслись,

В неведомое протяженье
Нездешняя раздалась даль,
Где не покой, и не движение,
И не любовь, и не печаль,

Но будто в выпретенное пламя
Уходят, пасынки земли,
Недвижные под парусами
Невиданные корабли.

.....

То ветер, бушуя на просторе,
Перед рассветом изнемог,
Тьму опоясал в вечном споре
Румяной лентою восток.

...

Умчало, пусть — о тщетной крик погони —
Дней юности блистательный разгул, —
Не заглушат высокий строй гармонии
Вой муз и беспощадный — в окна гул.

И мимо все прошло. И стал мне слаще
Сладчайших всех и благодатных музык
Ваш голос, про земное говорящий, —
Ваш золотой, ваш ангельский язык!

Чернее тьмы, зари яснее Божьей
И громче возвещаемых побед
Вдоль пустырей земного бездорожья
Земной любви неизгладимый след.

ВЕНЕРА

Слушай! Непорочная Венера
Мне сегодня снилась поутру,
Проплывала сонная галера
На изнемогающем ветру.
И волна плескалась, набегая,
Был простор неведом и высок,
И богиня — девочка нагая
Падала на золотой песок!
И сейчас я перестал бояться
Голосов задумчивой земли,
Как никто я научен смеяться,
Страстью оснащая корабли.
Долгий жар той крохотной ладони —
Памяти нечаянный улов,
Эти зовы, ропоты, погони —
Дар Адриатических ветров.
Мир скользит и пробегает мимо,
Опадают в осени листья...
Смуглых ног неловкие зажимы,
Детские уроки наготы!

В ПУТИ

Здесь осталось мне совсем немного
Милых дат и говорливых дней!
Заметет декабрьская дорога
Без пристанища и без огней.
Отчего сегодня так знакомо
Это чувство, что спирает грудь,
Чувство расставанья? Я из дома
Выкрал радость! В путь! В куда-нибудь!
С костылем, с котомкой закатиться
В зиму! В темень погрузил лицо.
Давнее отчаянье стучится,
Тихо подымаясь на крыльцо.
Что ж, пойду вперед. Какое лихо
Гонит старость! Все вперед... вперед!
Время разговаривает тихо
Как с ребенком... Близится черед!

РАЗДУМЬЕ

Сегодня думы строятся в октавы,
Их мерный лад, как недвижимый день, —
Такой простой и строго величавый
Над дымом беломорских деревень,

Сегодня места нет крутым заботам,
Тяжелый груз — их груз преодолен.
Осенний хмель дурманит по болотам,
Озер успокоенье клонит в сон.

И слово обретает вес удельный,
Закатом вычерчен малейший лист.
И небо Севера — сосуд скудельный,
В котором влаги ток хрустально чист.

Обнять я жажду нищенскую землю
И эту даль приморскую, и высь...
Зосима и Савватай, я приемлю
Седое Ваше слово: "Покорись!"

Да! Покорись на срок тягчайшей доле!
По Соловецким, мертвым островам
Бродяжит Лихо... Вместо древней воли —
Проклятие кандалным временам...

Синодик осени — всех убиенных
На край земли гонимых Октябрем,
Всех страждущих, болезных, — всех смиренных
Листается судьбы календарем.

Судьба твоя — путь вынужденно-кроткий,
Но красной каторге не прекословь.
Ты на корме затертой в льдинах лодки,
Как жизнь прозрел грядущей Правды новь!

РАЗДУМЬЕ

На расстояньи многодумных лет
Родных следов не затеряла память.
Заманчивее даль и возрастает пламя
В огнях непотухающих бесед.
И утро близится проникновенной встречи,
Дух озарен видением лучей,
Лучей чудесной силы!.. Вы далече,
Далече вы, друзья, а зовы горячей,
И с верой жизнь на час не расставалась.
Вязь мудрой памяти не оборву,
И если для меня в котомке дум осталось
Звено с ушедшим — я живу!

Как вымазанное лицо
Немолодого трубочиста,
Как выкрашенное яйцо
Пасхальной краскою лучистой.

Как холодеющий тюфяк
Под неокоченевшим телом,
Как одинокий холостяк
В публичном доме оголтелом.

Как разорвавшийся носок,
Заштопанный неторопливо,
Как юноша, что невысок,
И девушка, что некрасива.

Как проволочные венки
На торопливом катафалке,
Как телефонные звонки
И в черной трубке голос жалкий.

Как улыбающийся врач,
Болеющий неизлечимо,
Как утешение — не плачь,
Когда печаль необлегчима.

Как ангел Александр Блок,
Задумчиво смотрящий с неба,
Как полумертвый голубок,
Мечтающий о крошках хлеба...

* * *

Неблагодарность — самый черный грех.
Не совершай его, и будешь светел.
Никто не в праве мне сказать при всех:
Ты на добро мое мне чем ответил...

Никто... И, совесть, ты — почти чиста...
Число друзей моих, мужчин и женщин,
Живых и умерших, да, больше ста,
Врагов же — пять... а, может быть, и меньше...

И не должник я... Никому, ни в чем...
Я все отдам за нежности крупцу...
И, сам больной, был для других врачом...
О, каплю жалости, чтоб мне напиться...

Любовниц милых и святых подруг,
Любивших, отошедших... все бывает...
Пусть далеки они... Но сразу, вдруг...
Ах, ничего-то я не забываю...

А ты... Ты ангел или человек,
Меня спасавший делом и советом...
Я был бы мертв... О, жизнь не для калек...
Я жив и счастлив... О, не чудо ль это...

Не знаю... Плачу и благодарю
За помощь в прошлом, верность в настоящем,
Ночь творчества и чистую зарю
Светлеющую надо мной, не спящим...

Сокрыта звучная струя
Деревьями густого сада...
Так между тайной бытия
И человеком есть преграда...

Но зеленью сокрытый шум
До слуха сладко достигает...
Так вслушивающийся ум
Невидимое постигает...

Средь страшной дикой бури соловей
Вдруг сладостно запел — нивесть откуда,
Нивесть какой любви, каких ночей —
Средь яростного громового гуда...

На миг он грохот бури заглушил
Хрустальной бурей сладостного пенья,
Но человек в тот самый миг решил,
Что смерть близка и нет ему спасенья...

* * *

Когда в тиши гармонии наук
Звучит пчелы беспмятное слово,
Раскрытый полдень падает из рук
Разжавшихся мечтания земного.

Полуденного счастья бытие
Лежит у ног, всегда у ног мечтанья...
Жужжание безоблачней всего,
Но ты, душа, безоблачней жужжанья...

* * *

Уходит в землю глубоко скамья
И в небо высоко вырастает урна.
О, все нежнее камни бытия,
Их тяжесть все воздушней, все лазурней...

Я чувствую средь мертвой тишины
Утешенность земного разрушенья...
И прошлого еще не сочтены
Не только годы — краткие мгновенья...

РУССКИЙ ПАРНАС В РАССЕЯНИИ

Там в этой книжной лавке,
Где букинист рассеянный
Чахнет на старом прилавке,
Русский Парнас в рассеянии.

Книги стоят рядами,
В темном углу скучая,
Нетронутые годами
Возле халвы и чая.

Непроданная поныне
Горечь русской души —
Этот рыдал в Берлине.
Тот голосил в Виши.

Этот поэт без звания.
Тот — титулованный князь;
У князя давно графомания
В скитаниях развелась.

Тлеют давно страницы,
Выцвело имя поэта,
Лирик скончался в Ницце,
Трагик в Бельгии где-то.

Слава их редко тешила,
Статуи им не высила,
На шею наград не вешала,
Не клала венков на лысины.

Жили с мечтой о чуде —
Хоть в виршах восстать из мертвых!
Только стихи как люди —
Мало стихов бессмертных.

Многих уже не стало
В майской звенящей сини.
На кладбищах полыхала
Сирень, как тогда в России.

Спит букинист у кассы,
Похрапывает глухо,
В стаканчике из пластмассы
Чай идохлая муха.

Робко через оконце,
Грязную раму минуя,
Входит мутное солнце
В эту тоску земную.

Спит букинист, не слышит,
Как, обкорнав сатирика,
Трагика съели мыши
И доедают лирика.

БЕРЕЗА

У шоссе — за первым километром,
Где дорога круто рвется вниз,
Извиваясь под осенним ветром,
Исполняет дерево стриптиз.

Сбросив наземь все свои одежды —
Всё дотла, не сыщешь и листок.
Лишь остался на точеной ножке
Белый ослепительный чулок.

Как в тяжелом приступе психоза,
В голубом бензиновом дыму —
Пляшет обнаженная береза
У машин проезжих на виду.

Плавен выгиб тоненького стана,
Нежен веток дымчатый плюмаж:
Ей бы на холсте у Левитана
Украшать какой-нибудь пейзаж.

Или в русской выситься деревне,
Где растут поэты от сохи,
Где березы, стройные издревле,
Попадали в песни и стихи.

Я стою, как будто бы на тризне,
У шоссе, где смрад и визг колес...
Горько мне, что не сложились жизни
Так как надо — даже у берез!

ВЛЮБЛЕННЫЕ ЛОШАДИ

Глубокий дол, и словно пламя всполохи, —
Хвосты и гривы рыжие полощутся,
И нежно, наклонив нечесанные головы,
Стоят под ветром две влюбленных лошади.

Над ними небо — лучезарным куполом,
Полынный запах солнечного луга;
Ну, а они — так влюблены по-глупому,
Вот в этот мир цветущий и друг в друга.

А ветер дует, ковыли обшаривая,
И никого вокруг, их только двое —
Замкнутые в два дивных полушария:
Одно зеленое, другое голубое.

Ты повторился, древний сказ
О невосозданном Адаме.
Я мир увидел в первый раз
Незатемненными глазами.

Ушам раскрылся шум земной,
На дневный свет раскрылись веки,
Летели птицы надо мной,
В далекий путь струились реки.

И зверь, невиданный досель,
Скользил невиданным извивом,
И ветра гулкая свирель
Свистала гимн лесам и нивам.

Я ощутил дыханье трав
И солнца пламень светозарный,
И, головой к земле припав,
Дышал и слушал благодарный.

Жизнь пробежала, как в романе...
Проснулся: холод... тишина...
Деревья в снеговом тумане,
Над ними мертвая луна...

Часы нечаянно нащупал...
Блеснул холодный циферблат...
Не видно стрелок... Ближе к уху:
— Стоят...

Так, может быть, остановилось
Земное странствие души...
Но сердце билось, билось, билось,
Я слышал стук его в тиши...

Человекодень — единица
исчисления работы,
выполняемой одним человеком
за рабочий день.

Толковый словарь русского языка

Усталой поступью к закату
Плетется Человекодень
И за условленную плату
Одолевает злую лень.

Лишь иногда, как дар неожиданный,
В туманах тусклых и слепых
Блеснет зарницею желанной
Отрадный Человекомиг...

И вновь уносит быстротечность
Огонь, что душу озарит,
И даже Человековечность
Освобожденья не сулит.

* * *

Веют, веют суховеи,
Сушат пыльную траву.
Вьются пыли злые змеи
В золотую синеву.

И душа в глухой печали
Через тьмы пространств и дней
Отклик шлет в степные дали
Ветру родины моей.

МИРАЖИ

Когда сплывет ночная тьма
И дымный день в окошко глянет,
Меня неудержимо тянет—
— Сойти с ума...
В ущелье зданий на веревке
По ветру треплется белье...
Гляжу на тесное жилье,
Неприспособленный, неповкий...
Уйти, укрыться... Но куда?..
Подальше от чужбин и родин!..
И вдруг, как яркая звезда,
Сверкнет благая весть: Свободен!

И унижительных забот
Сгорают ржавые оковы,
И мир из пепла восстает
Облагороженный и новый.
В нем все поет, в нем все цветет,
В нем места нет угрюмой злобе,
И скучный хлам междуусобий
Метла гигантская метет.
Какое солнце тут горит!
Все — мудрецы, и все — поэты,
И, облачаясь в новый вид,
Кивают дружески предметы.
И синей бездной я лечу,
Далеко от чужбин и родин,
И птицам весело кричу:
— Свободен!..

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Блистая в полдне тысячью чешуй,
Река качает волны осовело,
Над ней лениво, в такт мерцанью струй,
Качается повешенное тело.

Играющей волной отражены,
На берегу валяются штаны,
Пред казнью сдернутые, наизнанку.

Вблизи сапог разинул черный зев.

Вкруг воины, на корточки присев,
Играют об имуществе в орлянку.

Проходит жизнь, как торопливый снег:
Сегодня падает, а завтра тает.
Как хорошо, когда зима в окне,
Прекрасная, послушная, простая.

И в зимней нежности повсюду есть
Напоминание о жизни этой:
Спадает в холоде спокойном весть
О торжестве блистающего света.

Наверное, в легчайшем из миров,
Свободном от забот, вина и хлеба,
Все покрывает снеговой покров
Сияющего белизною неба.

* * *

Ночной корабль кружился подо мной.
Корабль мой был затерян бурей в море,
И небо черное над головой
Сияло в молнийном своем уборе.

И неподвижен, и спокоен, я
Не принимал участия в этом споре
Потерянного в буре корабля
И грозного бессмысленного моря;

И я тогда спокойно понимал,
Что жизнь мечтательную не поборет
Ни молния, ни одичавший вал,
Ни это тело, гибнущее в море.

* * *

Люби и вверь, чтоб пережить разлуку
И чтоб понять, что все ведет к тому,
Что разлученные еще найдут друг друга
Во славу ожиданью своему.

Пусть между ними столько расстоянья,
Что все святые в жизненном пути
Дорогами душевного исканья
Пространства эти не могли б пройти.

Пусть столько времени пройдет до встречи,
Что осень сменит лето сотни раз,
И пусть не хватит жизни человеческой,
Биений сердца, слез и блеска глаз.

И, неподвижный, на последнем ложе,
Одной ногой за гранью суеты,
Подумай: до свиданья ты не дожил,
А эту жизнь оканчиваешь ты!

* * *

Когда летящий с крутизны
Хватается рукой за ветку,
Из солнечной голубизны
К нему несутся волны света.

Под ним раскрыта черным склепом
Пустой земли ночная тень,
Над ним сияющее небо
Прекрасный озаряет день.

Ужасен холод гробовой!
А все, что есть на этом свете,
Дрожит и бьется под рукой
В натянутой зеленой ветви.

* * *

Рыдают кошки, как больные дети,
На поднебесных крышах, а в окне
Слепой фонарь на перекрестке светит
Наперекор рассвету и луне.

А в комнате, при свете желтой лампы,
Распластанный над ворохом бумаг,
Придавленный к столу лохматой лапой
Мечтатель хочет не сойти с ума,

И ждет напрасно, ждет неутомимо,
Что пущенная точною рукой
Звонящая стрела промчится мимо
И не достигнет цели роковой.

Лампа под зеленым абажуром;
Библия, — раскрыт Екклесиаст;
Часики с подклеенным амуром. —
Прошлого могила не отдаст?

Призраки бездушные без плоти;
Пес уныло дремлет на ковре;
Строки о забвеньи на блокноте. —
Прошловe вернется на заре?

Пальма никнет серая горбато;
Мебели потрескавшейся вздох. —
Разве сил, растраченных когда-то,
Так и не заметит гордый Бог?

Память ищет правды в знаках стертых.
Тленное раздумие откинь:
Чаю воскресения из мертвых,
Жизни в веке будущем... Амины!

Холодный черный сон запущенной усадьбы;
Немая плесень стен, разбитые карнизы...
Напрасная мечта: хотелось увидеть бы
В твоём глухом саду мне милый профиль Лизы!

На крыше куст растёт; остаток от террасы;
Ни окон, ни дверей: гнездятся в залах птицы;
На мраморных богах — застывшие гримасы;
Крапива грубо жжёт узорные теплицы.

Над мертвым прудом — мост; в воде лежат перила;
Поникий павильон — совсем как гробик детский;
Широкая скамья под старой липой сгнила:
Не здесь ли, Боже мой, познал любовь Лаврецкий?

Часовни древней след: темна, грустна икона;
Придушенный фонтан; забытая дорожка. —
Несется из села хрипенье граммофона,
Обрывки бранных слов и нудная гармошка.

Время было к вечерне. Огнями заката
Догорали поля. По дороге небес
Табуны облаков — золотые телята
Промелькнули домой за коричневый лес.

Тихо ныл коростель; а во ржи перепелка
Отвечала ему. Задремали цветы.
Серебрилась роса. Из туманного шелка
В молодых камышах холодели пруды.

Плыл сиреневый звон. Аромат на поляне,
Тяжелая, дрожал. Возвращались стада.
Торопливо, без слов проходили крестьяне.
Где-то плакал ребенок. Блеснула звезда.

Кто-то песней смеялся. Позвали кого-то.
Шла слепая старуха в избушку свою.
И покой, и отрада. И грусть, и забота. —
Это было в России... Быть может, — в Раю...

...

Вербочки — нежнее детских щек;
Светлые росинки на цветах...
Господи, Ты все-таки далек!
Господи, какой же я монах!

Вербочки — как девичьи глаза;
Тихая улыбка на губах...
Господи, зачем мне небеса!
Господи, какой же я монах!

Вербочки — как радость на земле;
Солнышко играет на крестах.
Господи, скорей приди ко мне!
Господи, какой же я монах!

...

Птицы черными крыльями хлопали,
Серый дождь упал на поля,
И озябли безмолвные тополи,
И озябла старушка-земля.

Я рыдал о заброшенных хижинах,
Я молился и верил опять,
И хотелось утешить обиженных
И весь мир на груди приласкать.

В сердце вспыхнула чистая лилия,
Радость Вечности мудро постиг;
Но, смеясь над порывом бессилия,
Мне шепнул Сатана: "Еретик"...

Как от ветра дугою согнулись недвижные ветви
под листвою белокаменной.
Об осеннем, угасшем, багряном огне пожалеть ли
в этот час хладнопламенный?

Пестроту и покой, и мерцанье, и мраморность линий
пьют глаза опьяненные,
в зелень бледную неба и в режущий блеск паутинный
изумленно влюбленные.

Пусть все просто, обыденно мило,
мы — чужие среди чужих.
Что разбито внутри, что застыло,
это все не видно для них.

Говорить про погоду, смеяться,
ужасаться, печенье хвалить...
Как легко может вдруг оборваться
из эрзаца непрочная нить.

И нельзя позабыть на полмига,
как провал между нами велик.
Нам они — устарелая книга,
мы для них — непонятный язык.

Я потеряла родину и сад,
где я ребенком яблони сажала.
Не знаю — много ль это или мало.
Я не грущу. Я не гляжу назад.
Я далека от своего начала.
Я потеряла родину и сад,
где я ребенком яблони сажала.

Страшно. Безвыходно страшно. За окном топот
и крики.
Кого-то бьют, стреляют, обыскивают кого-то.
Зажимаю глаза и вижу ужас безликий.
Поджимаю ноги и знаю, что под ними болото.

Зловонная, вязкая тина. И много их, много
там барахтается задыхающеюся грудой.
И я знаю, знаю, что и мне туда же дорога.
Вывернуться? Где уж там. А если вдруг — чудо?

Нам, пощаженным, нам, полуспасенным,
нам, полусытым,— позор.
Грозы — другим, но удушие — все нам:
жуть междугрозий и нор.

Мы убегали от красных и бурых
и прибежали — в тупик.
Не уберечь ни души нам, ни шкуры.
Ужас настигнет. Настиг.

Мы отреклись от былого, смирились,
хлебом чужбины живя.
В памяти мы схоронили России
ветры, напевы, поля...

Все за обманчивый призрак покоя,
непринужденья, труда...
— Больше теперь не прошу ничего я
и не бегу никуда.

Что мне осталось, проси, не проси я,
пусть разорится дотла...

Только 6 Россия, Россия, Россия,
только 6 Россия жила.

Түлүзө 1941

• • •

Если "я" ненавидеть свое, как тогда
любить ближнего?
Его жизнь, как моя. Моя жизнь — ну, да —
как и жизнь его.

мимолетная
 из веков в века, сквозь года,
 одинокая
 часть единой, сущей во всем, всегда,

и мучительней и полней
в том играющей, кто ее несет
и несомый ей,
и пронзенный ей,
напролет.

Ветер по дому ходит хозяином,
— Шорохи, вздохи, смятение —
Холодом вдруг обольет нечаянным,
Длинной метнется тенью...

Вот у окна занавески отброшены,
Дверь открывается настежь.
Встал на пороге незванный, непрошенный,
Руку заносит на счастье.

Мы ль не молились, мы ли не плакали,
Мы ль не метались в вихре!
Только теперь от ветра, от мрака ли
Наши мольбы затихли.

Знаю: вынудит, выкинет, выметет,
Склонит, согнет и сломит.
Счастье из сердца птицею вылетит
В холод и мрак бездомья.

РОЗОВЫЙ ВОЗДУХ

Прошумела в небе эскадрилья,
На рассвете пробудив от сна,
И опять лишь ласточкины крылья,
Облака, заря и тишина.

Как чудесно, выйдя из подвала,
Подойти к высокому окну.
Окунуться в воздух небывалый,
В тепло-розовую тишину.

Спят дома, и улицы — пустые,
Пахнет медом липовый бульвар.
Так глубоко я дышу впервые
И благословляю утра дар.

Много раз в подвал сбежим сегодня,
Просчитав площадки этажей...
Но запомню этот дар Господний,
Всех даров чудесней и свежей.

Лишь одно для сердца непонятно,
Что над черным бедствием войны
Розлит этот воздух благодатный
Розово-медовой тишины.

1941

...

Лиловеют прозрачные рощи,
Проступает сквозь ветки заря.
И деревья строже и проще
В обнаженности октября.

Время взгляд человеческий сушит.
Он с годами острее и трезвей...
Нет, не вещи я вижу, а души.
Невесомую суть вещей.

В изменяющемся неизменно
Та же тайная прелесть жива.
Зеленеет сквозь иней нетленно
Замороженная трава.

А когда я смотрю на лица,
Я не знаю, сколько им лет.
Человеческий облик двоится.
Сквозь него проступает свет.

За стареющими чертами
Очертанья иные сквозят,
Те, которых не видишь глазами,
Память сердца вернее, чем взгляд.

Сквозь огромную каменоломню
Нашей жизни проходит путь.
Нет, не лица, а души я помню.
Сокровенного облика суть.

1947

ВЕТВИ

Г. П. Свотлику

О графика, о музыка ветвей!
Не тех, что шелестят листвою в истоме
Июльской ночи в сумраке аллей,
Скрывая месяц в лиственном затоне,

И не осенним днем, когда закат
Их листьям краски пламенные роздал,
И не тогда, когда на них летят
Кристаллов ледяных сквозные звезды.

Как счастья опрометчивый залог,
Очарованья нежные покровы.
Их прелести дается краткий срок,
И выступает черный ствол основы.

О угольная графика ветвей.
Нагих, в изломах, без листвы и снега!
Их музыка безмолвная слышней,
Когда сквозь них просвечивает небо.

Все утончающихся линий хор
Уводит мысли в вышину из праха.
И голоса сплетаются в узор,
Как в стройной фуге Себастьяна Баха.

1948

КАНАРЕЙКА

На родине она зеленая...
Брэм

Канарейку из-за моря
Привезли, и вот она
Золотая стала с горя,
Тесной клеткой пленена.

Птицей вольной, изумрудной
Уж не будешь, — как ни пой
Про далекий остров чудный
Над трактирную толпой!

10. V. 21

...

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо...
Как бьется сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой, наемный дом
С своей уж ветхой котомкой!

25. VI. 22

РАДУГА

Свод радуги — Творца благоволение.
Он сочетает воздух, влагу, свет —
Все, без чего для мира жизни нет.
Он в черной туче дивное виденье
Являет нам. Лишь избранный Творцом,
Исполненный Господней благодати, —
Как Радуга, что блещет лишь в закате, —
Зажжется пред концом.

15. VII. 22

Зарос крапивой и бурьяном
Мой отчий дом. Живи мечтой,
Надеждами, самообманом!
А дни проходят чередой,
Ведут свой круг однообразный,
Не отступая ни на миг
От пожелтевших, пыльных книг
Да от вестей о безобразной,
Несчастной, подлой жизни там,
Где по родным, святым местам,
По ниве тучной и обильной
И по моим былым следам
Чертополох растет могильный.

27. VIII. 22

Мечты любви моей весенней,
Мечты на утре дней моих,
Толпились как стада оленей
У заповедных вод речных:

Малейший звук в зеленой чаще —
И вся их чуткая краса,
Весь сонм блаженный и дрожащий
Уж мчался молнией в песа!

26. VIII. 22

Печаль ресниц, сияющих и черных,
Алмазы слез, обильных, непокорных,
И вновь огонь небесных глаз,
Счастливых, радостных, смиренных, —
Все помню я... Но нет уж в мире нас,
Когда-то юных и блаженных!

Откуда же являешься Ты мне?
Зачем же воскресаешь Ты во сне,
Несрочной прелестью сияя,
И дивно повторяется восторг,
Та встреча, краткая, земная,
Что Бог нам дал и тотчас вновь расторг?

27. VIII. 22

Была весна и жизнь была легка.
Зияла адом свежая могила,
Но жизнь была легка, как облака,
Как тот дымок, что веял из кадила.

Земля, как зацветающая новь,
Блаженная, лежала предо мною —
И первый стих и первая любовь
Пришли ко мне с могилой и весною.

Где этот взор, сиявший небом мне?
Где та весна и гробные рыданья?
Один погост в далекой стороне,
Один призывный сон воспоминанья!

И что ни год, тем все призывней он,
Все радостней, все чище и нетленней,
И уж другой, нездешний небосклон
Сияет мне красой своей весенней.

И это ты, простой степной цветок,
Забывший мной, отцветший и безвестный,
Ты первая вошла на мой порог,
На утре дней попраля смерть, как Бог,
И увела в мир вечный и чудесный!

9. IX. 22

...
Льет без конца. В лесу туман.
Качают елки головою:
"Ах, Боже мой!" — Лес точно пьян,
Пресыщен влагой дождевою.

В сторожке темной у окна
Сидит и ложкой бьет ребенок.
Мать на печи, — все спит она,
В сырых сенях мычит теленок.

В сторожке грусть, мушиный гуд...
— Зачем в лесу звенит овсянка,
Грибы растут, цветы цветут
И травы яркие, как медянка?

— Зачем под мерный шум дождя,
Томясь всем миром и сторожкой,
Большеголовое дитя
Долбит о подоконник ложкой?

Мычит теленок, как немой,
И клонят горестные влки
Свои зеленые иголки:
"Ах, Боже мой! Ах, Боже мой!"

10. V. 23

... ..

В гелиотроповом свете молний летучих
На небесах раскрывались дымные тучи.
На косогоре далеком — призрак дубравы,
В мокром лугу перед домом — белые травы.

Молнии мраком топило, с грохотом грома
Ливень свергался на крышу полночного дома —
И металлически страшно, в дикой печали,
Гуси из мрака кричали.

30. VIII. 22

ПЕРЕД СУДОМ ОБЪЕКТИВА

Ссылают на карточку
как будто на каторгу.
Ссылают с пейзажем,
с кудрявой березой,
ссылают с дымящей еще
папиросой...
Снимают на карточку
без сожаленья —
снимают на вечное поселенье
осанку,
остатки телосложения
и массу
задумчивого выраженья,
загибы характера
у подбородка
и лоб, говорящий,
что жил и боролся...
В спешном порядке
ссылают — к потомкам?
В другую эпоху —
В другие потемки?

КСТАТИ

Окна заглядывают в глаза прохожих,
и те обороняются
галстуками и шляпами.
Кстати, о шляпах.
Шляпа является шляпой тогда,
когда она окружает голову
и описывает англичанина.
В шляпе просторно тем,
кому тесно в кровати.
Шляпа отвечает на вопросы
биржи и банков.
Но вернемся к окнам. Они
переваривают улицу,
развивают любопытство,
настраивают нервы.
Кстати, о нервах. Они
оплакивают зубы,
отвинчивают разум и тот,
как разболтанное копесо.

слетает с оси
и катится к чертовой матери,
а потом в дурдом.
(Вот это эпопея!)
Кстати, о дурдоме.
В нем вырабатывают дураков,
ибо без дураков нельзя быть умным.
Поэтому возвращаться к шляпам не стоит.

СТИХОТВОРЕНИЕ

(в котором я защищаюсь
от Хлебникова)

А осень висит запятой.

Хлебников

Закуска играет в селедку,
и аппетит на серебряных лапках
напоминает хищников.
Дельфины играют в радугу,
сверкая своими линиями
и врезаясь как мечи в море.
На райском берегу
пальмы вытянули
гусиные шеи,
и в купальных костюмах
блаженствуют
выпуклые ожидания.
Из песни сделали соловья,
и тот начал разбойничать
в музыке.
Деньги превращаются
в грязное белье,
и банк становится
прачечной.
В зоологическом саду
звери живут на пенсии.
Одуванчик отцвел
и надел парик.
Костер машет
носовыми платочками
беспочвенным путникам.
Есть страна,
где на вопросы отвечают пистолеты.
Душа принимает обиды
на короткой волне.
Где выход
из этого стихотворения?

Когда видений призрачные сонмы
наполнят душу радужными снами,
а день, случайно проведенный праздно,
покажется и нужным и полезным,
и на закате солнца даже камни
заговорят об истине стихами, —

опомнись и пойми, что слишком поздно:
у ног твоих уже раскрылась бездна.

Такая весомая, зримая, даже
звнящая тишина...

Раскручена мыслей долгая пряжа
с дневного веретена —
основа снов — натянута туго
на ночи ткацкий станок.
Снует по ней легко и упруго
месяца медный челнок...
Большой мастерской распахнуты двери,
и тянется волокно
туда, где ткut из него материю —

звездное полотно...

В. Парелвшину

РАЗДРОБЛЕННЫЙ СОНЕТ

В эпоху
 без природы,
 без искусств,
когда нет в музыке мелодии,
 нет позы
в скульптуре
 и когда уж ни полям — навозу
и ни быка — коровам
 (не до чувств!)

лишь на конвейере,
 лысея —
 дуры —
(ни пуху, ни пера!)

 несутся куры,

ИОГ

...Только тот достигает счастья
на земле, только тот побеждает
мир — кто достигает полной власти
над своим умом и телом, чья
душа спокойна, для кого все — одно
божественное существо...

Суоми Абедананда

С береговой косы я вижу, как, синяя,
Мне улыбается Индийский океан —
Я нищ, я наг, я бос... В окрестностях Бомбея
Я камни тяжкие дроблю для англичан...
С береговой косы — давно я наблюдаю,
Как в наш блестящий порт приходят корабли —
Как собирается их суетная стая —
И вновь расходится во все концы земли...
Я — юношей решил отдаться знанию Иог —
И начал тяжкий путь. Меня знакомил с ней —
Учитель и мудрец, взыскательный и строгий —
И я — прошел все пять суровых степеней...
Упорно плоть и кровь смиряла голодовка
И превращалась кость в упругий каучук —
Мой дом был там — где я... Со мной была циновка —
Изделие моих же сильных, гибких рук...
Я сбросил гнет страстей и тела злые путы,
Я — Бога познавал... В красу надзвездных стран
Учитель мой ушел с камней большой Калькуты —
И я побрел один чрез знойный Индостан...
Я четверть века шел, попутно получая
На каждый свой вопрос — божественный ответ —
Я шел, я шел, я шел... Со склонов Гималая
Я много раз сходил в пылающий Тибет...
И светлый час настал. Я всюду видел Бога —
Ни мясом, ни вином я не грязнил свой дух —
Рис, молоко и мед — вот пища Жнана Иог
Иль счастье обезьян — иль Бог... Одно из двух...
Мелькали местности... Года и дни летели —
Великое познав — я стал учить людей —
И с севера пошел я к югу, к храмам Дели —
И через сорок лет дошел сюда, в Бомбей...
Я — нищ. Я бью гранит — и молча наблюдаю
Как в наш блестящий порт приходят корабли —
Как собирается их суетная стая —
И вновь расходится во все концы земли...

Но я постиг без них задачи Божьей власти
И вижу Божество в ничтожнейшем стебле —
Я полный, чистый Иог — и истинное счастье
Мной познано давно на маленькой земле...

КУПАВА

24-го июня

Поэту А. А. Кондратьеву

...В высоких травах, во тьме полночной,
В безбрежных далях лесов, болот,
В глуши оврагов — в свой час урочный
Иван Купала — идет, бредет!..

Идет Купала дорогой синей,
Вскрывая тайны речного дна —
И млеет запах лесной полыни,
И млеет сумрак и тишина...

И в час урочный и величавый,
За темной далью лесов и гор,
Во спаву светлой моей Купавы
Я зажигаю огонь-костер!

И свищет пламя над спящим лугом,
И духи-ведьмы сомкнулись в ряд,
И выются в смехе — и друг за другом
В блестящих искрах — летят, летят...

И пир и хохот! С ветлы корявой
Сползает призрак. В тоске, в бреду
Тебя ищу я, моя Купава,
Ищу повсюду... Ищу и жду!..

Я жду, Купава! Смеются лица
Других русалок в потоке чар,
А пламя хлещет! А пламя злится
И рвется в небо! Пожар, пожар!

И темных духов на поединок
Я вызываю со дна болот...
По узким змейкам лесных тропинок,
В венке из белых речных кувшинок,
Моя Купава — идет, идет!

РУССКАЯ КУЛЬТУРА

Русская культура — это наша детская
С трепетной лампадкою, с няней дорогой...
Русская культура — это молодецкая
Тройка с колокольчиком, с расписной дугой.

Русская культура — это сказки нянины,
Песни колыбельные, грустные до слез...

Русская культура — это разрумяненный
В рукавичках-варежках Дедушка-мороз.

Русская культура — это вязь кириллицы
На заздравной чарочке яровских цыган,
Жемчуг на кокошнике у простой кормилицы,
Под чеканным поясом кучерской кафтан.

Русская культура — это дали Невского
В бело-синем сумраке северных ночей,
Это — радость Пушкина, горечь Достоевского
И стихов Жуковского сладостный ручей.

Русская культура — это кисть Маковского,
Мрамор Антокольского, Лермонтов и Даль,
Терема и церковки, звон Кремля московского,
Музыки Чайковского сладкая печаль.

Русская культура — это то, чем славится
Со времен Владимира наш народ большой —
Это наша женщина — русская красавица,
Это наша девушка с чистою душой.

Русская культура — это жизнь убогая
С вечными надеждами, с замками во сне,
Русская культура — это очень многое,
Что не обретаётся ни в одной стране.

Мне хочется молить кого-то сквозь века,
Сквозь солнце дальних дней, когда меня не будет.

Ведь через триста лет, по-прежнему легка,
Весна прильнет к окну и сонный дом разбудит,
И белокурый луч заглянет в груды книг,
Старинные листы позолотив апрелем...
О через триста лет, — я вижу этот миг, —
В шкафу мои стихи с их горечью и хмелем.
Кто будет их читать, пусть слышит голос мой,
Пусть волею мечты он разрешит задачу,
И мертвая давно, я сделаюсь живой,
Такою, как сейчас, когда пишу и плачу.
Пусть в музыке стихов, где снега и огня
Высокие тона поют как в небе птицы,
Отыщет он не ритм, не звуки, а меня,
И молодость мою, и темные ресницы.
Пусть я войду на миг весною в чей-то дом
И улыбнусь в окно потерянной отчизне...

Ведь я сейчас живу, как будут жить потом,
И слышу четкий пульс моей поющей жизни.

1928

...

В окне моем звезды и сумерки бледные
Над искрами синего льда.
Я грешная, злая, земная и бедная,
И все-таки, чья то звезда!
За этими стеклами, странными, сонными,
В далеком моем терему,
Я смутно горю над морями бездонными,
Лучи посылая ему.
О Вега, о Сириус, — звоны победные
Имен обрученных мечте!
Вблизи вы, быть может, простые и бедные,
Вы, может быть, тоже не те?

Но будет когда-нибудь небо расколото
Свершением Судного дня,
И мы распадемся, — не брызгами золота,
Не ливнем живого огня,
А смертною пылью...

И все суевернее.

Все жалобней хочется мне
Казаться кому-то звездой вечернею
В далеком и синем окне.

1934

МУЗЫКА

В каком горниле расплавишь,
В какие слова вольешь
Двойную — дождя и клавиш —
Двойную — до сердца — дрожь?

Нет мускула, нет ресницы,
В которых бы ритм не пел.
В рояле, в окне, струится
Сверкающий ливень стрел.

Какую звезду оставишь,
Каким стихом изойдешь,
Двойная — тоски и клавиш —
Двойная — до крика — дрожь?

Да будет, да будет слово!
Но слово предельный звук
Оборван... Гремит сурово
Стаккато суровых рук.

В сухой, рассыпанной дробин
Приказ: О себе — молчи...
И руки упали, обе,
Как сломанные лучи.

... ..

Когда остановится поезд, полетом прозрев пургу,
Мы все побоимся поверить, что видим следы на снегу.
От валенок и от полозьев. Что стало смертельно
светло,
Что не было черного бреда, и быть никогда не могло.
Не надо словами касаться глубокой, святой белизны.
Мы только чуть-чуть приоткрыли ту дверь,
за которой видны
Мохнатые, древние ели... Немного другие... Не те,
Что снились... И столб полосатый на первой,
на русской версте.

БЕРЕГ ИСКИИ

Ни о ком, ни о чем. Синева, синева, синева,
Ветерок умиленный и синее, синее море.
Выплывают слова, в синеву уплывают слова,
Ускользают слова, исчезая в лазурном узоре.

В эту синюю мглу уплывать, улетать, улететь,
В этом синем сиянии серебряной струйкой растаять,
Бормотать, умолкать, улетать, улететь, умереть,
В те слова, в те крыла всей душою бескрылой
врастая...

Возвращается ветер на круги свои, а она
В синеоую даль неподвижной стрелой несется,
В глубину, в вышину, до бездонного синего дна...
Ни к кому, никуда, ни к тебе, ни в себя не вернется.

К ...

Напрасно тень свою ты в зеркале искала;
Она была тобой, ты больше не она.
С нездешней легкостью легла на одеяло
Жемчужных рук твоих сквозная белизна.

Жемчужных рук. Твоих... Ты плачешь, Каллинира?
Каллианасса, плачь! Нам утешенья нет.
К блаженным берегам исчезнувшего мира
Нам возвращенья нет. И нам прощенья нет.

Но там, над временем, в кольце обновлений,
Над зеленью лугов и синевой морей,
В нетленной юности, где тень навстречу тени
Летит, как некогда моя вослед твоей,

Сквозь все отравы, все колющие обиды
Летела, мучаясь, любуясь и любя, —
Там, на гребне волны, где пляшут Нереиды,
Нет ни одной, поверь, жемчужнее тебя.

...

Зачем, рассудок беспокоя,
Гадать, что ближе, свет иль тьма,
Когда от запаха левкоя
Мне так легко сойти с ума?

Для несказанного ответа
Предвечной Мудростью рожден,
Темнее тьмы, светлее света
И тишины беззвучней он.

Скорее сладостен, чем сладок,
Свежее свежести самой,
Он, по ту сторону загадок,
Во мне сливается со мной.

Блаженное благоуханье
Сполна единый раз вдохну
И задохнусь в моем вдыханье,
В его дыханье утону, —

Как будто машут, веют, тают,
Там, где душа моя была,
Как будто в небо прорастают
Ее незримые крыла.

1965

СТИХИ О СТИХАХ

Неназываемое нечто,
Слиянье правды и мечты,
Того, что — тлен, того, что вечно,
Того, что — ты и что — не ты.

Почудилось, — и вот уж начат
Двуличных слов набор, отбор,
Тех, что, гляди, да и заплачут
Твоим слезам наперекор.

Извилисто, молниеносно,
В разбивку, исподволь, навзрыд,
И неспроста, и "ах, как просто":
Шажок — стежок — открыт — прикрыт...

Подшито, выверено, спето.
Ну что ж, зови. Подай им весть.
Пусть верят на слово, что это
Как раз то самое и есть.

УМИРАТЬ НАДО В БЕДНОСТИ

Умирать надо в бедности. Желто-серой ветхой
клеенкой
Стол в Духов день был покрыт, когда отец Сергей,
Чаем гостей угостив, на плечо положил тебе руку
И в сторонку отвел, известить о своей предстоящей
кончине.

Умирать надо в бедности, и в состраданьи к
страданью.
Так говорил Заратустра извозничьей кляче в Турине.
Поскользнувшись на мерзлых торцах, лошаденка
упала.
К ней он кинулся, пал на колени, обнял шею ее
и заплакал.

Умирать надо в бедности. Иль ты мнишь, что семь
тысяч
Книг побегут за гробом твоим при выносе тела?
А тетради свои, все писанья сожги: так вернее
и проще.
Доживай свои дни в состраданьи, в смиреньи, и
Бедность,
Смерти подруга, без зова придет за тобой и с тобой
пребудет навеки.

В лесу мороз. А если я щекою
Прижмусь к тебе, замерзшая кора,
В дремотной глуби зимнего покоя,
Ты, может быть, подумаешь: "пора,
Пришла весна..." Потом задремлешь снова
И будешь спать, как должно в феврале,
Но, может быть, средь холода лесного
Ты сон увидишь о моем тепле.

. . .

Становятся листья тише,
В саду ни души, ни звука.
Желудь порой на крышу
Падает с легким стуком.

Стукнет, а сердце екнет, —
Кажется стук уколом,
Так безнадежно мокнет
Астра на стебле голом.

Так безнадежно никнет
Розовым цветом в слякоть,
И не умеет крикнуть,
И не умеет плакать.

ЗАКАТ

Каждый вечер над полем покатым
Догорает закат для меня,
И, по-новому, с каждым закатом
Завершается таинство дня.

Заплетаются розовой сеткой
Облака, облака, облака.
И чернеют на розовом — ветки
Одинокого в поле дубка.

И ничто мне молчать не мешает,
Даже песня ничья не слышна.
Вырастает большая, большая
От земли до небес — тишина.

Хорошо, что нельзя прислониться
Ни к какому родному плечу,
Что не надо восторгом делиться,
Что делиться ни с кем не хочу, —

Что над склоном, пожаром объятым,
Небосвод безмятежно глубок,
Что стоит между мной и закатом
Только тот одинокий дубок.

Сергею Маковскому

Растут два тополя. Они
Живут, как добрые соседи.
Проходят ветреные дни
В неумолкаемой беседе...

Идут минуты, дни, года:
С годами все труднее гнуться.
Растут деревья. Никогда
Они друг друга не коснутся.

Но там, в подземной глубине,
Где не тревожат дровосеки, —
В глубокой тайне, в тишине,
Их корни сплетены навеки.

...

В деревне, иногда весной,
Но чаще пожелтевшим летом,
Мне, оглушенной тишиной
И ослепленной ярким светом,
Почти дается познавать,
Но что — сама сказать не смею.
Я не умею звезд называть,
Ни различать их не умею.
И я почти не знаю трав,
Ни ядовитых, ни целебных,
Колосья на полях собрав,
Не узнаю колосьев хлебных.

— Так от рождения слепой,
Прозрев, взволнованно трепещет
И робко трогает рукой
Свои же собственные вещи.

О МУЗЫКЕ

С. С. Постельникову

Расходится завеса тишины
И музыка, свободная, как чудо,
Является неведомо откуда
Дорогой трепетания волны.

Идут минуты, может быть, года.
Но каждый звук — сияющий предтеча,
И в каждом звуке — ожиданье встречи,
Которой не бывает никогда.

Последний звук теряется во мгле.
Приходит безнадежное молчанье,
О музыка! — ты сдержишь обещанье,
Но не на этой, на другой земле.

Г. А. Раевскому

Вот уже и нам пора проститься,
Было в поле тихо и темно,
Я в ладонях растирал пшеницу,
Из колосьев добывал зерно.

А потом свой обмолот пустынный,
В горсть из горсти так пересыпал,
Чтобы ветер уносил мякину,
На ладонях зерна оставлял.

Веял я пшеницу осторожно,
Не теряя зерен золотых,
Только по законам непреложным
Каждый раз все было меньше их.

...

Солнце греет, пахнут липы медом.
Мы идем в толпе других прохожих.
Перед нами Сена, блещут воды,
Длинный мост мы переходим тоже.

Смотрим вниз на быстрое течение:
Пароход плывет в Медон с народом,
Ходят волны, выступает пена
Золотым углом за пароходом.

Винт шумит, а пассажиры, сидя,
Пьют вино со льдом, считают сдачу.
Я с тобою часто это видел,
Много раз хотелось нам на дачу

Плыть на этом пароходе белом,
Пить вино со льдом и прохлаждаться,
Много раз нам этого хотелось,
Только как-то не пришлось дожждаться.

В жизни мы — как в голубом сияньи:
Все прекрасно, все цветет и блещет,
Но труднее даже подаянья
Достаются нам простые вещи.

В сугробах, словно в белых дюнах,
Мерцают дальние огни.
В зеленоватом свете лунном
Метет метелица, звенит

Крылами в бурьяне, покрытом
Сосульками, как хрусталем.
В такую ночь в степи открытой
Я потерял мой отчий дом.

Я люблю, когда в окошке вьются
Хлопья снега, — чем они белей,
Больше чем и чем быстрее несутся,
На душе тем чище и светлей.

Что мне в них? Быть может, не из тучи,
Но из рая белый этот рой?
Нет, они на языке могучем
Русской крови говорят со мной.

Говорят на языке неслышном
С памятью особенной моей.
Снег идет, а грудь сильнее дышит.
Снег идет, а на душе теплой.

Веленью дивному послушна
Весною пыльная метла,
Забытая в углу конюшни,
Зазеленела, расцвела.
Упорство этого цветенья,
Цветенья веток без корней
Похоже на стихотворенья
Лишенных родины своей.

Когда я вижу утренний восток,
Всю медленность и торжество рассвета,
За каплей капля, за глотком глоток,
Моя душа огнем тоски согрета.
Но не тоска! Пространство душу пьет.
И жизнь моя мне кажется случайной,
И ранит, как тяжелое копьё,
Существованья пустота и тайна.

Ни солнца розовый восход,
Ни счастье, ни землетрясенье —
Меня ничто не развлечет
В минуты скуки и смиренья.
Так минеральная вода
Сама собой течет из рытвин —
Я слышу сам в себе тогда
Начало сладостной молитвы.
К чему и для чего она?
Я никогда не понимаю,
И сладостного полусна
Пустым вопросом не смущаю.

Как на экране синема,
Передо мной горят живые,
Полуистлевшего письма
Когда-то строки дорогие.

И перечитывая вновь
Страницы нежного романа,
Мне чужды: и твоя любовь,
И горечь твоего обмана.

Сеанс окончен. В зале тьма,
Все замолчало, опустело,
Как на экране синема,
Жизнь промелькнула... и сгорела.

Пасхальный звон колоколов
Из храма дальнего несется,
В такую ночь, на Божий зов
Я верю — счастье отзовется.

Христос Воскрес! Душа, молись!
И улетят твои печали.
Какие слезы пролились,
Какие песни прозвучали!

У одинокого вокзала
Там — где сплетаются пути,
Я ждал тебя; ты обещала
Сегодня вечером прийти.

И вечер в отблеске опала
Прозрачен был и молчалив.
Все было пусто и устало
Вдали дышал локомотив.

Я вдруг почувствовал так ясно,
Что никогда ты не придешь,
Что сердце ждет тебя напрасно,
Что жизнь обман, а счастье ложь,

Что наша песня отзвучала,
Как не законченный мотив...
И уходил в лучах опала
В далекий путь локомотив.

В СТЕПИ МОЛДАВАНСКОЙ

Тихо тянутся сонные дроги
И вздыхая ползут под откос...
И печально глядит на дороги
У колодцев распятый Христос...

Что за ветер в степи молдаванской!
Как поет под ногами земля!
И легко мне с душою цыганской
Кочевать никого не любя!

Как все эти картины мне близки,
Сколько вижу знакомых я черт!
И две ласточки, как гимназистки,
Провожают меня на концерт.

Что за ветер в степи молдаванской!
Как поет под ногами земля!
И легко мне с душою цыганской
Кочевать никого не любя!

Звону дальнему тихо я внимлю
У Днестра на зеленом лугу.
И Российскую горькую землю
Узнаю я на том берегу.

А когда засыпают березы
И поля затихают ко сну...
О, как сладко, как больно сквозь слезы
Хоть взглянуть на родную страну...

ПРОЩАЛЬНЫЙ УЖИН

Сегодня полная луна,
Как пленная царица,
Грустна, задумчива, бледна
И безнадежно влюблена.

Сегодня музыка больна,
Едва звучит напевно
Она, как вы, мила, нежна
И холодна, и гневна.

Сегодня наш последний день
В приморском ресторане...
Упала на террасу тень
Зажглись огни в тумане.

Отлив лениво ткет по дну
Узоры пенных кружев...
Мы пригласили тишину
На наш прощальный ужин.

Благодарю вас, милый друг,
За тайное свиданье,
За незабвенные слова
И пылкие признанья.

Они, как яркие огни,
Горят в моем ненастье
За эти золотые дни
Украденного счастья.

Благодарю вас за любовь,
Похожую на муки,
За то, что вы мне дали в ночь
Изведать боль разлуки.

За упоительную власть
Пленительного тела,
За ту божественную страсть,
Что в нас обоих пала...

Я подымаю свой бокал
За неизбежность смены,
За ваши новые пути
И новые измены...

Я не завидую тому,
Кто вас там ждет, тоскуя...
За возвращение к нему
Бокал свой молча пью я.

Я знаю, я совсем не тот,
Кто вам для счастья нужен.
А он — иной... Но пусть он ждет,
Пока мы кончим ужин.

Я знаю, даже кораблям
Необходима пристань,
Но не таким — как мы,
Не нам, — бродягам и артистам.

Я не знаю, по чьему указу,
от каких морей пришли суда,
неожиданно так много сразу
благодати принося сюда!

Вероятно, это все — ошибка,
и, должно быть, ветер их завлек
на пути изменчивом и зыбком
посетить мой дикий уголок.

Только даже если это случай,
и серебряные крылья их
унесутся в розовые тучи
от убогих берегов моих —

я не стану плакать, сожалея:
пусть ушли — они ведь были тут, —
вот, и небо сделалось светлее,
и цветы душистее цветут.

...

Когда потухнут на пути огни,
я верю: наклонись ко мне, взгляни,
и будут дни мои озарены
лучами удивительной весны:

у солнца не настолько ярок свет,
и у ночи таких созвездий нет,
и надо мной, когда ты бросишь взгляд,
чуть видимые крылья прошумят.

НА БЕРЕГУ

Ушел, блистая парусами,
и я одна на берегу
пустыми, долгими часами
его лачугу стерегу.

Луна взойдет и не укажет
своим лучом, что ищет зря,
корабль, который тенью ляжет
на слишком дальние моря,

и даже думать я не смею,
что можно птицей белой пасть
к нему на дрогнувшую рею
и на обрызганную снасть.

У ОЗЕРА

Светилось озеро тихим светом
Послезакатного торжества,
С низким поклоном и приветом
К самой воде сошла трава.

Еще по воде ходили блики,
Еще розовела поверхность вод.
Еще последние птичьи клики
Сзывали к вечерне свой приход.

Но кто-то песню запел людскую
На дальнем краю лесной глуши,
Как будто хотел передать, тоскую,
Великую скорбь земной души.

И птичьи клетоты замолчали,
И стало тихо по всей земле,
И только эхо людской печали,
Дрожа, катилось в озерной мгле.

НА ЗАРЕ

Шли тропой лесных извилин
при луне.
Грозно гукал черный филин
на сосне.
Только нас ничто не смело
испугать —
На опушку вышли смело
через гать.
А потом восход встречали
у реки;
Пели песни на причале
рыбаки.
Розовел и золотился
тихий плес.
Нам тогда еще не снился
омут слез.

1

Музыка — она не умерла,
Но годами ты ее не слушал,
И она на цыпочках ушла
В темный лес, где отдыхают души.

Ты ее послушай в тишине,
Прислонясь спиной к столетней ели.
Слышишь, как в зеленой вышине
Запевают тонкие свирели?

Пахнет медом, травами в глуши,
Тишина звенит в дремучей чаще —
Это музыка твоей души,
Мудрой, справедливой, настоящей...

2

Музыка — она не умерла,
Захоти, и ты ее услышишь —
В звоне ветра, в шорохе крыла,
В воркованьи голубя под крышей.

У реки, где омуты до дна
Пронизали солнечные стрелы,
Музыка особенно слышна
Ясным полднем, осенью несмелой.

Там, где в воду никнут камыши,
Слышишь голос страстный и звенящий?
Это музыка твоей души,
Светлой, радостной и настоящей.

3

Музыка — она всегда с тобой,
Только ты ее сумей услышать —
В светлый час, когда морской прибой
Лижет скалы ласковей и тише,

А в высоком небе облака
В золотом сиянии сгорают —
Дирижера верная рука
Медленные такты отбивает.

Ляг на берег, слушай не дыша
И придет к тебе со вздохом ветра
Музыка, она — твоя душа,
И она прекрасна и бессмертна.

Зимний вечер. К оконной раме
Жмутся прутья холодных гнезд.
И сияет синее пламя
Уплывающих в вечность звезд.

И я думаю все упорней
О моей и твоей судьбе, —
О душе моей непокорной,
С этим телом в трудной борьбе.

А ночами чаще и чаще
Долетает с иных высот
Мандельштама шепот звенящий:
"Неужели я настоящий
И действительно смерть придет?"

МЕДИТАЦИЯ

Побудь с собой наедине,
Уйди в себя на час.
И точно в сладком полусне,
Не открывая глаз,

Глядися пристально в себя
И ты тогда поймешь
Все то, что мучило тебя,
Всю суету и ложь...

С самим собой наедине,
Не мудрствуй, не спеши —
Такой покой на самом дне,
На дне твоей души.

ПУЛЕМЕТЧИК СИБИРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Оставшимся спиртом грея
Пулемет, чтоб он не остыл,
Ты видишь: внизу батарея
Снялась и уходит в тыл.

А здесь, где нависли склоны
У скованной льдом реки,
Последние батальоны
Примкнули, гремя, штыки.

Простерлась Рука Господня
Над миллионом стран,
И над рекой сегодня
Развеет Господь туман.

Чтоб были виднее цели,
Чтоб, быстро "поймав прицел",
На гладь снеговой постели
Ты смог бросить сотни тел.

Широкие коридоры
Здания, что на Моховой, —
Привели тебя на просторы,
Где кипел долгожданный бой.

В двуколке, что там, в овражке,
Шопенгауэр, Бокль и Кант...
Но на твоей фуражке
Голубой отцветает кант.

.....
И совсем, как тогда, под елью,
(Над бровью лишь новый шрам), —
Ты меришь ногами келью,
Что дали монахи нам.

Сегодня, мгновенно тая, —
Снежинки... О, в первый раз!..
И мы, за Стеной Китая,
О прошлом ведем рассказ...

Обыденность буден сжала,
Как келья, былую ширь...
На стене — портрет Адмирала
Из книги: "Колчак, Сибирь".

И рядом с ним — твой Георгий,
Символ боев и ран...
— В городах выставляют в морге
Неопознанных горожан...

— Как сон, помню: шли без счета,
И в небе — горящий шар...
...И труп мой от пулемета
Отбросил в снег комиссар...

*Бэй-Гуань —
Пекинский монастырь*

КОНЕЦ ПУТИ

В смятении своем, ничему не веря,
По привычке призываю Тебя, Бог!
Я подобен раненому зверю,
Который заполз умереть в лог.

Над ним пылает небо, а в небе
Кружит коршун и зорко ждет...
Я мало думал о насущном хлебе,
И вот, Господи, пришел мой черед.

К чему же слова о лилиях долины,
И о тех, что не сеют и не жнут? —
Как рабы, согнули мы спины,
И гуляет по ним — Твой кнут.

Не дай видеть кровавые извивы,
Которые на потном теле вижу я...
Если слова Твои справедливы,
Если безгранична милость Твоя, —

Дай умереть свободным, как даешь зверю. —
Заползти поглубже в чащу кустов!..
...Ибо — я ничему не верю.
Не хочу собирать Твоих цветов.

*Бэй-Гуань —
Пекинский монастырь*

В ГОСПИТАЛЕ

В нашем тернистом пути
Устали сердце и ноги:
Можно ли счастье найти,
Обивая чужие пороги?

Но если не порвана нить,
В чаше — вина остатки, —
Хочется жизнь продлить
Для последней, смертельной схватки.

Умереть под победный рев
Смертью простой солдата,
Как расстрелянный Гумилев
В стихах написал когда-то.

И чувствуя на губах кровь
Проклятого нашего наследства,
Знать, что свободна вновь
Страна невозвратного детства.

ВОСПОМИНАНЬЕ

С этой солнцем обрызганной сопки
Изумрудною кажется гладь.
Треплет ветер ленивый и робкий
На глаза мне упавшую прядь.
Накапились лежащие камни.
Нежно галька хрустит под ногой.
И о чем-то поет тишина мне
И лепечет спадающий зной.
Ни жужжанья, ни птичьего крика.
Божий мир и спокоен и прост.
Вкруг меня расплзлась повилика
Сотней маленьких розовых звезд.
Богородскою травкой-тимьяном
Сладко пахнет родная земля...
Кратким счастьем, уплывшим в туманы,
Мне весна улыбнулась моя.

1939

ШИПОВНИК

Розовеет веселый шиповник...
Задыхаясь стою у плетня.
Это — он, моей грусти виновник!
Он прошел, не взглянув на меня!
Промелькнул. Второпях не заметил.
Тише, сердце... молчи... все равно...
День как будто и ясен и светел,
А в глазах почему-то темно...
Он под вечер заглянет, быть может,
Прощаться со мной и с отцом,
Лихо руку к фуражке приложит —
Как всегда молодец-молодцом.
Скажет бодро, с казачьим задором,
Что, мол, завтра в поход на войну.
Задрожат мои губы, но скоро
Отвернусь ненароком к окну.
Мой отец непременно припомнит
Невозвратные старые дни
И о том, как сейчас тяжело мне,
Ничего не узнают они.
Спрячу глубже и боль и волненье:

Над собою крепка моя власть.
Боже, Боже, хотя б на мгновенье
Мне к груди его, плача, припасть!
Осенить бы крестом и проститься,
Долго, долго в глаза поглядеть,
Молча ладанку с нашей землицей
Да Заступницы образ надеть!..
Но нельзя, мне нельзя: я — чужая,
Моя нежность ему не нужна!
Перекрестит его, провожая,
Вся в слезах молодая жена.
Мою руку пожмет он сердечно,
Поцелует отца, уходя.
И совсем не заметит, конечно,
На щеках моих капель дождя...
.....
Розовеет веселый шиповник.
Неподвижно стою у плетня.
Он — не муж мне, не брат, не любовник.
Отчего ж я — сама не своя?

НЕЖНОСТЬ

Всегда найдет, хотя совсем не ищет,
Ответит вмиг, вопроса не задав,
Зальет теплом случайное жилище,
Смягчит чужой стеснительный устав.

Не даст поднять и нетяжелой ноши,
Тайком цветы положит на порог,
Напомнит вдруг о чем-нибудь хорошем,
Без лишних слов, как будто между строк.

Вне лет, стихий, пространств и изменений
Ведущая мелодия — одна,
И с каждым днем звучат проникновенней
И без того глубокие тона.

Тихонько в дверь стучится неизбежность.
Трава в росе и ночь уже близка.
О чем грустить, когда все та же нежность
Другой руки касается слегка.

ЛЕДЯНЫЕ УЗОРЫ

Узор морозных ледяных цветов
На стекла лег причудливой каймою,
Сверкая самоцветною игрою
И голубых и алых огоньков.
В тиши ревнивых старых теремов
Царевны, над церковной пеленою
Трудясь, — красе замерзших лепестков
Давали жизнь искусною иглою.

В затейных травах расцветал атлас
И шелком, и царьградской канителью
Под нянюшкин неторопливый сказ,
Внимая чудесам, от рукоделья
Вдруг поднимались взоры синих глаз,
Забыв узор, подаренный метелью.

Примечание: "В старой Руси боярышни для вышивок пользовались узорами замерзших окон".

(Профессор Бицилли)

Уже закончен круг дневных забот,
И долгое шипенье самовара
Уж утомительно домашним Ларам,
И жизнь его вот-вот сейчас замрет;
Проверены задвижки и замки,
Разнежась, кот зевает на диване,
Раскрылись розы в узеньком стакане,
И в разговор вплетаются зевки;
Обед на завтра утвержден сполна,
Живее в рамках дорогие лица,
От стекол путь серебряный струится,
И сходит в нем Царица Тишина.

За город выйти, и тихо, без цели,
Узкой тропинкой брести,
Только бы дали вокруг голубели,
Строфы слагались в пути;
Только бы тяжкая туча сурово
Не преграждала им путь.
Только б из бездны восставшее слово
Жизнью дало имдохнуть...

ЭЛЕГИЯ

Там медленно солнце свершало свой круг
Сменялись так медленно зори,
Младенчеству — миром являвшийся луг, —
Все цвел в невозвратном уборе.
И шаг свой размеренно сдерживал год,
Шли тише в орбитах светила,
Когда из туманного детства — вперед
Вдруг Юность беспечно ступила...
Когда же легла, как железо вериг,
Усталость земная на плечи, —
Короче стал час, и поспешнее — миг,
Средь вздохов и противоречий...
Стремительны токи времен на пути
К печальным пределам заката;
Успеть ли венцом драгоценным сплести
Созвучий живые караты,
Успеть ли последнее бросить "Прости!"
Всему, что приснилось когда то...

СРЕДИ ПОЛЕЙ

Только одна над слетевшею тенью
Хмурится вдруг полоса!
В темном, неожиданном и строгом мгновеньи
Меркнет живая краса!
Рядом же, в жарком полуденном токе
Зыблется светлый прибой —
Край плащаницы безмерно широкой
Сумрачной заткан каймой!
Так вдруг темнеет твой день светлоокий
Под набежавшей слезой!

...

Чрез окно, что лунными лучами
Вырезано четко на стене,
Не разбив, не тронув тонкой рамы, —
Так нетрудно, в первом чутком сне, —
Выйти в осиянные просторы,
Где "Сегодня" встретило "Вчера",
И где "Завтра" поднимает взоры
К светлым безднам звездного шатра...
К необъятной звездной панораме
Льнет душа в стремленьи вековом,
Но тоскует сердце в запредельном храме
По родным просторам на пути земном...

ЗАКАТ

Привычная тропка к обрыву над морем,
К гульливой волне и к раздумью в тиши,
Туда, где так красочны, так хороши
И неповторимы вечерние зори.

Идти далеко. Лес обширен и густ.
Гурьбою сошлись великаны-стволы,
Сбегают, сливаются струйки смолы
На пень, на листву, на прижавшийся куст.

Ах, если бы душу легко мы могли
Отчистить от ржавчины, ила и гнили —
Тогда б ее заново мы просмолили
Вот так, как на верфях смолят корабли.

Мой пёс начеку: что ни шаг, то следы —
Зверья да врагов и не счесть здесь, пожалуй.
Что ж, если наш мир — это цепь вражды
От атомных бомб до осинового жала!?

Эх, если б иначе... Шагали б вот так,
Бок о бок, соседу ни в чем не мешая...
Жила бы без розни, без козней, без драк
Одна человеко-звериная стая.

Тут ель и сосна попеременно с пихтою,
Черника встает с человеческий рост.
Там виснут колибри и песней простою
Себя веселит после ужина дрозд.

В истерике белка метнулась по соснам...
Сиди — я до шишек твоих не охоч!
Торопко грызет, скоро в сумраке росном
Начнет свои крылья развешивать Ночь.

Но вот уже к морю приблизилась тропка,
И ветер из чащи мне шорох донес...
Я вижу — олень пробирается робко,
И носом поводит встревоженный пес.

А вот и опушка, и мы — у обрыва.
Весь запад багровым пожаром объят...
Рассыпало искры Господне огниво —
Мы встретились снова с тобою, закат!

Я помню: ложился ты в воды Босфора,
В орловских полях окунался ты в рожь,
В ливийских песках — где б я ни был, без спора,
По-своему всюду бывал ты хорош.

Таким же — тебя я не видел доселе,
Ты как-то скромнее бывал до сих пор.
Я вижу, как вспыхнули полымем ели,
Как весь запылал окровавленный бор.

Играют сполохи, и мечется пламя,
И взметы, и вздыбы, и рыжая муть...
Как будто художник смеется над нами,
Швыряя мазки наобум, как-нибудь.

Там хлопья и пятна, крутя в беспорядке,
В высь синюю чья-то бросает рука,
А ниже друг друга в отчаянной схватке
Сметают и топчут и рвут облака.

Ты знаешь, таких ведь, как ты, не бывает.
И красок таких я найти бы не смог.
Так что ты такое — видение рая,
Жар-птица иль просто дешевый лубок?

Вдруг все изменилось. Спокойная осень...
Сменяются краски, как сказки, как сны —
Из пламени — бронза, из облака — просинь,
И слез чистота — из багровой волны.

И вот уже вечер, лилов и прохладен.
Обратной тропкою я к дому бреду,
И хоть я и полон царапин и ссадин,
Зато словно душу омыл на ходу.

STILL COVE

(Спокойная бухточка)

Still Cove — это Яхт-клуб, бронза купальщиц,
лимонный песок, невероятно яркая зелень, магнолии,
необычайная синева океана — в общем,
незабываемый уголок...

(Из руководства для туристов)

Мы на скале — ты помнишь это утро?
И смотрим мы, дыханье затаив,
Как врезался осколком перламутра
В песчаник невсамделишный залив.

Бывает — на копеечной открытке
Глаз режут карамельные цвета —
Лазури, зелени — всего в избытке.
Как приторна бывает Красота!

Но незаметно пронеслись года,
И из чужой открытка стала нашей,
И все теперь приемлемей и краше,
Все, что казалось приторным тогда.

Да снился ль нам с тобой такой подарок?
Ведь рай земной, куда ты взор ни кинь!
И вот уже привычна моря синь,
А цвет магнолий уж не так и ярок.

Но как бы я, волнуясь и спеша,
Был рад расстаться с красочной открыткой,
И все сменить на — шелест камыша
И даль степей с калмыцкою кибиткой!

ЧЕРНЫЙ ГОРОД

В черном городе стали и угля
Серой пылью подернуты лица.
Труд, рабочие плечи сутуля,
Над убожеством жизни глумится.

Вечерами, у стынущей печи,
Учит мать ненавидеть богатых,
Злостью детскую душу калечит,
Добиваясь найти виноватых.

В том — что сказки так рознятся с былью,
В том — что дети сегодня не ели,
В том — что харкает угольной пылью
Умиравший муж на постели.

Но весной, когда синие глубины
Открываются в пепельном небе,
Здесь, как всюду, мечтают и любят,
Забывая о стали и хлебе.

Шарлеруа, 1937

Это было — в Брюсселе? В Париже?
Может быть, и не здесь, и не там?
Помню: серые скользкие крыши
Ввысь ползли, к дождевым облакам,
А вокруг что-то мчалось, скрипело,
На распутье махал полисмен
Парой рук ослепительно-белых,
Дирижируя хором сирен.
Город шумно дышал, шевелился,
Липла к лицам фабричная гарь,
И над всем этим нежно круглился
Фиолетово-бледный фонарь.
Каждый знал, — ночь ничто не заменит,
Смятых крыл не расправит полет.
Никаких не рассеет сомнений
От зари до зари проползет.
Может, кто-то кого-то задушит,
Пустит кто-нибудь пулю в висок?
Но ничто никогда не нарушит
Этой жизни размеренный ток.
Это было в Брюсселе? В Париже?

Может быть, и не здесь, и не там?
Помню серые скользкие крыши
Ввысь ползли, к дождевым облакам.

BASSIANA

Графу Адаму Оршичу-Славвтичу

Колеса мельницы в глухом канале
Гексаметром торжественным стучат.
В осеннем небе цвета пыльной стали
Пионом распускается закат.
Но стройный хор былых великолепий
Не прозвучит из кукурузных чащ.
Ужели здесь державный Рим на степи
Когда-то опустил багряный плащ?
Молчит земля. Лишь имена и даты
Еще хранит могильный мрамор плит,
Где строй отточенный классической цитаты
Рукою грубой варвара разбит.
Да мирный плуг, возделывая нивы,
Из темноты выносит вновь на свет
Лик четкий "Августов Благодетельных"
На бронзе зеленеющей монет.
И только в сумерки, в прозрачной сини
Над древним форумом дрожит звезда —
Вечерняя спокойная богиня
Свои обзревает города.

В. А. С.

Губ твоих румяных зрелый мед
Береги для радостных и чистых,
Но топи во мне неверья лед
Теплым блеском глаз твоих лучистых.

Ласковая, боль мою уйми,
Слов не трать ненужных укоризны.
Просто в руки голову возьми,
Убаюкай песнями отчизны.

Память стран чужих и городов
Бременем тяжелым горбит плечи.
Эту пыль и сор пустых годов
Только ветер родины разметет.

Расскажи, какая там весна,
Так же ли голубоглазы дети,
Так же ли страны моей леса
Дышат дремной сыростью столетий?

Я давно и здесь и там чужой,
Я боюсь уйти из мира лишним,
Руку дай — за времени межой
Страшно нищим встать перед Всевышним.

Берлин, 1943

НА ОТЪЕЗД В АМЕРИКУ

Напруженные цепи заскулят,
Втянув в ноздрю тяжелый влажный якорь,
Качнет движение легкое руля
На жирной глади знаки Зодиака.
Отвалит пароход тяжелый бок
От пристани, заваленной товаром,
И выдохнет в клокочущий свисток
Тугой комок сырого пара.
И будут дни склоняться над водой,
И ночи поплывут над блестящей зыбью.
Все прежнее, любимое тобой,
Целительные ветры моря выпьют.
И новая спокойная душа
Из пены вод вздыхающих родится.
Чтоб, обновленным воздухом дыша,
О днях еще неведомых томиться.
И в некий миг разверзнет небеса
Видение в предутреннем тумане.
И Статуя Свободы, на часах
У мира нового, в сияньи встанет.

Звезды купались в асфальтовых лужах.
Черные стены парижских домов
Прятали в комнатах серенький ужас
Снов непристойных, удушливых снов.

Шинами чмокали автомобили.
Изредка ночь разрывали свистки.
Женщин в отчаянье били, любили,
Женская доля: любовь, синяки.

Счастье? Но счастья лишь малые крохи
Перепадает: насмешка и срам.
Прячется боль от дневной суматохи,
Снам не мешая — удушливым снам.

В небе, везде одинаковом небе,
Звезды и, может, обещанный ад.
Солнце взойдет, но заботы о хлебе
Опередят его, опередят.

Никто не провожал. Никто не встретил.
Никто не знал, какая боль была
В испуганной душе, в вечернем свете,
В ночных огнях, сжигающих дотла.

И было тускло все и без привета
В стране скупой, в стране совсем чужой.
Я бодрствовал всю ночь. Я ждал рассвета.
И он пришел, холодный и пустой.

Под мертвым небом европейским
Голодная земля суха.
Ни плакать, ни молиться не с кем, —
Теперь не миновать греха.

И только хорошо, что с нами
Веселый, непристойный джаз,
А за прозрачными горами
Смиренно молятся за нас.

Нас разделяют границы,
Сторожевые посты.
Перелетают их птицы.
Только не я и не ты.

Стынут в полях паровозы.
Рельсов подкошен разбег.
Глядя на белые розы,
Вижу я розовый снег.

Пятнами пыль на картоне.
С пылью смешались цветы.
Я убегал от погони.
Ты — убежала ли ты?

. . .

Стакан вина у стойки грязной.
Патрон, налей еще вина.
Нам в этой жизни несуразной
Не повезло. Так пей до дна.

Так пей, не думая о доле.
Не искушай своей судьбы.
Средь алчной европейской голи,
Быть может, всех счастливей ты.

. . .

Все чище голос мой, все чище,
Хоть равнодушен мир и пуст.
Весна неизреченных чувств
Цветет на всяком пепелище.

И звонче голос мой, и звонче.
Но осень уж пора встречать.
И если надо песнь кончать —
Мне дома хочется закончить.

. . .

Сверлит сверло сомненья
И мысль за ним вослед
Винтом умокруженья
Спасается от бед.

Душа, мой пьяный ангел,
Что делать мне с тобой?
А дни идут, как танки,
В победоносный бой.

И жизнь нам по колено.
Но смерть не по плечам.
И все здесь — все измена,
Предательство и срам.

Душа, беспутства спутник,
Что делать мне с тобой
Здесь, в этом мире смутном,
Где жизнь — неравный бой?

ЗАВИРУХА

Елей серебрящихся наметы
Стали и грузнее и пышней.
Вновь курят глубокие суметы.
Стружит снег вьюга среди полей.

Снова заметь свищет и гуляет,
И следы полозьев занесло.
Сечень-белоризец окунает
В звездную крестильницу село.

Сам охоч до пляски, прятки, жмурок, —
Над парчей змеящейся куры, —
Полумесяц из-за мглы, что турок,
Смотрит на забаву детворы;

Смутно видит сквозь фату метели
Отраженный в стеклах блеск свечей,
Мишурой мерцающие ели,
Тут и там гадающих людей.

Смотрит и Медведица Большая,
Из-за туч взглянувши невзначай,
Как скорлупка, в чаше проплывая,
Вдруг огнем зажжет бумажки край.

И глазют ведьмы заметухи
В окна из-за снеговых холмов,
Как на картах ворожат старухи
И сулят "дорогу", "женихов",

"Письма", "хлопоты" и "дом казенный";
Видят, тени воска на стене
Гроб иль челн выводят плоскодонный,
Трубача на вороном коне...

Вновь разъяснило. Глядят Стожары,
Как мелькает в пляске молодежь,
Как, подпав под хмелевые чары,
Краснорожий бесится кутеж...

Утихает ветер. Чуть кружится
Снег вокруг сугробов на полях,
Стар и млад, усталый, спать ложится.
Меркнет Утренница в небесах.

* * *

Когда я один и мне грустно,
Лишь ты, утешающий стих,
Даришь мне живую отраду,
Спасая от горестей злых.

От темных сомнений, от боли,
От острых колючих тревог
Кто, кроме твоих переливов,
Избавить поэта бы мог?

В твоей упоительной власти
Навеять чарующий сон,
Мечты уносить в беспредельность
За пояс жестоких времен.

1927

Metsäkylä

НЮЛАНДСКИЙ СОНЕТ

О, Гельсингфорс, излюбленный ветрами,
Ты мало, горделивец, мне знаком.
По стогнам я твоим бродил пешком.
Но ты с двумя своими языками
Не близок мне; стеной они меж нами.
К твоей красе холодной не влеком,
Незванным и ненужным чудачком
С тебе чужими мыслями, мечтами
Себя я чувствовал; хоть скал гранит
Здесь, там в столице и меня бывало
Пленял, но ныне больше не манит
С тех пор, как сердце холод злой познало
Враждебного нам племени людей,
Суровое безмолвие камней
Сочувствия в душе не вызывает,
Сердец закрытых символ отвращает.

1942

САФИЧЕСКИЕ СТРОФЫ

Зелены еще у сирени листья.
Все желтей кругом, все желтей шиповник.
Серый полог туч удручает. Ветер
Клонит деревья.
Моросит подчас. Иногда бичами
Хлещет крепкий дождь. Много луж повсюду.
Уж мороз не раз покрывал их коркой.
Снег уже падал.

Старых вётел ряд у воды озерной
Все еще стоит в золотой одежде,
И не все, не все оголились окрест
В роще березы.

Неприветлив день, этот день осенний,
Тусклотой своей он тоску наводит.
Если хворь к тому ж человека мучит,
На сердце хуже.

Кто здоров теперь в пору злых побоищ,
В пору скорби, нужд, голодухи, гнева,
Разрушений... Страх за себя, за ближних
Все испытали.

Вот и дождь опять, и еще мрачнее
На душе моей. Мгла над хмурым лесом,
Над речушкой той, над озерной зыбью
Снова кочует.

1942
Klaukkala

Не напрасно загорелось золотое,
Золотое, что мы жизнью называем:
Эти сосны, освеженные зарею,
Это облако с порозовевшим краем.

Эти ведра у колодца, с легким плеском,
С мягким плеском рассыпающие воду,
Гул трамвая за соседним перелеском,
Отдаленный перезвон по небосводу.

Из-за четкого вечернего покоя,
Из-за тучки над колодцем тонкошеим,
Из-за жизни наплывает золотое,
Золотое, что назвать мы не умеем.

* * *

Удалось однажды родиться.
Обещали: жизнь впереди.
От надежд голова кружится,
Сколько силы в плечах, в груди.

Вот и юность. Теперь уж скоро.
Вот и старость. Где же, когда?
За окном — решетка забора,
Телефонные провода.

Это все! Конечно, до гроба.
Это жизнь? А кто же? Она.
Значит, это лишь так, для пробы,
Значит, будет еще одна.

* * *

Мне кто-то подарил окно в вечерний сад
И складки легкие оконной занавески,
И сквозь окно в саду отвесных сосен ряд,
Их бурые стволы в косом закатном блеске.

Взволнованно слежу, как медленный закат
Беззвучно клонится, огромен, чист и ярок,
О, неужели Бог когда-нибудь назад
Свой удивительный потребует подарок?

Сижу над стаканом чаю,
Вечерние окна глухи.
Я жизнь, как стихи, читаю.
Читаю жизнь, как стихи.

Позма страниц на триста.
Читаю в один присест.
Растянуто, водянисто,
Лишь пара удачных мест.

Удачны отдельные строки.
Ну, скажем, первые сны
О том, что женские щеки
И розовы и нежны.

Строки о первом романе:
Как в комнате у нее
Сидели в углу на диване.
Сидели — и это все.

О том, как лежал кадетом
В саду, в траву животом,
И были: сад разогретый
И я, и Жюль Верна том.

Или еще (не вчера ли?):
В столовой, молча с женой,
И четко часы стучали.
Стучали часы надо мной...

Отдельные полные строки,
Насыщенной жизни клочки.
Беспримесной и глубокой...
Все прочее — пустяки.

Все прочее — нагроможденье
Пустых и случайных фраз.
Плохое стихосложение,
Ненужно длинный рассказ.

Про годы скучной работы,
Про то, как становишься стар.
Про службу, деньги, заботы
И вечной спешки угар.

И даже про климат гадкий.
Про дождь несносный наш...
Читаю все по порядку
И злобно грызу карандаш.

На каждом шагу заминка.
Вычеркиваю и рву.
— "Вот эти главы в корзинку,
Оставить одну строфу".

Задумано — гениально.
Исполнено — ерунда.
С решительностью похвальной
В корзинку — и без следа.

Сижу над стаканом чаю.
Перебираю клочки.
Я жизнь, как стихи, читаю
Сквозь старческие очки.

Разлуки срок уже к концу подходит.
А чем успел я сердце умудрить?
Мечтой упрямою о счастье и свободе,
С чем все труднее и труднее жить.

И ты вернешься: в комнате укромной
Укрыться от невзгод и от людей.
Но я открою двери в мир огромный —
Смотри, как много у меня друзей.

Смотри, как много близких и далеких.
А ближе тот, с кем жить всего трудней...
Мы все проходим трудности уроки,
Чтоб стало после слаще и вольней.

Среди осколков счастья — кто сумеет
Узнать то слово, что ты ждешь в ответ?
Кто всех вернее сердцу разумеет?
Иль у кого — совсем и сердца нет?..

...

От бедности сердечной принимаем
Мы за любовь лишь скуку в голосах.
От беспредметной ревности не знаем
Мы жалости — и заглушаем страх.
Ее нечаянное восклицанье —
И вот уже тебе злорадство льстит.
Как блеклый занавес, воспоминанье
Над бессердечною игрою шелестит...
Не обещай все вовремя поправить.
Смотри: окно открыто в темноту.
Как страшно — так беспомощно лукавить...
О, пощади последнюю мечту!

...

С кровью тяжелой и душной,
Как смола на шоссейной дороге,
Когда в ней солнце утонет,
С головою мутной, и совсем без ног, —
Упасть на хвой
И проснуться от пения сосен,
Которые тянутся к звездам...

Такой чистый свет, что, наверное,
От него б не было ни одной тени,
Если бы все здесь
Не была одна сплошная тень.

СЕРДЦЕ

Недостойному, мне ли пристало
о великом, о тайном начать?
Но об этом душа зашептала
и об этом нельзя умолчать.

Не уйду от тебя никуда я,
ненасытная совесть моя.
Некрепка моя вера худая,
маловерная вера моя.

И когда бы чужое насилие
повелело: покинь, отойди —
я бы сбросил духовные крылья,
сердце выбросил бы из груди.

Оттого-то, в последний быть может
я скажу о духовных делах.
Ведь и вас это дело тревожит,
ведь и вас посещает Аллах.

В мире наших ужасных волнений,
в море яда, в чугунном бреде
преклоняю старинно колени,
славословлю, поклоны кладу.

Вас приветствую, слабые храмы,
сад единственный в пропасти зла —
острия католической Дамы,
православных церквей купола;

мусульманский высокий обычай:
чистым сердцем и чистой пятой...
Бейся, сердце, от разных обличий
человеческой веры святой.

О святая святых синагоги!
Если б я среди набожных рос,
я бывал бы в печальном чертоге
очистительно-жалобных роз.

Нет, я вырос без церкви, без быта.
Как же стало, что с каждой весной
очевидней, сильнее открыта
глубина, ширина надо мной?

Неужели до самой кончины
буду я не оставлен тобой
и тобой награжден без причины,
дивный воздух, покров голубой?

Сколько радости было дано мне!
Эти сорок счастливейших лет.
Не бывает удача огромней,
не бывает блистательней свет.

Хоть мученье, позор и увечье
на меня бы теперь низошло —
совершилось мое человечье
незаслуженное ремесло.

Как безумно, как страшно, как дико
Сердце мира вполне возлюбить;
жадным волком, собакою дикой
перед смертью об этом провыть.

Потому что не скажется словом
безграничное поле любви:
снежным пламенем в небе свинцовом,
разложением в смертной крови.

УГОЛ

Незаслуженное чудо
ожидает за углом
тех, которым очень худо.
Обогни стоячий дом.

Усмири тревожный трепет
в шумной и большой груди.
Удержи сердечный лепет.
Темный угол обойди.

Воцари в спокойном сердце
золотую пустоту,
победи в пустынном сердце
кровяную суету.

Темный угол, угол дома
обойди и обогни.
Грянули раскаты грома,
вспыхнули его огни.

Тем, которым было худо,
стало просто и светло.
Неожиданное чудо
не случиться не могло.

СЕСТРА

Не говори как все: одной не миновать,
двум не бывать. Не две — неисчислимо много.
Отряд живых смертей с тобой шагает в ногу.
Забудь. Не вызывай. Страшись именовать.

Пока твоя болезнь тебя не обняла
как сладострастница, которая потушит
твой пыл, умрет сама, но и тебя задушит, —
справляй в молчании привычные дела.

Не думай об ее коварных западнях.
Твоим житейским дням довлеет жизни злоба.
Не зная друга друг, перемогайтесь оба.
Бок о бок с ней живи в неблагодарных днях.

Ты знаешь, мы в бреду и все туман и страх.
Но празднуй всем богам за то, что ты не болен,
что ты еще здоров, еще свободоволен
и к небесам взлетать, и опускаться в прах.

Она уже с тобой, хоть не пришла пора
тебе ее познать и с ней соединиться —
намеченная тень, враждебная близница:
болезнь предвзятая, безмолвная сестра!

МЕРА

Всегда чего-нибудь нет, —
Чего-нибудь слишком много...
На все как бы есть ответ —
Но без последнего слога.

Свершится ли что — не так,
Некстати, непрочно, зыбко...
И каждый неверен знак,
В решенье каждом — ошибка.

Змеится луна в воде —
Но лжет, золотясь, дорога...
Ущерб, перехлест везде.
А мера — только у Бога.

ВЕЧНОЖЕНСТВЕННОЕ

Каким мне коснуться словом
Белых одежд Ее?
С каким озареньем новым
Слить Ее бытие?
О, ведомы мне земные
Все твои имена:
Сольвейг, Тереза, Мария...
Все они — ты Одна.
Молюсь и люблю... Но мало
Любви, молитв к тебе.
Твоим-твоей от начала
Хочу пребыть в себе,
Чтоб сердце тебе отвечало —
Сердце — в себе самом,
Чтоб Нежная узнавала
Свой чистый образ в нем...
И будут пути иные,
Иной любви пора.
Сольвейг, Тереза, Мария,
Невеста-Мать-Сестра!

БЫТЬ МОЖЕТ

Как этот странный мир меня тревожит!
Чем дальше — тем все меньше понимаю.
Ответов нет. Один всегда: быть может.
А самый честный и прямой: не знаю.

Задумчивой тревоге нет ответа.
Но почему же дни мои ее все множат?
Как родилась она? Откуда?

Где-то —
Не знаю где — ответы есть... быть может?

КАК ОН

Геorgию Адамовичу

Преодолеть без утешенья,
Все пережить и все принять,
И в сердце даже на забвенье
Надежды тайной не питать. —

Но быть, как этот купол синий,
Как он, высокий и простой,
Склоняться любящей пустыней
Над нераскаянной землей.

ПРОРЕЗЫ

Здесь — только обещания и знаки:
Игла в закатном золоте вина,
Сияющий прорыв, прорез на мраке...
Здесь только счастье — голубого сна.

Но я земным обетам жадно внимлю.
Текут мгновения, звено к звену.
И я люблю мою родную Землю,
Как мост, как путь в зазвездную страну.

И этот вечер, весь под лунным жалом
(Все вечера, все вечера — один!),
Лишь алый знак, написанный кинжалом
На терпком холоде зеленых льдин.

И чем доверчивее, тем безгрешней,
Люблю мое, высокое окно.
Одну Нездешнюю люблю я в здешней,
Люблю Ее... Она и ты — одно.

ЗЕРКАЛА

А вы никогда не видели?
В саду или в парке — не знаю,
Везде зеркала сверкали.
Внизу, на поляне, с краю,
Вверху, на березе, на ели,
Где прыгали мягкие белки,
Где гнулись мохнатые ветки, —
Везде зеркала блестели.
И в верхнем — качались травы,
А в нижнем — туча бежала...
Но каждое было лукаво,
Земли иль небес ему мало, —
Друг друга они повторяли,
Друг друга они отражали...
И в каждом — зари розовенье
Сливалось с зеленостью травной;
И были, в зеркальном мгновеньи,
Земное и горнее — равны.

ETERNITE FREMISSANTE

В. С. Варшавскому

Моя любовь одна, одна,
Но все же плачу, негодуя:
Одна, — и тем разделена,
Что разделенное люблю я.

О Время! Я люблю твой ход,
Порывистость и равномерность.
Люблю игры твоей полет,
Твою изменчивую верность.

Но как не полюбить я мог
Другое радостное чудо:
Безвременья живой поток,
Огонь, дыхание "оттуда"?

Увы, разделены они —
Безвременность и Человечность.
Но будет день: совьются дни
В одну — Трепещущую Вечность.

ИГРА

Совсем не плох и спуск с горы:
Кто бури знал, тот мудрость ценит.
Лишь одного мне жаль: игры...
Ее и мудрость не заменит.

Игра загадочней всего
И бескорыстнее на свете.
Она всегда — ни для чего,
Как ни над чем смеются дети.

Котенок возится с клубком,
Играет море в постоянство...
И всякий ведал — за рулем —
Игру бездумную с пространством.

Играет с рифмами поэт,
И пена — по краям бокала...
А здесь, на спуске, разве след —
След от игры остался малый.

Пускай! Когда придет пора
И все окончатся дороги,
Я об игре спрошу Петра,
Остановившись на пороге.

И если нет игры в раю,
Скажу, что рая не приемлю.
Возьму опять суму мою
И снова попрошусь на землю.

УТЕШЕНИЕ

Все наши прежние устои
Летят, как из подушки пух.
Весь опыт ничего не стоит.
Расщеплен атом, ум и дух.

Заварена такая каша
Из достижений и угроз,
Что все проблемы жизни нашей
Нельзя воспринимать всерьез.

Итак, восславим провиденье
За то, что сохранен для нас
Беспечности и удивленья
Неограниченный запас.

НА ЧУЖБИНЕ

Ведь мне немного надо,
Хотел бы тишины.
Восставшему из ада
Забавы не нужны.

С любимыми своими
Я тут живу давно,
Не с прежними, с другими;
Что ж, это все равно.

Что было, то уплыло.
Но след остался там,
Где смерть за мной ходила,
Как нянька, по пятам.

Лишь ты меня не мучай,
С укором не смотри,
Когда сушу, на случай,
Ржаные сухари.

Не мудрено, не мудро
Жить с горем пополам.
Сейчас в России утро
И где-то, где-то там...

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Я вырвался из плена,
Как ветер на простор.
Теперь мне по колено
Вершины снежных гор.

Воспоминанья тают,
Все горести забыл.
Не чуя ног летаю,
Парю, не зная крыл.

Так празднично и ярко,
Нет никаких забот;
Устои все насмарку,
Навыворот, вразброд.

Лишь где-то еле-еле
Сомненье: странный свет?..
Такого в самом деле
В земной юдоли нет.

РУБИКОН

Краской намечена мутной
Жизни суровой стезя.
Вот и решай поминутно:
Можно, возможно, нельзя?..

В рамках понятий готовых,
В путах привычек и мод,
На непреложных основах
Каждый, с оглядкой, живет.

Страхи, заставы, запреты
Непроходимы уже.
Лишь облака и поэты
не признают рубежей.

SILENTIUM

Все невпопад и не под статью.
Бессмысленно и грустно
Стихи в Америке писать,
В чужой стране — по-русски.

К кому обращены они
Своим раздольем звонким,
Как ветер, как в лесу огни,
Как смех и плач ребенка?

Ну что ж, смирись и не перечь.
От века и до ныне,
Поэта пламенная речь
Лишь вопль среди пустыни.

Как рыба, жабрами дыша
В холодном океане,
Пусть молча плавает душа,
Пусть сердце камнем станет.

Пусть будут замыслы твои
Водой забвенья смыты.
"Молчи, скрывайся и тай"
И звуки и молитвы.

Древний помещичий сад,
Звук отдаленной свирели.
Тихий в душе аромат
Яблочной прели.

В зарослях стынувший пруд.
Рыбы, уснувшие в тине.
Тонкую пряжу прядут
Парки на желтой куртине.

Памяти легких шагов
Музыка в сердце слабеет.
С опустошенных лугов
Ветер медлительный веет.

Вспомни, вернись и взгляни:
Дремлет ампир деревянный.
Первоначальные дни
Юности странной...

Только в изгнании моем
Раны перстами закрою.
Полнится дней водоем
Облачной, мутной водою.

Л. М. Роговскому

Не говори о страшном, о родном,
Не возмущай мои тысячелетья,
Еще болею повседневным сном,
Которого не в силах одолеть я.

В душе вскипают сонные ключи
И леденеют водопады,
А жизнь мерцает тусклостью свечи
В разверзшиеся мириады.

Так средь азийских кочевых племен,
Плененному наречием гортанным,
Заложнику певучий снится сон
О языке родном и богоданном.

* * *

Шестикрылая мучит душа
Безнадежно двурукое тело.
Дальнозоркое сердце, спеша,
Покидает родные пределы.

Разум мерит вседневный обман;
Прорастает сознание глухо.
Только знаю — придет Иоанн,
Переставить светильники духа.

МОНМАРТР

Мельницы лживый скелет
Вялыми машет руками.
Желтый колеблется свет,
Стынет под фонарями.

Дай-ка заглянем в кабак.
Песенки, верно, все те же.
Красный фригийский колпак
Публику сонную тешит.

Лишь безобразный собор,
Там, на холме величавом,
Смотрит спокойно в упор
В очи померкнувшим славам.

Уличек узенький бред,
Нищенский шепот унылый...
Встретит туманный рассвет
Утра слепое светило.

* * *

Вокруг волос твоих, янтарней меда,
Уже давно мои витают пчелы.
И сладостная тихая дремота
Нисходит в опечаленные доли.

И золотая, юная комета
Там, в небесах, яснеющих, пылает.
Душа плывет в волнах эфирных света,
В твой сонный мир незримо проникает,

И мы плывем — легчайшее виденье —
Очищенные огненной мукой,
Как две души пред болью воплощенья,
Перед земною страшною разлукой.

...

За это одиночество
И эту тишину
Отдам я все пророчества,
Сердечную весну,

И полдня прелесть сонную,
И тела древний хмель,
И полночи влюбленную
Двужалую свирель.

Томленье недостойное
Я в сердце победил
И слушаю спокойное
Течение светил.

К чему любви пророчества,
Душа, как сны, вольна.
Такое одиночество,
Такая тишина.

Разобран лесок тропинками.
По ребрышкам и бренча,
С заминками и с запинками
Подходит вода ручья.
Как будто уже погонями
Застигнута — ты бежишь,
Зачерпываешь ладонями,
Хоронишься за камыш.
И смотришь, и снова кажется,
Что там, в глубине руки,
Шальное крыло развяжется
И вылетят светляки.
Сейчас из-под кожи выступит
Живая голубизна,
И выпорхнет кровь на выступы
Из неживого сна.
Горя легчайшими мушками
От счастья и от стиха,
Схоронится за подушками
Гагачьей опушки мха.
Чтоб вечером не заметили
Настоящие светляки,
Кто чертит синие петли
Огнем у твоей руки.

. . .

От слов твоих, от памяти моей
И от почти такого же апреля,
Опять поет забытый соловей,
И близится пасхальная неделя.
Но все встает в какой-то полумгле
И призраками — праздничные лица,
Цветы сияют мутно на столе,
А соловей, как заводная птица.
Он так поет, что плачет богдыхан,
В истрепанном собрании Андерсена:
Хочу того, — но тяжелей туман,
И дальше север, и слышнее Сена.
И девочка под заводную трель
Бойтся так, как прежде не боялась
Сказать тебе, что и сейчас апрель,
Что с нами память, кажется, осталась,
Что можно бы попробовать еще.
Но вот она сама уже не верит,
Хоть соловей садится на плечо
И щелкает, и нежно лицемерит...

И дождь идет без запаха дождя,
Без шелеста, стекая с переплета,
Где спят герои, руки разведя,
Как для объятья или для полета.

*“Этот ужас и этот зной
Называются тишиной”.*

Бессонница
1942 г.

Зияющая пустота,
Не торричеллева, а — хуже...
Замкнула зрение, слух, уста.
Все стало ближе, стало уже.
Не детский сон, не бремя зла
Бессонницы. Не бред, не бденье...
Но порошит огнем зола
Мое иное пробуждение.
Приходит смерть к душе живой
И пламенно пугает адом.
Но — мнится райской синевой
И шорохом вверху и — рядом.
Почти притиснута к земле,
Личинка бледная, простая,
Лежу бессмысленно в золе,
И крылья зябнут. Вырастая...

1977

СЕВЕРНОЕ

Ничего не слышно о сиренах
(О русалках я не говорю),
А они лежали на моренах,
Глядя на вечернюю зарю.
Зимний дивный город Копенгаген.
(Мне приснился снова Андерсен...)
Легкий ветер бродит по бумаге
И ласкает волосы сирен.
На Балтийском море ходят волны
Острые, как серые ножи.
Знаешь, Петербург, всегда безмолвный,
Где-то здесь, поблизости, лежит.
Рыбий хвост у девушки на камне.
Каменная девушка — проста.
И как в сказке Андерсена давней,
У нее безмолвные уста.

1977

Жаровня пышет. Абрикосы
Янтарны в блещущем тазу.
Уж вечер. Неба бирюзу
Зажгла заря; прощально-косы,

Лучи последний блеск дарят...
И на твоей головке косы
Старинной бронзою горят.

ВДОХНОВЕНЬЕ

Миг вдохновенья — жизнь в былом,
Во тьму грядущего прозренье,
И мирозданья претворенье,
И чувств таинственный излом:

Стоцветен спектр, стозвучна гамма,
В чуть слышном трепете — псалом,
В одной пылинке — косморама.

Повеял вечер. Нежит сном он
Усталый мир. Все спит в селе;
Спит лунный лик в речном стекле,
Спит лес и в гнездах птичий гомон;

Поля молчат в душистом сне,
И только в тайнах звезд — недреман
Глас Бога, внятный в тишине.

Гудит набат. Дрожат слолохи.
Зловещи знаменья судьбы...
Но тишь в усадьбе: спят дубы,
Тая об ярком прошлом вздохи,

И сонный лебедь на пруде
Виденьем гибнущей эпохи
Белеет призрачно в воде.

Мы глухи. Плоти ткань груба —
В нас прежних жизней струны немы...
А сны — веков былых поэмы:
В них веет древняя судьба,

Как аромат в заветных винах,
Давно укрытых в погреба
В тяжелых каменных кувшинах.

Чем глуше шепот бледных будней,
Чем строже тишь немых ночей,
Тем жажда жизни горячей,
Тем поиск счастья безрассудней;

И сердце в море темноты
Кочует на тюремном судне
Под флагом царственной мечты.

ВЕЧЕР

Угрюм осенний вечер хмурый,
Но в тихой комнате уют:
Покою ткань ткет такт минут,
Свет ламп смягчают абажуры,

Сверчок стрекочет песнь свою —
И милый облик белокурый
Склонен заботливо к шитью.

В ЛЕСУ

Глушь все чернее. Лес-кудесник
Пути назад заморозил...
Угрюмых сосен старожил,
Грозит мне ворон, бед предвестник, —

Но светел я, простясь с тоской,
И в сердце, древних чащ ровесник,
Глубокий, благостный покой.

Великий Боже, длящий сроки,
Благодарю за новый день!
За трепет утра, за сирень,
За блеск реки и шум осоки,

За говор птиц над головой, —
За весь Твой мир, такой широкий,
Гостеприимный и живой!

ЭКСПРОМТ

Спокойный угол, оттоманка,
Забвенье всех житейских пут —
И чудом вымыслы цветут:
Как в сказке скатерть-самобранка,

Так грезы стелет тишина;
Созвучья реют, и чеканка
Стиха внезапного вольна.

Под обольщающей личиной
Скрыв язвы скорби и невзгод,
Земная жизнь — червивый плод,
Повитый смертной паутиной;

И не могу поверить я,
Чтоб этот путь наш был единой
И высшей целью бытия.

Янтарно-желтая оса
Над золотистой медуницей
Поет задумчивой цевницей;
И песню светлую роса,

Истаяв трепетным алмазом,
С земли уносит в небеса
О счастье радостным рассказом.

БОГ

Мой Бог — Кто скрыт под
шелухой вещей, Кого назвать
боялся Моисей, о Ком скрывал
на проповеди Будда, и Иисус —
назвал Отцом людей.

Мой Бог, Кто будет
жив во мне, покуда я сам
Его живым дыханьем буду;
в начале шага, взора и
речей, о Ком, во мне жи-
вущем, не забуду;

Кто не прибег еще
для славы к чуду в тюрьме
и смуте, в воздухе полей,
в толпе, к ее прислушиваясь
гуду, в возне плиты и воплях матерей;

Кто делает все чище
и добрей, открытый в жизни
маленькой моей.

ЛЮБОВЬ

У звезд и трав, животных
и вещей есть Плоть одна
и Дух единый в ней.

Он есть и в нас, — пусть
цели и нажива нас гонят
мимо жизней и смертей.

Но ты смирись и уважай
людей: что в них и с ними,
жалко и красиво;

ты сожалей и милуй все,
что живо — не повреди, щади
и не убей.

Люби не Я, как тело любить душу: и соль морей, и каменную сушу, и кровь живую, в брожение звезд
земного шара золотую грушу.

Как на птенцов, свалившихся из гнезд, дыши на всех: на выжатых как грозд, на злых и наглых, вора и кликушу, кто слишком согнут и кто слишком прост.

Пусть твоего Дыханья не нарушит ни жизнь, ни смерть, ни почести, ни пост, который в ранах папиросы тушит.

ЗЕМНОЙ РАЙ

Заря цветет вдоль неба, как лишай. Где труп кошачий брошен за сарай, растет травинкой желтой и бессильной отвешенный так скупое людям рай.

Вот проститутка, нищий и посыльный с податками на новый урожай. Перед стеной тюремной скверик пыльный, солдатами набитый через край...

Есть тьма — есть свет, но, веря невзначай, они идут... разгадка непосильна, и не спасет ни взрыв, ни крест крестильный.

НАШЕ СЕГОДНЯ

Ночь полная разрозненной стрельбой — комки мозгов на камнях мостовой — и над толпой идущие плакаты...

все стало сном — пошло на
перегной.

Там, где висел у куз-
ницы Распятый, где рылся
в пашне плуг перед войной,
вдоль вех граничных ходит
не усатый и не по-русски
мрачный часовой.

Ведь больше нет ни
там, в степи покато́й,
ни здесь... под прежней
русской широтой, Ее, в
своем паденье виноватой.

Огородясь казармой и
тюрьмой, крестом антенны
встав над курной хатой,
на нас взглянул жестокий
век двадцатый.

МЕКСИКА МОЕГО ДЕТСТВА

Мексика моего детства, вижу тебя
С твоими кактусами, пупырчатыми и длинными, как
огурцы,
С твоими индейцами, притаившимися за гущами лиан,
С твоими всадниками с головами и без голов,
Со стадами мустангов, постоянно мчащихся по степям.
Помню, и я скакал по твоим степям во сне:
Подо мною убегали широта и долгота
Четкими линиями, как на географических картах.
Враги бросали в меня не то копьё, не то цветные
карандаши.
Я скакал без передышки, обгоняя всех,
К домику с белыми колоннами, крытому черепицей,
Где ждала меня прекрасная донья Соль
С очень черными волосами и очень красными губами.
Как на тех коробках сигар, что курил мой отец,
Или как на той, что я увидел у тебя, мой приятель
Роберт,
И по которой я вспомнил об этих снах.

...
Мокрую, редющей листвою
Снова день об эти окна бьется.
Я не плачу, не ломаю руки,
Про другие вспоминая руки.
Только слух растёт неодолимо
С торопливым робким напряженьем,
И сквозь тишь стеклянную несмело
Тонкий звон несется, слабый голос.
Ты поешь над обнищавшей жизнью,
Золотая грусть воспоминанья.

...
Кадидия, Кадидия,
Вождь государства странного,
Веди меня, веди меня
В блаженную страну.

Там ангелы лукавые
И ласковые демоны
Под пальмами курчавыми
Играют в домино.

Там маги плутоватые
И звери краснотелые
На площадях агатовых
Пьют целый день коктейль.

Там в розовых обителях
С доцентами брадатými
Убийцы и грабители
Толкуют о добре,

Там лапки голубиные
Под голубыми арками
Ест вместе с Мессалиною
Святая Жанна д'Арк.

Кадидия, Кадидия,
Вождь государства странного,
Веди меня, веди меня
В блаженную страну,

Где пляшет с погремушками
Все здесь для нас тяжелое,
Где в зеркале игрушечном
Весь мир отображен.

ШНУРРЕНЛАУНЕНБУРГ

Когда-то в детстве, начитавшись Гофмана и сказок,
Я рисовал красными чернилами, чтоб было
покрасивее,
Веселый несуществующий городок
Шнурренлауненбург.
Потом прошли года.
Я забыл, я совсем забыл про него,
И сегодня вспомнил снова.
Как ясен он передо мной! Выйду и пойду бродить
по его улицам.
Вот дворцовая площадь с домиками из пестрого
картона.
С мраморным львом, покрашенным для
правдоподобия в желтый цвет.
А вон и церковь: на ее крышу ставят ангелам
кружки пива,
Чтоб ночью, охраняя город, они не страдали от
жажды.
Говорят, что этот обычай сильно печалит герцога:
Он любит просвещение и считает, что это чушь,

Но еще больше просвещения он любит свою
коллекцию фарфора и собачьих хвостов.
А про гофрата говорят совсем странные вещи,
Будто он целый день пьет кофе и беседует с
попугаями о смысле жизни,
А по вечерам садится на свой чубук и улетаёт... куда?

Шнурренлауненбург!
Пестрый радостный город!
Долго ль я буду блуждать по веселым твоим
переулкам,
Спорить с попугаями гофрата и сидеть в кабаке
голубого цветка.
Или снова будет, что было раньше:
Серый день, затхлый, как непроветренная комната,
Одиночества тусклый свет?

...И вот, я, бедный фараон.
Властитель дней моих беспутный,
Однажды видел вещий сон,
Предупреждающий и смутный:

Хлеб созревал. У самых ног
Колосья шли волною тучной,
И взора я отвести не мог
От их красы благополучной.

Звучала музыка — в листве
Соседней рощи пели птицы.
Бог раскрывался в естестве,
В цветах, стрекозах и пшенице.

И вдруг возрос ужасный знак,
Пустой и тощий. В гневе песнем
Он кинулся, лукавый враг,
К склоненным тяжестью колосьям.

И все пожрав, — остался тощ.
Чернея спорыньей унылой.
Нависли тучи. В сени рощ
Пресекся щебет легкокрылый.

Восстав от сна, я тешил плоть.
Тревогу краткую отбросив.
И позабыл меня Господь,
И не пришел ко мне Иосиф.

И небрежительно я жил,
Глаза в беспечности смежая,
И в житницы не отложил
От благодати урожая.

Расстратил юность, не берег
Полей щедротное соседство...
Несытый знак растет у ног —
Мое печальное наследство...

РОССИЯ

Россия — горькое вино!
Себе я клялся не однажды —
Забуть в моем стакане дно,

Не утолять смертельной жажды,
Не пить, отринуть, не любить,
Отречься, сердцем отвернуться,
Непомнящим, безродным быть, —
И все затем, чтоб вновь напиться,
Чтоб снова клятву перейти
И оказаться за порогом.
И закачаться на пути
По русским пагубным дорогам,
Опять родное обрести,
Признаться в имени и крови,
И пожелать цветам цвести,
И зеленеть пшеничной нови,
И птицам петь, и петухам
Звать золотое солнце в гости,
И отпущенье взять грехам
В старинной церкви на погосте
У батюшки. И снова в путь
По селам, долам и деревням,
Где, в песнях надрывая грудь,
Мужик буйнит по харчевням:
Где, цепью каторжной звеня,
И, подгоняемый прикладом,
Он зло посмотрит на меня
И, походя, зарежет взглядом;
Где совий крик, и волчий вой,
В лесах таинственные звуки,
Где ночью росною травой
Ползут нечистые гадюки;
Где рабий бабий слышен плач
И где портной, в последнем страхе,
Для палача кроит кумач
И шьет нарядные рубахи.
Ах, не хочу! Ах, не могу!
Пускай замрут слова признанья,
Пускай на чуждом берегу
Колышатся цветы изгнанья...

ВОСПОМИНАНИЕ

Помню Россию так мало,
Помню Россию всегда.
Вокзалы, вокзалы, вокзалы,
Куда-то идут поезда.

Помню другую — вагоны
(Под головой пулемет).
Патроны, патроны, патроны...
Который бил тогда год?

Какими верста́ми, моста́ми,
Местами наш поезд идет.
— Мы едем крестами, крестами —
Который? — последний поход.

Помню другую. — Неверный
Отблеск свечей, образа,
Последнее слово вечерни:
"Ваш дом? — приходите сюда".

Жребий конца и начала,
Детские го́ды, годá.
Помню Россию так мало,
Помню Россию всегда.

Bellevue 1928

ФИНЛЯНДИЯ (к циклу — СЕВЕР)

Леса, рога косматых посей...
Угрюм твой лик и глух твой сон.
Суоми — царство хмурых сосен.
Финляндия — метелей звон.

Зимой опушена снегами,
Лучами лун озарена,
Одета мхами, как меха́ми,
Моя родимая страна.

Встают, сияют, гаснут луны.
И колдуны из века в век
Читают северные руны
На берегах замерзших рек.

— Замерзших — нет! — как рокот сосен,
Здесь вечен грохот зимних волн,
Но танец бешеных лососей
И человека гордый челн

Не смеют в черные пучины:
— Здесь Иматры поток гремит.
Дрожат граниты-исполины,
С лесами эхо говорит.

ПОЕЗДА

Гудят моей высокой тяги
Лирические провода.

Мар. Цветаева. "После России"

(Поезда ночью)

Кто вы? В какие вы страны.
Горы и городá?
Полночь. Вдыхают титаны,
Это идут поезда.

На ипподроме железном
Тысячи мчат колесниц.
Лестницей рушится в бездну
Тысячелестничный цирк.

Что это? — Пёреполóхи,
Шумности прóтивобóрств.
— Тысячекрáтные вздохи
На бесконечностях верст.

— Две подчиненных стихии
Мнимостей двух постоянств,
— Пламени, влаги, — и с ними:
Прéодоление пространств.

Стих — этот вздох мой бессонный,
Эхом рожденный, отдам
Бéсповорóтно влюбленным
В дáли — прямым поездам.

Радуюсь всем нарушеньям
Ритмов:

Взорванным котлам,
Рельсы рушащим крушеньям,
В бездну сорванным мостам.

Стих посвящаю влюбленным
В дáли — прямым поездам.

... .

Один в снегах страны вечерней,
Овеян тайной тишины,
Я, — с каждым годом — суеверней, —
Встречаю ласточку весны.

Зима, как ангел, смотрит в очи
Сквозь синь окна, пустырь окрест,
Где в синеве студеной ночи
Чернеет нашей церкви крест.

Да будет памятно сегодня,
И в книгу жизни — внесено,
Как нынче ласточка Господня
Крылом ударила в окно.

*Ноябрь — декабрь 1933.
Числа не помню.*

Meudon

Пора, пора... Рассвет, как булочник,
Румян и бел. Едва видны,
Над путаницей узких улочек
Трепещут утренние сны.

Пора. И вот, звеня подковами,
Конь ставит честь свою на кон.
Дома давнишними знакомыми
Приветствуют со всех сторон.

Привет, привет! И дальше цокает
Скакун по звонким мостовым.
Все заповедное, далекое
Сегодня стало вдруг моим.

Как в детстве, полон небылицами,
Я сказкой брежу наяву:
Вон — солнце, огненной жар-птицею
Упало в синюю траву,

Вон — за полями и за пашнями
Неведомый белеет скит,
А позади — в страну вчерашнего
Дорога змейкою бежит.

За пазуху мне ветер лазает:
Там есть что прятать, что беречь...
О, счастье голубоглазое,
До новых встреч, до новых встреч!

...

Проплывали мимо корабли
По реке, вдоль набережной узкой.
Баржи неуклюжие ползли,
Задыхаясь под ярмом нагрузки.

По теченью вниз стремился плот;
Кто-то пел на нем, забот не зная.
В кружевной сплетаясь хоровод,
Чаяк праздная кружилась стая.

Было солнечно на берегу.
Звон летел с верхушки церкви старой.
Высоко, по синему лугу,
Разбежалась белая отара.

Мир царил, покой и тишина
В этом дне, любезном взорам Бога;
Словно из незримого окна
Он смотрел на водную дорогу,

На поля, на чаек, на суда,
На детей, резвящихся у сходней,
На меня, пришедшего сюда
Из огня и дыма преисподней.

*По дороге
Дрезден — граница
1945*

WALSE TRISTE

Что же, — веселье подходит к концу.
Зала пустеет, пустеют бокалы.
Темные тени легли по лицу,
Кружится вальс тяжело и устало.

Что же, — пора покидать этот бал.
Сами собою смыкаются веки.
Миг, — и в сияющих недрах зеркал
Вскользь промелькнем и исчезнем навеки.

И ничего не останется нам:
Ночь, ледяные пространства и ветер,
Ветер, бегущий по мертвым мирам,
Прах развевающий тысячелетий.

Что же, — дослушай, допей, дотяни...
Меркнущий вальс все страшней, все печальней.
Гаснут последние в мире огни,
Ветер крепчает во тьме изначальной.

Как страшно, когда ты однажды,
Сквозь тела трусливую дрожь,
Ни голода больше, ни жажды
В иссякшей душе не найдешь.

Когда ты припомнить захочешь
И крикнешь в призывной мольбе,
А памяти своды — из ночи
Молчаньем ответят тебе.

И даже руки не найдется,
Чтоб в час этой лютой беды
Тебе принести из колодца
Хоть каплю живящей воды.

Прости, что так поздно, но — было нельзя,
Большая беда мне мешала,
И только вчера, в сновиденьях скользя,
Я вспомнил тебя и Рапалло.

Залив, как объятие, и той синевы
Неправдоподобную нежность,
И ветер мимозный и море... увы,
Теперь это — прошлость и прежность.

Мне виделся часто, в мечтательный час,
Твой замок; агавы и фиги,
И доброе солнце, ласкавшее нас,
А в море — фрегаты и бриги.

Мне слышались часто хоралы цикад
Во мгле лигурийской прохлады,
Когда оживал заколдованный сад,
А в море — играли наяды.

Мне чудилось часто, что ветер вздохнет
И снова откроет страницу,
Где прерван был тот недочитанный год,
И море — ко мне возвратится.

Но годы зверели, бряцали войной,
Надежды сгорали в налетах...
Прости, что так поздно. Прощаюсь с тобой,
И море — уходит на отдых.

Вместе мы ходим иль порознь —
Любим друг друга всегда.
Веры надземная скорость
Нитью связует года.

Часто словами не ладим,
Вечно в согласье душой.
Злобы изменчивых впадин
Мы не боимся с тобой.

В ночь разбежались дороги,
Каждому — доля своя.
Вместе мы сердцем продрогли,
Вышнюю думу тая.

Нет ни лукавства, ни лести,
Не разойдутся года:
Порознь мы ходим иль вместе —
Любим друг друга всегда.

• • •

Долго странствую, много скитаюсь,
Вместе по миру с ветром кружу —
И всегда я к тебе возвращаюсь,
И всегда я к тебе прихожу.

В шумном городе грязно и людно,
И дворец не отрадней тюрьмы.
Одиноко бывает и трудно
В чуждых землях, с чужими людьми.

Занимается зимняя зорька,
Легкий свет на холодных домах.
Одиноко бывает и горько
Просыпаться в чужих городах.

Долго странствую, радуюсь, маюсь,
Каждый день удлиняя свой путь —
И всегда я к тебе возвращаюсь
И к тебе прихожу отдохнуть.

• • •

Здесь намечено и размерено,
Все по правилу, по струне:
Только сердце мое потеряно
В этой вылощенной стране.

У нас не такие сажени,
Совсем другая верста,
Наши лошади не запряжены,
И конюшня давно пуста.

У нас — колеи глубокие,
Тяжело бежать колесу;
Васильки голубокие
Пьют холодную росу.

У нас дорога проселочная
И таинственна и длинна:
Хорошо вспоминать про солнечные,
Про веселые времена.

У нас не такие дороги,
Совсем иные пути: —
Вся надежда наша — в Боге.
Больше некуда нам идти.

Чтоб на людях глазам быть суше —
Быстро слезы утрет рукав...
Я молюсь, чтоб до неба душу
Донести мне, не расплескав.

Я молюсь Тебе, Вездесущий,
Я молюсь Тебе на пути:
— Дай мне ныне мой хлеб насущный,
От лукавого уведи.

Чистым сердцем и бескорыстно
Дай служить мне — и не покинь —
Ибо славен Ты ныне и присно
И во веки веков. Аминь.

У детей, изгнанников и пленных
Есть во взорах быстрые огни;
О березах белых и смиренных
Вспоминаю снова в эти дни.

У больных, у нищих, у безумных
Есть в глазах необъяснимый свет.
О дождях таинственных и шумных
Вспоминаю после долгих лет.

У святых, у праведных, у ясных
Есть в душе неведомый покой.
О ромашках вечных и прекрасных
Вспоминаю на земле чужой.

— О дождях, о радостных березах,
О ромашках на родном лугу —
Но — в ночных и в неизбежных грозах
О себе я вспомнить не могу.

• • •

Облаку радуются глаза мои,
Любит звезды душа моя.
Но на земле — души терзаемые
И человек человеку — змея.

Каждому дереву я кланяюсь,
Березе, и дубу, и клену рад.
Но порою позднюю и порою раннюю
Человек человеку — враг.

Чту отца своего и мать,
Исполняю заветный долг,
Но дорога легла, как скатерть,
И человек человеку — волк.

Зреет яблоко, зреет ягода,
Золотится добрая рожь.
А у нас — клевета и ябеда,
Человек человеку — нож.

РАДУГА

Казалось, по узкому трапу
На небо взбиралась мечта,
Чтоб в линзах разбрызганных капель
Всех красок рассеять цвета.

И радуга веер павлиний
Раскрыла в прозрачной дали
Над бархатным ложем долины,
Где в травах озера легли.

Там, словно в бокале гранёном,
Рассыпался солнечный блеск;
Природа, как маг, увлеченно
Вскрывает секреты чудес.

И рвется грозы пробежавшей
Еще в облаках динамит,
А радуга, небо обнявши,
Алмазным браслетом горит.

В НЬЮ-ЙОРКСКОЙ ГАВАНИ

Заполнен порт судами разных стран, —
Направо пассажирские, торговые налево,
А прямо океанский мощный великан
Глотает ненасытно пищу в чрево.

Подъемный кран спускает в трюм тюки,
И поднимаются на палубу по трапу люди,
А сказочный гигант напор ветров морских
Отталкивает лебединой грудью.

Погрузка кончена, и сразу в путь
Навстречу штормам, прихотям капризных океанов,
И мне, в толпе на пристани, пришлось вздохнуть
От зависти к морскому великану.

Свой курс он держит прямо на восток,
Возможно, к берегам моей родной земли
причалит...
"Привет ей от меня, любимой!" — И платок
Я комкаю в безвыходной печали.

ВИНОГРАД

Наступает сентябрь чудотворный, —
Сад покрыт виноградным дождем.
Эти сладкие капли проворно
Мы, как пчелы нектар, соберем.

Пленено в них дыхание лета,
В них хранится таинственный клад
Из тепла, аромата и света,
Звездных ливней, журчанья цикад.

Мы положим в хрустальную вазу
Эти гроздья с их летним теплом, —
Золотистым сияньем топаза
Виноград засквозит над стеклом.

НА СКАЛЕ

На скале одинокой свечою,
Как в подсвечник, затиснута в щель,
Над ревущей стремниной речною
Прилепились тщедушная ель.

Солнце скудную почву сушило,
Расползались расселины скал.
Горный ветер с жестокою силой
Эту ель и мотал, и стегал.

Озверев, налетел и, с корнями
Вырвав, бросил в поток деревцо.
Ель волну оседлала упрямо,
Точно стала заправским пловцом.

И корнями смогла укрепиться
И воспрянуть на новой земле,
Но, зеленые жмурия ресницы,
Все грустит о далекой стране.

ПЕРЕД ЗИМНИМ ПЕЙЗАЖЕМ ГРЭНДМА МОЗЕС

Развесистый кедр, как придиричивый страж,
Впускает меня осторожно в пейзаж,

Где снег — как лебяжий нетронутый пух,
Где будит людей не гудок, а петух,

И где с колокольной разносится звон,
Касаясь верхушек заснеженных крон.

Сейчас я сойду с перекрестка дорог, —
Наткнусь на причесанный ветром сугроб

И в рощу войду, словно в праздничный храм,
По заячьим чуть различимым следам.

Вот стройные ели, построившись в ряд,
Мне лапами руку пожать норовят.

Повсюду спокойствие и тишина.
Я в этом чарующем мире одна.

И сердце мое наполняет восторг...
Америка — это не только Нью-Йорк.

ВЛАДИМИР
ДИТЕРИХС ·
ФОН-
ДИТРИХШТЕЙН

Сегодня снова мы в мечтах воздушных,
В усадьбе старой прадедов твоих.
Наивна прелесть наших грез послушных
В изгнание тяжком средь людей чужих.

Весенним вечером, в саду туманном,
В сиянии серебряном луны,
Томлюсь видением благоуханным
Родимой невозвратной старины.

Приснилась глушь запущенного сада,
Одноэтажный, выросший в землю дом.
В покоях низких тишина, прохлада.
Здесь дышит все счастливо мирным сном.

Со стен глядят фамильные портреты.
Я узнаю знакомые черты.
Вы в жизни были милые эстеты,
Поклонники бессмертной красоты.

В глухом поместье жили старым строем,
Свидетели российских славных дел.
Объятый вашим благостным покоем,
Приемлю просто горький наш удел.

*Лилль
Июль 1926*

...

Чудесный опыт, внятный духу
Вне грубой плоти чувств земных.
Вселенной песнь доступна слуху
В мерцанье звезд небес ночных.

Растет, растет простор безмерный,
Необозримый океан.
Бессмертный дух наш кормчий верный.
Небесный светится туман.

Благая мирозданья тайна
Рождает музыку во мне.
Она проста, необычайна,
Как вздох свирели о весне!

Февраль 1931

...

Осени воздух душистый, бодрящий.
Солнце скупое простор золотит.
Лист пожелтый сорвался, летит.
Сердце сжимается болью щемящей.

Осень томит примиренной печалью,
Ласковой грустью, тоской о былом.
Быль возникает бледнеющим сном,
В душу мне входит поблекшею далью!

Октябрь 1931

ПЕТЕРБУРГ

Петербургские белые ночи
В полупризрачной мгле ворожат.
Здесь и время ночное короче:
Пред зарей догорает закат.

Петропавловской крепости стены
Над широкой державной рекой.
Часовых чередуются смены.
Усыпальницы Царской покой.

Площадей и проспектов громады.
У Невы величавой дворцы,
И на Марсовом поле парады.
Их участники наши отцы.

Как живые восстали виденья.
Государь объезжает кадет.
Мы в строю. Незабвенны мгновенья!
Мне не больше тринадцати лет.

Вот проходят полки за полками.
Горделивая слава имен.
Лишь победы лихими боями
Осеяли величье знамен.

Кавалерия, сомкнутым строем,
Подымаясь в галоп по трубе,
Пролетает блистательным роем,
Словно весть об атаке — судьбе!

Петербург навсегда невозвратный.
Император на грозном коне
Возникает средь мглы необъятной
Над Россией в крови и в огне.

Лилль
13.2.1938

* * *

Исчез навсегда безвозвратно
Веками слагавшийся быт.
В душе он бормочет невнятно,
Как сон, что с зарею забыт.

В безмолвии вечера снова
Былое встает в полумгле.
Под сенью ночного покрова
Поймем ли свой путь на земле!

Июль 1951

* * *

Первые листья опали.
Осени ранней пора.
Грустны туманные дали.
Холодно, хмуро с утра.

Солнце среди тучек проглянет.
Вновь среди раздумий моих
Образ осознанный ранит.
Так зарождается стих.

20.9.1960

*Посв. забытой симфонии
Ц. З. Грабойс*

ПУТЬ

Серый и не побелеет
и не потемнеет наш туман,
только песни все обман.
Ночью выйдет светлый месяц,
что ему...
Серебро кругом развесит
ни к чему,
а потом нагрянут тучи,
тоже — просто так.
Мысль вползет, а может лучше,
если — мрак.
Что-то тихое твой тонкий
вдруг встревожит слух —
в это время очень громко
закричит петух.
Белым днем услышишь снова,
слабый, ясный звук...
В сердце коромысла золотого
вцепится паук.
А потом тебе приснится:
"вещий сон",
жизнь как будто прояснится,
но обманет он.
Так и будет всю дорогу:
стон и мрак,
много туч и солнца много, —
в поле вспыхнет мак,
а наутро алый друг твой
венчик опустил,
так спокойно солнцу будто
смерть свою простил.
Средь тумана, тьмы и стонов
плакать погоди,
света темные законы
погляди...
А потом оставь законы
и "пути".
Попытайся, если можешь,
все-таки идти.

Там в конце — Его — дороги
на вершине круч
упадет тебе под ноги
самый светлый луч.
Под лучом земные слезы
дивно прорастут
и из них на небе розы
пышно расцветут,
но от сонма роз, что дремлют,
снежно-нежных роз, —
ты уйдешь тогда на землю,
как ушел Христос.

БЕСПЕЧАЛЬНАЯ РАЗЛУКА

Посв. Ф. Штютен

Ты ушла — "ну какие печали" —
Уронила "мы встретимся вновь",
И казалось, что звезды звучали:
— мы приемлем такую любовь. —

Ты всегда занята — столько дела, —
всем светить и сиять без конца...
Ты и в жизни прошедшей хотела
все того же, в овале лица

это видно и в ясном сияньи
глаз твоих голубой глубины,
что несется навстречу без тени желанья
будто весть из небесной страны.

Ты ушла — ни печали, ни боли...
Образ твой все светлее горит,
о цветении пламенной воли
каждый миг все ясней говорит.

Подарила ожоги касаний —
"Здесь ни медлить нельзя, ни устать".
Во Вселенную рвется сверканье
пронизавшего сердце и тело креста.

18.8.1948
Париж

ДРУГАЯ ЛЮБОВЬ

Я раньше думал, что любовь
прийти не может без восторга.
Начало всех влечений — кровь
такой союз легко расторгнет
и утвердит над сердцем свой
порядок, пусть и не высокий,
что все законы — с ног долой
все опрокидывает сроки. —
И проявилась вдруг она:
и нежностью, и преклоненьем,
и жалостью была полна,
мерцающая к высшему стремленьем...
И нынче эту лишь любовь
вполне я сердцем принимаю
и взгляд красавицы любой
все равнодушнее встречаю.
Затем, что понял, наконец,
что при последнем переезде —
Она одна возьмет венец,
Венец бессмертья у созвездий.

ПАМЯТИ ПОПЛАВСКОГО

Я знал его в Константинополе,
На Бруссе, в Русском Маяке,
Где беженцы прилежно хлопали
Певцу в облезлом парике;
Где дамы, вежливо грассируя,
Кормили бывших богачей,
Где композиторскую лиру я
Сменил на виршевый ручей.
Распорядители в усладу нам
Порой устраивали бал,
Где "Ваши пальцы пахнут ладаном"
Вертинский, жмурясь, распевал,
Где, тешась вальсами свирельными,
Порхали феи среди толпы
И веерами самодельными
Свои обмахивали лбы.
В американской сей обители¹
Шнырял голодный спекулянт:
"Вот, мистер Джаксон, не хотите ли —
Пятикаратовый брильянт!"
Приходом красных в море выкинут,
Там плакал жирный журналист,
Приспешник некогда Деникина —
Труслив, развратен и речист;
Священник, детский сад, гимназия,
Завет бойскаутов: Будь готов...
К спокойствию, однообразию —
Удел детей и стариков.
Однажды я, в гостиной, вечером,
Увидел гнувшегося вбок
Молодчика широкоплечего —
Не то атлет, не то дьячок.
Пиджак, пробор и галстук бантиком.
"Напрасно просишься на холст", —
Подумал я. "Одет романтиком,
А нос, как луковица, толст".
В шестнадцать лет мы все завистливы —
Меня кольнул его пиджак,
Для бедняка наряд немислимый;
Мой фронт — беднейший был бедняк.
Он, не найдя библиотекаря,
Сказал: "Поплавский. Есть Ренан?"
Но предпочел бы, видно, пекаря
И разогретый круассан.

¹ "Русский Маяк" был основан ИМСА (примеч. В. Дукельского).

Разговорились. Оба — юные:
Плели немало чепухи.
Потом прочел он сладкострунные
Гнусавым голосом стихи.
Стихи нелепые, неровные —
Из них сочился странный яд;
Стихи беспомощно любовные,
Как пенье грешных ангелят.
Но было что-то в них чудесное,
Волшебный запах шел от них;
Окном, открытым в неизвестное,
Мне показался каждый стих.
И тогой юного Горация
Мне померещился пиджак —
Божественная трансформация!
Из ада в рай — потом в кабак.
Лакали приторное дузико
(Союз аниса и огня);
Стихов пленительная музыка
Опять наполнила меня.

.....
Носил берет. Слегка сутулился.
Был некрасив, зато силен;
Любил Рэмбо, футбол и улицу,
Всегда в кого-то был влюблен.
Уже тогда умел скандалами
Взъерошить скучное житье;
Бесцеремонен с генералами,
Пленял Галатское жупье.
Грандилоквентными причудами
Уже тогда смущал народ,
Но с девушками полногрудыми
Робел сей русский Дон-Кихот.
За декорацией намеренной,
Под романтической броней
Таился жалостный, растерянный,
Негероический герой.
Что нас связало? Не Европа ли?
О, нет, — мы вскоре разошлись.
Но в золотом Константинополе
Мы в дружбе вечной поклялись.

Я был сияющим повесой,
Но пыл прошел, и я давно
Задержал черною завесой
На мир глядящее окно.

И вот душа — глухонемая
Чужда ей жизни толчея —
Лишь звукам внутренним внимая,
Молчит, их нежный звон тая.

Приходят сонные мгновенья,
Душой владеет тишина,
Но вновь порыв, и вновь сомненья,
И вновь она возмущена.

Так, покорясь тщете раздумий,
Душа томительно живет
Средь обескрыленных безумий
И поэтических дремот.

Усталости — дневная ноша
Страшней, чем гробовой покров —
Она, как ранняя пороша,
Для поздних луговых цветов.

Зачем казнишь меня, Всевышний?
Я утомлен, я изнемог
Под тяготою дум давнишних
В объятьях яростных тревог.

Иль все несчастья и страданья,
Что Ты мне щедро посылал,
Должно приять, как испытанья, —
Души спасительный закал?

Не так ли мастер оружейный
На наковальне меч кует,
И вихрь летает огневейный,
И сталь трепещет и поет.

Быть может, я мечом разящим
Покину горн священный Твой,
Упругим, острым и блестящим,
Твоею кованный рукой!

Иль заплативши дань бессилью,
Как должно ржавому мечу,
Покроюсь антикварной пылью
И утомленный замолчу.

... ..

Гляжу на мир потусторонний
Сквозь стекла моего окна.
Вот площадь — образ преисподней —
Тенями мутными полна.

День сер и серы наши души!
Порой, подъявля мерзкий гам,
Автомобили, как кликуши,
К пустым вызывают небесам.

В дыму кафе официанты
Бесшумно рыщут. На тахтах
Напудренные вянут франты
В телескопических штанах.

Блестят разительным пробором.
И странно схожи их черты.
Исполнены тщедушным вздором
Их неподвижные мечты.

Ужель нас серый день задушит?
— И будем все мы — стыд и страх —
Микроскопические души
В телескопических штанах.

ВДОХНОВЕНИЕ

Люблю писать простым огрызком
Затупленного карандаша,
Как будто бы с душою близко
Соприкасается душа.

Люблю, когда начнет метаться, —
От рифм кружиться голова,
И мысль пронзит — и вот из пальцев,
Из пальцев выточу слова.

Топленого послушной воска
Дрожит в моей руке душа,
И вспыхивают искры мозга
На кончике карандаша.

ВЫБРАТЬ СВОЙ ЦВЕТ...

Выбрать свой цвет — это — самое трудное,
Помню давно, еще в юные дни,
Глаз мой прельщало все изумрудное:
Травы, озера в зеленой тени,

Ночью на небе звезды спящие,
Зеленеющие до зари,
Огоньки на вокзалах, в даль уходящие
Мерцающие фонари...

Летняя легкость зеленых кузнечиков,
Мох потемневший зеленых стволов,
Зеленая ржа старинных подсвечников,
Зеленые сукна игральных столов,

Крыло попугая в перьях рассыпчатых,
И змеиных глаз зеленеющий жар,
И этот сверкавший в лучах переливчатых,
В саду зеленый стеклянный шар...

На мир я смотрел глазами влюбленного,
Но выбрал, все взвесив — и против, и — за,
Из всего, что было на свете зеленого,
Зеленее зеленого — ваши глаза!

Париж, 1952

Я НОЧЬЮ ВИДЕЛ ИНОГДА...

Я ночью видел иногда:
Через воздушные пространства
Давно потухшая звезда,
Бессмертье обрета в ночи,
Еще на землю льет лучи.

Так после смерти, и во сне,
В знак верности иль постоянства,
Ты тянешься, плывешь: ко мне —
Чтоб не забыть — и досказать,
И долюбить, и додышать.

КОГДА УМРУ...

Когда умру, и перед отпеваньем
Псаломщики, не торопясь, придут,
И, став у изголовья, с завываньем
Псалмы поочередно заведут,

То им, не понимающим ни слова
На языке умерших, я скажу:
Вам хорошо сменять один другого,
Пока в гробу недвижим я лежу...

Но если бы кому-нибудь из вас
Пришла бы мысль счастливая — о Боже! —
Меня сменить хоть на единый час,
Лечь за меня на час на это ложе,

Я вышел бы тихонечко за дверь,
И никого не испугав, — поверьте, —
Так жадно надышался бы теперь,
Как не надышишься и перед смертью!

Синее небо, прохлада,
Золотом солнце встает.
Осени тихая радость
Сердцу утешно поет.

Грусти не надо, далекой
Смерть пусть покажется нам —
Яркой звездой высокой,
Как вифлеемским волхвам.

Старость и нежность. Не это ль
Милость небесная к нам?
Бледной попыткой ответа
Пасть к бестелесным ногам.

Пасть в придорожные травы
С сердцем раскрытым, в слезах,
Зрящим Господнюю славу
В бедных осенних полях.

Август 1936

Все та же картина пред нами:
Дорога, поля, косогор,
Отара овец с пастухами,
Далекий в дозоре бугор,

И низкое небо склонилось
К осенним ковровым полям.
Небесная близость не снилась
Ни им молчаливым, ни нам.

Негласною дружбой связались
Поля, облака, небеса,
И темною тучей казались
Такие земные леса.

Бурьяны и травы шептали
О ласковой бренности дней,
И музыкой им отвечали
Косые углы журавлей.

Май 1939

Дениз Евсеевой

Наша жизнь — очарование,
Наважденье, светлый бред.
В непрестанном расставанье
Мы ее целуем след.

И расстанемся, не зная
Ничего почти о ней.
В голубых просторах рая
Нам не станет веселей.

А она уйдет, земная,
Легкой поступью своей,
Бедных строк не замечая,
Строк, написанных о ней.

Октябрь 1941

Сохнут широкие плечи.
Иней виски запустил.
Синий осенний мой вечер,
Как ты мне дорог и мил!

Медленно пью, упиваюсь
Бедной твоей теплотой.
Все я принял и не каюсь.
Больше не спорю с судьбой.

Запад мой ало-лиловый
Только б не быстро темнел.
Знаю, как это не ново,
Знаю предел и удел.

Знаю — никто не поможет.
Так холодна высота.
Благостный, добрый мой Боже,
Где же Твоя доброта?

Июль 1946

ПОЭЗИЯ

Ирине Одовцевой

Будто эхо — отзвук краткий
И зарниц далеких свет
Над раскрытою тетрадкой,
И в строках полуответ

На мерцанье и сиянье,
На прибой волны морской,
На счастливое незнание,
На закат крылатый мой.

Ты была всегда лишь тайной,
Музыкой поющих слов
В мире хрупком и случайном,
В мире лучшем из миров.

Май 1947

...

За рекою костер полыхает.
Кашу варят в ночном казаки.
Неуемная совка летает.
Под кустами горят светляки.

Небо в звездах висит над землею.
Звезды смотрятся в тихий Холер,
А он, вечный, седую волною
Им поет про сарматский простор.

О раздолье казачье родное,
Степь бескрайная, кони, стада.
Это счастье такое земное,
Но его не забыть никогда.

Даже там на какой-то планете
Средь каких-то небесных цветов
Будет сниться туман на рассвете,
Запах трав, очертанье кустов.

И заплачет душа в сновиденье
От любви и от милости к ней.
Вся в слезах упадет на колени
В благодарной молитве своей.

Июнь 1949

Нежность, видно, родилась заикой, —
Ей слова даются тяжело.
Ей бы медвежонком в чаще дикой
На заре обнюхивать дупло.

Ей бы грызть заостренный и горький
Лист брусничный, да лежать во мху,
Слушая, как ветер на пригорке
Треплет тонкоствольную ольху.

А ее просили сесть в гостиной,
И была хозяйка с ней мила,
Оттого, что нежность чинно-чинно,
Очень хорошо себя вела.

Столь необычайное смирение
Даже озадачило кота:
Кот изобразил недоуменье
Знаком вопросительным хвоста.

Кот нашел, по-видимому, странным
То, что нежность так себя ведет:
Кот в любви был старым ветераном,
Помнил, что такое нежность, кот.

Знал, что не унять ее томлений,
И умел он на своем веку
Ткнуться мордой в милые колени,
Ухом почесаться о щеку.

Исчезают, как в водовороте,
Выплески однообразных дней.
Вы, наверно, так и не придете
На свиданье с нежностью моей.

* * *

Я решаю вопрос большой, —
Что мне делать с моей душой?

Вот стою я под фонарем,
Говорю ей — вдвоем умрем,

Только жизнь со мной промытарь —
И потухнешь ты, как фонарь.

А выходит, что все вранье,
Что обманываю ее.

Что дела ее нехороши,
Что бессмертье есть у души!

И хотя она здесь со мной,
Для нее я — двор проходной,

Сквозь который душа пройдет
От одних до других ворот.

Мне-то что, я пойду на снос,
Вот с душою как быть — вопрос,

Как помочь разорвать ей круг
Этих вечных блаженств и мук.

Что же будет с моей душой?
Вечность — срок чересчур большой!

...

Неслышно входит городское лето
В отмеренное для деревьев гетто,

Где пробегает по дорожке пес
И где деревьев несколько вразброс,

Тревожно размещая светотени,
Стоят как декорации на сцене.

А чуть поодаль — каменный потоп:
Плывет за небоскребом небоскреб,

И снова небоскреб за небоскребом
Вздывается гигантом темнолобым.

А я стою под ветром и листвою,
Я от листвы и ветра сам не свой,

И этот сад почти как остров странен,
Мне кажется, что я — островитянин,

И что когда-то, может быть, в раю,
Я видел эту бедную скамью,

И эту невысокую ограду,
Я помню пса, бегущего по саду,

И предо мной встает со дна морей
Сад затонувшей юности моей.

Мой век! От стука
Ночного в дверь
Пошла наука
Больших потерь.

Мой век ущербный,
Мой век-недуг
Листал учебник
Колымских व्युग.

Мой век! Ты — школьник,
И твой диплом
Добыл ты в штольнях
Тупым кайлом.

Мой век! Экзамен
В полярный вуз
Ты сдал слезами
Российских муз.

В краю студеных
Глыбастых льдов —
Плоды ученых
Твоих трудов.

Почетный доктор
Бушлатных прав,
Мой век, продрог ты,
В метель попав.

С таежных елок
Не сходит снег.
Постыдно долог
У века век.

В новогоднюю ночь я к столу подойду,
И вина золотого нальет мне хозяйка.
Если хочешь, попробуй — поди, подсчитай-ка,
Сколько жизни оставил я в старом году.

Ты покрепче, хозяйка, меня напои,
Чтоб душа заиграла, вином разогрета!
Сколько раз я под звездами Нового Света
Провожал новогодние ночи мои.

Где-то — старого Света оставленный край:
Дом. Каштан. Потемневшие стекла аптеки.
Сколько жизни моей там осталось навеки —
Если хочешь, попробуй, поди, подсчитай.

Я не знаю, с какой мне звездой по пути.
Мое время меня разорвало на части.
Только знаю одно, — что без старого счастья
Мне и нового счастья уже не найти.

Где-то вверху, за холмы уходя,
Гром грохотал тяжело.
Шлепают крупные капли дождя
О ветровое стекло.

Может быть, так же, сквозь дождь, Одиссей
В море смотрел с корабля.
Кинулась сразу машиною всей
Мне под колеса земля.

Крупные капли дождя тяжелы,
Наискось бьют по стеклу.
Сосен стволы выплывают из мглы
И уплывают во мглу.

День, поскорее приди и рассей
Этот ненастный покров.
Может быть, так же кружил Одиссей
Возле чужих островов.

Верно, казалось, что рядом встают
Стены Итаки во тьме.
Моря ночного чудовищный спрут
Ерзал уже по корме.

С шумом и там подымались и тут
Щупальцы смерти самой.
Но хорошо, что хоть в песнях поют,
Что он вернулся домой.

В БОЛЬНИЦЕ

Шепчут желтые чуждые лица:
"Завтра утром свезут его в морг..."
Я же чую, как бурно рождается
в мозгах обреченных восторг:

О, великий строитель миров,
Ты не тем всемогущ и чудесен,
что безмерен престол твой небесный,
что звездам миллионы веков,—

А вот тем, что в зеркальном осколке,
в той коробке, где мозг заключен,
просветлением духа недолгим
твой предвечный чертог отражен.

...

Тебя нет! Тебя нет, да и будешь ли?
Одуванчики грез облетели.
Кто-то спит, кто-то спит, не добудишься...
Есть ли дух в этом сумрачном теле?

Это ты ли все шепчешь: "приди ко мне",
Или темень рождает те звуки,
Иль часов монотонное тиканье
Берedit мою рану разлуки?

МОЛИТВА

Дай мне силы и дай мне сроки
стойко мерить твои пути,
дай мне слабость — не спорить с роком,
дай терпенье свой крест нести.

В доброй воле моей уверяюсь,
"Иже еси на небесех",
дай смирение — не сеять ересь,
верить просто... не глубже всех.

ЗЕРКАЛО

Старинное, священное
я зеркало хранил.
В нем чудо сокровенное,
источник тайных сил.

Не ртути лунной гущею
оделось то стекло,
а солнце всемогущее
его насквозь прожгло.

Далекое, бескрайное
приблизилось ко мне.
Туманное и тайное
зажглося, как в огне.

И с будущим прошедшее
слилось в текущем дне.
Забилось сердце вещее
тревожней и сильней.

А ты во тьму подвальную
меня назад звала,
и только свечку сальную
над ложем ты зажгла.

В твой склеп вошел, и в склепе том
я развернул свой клад.
И в зеркало ты с трепетом
вперила жадный взгляд.

И солнцем заряженное,
оно метнуло вдруг
на око ослепленное
отраву и испуг.

"Так сгинь же, злое зеркало!"
Ты крикнула, кляня, —
"ты рот мой исковеркало,
уродуешь меня".

С улыбочками колкими
дробила не спеша...
Горящими осколками
рассыпалась душа.

Колючими обломками
сверкала из стихов,
рыданьями негромкими
неслась до облаков.

Что бросил я в обугленной России?
Церквушку с разможенной головой?
Разбитый танк, как черный лжемессия,
Братается с нескошенной травой.

Вот бережок, притравленный морозцем,
Баркас, полузатопленный в реке,
Осколки стекол из больных оконцев
В моей душе останутся навек.

Горючий ветер бьет в луну, как в бубен,
Ломая покосившийся плетень.
Давным-давно безмолвны стали трубы
Печей сожженных русских деревень.

Такую Русь любить не перестану.
Пожар в душе горит, горит, горит...
Развалины несу в себе, как рану,
Которая всю жизнь кровоточит.

Берлин. Рождество 1944

НИКОГО

Пронеслися тучи грозовые
Над моей безвредной головой;
Никогда не выйду из игры я,
Не хочу, как в скит, уйти в покой.

Женщинам больной старик не нужен.
Никого нет в жизни у меня.
Ничего! Другим бывает хуже:
Нет у них душевного огня.

Я один пред стойкою таверны,
Рано начинаю джин глушить,
Догораю медленно, но верно
В этой Мейнской ветровой глуши.

Скучно здесь бартендерше красивой:
Краболова терпеливо ждет.
Улыбаясь льстиво и игриво,
Мне она опять стакан нальет.

Жизнь моя хромая и кривая,
Вечно неудачами слепа...
Валится в таверну разбитная,
Шумная, веселая толпа.

Посижу с полчаса со всеми,
Выпью и тихонечко уйду.
Принимай безжалостное время,
Словно кляча новую узду.

Я один в дешевой комнатенке
С полками для устарелых книг.
Банку с недоеденной тушенкой
Нехотя берет смешной старик.

Скоро в нем волнение забродит,
Благостен несбывшегося звон.
Знает он, что эта песнь не в моде,
Заводя старинный граммофон.

Песни закружились ярким роем!
Здравствуй, благотворная краса!
Пусть в Грейт Ок приходят китобой
И Уинсли видит паруса.

На мгновенье старость исчезает,
Кажется, и сам я запою.
Песнь теперь, как духа, вызывает
Молодость истлевшую мою.

Ветром освеженная погода
Мне пока сдаваться не велит.
Понеслись в мои былые годы
Песен звуковые корабли.

Только и остались на картинке
Прежние гомеровы края.
Станет расколовшейся пластинкой
Жизнь иллюзорная моя.

Что ж, старик потешился и хватит.
Снова в многолюдный пар спеши!
Ветер за окошком листья катит,
Ты со всеми без своей души

В жизнь неудачную вмурован,
Одинок у ближних берегов.
В уголь превратится даже слово,
Если нет с тобою никого.

*1977 г., Грейт Ок, Штат Мейн.
Мемориальный дом-музей Уинсли Гомера,
классика американской романтической
живописи.*

С ВЫСОТЫ В НИЧТО

Памяти Бориса Арцыбашева

Синеет в небе дирижабль,
На пляже зонтики дрожат,
Автомобили, точно жабы,
На загорающих глядят.

Что ж! Подставляйте солнцу спины
Среди сияющих песков.
Наш дирижабль летит дельфином
Над зеленеющим леском.

На самолет мы не в обиде
Раз он мелькнул, как метеор.
Нам с высоты небесной виден
Незабываемый простор.

Пускай с почетом нас встречают
Великолепные суда.
Мне ничего не обещает
Полет в ничто и в никуда.

Года проносятся кометой
Без поражений и побед,
Как будто странной жизни этой
На свете не было и нет.

Есть непонятная услада
Недолговечности земной
В осенней призрачности сада,
В усталой нежности ночной.

Прозрачный мир воспоминаний
Знакомых улиц и аллей
Душе измученной милей
Ненужных будущих сияний.

Так, тени прошлого, — в саду
С тобой мы ночи коротаем;
И, точно встретившись в аду,
О жизни прежней вспоминаем.

Петух предутренний поет,
Поет петух... и на мгновенье
Друг мертвый друга узнает
Сквозь вековечное забвенье...

И день холодный настает.

Я узнаю подчас на глубине
Слов человека буднично-печальных
Какой-то отзвук слов первоначальных,
Какой-то свет, мне памятный во сне,

Какие-то, — как после сновидений, —
Забывшие, но близкие слова,
Какие-то мне видимых явлений
Источники заметные едва.

Но узнавая слабыми глазами,
Как на земле уныло и темно,
Я вернуть холодными слезами
Не пробую умершего давно.

...

Пахло кошатиной, скукой,
Слышался дождь... Иногда
В кране по-птичьи, но с мукой
Тихо ворчала вода.

Брезжило утро... По-вдовьи
Выли заводы во мгле,
Сон покидал изголовье,
Будто жалел обо мне.

Мы шли домой, но вдруг сообразили,
Что забрели как будто не туда...
Места вокруг страшны и чужды были,
А древний путь потерян навсегда.

Но брат сказал, и я жене доверил
Ночной рассказ покойного отца
(Отца, который все пути измерил),
Что в недрах тьмы есть радость без конца.

"Поверь мне, брат! поверь, жена!" — "Поверим!"
Сказали трое голосом одним.
И вот с тех пор мы бродим, плачем, верим,
Зовем друг друга, и пространства мерим,
Ища наш дом под небом ледяным.

Я шарил долго, скучно, деловито,
И наконец, за шкапом, у стены,
Нашел огрызок хлеба, там забытый
С какой-то осени или весны.

Покрытый пылью и уже зеленый —
Он был тогда мой ужин и обед,
Одновременно сладкий и соленый
От соли той, которой в лавках нет.

Я этот хлеб не разделил с тобою:
Я жил один и тщетно ждал письма.
Поев, я лег, чтоб слушать перебои
Того, что сердцем ты зовешь сама.

Памяти моей жены

Мы с тобой в Адажио Вивальди
Встретимся опять.

Анна Ахматова

Темный зал, задумчивые лица,
Разговор Вивальди с тишиной...
Звук и отзвук: птичьи вереницы
Мчатся над Венецией ночной.

К северу, над темною лагуной
Их ведут ночные зеркала...
Рядом — ты, какую в жизни юной
Здесь со мной ты некогда была.

Темный зал, но здесь тебя я встретил,
Здесь своей я звал тебя весной.
Что, скажи, печальнее на свете,
Чем беседы горестные эти

Клавесина с вечной тишиной?

ОСТРОВ НА СЕНЕ

М. В. Абельман

В окне все так же небо хмурится,
Все тот же кашель за стеной.
А ты оденься и — на улицу,
Да погуляй хотя б весной.

Весна в Париже незаметная,
Как девочка — хрупка, робка.
Тоска в Париже беспредметная,
Как будто даже не тоска.

Когда над Сеною смеркается,
Но не зажгли еще огней,
И лодка легкая качается
В сияньи ровном без теней,

Пустынный остров — как видение.
Ты к берегам его причаль,
И на единое мгновение
Сольются радость и печаль.

УЙТИ

От всех — навеки, навсегда.
И от всего — навеки тоже.
В окне — холодная звезда,
В углу — солома и рогожа.

Не знать, не помнить ничего,
Ни торжества, ни униженья,
Ни даже счастья своего,
Ни одного стихотворенья.

Пусть только небо и земля,
Четыре вечные стихии.
Необозримые поля,
Воспоминанье о России.

СКВОЗНЯК

Вздорных снов, предчувствий ложных
Помни, друг, на свете нет.
Но судьба глупцов безбожных
Забывать язык примет.

Шерсть ли дыбом на собаке,
Камнем перстень ли с руки —
Это все оттуда знаки,
С гор высоких сквозняки.

Ветерок потусторонний
Ураганом все смелей,
Веселей и беззаконней
Рвется в дом из всех щелей.

Безразлично, что ты скажешь,
Что со страху наплетешь —
Ложью трещин не замажешь,
Дыр насмешкой не забьешь.

ДВЕРЬ

О, если б знать! Но знать не надо.
Не любопытствуй. Не дано.
Вот — сад, а за оградой сада,
Что б ни случилось — все равно.
И кто б там ни был — дети, звери,
Какой ни чудился бы рай —
Не приближайся к низкой двери,
Ключа к замку не подбирай.
И даже будь она открыта,
Остерегайся, не спеши:
Пустырь. Ослиное копыто.
И пустота. И ни души.

Я сам себя заколдовал.
Блаженство? Выбирай любое.
Пустого зеркала овал,
В нем только небо голубое.

Но ты внимательно взглядишь
В его растущие просторы,
Туда, в сияющую высь,
Где тонут ангельские взоры.

И как парящего орла
Из этой глубины лучистой,
Неудержимая стрела
Тебя пронзит с протяжным свистом.

И ты увидишь свой же лик,
Но в восхищеньи совершенства.
И будет этот краткий миг
Блаженней вечного блаженства.

Есть что-то странное в моих мечтах,
В моих стихах, в моем оцепененье,
В протянутых бессмысленно руках,
В растущем с каждым днем недоуменье.

Что б ни случилось, — все наоборот,
Не то, не так, — сливается, двоится.
О, неужели этот мир — не тот,
В котором мне положено родиться?

Но отчего ж я так его люблю,
Так всепрощающе его жалею,
Его дыханье каждое ловлю
И о спасении мечту лелею?

О не пойму, никогда не пойму
Эту пустую загробную тьму,
Круговращенье потухших планет,
Где существует лишь то, чего нет.
И не понять, до конца не понять,
Что можно любить и вдруг перестать.

ИЗ "РИМСКОГО ДНЕВНИКА
1944 ГОДА"

Любовью сердце в нас живимо,
Хоть и не ведает само.
Какое злато в нем хранимо
И чье на золоте клеймо.

Вот облачко, как дух крылато,
Насквозь просвечено, горит. —
И сердце с ним зардело свято,
Ему биеньем говорит:

"С тобой свечусь, душа родная.
Забвеньем не разлучено!
Тебя я звало в играх рая,
Манило в снах — давно, давно..."

28 января

...

Различны прежде были меры
Владыки, воина, жреца,
Пирата, мастера, гетеры,
И земледельца, и купца.

Теперь один запас понятий.
Один разменочный язык
Равняют всех в гражданстве братьий;
Обличья заменил ярлык.

Бьют тем же шаром те же кегли
Бунтарь, епископ и король.
Клейма фабричного избегли
Вы, чья не обуяла соль!

Мир плоско выравнен, а духа
единомысленного нет:
Летит Эринния — Разруха —
За колесницею побед.

24 апреля

...

Зачем, о дали, голубея,
Вы мне сулите чудеса, —
Что там, за краем, нежно млея,
Дол претворился в небеса?

Куда бы дух ни узывало
Желанье инобытия,
В лазоревое покрывало
Облачена любовь моя.

Земля все ту же власяницу
Влачит, и моря гул уныл —
Везде, какую б ты границу
Ни перешел, ни переплыл.

А вы, на грани голубея,
Сулите, дали, впереди
Успокоенье Элизея
И небо на земной груди

13 мая

...

Европа — утра хмурый холод
И хмурь содвинутых бровей,
И в серой мгле Циклопов молот,
И тень готических церквей.

Россия — рельсовый широкий
По снегу путь, мешки, узлы;
На странничьей тропе далекой
Вериги или кандалы.

Земля — седые океаны
И горных белизна костей,
И — как расползшиеся раны
По телу — города людей.

23 мая

...

Каникула, иль песья бесь...
Стадами скучились народы:
Не до приволья, не дом моды.
А встарь изнеженную спесь
Она гнала в Эдем природы.

Лишь ящерице любо здесь,
В камнях растреснутых и зное.
Да мне. О ласковом прибое
Волны к отлогому песку
Я не мечтаю в уголку
Моей террасы отененной,
На град взирая воспаленный.

29 июля

...

Как в дни октябрьские прекрасен
Был римский золотой закат,
Как воздух был весенне-ясен,
Как оживал усталый сад.

Но с человеком изменился
И лик полуденной земли.
И мнится — воздух потемнился,
И небеса изнемогли.

27 октября

...

Таинник Ночи, Тютчев нежный,
Дух сладострастный и мятежный,
Чей так волшебен тусклый свет;
И задыхающийся Фет
Пред вечностию безнадежной,
В глушинах ландыш белоснежный,
Над оползнем расцветший цвет;
И духовидец, по безбрежной
Любви тоскующий поэт —
Владимир Соловьев: их трое,
В земном прозревших неземное
И нам предрекавших путь.
Как их созвездие родное
Мне во святых не помянуть?

24 октября

...

Станет шар земной теснее,
Мы содвинемся плотнее,
Распрядем кудель в клубок.
Мы — волчок над бездной темной;
Пред вселенною огромной —
Звездной пыли мы комок.

Вопросит Судья, от века
Смутно жданный, Человека:
"Видишь, как ты мал и сир?"
В гордом помысле не кайся,
От себя не отрекайся,
Смело молви: "Я — твой мир".

И чудесною спиралью
Расклубясь, ты даль за далью
Обовьешь твоим кольцом
И предстанешь взорам Отчим
Уж не известью пред Зодчим,
А Его другим Лицом.

5 ноября

Вы, чьи резец, палитра, лира,
Согласных Муз одна семья,
Вы нас уводите из мира
В соседство инобытия.

И чем зеркальной отражает
Кристалл искусства лик земной,
Тем явственней нас поражает
В нем жизнь иная, свет иной.

И про себя даемся диву,
Что не заметили досель,
Как ветерок ласкает ниву
И зелена под снегом ель.

29 декабря

Начало небо меняться,
Медленно месяц проплыл,
Словно быстрее подняться
У него не было сил.

И розоватые звезды,
На розовой дали,
Сквозь холодеющий воздух
Ярче блеснуть не могли.

И погасить их не смела
И не могла им помочь,
Только тревожно шумела
Черными ветками ночь.

...

Закроешь глаза на мгновенье
И вместе с прохладой вдохнешь
Какое-то дальнее пенье,
Какую-то смутную дрожь.

И нет ни России, ни мира
И нет ни любви, ни обид —
По синему царству эфира
Свободное сердце летит.

...

Медленно и неуверенно
Месяц встает над землей.
Черные ветки качаются,
Пахнет весной и травой.

И отражается в озере,
И холодеет на дне
Небо, слегка декадентское,
В бледно-зеленом огне.

Все в этом мире по-прежнему.
Месяц встает, как вставал,
Пушкин именье закладывал
Или жену ревновал.

И ничего не исправила,
Не помогла ничему,
Смутная, чудная музыка
Слышная только ему.

Замело тебя, счастье, снегами
Унесло на столетья назад,
Затоптало тебя сапогами
Отступающих в вечность солдат.

Только в сумраке Нового года
Белой музыки бьется крыло:
— Я надежда, я жизнь, я свобода,
Но снегами меня замело.

Это звон бубенцов издалика,
Это тройки широкий разбег,
Это черная музыка Блока
На сияющий падает снег.

...За пределами жизни и мира,
В пропастях ледяного эфира
Все равно не расстанусь с тобой!

И Россия, как белая лира,
Над засыпанной снегом судьбой.

Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отраженья.

Я верю не в непобедимость зла,
А только в неизбежность поражения,

Не в музыку, что жизнь мою сожгла,
А в пепел, что остался от сожженья.

Был замысел странно-порочен
И все-таки жизнь подняла
В тумане — туманные очи
И два лебединых крыла.

И все-таки тени качнулись,
Пока догорала свеча.
И все-таки струны рванулись,
Бессмысленным счастьем звуча...

Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...
Какие печальные лица
И как это было давно.

Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны —
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны...

Мелодия становится цветком,
Он распускается и осыпается,
Он делается ветром и песком,
Летящим на огонь весенним мотыльком,
Ветвями ивы в воду опускается...

Проходит тысяча мгновенных лет
И перевоплощается мелодия
В тяжелый взгляд, в сиянье эполет,
В рейтузы, в ментик, в "Ваше благородие",
В корнета гвардии — о, почему бы нет?..

Туман... Тамань... Пустыня внемлет Богу.
— Как далеко до завтрашнего дня!..

И Лермонтов один выходит на дорогу,
Серебряными шпорами звеня.

Отвлеченной сложностью персидского ковра,
Суебливой роскошью павлиньего хвоста
В небе расцветают и темнеют вечера,
О, совсем бессмысленно и все же неспроста.

Голубая яблоня над кружевном моста
Под прозрачно призрачной верленовской луной —
Миллионнолетняя земная красота,
Вечная бессмыслица — она опять со мной.

В общем, это правильно, и я еще дышу.
Подвернулась музыка: ее и запишу.
Синей паутиною (хвоста или моста),
Линией павлиньей. И все же неспроста.

В ветвях олеандровых трель соловья.
Калитка захлопнулась с жалобным стуком.
Луна закатилась за тучи. А я
Кончаю земное хождение по мукам,

Хождение по мукам, что видел во сне —
С изгнанием, любовью к тебе и грехами.
Но я не забыл, что обещано мне
Воскреснуть. Вернуться в Россию — стихами.

ПСКОВ

Пригородами — деревнями
Ехали мы, и не раз.
То деревянное — древнее,
Древнее — но и сейчас...

Пригородами — заборами,
Берегом узкой Псковы,
Глазки Анютины, взорами
Что докучаете вы?

И на мгновенье особенно
Остро понятно ее,
Этой тростинки соломенной,
Родственное бытие.

Только дотронулся — сломана!
И на лежалый навоз
Сбрасывается соломой
Свежею груженный воз.

Я задремал бы... расплывчаты
Свиньи, ребята, сарай,
Но отдаленный, залихватый
Слышится, слышится лай.

Вот и доехали: славою
Дряхлый Детинец взнесен!
Вижу я — башнями, главами
Праздно красуется он.

Что мне величие давнее —
Колокол, гул вечевой?
Самое, самое главное —
День этот нынешний, мой.

Тянет обратно: унылые
Пригороды не забыть.
Самое, самое милое —
У подворотни завять.

О, память сердца, ты сильнее
Рассудка памяти печальной...

Батюшков

Печален, сердце, твой рассказ
О первой смерти, о паденье.
А ныне восхищает час
Свободного самозабвения.

Куда, в какую синеву
Небес, высокую, и выше,
Куда, неведомо, плыву?
Земные шумы тише, тише.

Patience, hard thing...

G. M. Hopkins

Уйти, позабыть, замереть...
И, вслушиваясь осторожно,
Еще не молиться, не петь.

А ждать, не желая, мечтая,
Как будто бы нет ничего —
Ни песен, ни ада, ни рая.

Тебе ли, оттуда ли весть?
...Сначала вниманье, терпенье,
А то, что останется, — есть.

БОЛДИНО

Друзья дорогие, милые,
Не добрый ли это знак?
Не красный, ярко-малиновый
Уже полощется стяг.

Мы все говорим без умолку
И без толку, вперебой,
Слова заглушает колокол —
Воздвигнутый, вечевой.

Глупею и все мне нравится,
Другой не знаю страны!
Свобода, братство, неравенство
Уже провозглашены.

Идут одетые в белое,
А выше голубизна.
Где правая и где левая,
Не знаю я — сторона.

Стихи бормочу от радости,
Бессмысленные стихи:
Рябина-Радуга-Радонеж,
Прощаются все грехи.

Ее узнаю я, родину,
Утерянную вчера.
Сегодня же съездим в Болдино,
Прощеному жить пора.

Декабрь 1960

ОАХАКА

РЫНОК

Баба в оранжевой юбке
На золотом помеле:
Катимся с ней, душегубкой,
По небу — навеселе.

Ты обернешься цветочком
Аленьким — у алтаря,
Я голубым ангелочком
Вторю Давиду, паря.

Или — на вкусную падаль
В розово-белом саду
Черным исчадием ада
Я из лазури паду.

Зазеленев попугаем,
На десяти языках,
Рынок, вонючий, раем
Провозглашу впопыхах.

Октябрь 1963

Ты думаешь о солнце ли, о лете,
О камне Рима, о воде фонтанов —
Ты, как мотив в Прокофьевском балете,
Всегда просторна и всегда нежданна.
Звук переходит в краски и в движенье,
И вспыхивает золотом над бровью;
Смеется и, ломая напряженье,
Смешинки отдаются в каждом слове.
Ты счастлива. Ты — в световом каскаде,
Ты радостью и щедростью жива —
Все золото взяла себе на пряди,
Всю музыку — себе на кружева.

1960

НА УСТУПЕ

В темной трещине влажных пластов,
В диком месте таится, негдан,
На уступе — лиловый цветок,
Орошенный водой водопада.
Каждый шаг — как сюжетный рассказ,
В каждом звуке — прохладная радость.
Это утро — как влажный алмаз
В переливе играющих радуг.
Эта влажная дымка чиста.
И любые провалы искупит
Водопадная свежесть листа
И лиловый цветок на уступе.

НОВОЕ УТРО

Зимой, на исходе семестра,
Как издавна заведено,
Созвездья Святого Сильвестра.
Шутя, заглянули в окно.
К окошку был космос причален,
И, в стекла войдя без труда,
Звезда угораздила в чайник,
И сразу вскипела вода.
Орудя зеркальцем синим,

Рассвет водворился внутри,
И вспыхнуло пламя в камине
От чистого блеска зари.
И воду в тазу зарумянив,
И в комнате чувствуя власть,
Заря подает умыванье.
Прищурясь и тихо смясь.
И празднику света поверив,
Водой откупившись от сна,
В светящийся иней деревьев
Я сверху гляжу из окна.
Всех кровель морозные грани
Румяным крылом охватив,
На всех колокольнях играя,
Заря подбирает мотив.
На мерзлом стекле шевелится
Кристаллов орнамент простой,
И книга раскроет страницу,
И рукопись ляжет на стол.
И в мыслях — алмазная резкость,
И крыш синеватый излом.
А вьюги Святого Сильвестра
С полночи звенят за стеклом.

1983

БЕСПРИУТНОСТЬ

Клекотом Ливий и Палестин,
Опасной игрой и вызовом —
Мир кажется клочьями ярких картин
За плоским стеклом телевизора.
Во всех концах фитили чадят.
А истина с грязью спутана —
Мир кажется скопищем формул и дат
В зеленом сиянье компьютера.
Мир — словно сплюснен. Его ведут
Законы числа и случая,
А мы бесцветны, как плоть медуз,
А мы, как вода, текучи.
А мы бесприютней цветного клочка,
Пылинкой на стыке лезвий
Мы длимся. Но в чистой влаге зрачка
Мы носим разум созвездий.

Регенсбург — Ратисбона, сияющий колокол, вечер
И романская свежесть тенистого камня колонн —
На гладком полу — светотень золотистых насечек —
Солнце готику чтит и плавно течет под уклон.
Камень пахнет вином. Дремуч этот камень заката —
Церковная служба, римляне, григорианский хорал.
Капителью резной, с цветком зари розовой
Ратисбона ответит смолкающим колоколам.
В тень готической арки, в пролет амбразуры оконной
Заплывает закат перед тем, как в ночи потонуть.
Чистым звуком веков над рекой сквозит Ратисбона,
Темным камнем прикрыв свою негасимую суть.

*ПОСЛЕ БЕСЕДЫ
С РАБИНДРАНАТОМ ТАГОРОМ*

Не из писаний ветхих книг,
Преданий, сотканных веками,
Ты что-то вещей постиг,
Не постигаемое нами.

Кто дальний путь твой пересек?
Ты упредил земные сроки
И созерцал нездешних рек
Неиспедимые истоки.

И Дант, и Гете, и Шекспир,
Не чуя за собой погони,
Не вознеслись на твой Памир,
Откуда мир — как на ладони.

Что для тебя тщета наград? —
Соблазном боле не смущаем,
Ты позади покинул Ад
И не прельщен отныне Раем.

Твоя дорога лишена
Смертей в грядущем и рождений:
Ты крайнего достиг звена
В цели изжитых воплощений.

Оковы духа сокруша,
Ты предвосхитил миг — тот самый,
Когда сливается душа
Со всеединством Парабрамы...

МАЛОРОССИЯ

Даль степная неоглядна.
На пригорке — ветряки.
У речонки сохнут рядна
И цветные рушники.

Неказиста хаты дверца.
С огородных сорван гряд,
Вон стручков зеленых перца
Под кривой застрехой ряд.

На девчиноньке — намисто,
Тяжелы в нем дукачи.
Стол готов и прибран чисто:
"Гречаныки у печи".

ЖЕМЧУГА

У заросшей садовой решетки, —
Как нам память о ней дорога! —
Поцелуям служили, как четки,
Мне на шее твоей жемчуга.

К нам была, на краю перелеска,
Тишина благосклонно-строга,
И от холода лунного блеска
Согревал я твои жемчуга.
Чуть касаясь губами подвеска,
Я слышал, как звенела серьга:

В ней тускнели, пророча нам горе,
Под дыханьем моим жемчуга,
И судьба увлекла меня вскоре
На чужие душе берега,
И от нас грозно-горькое море
Утаило свои жемчуга.

Но раскинут, залогом возмездья,
Млечный Путь надо мной, как дуга:
И манят меня тайно созвездья,
Как манили твои жемчуга.

Где была ты, мне ночи даря
И не видя запрета ни в чем, —
Нас по-прежнему хочет заря
Пробуждать каждым первым лучом.

Но теперь, без меня, по утрам
Муки терпишь ты стойкой душой,
В тщетной жажде моим вечерам
Возвратить отлетевший покой,

И где будешь ты — вновь не сольем
В светлый день мы погасшие дни,
И меня — одинока — в своем
Вечном царствии ты помяни...

ВЫШИВАНЬЕ

Черный индийский узор,
Шорох шуршащего шелка.
Тешит внимательный взор
Черный индийский узор!
Как наяву до сих пор:
Нитки, наперсток, иголка,
Черный индийский узор,
Шорох шуршащего шелка...

Я не искал забвения в вине,
В игре страстей, в мистическом мираже.
Недвижим, словно часовой на страже,
Я наблюдал, как стынет жизнь во мне.

Что знает мир о ледниках душевных?
Рассеянным пожатием руки
Как передать при встречах повседневных
Назойливый напев своей тоски?

Пускай толпа идет своей дорогой.
Играет, плачет, молится и лжет —
Замкнувшись в необщительности строгой,
Секрет холодный сердце бережет.

* * *

О себе не говори,
Лучше о себе не помни.
Ты на свете избери
Уголок, да поукромней.

Все, что знаешь, знай, но прячь:
Никуда спешить не надо.
Пусть несется мимо вскачь
Обезумевшее стадо

Лицемеров и рвачей
За фортуною в погоне,
Ты не с ними, ты ничей,
Тихий зритель на балконе.

* * *

Стирают волны, набегаая,
Песку доверенный расчет.
И мысль заплывшую другая
Сменит — и тоже заплывет.

Я безрассудно силы трачу
В надежде чудо совершить —
Неразрешимую задачу
Без Божьей помощи решить.

* * *

Каждый день в неведомые страны
Медленно уходят корабли,
Покидая берег наш туманный,
Забывая дикий шум земли.

О, я знаю (я ведь не мечтатель,
Не поэт, меня не обмануть),
Что не царь заморский, а стяжатель
Снарядил суда в далекий путь.

Знаю, не к Аркадии блаженной
Держит курс угрюмый рулевой,
Не о чаше Грааля священной
Говорят матросы меж собой.

Так... но все же что-то обещает
Мне надрывный, трепетный гудок,
И потом слезу, как тает, тает
В бледном небе тоненький дымок.

Двоится образ твой в тревожных сновиденьях,
Как бледный диск луны на темной ряби вод:
Я знаю, это ты, но все в твоих движеньях
И в голосе твоём другую выдает.

Послушно музыке несбыточных гармоний,
Ночное сердце ждет и бьется все быстрее,
Ловя, бессильное, ответ потусторонний,
Бессмысленный в прозрачности своей.

Непонятный пейзаж: это может быть море и дюны,
Или просто зигзаги построенных наспех домов?
Непонятное время: кочуют за холмами гуны,
Иль моторы несутся под рев безобразный гудков?

Стрелка компаса бьется, и кормчих растеряны взоры.
Исчезают светила, за тучами скрыться спеша.
Кто же друг и кто недруг? Рука не находит опоры
И себя не находит в смятенье всеобщем душа.

Tu ne quaesieris...

Как и ты, я не знаю, какие нас ждут испытанья,
Как и ты, я блуждаю в тревожной, в отравленной тьме,
Только я не хочу ни советов, ни веры, ни знанья,
Замыкаюсь упрямо в своей добровольной тюрьме.

Жить осталось не долго — нам всем да и нашей
планете.

Право, стоит ли нам предаваться пустой ворожбе?
Поздно, поздно гадать. Что б теперь ни случилось
на свете,

Не откроются райские двери ни мне, ни тебе.

СОЧЕЛЬНИК

Тихий снег. А по заулкам — шорох.
Входит ночь в пустынное село.
И в простых, домашних разговорах
Ласковое время потекло.

Самовар задумчиво и тонко
Про себя припоминает сны.
На столе — не скатерть, а клеенка,
Сизая, с оттенком желтизны.

Темный чай в узорчатом стакане,
Белый хлеб и золотистый мед.
Это — детство. Боль воспоминаний —
Как любовь: пришла и не уйдет.

Не унять и никогда не скинуть!..
В тот Сочельник, медленный с утра,
Я твердил, что елку передвинуть
На средину горницы пора,

Чтоб с рассветом славильщики пели
И смотрели искоса туда,
Где трепещет на вершине ели
Радостью серебряной звезда.

Тихий снег и этот шорох дальний...
Сердце — как от боли уберечь,
Если нету ничего печальней
Вот таких с самим собою встреч?..

ВЕРЮ

Тучи плачутся над тобою,
Ястреба рассекают рассвет,
И проселки бегут гурьбою,
И на каждом — Господень след.

Я хочу, чтобы эти дороги
Снова стали — твои и мои,
Чтобы месяц светил двурогий
На твои и мои колени.

Верю, верю: раздвинув просторы,
Буйный ветер качнет тополя,
Все моря твои, все озера
Всколыхнутся, моя земля!..

Я твои города и села,
Будто паданку, берегу,
В час унылый и в час веселый
Позабыть я тебя не могу.

Видишь: нежность еще не иссякла...
Ну а если умру, не вернусь, —
Знай, что я перед смертью заплакал,
Поминая тебя, моя Русь.

ПЕНАТЫ

Вошел и — пьян, хотя и не пил:
Уже с порога — вольный ветер,
А дальше — сонм великолепий, —
Все эти вещи, да — вот эти...

Струится занавесь в гостиной,
И дружелюбен книжный шкаф,
И удивленно (но не длинно)
Целует тишь, к лицу припав.

Ведь только здесь — "покой и воля",
Где все — свое, где сам ты — свой.
— Садись, покурим, Домовой,
Нам ничего не надо боле.

За древней церковью — кладбищенская немочь.
По-деревенски: жуть и благодать.
И каждый вечер сердцу — изнывать,
Выискивать пленительные темы,
И находить, и связывать в стихи,
Пока лягушек звон окликнут петухи.

Еще не раз, в бору иль дубняке,
Несбывшихся минут перебирая четки,
Я повелю насупленной тоске
Восстановить свиданий бред короткий
И пестовать томленье, имена
С влюбленностью, почти сентиментальной...

Так по душе, давным-давно опальной,
Скользнет летучая и зыбкая волна.

У ГОРОДСКИХ ВОРОТ

На том месте, где ты стояла,
Как-то тихо стою, как вор.
Между нами десять кварталов
Бесконечного города.

Как прекрасен закат прохладный!
За оградой зеленая даль.
Ты придешь, мой друг беспощадный,
Чтобы было печальнее.

Ведь я жду тебя здесь не даром.
Ты расспросишь опять о нем.
Я смогу сосчитать удары
Сердца спокойного.

Только счастье не умирает,
Только радостный произвол!
— Необъятное небо пылает
Коричневым золотом.

. . .

Сестра моя, что бархатною ночью
Летишь со мной в звенящий небосклон,
Свершение стариннейших пророчеств
И мой тишайший сон!

Как не хотеть того, что невозможно!
Весенних снов уже не воротить,
Но тишина сияет с неба звездно.
И нам легко не плакать, не любить.

Сестра моя, мой друг большой и нежный,
Не о печали звезды нам поют,
Они поют о радостях безбрежных,
Что в этом мире благостном цветут.

О красоте торжественных закатов,
О душах солнц и о сердцах зверей,
О плясках ветра в даях синеватых,
Об устремленности жемчужных кораблей.

О том, что будет, и том, что было,
О неподвижности далеких берегов,
О светлых ангелах золотокрылых,
Глядящих вниз с веселых облаков.

Вот исчезают тонкие преграды,
Мы чувствуем язык седых камней.
Легко, легко! Нам никого не надо,
Ни Бога, ни людей.

Клиши

Пусть небо в жемчуг одевает тучи.
Мне эта площадь серая милей.
И пенье проводов, и взлет могучий
Металла звонкого, кубических камней.

Вино сверкает. В этот тихий вечер,
Как дым кадильный — папиросный дым,
Как аромат давно забытой встречи,
Как близкий друг, чье имя я забыл.

— Твои глаза пленительны и узки,
Но наши встречи слишком коротки.
Откуда-то, задорно, по-французски,
Толпу пронизывает пошленький мотив.

— О, где вы, духи! Радостней простора
Мне рук твоих кольцо и шелк груди.
На потемневшем небе светлый город
Гигантской декорацией висит.

Словно дух, от земли отлетающий,
Приближаюсь к Твоей синеве,
Я, богатство Твое расточающий,
Полюбивший жизнь на земле.

Высоко, пред святой оградой,
Там, где вход в предвесенний сад,
Мне не страшно ловить с отрадой
Твой, почти человеческий, взгляд.

И так сладко душе торжествующей
Знать, что девушки и цветы,
И весь песенный мир, ликующий,
Только отблеск Твоей красоты.

СЛЕД ЖИЗНИ

Люблю читать на первом снеге
Скупые заячьи следы.
Смотри: здесь был он на ночлеге,
Тут уходил он от беды.

Там он сидел, прижавши уши,
Водя усами на ветру,
А здесь неторопливо кушал
С березки спадкую кору.

И на душе тепло и славно,
И я, не отрывая глаз,
Читаю этот своенравный,
Наивный заячий рассказ.

И думаю: быть может, Кто-то
Моих неизгладимых лет
С такой же милою заботой
В моей душе читает след.

И всё, что мне цвело так дивно,
Так пело сердцу и уму,
Такой же повестью наивной,
Наверно, кажется Ему!

1945

НЕ ЗАБЫТОЕ, НЕ ПРОЩЕННОЕ

Когда весной — чужой весной! —
Опять цветет сирень,
Тогда встает передо мной
Мой царскосельский день.

Он тронут ранней сединой,
Ему — под пятьдесят,
Но молодой голубизной
Его глаза горят.

Он пахнет морем и руном
Гомеровской строки,
И гимназическим сукном,
И мелом у доски:

Филипповским (вкуснее нет!)
Горячим пирожком,
Девическим, в пятнадцать лет
Подаренным, платком...

Стучит капёль, оторопев
На мартовском ветру,
Звенит серебряный припев
Кавалерийских труб,

И голуби, набив зобы,
Воркуют на снегу.
...Я всех забыл, я всё забыл,
А это — не могу!

1955

. . .

Какая-то радость (но кто же
Из смертных ее назовет?)
Нам все-таки сердце тревожит
И жизнь разлюбить не дает.

Откуда она сохранилась,
Свой луч затаила во мгле,
Последняя чистая милость
На нашей недоброй земле?

Созвездья ль в нее уронили
Свою потаенную пыль?
Пыльца ли в ней утренних лилий
С утраченной райской тропы?

И мы с безымянного детства
Своей неизбывной земли
Того золотого наследства
Истратить еще не смогли.

1958

. . .

То, чем сердце было пьяно,
Что томило нашу плоть —
Мертвой бабочкой нельзя нам
На булавку наколоть.

И не плача, не жалея,
Словно было да прошло,
На досуге молча ею
Любоваться сквозь стекло.

Наше прошлое не вещью
В душном ящичке лежит —
В небе вьется и трепещет,
От цветка к цветку летит.

Если мы его с досады
Второпях в руке сомнем —
Навсегда погубим радость,
Что для нас сияла в нем.

Что ни примем, что ни тронем,
Как ни спрячем в них лицо —
Будут нас стыдить ладони
Золотой его пыльцой.

Ни слезами, ни касаньем
Новых рук — ее не смыть.
Так не лучше ль то сиянье
Неубитым сохранить?

1964

Не те слова. Не те, что прежде,
Когда в азарте молодом
Мы глупо верили надежде
И думали: "Переживем!"

Что ж? Пережили? Своевољем
Сломили трудные года?
И — что ж? В тупой, обидной боли —
Тупое слово: "никогда".

И с лихорадочным ознобом
Приподнятая сгоряча
Рука, дрожащая от злобы,
Бессильно падает с плеча.

И в безалаберном шатанье
Судьба (уже который раз?)
За безрассудные желанья
Так зло высмеивает нас.

И все, что нам еще осталось,
Все, чем душа еще жива, —
Слова, обидные, как старость,
Как жизнь, жестокие слова.

О том, что не нашли мы рая;
О том, что преданы в борьбе,
О том, что стыдно погибает
От горькой жалости к себе.

...

Мне холодно. Мне хочется согреться.
Сесть ближе к печке. Пить горячий чай.
И слушать радио. И сквозь печаль
Следить, как стынет маленькое сердце.

Как стынет это сердце. А в ответ —
Огромный холод в равнодушном мире.
Да музыка, скользкая в эфире
С прекрасных и неведомых планет.

"Прекрасных и неведомых"? — Едва ли.
Большой концерт в большом парижском зале...

Мне очень холодно. Не превозмочь
Моей, ничем не скрашенной печали.

И там, на улице, где стынет ночь, —
И там, где музыка, в притихшей ложе, —
Там холодно и одиноко тоже.

Темнота. Не светят фонари.
Бьют часы железным боем где-то.
Час еще далекий до зари,
Самый страшный час — перед рассветом.

В этот час от боли и тоски
Так мучительно всегда не спится.
Час, когда покорно старики
Умирают в городской больнице.

Час, когда, устав от смутных дел,
Город спит, как зверь настороженный,
А в тюрьме выводят на расстрел
Самых лучших и непримиренных.

Париж
3.III.1942

Считать толково километры,
По карте отмечая путь.
Учесть подъемы. Силу ветра.
Что посмотреть. Где отдохнуть.

Решить внимательно и строго,
Что можно брать с собой, что — нет.
Вязать пуловеры в дорогу
И чистить свой велосипед.

Мечтать о воздухе хрустальном,
О тишине лесов и рек,
О городке провинциальном,
Где будет ужин и ночлег.

И в настроении прекрасном
На карту заносить пути, —
Пока не станет слишком ясно,
Что больше некуда идти.

Париж
20. II. 1937

* * *

Просыпались глухими ночами
От далекого воя сирен.
Зябли плечи и зубы стучали.
Беспросветная тьма на дворе.

Одевались, спешили, балдели
И в безлюдье широких полей
Волочили из теплой постели
Перепуганных, сонных детей.

Поднимались тропинками в гору,
К башмакам налипала земля,
А навстречу — холодным простором —
Ледяные ночные поля.

В темноте, на дороге пустынной,
Зябко ежась, порой до утра,
Подставляя озябшую спину
Ледяющим и острым ветрам...

А вдали еле видимый город
В непроглядную тьму погружен.
Только острые башни собора
Простирались в пустой небосклон.

Как живая мольба о покое,
О пощаде за чью-то вину.
И часы металлическим боем
Пробуравливали тишину.

Да петух неожиданно-звонко
Принимался кричать второпях.
А в руке ледяная ручонка
Выдавала усталость и страх...

Так — навеки: дорога пустая,
Чернота неоглядных полей,
Авионов пчелиная стая
И озябшие руки детей.

Шартр
23.1.1941

МОЙ ЧАС

Когда распахнет ворота
Твердый фабричный гудок,
Смиренен, прост и кроток,
Иду я в мой дом.

И, как Понтий, умыв руки,
Сбросив мир с моего плеча,
Я вхожу в бесподобные муки,
В мой высокий торжественный час.

Вот для этого малого часа
Я столетья живу ослом,
Пью чай и ем мясо,
Разговариваю обо всем.

Вот для этого долгого часа
Соглашаюсь на вонь и зуд,
На печаль недородов и засух
Что венчают любовь и труд.

Дожидаюсь — глухой и незрячий —
Отдаленной вести о том,
Чтобы буквой навеки означить
Мою скуку и мой восторг.

Я НЕ УМРУ

Я не умру. И разве может быть,
Чтоб — без меня — в ликующем пространстве
Земля чертила огненную нить
Бессмысленного, радостного странствия.

Не может быть, чтоб — без меня — земля,
Катясь в мирах, цвела и отцветала,
Чтоб без меня шумели тополя,
Чтоб снег кружился, а меня — не стало!

Не может быть. Я утверждаю: нет.
Я буду жить, тупой, упрямолюбый,
И в страшный час, в опустошенном сне,
Я оттолкну руками крышку гроба.

Я оттолкну и крикну: не хочу!
Мне надо этой радости незрячей!
Мне с милою гулять — плечом к плечу!
Мне надо солнце словом обозначить!..

Нет, в душный ящик вам не упожить
Отвергнувшего тлен, судьбу и сроки.
Я жить хочу, и буду жить и жить,
И в пустоте копить пустые строки.

Меж каменных домов, меж каменных дорог,
Средь очерствелых лиц и глаз опустошенных,
Среди щедрых рук и торопливых ног,
Среди людей душевно-прокаженных...

В лесу столбов и труб, киосков городских,
Меж лавкой и кафе, танцупькой и аптекой,
Восходят сотни солнц, но холодно от них,
Проходят люди, но не видно человека.

Им не туда идти — они ж почти бегут...
Спеша, целуются... Спеша, глотают слезы.
О, спешная любовь, о, ненавистный труд,
Под безнадежный свист косматых паровозов.

Кружатся в воздухе осенние листья.
Кричат газетчики. Звоня, скользят трамваи.
Ревут автобусы, взлетая на мосты.
Плывут часы, сердца опустошая.

И в траурном авто торопится мертвец,
Спешит — в последний раз... (к дыре сырой и душной).

...Меж каменных домов, средь каменных сердец,
По каменной земле, под небом равнодушным.

Окно на полуночном полустанке,
И тень в прямоугольнике окна,
Улыбка недоступной англичанки,
В полупустом кафе глоток вина,

Танцующая в шатком балагане
Хозяйская измученная дочь,
Смычок — скользящий по старинной ране,
Иль просто — одиночество и ночь...

Свеча в ночи... на даче, за оградой...
Свист, песня, смех — в деревне, за рекой...
Немногого — о, малого мне надо,
Чтобы смутить насытый мой покой.

ДИАЛОГИ

— Порою меньше малой малости:
(Дешевле всех врачей и всех аптек)
Две капли нежности, щепотку жалости —
И вот расцвел засохший человек.

Расцвел — засохший, полумертвый — ожил,
И в мир вошло веселое добро.

— Вы правы, друг. Любовь всего дороже,
Но у меня нет денег на метро.

Мурлычет кот — уют мещанский были.
Бренчит посуда на большом столе.
На полке ряд, под покрывалом пыли,
Старинных книг хозяйственный совет.

И блики ржавые — кухонная отрада:
Пылает печь, для чьих-то именин.
Хозяйка красная уже сама не рада —
И где-то снова напроказил сын.

И ровно в семь вопящая орава
Ворвется в сад и комнатную чинь —
Отец молчит, хотя крутого нрава, —
И только шепотом: "Цветы не опрокинь".

Но поздно вечером зевается так сладко —
И в белых простынях так мягко утонуть...
К усталой матери, запутавшийся в складках
Прижался маленький и жадно ищет грудь.

...

Мостков деревянных скользящая сырость,
Кабинок коричневых черные рты:
Волна набежала на пляж и зарылась
В песок солнценосной и желтой икры.

Янтарные смолы прозрачны на досках
И душно в бутылочной зелени вод,
У самого берега хлюпает плоско
Залитый медузами тонущий плот.

Внизу серебрятся в корзинах макрели,
Блестящие солью своей чешуи,
И медленно плещется светлая зелень,
Пронзенная солнцем — далекая ширь.

...

В почтовой конторе и сегодня так сини
Глаза продавщицы, но марок кайма,
Но белый конверт, как за окнами иней,
И сторож, стуча деревяшкой, хромал.

По стенам — пестры — расписанья о лете,
О разных курортах, о ваннах и там
Крученых, пеньковых и шелковых петель
Бездумье опутает по городам.

И так, не сегодня ли, завтра, но все же
Зачем, и когда, и придет ли ответ,
Когда такой терпкой гримасою прожил
Всю жизнь — ненужных и скомканных смет.

Но вот, перед тем, как захлопнуть окошко
— Пора, уходите, прием до шести, —
Мелькнет продавщица и простенькой брошкой
Как будто насмешливо бросит — прости.

Там сторож, считая обрывки в корзину,
Стучит деревяшкой и иней в окне.
Не вспомню, зачем и куда я закинул
Письмо заказное и, кажется, мне...

БОР МОЙ...

Плачу над грушей дюшес.
Сгорбилась в горе великом:
Где ты, родимый мой лес,
Папоротник, земляника!

Право, смешной разговор:
Я разлюбила бананы.
Бор мой, сосновый мой бор,
Запах медовый и пряный!

Может быть, в этом году
(Дай помечтаю немножко!)
Утром на зорьке пойду
В рощу с плетеным лукошком.

Как это мог ты забыть?
Тише... в лесу — это в храме!
Буду собирать я грибы
И воевать с комарами.

Лес мой, родимый мой лес!
В горести сгорбила спину...
Видно, спутал нас бес
И уволок на чужбину.

Грусть мою, русскую грусть
Выпущу птичкой из рук я.
Дольяна нынче напьюсь
Новой печалью — разлукой.

Склоны отвесные гор...
Нет, уж не песней, а криком:
— Бор мой, сосновый мой бор,
Папоротник, земляника!

1929

В МИРЕ МЕМУАРОВ

Мы с тобой врагами не добыты,
Но в тулик глухой заведены,
Два обломка королевской свиты
Короля трагической страны.

Подвиг — это миг самозабвения,
Огненный полет в ночную высь.
Клятву долголетнего терпенья
Мы с тобою выполнить взялись.

Жизнь диктует новые законы,
Вожаки кричат: "Не отставай!"
Но перед отцовскою иконою
Огонек зажечь не забывай.

Никому нас не переупрямить,
Жизнь борьбой неравною полна.
В эти дни сожжем о прошлом память,
Чтоб не помешала нам она!

Чтоб душа слезой не растекалась,
В мусорную яму сволоку
Нашу эмигрантскую усталость,
Нашу эмигрантскую тоску.

1931

ВЦЕПИВШИСЬ В ПОВОДЬЯ...

Копыта цокали о камень...
Нас двое в мире, — конь и я;
А там, в пространстве за хребтами,
Темнеет Родина моя.

Скала вздымалась над тропой,
А ширина тропы — в аршин.
Отчаянья копье тупое
Коснулось дрогнувшей души...

Печальный сумрак над Алтаем
Раскинул трауром вуаль.
Мой конь родной, мы погибаем!
Себя не жаль, — коня мне жаль.

Из-под копыт сорвался камень,
И грохот камня, словно взрыв.
Мой умный конь прядет ушами,
Косится глазом на обрыв.

Здесь где-то замок Черномора,
Людмилу здесь искал Руслан...
Тропинка уже, круче горы,
Ползет из пропасти туман.

Там за хребтами — Беловодье,
Край Божьей Русской красоты...
Нет, я не выпущу поводья!
Мой конь, не поскользнешься ты!

10 сентября 1935

В ДЕНЬ ПОКРОВА

Под защиту Твою прибегаем,
Богоматерь, спасенье людей,
Огради нас от бед и страстей
И укрой нас спасительным краем
Ризы чистой и светлой Твоей!

Труд и горе сложив за порогом,
Мы, чья вера в покров Твой жива,
В сельском храме старинном и строгом
Собрались перед Господом Богом
Во всерадостный день Покрова.

О Владычица, в тайной тревоге
На Тебя я надежду простер,
На Тебя уповаю по Боге.
Будь на жизненной трудной дороге
Мне защитой Твой благостный взор!

О Пречистая Дева, Тобою
Слово Божие к нам рождено.
Пусть молитвой Твоей преблагою
В нашем сердце, объятom тоскою,
Светом радостным вспыхнет Оно.

26. IX. 1919

...

Серебрясь, блистает юная луна.
Пусть себе блистает. Нечего мне ждать.
Ничего не может жизнь мне больше дать.
Чаша наслаждений выпита до дна.

Катится по небу яркая звезда.
Но моих желаний не пошлю ей вслед.
Уж давно желаний в сердце больше нет.
Счастья и надежды прожиты года.

1919—1920

ВЕРТОГРАД НЕБЕСНЫЙ

Вертограда небесного лилия,
Райский цвет на бесплодной земле!
Распростертый средь праха и пыли я,
Образ Твой призываю во мгле.

Нимб Твой — звезд серебристых сияние,
Поступь — облачка легкого след;
Днем и ночью Твое одеяние
Дарит солнца немеркнущий свет.

Очи — помыслы гонят нечистые.
Лик Твой — отблеск зари на снегу,
Волоса Твои — рожь золотистая,
А улыбки сравнить — не могу!

Мне ли, с силами столь невеликими,
Слить мой стих в славословящий хор
С херувимами пламенноликими,
Сонмов ангельских внять приговор?!

О, Звезда Незакатная Божия,
О, Светильник надмирных высот,
Я кладу у святого подножия
Вместе с песнью души моей гнет.

Голубица небес ослепительных,
В сферах вечного света паря,
Не забудь наших скорбей мучительных,
О Невеста и Мать Всецаря!

На молитву, к Тебе вознесенную,
Обрати, Милосердная, взор,
И над Русью, тоской угнетенною,
Благодатный простри омофор!

[1920]

ЗЕМЛЯ 1

Земля прекрасная, любовница богов,
Для каждого из них меняешь ты наряды.
Лишь пробудят тебя весной Дажбога взгляды,
Ты сбрасываешь свой белеющий покров
И ризой в зелени пестреющих цветов

Пленяешь божий взор. Веленьям властным Лады
Покорная, любви вкушаешь все отрады
С небесным юношей. Но вот из облаков
Златобородый царь свой лик покажет смелый
И страсти молнией нежданно опалит,
И для Перуна ты приемлешь новый вид
— Убранства желтые, как нивы колос спелый.
А там зима идет, и стан твой вновь обвит
Для князя сумрака одеждой снежно-белой.

• • •

Сестер кастальских благостыни
Лишен, я Роком удален
В изгнание на брега Горыни.
Забыл меня здесь Аполлон,
И всеми позабыт я ныне.

Но верю, помнят про меня
Не знающие света дня
На берегах печальной Леты
Мои знакомые поэты
И ждут, молчание храня.

III. 1936

Дождь сечет. Фонтан кирпичный
Мутно газом освещен.
Тьма и шорох. Мир обычный
Чем-то тронут и смущен.

То ли выплески канала
Заглушает шум дождя.
То ль душа моя, бродя,
Поскользнулась и упала?

И прильнув к земле холодной,
Сквозь асфальтовый покров
Различает многоводный
Плавный ток иных миров —

Только отдых и молчанье,
Шелест ветра на столбах, —
Только времени журчанье
В водосточных желобах.

Отсырела папироза,
Липнут волосы к виску, —
Городскую площадь косо,
Не спеша, пересеку.

Обойду квартал туманный,
Скрытый жар превозмогу.
Дома, гость непостоянный,
Скучной лампы не зажгу.

1931

...

Когда с работы он идет,
Устало разминая ноги,
Когда у стойки пиво пьет,
Бранит погоду и налоги, —

Кто в резких бороздах чела
Отыщет след страстей мятежных?
Кто в черноте одежд небрежных
Узнает тусклый след крыла?

Увы, над гулкой бездной мира
Тысячелетия прошли,
Изгнанник вольного эфира
Стал пленным пасынком земли.

Блеск рая, грозный мрак падения —
Зарыты в мутных тайнах сна, —
Земная жажда разрушенья
Земной душе его дана.

И часто, заглушая речи
Праздновраждующих сторон,
В трескучий говор человеческий,
Как нож, вонзает слово он.

И снова в кабачке убогом,
Старинный спор не разреша,
В единоборство с мертвым Богом
Вступает мертвая душа.

Его никто не прерывает,
Ответный голос не звучит.
Внимательная ночь молчит, —
Но солнце в мире убывает

1937

* * *

Стоим, обвеянные снами
(Так молча, сердце отдают),
И камни пыльные под нами —
Как птицы райские поют.

Нас тесно обступили люди,
И чей-то хрипловатый бас
Толкует о поддельном чуде,
О суеверье и о нас.

Но грубых окриков не слыша,
Мы видим небо над собой,
И вдруг — летим. Все выше, выше,
В эфир прозрачно-голубой.

И в восхождении высоком
С воздушно-солнечных дорог
Глядим, уже бессмертным, оком
На тех, кто улететь не мог.

1944

* * *

Налево, направо — шагай без разбора,
Столетия считай на ходу, —
Сирень наступает на башни Самбора.
Ночь музыкой бродит в саду.

Ты призраком бредишь, ты именем болен,
Парчой откидных рукавов,
Серебряной шпорой и тем, что не волен
Бежать от любви и стихов.

Как дробь барабана, на гулком паркете
В камнях самоцветный каблук, —
Мазурка до хрипа, до смерти, и эти
Признанья летающих рук...

Не надо, не надо, — я знаю заране —
Измена в аллее пустой, —
Струя иль змея в говорливом фонтане
Блестит чешуей золотой.

Ночь музыкой душит, — и флейты и трубы,
В две скрипки поют соловьи,
Дай сердце, Марина, дай жаркие губы,
Дай легкие руки твои.

Сад гибелью дышит, — не даром мне снится
Под бархатной маской змея, —
Марина, Марина, Марина, царица,
Марина, царица моя.

Четвертый раз расплавленный металл
Налили в форму, сложенную туго,
Но колокол опять не зазвучал,
И спрашивали люди друг у друга:
— За что на нас прогневался Господь?
Все эти неудачи не случайны. —
И мастер изнурял постами плоть,
Моля открыть ему звучаний тайны.
Открыть на все терзания в ответ
Тот перезвон серебряного сплава,
Который, словно ангельский привет,
С холма на холм несется величаво.
В его ушах струится этот звон,
То уходя, то подступая снова.
— Любовь и жертва! — пел, казалось, он, —
— Любовь и жертва! — два заветных слова.
И сердце мастера все расцвело,
В его груди заискрились огнями:
Несказанно-блаженное тепло!..
Все человечество с его грехами
Приняв, он безвозвратно полюбил,
Ему хотелось о сладчайшей жертве
Петь колоколом из последних сил...
Один прыжок — в объятья красной смерти.
Искали мастера, но не нашли,
Отливку без него благословили,
И звон прошел во все концы земли,
Единственный по красоте и силе.

...

Темный ангел к подушке прильнул,
Наклонился так низко, так жарко.
Им подхваченная на волну,
Я скользнула по зарослям парка,

Где мы с Вами встречаемся днем,
И все кажется ясно и просто,
А теперь нехорошим огнем
Ночью каждый горит перекресток.

Как зловеще деревья шуршат!
А луна, как карминные губы...
Наших встреч повторяется ряд
В отраженьях уродливо-грубых:

Ваших глаз немерцающий блеск
И лицо — сероватая Маска,
Черных крыльев мне чудится всплеск
И тяжелая, душная ласка.

Убежать от нее не могу,
И занозится в сердце тревога.
В заколдованном, страшном кругу
Я мучительно вспомнила Бога.

Кто-то круг разомкнул и раскрыл,
И в обломках его я проснулась.
Ослепительность радужных крыл
Или — пламя лампадки взметнулось?

...

Девочка скользнула, торопливо
Стянутыми ножками ступая,
На восток, где одинокой ивы
На траву ложилась тень густая.

Серебром браслетов прозвенела
Оглянувшись, нет ли там погони:
Вдруг увидит мать, что так, без дела
Скрылась помечтать на этом склоне?

Желтолицая, глаза раскосы,
Разметались рукава халата,
Красной шерстью перевиты косы,
В волосах горит цветок граната.

Хорошо сидеть, обняв колени,
На причале у реки любимой,
И следить, следить, как в грязной пене
Щепки по воде несутся мимо,

Мимо, вдапъ, куда-то — неизвестно,
К новым городам, в жару иль стужу.
И она, покинув это место,
Уплывет на лодке вместе с мужем.

А теперь смыкаются ресницы
От объятий алого заката.
Что? Из солнца вылетает птица,
Осиянна, радужна, крылата.

Будто птицы с материнских чашек!
Ближе. Ослепительно сверкнула
Яркой молнией цветных стекляшек,
Девочка в том блеске потонула.

А потом от всех блюла ревниво
Тайну лучезарного виденья
Птицы царственной под сенью ивы,
Протекли года с того мгновенья, —

Девочке правления кормило
Рок вручил, отметив: пронеси!
И она в историю вступила
С августейшим именем Цы-Си.

В БИСТРО

Когда забудешься от говора чужого,
От шума города, прижавшись в уголке,
Картины прошлого встают невольно снова,
Пронесется миражем вдалеке...
В душе измученной досады нет и злобы,
Осадок горечи исчез кошмарным сном...
Вдруг... вспомнишь зимний путь, высокие сугробы,
Сад... поворот реки... И там... наш старый дом.
Морозный тихий день... В знакомом белом зале
Глядит луч солнечный в замерзшее стекло,
Портреты по стенам... и вазы на рояле.
Вид из окна на сад... все близко и светло.
Порой дубовая вдруг треснет половица,
Шипящий самовар песнь тихую поет,
И кажется, что, вот, сейчас войдет
Теней знакомых вереница,
Раздастся разговор, смех, песни зазвучат,
О жизни, прелести былой, патриархальной,
Рассказы бабушки и шалости внучат
Опять пройдут перед душой печальной.
Как чудный сон, что не вернешь назад...
Забудешься на миг... Уйдешь в воспоминанья,
В ту сказку прошлого, что не умел ценить,
И кажется, к холодной мгле скитанья
Оттуда тянется ласкающая нить,
Мечтой опутает, согреет душу лаской,
Связь сердца с тем былым почувствуешь остро
И грезишь, радостный, забытой милой сказкой
В чужой толпе... один в углу бистро.

НЕЗАБЫТОЕ

Душе все грезится усадьба дальняя,
Бесь в белом инее заснувший сад,
И песня прошлого, мечты печальные,
В рассказах бабушки под смех внучат.
Аккорды нежные рояля старого,
Портреты пыльные на стенах зал,
И звон бубенчиков... и шаг Чубарого,
И весь сияющий огнями бал...

Душе все грезятся картины ясные,
Признанья шепоты, мечты любви,
Улыбки прошлого, как сон, прекрасные,
И голос времени: "Забудь! Живи!.."
Но сердце грустное полно страдания,
Томит и мучает чужбины даль,
И нет забвения... и нет желания,
И только прошлого, как сказки, жаль.
И все не верится, что все любимое,
Сгорело — срублено, как старый сад,
И сердце грустное, тоской томимое,
О прошлом молится под свет лампад.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПЕРСТЕНЬ

Приветствую тебя, железный перстень мой.
Судьба опять тебя мне возвратила.
Мы виделись не раз, старинный друг, с тобой,
Моя рука тебя носила.

Сподвижник Готфрида, суровый паладин,
Я знал тебя у стен Ерусалима.
Я пал тогда в бою, и видел ты один,
Как в пене конь мой мчался мимо.

Ты сорван был с меня неверного рукой
И сохранен, как память боевая,
И мерила, смеясь, тебя на пальчик свой
В гареме пленница младая.

И вновь, в стране другой, за сладостную трель
Под говор струн, у замковой ограды
Тебя я получил, влюбленный менестрель,
В залог пленительной награды.

Ты помнишь, в ту же ночь, под стрельчатым окном
Ты видел блеск ревнивого кинжала
И слышал краткий стон, и по тебе потом
Струя горячая бежала.

О, сколько разных рук и сколько разных чар
Ты все менял, холодный и послушный,
Пока однажды мне случайный антиквар
Тебя не продал, равнодушный.

С тех пор, что ты на мне, я чую каждый час
Твою в столетьях скованную силу.
Ты мой, железный друг! Ты мой в последний раз,
И ты со мной уйдешь в могилу.

БАНКИР

C. Birch-Crisp

В столице стерлингов, в угрюмо-душном Сити,
Где в узких улицах неяркое солнца свет,
В одном из низеньких домов на Риджент-Стрит,
Смущенный, я входил в твой тесный кабинет.

Ряды расчетных книг, ресконтро и грассбухи,
В чьих цифрах тысяч душ запечатлелся плен...
И мнилось, под стеклом в ловушке бьются мухи,
Докучливо кружа среди прозрачных стѐн.

Известий биржевых белеющую ленту,
Стуча, струил в углу бессменный телеграф.
Гиероглифы цен... Гаити... Нобель... Рента...
Бразильские листы и рудники Эль-Гаф.

Весь в черном, ты слицом, застывшим, словно маска,
Сидел, облокотясь на старый темный стол,
И ни одна в лице не трепетала краска,
И ни на миг огонь во взгляде не прошел.

И весь ты был отлит, как будто бы из стали,
А голос твой, как бой часов издадека.
Вдруг, на краю стола, в изогнутой эмали,
Мне бросились в глаза два бледные цветка.

Как! Значит, был и ты ликующим ребенком.
Как! Значит, знал и ты и шум, и крик, и смех,
И плакал на траве над выпавшим щегленком,
И Богу поверял твой первый детский грех.

О, сколько долгих лет слепой, бездушной силе
Пришлось тебя ломать, и унижать, и гнуть,
Чтоб люди навсегда тебя ожесточили
И облекли в гранит твой беспощадный путь.

И молча я смотрел... Но был ты весь из стали,
И голос твой, как бой часов издадека...
А в тонком хрустале тихонько умирали,
Роняя лепестки, два бледные цветка.

ВОЖАТЫЙ

Ты замолчала, тиха и безгневна.
Солнце палит. Золотится песок.
Это твой город, твой город, царевна!
Час торжества твоего недалек.

Видишь, то башни, то мраморы зданий
Нам открывает, волнуясь, туман.
Завтра исчезну, как призрак, в тумане.
Нынче я твой и веду караван.

Звонки звонки у двугорбых верблюдов,
Бег их колышет твой пестрый завес,
Дали сожженной земли Иегудов
Скоро сменит пышнолиственный лес.

Завтра тебя поутру не встревожит
Жалобным воем пустынный шакал.
Ждет тебя пурпур и золото ложа,
Пышность и блеск изукрашенных зал.

В чашу бассейна спадая напевно,
Будет журчать без конца водомет,
Будет жених твой... Ты плачешь, царица?
Плакать не надо! Что было, пройдет.

Было ли, нет ли, я только вожатый.
Мало ль что снится средь желтых песков,
Ты эти сны навсегда запечатай,
Кинь их для новых, для царственных снов.

Долог был путь в раскаленной пустыне.
Много забытых осталось в пути.
Все это было, чтоб снова отныне
В блеске венца ты могла расцвести.

Смеет ли раб, награждаемый златом,
Жаждасть иных, недоступных наград.
Завтра останусь, как прежде, вожатым,
Завтра наденешь твой царский наряд.

Ты молчалива, тиха и безгневна,
Взор отуманен, как в росах заря.
Сон мой окончен. Прости же, царица!
Слезы отри, чтобы встретить царя.

Знаю: телу нужен воздух,
Быта чтит оно закон:
В меру усталъ, в меру отдых,
Теплый дом, еда и сон.

Что же дать мне этой темной,
Невнимательной душе,
Непонятной, неумной,
Замершей настороже?

Потому что все-таки нам надо,
Чтоб хоть кто-нибудь да слышал нас,
Чтоб тоску измученного взгляда
Человеческий бы встретил глаз.

Потому что не для крови свежей
Был задуман первозданный снег.
Потому что хочет правды здешней,
Нескончаемой вовек,
Неприявший злобы, неутешный,
Уязвленный человек.

Замолкли шумы дня,
Как голоса подруг.
Я слушаю одна
Шагов старинный звук.

Крутой закинут мост
Над ветхою рекой.
Обломки тонких звезд
В ней тонут в час ночной.

Слетел душистый снег
На зов нагих ветвей.
Подков серебристый смех
Все ближе, все слышней.

И, не поняв вины,
Он затоптал, ездок.
Жасминной тишины
Опавший лепесток.

НА ПЕПЕЛИЩЕ

Внезапный луч — и в дивном ослепленье
В дождливый день расцветшая сирень.
Здесь все как было, только больше тени,
И только небо кажется серей.

Вступаю в сад, где радость и усталость
Привыкли коротаться без меня.
Я узнаю: здесь только тень осталась,
Да долгая ветшает тишина.

Сюда не надо звать воспоминаний,
Здесь дом их, здесь они всегда живут.
Забыв года разлуки и скитаний,
Я дома, я гляжу, я наяву!

Растет трава, густа, как на могилах.
Заглушена старинная межа.
Я узнаю: здесь были души милых.
Здесь зазимует и моя душа.

Клянясь, поют веселые потомки
Знакомых замолчавших соловьев.
Заря горит, златит сквозь воздух тонкий
Отеческий опустошенный кров.

Кончаем путь, глядим кругом,
И, плавно приближаясь к устью,
Мы вспоминаем отчий дом,
Откуда вышли без предчувствий.

И у границ земной страны,
Иного бытия на утре,
Душа и мир обнажены
В священнейшем из целомудрий.

Уж ни ошибок, ни удач
Мы не оспорим, не повторим.
Под поздний, долгий ветра плач
Глядим на сад, цветущий горем.

В каждой жизни хоть раз запевала свирель:
— Тиронтон-миронтон... тиронтель-миронтель...
И для нас по весне запевала свирель:
Для тебя — тиронтон... Для меня — миронтель.

Немудреная песня сегодня жива,
Оттого, что в окошко ворвался апрель.
Мы из веток черешни плетем кружева:
Тиронтон-миронтон... тиронтель-миронтель...

Кружева опадут... кружева упадут...
Не цветенье окутает душу, а цвель...
И осенние ветры затянут в саду,
Но не твой тиронтон... не мою миронтель...

ТУРГЕНЕВ

Эти грустные окна в паутинном уборе,
Синеватые окна, за которыми ныне
Никого не обманет, ни улыбкой, ни взором,
Простодушная Лиза... И падает, словно иней
Старина —

на приветливость тесную горницы,
На просторы зеркал... на точеные пальцы,
На тяжелые веки добровольной затворницы,
Что колола иголкой дрожавшие пальцы.
И забвенье...

И холод...

И мука томления

Над роялем...

Но музыка вальса немецкого
Вдруг промчится по саду тревогой весенней...
Зарыдает,

окликнет,

обнимет Лаврецкого.

ДОННА АННА

Тихими тяжелыми шагами
В дом вступает командор.

А. Блок

Роли изменились, донна Анна.
В ложе — вы, которой бредил Блок.
Нынче я на сцене, как ни странно,
Начинаю вдовый монолог.

Анна, я старше вас намного,
Знаю, как мучительна тоска,
Но скажите, вы ли, недотрога,
Полюбить сумели пошляка?

Командор — не статуя, что просто
И легко куда-то сдвинуть прочь.
Вспомните — от свадьбы до погоста
Рядом с вами, день и ночь.

Пусть порою жизнь была не сладкой,
Пусть она не все уберегла,
Но ведь и железная перчатка
Может быть по-своему тепла.

Страсть, безумье — разве это ново?
Это — то, что порастет травой.
Анна. Страшно обмануть живого.
Командор — он был живой.

Господи. Ну если бы за шторой,
Где сейчас не видно нам ни зги,
Если б моего мне командора
Услыхать знакомые шаги.

Как бы полетела я навстречу,
Как бы снова стала молода.
Анна. Анна. В зале гаснут свечи,
Свечи гаснут от стыда.

ИЗ ЦИКЛА "МОЛОДОСТЬ"

Катер плыл по реке. Не река — синий ласковый плюш.
Так всегда при любви, — и природа побаловать хочет.
Говорили чуть слышно, наверно, какую-то чушь.
Разве можно сказать себе было тогда: "Удержись".
Боже мой! Если вспомнить — что тою далекою ночью
Зажигалась, как факел, моя сумасшедшая жизнь.

ВНУК ДЕКАБРИСТА

Мой дед декабрист. В офицерском мундире
Был схвачен, но юности пыл
В сырых казематах, в студеной Сибири,
До старости в нем не остыл!

Я, внук его, той же дорогой тернистой
Боролся с неправдой земной,
На мне повторилась судьба декабриста
— Я к тачке приник головой...

Его и меня за служенье народу
Ждал тот же суровый конец...
Он жаждал свободы — я жертва свободы!
Он сеятель смуты — я жнец!

Он в дебрях Сибири, а я вне России
Платили предъявленный счет,—
За то, что отдали сердца огневые
Тебе, горемычный народ.

1925
Югославия

ТЕНИ

Вокруг неоглядные дали,
На версты хлеба да камыш!
До вечера там отдыхали
Луна и летучая мышь...

На смену багряным закатам
Спускалась бездонная тьма, —
Пьянила степным ароматом,
Привольем сводила с ума...

Сестра на скамье у беседки
Белела неясным пятном, —
К ней тополь протягивал ветки,
Разбуженный вдруг соловьем...

Плечо целовала прохлада,
К ногам припадала роса,
И в сумерках старого сада
Тонула тугая коса...

Не ценное сделалось ценно!
Дремучая русская тишь
Не снится ли здесь? Неизменно
О ней наяву говоришь!

Но сгнули в тьме наваждений
И чаше, испитой до дна,
Мои ненаглядные тени,
Отчизны моей целина.

1946
Бавария

ЛЕДЯНОЙ ПОХОД

Ветер поземку стелет,
Трепплет трехцветный флаг, —
Глушит порыв метели
Топот и мерный шаг!

Это Бояр раскосый
Шел в ледяной поход!
Пели стальные осы,
Алый сочился мед...

Сам генерал Корнилов
Родине обручил
Фронт, не имевший тыла,
Кроме своих могил...

Сквозь ледяные реки
Шли переправы вброд. —
Видимо, в каждом веке
Свой сумасшедший год!

Только смертельный выстрел
Или в упор картечь
Право давали, быстро,
Без приказанья лечь...

Перешагнув, живые
Шли... соблюдать черед...
Только в одной России
Мог быть такой поход!

1948
Бавария

ЭТАКИХ МЫ ИЩЕМ!

Когда дымились стены городов
И факелом пылали эшелоны, —
Из лазаретов, от большевиков,
Брели на Запад раненых колонны.

На сером небе, видимо, пилот
Не опознал значительной добычи...
Казалось на земле, что время не идет!
Казалось людям — ужас безграничен!

"Ложись!" — Легли покойникам под стать.
На костыли обрушивались взрывы,
Чтоб ломаные кости доломать,
Чтоб полумертвые не оказались живы!

А те, немногие, что медленно, с трудом
Еще смогли ползти до полустанка, —
В летучке бредили, когда раздался гром
И лязг. С Востока подходили танки.

Дверь хлопнула... Сверкнул советский герб
За кожанкой вошедшего брюнета...
Спросили русского: "Ты немец?" — "Нет, я серб!"
"Не до тебя нам, некогда, а этот?"

Молчал сосед, оборотясь к стене...
"Наверно, серб? Лежи, лежи дружище!"
— "Я русский офицер!" — раздалось в тишине.
"Ага! Ты русский! Этаких мы ищем!"

Казалось людям — время не идет...
Гремели выстрелы, работали приклады...
Пропавших без вести за сорок пятый год
Ни забывать... ни ожидать не надо!

1950
Нью-Йорк

Город широких улиц,
Тенистых улиц-аллей.
Город старинных храмов
И белых монастырей.

Осенью в грустных парках,
Сквозь листьев зыбкий навес,
Южные звезды яркие
На черном шелке небес.

Днем на желтых дорожках
Узорных кленов листья.
В небе высоком — Лавры
На солнце горят кресты.

Звонкое эхо песен
С широкой синей реки,
Где под зубчатым лесом
Спят золотые пески.

Город дальнего детства,
Я слышу сквозь шум морей
Шелест ночного ветра
В ветвях твоих тополей.

ТУРЕЦКОЕ КЛАДБИЩЕ

Огнем пылают оконца
Домов, взбежавших на мыс.
Зажмурю глаза от солнца,
Обниму рукой кипарис.

Как нежно апрельский ветер
Касается жарких губ!
Дрожат в лучезарном свете
Дымки пароходных труб.

Внизу бубенцы и топот,
Веселая жизнь долин,
А здесь кипарисов шепот
И важный покой вершин.

И кажется: легкой птицей
В столетних ветвях шурша,
Поет над земной гробницей
О вечной жизни душа.

Полно и щедро твое наследство.
Сладко мне бремя его нести.
Точно янтарь полноцветный, детство
Тяжкою нитью лежит в горсти.

Лоб окропив в расписных воротах,
Денежкой звякнет в стакан слепца,
Солнцем осветит в церковных сотах
Нимб погруженного в тень лица.

Вынесут ломоть ржаного хлеба.
Сяду на паперть мечтать и есть.
Чем мне так дорого это небо,
Голуби, кровель рябая жесьть?

Видно, сестрой простых богомолок,
Пальмовой ветвью кропя лари,
В сумрачный мир мне нести осколок
Золотоглавой твоей зари.

Мне с каждым часом мир дороже...
Склонясь с высокого моста,
Смотрю: сафьянвою кожей
Внизу волнуется вода.

И мягко с матового свода
Полуприкрытый льется свет...
Благодарю тебя, природа,
За все, чему названья нет.

За все, что дышит, светит, манит,
Томит тревожною тщетой,
Все, что сиять не перестанет,
Когда я стану пустотой.

Горят цветы на сером камне стен,
Журчит вода по каменному ложу,
И крылья пальм в горячей вышине
На перья шлема черного похожи.

О, если б жить в прекрасной простоте!
Сходить к колодцу с глиняным кувшином,
Смотреть, как дрок желтеет в высоте,
Как лиловеют горные вершины.

И вечером безоблачного дня,
Когда бредут по улочкам коровы,
Молить: "Мария, сохрани меня",
Заслыша колокол средневековый.

* * *

В прохладной и пустынной синеве
Восходят звезд сияющие очи.
Слабей цикад журчание в траве,
В молчаньи листьев — приближенье ночи.

Бледнеет дол в тумане меловом...
Зачем туда, где факелом блестящим
Маяк огонь хрустальный вскинул в нем,
Гляжу уединенно я все чаще?

Чего прошу у неба и земли
С таким изнеможением и страстью?
Оливы дремлют в голубой пыли,
Долины дышат равнодушным счастьем...

* * *

Я возвращалась в сумерки. Над садом
Стояла светлолицая луна.
Вдруг мира неземная тишина
Вошла в меня весенним сладким ядом,
И я остановилась... Мир молчал.
Алмаз звезды над сучьями играл.
Под соснами лежали тени, рядом
Белела невысокая стена...
Стучало сердце... Я была одна.

Не камень, а карточный домик,
Жилище для бабочек, тень.
Но более прочного дома
Нам строить не хочется, лень.

А буря дохнет на строенье,
На птичий наш переполох,
И даже не буря — дыханье
Любви или женщины вздох,

И карточный домик (постройка,
Висящая на волоске)
Вдруг рухнет за картою карта,
Как все, что стоит на песке.

Захлопают дети в ладоши,
И тихо из мира преград.
Как черные бабочки, души
На небо совсем улетят.

1934

ДУБ

Всех плотников, муз, адмиралов
Столетний свидетель и друг,
Подобье тишайших каналов
Средь бури вскипающих вдруг.

Богатство метафор, сравнений:
Жестокой судьбы — с топором,
Больших корабельных строений —
С республикой, жизни — с листком.

Ты — первый в том мире зеленом
Деревьев, пространств, облаков,
Где молнии пахнут озоном
И жареным мясом орлов.

Но путаются под ногами
Печальных и важных эпох
Делишки людишек. А в храме
Звенит чепуха медяков.

1934

1

Я — зритель. Я — слушатель пенья.
Огромный спектакль предо мной:
Прекрасная драма творенья,
Где гибель, но свет голубой.

Я в лучшем театре вселенной
Сполна заплатил за билет,
За зрелище это, за тленный
Свой праздник, за несколько лет.

Я — в кресле из красного плюша,
Я в зрительном зале, дружок,
Где все голубое, где суша —
Подмостки, а море — пролог.

Мы слушаем в виде вступленья
Высокую музыку гор.
Зеленых деревьев смятенье
Средь бури родил дирижер...

2

Жизнь — ветер, листок и орешек.
Живи, мой дружок, на горе,
И много букашек и пешек
Участвуют в этой игре.

А страшный финал — это слезы
Над спящей в гробу красотой,
Но лишь катастрофа средь прозы
Вдруг делает жизнь высотой!

О ты отлетаешь навеки!
Вокзал полон дыма и роз!
Рыданий хрустальные реки
Текут! И трубит паровоз!

И в этих безмерных утратах
Я маленькой пешкой стоял
На черных и белых квадратах
Вокзальных и шахматных зал.

1941

Когда приходят мысли
О гибели и страх,
Не трепещи! Помысли,
Что ты не только прах,

А некое сиянье
В бессмертном веществе,
Что ветерком дыханья
Прошелестит в листве.

И потому, что гробом
Кончается наш путь,
С волнением особым
Подумать не забудь

О том, что в этой жизни
Всего дороже нам, —
О верности отчизне
И о любви к стихам...

О, с нежностью печальной
Как розу или плод
Садовник гениальный
Взрастит нас и сорвет.

В хранилище книжном Нью-Йорка
Нечаянной грезой — на миг —
Мелькнули вишневая горка
И ворох растрепанных книг.

Не знаю уютней читальни,
Чем та — на душистом ковре.
Мой край незабытый и дальний,
Мой рай на тенистой горé!

Ведь там — за обрывом отвесным —
Желтели родные поля,
И чем-то до боли чудесным
Родимая пахла земля...

1946

. . .

Около потухшего камина
Не согреть оледенелых рук...
Там, в углу, как будто паутина:
Там стоял вчера еще сундук.

На диване смятые подушки,
Брошены газеты и тетрадь,
Розы вянут в оловянной кружке.
Надо эту комнату прибрать,

Где бывшее весело воскресло,
Шелестя крылами на лету...
Я с утра, присев на ручку кресла,
Обнимаю пустоту...

1948

Муза Дальних Странствий обнимала...
Н. Гумилев

За неделей тихо тянется неделя,
И, быть может, годы мирно здесь пройдут.
В комнате безличной, в комнате отеля
Я создать стараюсь свой былой уют.

Разложила книги, вынула портреты
И накрыла пледом старенький сундук
С новою надеждой, с песней недопетой
О конце скитаний, о конце разлук.

Равнодушны стены, но смеются вещи,
Вылез из-под пледа красочный ярлык.
Музы Дальних Странствий слышу голос вещий...
У вещей лукавых свой живой язык.

1949. Нью-Йорк

...

Передохнуть... Задуть фонарь дорожный...
Закрыть глаза. Увидеть сад и дом...
И улыбнуться радости несложной:
Двум ласточкам над небольшим гнездом.

В конюшне темной лошади пугливой
Дать на ладони свежую морковь.
По утренней росе бродить лениво,
Придумывать несчастную любовь.

1951

...

Я в полудреме в вечность заглянула.
И, содрогаясь, отшатнулась я.
В раскатах грозных неземного гула
Еще дрожала под ногой земля
И ускользала, исчезая где-то...
Свой рай грядущий, может быть, губя,
Я ухватилась за мою планету,
Ее в бессильи яростней любя.

...

Первый подснежник. Оттепель марта.
Солнечный зайчик на желтой стене.
Шелест тетрадей. Низкая парта.
Девочка с мягкой косой на спине.

Он заблудился, тот день предвесенний, —
Осенью поздней внезапно возник,
Повесть о жизни — мое сочиненье
Перечеркнул, как плохой черновик:

Много исканий, но мало в них смысла...
Новую жизнь напишу мастерски!
Годы исчезли, как лишние числа,
Стертые губкой с классной доски.

СТИХИ О КРЫЛЬЯХ

Безумный век, бессменный ураган!
Как можно жить, как может сердце биться?..
— И вот опять летит за океан
Звонящая, распластанная птица.
И радио хрипит на площадях
Еще одно прославленное имя...
...Но ветер над домами городскими
Несет иных, легчайших крыльев взмах
Сквозь вечера и синие бульвары,
Над матовыми солнцами кино,
Туда, в простор, где звездные пожары
И пыль миров, распавшихся давно...
Лети, душа...
И веки опуская,
В последний миг я видел, как легла
Из-за плеча на тротуар сквозная,
Большая тень раскрытого крыла...

ПОДЗИМЬ

Холодный дым, сиреневый и зыбкий,
Плывет с утра в студеном ноябре;
И я, от крыш в хрустящем серебре,
И от тебя, и от твоей улыбки,
Вздохнув, свежо и остро опьянясь,
Хрустальный снег съедая с рукавицы,
Почувствую такую легкость птицы,
Такой восторг, такую синь и ясь...
— И вдруг пойму, медлительно и странно,
Иную жизнь, плывущую вовне,
И то, что мир давно стал тесен мне,
А раз взлетев, — лететь не перестану...

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ЗВЕЗД

О, счастье утлое мое!
Ладья в грохочущей стремнине...
Любви сладчайшее копье
Груди восторженной не минет.

И вот, в предчувствии тоски,
Великолепной и суровой,
Гудят горячие виски
Твоею ласковостью новой.

О, бедная любовь моя...
Быть может, жизнь обрушит вскоре
В твои цветущие края
Свое бушующее море.

И что останется тогда
В полуразрушенной вселенной
Скупым и скудным дням труда
От этой радости мгновенной?..

Развеет ветер легкий прах
В дневном, сияющем просторе.
И кто почувствует в словах
Такое призрачное горе?

— Я эту боль благословлю
Руки слабеющею дрожью.
Ты, компас, служишь кораблю
Путеводительною ложью...

СТЕПНОЙ РАЗЪЕЗД

Последний поезд отошел
Сто лет тому назад.
И золотой вечерний шелк
Повешен на закат.

И тишина. И ни души.
Звенят коростели.
Сон в примечанье запиши
И бурку расстели.

Средь синих звезд зажегся вдруг
Зеленый семафор.
Родной, как самый близкий друг
Среди далеких гор.

Он был звездой для поездов:
У всех — своя звезда!
С ночных разъездов на Ростов
Уходят поезда.

И ночь разводит звездный путь
Из позабытых мест.
Не лучше ль лечь здесь и уснуть,
В твоём саду, разъезд!

Лиловый, темный, вдовий шелк
Повешен на закат.
Последний поезд отошел
И не придет назад.

ПОДАРОК ИЗ ПАРИЖА

От простого солдата
Вот подарок — снеси ей!
Той, что звали когда-то
Мы великой Россией...

Для подарка — не много,
Хоть и много заботы:
Деревянную ногу
Европейской работы.

Воевал без отказа,
Как и надо гвардейцу,
Что теперь по приказу
На отставку надеется.

На великую милость—
Место на тротуаре,
Где бы лучше просилось
С бывшим шулером в паре.

Буду жить пребогато
Среди статуй и арок!
А умру — от солдата
Дай ей этот подарок...

На городских площадях голуби и весна
Пыльная тишина каменных ледников
Праздничная тишина

В городе никого
Голубая весна и лето недалеко
Я узнаю подстриженную ручную траву
Другое лето настигает меня на ходу
Вот проведу рукой по глазам и проснусь
На дне моей жизни в детстве в саду

. . .

Луна была полной и новой
А ночь все-таки мутной
И сбила меня безусловно
С толку

и все перепутала
Ежеминутная утварь
Казалась странной под утро
И чье-то чужое тело
Зарыто было в постели
А в стороне несмело
Стояла я и смотрела

W. B.

Мы говорим на разных языках
Но об одном с тобою говорим
И разве важно

кто в огне горит
И кто сквозь сон об этом говорит?
Мы города на разных берегах
Одной реки

Скользит в реке звезда
И разве важно

близки? далеки?
Я тяжесть чувствую твоей руки
Тебе по жребию достался ад
Мне остается

Страшно думать!

Рай

Звезда на дне реки
И до утра
Я тяжесть чувствую твоей руки

ВИД НА МАНХЭТТЕН

Трепетно-далекими огнями
Желтизной прибрежных фонарей
Город выступает из тумана
Вырастает из глубокой ямы
Вечера
И в складках небоскребов
Стынет
Миг беспамятства Нирваны
Я из кресла никуда не тронусь
Я очнусь в сугробе сна в утробе
Мира
Ученически-покорный
Сверху звук доносится рояля
Небо из сиреневого в черное
Превращается
Пора готовить ужин

ПЛОЩАДЬ КОЛУМБА

На круглом столбе скучает
Колумб открывший Америку
Кругом толпятся фонтаны
Голуби наркоманы
Желтая тяжесть тумана
Вывернутая наизнанку
Утроба цивилизации
Угроза смерти от рака
В трущобах для стариков
Серые дымные розы
Цветут на горизонте
Залитые толпами улицы
Пожары и фестивали
Залитые смехом лица
Веселье во время чумы
В праздничном ресторане
Сияют стоцветные лампы
Мыльными пузырями
Неужели умрем и мы

Б.

Мы встретились в каком-то новом мире
Где камни дышат и деревья плачут
И было все как я давно пророчила
И было все совсем-совсем иначе

Куда нам убежать от этой точности
Узоров жизни?

Спрятаться не спрячешься
Нежнее льда стекло нас разделяло
Струится холод смерти равнозначный

Но в этом мире холод не пугает
От холода фиалки не темнеют
В прозрачный вечер женщина другая
Как в хрупкий мех укутывает шею

Я дни берег ревниво, как червонцы,
Часы, минуты — темный скопидом!
Ловец глубин чужих, забыв про солнце,
Живую душу проверял стихом.

Я думал жить, весь мир преображая
Усиьем воли, мысли остротой.
Гармония мне снилась неземная,
Сиял бесплотно лик любви большой.

Игрок за полночь ставок не считает,
Не веря счастьем и не в силах встать.
Как смутен дух! Как дни безумно тают!
А я готовлюсь, все хочу начать.

[1932]

. . .

Мы живем на отлете, как птицы.
Эта жизнь — небывалый провал.
Что другим не прощалось, простится
Тем, кто душу за ближних отдал.

Не вернуться мне к ясности прежней,
Не увидеть родные края.
Но чем дни впереди безнадежней,
Тем хмельнее влюбленность моя.

И в кого я влюблен, сам не знаю:
В окрыленную радость, в тебя ль.
Ничего не найдя, все теряю,
Все люблю, ничего мне не жаль.

Если смерть разлучит нас с тобою,
По ушедшему ты не грусти.
Если сердце пленится другою,
Ты беспутного друга прости.

Он не бегал от счастья и боли,
Но подолгу зажитья не мог,
Очарованный дикою волей
В неизвестность ведущих дорог.

[1943]

ТОСКА ПО РОДИНЕ

Ни для кого не приманка,
Давний наскучивший враль,
Нудная ноет шарманка,
Что ничего уж не жаль.

Плен мой — как плен попугая,
Жизнь — это сладостный сон.
Слабость находит такая,
Словно я детски влюблен.

Сердце там чье-то страдало,
С милой прощаясь навек...
Вспомню те весны и талый
Ветер и тающий снег.

Только заслышу шарманку,
Вольность проснется моя.
В путь я уйду спозаранку,
Хлеба краюху жуя.

[1943]

ЗВЕРИНЫЙ ЗОВ

Уйти б на волю в ночь, из клетки душной,
Бродить бесцельно между хвой и скал,
И чтобы дождь, отвесный и воздушный,
Как слезы счастья, по лицу стекал.

Бежать из комнат людных без оглядки,
Забиться, все забыть и все посметь,
Покинуть зыбкий плен и шаткий,
На воле петь и вольным умереть.

[1956]

ВЕЧЕР

Долго ты, душа, блуждала
За мечтой из края в край.
Ноги движутся устало.
Вечер ясен, близок рай.

Счастья нет, а есть томленье
И тревога и покой.
Слышно сладостное пенье
За туманною рекой.

Проплывает лодка мимо,
Пала на луга роса.
Воздух родины любимой
Обвеивает волоса.

[1956]

НА СМЕРТЬ ГУМИЛЕВА

Слишком трудно идти по дороге,
Слишком трудно глядеть в облака,
В топкой глине запутались ноги,
Длинной плетью повисла рука.

Был он сильным, свободным и гордым,
И воздвиг он из мрамора дом,
Но не умер под той сикоморой,
Где сидела Мария с Христом.

Он прошел спокойно, угрюмо,
Поглядел в черноту небес.
И его последние думы
Знает только северный лес.

...

Разве я успела столько зла
Причинить на этом берегу!
Все, что было: силы и тепла,
Все ему напрасно отдала.
Господи, я больше не могу
Биться, точно в замкнутом кругу!
Мимо зимний проплывает день,
Блестки фонарей легли в снегу.
Наших встреч сама порвала нить.
И нырнула — городская тень —
В уличную пустоту бродить.
Потеряв часам вечерним счет,
Потушив сознание, вперед.
Но осталось темное пятно
Где-то в сердце, как его стереть.
Чтобы завтра стало все равно,
О чем песне утренней звенеть.

...

Все тот же ветер мне напомнит пусть
Скрип мелких пристаней, Невы течение
И юности безропотную грусть,
Как пароходов мерное движенье.

О чем она, неясная, была,
Что облаком за крепость уплывала...
Вода тянула, билась и звала...
А вы, прощаясь, улыбнетесь вяло.

Я не скажу вам, больно ли мне. Нет.
Слова еще ненужней поцелуев.
Смотрите: так прозрачен зимний свет.
Так ясен снег, укрывший мостовую.

НА ЧУЖБИНЕ

Там, где Невы послушное течение
Хранит нетленным сторожем гранит,
Где из болот, Петровым повеленьем
Поднялся город и теперь стоит.

Там скоро ночи белые настанут,
И будет пахнуть в воздухе дождем.
О этот запах обморочно-пряный,
Усиливающийся с каждым днем!

О столько лет! Нет, рану не залечишь,
Ни мышьяком, ни бромом не помочь,
И судорожно вздрагивают плечи
В чернеющую мартовскую ночь!

СТАРЫЙ ВАЛЬС

Так лежать спокойно и тепло,
Только кровь в виски стучит сильнее,
Градусника кажется стекло
Ледяным, и дышится труднее!

Очень тихо и почти темно.
Вдруг сквозь сумрак этой чуждой спальни
Старый вальс доносится в окно.
Детская, огромный пеленальник,

Там кофейник нянин, как всегда
Весь забрызганный кофейной гущей!
Дни, недели, месяцы, года...
О неповторимом мне поющий.

Милый вальс! Сочельник, на балу,
Влюблена морозно и напевно.
Первый тайный поцелуй в углу,
Он мой рыцарь, я его царица!

Хлопья снега и саней полет,
Лошадей вспотевшее дыхание!
Так легко заглядывать вперед,
В Новый Год, в крещенские гаданья!

Надоели розы на стене,
Хорошо закрыть глаза устало.
Помню, в детстве, мама в тишине
Этот вальс по вечерам играла.

О, какие приходят слова,
Когда не рука их пишет,
Когда во сне голова,
А сердце живет и дышит...

И какие приходят стихи...
— Мне снилось, что мы сидели
В осеннем лесу, где мхи,
Березы, сосны и ели.

Ты грустила. О чем — я не знал,
Но есть тихая боль в листопаде...
И волнуясь тебе я читал
По знакомой тебе тетради.

Я окончил. Был шорох крыл —
Это с веток взлетели птицы...
И вдруг я случайно открыл
Незнакомые мне страницы.

И там не моей рукой
Коротких несколько строчек,
И бился в них голос мой,
Хотя и чужой был почерк.

Был в музыке этой предел,
Куда улетаю я, ликуя,
И все, что я страстно хотел,
Но сказать не умел наяву я.

И эти стихи я читал...
О, сердце, ты любишь, ты дышишь,
Я этих строк не писал.
Да разве такие напишешь?

Там были такие слова,
Какие во сне лишь бывают...
— Я проснулся. Пуста голова,
Губы воздух беззвучный хватают...

КИНЕРЕТ

Невозможно понять, где кончается небо, где море,
Горы в воздухе виснут иль длинная цепь облаков?
Невозможно понять, что в душе моей — радость
иль горе...
Будто время вернулось обратно к истоку веков...

Галилейское море. Ладья с рыбаками. И сети...
Что они наловили сегодня? И где Рыболов?
А у берега — море людское и люди, как дети,
И как солнце сиянье простых, потрясающих слов...

Вот — по этой земле... И следы от шагов не сотрутся.
Вечер легкий спускается в синий и розовый цвет.
Скоро звезды взойдут, скоро звезды над миром
зажгутся,
В галилейской ночи окуная лучи в Кинерет.

. . .

С каждым днем я все больше поэт,
Только голосом тише и глуше,
Но в стихах моих воздуха нет —
Только бьются, как рыба на суше...

Задыхаюсь от звуков и слов,
От далекого тайного зова
И, как будто, на жертву готов,
Но не знаю заветного слова,

Что потеряно было в веках
Со времен сотворения мира —
Без него мироздание —прах
И бездушна беззвучная лира...

. . .

Есть то, что выше знания
И мудрости земной —
Легчайшее касанье
Созвучною душой.

Есть музыка, что снится,
И разговор без слов,
И белая страница
Неписанных стихов.

ЭЛЕГИЯ

Как быстро день единственный прошел,
И вот уж вечер ласковый нисходит...
А я еще той книги не прочел,
Где каждый о себе строку находит...

Седеют гор далекие хребты,
Деревья ввысь молитвенно воздеты...
Как медленно плывут мои черты,
Морщина плавное течение Леты...

О, как мне хочется еще любить
Людей, цветы, стихи, разлуки, встречи
И теплых янтарей тугую нить,
И легкий мех, накинутый на плечи,

И нищего, что у церковных врат
Протягивает скрюченную руку,
И каждого, кого назвал я — брат,
— Кому отдался на любовь, на муку...

О, как хочу еще я — досказать,
Додумать, довершить, что жгло и пело,
И тайного Присутствия печать
Хранить в себе, творя земное дело...

О, как еще мне хочется... Но нет!
Уж ночь пришла. Пора. Смыкаю очи.
В ночи моей — я верю — будет свет —
Друзья, желайте мне бессонной ночи.

**ФРА БЕАТО АНДЖЕЛИКО
В ФЬЕЗОЛЕ**

Века промчались, и теперь — покой...
Бессилен грохот праздной суеты —
Здесь все объято мудрой тишиной
И святости рассыпаны цветы.

Фра Джиовани юный в келье жил
И с небом здесь делил мечты свои —
Впервые трепет крыльев ощутил
Он в Фьезоле в далекие те дни.

И пенью ангелов внимал, таясь,
И с неба музыки расслышал звон,
Молитвы и искусства принял власть,
С молитвою в искусстве слился он.

Слил краски с золотом, трудясь, монах,
Художник-мастер, святостью прослыл,
Благоговел, но Божья гнева страх
Его от грешных нас не отвратил.

С ним встретился тогда, в счастливый год
Флоренции в сентябрьской суете...
Как добр ко мне был в дымке небосвод,
Весь в золоте и нежности везде!..

Анджелико! Ты вечно здесь, всегда,
И не забыть твой чудный людям дар —
Лазури золотой и роз пожар...

**НА ПУТИ ИЗ ФЬЕЗОЛЕ
К БОТИЧЕЛЛИ**

Я с песнею шел к Боттичелли,
И в песне той не было слов,
И дали, дымясь, голубели,
Когда уходил я с холмов.

А купол небес надо мною
Рассыпал, казалось, цветы,
Спускался я горной тропой,
Не спрашивал: юность, где ты?
Стихи мне о радости пели,
Там, в Фьезоле, были со мной,
Внизу, во Флоренции Шелли —
Искал он все тот же покой...
Я шел к Ботичелли, к Уффици —
В стенах там цветет тишина.
Мадоннам я шел поклониться,
Где шествует вечно весна,
Где в легких цветах Примавера
Разрушила царство зимы,
Над Арно грустящим Венера
Безмолвна, но счастливы мы!

25 марта 1957

Штарнбергское озеро

ВЕРСАЛЬ

Медленно с верхней площадки
Сходишь ты, светлая вся,
Грезы мои и догадки
В сердце своем унося.

Следом пойти бы — да жарко!
Знойный песок, как зола...
Прелесть Версальского парка
Вместе с тобою ушла.

...

Спят обветшалые боги,
Дремлет седой водомет:
Нашей любви и тревоги
Он никогда не поймет.

Пусть ты сошла с небосклона
С ангелом тихим в душе, —
Ждет он красу трианона,
Музу Ватто и Буше.

Ради жеманницы милой,
В пылком восторге своем,
С новою — с прежнею силой
Вспенил бы он водоем!

Вскинул бы вымпел жемчужный
В честь обожаемых уст...
Полно! Он дремлет, ненужный,
И водоем его пуст.

...

Призраки мира бывшего
Шепчут, колдуют... Вотще!
Нет наваждения злого
В этом зеленом плюще!

Этой акации ветки
Также враги ворожбе:
Тянутся в сумрак беседки,
Точно ласкаясь к тебе.

КАБИЛЫ

Войны чудовищный размах,
Во всем его лукавом блеске,
Сюда забросил вас — в чалмах
Иль с полумесяцем на феске.

Громады пышные столиц
Для вас докучная чужбина:
В горячей бронзе ваших лиц
Не наша северная глина.

В глазах — не наш пытливый ум:
Костров сверкающие угли!
И, если б здесь настиг самум,
Ему сказали б вы: "Не друг ли,

Не ты ли, пламенный пророк,
Дохнул на нас в стране тумана?"
И прошептали б на восток
Строфу начальную Корана...

Не так ли мы, мой нежный друг,
Блуждая в сумрачном Париже,
Родную речь услышим вдруг —
И к ней продвинемся поближе?

Не все ль равно, что скажут нам,
Таким же чуждым и прохожим?
Но этим родственным струнам
Не откликаться мы не можем.

БУКИНИСТЫ

На побережьях каменных Сены
Разбираю старинные книги...
Все любовные ссоры, измены,
Обольщения или интриги!

О блаженстве сердечной истомы
Рассуждают мужчины и дамы,
Посвящают ей томы и томы,
Сочиняют романы и драмы.

И в стихах — те же нудные звуки
Сколько знойного пыла в герое!
А, меж тем, холодеешь от скуки!
Их писали, продрогнувши втрое.

Пусть влечение страсти — загадка,
Пусть прекрасны влюбленные взоры;
Отдаваться их неге так сладко!
Так ничтожны о них разговоры!

Если в комнате нашей одни мы
И в работе своей одиноки,
Пробегают, едва уловимы,
Между нами волшебные токи.

Я как будто прикован к бумаге
И к словам затаенного смысла;
Ты выводишь, как древние маги,
Говорящие знаки и числа.

Мы безмолвны. Неведомо где мы...
Я с тобой: это просто — и сложно!
Это музыка нашей поэмы,
Это то, что сказать невозможно.

Гаснут мысли, точно звезды в дальнем небе поутру,
Пропадая и теряясь, будто искры на ветру...
Вот еще одна погасла... гаснет эта... гаснет та...
А на смену проступает голубая пустота...

Смерть ли это? Или только в тихий сон готовя впасть?
Будет жаль мне, если кто-то у меня отнимет власть,
Эту грань меж сном и смертью, чуть заметную,
стереть:
Так легко сейчас и просто, так не страшно умереть...

САПФИЧЕСКИЙ СТИХ

Здесь, в чужом краю, одинок и брошен,
Я живу мечтой, ожидая чуда:
Жду, что станет явь — сновиденьем, грезой,
Грезы же — явью...

Душу грезы те, дорогие сердцу,
Манят в светлый мир, оплетая сетью
Тонких, как лучи, золотистых нитей,
Крепких, как цепи.

Рада жить душа, отдаваясь чарам,
И боится вновь пробудиться к жизни:
Жить опять, как все, повседневной жизнью —
Ей не под силу.

День идет за днем... Одинок и брошен,
Я живу мечтой, ожидая чуда.
Только, знаю сам, ожидать напрасно:
Чуда — не будет...

...

Много в жизни тропинок исхожено,
Много в море промчалось валов,
Было веры так много заложено
В тайный смысл недосказанных слов;

И для сердца так много все значило,
Так манила далекая цель,
А желанное счастье маячило
С побережий заморских земель...

Были в сердце порывы горячие
И надежды хмельное вино,
Но за долгие годы бродячие
Так и не было счастья дано!

Поздно ждать его сердцу мятежному:
Вот, и белая прядь в волосах,
А душа, на пути к неизбежному,
Заблудилась в дремучих лесах...

Мир пред тобою поднимет забрало,
Если ты понял, что мир — это... ты:
Видишь, что к вечеру Время устало?
Слышишь, что жаждой томятся цветы?

Помни, что в нежности кроется жалость:
С чуткой заботой цветы напои!
Время, и то пожалей за усталость:
Время считает минуты твои...

Нежность вливает, врачую печали,
В скорбную душу целебный елей...
Всех тех, что жаждут, томятся, устали,
Даже себя самого — пожалей!

Ultima, forsan...
Надпись на церковных часах

Я шел к собору встретиться с тобой,
Ускорив шаг при входе в сад соседний,
Где мы нежданно встретились намерзши;
И, услышав часов церковных бой,
Я знал, что ты выходишь от обедни...
Который час? Над стрелкой часовой
Блестел ответ: "Быть может, твой последний"...

ФАТА МОРГАНА

A red-rose City half as old as Time.
J. W. Burgon

Как лал, в лучах зари над морем город рдел,
В вечернем зареве, как полувечность, древен...
Он был, как строгий храм, где путник, я не смел
Кошунственно искать притонов и харчевен.
Внизу — широкий порт: как мысли, корабли
Стекались к пристаням, спеша из синей дали,
Несли за вестью весть со всех концов земли

И вновь в простор морской, как мысли, упетали.
Так много лет прошло... С тех пор не раз ветрам
Вверяя парус свой, напрасно я, усталый,
По берегам морей искал мой светлый храм,
Мой город сказочный, мой древний город алый...

Вечное время бежит и бежит все без устали...
Юность пройдет и наступят години борьбы.
Что ж суждено тебе? Страшное ложе Прокруста ли,
Ложе ль из роз, по капризу лукавой Судьбы?

Жизнь, лишь в начале на вешнюю радость похожая,
Душу позднее придавит, где нужно — согнет...
Если бы в жизни нам выдалась осень погожая!
Если б нам к осени сбросить наш тягостный гнет!

Только мечтателям ложе из роз обетовано,
Только в мечтах оно грезится жалкой толпе...
В жизни земной только с призрачным счастьем
даровано
Встретиться нам где-нибудь на случайной тропе...

ИЮНЬ

Слепительно хорош июньский день,
цветут луга и пахнут медом травы.
Прошелестят на берегу дубравы,
чуть зыблется березок тонких тень.

О, благодать! О, вековая лень!
Овсы да рожь, да нищие канавы.
Вдали-вдали — собор золотоглавый
и белые дымки от деревень.

Не думать, не желать... Лежать бы сонно,
прислушиваясь к шороху дубрав
среди густых, прогретых солнцем трав,
и — тишине и синеве бездонной
всего себя доверчиво отдав —
уйти, не быть... Бессмертно, упоенно!

АВГУСТ

Спадает зной, хоть и слепят лучи.
Дожата рожь и обнажились нивы.
Гул молотьбы в деревне хлопотливый,
на пажити слетаются грачи.

Люблю тебя, мой август, — горячи
твоих плодов душистые наливывы,
люблю берез разросшихся завивы
и звезд падучих россыпи в ночи.

Люблю тебя, радушный, тороватый,
с охотами, с ауканьем, с груздем, —
люблю зайти далеко в бор косматый,
в грозу и бурю мокнуть под дождем.
Не налюбуюсь на твои закаты,
повеявшие ранним сентябрем.

НОЯБРЬ

Пошел снежок, запорошило путь.
В санях — беда, а не берут колеса,
того гляди, раскатишься с откоса,
да милостив Господь, уж как-нибудь!

В усадьбе от забот все смотрят косо,
зима не ждет и людям не дохнуть:
капусту рубят, мерзлую чуть-чуть,
валяют шерсть, просеивают просо.

Мелькают дни в трудах по пустякам,
а сумрак стелется туманно-сизый.
Взойдет луна, в серебряные ризы
оденет сад и тронет, по стенам
диванной, завитки тяжелых рам,
рояль в углу, паркет и карнизы.

* * *

Зноен день, но с гор прохлада:
и жара, и не жара.
В этих старых липах сада
ветер шелестит с утра.

Небо, даль, просторы... Боже!
этакая благодать —
на качалке полулежа
и дремать, и не дремать,

слушать тишины безбрежной
голоса: цикады скрип,
гуд пчелы и шорох нежный,
шелковистый шелест лип.

И беззвучье и звучанье,
песня золотого дня...
Этой музыке молчанья
нет названья у меня.

La Colle-sur-Loup

* * *

Есть на пути земном рубеж,
за ним — все призрачней земное:
и те ж виденья, и не те ж,
и грусть и радость — все иное.

Уходит сердце в глубину,
немыслимое прозревая,
всепримиряющему сну
себя невольно отдавая.

Не думать больше — только быть...
Себя не чувствуя собою,
куда-то по теченью плыть
к неодолимому покою.

Сквозь эту призрачную тьму —
лучи невидимого света.
И нет ответа ничему,
и все понятно — без ответа.

УТИШЬЕ

Ни ветерка, ни шороха... Безмолвны,
невыразимо-немы кущи леса.
Оцепенели кружевные волны,
не шелестнет ветвистая завеса...

Есть в этой неподвижности природы
какая-то бесплотная истома.
Все от земли до высей небосвода —
Так нежно-призрачно, так невесомо!

И мнится: время приостановилось
и оттого блаженно-тихо стало.
Ни ветерка, ни шороха... застылость.
Вот — даже сердце биться перестало.

И сквозь листву туманно-кружевную,
как бы затянутую паутиной,
я чувствую действительность иную,
касаюсь тайне всеединой.

ТРЕВОГА

Бывают дни на западе зимою —
Как бы весенние, в потоках голубых;
Их тихий свет, простертый над травой,
Ласкает очи нищих и больных.

Сильней рука сжимает встречно руку.
И ищет взгляд смеющихся людей,
Как будто там, по солнечному кругу,
Звенит полетом стая лебедей.

К чему покой, как из последней силы! —
Его не просит совесть никогда...
Конечно, да, — его просили
Простые люди, села, города.

Покой им нужен для большого дела,
Для лучшего, что может жизнь им дать, —
Чтобы любовь без слез на них глядела,
Чтоб в братской крови им не пропадать.

Чтобы детей от отчего порога
Не увели для проданных мечей, —
Печальная встречается тревога
В сияньи даже золотых лучей.

СОН О ЧЕЛОВЕКЕ

Синий свет на ратном поле.
Ночь, луна и снег везде.
И, в необычайной воле,
Тело тянется к звезде.

Понимаю — будто ранен,
Не смертельно, боли нет,
Только — сам себе я странен. —
Будто вечностью согрет.

И не страшно замиранье,
Длится чувство: если встать —
Снова будет снег по ране
Черным пламенем хлестать.

И не знаю, как подняться,
Как идти, куда идти,
И в дыхании двоятся
Жизне-смертные пути.

Но я вижу: полем снежным —
Не в броне, не на коне, —
Человек стремленьем спешным
Приближается ко мне.

Полон простоты нетленной,
Проще радости земной,
Как хозяин всей вселенной —
Просто так — пришел за мной.

И уносит по сугробам...
А над нами свет такой —
Будто по таким дорогам
Ходит огненный герой.

Над морем ночь, огни и теплов теченье
Луны медлительной, из вод восставшей вдруг;
Не много любит страшное ученье
Слепой покорности, скользя по аду вокруг.

Покорность злобному... Не может быть сомненья —
И скорбное земли должно уйти навек...
Смотри, смотри: на краткое мгновенье —
Огромный сад средь звезд, и любит человек.

Не больно в радости, не больно в счастье этом;
Какою силою виденье удержать!
Куда летишь, земля, сгорая светом,
Чтоб так у сердца биться и дрожать.

УЛИЦА

Вся гнойная, с разбитыми ногами,
Больная лошадь, с грыжей под хвостом,
Бежит, спешит и потными боками
В оглоблях бьется под крутым хлыстом.

Куда, куда? За что такая плата?
Извозчик, стой, довольно нам тебя! —
О, в первый раз душа моя так рада
Проклясть всю боль, безудержно любя.

Какой проспект? Иль это Невский
По всей земле,
И правды ищет Достоевский
В морозной мгле?

Вот красота — спасенье миру
Во всех веках —
Эпилептическую лиру
Несет в руках.

Ах, красота! — Ведь это важно,
Душа болит!
А Федор Карамазов страшно
Над ней стоит.

Стоит и смотрит: что же делать,
Коль красота? —
И душу жжет, и жаждет тела
Пунцовость рта!

Ах, красота, какой любовью
Тебя любить,
Чтоб знать тебя своею болью
И не убить.

Сколько нежности грустной
В безмятежной Савойе!
Реет вздох неискусный
В тишине и покое.

Над полями, в сияньи
Тишины беспредельной,
Реет вздох неподдельный,
Как мечта о свиданьи.

Этой грусти без края
Я значенья не знаю,
Забываю название
В тишине и сияньи.

Реет легкая птица,
Синий воздух тревожит.
Если что-то свершится...
Но свершиться не может.

Что же, будем мириться
С тишиною и светом
Этой грусти бесцельной,
С этим летом и счастьем
Тишины беспредельной.

* * *

Поля без конца, без предела,
Где ночью рождаются сны,
А днем пролегает несмело
Граница соседней страны,

Где пахнет цветами и летом,
И сеном, и свежестью рос,
И душным июльским ответом
На робкий весенний вопрос...

Я слышу жужжанье, и шепот,
И шорох, и легкий полет,
И горький бессмысленный ропот
В усталой душе не встает.

Сюда приходил я и прежде
От пыльной судьбы городской,
В неясной и чудной надежде,
В желанный, но смутный покой.

Теперь я вернулся на волю,
Но только вернулся другим —
И легче беседовать полю
С внимательным сердцем моим.

* * *

Ночью, когда совершенная
В доме царит тишина,
Незащищенность мгновенная
Сердцу бывает дана.

Все, что обычно скрывается,
Все, что забыто не в срок,
В памяти вдруг проявляется
Как непонятный упрек.

Стиснет рукою железною,
С болью дыханье прервет —
И повисаешь над бездною,
Падаешь в темный пролет...

Может быть, это — отчаянье,
Знак пустоты гробовой?
Может быть, это — раскаянье,
Вечности голос живой?

* * *

Ну что мне в том, что ветряная мельница
Там, на пригорке, нас манит во сне?
Ведь все равно ничто не переменится
Здесь, на чужбине, и в моей стране.

И оттого, что у чужого домика,
Который, может быть, похож на мой,
Рыдая надывается гармоника, —
Я все равно не возвращусь домой.

О, я не меньше чувствую изгнание,
Бездействием не меньше тягочусь,
Храню надежды и воспоминания,
Коплю в душе раскаянье и грусть.

Но отчего неизъяснимо-русское,
Мучительно родное бытие
Мне иногда напоминает узкое,
Смертельно ранящее лезвие?

Уже зима осталась позади.
Прозрачней стала высь.
Уже совсем весенние дожди
На землю пролились.

Когда же небо легкой синевой
Над городом дохнет,
И ветер прошлогодною листвою
К моим ногам прильнет,

И солнца нежный и живящий луч
Меня коснется вдруг —
Мне все равно, что злобный враг могуч
И что бессилён друг.

Что в мире торжествует суета,
Жестокость и позор,
Что вокруг меня знакомые места
Не узнает мой взор.

СЕРЕНАДА

Ночь в окне отстоялась,
рассеяв дремоту
обезволенных, настежь распахнутых глаз.
А в гостинице негр
перелистывал ноты
и упрашивал скрипку,
чтоб спать улеглась.

Было видно:
сверкающий рот на зстраде,
изумленно счастливый смычок у плеча.
И, боясь,
что небесную силу растратит,
билась музыка,
в черных руках трепеща.

Но уже расстилалась по окнам прохлада,
В мокром небе цвела,
лиловея, сирень.
Завоеванный, —
голос твоей серенады
день приветствовал пеньем
рассветных сирен.

...От любви,
залетевшей к тебе ненароком —
словно музыка
в сонный измученный мир, —
я тебя не берег:
так повелено роком —
что смычок только
скрипке желанен и мил.

...

Листья падали. И каждый самураем
желтый и сухой стыл в траве ничком.
Дачи шли вдали и тихо замирали,
ночь текла лирическим сверчком.

Сад был звонкой выдумкою Гоцци
и, как именинник, оживлен.
Облако болтало у колодца
о Египте с гибким журавлем.

В озерке сверкали зеркалами —
лубочными — лунные лучи.
(Сад был в общем вправду), но
как на рекламе, как на рекламе
летнего курорта, нарочит.

И молниеносно просветленным телом
ты туда входила с легкостью ведетт.
Пела и смеялась: ты красив, Отелло...
— Мгла кренилась белой яхтой на воде.

Плыл сверчок контролем из глухой таможни,
лирикой беспечной трели уснастив.
И уже, казалось, было невозможно
мачты, снасти и мечты снести.

Смерть жила в саду, как в пистолете,
миг еще и хлынет из ствола.
Пролетело лето. Шли столетья.
Ты, как на эстраде, умерла.

А к рассвету с ним совсем неизъяснимо
связанный и вновь как незнаком,
мир был странно скучен (неудачный снимок
дач, пронзенных первым сквозняком).

ПРИЗРАК

Казалось — не брит был, а вправду — непризнан
и беден диковинно: от пиджака
потертого и — до потери отчизны,
почти до потери души...

Под жука
брюзжал и, назойливый, злясь и тревожась,
и чувствуя: больше так вчуже-невмочь,
он рос, до рассвета блуждая, до дрожи, —
как дождь, взбудоражив бессонницей ночь.
Рассвет начинался простыми стихами,
в которых он жил на ходу — невпопад —
и слушал эпохи глухое дыханье —
как мокрые окна открыто храпят.

Душа незаметно терялась; взамен ей
стихи изо рта выходили, как пар. —
Там холодно было, где в недоумении
и вслух — сам с собой разговаривал парк.
— Как заспанно время и, люди, теперь вам
уже не увидеть за тяжестью век —
он мается в мае, дыша двадцать первым
иль воздух его — восемнадцатый век.
— Он, может быть, был бы тогда Калиостро
(искусства чудачить не стать занимать),
певучий, огромный, блуждающий остров,
— о, певчая жизнь! — не пора ли устать?..
Что делать, — какой небывалою силой
вернуть ему мир ваш, как детство, как миф.
Как пусто еще, как заря исказила
черты его, до крови рот закусив...
И с солнцем, осунувшись — в синей молочной
построчной невнятицей грудь утолив, —
заоблачный, легкий и, верно, заочный
плыл призрак наверх, — машинально, как лифт.

ВЕЧЕРОМ В ГОРАХ

Тяжелые тучи в свете вечернем идут неустанно...
Над нами
Облаком, розово-нежным провеяла сонно заря
золотая.
Тихо... Сильнее и глубже в ущельях мертвые тени.
Колокол дальний заплакал печально о жизни
безбольной,
И стало так пусто, так страшно и так безглагольно...
Тяжелые тучи прошли... Я заплакал невольно...
А вечер возрос, исполненный тайной отравой,
Такой всепрощающий, кроткий и нежно-невинный...
В тени кипарисы заснули. Заснули агавы.
И в желтых харчевнях сильнее запылали каминны...

*Август. 1922 г.
Ницца*

...

Есть мудрый мир в забытом счастье нашем,
Благословенье зыбкой глубины,
Когда с тобой, раздетые, мы пляшем
И падаем на звучный плеск волны.
И слышим шум и, слов не понимая,
Беснуемся в кипеньи быстрых вод,
А наверху извечно-голубая
Река времен сгорает и течет.

*6 октября 1922 г.
Ницца*

ЧЕЛОВЕК

Кричала мать в слезах в безумный час рожденья,
Отец, как темный зверь, метался в забыти,
Кусая плоть свою, не находя забвенья.
Сын вырос, мужем стал. Все реки и ручьи
Глубоководных сил измерил и проплавал
И падал в подлости и крал, как жалкий грек,
И убивал, как вор, и растлевал, как дьявол,
И умер в мерзости... как добрый человек.

На склепе памятник. Ликующий Спаситель
С невинным отроком в небесной высоте,
И сладость надписи: "Спи, дорогой учитель,
Пример оставшимся — покойся во Христе".

11 октября 1922 г.
Ницца

РУСЬ

— Ванюшка, что ты голый стоишь на мерзляке?
— Пальто украла матка, спустила в кабаке.
Разлука, ты, разлука, чужая сторона.
Подайте для мальчонки кусочек из окна.

Иван Ликсеич, дьякон, намеднись приходил
От жалости заплакал, копейку подарил.
— А где теперя матка? — Не знаю, где она!
Ах ты моя разлука, чужая сторона.

Аннот
1922

Ты по-разному откинул всех, —
И душа в безлюдье одинока.
Только Ты и я. Твой свет, — мой грех,
Прах мой, — Твое солнце от Востока.

Это все. Зачем еще блуждать?
Никуда не уведут блужданья.
Все должна была я покупать
Полновесным золотом страданья.

Уплатила я по всем счетам
И осталась лишь в свободе нищей.
Вот последнее, — я дух отдам
За твое холодное жилище.

Бездыханная, гляжу в глаза,
В этот взор и грозный, и любовный.
Нет, не так смотрели образа
На земле бездольной и греховной.

Тут вся терпкость мира, весь огонь,
Вся любовь Твоей Голгофской муки.
И молю: руками душу тронь...
Трепещу: Ты приближаешь руки.

Вечно громоздить на встречу встречу,
Дело громоздить на сотни дел...
Что за эту душу человеческую
Я в час смерти Судье отвечу?

Ничего не знаю, не умею.
Ты вели. И пусть привяжут мне
Тяжкий жернов каменный на шею,
Уподобят пусть меня злодею.

Кирличи из глины и соломы
Все сгорят. Останется лишь прах.
Господи, я никогда не дома,
Холодом неистовым влекома.

Никогда, под сенью райских яблонь,
Ты не скажешь: "Грейся, коль озябла".

Вижу одежды сияющий край.
Тени в долины с горы убежали.
Каждую ночь, — На Синай, на Синай,
Новые требовать миру скрижали.

Туча насыщена ярим огнем.
Мгла загустела. Дышать больше нечем.
В самую тучу мы вопли взметнем,
Молнии наши Господним навстречу.

Господь-Саваоф, Ты ль не слышишь? Пора.
Народ Твой поставил себе истукана...
Колеблется бурей святая гора,
Средь туч обнажилась багровая рана.

И чертит на камне невидимый перст
Новую заповедь, — крест.

...

Мне кажется, что мир еще в лесах,
На камень камень, известь, доски, щебень.
Ты строишь дом, Ты обращаешь прах
В единый мир, где будут петь молебн.

Растут медлительные купола...
Неименуемый, нездешний. Некто,
Ты нам открыт лишь чрез Твои дела,
Открыт нам, как великий Архитектор.

На нерадивых Ты подьемлешь бич,
Бросаешь их из жизни в сумрак ночи.
Возьми меня, я только Твой кирпич,
Строй из меня, непостижимый Зодчий.

...

Каждая мышца свинцом налита.
Крылья... Но крыльев давно уже нету.
Пасет мою душу бичом суета,
Неистово гонит кругами по свету.

Ничтожная, нищая, ну-ка, пляши,
Оденься в восторги и лги о заветах,
Сегодня покайся, а завтра грехи
И повторяй себя в песнях пропетых.

Каким бы тебя раскаленным клеймом
Достойно, позорно навеки отметить,
Каким бы сковать твою шею ярмом,
И истрепать на спине твоей плети.

Пригнись. Иль не слышишь — вот Некто идет,
Который не числит даров и не мерит.
Он грех умерщвляет и горе берет,
Бескрылых кидает в надзвездный полет.
Рождается снова в пастушьей пещере.

Не надо усилий. Сама Благодать
Окаменелое сердце растопит.
Я даже не смею его призывать,
Но Сам Он призывами душу торопит.

...

Там было молоко и мед,
И соки винные в точилах.
А здесь — паденье и полет,
Снег на полях и пламень в жилах.

И мне блаженный жребий дан, —
В изодранном бреду наряде.
О, Русь, о, нищий Ханаан,
Земли не уступлю ни пяди.

Я лягу в прах, и об землю лбом.
Врасту в твою сухую глину.
И щебня горсть, и пыли ком
Слились со мною в плоть едину.

БАЛЛАДА О ПАРИЖЕ

Памяти Н. А. Оцула

Неотопленных комнат стужа.
В умывальнике — лед.
Водянистая репа — ужин
Который год!

Дни бредут вереницей пыльной, —
Все плотнее ряды, —
И под ношею непосильной
Клеймо беды.

Только ночью, когда притушен
Электрический свет,
Разгорается непослушный
Огонь планет.

Вновь живым они шлют подмогу
В "Город-Светоч" слепой.
Лишь враги не чувят тревоги
Сквозь сон тупой.

А в соборе пречистой Девы
Жжет цветное стекло.
На горе святой Женевьевы
Как днем светло.

Все преграды и расстоянья
Луч развеял, разбил.
И все явственнее сиянье
Иных Светил.

— И как музыка их названья... —
В годы злейшей войны
Новым трепетом ожидания
Озарены.

Луч поет о небесной Славе.
Нищенские слова
Вновь как олово переплавил
Он в знак родства
С теми Первенцами, Царями,
Ограждающими Огнями...

Те, что мерят иною мерой
Нашу правду и ложь,
Чем безжалостный мир трехмерный,
Страшный мир, обугленный, серый,
Где с какой-то упрямой верой
Рассвета ждешь.

Скажи, когда бы не во сне
Тебе пришлось опять,
В своей или чужой стране,
Любить и умирать, —

Брести исхоженным путем,
Где каждый поворот
Тебе мучительно знаком,
И, зная наперед,

Что жизнь готовится завлечь
В свой безысходный круг
Судьбою предрешенных встреч,
Немыслимых разлук, —

— Там прошлое отражено,
Там оборвался путь... —
Глазами зоркими на дно
Посмеешь ли взглянуть?

— Не размышляя о цене,
Готова я платить
За право чувствовать вдвойне
И эту жизнь любить.

И чем грознее, тем нежней,
Прозрачней глубина.
Но если погрузишься — в ней
Ты не отыщешь дна.

АВТОРУ "СВИДАНИЯ ДЖИМА"

Легкий след на гравии дорожки.
В памяти глубокий, тайный след.
Робкая мечта о невозможном
Мальчика в пятнадцать лет.

Над тоскою, над судьбой извечной —
Одинокая твоя звезда
Новым блеском озаряет встречи,
Пережившие года.

Все, что скрыл от равнодушных взоров,
Все, чем молодость томила, — вновь:
Музыка, молитва, без которых
Не приходит никогда любовь.

ТЮЛЕНЬ

"Товарищи!"
Он опустил глаза,
Которых не удастся образумить.

"Кто за смертную казнь врагам народа,
прошу поднять руки!"

Все подняли. Он тоже поднял "за",
Стараясь ни о чем не думать.

Но головокружение превозмочь
И, отстранясь, скорей забыть про это.
Аплодисменты. Значит, можно прочь,
Из коридоров университета

На воздух. Сумерки. Земля
Апрелем пахнет. Дальше что? Постой-ка,
Теперь все просто: полтора рубля,
Стакан вина у неопрятной стойки

И папиросу в зубы. И — в сады.
Туда, к реке, где ночь шуршит ветвями,
А звезды, отразившись от воды,
Прносятся, как эхо, над садами.

Где в темноте, друг другу далеки,
Блуждают одиночки по аллеям,
И, как кладбищенские огоньки,
Их папиросы плавают и тлеют.

И здесь бродить. Сперва — томясь, потом —
Уйдя в покой туманных размышлений
О постороннем; в частности, о том
По детским книжкам памятном тюлене,

Который проживает там, где лед
Намерз над ним сплошным пластом снаружи.
Тюлень сквозь лед отдушину пробьет
И дышит, черный нос с усами обнаруживая.

... .

Шагаю путаной дорогой—
Под стать догадкам.
И рядом с тенью длинноногой
Кажусь придатком.

Она переставляет ноги —
Мне тоже надо.
Она присядет у дороги —
И я присяду.

Она быстрее зашагает —
И я быстрее.
Она, споткнувшись, захромает —
И я за нею.

А солнце к западу катилось
И — закатилось.
Где ж тень моя, скажи на милость,
Что с ней случилось?

Свисают звезды понемногу
Все ниже, ниже...
Гляжу на Млечную дорогу
И снова вижу.

Что заполняет мироздания
Все измерения
Мое сознание-подсознание
Своею тенью.

Тень улыбается иль плачет —
И я за нею.
Она страшится неудачи —
И я ролею.

Она к высотам горним пранет —
Я тоже прану.
Она стремиться перестанет —
Я перестану.

...Нужны мне спутники —причины
Для всех событий!
За сценой скрытые пружины,
Колеса, нити!

Пусть нить, пусть тень, пусть отражение,
Но чтобы — двое!
Я не хочу, чтобы движенье —
Само собою!

Я не желаю в одиночку
Ни днем, ни ночью!
Я смерть трактую не как точку —
Как двоеточье:

МНОГОГОЛОСЫЙ ПЕРЕСМЕШНИК
(Mimus polyglottus)

...он искусно подражает
пению других птиц...

Толковый словарь

Золотой мой гребешок,
Шамаханский мой рожок
На рассвете дал сигнал
И в поход меня погнал.

Соловей мой, соловей,
Я пустился по твоей
По тропе на край небес,
Песни взяв наперевес.

Между небом и землей
Стала тропка та — судьбой,
Где, свободой дыша,
Пишет в пустоте душа.

Дышит-пишет без чернил:
Кто-то искру заронил —
От пожара в синеве
Зашумело в голове.

Пой, о пой, не умолкай,
Сердце — прядай, ум — алкай,
Песня — пойся, кровь — стучи,
Восшепчи, восщебечи!

Но румяная заря
Упорхнула за моря
В грай вороний и с тех пор
Не вернется — "Nevermore!"

1

Как над стихами силы средней
 эпиграф из Шенье,
как луч последний, как последний
 зефир... *comme un dernier*
gayon... — так над простором голым
 моих нелучших лет
каким-то райским ореолом
 горит нерусский свет.

2

Целиком в мастерскую высокую
входит солнечный вечер ко мне:
он как нотные знаки, он фокусник,
он сирень на моем полотне.

Ничего из работы не вышло,
только пальцы в пастельной пыли.
Смотрят с неба художники бывшие
на румяную щеку земли.

Я ж смотрю, как в стеклянной обители
зажигаются сто этажей,
и как американские жители
там стойком поднимаются в ней.

3

Все, от чего оно сжимается,
миры в тумане, сны, тоска,
и то, что мною принимается
как должное — твоя рука;

все это под одною крышею
в плену моем живет, поет,
но сводится к четверостишию,
как только ямб ко дну идет.

И оттого что — как мне помнится —
жильцы родного словаря
такие бедняки и скромницы:
холм, папоротник, ель, заря,

читателя мне не разжалобить,
а с музыкой я незнаком,
и удовлетворяюсь, стало быть,
ничьей меж смыслом и смычком.

“Но вместо всех изобразительных
приемов и причуд, нельзя ль
одной опушкой существительных
и воздух передать и даль?”

Я бы добавил это новое,
но наподобие кольца
сомкнуло строй уже готовое
и не впустило пришлеца.

4

Вечер дымчат и долог:
я с молитвой стою,
молодой энтомолог
перед жимолостью.

О как хочется, чтобы
там в цветах вдруг возник,
запуская в них хобот,
сизый сумеречник!

Содроганье — и вот он!
Я по ангелу бью —
и уж демон замотан
в сетку дымчатую!

5

Какое б счастье или горе
ни пело в прежние года,
метафор, даже аллегорий,
я не чуждался никогда.

И ныне замечаю с грустью,
что солнце меркнет в камышах,
и рябь чешуйчатее к устью,
и шум морской уже в ушах.

Есть сон. Он повторяется, как томный
стук замурованного. В этом сне
киркой работаю в дыре огромной
и нахожу обломок в глубине.

И фонарем на нем я освещаю
след надписи и наготу червя.
"Читай, читай!" — кричит мне кровь моя:
Р, О, С... нет, я букв не различаю.

Зимы ли серые смыли
очерк единственный? Эхо ли
все что осталось от голоса? Мы ли
поздно приехали? —

Только никто не встречает нас! В доме
рояль — как могила на полюсе. Вот тебе
ласточки! Верь тут, что кроме
пепла есть оттепель!

Марине Красенской

Вечерами, ночами, в затишьи,
И в молчаньи, — когда я один,
Утомленной душою я слышу
Отдаленный призыв из глубин.

Это тот, кто не ведает смерти,
Отряхает рожденья покров,
И в душе потревоженной чертит
Отраженья несознанных слов.

И в предчувствии вечной свободы
От земной и бескрылой души
Слышу: бурные, мощные воды
Из глубин набегают в тиши.

ДВА ГОЛОСА

Я люблю тебя, чужестранец,
За озера холодные глаз
И за то, что бешеный танец
Я в их глуби видала не раз.

— Быстроводны холодные реки
В моей родной стороне,
И, должно быть, осталась навеки
Эта дикая воля во мне.

Волоса твои мягки и тонки,
Но ты мягче своих волос.
Ты похож на большого ребенка
В плену моих черных кос.

— И пахучи, и тонки травы
В моем дремучем краю,
И, должно быть, они отравой
Напоили душу мою.

Но душа твоя, о, любимый,
Непонятна, темна и страшна:
Точно туча, висит недвижимо
Над моею душою она.

— Тех, кто в скорбные годы заката
В обреченной земле рождены,
Все равно, не поймешь никогда ты,
Ты, дитя счастливой страны!

ВЕЧЕР

Не багровым цветут олеандры:
Над землей пламенеют сады.
За закатом живут саламандры
У озер бирюзовой воды.

А закат — золотая страница
О совсем небывалой стране,
Где слова, точно райские птицы,
Возникают и гибнут в огне.

Раскаленный архангел с улыбкой
Созидает стихи из огня
И, как ветер, упруго и зыбко
Их кидает с высот на меня.

ОКЕАНИЯ

За серебром по рифу иду я.
Зеленью светит залив.
Золото мертвых, металл Ти-Ондуз,
Выбросит скоро прилив.

Вот посвежеет, с бурунов задует...
В зелени лунных ночей
На берег страшные выйдут Ондуз
С дырами вместо очей.

Каждый, как может, на рифе колдует.
Я колдовал там вчера:
Там, где покроплено кровью, найду я
Много опять серебра.

. . .

Очень давно, и не в этой
Жизни тебя потерял.
Редкие проблески света,
Гробная тьма покрывал —

Это и все, что я помню
В жизни последней, простой...
Только все шире, огромней
Зовы из дали пустой.

Путь — в неизвестные земли.
Должен тебя отыскать.
Только ночами приемлю
Ласковых рук благодать.

Позднею ночью бывает
Долгий, мучительный миг:
В спутанном сне проплывает
Твой опечаленный лик.

ТАМ

Вот, когда мы умерли, запели
Синие туманы, как во сне.
Струями прозрачными, без цели,
Так мы заскользили в глубине.

Ласково сияния и звоны
Близятся клубящимся кольцом:
Радость отошедших, Персефона,
Светит затуманенным лицом.

Падая в пространство голубое,
Мы совсем забыли в этой мгле,
Что когда-то умерли с тобою
Где-то на потерянной земле.

Мистический, тыквенно-желтый закат.
И солнце — деревья так тихи —
К ним руки простерло в мольбе и назад
Взяло их... И цветом гречихи

Окрасило дальний, в безмолвии, лес.
И грустно, так грустно — склонилось,
Как будто с страной полдневных чудес
Сегодня навеки простилось.

Зашло. Но за темною гор полосой
Последние мысли пылают,
Земное становится снова собой,
И свет в облаках угасает.

Все чище, прозрачней бесцветный восток,
Отчетливей яблони сада,
И без опоздания, как на урок —
Луна поднялась за оградой.

И эта — я. И эта — я.
И эта — Боже мой! — и эта...
Что это — маски бытия?
Или останусь без ответа...

Иль это — легкая игра,
Затея Господа — на святки,
Когда пьянеет детвора,
А взрослые играют в прятки?

И прячет Бог мой от меня
Меня за каменную стену?
Бросаюсь в пламя из огня,
Не веря каменному плену.

Что это: сказка или сон?
Иль жизни хаос: тьмы и света?
О назови мне свой закон!
...Или останусь без ответа?

ОТРЫВОК

Пахло зубным порошком,
Мятой, — и утренней дрожью.
Свет пробирался ползком
В угол, и к Матери Божьей.

Коричневая и узкая,
Резала форма под мышкой.
Грелся под сердцем рассказ.
Зябли учебные книжки.

Бодр был тумана маршрут.
Ночь забывалась в пенале.
Ровно на десять минут
Вечно часы отставали.

* * *

Прости меня, Господи, жадную.
О многом, о многом прошу.
Двум крошкам — сады виноградные
И по зопотому ковшу.

И по золотому — родителям.
И чуда налей через край,
И часто в земную обитель к ним
За ними смотреть прилетай.

Пускай посещения — прилежные.
Но этой молитве внимли:
О, будь с ними, Боже, невежливым,
К себе — никогда не зови.

* * *

Не лейкой, ноктюрном Шопена
Левкои, табак, резеду
Во тьме поливали, и пена
Не таяла долго в саду.

Земля, затаясь, чуть дышала.
Настойчивый рос аромат.
Широким потоком из зала
Лилось вдохновение в сад.

Дорожки сторонние парка
— О жуть! — превращались в русло.
В поляны! спастись! по баркам!
Деревья — причал и весло.

Но тьма разливалась все шире.
Луга затопляла роса.
В ночном захлебнувшемся мире
Спасали из волн небеса.

Так жить... Так жить, обманывая годы,
По вечерам прихлебывая чай,
Под тяжестью изношенной свободы
Друзей поругивая невзначай,

И толковать о Ламартине, Прусте,
И руки нежно целовать... Потом
Мечтать о море, о девичьей грусти,
Затягиваясь скверным табаком,

Скорбеть о прахе дедовских усадеб,
Гвардейских шпор воображая звон,
Вести учет чужих рождений, свадеб,
Дней Ангела, крестин и похорон.

Так жить... Так жить миражным мертвым светом
Средь вымыслов неистовых химер...
Спешить пешком с копеечным букетом
На именины к выцветшей belle-soeur

Затянутым в тугой, потертый смокинг
В июльскую полдневную жару...
Писать в альбом апухтинские строки,
Разыгрывать любовную игру...

Так жить... Так жить, затерянным в лукошке,
Где призракам быть жизнью суждено.
И смерть придет. Тоскливой, драной кошкой,
Мяукнет, и царапнется в окно.

Белград. Зима 1941—1942

БЕРЛИН

Держа равнение непоколебимо,
Как серый строй вильгельмовских солдат,
На сумрачные улицы Берлина
Громады тусклолицые глядят.

И гением курфюрстов бранденбургских
Второе двухсотлетие дыша,
Томится в них, как в виц-мундирах узких,
Суровая германская душа.

Кирпично-красных протестантских кирок
Пронзают колокольни облака.
По ним земли дряхлеющего мира
Струится ввысь дремота и тоска.

О, вдохновенье пасмурных эпегий,
Свинцовой Шпрее, сосен и болот!
Как будто по сей день профессор Гегель
Здесь по утрам на лекции идет.

И учит дух искать всеевропейский,
И видеть в том судьбы предвечный суд,
Что полицейский здесь — не полицейский,
А философски зримый Абсолют.

Но, логике пудовой непокорный,
Я об иной мечтаю стороне.
С душой многоголосой и вздорной
Куда бежать и где сокрыться мне?

Берлин. Август 1943

К. Z.

Я побывал в преддверьи преисподней.
Я видел смерть, и смерть меня отвергла.
Но память жгущая не стерлась, не померкла.
Я помню все. Мне дышится свободней,
Но не избыть немилости Господней.

Как трупы я костлявые забуду?
Как изойду их муками немymi?
Я каждый день сгораю вместе с ними,
Я каждый день трепещущею грудой
Колеблясь, исчезаю в черном дыме.

Но в теле вновь живая кровь струится,
И снова мир картонной панорамой,
Нелело склеенный, передо мной теснится,
И падает душа замерзшей птицей
На прах и щебень городского хлама.

Мюнхен. Июнь 1945

ПАРИЖСКОЕ УТРО

Зазвенели солнечные пятна,
Заиграла темная река,
Отозвались эхом многократным
Башни, голуби и облака.

У слепых лавчонок букинистов
Приостановись и посмотри,
Как дрожит в сиянии волнистом
Дымчатый утес Консьержери.

А вокруг, совсем необычайна,
Радостная розовая тишь.
Это зов тысячелетней тайны.
Это просыпается Париж.

* * *

Ежятся под каплями каштаны;
Дождь был непрогляден и ленив.
Кто там сел на камень, словно пьяный,
Голову на руки уронив?

Кто там шепчет о чужом пороге?
Лишь бегут по озеру круги,
Да стихают на пустой дороге
Уходящей нежности шаги.

НОЧЬЮ

Я сегодня молодость оплакал,
Спутнику ночному говоря:
"Если и становится на якорь
Юность, так непрочны якоря

У нее: не брать с собой посуду
И детей, завернутых в ватин...
Молодость уходит отовсюду.
Ничего с собой не захватив.

Верности насиженному месту,
Жалости к нажитому добру —
Нет у юных. Глупую невесту
Позабудут и слезу утрут

По утру. И выглянут в окошко.
Станция. Решительный гудок.
Хобот водокачки. Будка. Кошка.
И сигнал прощания — платок.

Не тебе! Тебя никто не кличет.
Слез тебе вослед — еще не льют:
Молодость уходит за добычей,
Покидая родину свою!.."

Спутник слушал, возражать готовый.
Рассветало. Колокол заныл.
И китайский ветер непутевый
По пустому городу бродил.

ПЯТЬ РУКОПОЖАТИЙ

Ты пришел ко мне проститься. Обнял.
Заглянул в глаза, сказал: "Пора!"
В наше время в возрасте подобном
Ехали кадеты в юнкера.

Но не в Константиновское, милый,
Едешь ты. Великий океан
Тысячами простирает мили
До лесов Канады. до полян.

В тех лесах, до города большого,
Где — окончен университет! —
Потеряем мальчика родного
В иностранце двадцати трех лет.

Кто осудит? Вологдам и Бийскам
Верность сердца стоит ли хранить?..
Даже думать станешь по-английски,
По-чужому плакать и любить.

Мы — не то! Куда б ни выгружала
Буря волчью костромскую рать, —
Все же нас и Дурову, пожалуй,
В англичан не выдрессировать.

Пять рукопожатий за неделю,
Разлетится столько юных стай!..
...Мы — умрем, а молодняк поделят —
Франция, Америка, Китай.

СТИХИ О ХАРБИНЕ

II

Как чума, тревога бродит, —
Гул лихих годин...
Рок черту свою проводит
Близ тебя, Харбин.

Взрывы дальние, глухие,
Алый взлет огня, —
Вот и нет тебя, Россия,
Государыня!

Мало воздуха и света,
Думаем, молчим.
На осколке мы планеты
В будущее мчим!

Скоро ль кануть иль не скоро,
Сумрак наш развей...
Про запас Ты, видно, город
Выстроила сей.

Сколько ждать десятилетий,
Что, кому у беречь?
Позабудут скоро дети
Отеческую речь.

Милый город, горд и строен,
Будет день такой.
Что не вспомнят, что построен
Русской ты рукой.

Пусть удел подобный горек, —
Не опустим глаз:
Вспомяни, старик историк,
Вспомяни о нас.

Ты забытое отыщешь,
Впишешь в скорбный лист,
Да на русское кладбище
Забегит турист.

Он возьмет с собой словарь
Надписи читать...
Так погаснет наш фонарик,
Утомясь мерцать!

ФЛЕЙТА И БАРАБАН

У губ твоих, у рук твоих... У глаз,
В их погребках, в решетчатом их вырезе, —
Сияние, молчание и мгла.
И эту мглу — о, светочи! — не выразить.

У глаз твоих, у рук твоих... У губ,
Как императорское нетерпение,
На пурпуре, сияющем в снегу, —
Закристаллизовавшееся пение!

У губ твоих, у глаз твоих. У рук, —
Они не шевельнулись и осилили,
И вылились в согласную игру:
О лебеди, о Лидии и лилии!

На лыжах звука, но без языка,
Но шелотом, горя, и в смертный час почти
Рыдает сумасшедший музыкант
О Лидии, о лилии и ласточке!

И только медно-красный барабан
В скольжении согласных не участвует,
И им аккомпанирует судьба:

— У рук твоих!
— У губ твоих!
— У глаз твоих!

ЗАВОЛОЧЬЕ

— Заволочье, заозерье,
Степь, луга во все концы... —
Так до самого поморья,
Разгулявшись на привольи,
Мне трезвонят бубенцы.

Мшары, топи и зажоры
Расступились дать простор,
Затаясь до встречи скорой.
Кружит степь и манит взоры
До озер, до синих гор.

Городища, староселья
Не пугают, стерегут
И дорога — новоселье.
Не забава, не безделье,
А какой-то светлый труд.

ОРДА ИДЕТ

Вот глашник луговой — пырей высокий,
Вот дивий бор, а вот и лисий хвост:
Трава такая, вдаль зеленый мост,
А ниже — заросли родной осоки.

Шумит волна, кипучая парча,
Зеленый океан лугами заливными,
Порой, как шелк, а то, как епанча...
Орда идет просторами степными!

ТРОЕРУЧИЦА

*28 июня, в день святого Иоанна Бес-
сребреника, празднование иконы Божи-
ей Матери, именуемой "Троеручица".*

Троеручица Владычица
Помогает в три руки.
Вот и серп на небе высится,
Глянул в зеркало реки.

Светел — месяц нивы радует,
Ясным вышел для жнивья,
А суслоны будет складывать
Сам пророк святой Илья.
Троеручица Владычица
Помогает в три руки —
Божьей ратью возвеличатся
Золотых снопов полки.
Церкви звонами победными
Озарят широкий дол,
И молебнами хвалебными
Разольется радость сел.

ТАЕЖНЫЙ ПУТЬ

Путь мой широк, необъятен,
Плещет зеленой волной.
Шорох тайги мне понятен —
Матери голос родной.

Пешим бреду мореходом,
Бродни — надежный челнок.
Я улыбаюсь невзгодам
И не всегда одинок.

Все здесь исполнено тайной...
Чаща укроет крылом,
Если в ночевке случайно
Нечем зажечь бурелом.

Слышатся чаще и чаще
Новые голоса,
Не о душе скорбящей,
Про земные глаза.

Их не задел глубоко
Русской тоски расцвет,
Скажут они про Блока —
Непонятный поэт.

Мы, несущие знамя
Жалости и стыда,
Знаем: умрет с нами
Прошлое навсегда.

1936

Живем в изгнании, и наша жизнь тяжка,
И каждый день с собой приносит только тризны,
И чаем мы теперь уже исподтишка
Узреть когда-нибудь поля своей отчизны...

И блажь житейская напрасно нас зовет
Смириться и чужим пенатам поклониться,
Спасти от глада плоть и душу от забот,
Снедающих ее, когда она томится.

Пускай бессмыслен путь с безрадостным концом,
Но есть величие безумья в долге этом:
Остаться навсегда бездомным беглецом
И становиться нищим и поэтом.

1936

Одна поэзия, последняя стихия,
Волнующая душу иногда,
А позади остались не плохие
И не хорошие, забытые года.

И пустота осеннего простора,
И холодок иного бытия,
И где-то там и дружбы и раздоры,
И где-то там ребячившийся я.

На сердце нет ни радости, ни плача,
И веры нет в устойчивую твердь.
Слегка скорбя и изредка чудача,
Я встречу неприветливую смерть.

1937

* * *

Вчитываться в книги надо,
Надо вглядываться в свет,
И людские лики надо
Изучать по многу лет.

И в тоске великой надо
Свою гордость превозмочь,
И потом склоняться надо
Над бумагой, день и ночь.

И тогда заплакать надо
Над проклятою судьбой —
Никому тебя не надо
Ставшего самим собой.

1937

* * *

Мы, может быть, последние на свете
Скорбящие от лишнего ума,
И после нас на несколько столетий
Закроют сумасшедшие дома.

И толпища с тоскою незнакомых
Начнут вкушать земную благодать,
Когда колонии червей и насекомых
Останки наши будут доедать.

Но кто-нибудь, прельстившись ветхим кладом,
Найдет полуистлевшую тетрадь,
И мы отравим вопрошанья ядом
Дотоле жизнерадостную рать.

1937

* * *

По следам бездомных Аонид
Странствуют российские пииты
Вдалеке от Родины забытой,
И народ их слов не сохранит.

И пускай угаснут их мечты—
Это только участи начало
Данников стихии одичалой
Созиданья тленной красоты.

Чествуют покинутую Русь
Бесталанною своей любовью
И, по капле истекая кровью,
Чувствуют убийственную грусть.

1938

По вечерам тяжелые закаты
Слежу, грустя по вечной тишине...
А ты царишь, надменна и крылата,
В такой необозримой вышине!

И ты не вспомнишь о случайной встрече,
И не коснешься моего плеча —
Среди иных тобою неотмечен,
Останусь я домыкивать печаль.

И вот ищу стопою шелестящей
Предел моей мальчишеской тоски,
Измученный и сумраком давящим,
И грохотом, и гулом городским.

...

Не могу ни плакать, ни молиться
В это утро, ясное, как ты, —
Ты паришь не дальнею орлицей,
А на крыльях нежно-золотых.

Не цвели еще, еще не рдели
По садам багряные цветы,
И моей неслышимой свирели
Льются трели, ясны и просты.

В вышине — ты словно голубая,
Только крылья в золоте чуть-чуть —
Я к тебе, далекая, родная,
Прикоснуться даже не хочу.

Лейтесь, лейтесь утренние трели,
В это утро — ясен я и прост —
Я таким певучим менестрелем
Даже в детстве не был и не рос.

Это утро, этот воздух чистый,
И вокруг — невиданная ширь...
В небе милом стелются лучистых
Два крыла лазоревой души.

СЕНТЯБРЬ

Как крылья стрекозы — осенний воздух сух.
Калитка в сад. Скамейка. Стол. Поляна.
И дремлет старый вяз, протягивая сук
Над тонкими стеблями гаюляна.

День не ушел еще. Не прожит. Он со мной,
Прозрачностью осенних крыл овеян.
И сидя здесь, с тобой, — я вижу мир иной,
Минуя тот, что умирает, рдея.

Посмею ль этот мир на тот я променять,
— С самим собой чудесно примиренный, —
Когда из серых глаз струится на меня
Сияющая одухотворенность?..

Да, крылья осени, как крылья стрекозы.
Да, этот день не пережит, не прожит.
В душе и воздухе лазурнейшая зыбь,
И образ твой все ближе, все дороже.

ЧАЙНАЯ РОЗА

Чашка чайная, в чашке чаёк
С отвратительной сливочной пенкой.
Роза чайная, в розе жучок
Отливает зловещим оттенком.
Это сон? Может быть. Но так много случайностей
В нашей жизни бывает за каждый денёк,
Что увидевши розу душистую, чайную,
Я глазами ищу — где зловещий жучок.

* * *

Есть совершенные картинки:
Шнурок порвался на ботинке,
Когда жена в театр спешит
И мужа злобно тормошит.

Когда усердно мать хлопочет:
Одеть теплей сыночка хочет,
Чтоб мальчик грудь не застудил,
А мальчик в прорубь угодил.

Когда скопил бедняк убогий
На механические ноги,
И снова бодро зашагал.
И под трамвай опять попал.

Когда в стремительной ракете,
Решив края покинуть эти,
Я расшибу о стенку лоб,
Поняв, что мир — закрытый гроб.

* * *

На красной площади, на плахе
Сидит веселый воробей.
И видит, как прохожий, в страхе,
Снимает шапку перед ней.

Как дико крестится старуха,
Глазами в сторону кося,
Как почесал за левым ухом
Злодей, добычу унося.

И с высоты своей взирая
На этих суетных людей,
Щебечет, солнце прославляя,
На плахе сидя, воробей.

А ты, Ванюша,
Поди зарежь черного петушка.
— Да с какой же стати?
Петушок по утрам поет.
— Петь-то он поет,
Да чтоб его слушать,
Надо живым быть,
А чтоб живым быть,
Надо кушать.
Зарезал Ванюша петушка.
Вот все живы, сидят и слушают,
Как курочка кудахчет,
О петушке своем плачет.

Я себя в твореньи перерос
И творца творенье пожирает,
Кем-то в детстве заданный вопрос
Каплей йода душу прожигает.
Куст каких-то ядовитых роз
Я взрастил поэзии на смену.
Мир земной, ведь это море слез...
А вот пьяным море по колено.

В аптеке продается вата,
Одеколон и аспирин.
В аптеку входит бесноватый
И покупает апельсин.

Он получает по рецепту,
Прописанному Сатаной,
И, заплативши фармацевту,
Идет из лавочки ночной.

Луна, сквозь облачную вату,
Мерцает в зеркале витрин.
И ест поспешно бесноватый
Свой ядовитый апельсин.

В. Л. Книжниковой

Жизнь исчисляют не годами,
Она течет как волны рек.
В них, с удивленными глазами,
Плывет бесправный человек.

Когда река, впадая в море,
Влечет усталого пловца,
У всех предчувствующих горе
В груди сжимаются сердца.

Но руки машут над водою,
Кругом знакомые места,
И веет новою весною...
Не ставьте над живым креста!

Жизнь исчисляют не годами,
Она течет как волны рек.
В них, с лучезарными глазами,
Плывет бесстрашный человек.

Сияет дорога райская.
Сияет небесный сад,
Гуляют святые угодники,
На райские розы глядят.

Идет Иван Иванович
В люстриновом пиджаке,
С ним рядом Марья Филипповна
С французской книжкой в руке.

Прищурясь на солнце райское,
С улыбкой она говорит:
Ты помнишь, у нас, в Чернигове,
Такой же прелестный вид.

И пахнет совсем по-нашему
Брусникою и травой,
Сорвав золотое яблоко,
Кивает он головой.

— Вот мы с тобой и представились,
Дай руку. Не отвечай.
Не верили и не чаяли,
А вот и попали в рай.

• • •

Как ты любила зеркала
Любовью непонятной с детства, —
Ты в руки зеркало брала,
Не зная, как в него глядеться.

Полуоткрыв от страха рот,
Над зеркалом ты наклонялась
И, как Нарцисс над гладью вод,
Вдруг восхищенно улыбалась.

Еще не зная, что себя,
Свое ты видишь отраженье,
Уже восторженно любя
Души земное воплощенье.

Мы о будущем не говорили,
Мы зашли в Казанский собор
И потом в эстетическом стиле
Мы болтали забавный вздор.

А весна расцветала и пела,
И теряли значенья слова,
И так трогательно зеленела
Меж торцов на Невском трава.

...

Я в руку камышек беру
И согреваю его своим дыханием
И вот он исчезает,
Он превращается

В змею,
Свисающую с гибкой ветки
Плакучей ивы,
В благоуханное дыханье сонных роз,
В прозрачное очарованье
Июльской, лунной ночи

И
Ширококрылым вдохновеньем
Перелетает океан,
Чтоб музыкой планет наполнить слух
Мне незнакомого поэта.

А я испуганно гляжу
На узкую свою ладонь
И начинаю
Взволнованно, как в полусне,
Ритмично повторять слова,
Слова, что прозвучат
В еще никем не созданных стихах,
Преображая
До дыр и вдрызг изношенную тему
О жизни,
смерти
и любви.

Июль 1969

ПАСХАЛЬНАЯ ЗАУТРЕНЯ

Победа полная... и сорок сороков
Торжественно гудит, ликуя и сверкая...
И праздник праздникам, и в море огоньков
Ты, мое солнышко, Ты светлая такая...

А там, на паперти, и тоже со свечой,
Старушка молится усердными крестами,
И, окруженная сияющей толпой,
И ждет, и верует, и теплится слезами.

Где больше радости?.. В борьбе ль колоколов,
В набеге ль праздничном волны многошумящей,
В Тебе ль, красавица, жемчужина богов,
Иль в богомолке той, на паперти стоящей?..

Победа полная... Всесильная весна
Не даром в каземат приносит вдохновенье...
Все забывается, когда шумит волна,
Волна победная любви и возрождения...

ЛАМПЫ НЕ НАДО

Лампы не надо... зачем?.. подождем...
Так посидим... хорошо... пусть мечтает...
Черный камин красноватым огнем
Пусть о далеком тихонько пылает...

Вместе припомним из прожитых дней...
Золотом пламя на старое ляжет...
Станет безмолвнее, станет теплей,
Пепел о многом, о многом доскажет...

Так посидим мы. С остатками дня
Скоро и пламя едва замелькает...
Сам позову я — "Ну, что же? огня!..
Лампу давайте!.. темно... догорает..."

CHANSON TRISTE

Неожиданно гроздя глициний,
И ползущую вверх повитель,
И цветок полевой ярко-синий,
Все засыпала снегом метель.

Буря мечет порыв за порывом...
Коченеет открытая грудь...
Мы над самым, над самым обрывом,
Где же нами потерянный путь?

Кто спасет нас... Кто мог указать бы,
Где наш с детства любимый уют,
Лампа светлая старой усадьбы
И ее восхитительный пруд?..

Где знакомые нам перелески,
Уносящейся тройки разгон,
Степь зеленая в солнечном блеске
И торжественный, праздничный звон?..

Я готов целовать те ступени,
По которым я прежде ходил...
О, верните мне что-нибудь... тени...
Ну, хоть призрак того, чем я жил...

Голубев теплый воздух,
Приголубил поле май...
Я гляжу на вольный роздых
Голубиных вольных стай.
Вся лазурь им — голубятня,
Вешний лет уносит к ней...
Тишь прозрачней, звуки внятней
В горнем мире голубей.
В облаках глубоко прорубь
Прорубила Божья длань...
— Вот нисходит Дух, как голубь...
— Вот струится Иордань...
Внемлю мудрости глубинной,
Окропляюсь синевою...
... Я стезею голубиной
Восхожу в лазурь и зной.

Громкий утренний отпуст за ночные грехи
Поселянам победно трубят петухи.
И, восстав из-под спуда деревенского сна,
Самоцветным павлином расцветает весна.
Даль еще в перламутре, но к восходу зари
От небес по полям побегут янтари, —
И навстречу небесным огневым янтарям
От полей воспарится к небесам фимиам...
Вдоль ручьев и затонов и плакучих трясин
Раскуделились зыбкие ветви осин.
... И, качаясь в блаженном, в лебедином цвету,
Яблонь перьями сыплет на бескрылом лету.

Был пьян расплывчатый рассвет.
Завнули окна в переулке.
Обломки чьих-то кастаньет
Или от винных бочек втулки
Сверкнули в розовом снегу.
На лед заплаканный и хрупкий
Взметнулся шлейф, оскалив юбки,
На неуверенном бегу.
И.

поскольку, день восстал,
 Тяжелый после перепоя.

Жизнь зашумела — как вокзал,
Хоть души жаждали покоя.
Звенели звонкие звонки
Заиндевелого трамвая,
И плыли звоны высоки,
В лохматом небе застревая.
Витрины пели: "Рождество!"
Им вторили в карманах деньги:

"...Вот этокое

вещество,

За столько-то

...За дзыны!.. Га!

...Дзень!.. Ги!"

...Шуршанье черствое бумаг
И шелест лент вокруг пакета...
По-волчьи

осторожный

шаг

Вдоль навощенного паркета.
Не нежность — вкрадчивость;
не страсть,

А ниже,

— похоть.

Дзыны!.. Га!

Дзень!.. Ги!

...Так вероломно вдруг напасть
И обобрать

всю жизнь.

З-за д-з-зеньги...

...В зеленых сумерках — хрусталь
И пышная еда на блюдах...

...Не так ли

заедал

печаль

В последний вечер свой

Иуда?

Пилось ли также?..

спалось как?..

За тридцать кругленьких,

за слитки!..

...Ишь, вызвездило зимний мрак,

Как на рождественской открытке!..

...Христос!..

Господь бесплотных сил...

Всю жизнь я...

До...

...Последней крошки!..

...Из мрака кто-то голосил:

"За кра-асные!

За пал-сапожки!.."

Не диво — радио: над океаном
Бесшумно пробегающий паук;
Не диво — город: под аэропланом
Распластанные крыши; только стук,

Стук сердца нашего обыкновенный,
Жизнь сердца без начала, без конца —
Единственное чудо во вселенной,
Единственно достойное Творца.

Как хорошо, что в мире мы как дома
Не у себя, а у Него в гостях;
Что жизнь неуловима, невесома,
Таинственна, как музыка впотьмах.

Как хорошо, что нашими руками
Мы строим только годное на слом.
Как хорошо, что мы не знаем сами
И никогда, быть может, не пойдем

Того, что отражает жизнь земная,
Что выше упоения и мук,
О чем лишь сердца непонятный стук
Рассказывает нам, не уставая.

1926

* * *

Когда озаряемый зимними
Лучами в холодном саду,
В молчанье под низкими синими
Ветвями я тихо иду.

И тени рисуя на гравии,
Растет золотое пятно,
Забывать о себе, о тщеславии
Мне в эти минуты дано.

И все, что я видел до малости,
Я вижу светлее стократ —
Как будто в последней усталости
Душа оглянулась назад.

БИОГРАФИЯ ДУШИ

Я сегодня время созерцаю,
Как свою деревню старожил,
Словно я в минуту пережил
Жизнь, которой нет конца и краю.

Странно видеть мне в себе самом
До конца раскрытую природу,
Я гляжусь в неясное потом,
Вечную предчувствуя свободу.

Если это лишь случайный взлет,
Разве это счастье, разве милость, —
Нет, в сознание что-то просочилось
И когда надвинется, найдет

Вновь такое после перебоев,
После грубых безвоздушных дней, —
Я пойму себя еще ясней,
Первое видение усвоив.

Бедные биографы, увы,
Факты и года нагромождая,
Разве описать могли бы вы,
Как минута ширится такая.

Нет, поверить никогда нельзя
Вами разогретому герою —
Ведь души неровная стезя
Мимо вас проходит стороною.

Как она незримая жила
Вы узнать, увидеть не хотите,
Вам бы только громкие дела,
Ложь и скудость видимых событий.

Муза, ты свидетель, запиши,
Как таинственная зреет сила,
Чтобы наша летопись души
Хронику никчемную затмила.

...

Как называется, когда
Ничто душе не помогает?
Молчишь, как грешник ждешь суда,
И вдруг свобода обжигает.

Как называется? Я сам
Не мог найти такое слово —
Оно должно бы по краям
Сиять, как голова святого.

. . .

О как на склоне наших лет...

Истории дальние тени
Я вижу, но я вдохновен
Не славой чужих поколений,
Не видом мечей и знамен.

Мне кажутся как бы родными
Не те, кто боялся огня,
И не победители — с ними
Что общего есть у меня? —

Но те, в ком последняя нежность
К земному тем стала сильней,
Чем явственнее безнадежность
Слабеющей жизни своей.

Холодное чувство сиротства
На склоне растраченных дней,
С тобою печального сходства
Ищу я у ближних людей.

ЭМИГРАНТ

Как часто я прикидывал в уме,
Какая доля хуже:
Жить у себя, но как в тюрьме,
Иль на свободе, но в какой-то луже.

Должно быть, эмиграция права,
Но знаете, конечно, сами:
Казалось бы — "Вот счастье, вот права":
Европа с дивными искусстваа образцами.

Но изнурителен чужой язык,
И не привыкли мы к его чрезмерным дозам,
И эта наша песнь — под тряпкой вскрик,
Больного бормотанье под наркозом.

Но под приказом тоже не поется,
И, может быть, в потомстве отзовется
Не их затверженный мотив,
А наш полузадушенный призыв.

Скажи мне, что пронизывает нас
Сильнее счастья, дорогая,
И синий луч твоих бессонных глаз,
Когда ты смотришь не мигая,
А видишь мысли о тебе во мне,
И счастье твоих прикосновений —
Все это проверяет в вышине
Какой-то музыкальный гений.

Твоих потусторонних уст
Я чувствую прикосновенье,
Но воздух неизбежно пуст,
И длится жизни сновиденье.

Пространство-сон. — Я знаю, знаю.
Но как границу перейти?
Стою на призрачном пути
К воображаемому раю...

Движенья сердца все короче.
В глубоком сне душа моя.
Через завесу бытия
Гляжу в неведомые очи.

...

Ни взгляда, ни мысли, ни слуха.
Одних страданий много.
Ты кашляешь трудно и глухо,
Ты лаешь на Господа Бога.

Завыть бы псом бездомным
Над всею тварью тленной,
В бессмысленной, огромной,
Подмигивающей вселенной.

Холодные мутные дали,
Спирали, пространства, круженья.
О, сон о бессмертной печали,
О, радость освобожденья...

...

Бывает предел печали.
А после — все равно.
Уродливые дали
Гримасничают в окно.

Там пальцем в небо трубы
Указывают на твердь.
Твои безумные губы
Меня обрекли на смерть.

И слезы в сердце упали...
Иль это было давно?
Бывает предел печали,
А дальше — все равно.

Мокрый снег из мутной дали
Бьется каплями в лицо.
Ах, мне сердце заковали
В обручальное кольцо!

И уж больше не поется.
Прежних песен не вернуть.
Сердце тише, тише бьется,
Белый саван — снежный путь.

Там вдали ковер из снега
Переходит в небеса...
Пропадай, мой телега,
Все четыре колеса.

* * *

Падает снег, мягкий и ранний,
Успокоит ли он меня?
Мчатся, мчатся легкие сани,
Колокольчиками звеня.
О, туманных далей белое пламя!
Все неясно и странно в такие вечера.
Я даже не знаю, мы виделись с Вами,
Или это приснилось — вчера?
Эти закрытые, строгие губы, —
Иль поцелуй всегда нем?
Слышу, слышу отдаленные трубы
Приближающейся зимы.

* * *

Ах, знаю я — не возвратить
Твоей души неумолимой.
Как нищий, я пойду бродить
Пургой и вьюгою гонимый...

Когда ж пройдет пора злых бурь,
Обнимет грусть мне сердце крепче,
А сверху ясная лазурь
Насмешливо тогда прошепчет:

"Не призывай небесных сил,
Не жди шагов чужих с тоскою,
Ты сам бокал любви разбил
Неосторожною рукою".

Ах, повторять мне одно лишь осталось:
Жалость и нежность, нежность и жалость.
В этих глазах беззвучные песни
О том, что никто никогда не воскреснет.
Ангела песни в сиянии полночи —
Эти ко мне устремленные очи...
С грубой землей примириться не может
Тот, кого отзвук тех песен тревожит.

Я верен Вам. Я не хочу Вас видеть,
И так шумит шальной огонь в крови.
Ведь что б ни говорил хитрец Овидий, —
На свете нет лекарства от любви.

Измена не могла меня обидеть.
Любовь ушла — ее ты не зови.
За то ли мог я Вас возненавидеть?
Мечтой о Вас, как саваном, повит.

Я отдал все судьбе своей без бою.
Но снится мне, как землю душу роют
Желанья мести — темные кроты.

Но страшный сон недолго будет длиться.
Я вижу, как с надзвездной высоты
Нисходит смерть — крылатая царица.

Сужается быстро дорога,
Вытягивается в нить,
В этом мире недоброго Бога
Недолго осталось жить.

Но полосы жесткого света
Мерещатся где-то во сне,
Превращаются в зов без ответа
Мечтания близкие мне.

Как воин с поля сраженья
Я ран губами коснусь...
Узнаю, что вечно круженье —
Я снова обратно вернусь.

СЯНТАНЬЧЭН

В Сянтаньчэн рано — на рассвете —
Отдыхать ходят облака.
В Сянтаньчэн улетает ветер,
В Сянтаньчэн тянется река.

Сянтаньчэн — за холмом прохладным:
Днем туда голуби летят,
А потом фениксом нарядным
В Сянтаньчэн прячется закат.

В Сянтаньчэн просятся улыбки,
В Сянтаньчэн сходятся мечты.
Про него всхлипывают скрипки,
На него молятся цветы.

А когда бархатное знамя
Тишины ляжет на холмы,
Я спешу, окрыленный снами,
В Сянтаньчэн из моей тюрьмы.

По одной, радостной дороге —
В Сянтаньчэн, в мир и тишину!
К моему счастью-недотроге,
Верно, путь не заказан сну?

А когда возвращаюсь рано
В мой глухой ежедневный плен,
Вновь ползут встречные туманы
Отдыхать — снова в Сянтаньчэн.

НОСТАЛЬГИЯ

Я сердца на дольки, на ломтики не разделю,
Россия, Россия, отчизна моя золотая!
Все страны вселенной я сердцем широким люблю,
Но только, Россия, одну тебя больше Китая.

У мачехи ласковой — в желтой я вырос стране,
И желтые кроткие люди мне братьями стали:
Здесь неповторимые сказки мерещились мне
И летние звезды в ночи для меня расцветали.

Жгучими щупальцами неотрывными
Ты захватил и замучил меня:
Росами, грозами, звездными ливнями
В сердце низвергся — разливом огня.

Страшно и сладко, хоть гибель влекла меня,
Сердце — колодец, колодец — в огне:
В сердце — Атлантика жидкого пламени
Льется — бушует, клокочет во мне!

Плоть разлетелась броней непрочною,
Ребер застава давно снесена:
Пламя тончайшее, пренепорочное
Пляшет и плещет до самого дна.

Ты без предтечи ли и без предвестницы,
Ошеломляя захлестнутый ум,
Прямо с небес, без обещанной лестницы,
В сердца смиреннейший Капернаум?

Это бурление безмерное, дикое,
Как успокоить, себя не сгубя?
Разве я море — и равновеликое,
Чтоб, отразив, убаюкать Тебя?

Сердце безбережное и бесстенное
Все распахнулось в размах широты.
Вечностью полный, чреватый вселенною,
Кто это, Господи? Я — или Ты?

29.XII 1944

ОЗЕРО ЛЮБВИ

Древнее озеро, скрытое в горном провале,
Даже герои пробиться к тебе не могли!
Мне же, избраннику, бездны твои колдовали
Лучше и слаще озер мелководных земли.

С каждым приходом доверчивей, ближе и ближе
Я поддаюсь обаянью твоей западни.
Томный, шепчу, как во сне: утоли, утоми же!
И отзываешься ты: утони, утони!

Чудно, что ты отвечаешь так нежно и скоро,
Страшно, что алчешь, — но тайна еще не ясна,
Что непохоже ты вовсе на наши озера:
Не погибает лишь тот, кто доходит до дна.

19.V 1945

БЛАГОДАРЕНИЕ

И как мне не любить себя...

Ходасевич

Не в алтаре — люблю Тебя в себе,
В презрении к питательным наукам,
В растерянном прищуре близоруком,
В невидности, в порочной худобе, —

В бездетности, в безженности, в горбе,
В пристрастии к разрывам и разлукам,
К несбыточным, пригрезившимся мукам:
Люблю Тебя во всей моей судьбе.

Смесь горькая, но в тесто этой смеси
Ты не вмешал ни жадности, ни спеси,
Ни помыслов о прибыльном добре —

Тех нескольких непрошенных молекул,
С которыми, проснувшись на заре,
Клевал бы я зерно да кукарекал!

21.V 1975

КАК ХОРОШО

Легчайшего дыханья Божества
Без примеси месопотамской глины
Хватило бы для лучшей половины
Того, чья жизнь во мне полужива.

Бесплотный дух, трепещущий едва,
Издавека влюблялся бы в картины,
Но для того, чтоб описать смотрины,
Потребны плоть, рассудок и слова.

Как хорошо, что в довершение льготы
Мне велено испытывать земноты,
Искать себя равно в добре и зле,

В полдневности — и в зябкости полночной,
В безвременно растраченном тепле,
В бессмыслице слиянности непрочной.

13.V 1984

Так ласково Солнце в небе
Зовёт от всего отрешиться,
Забывать о насущном хлебе,
О том, что должно свершиться.

Так ясно Небо сегодня,
И так лиловы просторы,
Как будто улыбка Господня
Согрела людские взоры.

И словно люди забыли,
О том, что гнетёт бывшее,
Что в сердце так много пыли,
И Солнце, Солнце — чужое.

* * *

Сколько мне стоило горьких усилий
Сердце зарыть в бытие,
Только нашла ты под кучею пыли
Детское сердце мое.
Но не взяла, а сказала с тревогой:
"Как оно бьётся опять!
Этой большою и скорбной дорогой
Мог ты его потерять!
Значит, не тронута игом советским,
Значит, щадила война,
Если осталось по-прежнему детским,
Так же, как в те времена".
Я не сумею ответить словами
На нерешимый вопрос,
Как через кровь, через пытки и пламя
Сердце я целым пронес.
Стоит ли трогать минувшие были
Даже во имя твоё,
Если забыла ты вынуть из пыли
Детское сердце мое?

* * *

Сильному — мощь водопада,
Слабым — глухая гать.
Нищему скальду надо
Каждому нежно лгать.

Лгать, чтоб томимые жаждой
Солнечный лили Свет,
Лгать, потому что не каждый
Сын Голубых Планет.

Если ж почувствовать можно
Эту Господню весь,
Как же тогда ничтожна
Зависть к счастливым здесь!

Редкому Божья рассада
В жизни расцветит гать...
Значит, смириться надо,
Губы сомкнуть и ждать.

Я слишком устал для того, чтобы снами
Дневные ошибки загладить...
Я слишком был верен, чтоб новое знамя
К склоненному древку приладить.

Я много измерил земель необъятных,
И земли те слишком чужие,
Не им обезличить в речах непонятных
Священное слово — Россия.

Я слишком вкусил от пожарищ и дыма,
Чтоб мирную жатву постигнуть.
Я слишком любил — чтобы Новое Имя
На щит почерневший воздвигнуть.

ПЛОТОВЩИКИ

Измызганные лапти на панели...
Привычны спины, — согнуты в веках...
Армяк в заплатах, лица загорели,
В них серая, сермяжная тоска.

Они идут спокойно безучастны,
Неся свои котомки и крюки,
Моей Руси, не белой и не красной,
— Покинутой Руси плотовщики.

Брезгливо смотрит чужеземный город.
Бегущий за мечтой культурных благ,
На распахнувшийся посконный ворот,
На косолапый, неспешащий шаг.

Да, этот город слишком накрахмален,
Закован в сталь своих условных пут,
Чтобы понять, как тяжкий путь их дален,
Чтобы постичь нечеловечий труд.

И не понять готическим соборам,
Хранящим пыл в молчании веков,
Унылых песен, слетых дружным хором
Оборванной Руси плотовщиков.

ОКТАБРЬ

Мне сегодня и прошлое даже не в тягость, —
Я живу, ничего не коря,
Я художник, влюбленный в осеннюю благодать
Утомленных шагов Октября.

Я сегодня не верю ни снам, ни рассказам
Про глубинные тайны морей,
Потому что нигде, никаким водолазам
Не увидеть таких янтарей.

В переливах его умирающих красок
Сочетались и были и сны...
В трепетанье листвы — возрождение плясок
Позабытой античной страны.

А когда он разметет по мертвым бульварам
Отгоревшее пламя огней —
Я, исполненный новою болью о старом,
Растворюсь в сумасшествии дней.

РЫЦАРИ СВЯТОГО ДУХА

Г. Д. Гребенщикову

Есть рыцари со сломанным копьем
И со щитами, согнутыми в битвах...
Их души — опустевший водоем,
Не помнящий о песнях и молитвах.

Есть рыцари чужих нездешних мест,
Жрецы давно враждебного нам храма...
На их щите отверженном не Крест,
А красная от крови пентаграмма...

Есть рыцари Железного Креста,
Закрытые опущенным забралом,
У них в сердцах закована мечта
Стремлений к недоступным идеалам.

Есть рыцари, которым имя — месть:
Их сердце ко всему иному глухо...
И лишь одним я жизнь готов принести
— Смирненным рыцарям Святого Духа.

Их жизнь убога, мудра и проста,
Душа всегда на жертвенность готова,
Не на щите они несут Христа,
А в чистом роднике Живого Слова...

Ты, давший мне глоток Живой Воды,
Смиривший сердце Истиной благою,
С тобой готов до Утренней Звезды
Идти оруженосцем и слугою.

ВИШНЕВЫЙ САД

Там — за холмом, за рощей, за долиной —
Мой дом родной скрывается во тьме.

А. Блок

Все было... Грусть запущенного сада
И первый снег... И сизой степи даль.
Пушистых веток вешние каскады
И тонких веточек ноябрьская печаль...
Все было... Свет родного небосвода
И дом, с цветущей вишнею в окне.
Сияла кротко русская природа,
Родные звезды пели в вышине...
Все разлетелось в ледящем шквале.
Ушел глубоко в землю тайный клад.
Нет!.. Мы не продали! Мы потеряли
Пути-дороги в наш вишневый сад.
Что жизнь без родины?.. Холодная, пустая,
Как заколоченный навеки дом,
Где ждет душа забытая, стеная,
И ветви бьются, плачут за окном.

...

Тепло и тихо. Нет вчерашней стужи.
Дождь подбодрил усталую траву,
И крутогрудый голубь пьет из лужи
Сияющую неба синеву.

Медовый ветерок гоняет стадо
Ошеломленных листьев по траве,
И в воздухе круженье листопада,
Как золото на выцветшей канве.

И астры тлеют пламенем прощанья...
Когда-нибудь... В иных уже мирах...
Я, вспомнив вдруг земли очарованье —
Земную осень, — захлебнусь в слезах.

ТИШИНА

Под низким солнцем, как в румянце,
Краснеют облака,
И вьются чайки в быстром танце
Вкруг красного буйка.

Над парусником гнется криво
Уставший за день кран.
Атласным шелестом отлива
Вздыхает океан.

Огни заката гасит Кто-то
Невидимой рукой,
И вечер полнит медом соты
Сумятицы мирской.

Над бухтой всходит, синей тенью,
Прохладная луна,
И в сердце льется примиренье,
И в душу — тишина.

Принимаю как награду
Тень, скользящую по саду.

Георгий Иванов

Тени на стене... сквозь решетку сада,
Там сегодня — ветер!.. Солнце! Облака!
Сердце, почему стало ты так радо
От, казалось бы, такого пустяка?

Тени на стене... движутся, играют,
То на миг слабеет кружевной ажур,
То, темнея снова, четко проступает —
В листьях расшалился ветер-балагур.

Эта быстрота! Красота! Мятежность...
И неуловимость!.. словно ты во сне.
А душа звенит и вбирает нежно
Маленькое чудо, — тени на стене.

ГНЕТСЯ

За окошком бушует ненастье,
Гнется тополей стонущий ряд.
Но последней, сжигающей страстью
Ярким пламенем астры горят.

Под ударами ветра мотаясь,
Неизжитых желаний полны,
Аметистами в грязь осыпаясь,
Чуют астры — не зная им весны.

И забудешь и будни, и слякоть,
Эту яркость вбирая душой,
Только хочется тихо заплакать
Над земли обреченной красой...

* * *

Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.

Анна Ахматова

Так вот оно — преддверье Рая!..
Какие светы с высоты!
И в эвкалиптах птичьи стаи —
Господни певчие цветы!
И ветер свежий в океане,
И теплый, ласковый песок,
И водорослей колыханье,
А стайки рыб — у самых ног!
Как стая радужных иллюзий,
Сверкают свежестью пучин
И все плывут, плывут медузы
На парашютах из глубин.
И час за часом — все крылатей!
И каждый счастьем озарен!
Но розовы уже на скате
Узоры пальмовых корон
И, — темная — в вечернем небе,
Летит станица лебедей...

И кто-то пел вверху молебен
О нищенской душе моей.

ОПЯТЬ НА ДОРОГАХ ИТАЛИИ

Опять на дорогах Италии, —
Порывисто дышит мотор,
Венеция, Рим и т. д.,
Помпеи, Миланский собор...

Блаженствует вечер каштановый,
Над Лидо в полнеба закат,
Совсем как в стихах у Иванова
Сгорает и рвется назад.

Но мне ли теперь до Венеции,
До кружев ее базилик,
Когда, оборвавшись с трапеции
В бессмыслицу, в старость, в тупик,

Я вижу: в конце траектории,
Над стыком дорог и орбит,
Огромное небо Истории
Последним закатом горит.

Близится вечер. Ну что ж, господа,
Жизнь прожита, изжита навсегда.
Много, конечно, случиться б могло,
Да не случилось, не произошло.
Много надежд улетело в трубу.
Глупо теперь все валить на судьбу.
Но, может быть, среди радужной тьмы
Плохо историю поняли мы?
Не разглядели?..

Ну что ж, господа,
Бог даст и так скоротаем года.
Наши, теперь уж не многие лета,
В апофеозе вечернего света.

Слава Богу, теплеть начинает.
Нерешительно как-то. Но все ж
По росткам, по костям пробегает
Предвесенняя легкая дрожь.

Деревенский штампованный вечер:
Перекресток,

река,

огонек...

Он ничем неказист, не отмечен,
Этот милый земной уголок.
Я не помню — была ли такую
Невыскаательность русской тоски,
Русский вечер над русской рекою,
Скажем, где-нибудь возле Оки,
Но кому это нужно, простите,
Был ли вечер таким или нет.
В очистительном ливне событий,
В урагане сорвавшихся лет
Это все унеслось без возврата,
Обессилело в царстве теней,
В романтических красках заката
Навсегда подытоженных дней.

...

Люблю перекресточный ввер
Штурмующих дали дорог, —
Дорог, уходящих на Север,
На Запад, на Юг, на Восток.

Люблю их размеренно-строгий
Почти уже песенный лад:
Дороги, повсюду дороги,
Дороги вперед и назад.

Дороги в безвестье, в не знаю,
Дороги, как линии рук...
Давай я тебе погадаю,
Мой воображаемый друг.

Давай мы с тобой помечтаем,
Давай мы с тобой улетим
В Италию.

Хочешь в Италию —
В Неаполь, в Милан или в Рим?
Оттуда...

Но, впрочем, не надо,
Оставим пустые мечты!
Смотри, как ложится прохлада
На лес, на поля, на кусты.

Люблю, приближаясь к итогам,
Под жизни слабеющий шум,
В вечернюю мглу по дорогам
Бездумно лететь наобум.

* * *

Когда-нибудь,

О, я уверен в этом, —
Проснувшись ночью, вдруг увижу я,
Что за окном едва заметным светом
Как будто занимается Земля.

Как будто всё: и ночь, и город спящий,
Преобразил неведомый рассвет.
И это будет не от звезд сходящий,
Но к звездам поднимающийся свет.

* * *

Войди, как бывало входила,
Взгляни, как умела смотреть,
Неважно, что жизнь не простила
И не научила стареть.

Неважно, что те же страницы
Лежат между мной и тобой...
Уедем, сбежим за границу,
Уйдем в океанский прибой!

И там обратимся в движение.
В поэзию, в солнечный блик:
Ведь ты — мое воображение,
А я — твой послушный двойник.

ЧЕРНАЯ МАДОННА

Вадиму Андрееву

Синевели дни, сиреневели,
Темные, прекрасные, пустые.
На трамваях люди соловели.
Наклоняли головы святые,

Головой счастливою качали,
Спал асфальт, где полдень наследил.
И казалось, в воздухе, в печали,
Поминутно поезд отходил.

Загалдит народное гулянье,
Фонари грошовые на нитках,
И на бедной, выбитой поляне
Умирать начнут кларнет и скрипка.

И еще раз, перед самым гробом,
Издадут, родят волшебный звук.
И заплачут музыканты в оба
Черным пивом из вспотевших рук.

И тогда проедет безучастно,
Разопрев и празднику не рада.
Кавалерия, в мундирах красных,
Артиллерия назад с парада.

И к пыли, к одеколону, к поту,
К шуму вольтовой дуги над головой
Присоединится запах рвоты,
Фейерверка дым пороховой.

И услышит вдруг юнец надменный
С необъятным клешем на штанах
Счастья краткий выстрел, лет мгновенный,
Лета красный месяц на волнах.

Вдруг возникнет на устах тромбона
Визг шаров, крутящихся во мгле.
Дико вскрикнет черная Мадонна,
Руки разметав в смертельном сне.

И сквозь жар, ночной, священный, адный,
Сквозь лиловый дым, где пел кларнет,
Запорхает белый, беспощадный
Снег, идущий миллионы лет.

1927

Розовый час проплывал над светящим миром.
Души из рая назад возвращались в тела.
Ты отходила в твоём сверхъестественном мире.
Солнце вставало, и гасла свеча у стола.

Розовый снег опадал в высоте безмятежной.
Вдруг Ты проснулась еще раз; но Ты никого не
узнала,
Странный Твой взгляд проскользил удивленный
и нежный
И утонул в полумраке высокого зала.

А за окном, незабвенно блистая росой,
Лето цвело и сады опускались к реке.
А по дороге, на солнце блистая косою,
Смерть уходила и черт убежал налегке.

Мир незабвенно сиял, очарованный летом.
Белыми клубами в небо всходили пары.
И, поднимая античные руки, атлеты
Камень ломали и спали в объятьях жары.

Солнце сияло в бессмертном своем обаянье.
Флаги всходили, толпа начинала кричать.
Что-то ужасное пряталось в этом сиянье.
Броситься наземь хотелось, забыть, замолчать.

Восхитительный вечер был полон улыбок и звуков.
Голубая луна проплывала, высоко звуча,
В полутьме Ты ко мне протянула бессмертную руку.
Незабвенную руку, что сонно спадала с плеча.

Этот вечер был чудно тяжел и таинственно душен.
Отступая, заря оставляла огни в вышине,
И большие цветы, разлагаясь на грядках, как души.
Умирая, светились и тяжело дышали во сне.

Ты меня обвела восхитительно медленным взглядом.
И заснула, откинувшись навзничь, вернулась во сны.
Видел я, как в таинственной позе любитесь адом
Путешественник-ангел в измятом костюме весны.

И весна умерла, и луна возвратилась на солнце.
Солнце встало, и темный румянец взошел.
Над загаженным парком святое виденье пропало.
Мир воскрес и заплакал и розовым снегом отцвел.

1928

Мир был темен, холоден, прозрачен,
Исподволь давно к зиме готов.
Близок к тем, кто одинок и мрачен,
Прям, суров и пробужден от снов.

Думал он: смирайся, будь суровым,
Все несчастны, все молчат, все ждут,
Все, смеясь, работают и снова
Дремлют, книгу уронив на грудь.

Скоро будут ночи бесконечны,
Низко лапы склонятся к столу.
На крутой скамье библиотечной
Будет нищий прятаться в углу.

Станет ясно, что, шутя, скрывая,
Все ж умеем Богу боль прощать.
Жить. Молиться, двери закрывая.
В бездне книги черные читать.

На пустых бульварах, замерзая,
Говорить о правде до рассвета,
Умирать, живых благословляя,
И писать до смерти без ответа.

Ранний вечер блестит над дорогой.
Просветлело, и дождь перестал.
Еле видимый месяц двурогий
Над болотною речкою встал.

Неприветлива чаща сплошная.
Где-то стрелочник тронул свирель.
Осыпает ворона ночная
С облетающих кленов капель.

Слышен лай отдаленный собаки,
У ворот в темноте голоса.
Все потеряно где-то во мраке,
Все в овраге лишилось лица.

Ночь. Бездонная ночь над пустыней,
Исполинов сверкающих мать,
В тишине. Ты не плачешь над ними,
Не устанешь их блеску внимать.

Буду в ярком сиянии ночи
Так же холодно ярок над всем.
Если я на земле одиноче
Дальних звезд, если так же я нем,

Выпью сердцем прозрачную твердость
Обнаженных, бесстрашных равнин,
Обреченную, чистую гордость
Тех, кто в Боге остались одни.

БЕЛОЕ СИЯНИЕ

В серый день у железной дороги
Низкорослые ветви висят.
Души мертвых стоят на пороге,
Время медленно падает в сад.

Где-то слышен на низкой плотине
Шум минут, разлетевшихся в прах.
Солнце низко купается в тине,
Жизнь деревьев грустит на горах.

Осень. В белом сиянии неба
Все молчит, все устало, все ждет.
Только птица вздыхает без дела
В синих ветках с туманных высот.

Шум воды голоса заглушает,
Наклоняется берег к воде.
Замирает душа, отдыхает,
Забывает сама о себе.

Здесь привольнее думать уроду.
Здесь не видят, в мученьях, его.
Возвращается сердце в природу
И не хочет судить никого.

ГЕРАНЬ

В утреннем рождающемся блеске
Солнечная трепыхалась рань...
На кисейном фоне занавески
Расцветала алая герань.
Сердце жило, кто его осудит:
Заплатило злу и благу дань...
Сердцу мило то, чего не будет,
То, что было — русская герань.

ЛЕБЯЖЬЯ КАНАВКА

Барышня в синей шляпке,
Опять ты явилась мне!
Сколько цветов в охалке?
Сколько любви по весне?!
 Вынесло в море Невую
 Последний, сыпучий лед...
 Снова иду за тобою —
 Следом Весна идет.
Смело на сером камне
Твои каблуки стучат...
Ну, посмотри в глаза мне,
Ну, обернись назад!
 Возле Лебязьей канавки
 Глянешь со ступеней,
 Будто поправить булавки
 Синей шляпки твоей...
Холодно станет от взгляда
Твоих подведенных глаз.
Разве любви не надо?
Разве январь у нас?
 Но, неземной, богиней
 Уйдешь, насмешку тая...
 Барышня в шляпке синей
 Опять, опять не моя!

ПАРИЖ
Апашка

Два треугольника Астарты
Ее глаза,
И неверней удара в карты
Ее слеза.

Она ругается сегодня:
Поди ты прочь!
Тебя с ней познакомит сводня
Назавтра в ночь.
Она покорно бросит тело
В твою кровать,
Чтобы наутро, кончив дело,
Пораньше встать.
У ней есть друг, он бьет, однако,
Он любит — ждет.
Она затравленной собакой
К нему ползет.
Когда же друг под гильотиной
Испустит дух,
Она, ругнув его скотиной,
Полюбит двух.

ПАРОЧКА

...Сиди и смотри
На высокую стойку,
Как рыжий Анри
Наливает настойку.
Что подперла
Лицо рукою?
Глаза подвела
Зеленой тоскою?
Брось! Позабудь
Свою Кларетту!
Ты была с ней до свету! —
И со мною побудь
Чуть, чуть.
Ну! Веселье!
Выпей абсенту!
Красную ленту
Вплети понаглее!
Или ты все еще грезишь
Об ее сладком тепе?
Хватит! слезай с постели!—
А не слезешь,—
Будешь дело иметь со мною!
Сводничать мне надоело!
— Нет, уж коли задело,
Так будь же и мне женою!

В тех сугробах на гулкой окраине
Наш приземистый прятался дом.
Были накрепко лужи запаяны
Синевато-мерцающим льдом.

Грелись окна под снежною ватой,
Распухали решетки садов.
По утрам кучера бородатые
У трескучих топтались костров.

Солнце жгло, улыбалось и плавало,
Забавлялось щенком на снегу,
На карнизах вороной картавило...
Помню — улица крылья расправила
И промчалась, звеня на бегу.

* * *

Дождик осенний, поддакивай
Сердцу среди тишины:
Радости все одинаковы,
Все predetermined.

Длинные сумерки велены,
Звездные ночи ясны,
Плесенью осени зелены,
Травами весны полны.

И, как мечту ни обманывай,
Голову кружит не зря
От голубого, желанного,
От паутинного, пьяного
Воздуха октября!

* * *

Маленький город, уютный без меры,
Там ли гуляли, девицам на страх,
По вечерам господы офицеры
И юнкера в голубых кителях?

Там ли вороны садились на плетни,
Был ли тот птичий, ликующий сад,
Остров заглохший и дуб многолетний,
Стройных акаций весенний парад,

И торопливой гармошки коленца,
И на закате цветной хоровод,
Длинные, вышитые полотенца,
Дедовский, тяжкий, дубовый комод. —

Все, что для взора усталого ново
В радостной, русской своей простоте:
Клей на коре золотисто-вишневый,
Божья коровка на смуглом листе.

Крыши пологие, сонные ставни,
Старая бочка с водой дождевой,
В зарослях буйных днепровские плавни,
Небо, гудящее над головой,

Солнечный серп на туманном востоке,
Полосы вздыбленной, древней земли?..
Видишь, подсолнух уснул на припеке!
Слышишь, колодцев поют журавли!

ВЕСНА В ЕВРОПЕ

Ты пустым рукавом вечера туши,
Мокрый пепел сдувай со стены,
Над косматыми крышами ратуши
Две кровавые светят луны.

Чья могила снарядами вырыта?
Чья деревня врагом сожжена?
Слышишь, ветки стучатся, как сироты,
В одичалую темень окна.

Годы вечностью ржавой украдены,
Задержало мгновенье полет,
Ворон сгорбленный на перекладине
Над повешенным песню поет.

Над чужими сухими равнинами,
Там, где неба сгорают края,
Над мостов перебитыми спинами,
Над твоими полями минными
Осыпается звезд чешуя.

Улицы праздной пенное мыло
И дождевая в лужах вода, —
Этого не было, это забыла.
Не повторится здесь никогда —

В полдень на Невском жаркое лето,
Желтых небес тяжелая ткань,
Тени домов и дома-скелеты
И доцветающая герань.

Как приказать, чтоб не стало разлуки,
Чем я сейчас тебя помяну,
Город видений и царственной скуки!..

Тянутся, тянутся слабые руки
К воображаемому окну.

На заре мне больше не снится,
Что вокруг лесов благодать,
Что летит зеленая птица
На неубранную кровать.

Что она уже прилетала,
Не одна ль из шумных подруг,
По пути приняв одеяло
За альпийский скошенный луг.

Что туман над тихими кленами,
Что лучей колосья в окне,
Что с судьбою наедине
Только я и птица зеленая,
Мной обманутая вдвойне!

Все те ж остались в разлуке,
Чей узел не развязать,
Нетерпеливые руки,
Буравящие глаза.

Но взглядам я не отвечу,
Не задержусь ни на миг:
Опять отменяет встречу
Беззвучным ставший язык.

И в бездну катятся годы,
И порастают травой...
В докучную непогоду,
Как пуля, свистит свобода
Над стынувшей головой!

* * *

Фонари исчезли во мгле,
Их редееет легкая нить —
Больше некого на земле
Беспокойным счастьем дарить.

Опровергнуты все чудеса,
И раскрыт высокий обман,
Я вычеркиваю адреса
Уходящих в поздний туман.

И плывут по звездным следам
Тех годов слепые шары...
Шар о шар — стучатся года.
Мир о мир — стучатся миры.

Жаждет влаги обугленный бор.
Изогнулись дерев поясицы.
Гробовой беспросветный укор
в кругляках остывающей птицы.

О, в жаровне над жаром оса!
Столкновенье зари с палачами!
Сиротинушка, чьи волоса
только солнце ласкает лучами.

Белый воздух, который висит
поутру над сырым листопадом.
Белый лекарь, который косит,
чтоб с предсмертным не встретиться взглядом...

Что дороже нам: розы иль рожь?
Днем — глаза мы за пазуху прячем.
(Теснота. Слепление. Ложь.)
Ночь. И что ж? Мы от зрячести плачем.

1935

Владиславу Ходасевичу

Разве помнит садовник, откинувший стекла к весне,
как всю зиму блистали в них белые стебли мороза?
Разве видит слепой от рожденья, хотя бы во сне,
как, пылая над стеблем, весною красуется роза?

Проза в полночь стиху полагает низжайший поклон.
Слезы служат ему, как сапожнику в деле коподка.
На такой высоте замерзает воздушный баллон,
на такой глубине умирает подводная лодка.

Нас сквозь толщу воды не услышат: кричи — не кричи.
Не для зверя рожок, что трубит на осенней ловитве.
Ведь и храм не услышит, как падает тело свечи,
отдававшей по капле себя на съеденье молитве.

1936

СИЯНИЕ

Памяти Раисы Блох

Кто просит нас вникать в глаза слепых,
кто носит нас вокруг глухого слуха?
То — сердце, натываясь на столпы,
летает вокруг сияния, как муха.

Сияют лампы письменных столов
(так нам струя сияла бы в пустыне).
Как мало стало путеводных слов,
как мало звездочетов стало ныне!

Быть может, есть в исканьи недочет,
быть может, есть в сиянии затмение,
и в нас, быть может, слился звездочет
с купцом, считающим свои камни.

Но след сияния живуч всегда
(лучи луны сияют и над моргом),
и в нас блестит, как некая руда,
соединенье жалости с восторгом.

ЯД

Георгию Иванову

Всю суть души мы отдали для пенья.
Для головы похерил тело Кант.
Художник под конец лишился зренья,
и слуха — совершенный музыкант.

К потере сердца — пусть хотя бы части
(но самой, по несчастью, большой),
пришла и я, у слов своих во власти,
без устали работая душой.

Слова мои ко мне приходят сами,
во сне, когда совсем их не зову.
И я с рассыпанными волосами,
Офелией, большие розы рву.

И так живу я, от роду имея
неизмеримо много сотен лет:
мой яд еще у райского был змея,
и у Орфея — узкий мой скелет.

Не к раю приближаюсь я, а к краю
мне данной жизни, плача и звеня...
От музыки, друзья, я умираю:
вся сердцевина рвется из меня.

1938

ПРОСТИ

Когда надумает расстаться
мое дыхание со мной,
я не смогу уже остаться
на затверделости земной.
Когда в лампаде мало масла,
когда у свечки сала нет...
Но прежде чем она погасла,
она дает высокий свет.

Прости меня, что не блистала
я в полдень полной красотой,
зато полночью листала
я листья книги золотой,
той самой, что рассталась с глиной,
и всю меня несет туда,
откуда кажутся равниной
ущелия и города.

Зеленая волна, зеленая трава,
И волосы твои оттенка изумруда,
И льющихся небес густая синева, —
Какое празднество для глаз, какое чудо!

Свалившейся травой мелькнет ли жизнь моя,
Волна ль ее умчит в стремительном теченьи, —
Что, милая, мне в том? — Сегодня видел я
Природу и тебя в таинственном смешеньи.

* * *

Медлительным посохом мерно звеня,
Проходит один по дороге.
Другой погоняет и хлещет коня
И скачет в смертельной тревоге.

Догнал, поравнялся — и вот уже нет:
Лишь пыль завилась золотая.
И путник дивится и долго вослед
Глядит, головою качая.

* * *

Сгорбились прямые плечи,
Снегом тронуло виски,
Шумные когда-то речи
И слова не так легки.

Но зато полнее цену
Этой жизни знаем мы,
Глубже всматриваясь в смену
Света, сумерек и тьмы,

Слушая земные звуки,
Шум знакомый и простой,
Ласковой сжимая руки
Тем, кто послан нам судьбой.

Да, друзья, какой дорогой
Ни пойдешь — когда-нибудь
Все приводят понемногу
На прямой вечерний путь.

И проходишь, золотое
Позднее сиянье дня
Благодарною душою
Осторожнее храня.

Не говори, что в пыль и прах и дым
Все превратятся образы земные...
Так хорошо глядеть в глаза живым
И радоваться, что они живые.

Протянутая встречная рука —
Простейшее свидетельство о чуде,
И бьющаяся жилка у виска,
И прядь седая... И не только люди.

Взгляни кругом: вот след от колеса
На гравии, вот потемневший камень:
Вот лужица воды, — но небеса
В ней синие со всеми облаками.

Я тоже знаю, знаю, как и ты,
Что все пройдет, что здесь ничто не вечно...
Но вот, кружась, спокойно с высоты
Слетает клена лист пятиконечный, —

И так он в длинных солнечных лучах
Прозрачно и прохладно золотится,
Что кажется: один беззвучный взмах —
И время остановится, как птица.

На миг один... Но вся душа твоя
Затрепетав, замрет в сиянье этом,
Вот в этой милой точке бытия,
Наполненной молчанием и светом.

СОСНА

Научи меня слушать часами,
Так же просто и тихо, как ты,
Как поет тишина голосами
И земли, и травы, и звезды.
Лишь порою большими ветвями
Им в ответ ты едва прошумишь.
Научи меня слушать часами,
Как ты молишься, как ты молчишь.

Ты с плачемходишь в мир, дитя.
Его встречаешь ты со стоном...
Резвясь, играя и шутя,
В счастливом детстве полусонном.

Ты позабудешь этот крик,
Ты эти слезы позабудешь,
Рождения высокий миг
Ты вспоминать уже не будешь.

А после — жизни грубый шум,
Ее поспешное волненье
И сердце, и смущенный ум
Отравят горечью сомненья.

Лишь через много, много лет,
Земные исхोдив дороги,
Увидишь ты простой ответ
На всю тоску, на все тревоги.

И из последних слабых сил
Со вздохом руки ты протянешь:
Как, неужели?.. Где ж я был?..
— И замолчишь, и тихим станешь.

Прав анархист. В кармане кулаки
Сжимаются в неистребимом гнев:
Какого взрыва стоит этот мир,
Летающий к смерти, как карета Плева.

И Гёте прав: как буйный ледоход
Пройдет мятеж — тем лучше, чем скорее;
Трактир отцовский Герман переймет,
Не оскудеет чрево Доротеи.

Отшельник прав: лишь плоть преодолев,
Ты высшего достигнешь совершенства;
Прав Дон Жуан, который стольких дев
Освободил от тягостного девства.

Любовь и злость — одна другой равна;
Закон и месть — одна обоим мера;
Как в физике частица и волна,
Так правы и безверие и вера.

Так много правд столпилось на земле,
Что ни одна из них уже не мучит,
Бессонница белесая во мгле
Бесстрастию и равнодушьем учит.

За истиной, неведомой другим,
Одни глупцы гоняются упрямо;
Все истины по стенам городским
Расклеены веселою рекламой.

Но помолчи, и вслушайся, и что ж!
В разноголосице враждующих наречий
Ты музыку услышишь и поймешь,
Что в этом мире нет противоречий.

...

Последний снег, чернея, тает
На тротуаре, словно встарь;
Весну сегодня обещает
Неугомонный календарь.

Иду один в истоме сладкой,
Меся ногами грязный снег,
На людной площади украдкой
Целую тонкий, липкий, гладкий,
Чуть распутившийся побег.

Не счесть обид и унижений,
Разуверений и утрат,
Чему же ты, глупец весенний,
Сегодня неразумно рад?

Но легкомыслие поэта,
Смеясь над мудростью сухой,
Унылой памяти заметы
Стирает легкою рукой.

Так ткань на солнце выгорает,
Так известь белил полотно,
Так тонкий дым от трубки тает,
Струясь в открытое окно.

Бессмысленной и звонкой песни
Как в это утро не запеть?
Кто ты, что приказал "воскресни!"
Душе, уже готовой тлеть?

В.

Да будешь ты навек благословенна!
Ведь встреча каждая как светлый праздник нам.
Молись со мной, послушно и смиренно,
Земной любви лукавым божествам;

Но не о том, чтоб повторились снова
Неповторимые минуты и часы:
Садилось солнце в облаке багровом
Над озером, у ледяной косы;

Нависло в воздухе молчанье голубое,
И тень легла на низком берегу...
Нет, этот час нездешнего покоя
Я даже вспомнить громко не могу.

Чтобы на путь сомненья и тревоги
Нас злые мысли не могли увлечь,
Молись о том, чтобы простили боги
Нам радость первых беззаботных встреч.

С. Ю. Прөгель

Я помню пышные чертоги,
Туман полуночных морей,
В столице гнева и тревоги
Дворцы развенчанных царей;

Но петербургские туманы,
Как мокрый плащ стряхнувши с плеч,
Я слышал солнечной Тосканы,
Как пенье, сладостную речь;

Всходил на снеговые горы,
И между яблонных садов
Я видел башни и соборы
Немецких вольных городов;

Антверпен с гаванью веселой,
С широкой пристанью, куда
Приходят поступью тяжелой
Заокеанские суда;

В садах застывшего Версаля
Я помню полумрак аллей,
И зеркала, что отражали
Бунтовщиков и королей.

Где родина моя? На свете
Лишь к переменам я привык,
И Данте, Пушкин или Гёте
Равно приходят на язык.

И я умру, не понимая,
Богаче я или бедней
Того, кто жил, не покидая
Убогой улицы своей.

В СВЕТЛОЕ МГНОВЕНЬЕ

Перестань тосковать, погляди — над тобой
Так широк, так глубок свод небес голубой,
В мире есть красота, и любовь, и цветы, —
Отойди же на миг от пустой суеты,
От слепцов, потонувших в болоте земном
И не видящих свет в ослепленьи своем.
Эта жизнь для того тебе Богом дана,
Чтоб ты видел и понял, что вечна она,
Чтобы яркого солнца ликующий свет
Посылал в твое сердце свой жгучий привет,
Чтоб ты видел зарю, чтобы день полюбил
И о том, что умрешь, навсегда позабыл,
Чтоб во всем ты слышал мощный голос Творца:
"Нет начала тебе и не будет конца!.."

* * *

Не потому ль так жизнь темна,
Что в нашей жизни мы незрячи,
Что задает нам всем она
Неразрешимые задачи?

Быть может, то, что нам нельзя
Понять и в год, и в два, и в сто,
В разгадке тайны бытия
Так гармонично и так просто.

* * *

Это не песни, а мысли туманные,
Гаснущий в мгле огонек.
Это какие-то отзвуки странные
Сердце сжигавших тревог.

Все так темно в эти ночи глубокие,
Ясно одно — умереть!..
Песен, что пел я в те годы далекие,
Мне уже больше не петь.

1926 г. Сентябрь
г. Прага

ВЕСЕННЕЕ

По размытым дождями неделям,
Через свежесть туманную вброд
Завершается новым апрелем
Тяжелеющий солнцеворот.
Даже ты, утомленный от стужи,
В городском задыхаясь плену,
В голубой распластавшейся луже
Удивленно заметил весну.
И опять велика и бессонна
Исступленная гулкость ночей,
От больного трамвайного звона,
От мятущейся грусти твоей.
И опять задрожит у запястья
Кровь живым воскрешенным крылом,
Чтоб к почти небывалому счастью
Через сон полететь напролом.
Но так мало от счастья осталось
В зацветающем шуме, и вот:
Поцелуй и большая усталость
У распахнутых белых ворот.

От нежности тяжелой не уснуть
Всю ночь. Не думать и не ждать рассвета.
Пусть молодость еще одну весну
Встречает звонким исступленным цветом.
Мы не услышим. Мы еще пьяны
Разлуки изнуряющим дурманом,
И голос искупающей весны
Взывает поздно или слишком рано.
Спокоен сон не полюбивших нас.
Мы промолчим, не назовем их даже.
Мы скроем пустоту бесслезных глаз
И душ самодовлеющую тяжесть.
И будет ночь пустынна, как всегда,
На сквозняке больших бессонных комнат,
Когда любовь нахлынет, как вода,
И нас утопит в нежности огромной.

Я — случайная гостя в веселой студеной стране,
Осыпаются ровные дни голубым снегопадом.
Рассыпается ночь в переливчивом звоне саней.
Поцелуй на морозе, и сторожа крик за оградой.
Цепенеют и кружатся мысли в веселом снегу.
Это было когда-то. И так же белеют равнины.
Церкви купол из ваты, и дрожь застывающих губ.
Мягкий скрип половиц, и трескучая печка в гостинной.
Это — то же, что детские звонкие сны до утра,
Окон белый узор. Перекличка пронзительных галок.
Если это и сон, — все равно; это было вчера.
Счастье, здравствуй! — Я здесь, и тебя я узнала.

Кругом поля и роща за рекою,
На много верст другого нет жилья,
Над крышей только небо голубое,
А под ногами мягкая земля.

Пред домом дуб, старей и выше дома;
Три комнаты под низким чердаком;
Такая тишина, что с дальнего паром
Мне каждый окрик слышен и знаком.

Проходят дни чередой однообразной
Без торопливой, хмурой суеты,
И все мои заботы и соблазны
В саду, где птицы, фрукты и цветы.

А в непогоду, если ломит кости,
По вечерам и в тихий час ночной
Из шкапа книжного выходят гости
И о своем беседуют со мной.

Милы мне сказки о любви и славе,
Но сказки не нарушат мой покой.
Так счастлив я, что не могу представить
Иную жизнь, счастливее такой.

Но если б явью стали эти бредни,
Как скоро наступил бы — знаю я —
Тот день, когда б я жаждал, чтоб последним
Он был из дней такого жития.

Париж
1923

Я устал — слова сказались сами,
Это страшно, внять еще страшней.
Но гудит земными голосами
Дальний хор моих забвенных дней.

Так привычны стали мне поминки,
Точно мертвых больше, чем живых;
Замечаю тонкие былинки,
А дубов не вижу вековых.

И на что мне пышность долголеть,
Медный звон во все колокола,
Если вечность — луч, пронзивший сети,
Или быстрый зов из-за угла?

И не только ни жене, ни брату
Не понять, но сам не разберу,
За какую призрачную плату
Я служу нездешнему добру.

Париж
1924

* * *

Люблю уют жилых покоев,
Ковер шершавый на полу,
Узоры выцветших обоев
И кресло низкое в углу;

На тахте мягкие подушки,
На полках книги; по столам
Разбросанные безделушки, —
Весь этот скарб и этот хлам.

От жизни долгой и упорной,
От чинных радостей и бед,
Как некий лик нерукотворный,
Остался всюду блеклый след.

Но знаю я часы иные,
Когда под небом голубым,
Неотвратимые, немые,
Предметы тают, словно дым:

Клубятся каменные стены,
Струится под ногами пол,
И стол, такой обыкновенный,
Уже совсем не прежний стол;

И сразу все, что было мило,
Ненужным станет и чужим:
Протяжный зов автомобиля
И гул над городом большим;

В толпе лицо на миг родное,
Любовь сулящий трепет век,
И ласковый уют покоев,
Где жил и умер человек.

Всему, что есть, я знаю цену.
Но эту дикую игру
Люблю как светлую измену
Земному, темному добру.

Париж
1925

...

Не верь свидетельствам простым
Ни рук твоих, ни глаз, ни слуха...
Над крышей вьется легкий дым,
Жужжит за плотным ставнем муха;

Потертый кожаный диван
Просторней и свежей постели,
И пыльный томик — Мопассан —
Лежит нетронут две недели;

Усадьба спит полденным сном,
И лишь порой, неугомонный,
Мальчишка тонким голоском
С реки пронзает воздух сонный.

Все это было много раз
И так привычно, так знакомо;
Но стали сказкою для нас
Заглохший сад со старым домом.

Не верь ни слуху, ни глазам:
Улики нет былому мигу;
Мы жизнь читаем по складам,
Как дети маленькие книгу;

И лишь иным бывает знак
И явен темный лик мгновений,
Как обнажают наш костяк
Лучи высоких напряжений.

Париж
1925

ВЕРСАЛЬ

Над Версалем зеленеет небо —
осень...

Как всегда —

я здесь прошедшим пьян...

Как всегда —

скучая на откосе,
мраморная Геба

свой фиал с амброзией подносит
жвачным толпам праздничных мещан.
О, Европа!

Нежная царица,
что ломала бровки мукой гневной,
покоряясь дерзкому Быку,
а потом божественным наследьем —
в пляске муз и в боевой крови —
показала всем земным соседям,
что достойна Зевсовой любви...
А теперь

— дебелотелая,

сытая, умелая

(и всегда с клиентом начеку),

седину замазав рыжим цветом,

в лаковых копытцах ковыляя,

в парке предков празднично гуляешь,

соблазняешь перецвелым бабьим летом

и трещишь сорокой на суку...

И на фоне садов раззолоченных

среди единственных, как Джиоконда, куртин —
оскорбительнее пощечины

господин,

манекен с несложным механизмом,

с бутербродным радикал-социализмом

твой супруг —

свободный гражданин!

Для него ль в тысячелетях жили

гордые, как из огня литые, —

возводили на зеленом Ниле

царские громады пирамид,

уносили чуда золотые

из закланной рожи Гесперид,

тесным строем в мире шли герои,

Одиссей, отплыв от пепла Трои,

всех морей глухую мерил синь,

пел Гомер, рассказывал Вергилий,

Фидий в мрамор обращал богинь,
сказочно мерещилась Эллада
снам гиперборейского номада,
и щитом спартанским Фермопилы
пред Царя Царей несметной силой
запирал бесстрашный Леонид.
Цезарь ждал зарю кровавых Ид,
и в снегу, медвежьей силе рад,
бородатый скиф сажал на вилы
славой избалованных солдат?..

...Над Версалем вечереет —
осень...

В аллеях —

листья шуршат, как ушедших шаги...

И кажется, что на откосе

вверхом веет...

Не украшай бытия и не лги!

Это ветер вздымает и носит

бумагу от бутербродов —

мирное знамя свободных народов...

И трудно поверить, что есть еще в мире герои,

ныряющие в косматое море, чтоб помочь

потерпевшим крушение,

что летчики задевают горы и разбивают

аппараты на глетчерах,

чтоб спасти альпиниста без сил,

и что даже в сиянии этого вечера

где-то уже прозябают, как зерна

в подземном покое,

участники небывалого приключения

на планетах, которых еще телескоп не открыл...

Трудно поверить!

Что дым в бесконечность,

вечер осенний уходит прочь...

И вот уже падает ночь

пустая, как вечность,

где ни в одном окне свет не горит,

в паркете квадрат ни один не скрипит,

даже не бродит бесплотный дух,

не шебаршит и голодная мышь —

мир нем —

мир глух —

мертвая тишь.

Вечная память всем!..

...Но, как жестокое, кровью налитое око,

смотрит с Востока

Звезда Рока...

Лампадка теплится пред древнею иконой,
И теплый свет ее по горнице разлит,
Июльский вечер с сердцем говорит,
И монастырские плывут и тают звоны.

Кругом покой, и я совсем одна,
И тишина в мою нисходит душу.
Ее ни пением, ни словом не нарушу,
Вечерним светом радостно полна.

* * *

Все та же аллея, и тот же на ней
Переплет знакомых теней,
И тот же высокий, темный забор
Скрывает от глаз простор.
И так же стоят и покорно горят
Фонари невеселые в ряд,
И снова безлунная тянется ночь,
И никто не может помочь.

ВЕЧЕР

Лиловый залив и закат багряно-лиловый.
Все движения туч повторяет мерцание вод.
И, быть может, близость любви
предчувствуя новой,
В белой лодке задумчиво девушка песню поет.

Гаснут краски на небе, и воды тихо тускнеют.
Закатилось усталое солнце за дальний лес.
Возвращается к берегу лодка, и следом
за нею
Лентой розовой тянется волн вечерних разрез.

В ПОЕЗДЕ

Мяч взлетает в руках Навзикаи.

Ю. Терапиано

Струны телефонных проводов
Тянутся, плывут, текут навстречу.
Плавной убаюкивает речью
Стук колес, как ряд знакомых строф.

Клонится устало голова.
Ветер нежно волосы ласкает...
В памяти всплывает: Навзикая,
Мячик и зеленая трава.

Вижу в полусказочной стране
Солнцем озаренную поляну.
Эта строчка из Терапиано
Позабывший мир открыла мне.

Вспоминаю: да, давным-давно
Это было. Смутно вспоминаю.
Я ловила мячик Навзикаи...
Может быть, она и я одно...

Миги — белые птицы
В опрокинутом небе-чаше...
Радость так редко снится!
Разве надо стыдиться,
Что светятся души наши?
— Радость простится.
Но одно без названья — забыть
То, чем так больно, так надо жить —
Белую церковь, нескошенный луг,
Хмурые лица и песни неконченной звук,
Пыль по дороге, березы сухие,
Косоглазые, вросшие хаты —
Все, что звалось когда-то
— Россия.

Упорный сон все чаще снится,
Взметая душу резче слов —
Летят испуганные птицы
От искр взмаяченных костров,
И бесконечны вереницы,
И бесконечен стынет зов...
Я не видал упорней снов —
Страшнее могут ли присниться? —
Ведь это мы летим, как птицы,
От искр взмаяченных костров.

Значит, не все распято? —
Сегодня чужая Москва
Почтит Твою память свято.
И Твои прозвучат слова.

Значит, что-то осталось
Меж ними и нами здесь —
И мы твердим сквозь усталость
Твою извечную весть.

Лишь на миг меж ними и нами
Ты возникнешь, как белый флаг,
И вздохнем одними словами
Я и мой непростимый враг.

А назавтра все то же, то же —
Не забыть... не простить... О, нет! —
И опять на рычанье похожи
Вскрики немых газет.

Ты пройдешь. Не с нами, не с ними.
Взметнется седая бровь.
Сохранили великое имя,
Потеряли простую любовь.

. . .

В моей шарманке скрипучей
Есть один напев неизменный,
Сердце способный замучить —
О весне, как радость, нетленной.
И вижу слепыми глазами
В тоске и в темном бессилье,
Что у всех за кривыми плечами
Расцветают белые крылья.

. . .

За пределом небесной черты
По лужайкам ходят святые,
Голубеют восторгом цветы,
Как глаза влюбленных впервые.
Под кустами у райских дорог
Херувимы прозрачно дремлют —
Отчего ты не видишь, Бог,
Как Твою распинают землю?

. . .

Встретились, как обычно,
У пестрой, рекламной тумбы,
Резали глаз непривычно
Осенние смятые клумбы.

Ветер у перекрестка
Разметал листки и плакаты.
Я чувствовал больно и жестко
Невозвратимость утраты.

Звон церкви, густой и тяжелый,
Запутался в редкой листве.
Ты сказала: — Точно в Москве,
Когда звонят у Николы.

Мы с тобою все те же...
Только взоры осенней,
Только встречи все реже,
Меньше в речи движений.

Ветром листья сбивало,
Тени тучи сгустили.
Ты с улыбкой сказала:
— Мы когда-то любили.

Где-то поезд аукал,
Рельсы чуть напевали.
Дятел в дерево стучал
Да цикады трещали.

Что же, жизни уступим,
Ведь конец неизбежен —
Мы с тобою все те же —
Только больше не любим.

Быть может, в Конго — или в Аргентине
В чужой толпе услышу тихий смех
И сразу вспомню: этот вечер синий,
Твое лицо — и снег, и снег, и снег!

Быть может, в Чили — или в Парагвае,
Или в родном, единственном краю
Любимый голос спросит: "Не узнали?"
И я отвечу: "Нет, не узнаю".

Но все-таки — где б ни было на свете,
Но этого — среди всего о всех —
Я не забуду: наших улиц ветер,
Твое лицо — и снег, и снег, и снег!

* * *

...И почтальон забыл дорогу к дому,
Но письма получаешь от друзей.
О том, что жить, конечно, тяжелей,
И что один, конечно, враг другому.

Но есть письмо, которого не ждешь.
Так — есть слова, но их никто не слышит.
Так письма — есть. Их только не напишут.
И счастье — есть. Но только — не найдешь.

* * *

Горит румяным яблоком заря,
В осеннем небе гаснет понемногу.
Скользит вдоль окон, в вечер октября
От фонарей зеленая дорога.

Как много значат вспышки на пути
Огня в окне. В глазах. Хотя бы в мыслях.
Как было б трудно без тепла пройти
Сквозь холод жизни, разума и чисел!

Горят огни в раздвинутых путях.
Как боль горит и жжет под левой грудью!
И я боюсь канунов декабря,
И холода, который еще будет.

* * *

Одиночество, это: мысли,
Произносимые вслух.
Скользкий снег или листья,
Касающиеся, как друг.

Умиротворенность раздумий
И даже счастья кусочек:
Одинокий человек — умный,
Знает — и ничего не хочет.

* * *

Упасть и не подняться. Не могу
Идти я больше. Господи, помилуй!
Я думала, что память сберегу,
А я и память вынести не в силах.

Запуталась. Разбилась. Не дано
Ни жить самой, ни жизни дать другому.
Какою бы дорогой все равно
Мне не идти — я не дойду до дому.

На всех путях поставлены кресты.
На всех крестах прибито слово "милый"
Гвоздями в сердце. Господи, хоть Ты,
Хоть не меня, кого-нибудь помилуй!

* * *

Могла бы рассказывать много
О том, как зеленый мир
Учил меня верить в Бога,
И жить, и любить учил.

Яснее всех философий,
Прекрасней, быть может, любви,
Моя синеокая осень,
Лесные молитвы твои!

Но тем, кто на камне вырос,
Цветы — это лишний хлам.
Те петь не пойдут на клирос
В самый весенний храм.

А те, кому радуга в небе —
Самый крепчайший мост,
Кто знает не цену о хлебе,
А поле в цветах, где он рос, —

Те знают, кто создал листья,
И как в тишине трава
Иначе вырастает в мысли,
И им не нужны слова.

Помните? Хаты да пашни.
Луг, да цветы, да река.
В небе, как белые башни,
Долго стоят облака.
Утро. Пушистое сено
Медом полно. У воды
Мельница кашляет пеной,
Пылью жемчужной руды.

Помните? Вынырнул вечер,
Неповторимый такой.
Птиц многошумное вече,
Споря, ушло на покой.
Тени ползут, как улитки,
В старом саду. В темноте
Липы шуршат. У калитки
Странник поет о Христе.

Помните? Ночью колеса
Ласково как-то бегут.
Месяц прищурился косо
На полувывсохший пруд.
Мышь пролетела ночная.
Выплыл из темени мост,
С неба посыпалась стая
Кем-то встревоженных звезд...

1924

НА САЙМЕ

Чего здесь больше, капель или игл?
Озерных брызг или сосновых хлопьев?
Столетний бор, как stomachовый бриг,
Вонзился в небо тысячами копьев.

Сбегают тени стрелчатой грядой
На кудри волн по каменистым склонам,
А лунный шар над розовой водой
Приколот одуванчиком зеленым.

Прозрачно дно. Озерные поля
Расшиты желтыми шелками лилий.
Глухой рыбак мурлычет у руля
Про девушку, которую убили.

В ночную воду весла уронив,
Дремлю я, сердце уронив в былое.
Плывет, весь в черном бархате, залив
И, все в огнях, кольцо береговое.

Проснулся ветер, вынырнул из трав,
Над стаей туч взмахнул крылом незримым...
И лунный одуванчик, задрожав,
Рассыпался зеленоватым дымом.

1925

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

И. Бунину

По дюнам бродит день сутулый,
Ныряя в золото песка.
Едва шуршат морские гулы,
Едва звенит Сестра-река.

Граница. И чем ближе к устью,
К береговому янтарю,
Тем с большей нежностью и грустью
России "здравствуй" говорю.

Там за рекой, все те же дюны,
Такой же бор к волнам сбежал,
Всё те же древние Перуны
Выходят, мнится, из-за скал.

Но жизнь иная в травах бьется,
И тишина еще слышней,
И на кронштадтский купол льется
Огромный дождь иных лучей.

Черкнув крылом по глади водной,
В Россию чайка уплыла —
И я крещу рукой безродной
Пропавший след ее крыла.

1925

ЦВЕТOK ВАН-ХАО

Из китайской философии

Дивный цветок есть в роскошных долинах Китая,
Юный и нежный, чудесный дар светлого рая.
Благоухая тончайшим святым ароматом,
Радует глаз он своей неземной красотой.

Люди цветок тот чудесный называли "Ван-Хао"...
Радуйся, смертный, на чудо земное любуйся,
Воздух, цветком опьяненный, восторженной
грудью вдыхая!
Радуйся, смертный!.. На быстрых фантазии крыльях

В светлую высь далеко улетаешь ты в грезах
прекрасных,
В волнах эфира качаясь, баюкаясь музыкой неба.
Смертный!.. Но только коснись дерзновенной рукою,
Только сломи стебель нежный бутона Ван-Хао, —
Диво чудесней увидишь ты, ужасом вдруг
пораженный:
Жизни и сил, красоты неземной, счастья светлого
полный,
Сладость дающий, таящий могучие чары,
Вмиг умирает цветок... Лепестки, загибаясь, сереют...

Молодость, прелесть, волшебные силы и чары, —
Все покидает Ван-Хао... И вот, он уже бездыханный
Серый бесцветный комок, смерти и тления символ...
"Страсти подобны Ван-Хао" — так некогда молвил
Конфуций,

Древний китайский мудрец, седовласый почтенный
философ.
Страсти красивы, пьянящие сладостью мига;
Страсти могучи, манящие взор истомленный;
Непоборимы — в своей чудодейственной власти.
Но безобразны, бесцветны, мертвы и сухи
Кажутся вдруг они нам, лишь блаженством
их сладким упьешься...
Будто с небесных высот вновь слетишь
в царство зла и порока.
Да, наши страсти земные подобны расцветам Ван-Хао!

ОДИНОЧЕСТВО

Я влюбился в одиночество,
В волю вольную мою.
Я иду, — куда мне хочется,
Что мне хочется — пою.

Всюду — в городе, в пустыне ли,
Я — свободный человек.
Даже годы не накинули
На глаза суровость век.

Полюбил я грусть туманную,
Не отдам за миллион.
В высь, лучами осиянную,
Взор мой вечно устремлен.

Я живу в несуществующей
Ярко-сказочной стране,
Где летает мой ликующий
Дух на розовом коне.

И таю мечту заветную,
Что скопляются в тиши
Драгоценности несметные
В звучной пропасти души,

Что недаром в мгле безрадостной
Я пройду свой долгий путь,
Что своею песней благодной
Помогу кому-нибудь.

НЕ УСТЫДИСЬ...

Не устыдись, склонив свои колени,
Благодарить в восторге небеса,
Что зришь еще один расцвет сирени
И слышишь птиц весенних голоса.

Земля цветет, вчера еще нагая,
Цветет душа, ее цветам внимля.
Нисходит в сердце радость всеблагая.
Ценней бессмертья — смертная земля!

Один лишь раз живя на этом свете
И ощущая землю только раз,
Забудь о судьбах будущих столетий:
Вся жизнь твоя — в лучах раскрытых глаз!

1926

НА МОНАСТЫРСКОМ ЗАКАТЕ

Если закат в позолоте,
Душно в святом терему.
Где умерщвление для плоти
В плоти своей же возьму?

Дух воскреляю свой в небо...
Слабые тщетны мольбы:
Все, кто вкусили от хлеба,
Плоти навеки рабы.

Эти цветы, эти птицы,
Запахи, неба кайма,
Что теплотой золотится,
Попросту сводят с ума...

Мы и в трудах своих праздны, —
Смилуйся и пожалей!
Сам ты рассыпал соблазны
В дивной природе своей...

Где ж умерщвление для плоти
В духе несильном найду?
Если закат в позолоте —
Невыносимо в саду...

1927

ВСЕ ОНИ ГОВОРЯТ ОБ ОДНОМ

С. В. Рахманинову

Соловьи монастырского сада,
Как и все на земле соловьи,
Говорят, что одна есть отрада
И что эта отрада — в любви...

И цветы монастырского луга
С лаской, свойственной только цветам,
Говорят, что одна есть заслуга:
Прикоснуться к любимым устам...

Монастырского леса озера,
Переполненные голубым,
Говорят: нет лазурнее взора,
Как у тех, кто влюблен и любим...

1927

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Десять лет — грустных лет! — как заброшен в
приморскую глушь я.
Труп за трупом духовно родных. Да и сам полутруп.
Десять лет — страшных лет! — удушающего
равнодушья
Белой, красной — и розовой! — русских
общественных групп.

Десять лет! — тяжких лет! — обескряливающих
лишений,
Унижений щемящей и мозг шеломящей нужды.
Десять лет — грозных лет! — сатирических строф
по мишени
Человеческой бесчеловечной и вечной вражды.

Десять лет — странных лет! — отречения от многих
привычек,
На теперешний взгляд — мудро-трезвый —
ненужно-дурных...
Но зато столько ж лет рыб, озер, перелесков, и птичек.
И встречанья у моря ни с чем не сравнимой весны!

Но зато столько ж лет, лет невинных, как яблоней
белых
Неземные цветы, вырастающие на земле,
И стихов из души, как природа, свободных и смелых,
И прощенья в глазах, что в слезах, и — любви на челе!

1927

В ДЕРЕВУШКЕ У МОРЯ

В деревушке у моря, где фокстрота не танцуют,
Где политику гонят из домов своих метлой,
Где целуют не часто, но зато, когда целуют,
В поцепуях бывают всей нетронутой душой;

В деревушке у моря, где избушка небольшая
Столько чувства вмещает, где — прекрасному
сродни —

В город с тайной опаской и презреньем наезжая
По делам неотложным, проклинаешь эти дни;

В деревушке у моря, где на выписку журнала
Отдают сбереженья грамотные рыбаки
И которая гневно кабаки свои изгнала,
Потому что с природой не соседят кабаки;

В деревушке у моря, утопающей весною
В незабвенной сирени, аромат чей несравним, —
Вот в такой деревушке, над отвесной крутизною,
Я живу, радый морю, гордый выбором своим!

1927

ОТРАДА ПРИМОРЬЯ...

Изумительное у меня настроенье:
Шелестящая чувствуется чешуя...
И слепит петухов золотых оперенье...
Неначертанных звуков вокруг воспаренье...
Ненаписываемые стихотворенья...
— Точно Римского-Корсакова слышу я.

Это свойственно, может быть, только приморью,
Это свойственно только живущим в лесу,
Где оплеснуто сердце живящей лазорью,
Где свежаще волна набегает к подгорью,
Где наш город сплошною мне кажется хворью,
И возврата в него — я не перенесу!..

1927, март

В ГИЧКЕ

Речка, от ветра рябая,
Качкою гичке грозит.
Гичка моя голубая
Быстро по речке скользит.

Вдоль уводящих извилин
Встал увлекающий лес.
Весело, как в водевиле,
Плыть по воде на Земле.

В озеро к ночи въезжая —
В глаз голубой Божества, —
Шепчешь: Земля — не чужая:
Здесь я и раньше бывал...

Все мне знакомо земное
В дымке особой земной:
Озеро ли голубое,
Взгляд ли очей голубой,

Лодочка ли голубая,
Голубь ли в голубизне
Неба, где грусть колебала
Душу и мертвый грустнел...

ПЛАЧ ПО ЗВЕРЮ

Ночь наступает рано.
Но может быть еще быть
запахам дня...
Где-то несется ветер
и лай по травам,
юный ветер и лай
по весенним травам,
не защищающим жизнь.

Ты уходишь туда,
где воздух непонятного
звука и запаха, —
будто спрятанный день.
Ты уходишь к другому огню —
туда, где нет моего голоса,
туда, где нет человека
и нету зверя,
а есть тишина,
в которую ты веришь,
вечная тишина,
в которую веришь.
Ты убегаешь туда.
Я закрываю глаза,
боясь высоты твоего бега.

Огромный земной хлеб
моей нежности,
кормивший тебя на земле
горит.
И пепел стелется по травам.
Ты там, где меня нет.
И дом засыпает один,
смутно помня
запах бега, травы и листьев,
запах земли, и солнца, и тени,
запах времен года,
и запах твоего имени.
Я называю его.
Но ты не слышишь меня.

ПРИ СВЕТЕ ЛАМПЫ

Лампа еще горит, но осень уже посетила мое тело,
и листья падают, и на деревьях не горят.

А в тесном доме моем, когда лампа над книгой
горела,
я прислушивалась — что твои мысли мне говорят.

Тесно жить нам вдвоем, говорили они. Тесно.
День святой Валентины — день рожденья твоего
стиха.
Мы с тобой одной крови, но все же из разного
теста —
только мало от святости — больше у нас от греха.

В тесном доме моем лампа горит ночами...
Старая мебель, книги и соломенный матрац —
тот, из детства, — в моем кошмаре все вверх ногами —
то всплывает замок, то какой-нибудь Алькатрац.

А лампа горит. И рука выводит вот эту строчку.
Мысли твои говорят, что ничего уже не спасешь.
Будто бы перед казнью — на груди ты рванул сорочку
и кто-то из-за голенища вытаскивает острый нож.

Но все это бред. Вот мои книги — они со мной от
самого детства.
Когда рушилось все — на шкафу в коробке
прятали фамильные образа.
В тесном доме моем книги со мной, когда никуда
не деться,
когда светит солнце, а кажется будто бы
разыгралась гроза.

В тесном доме моем картины шепчутся ночами —
может быть, они слышали твои мысли и волнуются
о моей судьбе,
и стараются усыпить меня красочными своими
речами,
в которых столько неправды, красивой неправды
о тебе.

Когда я пряталась в погребе и бежали чужие солдаты,
предвещая путь на Запад, откуда не возвращаются
повозда...

Вспоминается многое при свете лампы, но
забываются лица и даты
и забывается, с какими словами рифмовалась
настоящая беда.

**В тесном доме моем находят приют звери и люди,
книги с твоими картинами знают неведомую нам
 ворожбу.
Пусть говорят твои мысли, что в будущем ничего не
 будет.
Все справедливо. И я благословляю свою судьбу.**

ПОРТРЕТ

Я насильно вдвинута в эту тяжелую раму.
Я красивым пятном вишу на стене.
Здесь я живу, переживая странную драму —
в этой комнате, в этом городе, в этой стране.

Меня создал художник, списывая с нарядной дамы — мертвой, только говорить и двигаться умела она. А я живая — с понимающими и видящими глазами, но на безмолвие и неподвижность обречена.

Кто дал ему право на это, дал живые тона и краски?
Знает ли он, как кровь моя кипит на холсте?
Он при мне обо мне говорил нелепые сказки
про любовь, про искусство, о недостигаемой их высоте.

Все это бред. Сам художник не верил в это. Был он жесток и лжив. Но умел творить чудеса. Вот и создал меня. Я живу — которое лето! — Я смотрю на все, не в состоянии закрыть глаза.

Я клянусь ему, ночью не давая ему покоя.
Он кошмарные видит сны, предо мной ощущая вину.
Я его вдохновенье, двигаю его послушной рукою...
Все же он спит, а я никогда не усну.

Мне годами висеть в этой тяжелой раме.
Он умрет, а я еще долго буду жива —
сотворенная им в трепетной красочной гамме,
с неподвижной рукой, лежащей на кружевах.

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ

Где-то в небе несколько страниц
Исписала гибель до конца.
Молчаливая угрюмость лиц...
Скованные холодом сердца...

И тянулся лентою обоз
Ледяной, застывшею тайгой.
Хоронили мертвецов без слез
Под снегами чащи вековой.

Горе тем, что не смогли дойти!
Горе тем, кто выбился из сил!
И росли бессчетно на пути
Снеговые насыпи могил...

...

Прекрасный слог старинного стиха,
Войди в мои тоскующие строки,
Пусть будет песнь размеренно тиха,
Как шепот звезд, как шелест трав далеких.
Чеканность строк, тоску переборов,
Поможет жить надменно и спокойно,
Есть много тайного в размере строгих слов,
В напеве и пленительном, и стройном.
Не сможет жизнь их силу сокрушить,
И горести напевность не изменят.
И в панцирь творчества отчаянные души
Оденут дни великих искуплений.
Все выстрадать, все вынести, как Рок,
Дарованный во имя жизни свыше,
И перелить в созвучья строгих строк,
Чтоб слышал тот, кому дано услышать.
Во имя творчества я жизнь свою люблю
И одинаково приемлю радость с горем,
И улыбаюсь сумрачному дню
Улыбкой, равной смелости героя.
А если радость тихо, не спеша,
В окно заглянет таинством волшебным,
Сорвется гимном радостным душа,
В стихи мои непобедимым звоном.

Еще полет. К созвездьям... за созвездья,
В безбрежности небесной глубины.
Пытливости и смелости наследья
От Атлантиды духу вручены.

И дерзкий ум стремится за пределы
Земных миров, туда, где Млечный Путь,
Туда, где наше невесомо тело
И только цифры значат что-нибудь.

И страха нет, что в мире вычислений
Нарушена какая-то черта:
К четвертому приблизясь измеренью,
Вдруг станет тленной лучшая мечта.

И чем мы ближе к этой тверди синей,
Раскинувшей свой полог над землей,
Тем удаляемся мы дальше от святыни,
От сокровенной тайны вековой.

За дерзостью полетов к достижениям,
За эрой новой, созданной умом,
— Теряем мы великое значенье
Небес, чьей милостью мы живем.

ДЕНЬ ПОМИНОВЕНЬЯ

Идут... вместо ног — деревяшки.
Идут... в волосах седина.
Друг другу кивают фуражки —
"Здорово, браток, старина!"

Трясутся обрубки, — не руки,
В их черных, пустых рукавах.
А кто-то про жгучие муки
В пустых повторяет словах.

Но снова, как водится, страны
В сражение отправят солдат.
Другие пойдут ветераны
На новый военный парад.

И будут мириться державы
И снова к войне призывать
За землю, за право, за славу
Опять, и опять, и опять...

...
Весна — в календаре, но стужа — за окном.
Вернулся ты опять, настойчив, свеж и молод,
Но мне весенний пыл так хорошо знаком,
И так давно знаком мне твой осенний холод.

Апрельская любовь, — ты не был верен мне,
Мои же чувства все в одном костре сгорели.
Зачем же ты теперь в восторженном огне
Предстал передо мной, и, как назло, в апреле!

У ДЕТСКОЙ ПЛОЩАДКИ

Ты еще играешь в куклы, деточка,
Роешься лопаточкой в песке,
А потом наденешь ты, Анеточка,
Туфли на высоком каблуке.

Станешь ты блондинкой из брюнеточки,
Ради моды брови подведешь,
И за бывшей маленькой Анеточкой
Будет увиваться молодежь...

Выйдешь замуж за дельца, аптекаря
Или адвоката средних лет,
За врача, механика иль пекаря,
Будешь шить, стирать, варить обед...

Недуги, болезни, неурядицы
Выплывут из жизненных пучин,
А потом все временем загладится,
Кроме мелких складок и морщин.

Ты пока играй и смейся, деточка,
И не знай ни горя, ни тоски.
Как прелестны: платице, береточка,
Туфельки и светлые носки!

НЕЗНАКОМЕЦ

Он подал мне бокал с вином
И весело сказал:
"Забыть поможет о былом
Сверкающий бокал. —

О том, что дорого тебе,
Чего нельзя вернуть.
В страницу о своей судьбе
Ты можешь заглянуть".

Я залпом выпила вино
В туманном полусне,
И вдруг ушедшее давно
Приблизилось ко мне.

Я крикнула: "Зачем ты лгал? —
Видения не те!"
Но тот, кто подал мне бокал,
Растаял в темноте.

...

Жара. Накаленные плиты.
Вагон для курящих. Гудки.
Нет места, и на пол сердито
Бросают матросы мешки.

И снова летишь почему-то,
И снова — не зная куда...
Дареного счастья минуты
Уносят во тьму поезда.

Я иногда забываю —
Все мы должны умереть...
Я хорошо понимаю —
Всё-таки нужно гореть,

Всё-таки нужно стараться
Что-то оставить другим.
Стоит ли нам сокрушаться? —
Скоро и мы догорим...

Так ведь, наверное, надо
И все равно почему.
Я даже, кажется, рада,
Что никогда не пойму.

В томлении смертном, на смятой постели,
Хрипя, задыхаясь, томясь
От боли и страха... Но ангелы пели,
Над комнатой душной кружась.

Никто их не видел, и пеня не слышал
— Все знают, что ангелов нет —
Томила душа и стонала все тише,
И гаснул за окнами свет.

Но ангелы пели, кружась над душою,
Целуя запекшийся рот,
О вечном блаженстве, о вечном покое,
О славе надзвездных высот.

...

Мы вышли ранним утром
С тобой из кабака,
Мерцала перламутром
И золотом река,

Звезда еще сияла,
С огнем зари борясь,
И алым отливала
У подворотен грязь.

И облако, укором,
Или надеждой мне,
Божественным узором
Летело в вышине.

И было в синей дали,
Прохладе и весне,
Все то, о чем мечтали,
Что видели во сне.

...

Лунного неба тоска и величье,
Девочки дикие очи...
Что-то есть легкое, синее, птичье
В этой пленительной ночи.

Что-то есть райское и угловатое
В детских плечах, и над ними
Медленно облако голубоватое
Тает в серебряном дыме.

Закрой глаза, в виденьи сонном
Восстанет твой погибший дом —
Четыре белые колонны
Над розами и над прудом.

И ласточек крыла косые
В небесный ударяют щит,
А за балконом вся Россия,
Как ямб торжественный звучит.

Давно был этот дом построен,
Давно уже разрушен он,
Но, как всегда, высок и строен,
Отец выходит на балкон.

И зоркие глаза прищуря,
Без страха смотрит с высоты,
Как проступают там, в лазури,
Судьбы ужасные черты.

И чтоб ему прибавить силы,
И чтоб его поцеловать,
Из залы, или из могилы,
Выходит, улыбаясь, мать.

И вот, стоят навеки вместе
Они среди своих полей,
И, как жених своей невесте,
Отец целует руку ей.

А рядом мальчик черноглазый
Прислушивается, к чему —
Не знает сам, и роза в вазе
Бессмертной кажется ему.

Душа во мгле проснулась.
И заскулил щенок,
И в облаках метнулась
Луна, куда-то вбок.

И дождик чуть закапал,
И мутной пеленой
Покрылся мир, заплакал
Младенец за стеной.

Какая в мире слабость,
Безвыходность, тоска..
Бредет по лужам баба,
Глядит на облака;

Мужик стругает палку
Зазубренным ножом,
Дымок струится жалкий
Над скудным очагом.

И то сильнее, то тише
Дождь льется без конца
На серенькие крыши,
На нищие сердца.

* * *

Я знаю, Россия погибла,
И я вместе с нею погиб —
Из мрака, из злобы, из гибели
В последнюю гибель загиб.

Но верю, Россия осталась
В страдании, в мечтах и в крови
Душа, ты сто крат умирала,
И вновь воскресала в любви!

Я вижу, крылами блистая,
В мансарде парижской моей,
Сияя проносится стая
Российских моих лебедей.

И верю, предвечное Слово,
Страдающий, изгнанный Спас,
Любовно глядит и сурово
На руку, что пишет сейчас.

Недаром, сквозь страхи земные,
В уже безысходной тоске,
Я сильную руку России
Держу в моей слабой руке.

1955

Нас тешит память — возвращая снова,
Далекий друг, далекие года.
И книжки со стихами Гумилева,
Мной для тебя раскрытые тогда.

И (помнишь ли?) далекие прогулки,
Наивно деревенскую луну,
Ночной экспресс, сияющий и гулкий —
Ворвавшийся в ночную тишину.

Ты помнишь ли? (банальные вопросы!)
Но сердце грустно отвечает: да!
Следя за синей струйкой папиросы,
Тебя я возвращаю без труда.

И в суете подчеркнуто вокзальной —
(Ты тоже помнишь небольшой вокзал.)
Сияют мне уже звездой дальней
Лукавые и синие глаза.

Поговорим вполголоса о жизни.
Твоя рука лежит в моей руке.
Мы граждане ненайденной отчизны,
Которая нигде и вдалеке.

Да, да, конечно, надо жить и строить,
Бороться, верить, жертвовать собой.
Да, да, не только надо, но и стоит.
Но как же с грустью совладать такой!

Ведь самый верный друг тебя забудет.
Любимая предаст тебя с другим.
Из века в век — так было, есть и будет.
И что ж? — сознаемся, договорим.

И ты предашь вернейшую подругу.
И вот в какой-то день, в какой-то час,
Как тетива натянутая туго,
Вдруг сердце обрывается у нас.

Мы распрощались с другом на пороге.
— "До скорого!" И вот ночной Париж.
От прежнего — неповторимы, строги —
Остались только очертанья крыш.

И утомленный болтовнею праздной,
Отравленный вонючим табаком,
По этим улицам, пустым и грязным,
Иду я медленно домой пешком.

Как холодно! Лет семь каких-нибудь,
В такую ночь, каким огнем объята...
Постой, постой, дружок мой, не забудь!
— В тридцать девятом, а не в сорок пятом.

И ржавый, одинокий лист, шурша,
Гонимый ветром, кружит по аллее.
Как страшно мне, что нищая душа
Еще при жизни холодеет.

...

Весенний день цвел свежестью чудесной.
Стакан вина и дым от папирос.
Под хриплый граммофон, прижавшись тесно,
Танцуют пары... а скрипучий воз

Два грязных буйвола влекут неспешно.
Дорога пыльная уходит вдаль.
Еще не распускаются черешни,
Но розовый уже цветет миндаль.

И ослика под турком в красной феске
Вдоль голубых маслин ленивый бег.
Дым от костра плывет над перелеском,
А на вершинах гор — февральский снег.

Где это было? В Греции. В те годы
Я много странствовал. Я молод был.
Сиреневые горы в час восхода
Над синим Геллеспонтом я любил.

Ах, я любил... и прошлое нежданно
Вдруг ожило за столиком кафе,
Чтобы в последней написать строфе:
— Земную жизнь любить не перестану.

СЕН-МАЛО

Древний, изъеденный ветром гранит.
Синь и воздушный простор океана.
Крест безымянный над морем стоит.
Мы на могиле Шатобриана.

Тяжко ложились на узкие плечи
Гордость, тоска, одиночество, честь.
С этого берега в пасмурный вечер
Гнал его ветер куда-то — Бог весть.

Ты мне сказала, прервавши молчанье:
"Все, кто беду и нужду испытал,
Все, кто был послан судьбою в изгнание,
Все, кто судьбою скитанья избрал,

Все, кто дорожною пылью дышали,
Ставили парус, садились в седло,
Все, кого солнце дорожное жгло —
Все эти люди нам братьями стали.

Кто-то им щедрою мерою мерил,
Каждого щедро бедой наградил.
В спящей Флоренции Дант Алигьери
Кутался в плащ и коня торопил"...

Ты оперлась на меня. Перед нами
Вспугнутой птицы сверкнуло крыло.
Дни эти стали сочтенными днями
В древнем разбойном гнезде Сен-Мало.

РЕКА

Уже запутавшись в сетях,
Очередьми перебегая,
На запрокинутых огнях
Река плывет, как неживая.

Ей сквозь туман, как легкий бред,
Ей, сквозь вуаль недоуменья,
Наутро в пять, чуть брезжит свет
Уже шептать про наводненья.

Ей просыпаться, скажем, в пять,
Сквозь блеск и всхлип перемогаясь,
Ей про ненастье бормотать,
Свинцовым холодом вздуваясь.

Ей, спотыкаясь о мосты,
Под плеск ночных недоумений
Переворачивать листы
Несовершенных преступлений.

На черных сваях, наспех, вплавь,
Без оправданий, без допросов,
Пока пугающая явь
Не встанет призраком белесым.

ПУТЕШЕСТВИЕ

Любовь тоске наперекор,
Любовь отвергнутого брата,
Как бы позор — и не позор,
И чувств последняя растрата.

Когда на карте стынет — нет,
Но сердце бьется слишком точно.
И бред как будто бы не бред,
Как будто вычислан построчно.

Когда построчно вычтен румб.
Когда построчно вычесть надо
Тот путь — от пароходных тумб
До Сингапура и Канады.

Когда тот бред ясней, чем лет,
Чем лет причального каната,
Когда свое в конце возьмет
Неутомимая расплата.

КАФЕ

День ото дня и день за днем
Не разглядеть от дыма трубок,
За отуманенным стеклом
Нерасцветающих улыбок.

А это тьма газет — газет
Так злободневно торжествует.
Надежды нет. Исхода нет.
И слово молвлено впустую.

Молчат. Синеев потолок,
И звон сменяется шуршаньем.
Того гляди — и скрипнет блок,
И глянет пустота зияньем.

ФОНАРИКИ

Эти сумерки — черные с синим
И луна — неживая печать, —
За фонарным расцветом павлиньим
Мне живого лица не узнать.

И приходится верить, что тайна
В огоньках, фонарях — белизной
На гранит и чугун не случайно
Разливается светлой луной.

Ей сегодня легко и нарядно
(Ах, зачем обрывается нить
Этим вечером смутным и чадным)
В металлических лужах светить.

Как в таком удержаться скольженьи?
(Синева, холодок, полет)
И каким запылал отраженьем
Электрической радуги взлет?

.....
Ах, фонарики, — черные с синим
Ротой, в струнку — мучительный строй...
Здесь обряд ослепительных линий
Завершается мертвой луной.

...

Поворачивай дни покороче,
Веселее по осени стынь,
Ведь в холодные, ясные ночи
Выше звезды и горше полынь.

Если ходу осталось немного,
Если холодом вечер омыт —
Веселей и стеклянной дорога,
Как струна, под ногами звенит.

Не спеша в отдаленьи собачий
Вырастает и мечется вой,
И размах беспечальней бродячий
Под высокой, пустой синевой.

Все прошло, развалилось, опало
В светлой сырости осени злой
И взлетает последняя жалость,
Легче крыльев за бедной спиной.

* * *

Все ровнее, быстрее и нежнее,
Все прилежней колеса стучали.
В голубом замираньи полей
Запах дыма и скрежет стали.

В серебро уходящая мгла,
Лошадей и людей вереницы,
Брызги влаги на взмахе крыла,
Хриплый окрик разбуженной птицы.

Эта белая даль — не снежна,
Эти тени дорог — не бескрайны,
Оттого эта тайна нежна,
Что осталась, как тени, случайной.

Только музыка все слышней,
Только небо светлее и ближе
В голубом замираньи полей,
На разъезде путей, под Парижем.

...И вот упрямые топорщатся листки,
Клубится пыль, и сквозь нее мелькает
Кибитка древняя. Запарились коньки,
Ремянный кнут назойливо кивает.

Возница молодой, а может быть, старик,
Не разберешь под пудрою дорожной. —
Мурлычет песенку... Так было исстари,
И так теперь, и будет непреложно.

А степь живет, колышется, звенит,
И зноем дышит грудь сторожевых курганов.
Вот жизнь! Вот край! Париж — твои огни,
Твой вечер — позднее... Там — предрассветно рано.

Из-под ярма, мыча, глядят волю,
Глубокий плуг пластами режет землю,
Собаки серые первоначально злы, —
Такою я тебя, моя земля, приемлю.

Такой — не гордою... Широкою, как степь,
Глубокою, как омуты на Каме,
Распятою на буковом Кресте
При Императоре Великом Хаме.

Приемлю в сердце, полное тоски,
В горячей болью бьющееся сердце...
Европа — улица, холодные тиски,
Ты не для русского инаковерца.

БЕЖЕНКА

Быть вялой, непричесанной, больной,
Задерживать дыханье, — даже в слове, —
Недоуменно подымая брови,
Глядеть часами в мутное окно.

Знать, — за спиной, как бы в подводном свете,
Измятая постель, залитый стол
И каменное дно, нечистый пол,
И больше ничего на этом свете.

К чему же песни, — светлый бред земли,
Навстречу сущему цветенье духа,
Когда неисцелимая разруха,
В изгнанья час вошла на корабли.

Апрель 1930 г.

ГОРОДСКОЙ РАССВЕТ

Розовеют крыши,
Ясны небеса,
Раздаются тише
Мира голоса.
Фабрики дыханье
Не туманит взор.
Над толпою зданий
Раздался простор.
Будто нарисован
Городской пейзаж, —
Неподвижен, скован,
Неуемный раж.
И душа вбирает,
Из-за влажных крыш,
Голубого рая
Утреннюю тишь.

1932

НЕНУЖНОЕ ЧУДО

И незачем и не к кому звать:
Вокруг пустыня, голос мой негромок,
Мой странный стих не станет вызывать
Из забытья сомнительный потомок.

Куда ему — бедняге — до стихов?!
Дворянской музыки голос непонятен...
Его челнок средь скучных берегов, —
Где радуга дрожит мазутных пятен.

Где шлак к воде спускается с горы
И свалка щедро воздух отравляет,
Его челнок не создан для игры.
Он не плывет, а только "доставляет"...

Куда? — Не знает бедный пассажир...
А наши кости обрастут цветами;
Аптекарь ими сдобрит эликсир
И лысину засеет волосами.

РОЖДЕНИЕ

Недели, месяцы молчанья
И, вдруг, из глубины волна, —
Косноязычного мычанья
И напряжения полна.

Рука сама еще не знает,
Какие выведет слова,
А в тайне сердца вызревает
Ни музыка и ни молва, —

Глухая песня — заклинанья —
Темна, пронзительно ясна —
Несбыточного обещанья
Обетованная страна.

Порой и зелень вешняя язвит,
И месяц жалит серебристо-серпный,
И даже флейта, данная Эвтерпой,
Опущенные руки тяготит.

Да, тьму людской вражды, неправд, обид
Не побороть, как сил в себе не черпай!
О скрыться бы, как та луна в ущербь,
Как тот побег, когда в снегах он спит...

Но знаю, знаю тверже всяких истин:
Через неделю станет ночь светла,
А пес через полгода пышнолистен —

И вновь пойду я, мудро-весела,
В тот самый мир, что так мне ненавистен,
Навстречу жал и стрел, не помня зла.

НЕЗАБВЕННОЕ

Нет ничего-то милее мне
Отчизны и Друга крылатого...
Памятью верной лелеемы,
Манят они, рая и радуя.

Как бы забыть их пыталась я?
И как бы могла их отринуть я?
С этою страстью и жалостью
И сердце мое было б вынуто...

Ах, хоть пред смертью послушать бы
Наш благовест, важный, малиновый,
Трельки желейки пастушеской
И жаворонков, и малиновок...

Ах, повидать хоть глазочком бы
Покос наш цветасто-слепительный,
Ширь с голубыми лесочками,
Жар-купол на храме Спасителя...

Миром дохнуть бы и кашкою,
Костром и кадильными дымами...
Съесть хоть пол-ломтика нашего —
Ах! — черного хлеба сладимого...

И еще раз насмотреться бы
На Лик, что любила единственно
Там... и в Болгарии, Греции,
В дни сказки... и горестной истины...

Светлые веси московские
Да Лик тот с чертами медвяными
Ангела образ Рублевского —
Нет ничего их желанней мне.

ПОМИНАНИЕ

Между нами — им и мною — не было
Никогда и ничего.
Но вчера — заело звоном небо ли,
Запорхал ли снег наш — не нелепо ли?
Вспомнила его.

Под фуражкой узкой ученической —
Лик нежданно-дорогой
Прелести иконной и девической
В кудрях светлых, взвевянных вакхической
Русскою пургой...

Смутно помню там, в его училище,
Бал-концерт и выход мой.
Помню мчащийся автомобиль еще,
Где в какой-то радости бессияющей
Ехала домой...

Вся Москва, по-зимнему затейная,
Там, за стеклами, неслась, —
Инейная, бисерно-кисейная,
Милая, узывная, увейная,
Закружала нас!

Слишком пахло, видно, розой чайною
От букета и от меня,
Слишком встреча не была случайною,
Но пронзала нас с ним нежность тайная,
Дивно единая.

А потом, в дни, дышащие скверною,
Вдруг — письмо, как цветик лип,
Грустное, Руси и мне столь верное...
Ах! с тоски, от пули револьверной ли —
Знаю — он погиб.

Слишком чист он был в наш век разнузданный,
Мог ли зла он не робеть?
Жить бы ему послушником в пустыни,
Ельничком-березничком похрустывать
Да стихиры петь...

Но не знаю, взявши поминание,
Даже имени его.
Не было ж ни слова! ни лобзания! —
На земле двух бедных душ свидание...
Больше ничего.

ТАЙНОДЕЙСТВИЕ

Когда мы улыбаемся соседу,
Иль машем поезду, бегущему вдали,
То это значит, — меж собой беседу
Два ангела на небе завели.

Но ангелов, в житейском беге нашем,
Мы замечаем лишь едва-едва...
Беседуют они, а мы — "платочком машем"
Иль говорим прекрасные слова.

ОТРЕШЕНИЕ

Нам всем дано оставить позади
Все то, что названо существованьем,
Забуть на час, на день свое дыханье
И только тишину беречь в груди.

И посмотреть на землю не спеша,
Порадоваться о земле немного,
И все иным увидеть на дорогах,
Как в первый раз увидела душа.

ВСТРЕЧА НА РОДОСЕ

Ветер запах моря к нам донес,
Что прошел чрез розовые зори.
Родос, это значит остров роз,
Остров зорь на дальнем море.

Нас привел сюда не старый спор
О кратчайшей к небесам дороге.
Мы пришли сюда от разных гор,
Чтоб, как братья, говорить о Боге.

ПЕСНЬ НАЗАРЕТА

Если ходишь по земным дорогам,
Светлый дух в тебе самом — награда.
Не молиться только Богу надо,
Но и жизнью целой петь пред Богом.

Он — Отец. Неси Ему все раны,
Все счастливые свои мгновения, —
Слезы человечества и пенье
Одинаково Ему желанны.

СУЩНОСТЬ ПОЭЗИИ

И в тайну всего живого
Не в силах проникнуть сами,
Мы зовем чудесное слово,
Начинаем писать стихами.

И мир открывается новый,
И жизнь, чем дальше, тем краше
Идет перед нашим словом,
Открытая словом нашим.

...

Поэзия — безмерность и покой,
Сияние и растворенье;
Она касается своей рукой
Миров неслышного движенья.

Она возникновение бытия,
И песня, и любовь другая...
Но, влагу драгоценную храня,
Она в песках изнемогает.

ВЕЧЕРНИЕ ЗВЕЗДЫ

Вечерний мир, доверчивый и строгий,
Меж небом и землей сокрыл между.
Остановился я среди дороги
И в звезды тихие гляжу.

Так строги, так доверчивы касанья
Моей земли — миров иных.
Любовь уже поет последний стих,
И небо ей дает свое молчанье.

СНОВА УТРО

Много жалости и милости
В бледном небе надо мной.
Надо жить без торопливости
В неизбежности земной.

Листьев нежная сумятица,
Как дыхание земли.
И все тайны мира прячутся
Легким облаком вдали.

ЗЕМЛЯ

В каждом новом дне и годе
Есть безмерности река.
Все быстрее мир уходит
Легким дымом в облака.

И земля всегда на грани,
На отлете, без корней,
Словно ты последний странник,
Притаившийся на ней.

ОСЕНЬ

Кудрявит ветер порыжелый лист
И рвет, метет уснувшую дорогу.
А воздух ясен, воздух нежно чист,
Как утром детская молитва к Богу.

И звон шагов, и палки нервный стук
Не согласуются со всей природой.
И твой восторг, мой лучезарный друг, —
Последний крик отравленного года.

ОКНО

Вот так, бывало, у окна
И долго и напрасно
Она ждала. Была видна
Заря полоской красной.
И ветер легкий тихо пел
Одну и ту же песню.
И голос плакал и скорбел
О том, что кто-то не посмел
Устроить мир чудесней.

ПОРА

Разверстая длань тополей в небесах
Пророчит о будущем чуде.
Но бродят повсюду в полях и лесах
Животные будто как люди.

Не рано, не поздно, а в ведомый час
Господь обновит эту землю.
Вот солнца луч поздний над ивой погас.
А я шагу смертному внемлю.

О РОССИИ

Россию теперь не знаю,
Не знаю, кто в ней государь.
Поклоняюсь же ей, как Синаю
Поклонялись пророки встарь.

В слове этом звучанье такое,
Что, забыв земную юдоль,
Я во власть неземного покоя
Отдаю свою терпкую боль.

В странах с речью изысканно-острой
Я тоскую по русским словам,
По девичьим, как маки пестрым,
Утонувшим во ржи головам.

И прольется ли горечь гнева,
Разразятся ли тучи войной, —
Плодотворнее нового сева
Не сыскать в стороне иной.

И когда от безмерной муки
Потускнеют звезды вдали,
К ней протянутся робкие руки
Из концов истомленной земли.

Россию теперь не знаю,
Не знаю, кто в ней государь.
Поклоняюсь же ей, как Синаю
Поклонялись пророки встарь.

Ты легким поцелуем тронешь
Разгоряченные виски.
Ты руки медленно уронишь,
Как яблонные лепестки.
А я услышу тот, упрямый,
Невероятный, легкий звук:
Дрожанье звезд вот тут, над самой
Дугой твоих склоненных рук.
И я увижу, у предела,
Два белых ангельских крыла:
Душа опередила тело
И, легкая, осиротела
И, легкая, изнемогла.

1925
Париж

ЯНВАРСКИЙ СОНЕТ

Морозный день, чуть-чуть туманный,
Щекочет ноздри холодком.
Я еду медленно верхом.
Навстречу мне — закат шафранный.

Вчера был ветер: шалый, странный,
Он налетел в порыве злом
И тучи разметал крылом,
Как корабли в ночи обманной.

Но вот сегодня тишина.
Над дальней крышей столбик синий.
Чуть серебрят деревья иней.
Позванивают стремена.

Как дар нечаянный, чудесный,
Приемлю мир простой и тесный.

1925

...

Декабрь — и веянье весны.
Чуть золотом окаймлены
Края фисташкового неба.

Деревьев черных нагота,
Их трепетная пустота,
Волнует дух неизъяснимо.

Над крышей голуби кружат.
Их гам и голоса ребят
Звучат нестройно и нелепо.

И от самой себя душа,
Восторгом пустоты дыша,
Стремится прочь неудержимо.

1925

Bourg-la-Reine

Дерев неубранного сада
Томительная нагота.
Передвесенняя прохлада,
Предутренняя чистота.

В душе и в мире разлита
Такая терпкая услада,
Что мнится: вот в ворота сада,
Легко ступив из-за куста,
Пройдет любимая когда-то,
Подарит хладные уста.

Невыразимая отрада
Обымет сердце, и тогда
Мне станет ничего не надо,
Жизнь станет легкой навсегда,
Ажурной, как ветвей аркада,
Прозрачною, как пустота.

1927

Смотри: два ястреба кружат над нами,
То возносясь, то упадая вдруг.
Душа, замороженная кругами,
Сама вступает в их волшебный круг.

И долго длится мерное круженье
Над странно-дивной и чужой землей,
Пока душа, во власти сновиденья,
Не обернется светпою звездой.

И вот, смотри: вверху, недостижима,
Земле чужая и земным делам,
Творя хвалу небесным серафимам,
Свершает путь по заданным кругам.

1947

Тонким кружевом кружится снег.
Точно солью посыпанный лук,
Побелел перед церковью луг.
И снежинок неслышимый лет
О невидимой жизни поет,
О ненужности здешних утех.

Землю саваном белым одеть
Безразличное небо спешит.
За снежинкой снежинка летит,
За секундой секунда бежит,
Силясь вечность преодолеть.

В этой девственной белизне,
В этом белом дожизненном сне
Мы со смертью наедине.

1949

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГ

ДАЧИ

1

Вдоль солнечной улицы дачи.
Над соснами воздух истомный,
И ветер горячий
На серые дачные бревна,
На клумбы петуний
Наносит дорожную пыль.

Надворной советнице Львовой,
Хозяйке и хлопотунье,
Совместно с румяною Глашей
И с взятой в придачу
Соседскою Машей,
Сегодня не легкий урок.

Еще бы! Слетятся на дачу,
И ровно в назначенный срок,
К пяти пополудни,
Соседи из Териок,
Из Оллипы тетки
И даже кузины —
Из Мустамяк.

Ботвинья из пососины,
И курник, и лакомый рак,
Все будет на славу и сладость.
Еще бы! Веселая Оля,
Утеха и радость,
Собою картина,
Шестнадцатые именины
Справляет, как роза, свежа.

И весь от натуги дрожа,
Чиновный отец, Анатолий
Петрович,
Вращая, готовит,
Презрев и усталость и зной,
Мороженое под сосной.

Ученица Петербургской Литейной,
Престрогой гимназии,
Оленька Львова,
Скуластый ангел Евразии,
С утра щеголяет в новом
Чём-то кисейном.

Кокетства полна и приличий,
По садику тихо бродит
С осанкою царской,
И вея сиренью персидской.
О, возраст девичий,
Когда переходят
От Чарской
К Вербицкой!

3

И то, что вам нынче под сорок,
Что двух неудачных
Сменили мужей,
И то, что погибнете скоро
Вдали от российских полей,

Все это меня
Не смущает нисколько,
И в душном вагоне метро
Я радуюсь шляпке,
Смешной и увяпой,
Все так же свежо и остро.

И в душной конторе,
И в тесной харчевне,
И в черной парижской пыли
Я кланяюсь низко
Далекой царевне,
Скуластому ангелу русской земли.

ЯНВАРЬ В ПАРИЖЕ

Январь в окрестностях Парижа,
Сырая утренняя тьма
Мне кажутся порою ближе,
Чем наша крепкая зима.

Заброшенные огороды,
Убор дождин на стеблях роз.
Весь этот полусон природы,
Полувесна, полумороз.

Но влажный ветер с океана
Внезапно к полдню присмирел,
И в клочьях желтого тумана
Мелькнули иглы белых стрел.

Тяжелых облаков покровы
Остановили вечный бег.
Холодный, чистый и суровый
Валит на полустанок снег.

И запахом зимы и гари
Камин раскрытый задышал.
Искуснейший мираж? Сценарий?
Но как откликнулась душа!

Я снова старыми глазами
На побелевший мир гляжу.
И меж французскими словами
Знакомых слов не нахожу.

Лисичка, ласточка, голубка
Переступает мой порог,
Ее заснеженная шубка,
Брусничный запах уст и щек.

И неожиданный и скорый
Из снежных звезд горит венец.
А за окошком у забора
Поет и плачет бубенец.

СУМЕРКИ

Уж запад угасает
В спадающей заре,
Но мир еще блистает
В туманном серебре;

Под сферой небосвода
Сплелись и тень и свет,
Не спит еще природа,
Но в ней движенья нет;

Повсюду утомленно
Молчанье залегло,
Для дня — как будто тёмно,
Для вечера — светло.

О, как это похоже
На жизнь твою, поэт!
И в ней сплелись тоже
И мрак, и тихий свет,

На сердце горя холод,
А в думах счастья жар,
Для слез — ты слишком молод,
Для смеха — слишком стар!

"ГИПЕРБОРЕЙ"

Ахматова, Иванов, Мандельштам —
Забятая тетрадь "Гиперборея" —
Приют прохожим молодым стихам —
Счастливых лет счастливая затея.

Сегодня я извлек ее со дна
Запущенного старого архива,
Иль сорок лет — еще не старина?
И уцелеть средь них совсем не диво?..

"Октябрь. Тетрадь восьмая. Девятьсот
Тринадцатого года" ...год заката,
Последний светлый, беззаботный год.
Потом — не жизнь: расправа и расплата.

Тетрадь — свидетель золотой поры,
Страницы, ускользнувшие от Леты,
Раскрыл, читаю, а глаза мокры:
Как молоды стихи! как молоды поэты!

И как я стар! Как зря прошли года!
Как впереди темно и как пустынно сзади!
Как жутко знать, что от меня следа
Никто не встретит ни в какой тетради.

ГРАД ПЕТРА

Рождавшейся Империи столица —
Санкт-Петербург — Петрополь — Петроград —
Лишь при Империи Ты мог родиться
И вместе с ней Ты встретил свой закат.

Два века роста, пышного цветенья, —
Архитектуры праздник над Невой,
Расцвет искусств, науки, просвещения,
Поэзии и чести боевой!

Два века славы, блеска и покоя,
Немногих перемен, недолгих гроз!
Жизнь, как Нева, не ведала застоя,
Ты, град Петра, все украшаясь, рос.

Но славы вековой умолкли хоры,
Империя приблизилась к концу,
И прогремели выстрелы с "Авроры" —
Салют прощальный Зимнему дворцу...

Ты имени лишен, но Всадник Медный
Руки не опустил, — придет пора, —
Разгонит он рукой туман зловредный
И впишет вновь на картах: Град Петра.

О ПОЭЗИИ

Что нужно и чего не нужно
В поэзии — поймет не тот,
Кто для поэтов в час досужный
Свод наставлений создает,

А тот, кому откроет тайны
Сама поэзия, задев
Своим дыханием случайный,
Слетевший с уст его напев.

ВЛАСТЬ СЛОВ

Стер вечер с неба пепел золотой,
Просыпанный из солнечного горна,
Уплыли тучки в горы на постой,
И стало в небе просто и просторно.

А на земле... Но мысль уже не та! —
В плену у слов — она твердит упорно:
Какой союз — простор и простота!
Как прост простор! как простота просторна!

ДВА МОСТА

Раскрылся на ветке из звезд
Одинокий цветок луны,
С неба брошен на землю мост
Из серебряной тишины.

Эту ночь не сравнишь ни с чем, —
Так легка и прозрачна тень.
Будто даже не ночь совсем,
А серебряный звездный день.

Ты молчишь, но яснее звезд
Мне нежные взгляды твои, —
Между нами воздвигнут мост
Из несказанных слов любви.

ПАМЯТИ ПОЭТА

Вынесли гроб отпетого,
Зароют в землю потом...
Жил-был поэт — и нет его,
И вянут цветы под крестом...

Книжка стихов останется
И долго еще будет жить, —
К ней от могилы тянется
Бессмертия хрупкая нить.

Им все нипочем: ни любви, ни заботы,
Привычно сызмальства дыханье войны.
Они совершат на луну перелеты,
Сломают печати подземной страны.

Вселенная страшным наполнится гулом,
Как детство, как праздник, придет тишина,
И вздох передышки зачтется прогулом
В той кузнице смерти, где всем не до сна.

И робкие ветви, с безмолвным укором,
Протянут деревья, о чем-то моля,
И звери заплачут, и сдвинутся горы,
И огненных крыльев захочет земля.

• • •

Море цвета серебра и стали.
Парусник. Закат.
Мы с тобой давно другими стали,
Мы устали, брат.

Все молчать, улыбкой прикрывая
Годы дум и мук.
А душе нужна душа живая
На путях разлук,

Чтоб отдать нательный даже крестик,
Даже детства клад.
Чтоб глядеть, не отрываясь, вместе
На морской закат.

• • •

Лишь первозданное, простое —
Деревья, воды и холмы
Незыблемо стоит и стóбит
Поклона, памяти, хвалы.

Во дни обид, во дни потери
Ценить научится душа
Бесхитростную ласку зверя,
Приют первичный шалаша,

И утра росное касанье,
И шепот ивы-прасестры —
Дары, что нам даются втайне.
О, неprimетные дары!

Окно выходило в чужие сады.
Закаты же были, как вечность, ничьи,
Распахнуты Богом для всех.

И думал стоявший в окне человек:
"Увянут сады, но останется крест
Оконных тоскующих рам

И крест на могиле твоей и моей,
Как память страданья, как вечная дверь
В распахнутый Богом закат".

Они отдыхали от боя
С болезнью и нищетой.
Отрешенность. Чувство покоя.
Контур жизни совсем простой.

После всех узлов и скрещений —
Благородная линия вновь.
Это детства стучатся тени
И молитвой стала любовь.

Твой чекан, бывшая Россия,
Нам тобою в награду дан.
Мы — не ветви твои сухие, —
Мы — дички для заморских стран.

Искалеченных пересадили,
А иное пошло на слом,
Но среди чужеземной пыли
В каждой почке тебя несем.

Пусть отростков у нас не будет,
Пусть загадка мы тут для всех, —
Вечность верных щадит, не судит
За святого упорства грех.

Здесь травы сухие сжигают зарею,
Восходит прозрачный дымок.
Окно моей спальни пошире открою, —
Большое окно на восток.
И запах травы, и костра, и деревни,
Как память утерянных дней,
Где столько любви и печали, и терний,
И нежности мудрой твоей.

Береза тихая с атласною корой,
Пугливая, как девушка без спеси,
Стоит над тропочкой, разморена жарой
И ветки тонкие в густой орешник свесив.

Вокруг кустарники. Лесной, чуть пряный дух
Несобранных грибов и поздней земляники.
Присяду здесь на пня изборожденный круг
С высокой палкою прохожего-калики.

Как много хочется березе той сказать!
Как странно перед ней, пугливейшей, робею!
За ней невидимо глядит в глаза мне мать
И тянется ко мне — а подойти не смею.

Приемышам чужих найти ли нынче мост
К лесным и детским дням, к лукошечку с грибами
И странникам, что шли с иконой на погост, —
К отцам и дедам шли с заботами, скорбями...
И мне б теперь туда древнейшими тропами!

Мы идем с тобой через весь Париж.
То стихи прочтешь, то опять молчишь.
В этот тихий час, предрассветный час,
Жизни жесткий перст не коснется нас.
Сколько лет прошло между этих стен;
Отшумел давно ветер перемен, —
Стало песней всё, песней и стихом —
Мы воздвигли здесь наш нездешний дом.

Ко мне ты приходишь во сне,
Как в жизни моей, — непонятный;
Лишь очи сияют ясней,
Румянца заметнее пятна.

Сегодня я встала в тоске,
И жалили мысли, как змеи:
Делить мое горе ни с кем,
Помимо тебя, не умею;

И мне не избегнуть уже
Очей твоих синих отравы.
Ты все застилаешь в душе,
Как степи — душистые травы.

В живом переливе тонов
Твой голос (простится ли это?)
Мне слаще напева псалмов,
Теплее лампадного света.

1937

Тыходишь в дом, — нездешний, неземной.
Плащ за спиной, как крылья серафима.
Сияньем глаз ты следуешь за мной,
Касанье рук твоих неуловимо.

О, если б ты нахлынувший восторг
Исторг из струн души, тебе покорной, —
Он затопил бы запад и восток,
Пустынь песок и рек исток нагорный!

Но ты, безмолвный, не подашь руки, —
По ветру плащ рванется в ночь, как крылья:
И (может быть, то вспыхнут светляки!)
Следы твои заблещут звездной пылью.

1938

ЛЮБОВЬ

Одиночество — глубже колодца...
Слезы веки разъели, как соль...
Это мною любовью зовется,
Оттого, что любовь моя — боль.

Я не вижу тебя по неделям, —
Разве только сквозь сон или бред, —
Мы печали и горя не делим,
А в любви моей радости нет.

Радость мне может только присниться:
Быть, сквозь сон улыбаясь, с тобой,
Даже с блудным — беспутной блудницей,
Даже с падшим — смиренной рабой.

1939

ПИСЬМО

Ты ли не был крепок и силен!..
Но судьбы над нами злая сила:
Сердце — это кладбище имен,
Где она тебя похоронила.

И за то, что ты любил полней,
И за то, что все же был мне дорог, —
Протоскую полных девять дней,
Буду помнить даже целых сорок.

А потом с другим отправлюсь в путь...
Помолись, чтоб он, как ты, был нежен;
А тебе не говорю: "забудь", —
Сладко знать, что кто-то безутешен.

1940

ЖЕНЩИНА

Это Он, и любя и жалея,
Чтобы душу ее уберечь,
Ношу выковал ей тяжелее
Для ее беломраморных плеч.

Дал, как арфу, звенящее имя,
Хрупкость рук, не таящую сил,
А глазами, как солнце большими,
Чтобы зрела печаль, наделил.

Рек ей: "Скорбь умножая умножу;
Будет в муках твое бытие".
И ответила женщина: "Боже,
Да прославится имя Твое".

Утром, в ослепительном сиянье,
Ночью, при мерцающей луне,
Дальний отблеск, смутное сознание
Вдруг становится доступным мне.

"Господи, — твержу я, — как случайны
Те слова, в которых благодать.
Господи, прошу, нездешней тайны
Никогда не дай мне разгадать.

Не хочу последнего ответа,
Страшно мне принять Твои лучи,
Бабочка, ослепшая от света,
Погибает в пламени свечи".

* * *

Сияет огнями Париж,
Кончается нежное лето,
Луна над квадратами крыш
Ослепла от яркого света.

Всё то же: шуршание шин,
Автобусов грузных стремленье,
Прямых быстроходных машин
Холодное щучье скольжение.

В полях елисейских, в раю,
Во сне золотом и хрустальном,
Свое я с трудом узнаю
Лицо в отраженьи зеркальном.

А тучи идут и идут.
Как копоты черные хлопья,
И в ярости небо метут
Прожекторов острые копыя.

* * *

Здесь ничто, ничто не вечно,
Всё проходит, всё пройдет,
Счастьем, юности беспечной
Тоже гибель настает.

Как утешиться — не знаю,
Но зачем-то нам дана
Эта музыка земная,
Эта звонкая весна?

Налетает вдохновенье,
Настигает налегке,
И волна смывает пенье,
Словно надпись на песке.

* * *

Снова ночь, бессонница пустая —
Час воспоминаний и суда.
Мысли, как разрозненная стая,
В вечность улетают навсегда.

Полночь бьет. Часы стучат, как прежде,
В комнате таинственная мгла.
Если в сердце места нет надежде —
Всё-таки и тень ее светла.

* * *

В содружество тайное с нами
Вступают вода и земля,
Заката лиловое пламя
Ложится на борт корабля.

Весь белый, трубя на просторе,
Он к пристани дальней плывет,
А здесь — только небо и море
И ветра высокий полет.

Прибрежные скалы ласкает
Волны набегающий шум
И синяя мудрость морская
Сильней человеческих дум.

* * *

Ветки устало качаются
В мокром, печальном саду,
Светлое лето кончается,
Ветер приносит беду.
В час темноты изнурительной,
Грустную ноту ведя,
Осени шепот томителен
В медленных каплях дождя.
Слушаю сердцем молчание,
Прошное встало со дна,
Прошное в ясном сиянии —
И тишина, тишина.

* * *

Глубину одиночества смерти
Божьей мерой и мерой людской.
Все приму, даже таинство смерти —
Неподвижный и странный покой.
Злобе дня, суете, измененью
По-земному всю жизнь мы верны.
Но в какое-то ввет мгновенье
Тихий ветер с другой стороны.
"Даже смерть — все пройдет, все проходит" —
Так гласила арабская вязь
На могильном столбе, на восходе,
Светом моря и солнца светясь.
В Истанбуле сады расцветали,
Воздух полон был запахом роз
И на мрамор столба ниспадали
Пряди черных разметанных кос.

* * *

С озаренного востока
В ширь раскрытого окна
Свет вливается потоком,
Дышит и шумит весна.

Господи, какая сила
В этом возвращенье дней,
В сменах года легкокрылых,
В ясной осени моей.

Я вдыхаю грудью полной,
С благодарностью всему,
Этот воздух, эти волны,
Побеждающие тьму.

ОБЛАКА

Я смотрю, как плывут облака
В синеве между труб, между зданий.
Синева глубока и легка
И полна переливных сверканий.
Даже зданий унылый кирпич,
Даже окон неясные стекла
Легких странниц неслышимый клич
Ловят жадно поверхностью блеклой.
И роняет кирпич свою тень,
И сверкают алмазами окна,
А в душе снова нежная сень
Над уныньем простерла волокна.
И смеется мне жизнь и поет.
Словно тайны открылась основа...
Облаков среди труб светлый лет —
Легкий символ воскресшего Слова.

Нью-Йорк, 1942

ПЕРЕД ЗАКАТОМ

Бывает легкое мгновенье,
Один короткий светлый миг,
Когда дневное исступленье
Свой прячет безобразный лик,

Когда прозрачно-изумрудным
Лежит вечерний небосклон,
И перламутром тонких волн
Спадает тучек шарф нагрудный.

Нам отблеск вечности даря,
На этот миг смолкает время,
И жизни суетное бремя
Смывает сонная заря.

Тогда тревога замирает,
И пропадает где-то тень.
И всю природу покрывает
Мечты певуче-юной сень.

И даже ветер еле дышит,
Себя смиряя в этот час,
А сердце тихий Божий глас,
Тоску забывши, ясно слышит.

Янв. 1944

ОЗЕРКО

Зарябило озеро
Тонкая волна.
Чешую синюю
Разпилась она
И пригнала к берегу,
На песчаный склон,
Листьев потревоженных
Тихий перезвон.
Поступью зеленою
Пробежал напев,
По подстилам ветреным
Озерко задев...
Ты поешь задумчиво,
Озера лазурь,
Что в тебе овейной,
Не бывает бурь,
Что в кристальном отсвете
Твоего лица
Отражение теплится
Божьего венца,
Что деревья, свесившись
К синей пелене,
Вторят легким шепотом
Песенной волне.

Авг. 1945

СТАРОСТЬ

Подруга нежная, последняя подруга!
Спокоен голос мой, приветствуя тебя.
Твой час настал. Приходишь ты, любя.
Ты, неизбежная, как замыканье круга.

В твоих руках — осенние цветы;
Ты их приносишь мне, как символ увяданья.
Я принимаю их. (О, тихие мечты,
Мечты, не знающие ожидания!)

С тобой, приветливой, беседа мне легка,
Мне спадотно с тобою зажигать лампаду...
О старость снежная, войди, — тебе я рада,—
И двери затвори, и сядь у камелька!

Чарующая душу тишина
Пустого храма вне богослуженья —
Как легкая святая пелена,
Накинута на воображенье.

Над ликом Спаса венчик в полутьме
Сияет благостно мне на отраду,
Согретый светом трепетной лампы,
И пятна воска по цветной тесьме:

И ладана молитвенный застой;
И легкие повсюду полутени:
И, кажется, в углах крылатый рой
Недавно отзвучавших песнопений...

Люблю войти в пустой Господний дом
И в тишине, где шепот невозможен,
Забуть о том, как шумом мир тревожен,
И замереть в безмолвии святом.

ПРОЛОГ

На небе прозрачными руками
Сны со звездами перемешав,
Ночь идет, опутанная снами,
Слушать рост и тайный шорох трав.

Слушать ветер зыбкий и тревожный,
Зябкий плеск и бормотанье вод:
— Здесь не мешкай, путник осторожный...
И в ответ им полночь где-то бьет.

Тусклый месяц изогнулся рогом,
Сумрак полон топота копыт.
Тень за тенью по большим дорогам,
Распластавшись в воздухе, летит.

Сумрак полон темных волхований,
Долгих вздохов, окриков глухих,
Вздрагиваний, диких содроганий
И последних судорог земных...

Тянет тлением из каждого оврага,
Пахнет адом каждый Божий сад.
И врага не знает скользкой шпагой
В этот час заколотый солдат.

Лорелеи косы распускают,
Голос бездны сладок и высок.
И над кладом медленно сияют
Черный Рейн и золотой песок.

А над дальним Брокеном смятенье:
Пир горой, и в пламени гора,
За которой пляшут в исступленьи
В древних рощах гномы до утра.

И над всеми — с мертвыми глазами
Серый призрак, гибель на скале...
...Свет ночь усталыми руками
Правды и неправды на земле...

* * *

Рано утром в дальнюю дорогу
Вышли тополя из темноты.
Просыпаясь, птицы бьют тревогу,
Поднимают головы цветы

И глядят блестящими глазами,
Широко раскрытыми глядят,
Как стволы с воздетыми руками
Друг за другом в воздухе скользят.

Как идут немые пилигримы,
Покидая темный этот сад,
Мимо сонного тумана, мимо,
И в разорванных плащах до пят.

И над ними облака в смятеньи,
Точно занавес перед зарей. —
В сад иной высокие ступени
Открывает ангел-часовой...

* * *

Желтый луч пробежал высоко по карнизам,
Полдень вспыхнул звездой на глазах у прохожих.
Под зеленой горою у самого низа
Тени елок на сонных старушек похожи.

Там в саду голубое веселое лето:
Дети громко поют и цветут незабудки.
Только много цветного нездешнего света,
И дома в стороне, как суфлерские будки.

* * *

Тяжела резная дверь собора,
Ветер жесткий руки заломил. —
Вот он стынет сумрачным узором,
Вот он ход судьбы остановил.

И, склонившись над плитой надгробной,
Грустный ангел навсегда простер
Крылья безупречные в огромный,
Гроном угрожающий простор.

Anno Domini... В туман столетий
Скрылось имя, — в трещинах плита.
И над смертью — в разноцветном свете —
Каменная, пышная тщета.

Кто он был? Разбойник неизвестный
Иль монах угрюмый и святой,
Обольщенный силою чудесной?
Или просто рыцарь рядовой?

Чуть мерцает на цепи лампада,
На венце бесценном меркнет свет.
А вовне пылает лампа ада,
И земному места больше нет.

Гаснет ночь, и фонари желтеют.
Гулочас. В неясной вышине
Медленно светлеет, пламенеет
Путь к другой, неведомой стране.

Вот сейчас за серым небоскребом
Запоет звенящий водопад,
Над седым, неубранным сугробом
Расцветет голубоватый сад.

На востоке возникают башни
И плывет неспешный бой часов.
Передвинул стрелки страж вчерашний.
Новый ангел в новый путь готов...

Серебро листвы в тускловатом свете,
Как медных волос усталая рожь.
Неужели век мотаться на свете?
Неужели вовек ничего не поймешь?

Прозвонили полночь часы на башне.
В ответ за углом — последний трамвай.
Я иду одна, забыв о вчерашнем,
О случайных словах, о любви невзначай.

ПЕРЕД ОТПЛЫТИЕМ

Решены будут быстро вопросы:
Паспорт, виза, билеты, маршрут, —
День отъезда придет — и матросы,
Не спеша, Ваш багаж понесут.

Теснота неудобной каюты,
Запах моря, пожатые руки...
Неизбежность прощальной минуты
И дрожащие зыбко мостки...

А потом — возвращенье на сушу...
Слезы... Мыслей назойливых ход,
И свисток, надрывающий душу...
Уплывающий вдаль пароход.

ПИСЬМО

Взялась за перо, но не сразу
Связалась словесная нить...
С трудом подбирала я фразы,
Чтоб все до конца объяснить...

Припомнились первые встречи
И робость неловких бесед,
Сплетение противоречий
И легкой смущенности след.

Припомнился говор мне гулкий
Прозрачных таинственных вод,
И долгие наши прогулки,
И неба вечернего свод.

Припомнился лес, где мы с Вами
Искали грибов в сентябре...
Но как передать мне словами
Все то, чего нет в словаре?

...

Я разучилась просто веселиться
И развлекаться мелочами дня...
Не тешат взора сумрачные лица
И солнца блеск не радует меня.

Таинственной природы измененья
Средь шума городского далеки...
Не привлекает мерное течение
Величественной — чуждой мне — реки

Огромная враждебная столица
В железных лапах стиснула меня...
Я разучилась просто веселиться
И развлекаться мелочами дня.

• • •

Я всегда была лишь только странница,
Трепетно металась по земле...
Скоро ничего мне не останется —
Только тупо двигаться во мгле...

Свет угас... И потускнело многое —
Даже звезд на небе не найти...
Долго ли проторенной дорогою
Мне — усталой — медленно брести?...

Долго ли бродить?.. Рассвет
 туманится,
Не видать предметов в серой мгле...
Я всегда была лишь только странница,
Трепетно металась по земле.

Ирине Ясвен

Церковка, заросшие пригорки,
Суздальское небо и тоска.
К сонным травам, к луговинам горьким
Мчится мелководная река.

Родина. Летят касатки, свищут,
Пропадая в предзакатной мгле.
Я иду, потерянный и нищий,
Поклониться Матери-Земле.

Мальчик босоногий с дудкой звонкой
Гонит стадо в ветровую синь.
На воротах древняя иконка,
А внизу — терновник да полынь.

1942

И в сердце сознание глубоко,
Что с ним родился только страх...

Ин. Анненский

Парки пряжу ткут и распускают.
Тихий снег снижается на мир.
Елки под забором умирают,
Их уже изгнали из квартир.
Анненский тревогу мне приносит,
О, какой печальный маскарад!
Чахлая, между ветвями, просинь,
Мертвенный сгорающий закат.

...

Двусмысленность второстепенных деталей —
Летучие сумерки, ясность звезды.
Когда-то мы здесь проходили, блуждали,
Но ветер замел на дорогах следы.

Какие-то ветки, сосновые шишки —
На ощупь песок сыроват и упруг.
Но все это, в общем, осечки, ошибки,
Какие-то странные вещи, мой друг...

"Ходить воспрещается" — значит, не надо?
А вот мы пройдем, ни на что не смотря.
Какое убожество райского сада
Под небом безжалостного ноября!

1956

Закатный свет и тающего снега
Прозрачный отблеск на лице дрожит.
Синеющее, нежащее небо
Тускнеет. Значит, скоро заснежит.

Идешь тропинкой. Тихо и бездумно.
Ужель опять в морозное стекло
Ударит веткой ветер многошумный
И утром скажешь: снова замело!

Но даже в этом тусклом повечерье
Весть о ином, какой-то тайный знак —
И в жизни есть не только лишь потери,
Не только суеверие и мрак!

Лвониду Страховскому

В Петербурге, давным-давно...
Для чего ты о прежнем бредишь?
Все равно туда не поедешь,
А куда? Не все ли равно?
Все равно... По-осеннему колкий,
Ветер рвется в пустые сады.
Небо точно из мутной слюды.
Бродят улицей люди без толку.
Рано я закрываю окно.
Скоро ночь. О, как долго длится!
Возникают какие-то лица,
Все мерещится и все снится.
В Петербурге... Давным-давно...

...

Порой такая бешеная зависть
К тому, что не было, не свершено...
И снова ветер осени гнусавит,
И в грязных каплях темное окно.

Но разве было? Было ли иначе?
Поверь, мой друг... Какая темнота,
Как этот ветер неумно плачет,
И жизнь уже бессмысленно-пуста.

Пожары, бедствия... Но все проходит,
Проходит безвозвратно. Тянет глушь.
О чем писать? О счастье? О свободе?
И о родстве каких-то верных душ?

Но в океане звезд, в глухих просторах,
Где холод, безнадежность и туман,—
Слова, слова... И поздние укоры,
И в правду превратившийся обман.

1963

...

Та тень живет. И нет уже спасенья.
Я память уничтожить не смогу,
До самого из мертвых воскресенья,
Ненужное я крепко берегу.

А, может быть, тринадцатого года
Походку легкую и вздох любви,
И невскую дождливую погоду.
Но лучше ты уйди и не зови...

За память не зацепишься, не надо —
Война, вагоны и далекий путь.
Скажи мне, в чем единая отрада,
Чем может сердце сладостно вздохнуть?

1964

СНЕГ

Не к добру, видно, выпал снег,
На снегу виден талый след.

Там готический встал собор,
Незамеченный до сих пор.
Мне бы счастья хоть пару крох.

Ишь чего захотел, смотри!
Там за снегом черта зари,

Будто кто-то там кровь разлил
Или банку красных чернил.

Там готический встал собор.
За собором грязный забор.

А на нем вороны сидят
И насмешливо мне галдят:

"Было счастье здесь, но давно.
Испарилось уже оно.

Как растаявший этот след,
Как никчемно выпавший снег"...

1967

СНЕГ

Моему брату

Ты говоришь: — Смотри на снег,
Когда синей он станет к ночи.
Тяжелый путь за прошлый грех
Одним длинней, другим короче;
Но всех роднят напевы вьюг,
Кто в дальних странствиях обижен.
Зимой острее взор и слух
И Русь роднее нам и ближе.
И я смотрю... Темнеет твердь.
Меня с тобой метель сдружила,
Когда на подвиг и на смерть
Нас увлекал в снега Корнилов.
Те дни прошли. Дней новых бег
Из года в год неинтересней, —
Мы той зиме отдали смех,
Отдали молодость и песни.
Но в час глухой я выйду в ночь,
В родную снежную безбрежность —
Разлуку сможет превозмочь
Лишь познающий безнадежность.

1924

* * *

Помню горечь соленого ветра,
Перегруженный крен корабля;
Полосою синего фетра
Уходила в тумане земля;
Но ни криков, ни стонов, ни жалоб,
Ни протянутых к берегу рук, —
Тишина переполненных палуб
Напряглась, как натянутый лук,
Напряглась и такую осталась
Тетива наших душ навсегда.
Черной пропастью мне показалась
За бортом голубая вода.

1926

И. А. Бунину

Пушу собак. И, как дитя, заплачет
На пахоте настигнутый русак,
И вновь Устин, отцовский доезжачий,
Начнет ворчать, что я пускал не так.
— Опять, паныч, у вас расчету мало.
И с сердцем бросив повод на луку,
Он острием старинного кинжала
Слегка проколет ноздри русаку.
О, мудрая охотничья наука!
Тороча зайца, слушаю слугу.
И лижет старая, седеющая сука
Кровавый сгусток в розовом снегу.

1926

Не выдаст моя кобылица,
Не лопнет подпруга седла.
Дымится в Задонье, курится
Седая февральская мгла.
Встает за могилой могила,
Темнеет калмыцкая твердь,
И где-то правее — Корнилов,
В метелях идущий на смерть.
Запомним, запомним до гроба
Жестокую юность свою,
Дымящийся гребень сугроба,
Победу и гибель в бою,
Тоску безысходного гона,
Тревоги в морозных ночах,
Да блеск тускловатый погона
На хрупких, на детских плечах.
Мы отдали все, что имели,
Тебе, восемнадцатый год.
Твой азиатской метели
Степной — за Россию — поход.

1931

СТАРЫЙ ГОРОД

На солнце, в мартовских садах,
Еще сырых и обнаженных,
Сидят на постланных коврах
Принарядившиеся жены.
Последний лед в реке идет,

И солнце греет плечи жарко;
Старшинским женам мед несет
Ясырка — пленная татарка.
Весь город ждет и жены ждут,
Когда с раската грянет пушка,
Но в ожиданье там и тут
Гуляет пенистая кружка.
А старики все у реки
Глядят толпой на половодье, —
Из-под Азова казаки —
С добычей приплывут сегодня.
Моя река, мой край родной,
Моих прабабок эта сказка,
И этот ветер голубой
Средневекового Черкаска.

1938

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня;
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой.
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо —
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

1940

Я сердцем кроткая была,
Я людям зла не принесла,
Я только улыбалась им
И тихим снам своим...

И не взяла чужого я,
И травка бледная моя,
Что я срывала у ручья,—
И та была — ничья...

Когда твой голос раздался,
Я только задрожала вся,
Я только двери отперла...
За что я умерла?

... .

Тоска, моя тоска! Я вижу день дождливый,
Болотце топкое меж чахнувших берез,
Где, голову пригнув, смешной и некрасивый,
Застыл журавль под гнетом долгих грез.

Он грезит розовым, сверкающим Египтом,
Где раскаленный зной рубинность в небе льет,
Где к солнцу, высоко над пряным эвкалиптом,
Стремят фламинго огнекрылый взлет...

Тоска моя, тоска! О будь благословенна!
В болотной темноте тоскующих темниц,
Осмеянная мной, ты грезишь вдохновенно
О крыльях пламенных солнцорожденных птиц!

... .

Иду по безводной пустыне,
Ищу твой сияющий край.
Ты в рубище нищей рабыни
Мой царственный пурпур узнай!

Я близко от радостной цели...
Как ясен мой тихий закат!
Звенят полевые свирели,
Звенят колокольчики стад...

Ты гонишь овец к водопою —
Как ясен твой тихий закат!
Как сладко под легкой стопою
Цветы полевые шуршат!

Ты встанешь к стене водоема,
Моим ожиданиям близка,
Моею душою влекома
В далекие смотришь века...

Замучена зноем и пылью,
Тоскою безводных степей,
Так встречусь я с тихой Рахилью —
Блаженною смертью моей...

ЛЯ-Э-ЛИ!

О, как сладко быть любимой
Принцем Ля-Э-Ли,
В красоте неизъяснимой
Сказочной земли!

Взять свое благоуханье
Лилии могли
Только от его дыханья —
Принца Ля-Э-Ли!

И когда рубин проснулся
В каменной пыли —
Это значит — улыбнулся
Томный Ля-Э-Ли!

А когда он засмеется,
Знойный Ля-Э-Ли,
Стая алых птиц несется
В солнечной дали!

И когда во мне незримо
Песни зацвели,
Это значит — я любима
Принцем Ля-Э-Ли!

На острове моих воспоминаний
Есть серый дом. В окне цветы герани...
Ведут три каменных ступени на крыльцо...
В тяжелой двери медное кольцо...
Над дверью барельеф: меч и головка лани,
А рядом шнур, ведущий к фонарю...
На острове моих воспоминаний
Я никогда ту дверь не отворю!

СЕВЕРНОЕ

Печален стон лебединых струн
О нашей сказке юной.
О том, как жил ты, мой ясный Рун,
Со мной, с твоей Годеруной...

О, жизнь голубая вдали от людей,
От черной их злобы и страсти!..
Я ночью ходила скликать лебедей,
Чтоб им рассказать о счастье!..

Вскипел над пучиной бушующий вал
Под злым дыханьем Буруна...
Мой ясный Рун, ты меня позвал —
С тобой твоя Годеруна!

"Мы вместе,— сказал ты,— мы вместе должны
От снов золотого предела
На темную волю вольной волны
Идти вдохновенно и смело!.."

Очнулась одна я на острой скале —
Звезда надо мной тосковала
О той голубой незабытой земле,
Где я лебедей скликала...

Печален стон лебединых струн
О нашей сказке юной!
О том, как жил ты, мой ясный Рун,
Со мной, с твоей Годеруной!

Я заветной земли символический ком
Не взяла, от тоски замирая.
В свое сердце я город родной целиком
Уложила от края до края.

Чтобы парк у обрыва был свеж и тенист,
Чтобы храм над рекой подымался,
Чтобы даже весенний каштановый лист
В моем сердце неловком не смялся.

* * *

Может, в горящем танке
В ужасе ширил глаза.
Может, из маленькой ранки
Вытекла кровь, как слеза.

Может, упал на дороге,
Руки раскинул в пыли...
Может быть, ты безногий,
Весь в орденах инвалид.

Может, от голода таял,
Где-то угас в плену.
Может, как мы, оставил
С болью родную страну.

Может, ты тянешься взглядом
К этой вот самой звезде.
Может, ты — где-то рядом,
Только не знаю, где.

* * *

Мы, за руки взявшись, на горы глядели,
И зелень пьянила наш взгляд.
Над нами высокие ели шумели,
Весенние ели Карпат.

Такими горячими были ладони,
Так глаз глубока синева...
А там на далеком и солнечном склоне
Вся в белых ромашках трава.

Назад мы спускались тропинкой крутою,
Криница лежала у ног.
И гладил нам лица рукой золотою
Ярило — смеющийся бог.

ЧУЖОЕ ЛЕТО

Золотою ниткой на лету
Светлячки прошили темноту.

Их затмил, наряжен и далек,
Самолета красный огонек.

На секунду вспыхнул в свете фар
На кустах малиновый пожар —

Полыхает буйным цветом сад
Под сухой и жаркий треск цикад.

У меня же, в серой скуке дней,
На душе все глуше, все темней.

Так откуда ж извлекаешь ты
Столько неизбывной теплоты?

...

Девятнадцать жасминовых лет...
Ирина Одовцева

Снилось: у темного входа
(В бункер? В людское жилье?)
Жду, раздобыв у кого-то
Пропуск в былое мое.

А коридор этот узкий,
Двери и двери подряд.
Только в конце там по-русски, —
Чудится мне, — говорят.

Там ли кончается длинный
Путь, предначертанный мне?
Я захлебнулась в жасминной
Хлынувшей в двери волне...

Радостно в ней утопая,
Тихо касаюсь я дна.
Там, где горит золотая
Лампа родного окна.

...

Сядь рядом. Дай руку. Допустим,
Что путь предстоит нам простой.
Таблетку соленую грусти
Запьем сладковатой водой.

И смех молодой в этом всхлипе
Почудился нам наяву,
И мы, как заправские "хиппи",
С тобой улетим в синеву.

Туманной и странной отравой
Заплатим за этот полет
Туда, где позором и славой
Себя покрывает народ.

Где снова рукою тревожной
Нащупаем длинную нить,
Где жить нам с тобой невозможно.
И где невозможно не жить.

...

Когда ты спишь и долетает мерно
Негромкое дыхание твое,
Я становлюсь на полчаса неверной
И покидаю теплое жилье.

Как легок путь в четвертом измеренье!
Как облик свой меняют города!
В беззвездном небе всходит на мгновенье
То белая, то красная звезда.

Я прохожу под самым краем тучи,
Закрывшей абрис милого Ковша,
И здесь меня так по-земному мучит
Привыкшая к сомнениям душа.

Как без тебя томительно пространство!
Скорей домой, в привычный мой уют,
Где две руки с чудесным постоянством
Озябшую беглянку обовьют.

Аполлон играет на гармошке...
Разве должен Аполлон быть бритым?
Мамма миа разложила груди на окошке,
в ресторане уличном бродят, выются кошки
с видом независимым, нищим или битым.
А мальчишка собирает баянисту плату —
Ганимед зачучканный в ситцевой рубашке,
и с глухим шуршаньем падают бумажки,
тусклые копейки бывшему солдату.
Ах ты, Рим! — ведь рядышком храмы и палаты,
и белье полощется на монастыре,
фрески в подворотне склада тусклой ваты —
жизнь, простая жизнь — и важные прелаты,
кошки и гармошки — всё на алтаре...

Клейкой клятвой пахнут почки...
Мандельштам

Сладким клеем брызжут почки,
В лужах сколки солнца,
Ива в вышитой сорочке
Около оконца.

А оконце не простое:
Из лесу к заливу.
Солнце блекло-золотое
Гладит девку-иву:

— Наливайся, девка, соком,
Косами склоняйся,
Не гляди прозрачным оком,
Парням улыбайся...

Ну, а ива... Эх, плакида! —
Косы опустила,
Глазки сщурила для вида —
И совсем застыла.

1964

Серебряные трубы
И медные рога,
И шелковые губы
Страстного Четверга.

И свечки, свечки, свечки
На бархате ночном,
Как огоньки на речке,
Как дальний отчий дом.

И привкус чуть с горчинкой
Сушеного гриба, —
Весенняя начинка,
Березок худоба.

И вешние сережки,
И медные рога,
И холодок внарошку
Страстного Четверга...

На рыжих холмах золотой виноград,
А речка, как прыткий козленок,
Что летнему зною несказанно рад —
Из всех недозрелых силенок.

Ломаются в ней виноград и оград
Сквозистый железный просонок,
И на небе пышных плюмажей парад
Блистателен, ярок и звонок.

Святой Христофор на одной из аркад,
Христос — позлащенный ребенок, —
Святому безлюдью они не в разлад,
А мост — как котенок он тонок:

Зевая, он выгнулся впрямь невольно,
Косясь: ох, уж этот козленок!
Руном подопрелым застыл виноград,
Набрякший с медовых просонок...

1964

Да, вот так. Мы будем жить на свете
Никому не ведомым быльем:
Перед кем, за что нам быть в ответе,
Нам, покинувшим навеки дом?

Пустота немыслимой свободы,
Отвлеченных дум живая речь...
Что сберечь нам, пасынки природы,
Что для смутной вечности сберечь?

Горечь беспредельной вольной доли
И уют любимых женских плеч,
Светлый всплеск любовной острой боли,
Страстью захлебнувшуюся речь.

Вот и все. Как беспредельно много! —
Только нищий ласке хлеба рад.
Восхвали же Всеблагого Бога
За Его репьем заросший сад.

1964

...

Радостно встречай утро обновления,
ветер, листву осеннюю разметающий,
будь листом отлетающим, птицею перелетною —
вить гнездо свое тебе нет уже времени.

Позабудь про все, коли все забудется:
сбереги лишь улыбку губ неулыбчивых,
голос песенки, скорбью надтреснутый,
да уголек от костра отгоревшего.

1961

...

Пришла эстафета: довольно шататься по свету,
пора на оседлую статью перейти и осесть... —
А мне, побродяге, мерещатся синие дали,
влекущие дали дорог и седых городов.

У стен крепостных обомшелой плешивой Европы,
сиреневых мраморов передрабасованных Афин
несутся скрипичные вопли глухих Паганини
и слышится плач овдовевших религий Земли.

И все-таки — эти безумные дали...
Цыганские скрипки всесветной счастливой тоски...
К чертям эстафету! — Я буду шататься по свету!
О, синие дали! О, гулы органной педали!
Влекущие дали дорог...

Ноябрь 1983

ЖИЗНЬ

Шум города и шум дождя слились
в бормочущий во мраке бег.
Проходит жизнь. Прошла. Молчи, смирись.
Ни воротить, ни изменить вовек.

Кроватка. Няня. Пение волчка.
Вечерний запах ламп и лязг подков,
и колокольный гул издалека,
и милый шелест маминых шагов.

Зима. Слепой московский небосвод,
ученых дней постыло-равный ряд...
Полки в далекий тянутся поход,
и марши заунывные томят.

Сверканье гремящих поездов,
как счастье невозможное, зовет.
Над башнями немецких городов
заря пернатым облаком цветет.

Жасмина звездно-сладостный дурман
и незнакомой девушки ответ.
В полдневном парке плещущий фонтан
Поет: быть может — да, быть может — нет.

ПРАГА

Свет обреченный, день печальный...
О, жизни предрешенный лёт!
И город, как фрегат хрустальный,
в лазури огненной плывет.

Тысячебашенный и старый,
приют безумных королей
и колдунов, творящих чары
среди залитых луной полей!

Грехам и наважденьям тайным
прикосновенен темный рок:
перед тобою не случайным
ловцом в овраге я залег.

И злым и радостно-крылатым
я стал в тугом твоём кругу.
Хранимый ангелом проклятым,
тебя тревожно стерегу.

Недвижна мраморная точность
потусторонней красоты,
и только нежная порочность
живит бездумные черты.

КРЕСТОВИК

Как встарь, размеренный и точный,
он в чёрный свой замкнется круг,
когда ударит бой полночный —
уйдет, как в сеть свою паук.

Вот мертвые повисли нити,
да паутина уж не та!
Дорога пройденных наитий —
как спутанная пустота.

Но только в час свободы мнимой
дотронешься ты сети — вмиг
в свой чёрный круг нерасторжимый
тебя затянет крестовик.

Не разорвать позорной сети!
Паук окрутит, припадет, —
лишь кругом оплетенный этим
ты переступишь в Новый Год.

ТРИ АНГЕЛА

Три ангела предстали мне в ночи,
один — золотокрылый, свет нагорный,
другой — как лунный лик, а третий — чёрный,
и от него шли чёрные лучи.

И, Первого узнав, пред ним поник
в испуге я: "Прости, что брел бесславным
путем под именем твоим державным".
Но не ответил мне Архистратиг.

Второй сказал, и голос пел, как медь:
"Ты не давал и не нарушил слова,
моим огнем не будешь ты гореть".
Он замолчал. Но я не знал второго.

А Третий улыбнулся мне едва:
"Спасу тебя от радости и муки,
и жизнь твоя пройдет тиха, мертва,
и будет смерть, как легкий час разлуки"...

ПОСЛЕДНЕЕ

Спокойно разлитой туман
все бытие кругом завесил...
Но я не грустен и не весел,
я смертью подступившей пьян.

Как в радостно-блаженный миг,
мое остановилось время, —
оно еще скользит за теми,
кто всех пределов не постиг.

Тщету и суетность и прах
изведав, не преодолею, —
в звериной жизни цепенею
и молча бьюсь в ее когтях.

Слишком поздно приходит прозрение подчас —
Наступает расплата потом.
Как и многих, судьба разлучила и нас,
Разметала счастливый наш дом.

Пусть течет небывалая, скорбная жизнь.
Ты сказал мне: — Светильник храни!
Я хочу сохранить и шепчу: — Возвратись!
Возврати мне счастливые дни!

Ты припомни, я честью твоею была
И началом томленья и мук:
Потому и светильник, не дрогнув, взяла
Из твоих коченеющих рук.

И теперь вот брожу от угла до угла,
Продолжаю с тобой говорить:
— Если жизни твоей уберечь не смогла,
Как светильник мне твой сохранить?

* * *

Волны ударяют чаще, чаще,
Близится беда...
Поднялась громадой гор гудящих
Буйная вода.

Хочет превратить мой дом в обломки, —
Не заснуть никак.
Слышу издали твой ропот громкий,
Мой любимый враг!

Опущу на окна шелк зеленый,
Свет зажгу в углу,
Чтоб не видеть, как взметнулись волны
И глядят во мглу.

Кто меня, как ты, сумеет, море,
Покорить навек?
На тебя похож познавший горе,
Гордый человек!

Ты выдумка, пленительная ложь,
Так улетай скорей и не тревожь.

Не прикасайся огненным крылом,
Оставь нас с одиночеством вдвоем!

Мы знаем задушевные слова,
Мы выстрадали на любовь права.

О, если б воскресать могла любовь,
Как ты из пепла воскресаешь вновь!

Россия, твой ветер привольный
Призывно и мощно поет,
И радостно сердцу и больно,
И просится сердце в полет.

Но поздно! я слишком устала...
Душа каменеет моя.
О гребень девятого вала
Моя разобьется ладья.

И я не дойду — не узнаю
Ни ласки, ни власти твоей
И вздохом тревожным растаю
Средь чуждых китайских полей.

Если кто-то запутан в измене,
Но любви повторяет слова,
Значит, занавес поднят на сцене,
И плетутся опять кружева.

Где кончается жизнь? Где подмостки?
Ложь от правды нельзя отличить:
Здесь и ветер искусственно хлесткий
Заплетает узорами нить.

И когда кружевное искусство
Открывает иные миры,
Кто заметит наигранность чувства,
Разгадает притворство игры?

Наклоняется профиль орлиный:
— Не тревожь ты ее, не тревожь! —
Тихо падает занавес длинный,
Исчезает волшебная ложь...

* * *

Мои глаза не смогут потускнеть,
И обо мне не перестанут петь.

Но что мне жизнь без меры, без конца,
Мне, пережившей своего творца?

За что меня так наказал Господь,
Что дал мне эту неживую плоть?

И я должна глядеть, глядеть в века,
Как будто бы задумавшись слегка...

* * *

Смотри, он нарядный, уютный,
Твой кукольный домик, твой рай:
Быть может, порыв только смутный —
Уход твой... Рассмейся... Играй...

Нет, кончился праздник счастливый,
Наряд маскарадный поблек,
И шепот любовный и льстивый
Никак и ничем не помог.

Вглядись в этот дом, в эти стены.
Но мужу в глаза не гляди:
Ведь это страшнее измены...
Не слушай его, уходи...

Проходишь с опущенным взором —
Ведь дважды цветам не цвести:
И прежней не будешь ты, Нора,
И трудно свободной идти!

Бывают встречи — как постигнуть нам
Их тайный смысл, высокий и печальный?
Они торжественны, как вешний храм,
И сладостны, как благовест пасхальный.

И пристален пыливый милый взор,
Догадки смутной полон — и испуга,
Как будто, не выдавшись с давних пор,
В чужой толпе вновь встретились два друга.

И близкую предчувствуя любовь,
Дыша вплотную несказанной тайной,
Себя — небесных — знаем вновь
Под оболочкой тленной и случайной.

1929

ПТИЦЕ-ЛИРЕ

Мы с тобой одни, моя жар-птица.
Чуть трепещут листья на ветвях.
Мимо нас, шумя, ручей стремится
И, ломаясь, пенится в камнях.

Бледный луч травинки разбирает,
И, переливаясь как звезда,
Капелька алмазная мерцает
На подмохшем прутике гнезда.

Вот зажглась оранжевою точкой,
Вот другая вспыхнула огнем...
Медленно ступая по листочкам,
Луч обходит дерево кругом.

Лес продрог, и пар идет порою
Из гнезда, прилипшего к скале.
Близко, рядом, за моей спиной
Ты спокойно роешься в земле.

Вот пушок твой сыт, — и пятись задом,
Спрыгнешь ты — и вновь за червячков...
Разве так же не жили мы рядом
Перед тем за тысячи веков?

И не он ли к нам грядет сегодня,
Сквозь времен несчетных бурелом, —
Тот блаженный Вертоград Господний,
Наш с тобой, единый Отчий дом?

1959, Шербрук, Австралия

Блаженных слез бесценный дар
Под старость дал мне добрый гений,
И вдохновенья юный жар,
И свежесть новых впечатлений.

На музыки любимый зов,
На звук воды, в камнях журчащей,
На шелест леса, ритм стихов,
На яркий луч в зеленой чаще, —

На все теперь душа в ответ
Дрожит Золовою арфой.
Зажегшись вдруг, как самоцвет,
Марией становясь из Марфы.

МУЗЕ

Я не думал свидеться с тобою,
Заглянуть опять в твои глаза,
И не ждал, что ты придешь такою,
Как когда-то, столько лет назад.

Не такою, нет, — проникновенней,
Глубже и прекрасней стала ты,
Словно и взаправду светлый гений
Озарил насквозь твои черты.

Как вечерний благовест, плывущий
Над листвою лепечущих берез,
Чуть дрожит твой голосок зовущий
От удержанных блаженных слез.

Жизнь почти прошла, но не исчезнет
И навек останется в миру
Что, как сердце, бьется в каждой песне,
И, как знамя, плещет на ветру.

И когда уйдем отсюда оба,
То твоя наместница-тетрадь —
Здесь останется с живыми, чтобы
Трогать, утешать, благословлять.

Вдруг из-за туч озолотило
И столик, и холодный чай.
Помедли, зимнее светило,
За черный лес не упадай!

Дай посиять в румянном блеске,
Прилежным поскрипеть пером.
Живет в его проворном треске
Весь вздох о бытии моем.

Трепещущим, колючим током
С раздвоенного остря
Бежит — и на листе широком
Отображаюсь... нет, не я:

Лишь угловатая кривая,
Минутный профиль тех высот,
Где, восходя и ниспадая,
Мой дух страдает и живет.

1923

...

Все каменное. В каменный пролет
Уходит ночь. В подъездах, у ворот —

Как изваянья — слипшиеся пары.
И тяжкий вздох. И тяжкий дух сигары.

Бренчит о камень ключ, гремит засов.
Ходи по камню до пяти часов.

Жди: резкий ветер дунет в окарино
По скважинам громоздкого Берлина,—

И грубый день взойдет из-за домов
Над мачехой российских городов.

1923

...

Интриги бирж, потуги наций.
Лавина движется вперед.
А все под сводом Прохураций
Дух беззаботности живет.

И беззаботно так уснула,
Поставив туфельки рядом,
Неомрачимая Урсула
У Алинари за стеклом.

И не без горечи сокрытой
Хожу и мыслю иногда,
Что Некто, мудрый и сердитый,
Однажды поглядит сюда,

Нечаянно развеселится,
Весь мир улыбкой озаря,
На шаль красотки заглядится,
Забудется, как нынче я,—

И все исчезнет невозвратно
Не в очистительном огне,
А просто — в легкой и приятной
Венецианской болтовне.

1924

БАЛЛАДА

Мне невозможно быть собой,
Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Идет безрукий в синема.

Мне лиру ангел подает,
Мне мир прозрачен, как стекло, —
А он сейчас разинет рот
Пред идиотствами Шарло.

За что свой незаметный век
Влачит в неравенстве таком
Беззлобный, смирный человек
С опустошенным рукавом?

Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Безрукий прочь из синема
Идет по улице домой.

Ременный бич я достаю
С протяжным окриком тогда
И ангелов наотмашь бью,
И ангелы сквозь провода

Взлетают в городскую высь.
Так с венетийских площадей
Пугливо голуби неслись
От ног возлюбленной моей.

Тогда, прилично шляпу сняв,
К безрукому я подхожу.
Тихонько трогаю рукав
И речь такую завожу:

— Pardon, monsieur, когда в аду
За жизнь надменную мою
Я казнь достойную найду.
А вы с супругою в раю

Спокойно будете витать,
Юдоль земную созерцать,
Напевы дивные внимать,
Крылами белыми сиять, —

Тогда с прохладнейших высот
Мне сбросьте перышко одно:
Пускай снежинкой упадет
На грудь спаленную оно.

Стоит безрукий предо мной,
И улыбается слегка,
И удаляется с женой,
Не приподнявши котелка.

1925

...

Трудолюбивою пчелой,
Звеня и рокоча, как лира,
Ты, мысль, повисла в зное мира
Над вечной розою — душой.

К равниной чашечке ее
С пытливой дрожью святотатца
Прильнула — вщупаться, всосаться
В таинственное бытие.

Срываешься вниз головой
В благоухающие бездны —
И вновь выходишь в мир подзвездный,
Запорошенная пылью.

И в свой причудливый киоск
Летишь назад, полухмельная,
Отягощаясь, накапливая
И людям — мед, и Богу — воск.

1923

ГРАММОФОН

Ребенок спал, покуда граммофон
Все надрывался Травиатой.
Под вопль и скрип какой дурманный сон
Вонзался в мозг его разъятый?

Внезапно мать мембрану подняла —
Сон сорвался, дитя проснулось,
Оно кричит. Из темного угла
Вся тишина в него метнулась...

О, наших бедных душ не потрясай
Твоею тишиною грозной!
Мы молимся — Ты сна не прерывай
Для вечной ночи, слишком звездной.

1927

СКАЛА

Нет у меня для вас ни слова,
Ни звука в сердце нет,
Биденья бедного бывшего,
Друзья погибших лет!

Быть может, умер я, быть может —
Заброшен в новый век,
А тот, который с вами прожит,
Был только волн разбег.

И я, ударившись о камни,
Окровавлен, но жив, —
И видится издалека мне,
Как вас несет отлив.

1928

НЕ НАДО

Мечтаю все о родине, о возвращенье грежу,
И часто путаю действительность со сном.
В обидном одиночестве с привычной грустью нежу
Отверженность свою, как нищий под окном.

...Вот в дом вхожу, где много милых сердцу
Осталось... где покой, казалось, нерушим.
Где вечерами зимними, открывши в печке дверцу
И греясь, думал я: скорей бы стать большим.

Вот комнатка моя... Знакомый стол и книги...
Здесь юность в дерзких замыслах и планах протекла.
Тогда еще не знал, что скоро сам вериги
Одену тяжкие и встречу столько зла.

Какие чувства странные! И мертвое, забытое
Из-под обломков прошлого видением встает,
Стучится в сердце бедное и так уже разбитое,
Стучится все настойчивей и грусть у входа вьет.

...В простенках те же хмурые портреты в рамках
строгих.
В передней тот же старенький потертый половик...
И как-то все не верится, что нет в живых уж многих
Из тех, кого я знал, к кому я так привык.

Уйди, уйди, тоска! С тобою неуютно,
С тобою тяжело... Я отдохнуть хочу.
Не надо вспоминать, хотя бы даже смутно...
Не надо над усопшими приподнимать парчу.

В ЦЕРКВИ

Тяжелый замок распилили,
Отдвинули ржавый засов...
Иконы, седые от пыли,
Взглянули на них из углов.

На паперти желтые пятна
Неровно разлила луна...
И мертвая тишь непонятна —
Пугает вошедших она.

Луной осиянно Распятие.
Как бледно лицо у Христа...
Богородица в выцветшем платье
Прижалась в тени у Креста.

Какая ужасная мука
В глазах, подведенных углем.
Склонился к лицу близоруко:
"Ты был Иудейским Царем?!"

Сухим и отрывистым треском
Ответил рассохшийся крест,
Иконы, залитые блеском
Луны, будто тронулись с мест.

Попятился в страхе зверином
И, птясь, на руки взглянул —
Испачкал отставшим кармином,
Когда Богоматерь толкнул.

Как кровь... Ерунда! Засмеялся,
Ободренный смехом других.
А стыдно, что так испугался
"Раскрашенных кукол благих".

И, смехом вверху откликаясь,
Сползла из-под купола жуть.
Бах!!! Выстрелил в воздух, ругаясь,
Чтоб ужас трусливый спугнуть.

Все больше и больше куражится,
Прицелился, щеку скривил,
Да в месяц... Иль спьяна то кажется,
Иль вправду, а край отстрелил.

Не верит, глаза протирает...
А с неба осколок луны
Лукавою рожей кивает,
Окрасив действительность в сны.

И снова к Христу близоруко:
— Ты был Иудейским Царем?! —
Все та же нещадная мука
В глазах, подведенных углем...

И краску сорвал под шипами.
"Религия — это дурман!"
Блеснул золотыми зубами
И браунинг спрятал в карман.

НА БЕРЕГУ

Лежу на берегу, трава лицо ласкает,
И первой звездочки затеплившийся луч,
Раздвинувши листву, тихонько отмыкает
В душе воспоминания, как чародейный ключ.

На небе пепельном мелькают силуэтом
Мышей летучих крылья-плавники,
По горизонту палевым багетом
Легли зари закатной огоньки...

Но все не то. О чем-то позабыто...
Неуловимой ласточкой летает мысль одна,
И путаницей шелковой повита
Воспоминаний свежая копна...

Закрыл глаза... В песке шуршат ракушки,
С морским прибоем шепчутся у синих берегов.
И фанзы хрупкие японской деревушки,
И статуи раскрашенных богов.

Луна, как лампа светлая перед раскрытой книгой,
Стоит, задумавшись, над сонным островком...
И тень своею черною зубчатою мотыгой
Окапывает домики и деревца ровком.

На небе очертания потухшего вулкана...
Просветы... тень разлитая, как тушь,
Фигурка притаившегося спящим истукана,
И море серебристое, и тишина, и глушь.

Опять не то. О чем-то вспомнить надо
Другом, сверкающем, и мысли подстеречь;
Припев какой-то нежащий, как в древних песнях
"Ладо".
Подслушать надо памятью и в сердце приберечь.

Лежу на берегу, трава лицо щекочет,
Туманится в глазах — и снова тот же вид:
У синих берегов прибой воды клекочет,
И брызги вспыхивают, словно хризолит.

Как в панораме яснятся: деревья, фанзы, горы,
На горизонте чертится вулкана острый склон.
Просветы, тень... Повсюду их узоры...
А где-нибудь в расщелине, наверное, дракон.

Все — как в альбомчике художника-японца,
Рисующего тушью по резьбе...
Припомнил!!! "только в творчестве, горящем ярче
солнца,
Найдут мятежные пристанище себе..."

Да, только в творчестве, на мраморных ступенях,
Ведущих в храм стиха и божества.
В словесных сочетаниях, в узорных светотенях
Есть радость несказанная святого колдовства.

НАКЛОН

Материнское — сквозь сон — ухо.
У меня к тебе наклон слуха,
Духа — к страждущему: жжет? да?
У меня к тебе наклон лба,

Дозирующего вер — ховья.
У меня к тебе наклон крови
К сердцу, неба — к островам нег.
У меня к тебе наклон рек,

Век... Беспмятства наклон светлый
К лютие, лестницы к садам, ветви
Ивовою к убеганью вех...
У меня к тебе наклон *всех*

Звезд к земле (родовая тяга
Звезд к звезде!) — тяготенье стяга
К лаврам выстраданных мо — гил.
У меня к тебе наклон крыл,

Жил... К дуплу тяготенье совы.
Тяга темени к изголовью
Гроба, — годы ведь уснуть тщусь!
У меня к тебе наклон уст

К роднику...

28 июля

Есть час Души, как час Луны,
Совы — час, мглы — час, тьмы —
час... Час Души — как час струны
Давидовой сквозь сны

Сауловы... В тот час дрожи,
Тщета, румяна смой!
Есть час Души, как час грозы,
Дитя, и час сей — мой.

Час сокровеннейших низов
Грудных. — Плотины спуск!
Все вещи сорвались с пазов,
Все сокровенья — с уст!

С глаз — всё завесы! Всё следы —
Вспять! На линейках — нот —
Нет! Час Души, как час Беды,
Дитя, и час сей — бьет.

Бедя моя! — Так будешь звать.
Так, лекарским ножом
Истерзанные, дети — мать
Корят: "Зачем живем?"

А та, ладонями свежа
Горячку: "Надо. — Ляг".
Да, час Души, как час ножа,
Дитя, и нож сей — благ.

14 августа

ЛУЧИНА

До Эйфелевой — рукою
Подать! Подавай и лезь.
Но каждый из нас — такое
Зрел, зрит, говорю, и днесь,

Что скушным и некрасивым
Нам кажется ваш Париж.
"Россия моя, Россия,
Зачем так ярко горишь?"

Июнь 1931

СТОЛ

1

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел
Со мною по всем путям.
Меня охранял — как шрам.

Мой письменный выучный мул!
Спасибо, что ног не гнул
Под ношей, поклажу грез —
Спасибо — что нес и нес.

Строжайшее из зеркал!
Спасибо за то, что стал
(Соблазнам мирским порог)
Всем радостям поперек,

Всем низостям — наотрез!
Дубовый противовес
Льву ненависти, слону
Обиды — всему, всему.

Мой заживо смертный тес!
Спасибо, что рос и рос
Со мною, по мере дел
Настольных — большал, ширел,

Так ширился, до широт —
Таких, что, раскрывши рот,
Схватясь за столовый кант...
— Меня заливал, как шtrand!

К себе пригвоздив чуть свет —
Спасибо за то, что — вслед
Срывался! На всех путях
Меня настигал, как шах —

Беглянку.
— Назад, на стул!
Спасибо за то, что блюл
И гнул. У не вечных благ
Меня отбивал — как маг —

Сомнамбулу.
Битв рубцы,
Стол, выстроивший в столбцы
Горящие: жил багрец!
Деяний моих столбец!

Столп столпника, уст затвор —
Ты был мне престол, простор —
Тем был мне, что морю толп
Еврейских — горящий столп!

Так будь же благословен —
Лбом, локтем, узлом колен
Испытанный, — как пила
В грудь въевшийся — край стола!

Июль 1933

2

Тридцатая годовщина
Союза — верней любви.
Я знаю твои морщины,
Как знаешь и ты — мои.

Которых — не ты ли — автор?
Съедавший за дестью десть,
Учивший, что нету — завтра,
Что только сегодня — есть.

И деньги, и письма с почты —
Стол — сбрасывавший — в поток!
Твердивший, что каждой строчки
Сегодня — последний срок.

Грозивший, что счетом ложек
Создателю не воздашь,
Что завтра меня положат —
Дурищу — да на тебя ж!

Обнимаю тебя кругозором
Гор, гранитной короною скал.
(Занимаю тебя разговором —
Чтобы легче дышал, крепче спал.)

Феодального замка боками,
Меховыми руками плюща —
Знаешь — плющ, обнимающий камень
В сто четыре руки и ручья?

(Но не жимолость я — и не плющ я!
Даже ты, что руки мне нужней —
Не расплющен — а вольноотпущен
На все стороны мысли моей!)

Кругом клумбы и кругом колодца
(Куда камень придет — седым!)
Круговую порукой сиротства —
Одиночеством круглым моим:

(Так вплелась в мои русые пряди
Не одна серебристая прядь!)
И рекой, разошедшейся на две —
Чтобы остров создать — и обнять.

Всей Савойей и всем Пьемонтом,
И — немножко хребет надлома —
Обнимаю тебя горизонтом
Голубым — и руками двумя!

*St. Pierre de Roumilly,
21—24 августа 1936*

БЕССОННИЦА

Из улицы в улицу — вброд —
бродить без расчета, без меры;
и прошлое в ногу идет,
как тонкая тень Агасфера.

До звезд завивает спираль
сухая и пьяная вьюга.
Бессонная ночь, не пора ль
с тобою расстаться, подруга?

И город, оседланный мглой,
уныло плетется к рассвету.
О, что бы присниться могло
за время напрасное это?

Желтает измятый восток.
Не будет заря, как начало,
но как утомленный игрок,
как сброшенный фрак после бала.

А твой неустойчивый шаг
скребет тротуар по загривку.
И пляшет пустая душа
обрывком газеты, обрывком.

ВАЛЬС

Расцветай, моя ночь, и касайся
шелковистым подолом людей!
Мы плывем по широкому вальсу
в голубой невесомой ладье.

Опустевшие столики пеной
оседают за нами к стене,
и качается ночь, как сирена,
на блестящей паркетной волне.

От расплывчатой мглы ресторана
отплывая навеки вдвоем,
голубые забытые страны
мы, как молодость, снова найдем.

Медный ветер сметет дирижера,
раскачает простенки прибой;
в повторенных зеркальных просторах
станет тесно кружиться с тобой.

И круги расширяя над залом,
покидая, как пристань, паркет,
разобьемся мы грудью о скалы —
об высокий холодный рассвет.

* * *

Зубочистки грозят, как рапиры,
и чернеет рояля помост.
Через мутную полночь трактира
ты опять вырастаешь до звезд.

Мимоходом, как позднюю помощь,
ловишь скрипок унылый привет.
Этих лиц, этих комнат не помнишь,
и легко уплывает паркет.

И не пена — ты знаешь заранее,
что над пивом плывут облака.
Голос твой, освеженный молчаньем,
как весеннего грома раскат.

А, из пены родившись, Венера,
пьяным жестом щеку подперев,
эту ночь принимая на веру,
будет слушать покорно хорей.

Под полями дешевенькой шляпы
ты увидишь, сквозь дым голубой,
как, слезами на скатерть закапав,
для тебя оживает любовь.

О поэт, разве розы не могут,
если хочешь, и здесь задышать?!
Но, сбиваясь с цветущей дороги,
ослепленная бредит душа.

И не видит, присевшая сзади,
как приходит любовь умирать
на измятом обрывке бумаги,
под заржавленным жалом пера.

Те, которых не осудят,
но кто долго ждут суда.
Те, кого под утро будят
мартовские холода.

Те, кто убивают время
— за минутами года, —
оттого что не хватает
краткой жизни на земле.
Те, кто сеют правды семя,
привыкая жить во зле.

Кто взаимности не знает
и, прощая все измены,
грустно любит — за двоих.
Кто не помнит перемены
и годами видит то же
небо, левый берег Сены...

Те, кто кажутся моложе
современников своих,
но которых в белой зале
ждет за ширмою кровать...

Те, которым на вокзале
стыдно счастья пожелать.

* * *

Раннее солнце за красною шторой.
Солнечный луч проникает в окно
в противоречии с жизнью, в которой
холодно, тесно, темно.

В противоречии с ним — неизбежность
гибели близкой, разлуки, конца...
В противоречии — страстная нежность
с жалостью острой, при виде родного
немолодого лица.

Так разойтись, без единого слова...
Этого я не пойму никогда.
Мы и заметить, любя, не успели,
как между нами возникла вражда.
Чистое, яркое утро в апреле...
Где это было? Когда?

Грусть мира поручена стихам...

Г. Адамович

Холодные, длинные майские дни.
Зеленое золото солнца сквозь тучи...
И эта навязчивость слов и созвучий —
мы с ними навеки одни.

Язык наш — недавно великий, могучий —
тяжелый и светлый язык песнопенья
порою звучит, как мещанский жаргон.
И только с тоской вырывается стон
у тех, кто привык в нем искать вдохновенье.

Откуда же взять нам такое смирение,
в котором бы не было больно и тесно
еще не отжившим сердцам?

Мы все уцелели случайно, чудесно...
Грусть мира зачем-то поручена нам —
и этому нет объяснения.

* * *

Как в одиночной камере рассвет,
под утро будит страшная тревога.
Чего бояться, если ада нет?
Не может ада быть по воле Бога.

И если мир любить — прекрасный, грешный, —
разлука с ним все может искупить.
Я думаю еще — уже теряя нить, —
что утешает только безутешный
и лишь сомненье может убедить.

А. Гингеру

Темный август. Солнца нет следа.
И тоска, как небо, без просвета.
Длинные уходят поезда
в поисках обещанного лета.
Груды листьев на сырой панели
словно пестрый сброшенный наряд.
А прохожего случайный взгляд
больно отзывается в груди...

Лета не было — как жизни. Неужели
даже увяданье позади...

Я жду твоего возвращенья,
на время — я знаю — опять.
Я жду не любви, а прощенья,
но трудно — я знаю — прощать...

За грусть, за безумную нежность,
за памяти светлый мираж,
такой же, как моря, безбрежность,
как южный любимый пейзаж —
причудливых лоз равномерность
и пальмы у розовых дач...

За бедность мою и за верность,
за праведный смысл неудач.
За то, что взволнованность эта
с годами опасней, темней...
За счастье короткого лета,
сгоревшего в несколько дней.

...

Лишь мысль об одном постоянна
на фоне расплывчатых дум.
Далекий, как шум океана,
доносится улицы шум...
Раскаты внезапного грома
откуда-то издалека.
Над крышей соседнего дома
светлеют уже облака...

Июльская ночь коротка.

Июльская ночь бесконечна,
не спится, и думаю я —
измена твоя глубоко человечна,
но как ограничена, пусть высока,
суровая верность моя.

Мы с тобой два знатных иностранца:
В серых куртках, в стоптанных туфлях.
Карусель кружится в ритме танца,
И девчонки ввысь летят в ладах...
Вдосталь хлеба, смеха и румянца,
Только мы — полынь в чужих полях.

Опустивши худенькие плечи,
Теребишь ты тихо мой мешок
И внимаешь шумной чуждой речи,
Как серьезный, умный старичок.
Ноги здесь, а сердце — там, далече,
Уплывает с тучей на восток.

Над лужком холмов зеленый ярус
Манит нас раздольной тишиной.
Бок шатра надул под ветром парус,
Собачонка лает за спиной...
Карусель взвевает свой стеклярус
И кружится, словно шар земной!

Солнце — наше, горы — тоже наши...
Ты послушай, что поет поток:
В голубой, для всех раскрытой чаше
Тонет всё: и запад, и восток...
Будет жизнь и радостней, и краше...
Хочешь, купим глиняный свисток?

На углу закрывали тромбоны:
Впереди — двенадцать медных труб.
Сзади — пары, девочки-бутоны.
Сколько ярких деревенских губ!
Закачались белые колонны
И пошли плясать в прохладный клуб.

Улыбнись, поправь свою подвязку,—
Веет ветер, в путь зовет, злодей!
Мы в лесу напишем нынче сказку —
Там, где пахнет сыростью груздей, —
Про людей, любивших смех и пляску,
Никого не мучивших людей...

Тех, кто страдает гордо и угрюмо,
Не видим мы на наших площадях:
Задавлены случайною работой,

Таятся по мансардам и молчат...
Не спекулируют, не пишут манифестов,
Не прокурорствуют с партийной высоты,
И из своей больной любви к России
Не делают профессии лихой...
Их мало? Что ж... Но только ими рдеют
Последние огни родной мечты.
Я узнаю их на спектаклях русских
И у витрин с рядами русских книг —
По строгому, холодному обличью,
По сдержанной печали жутких глаз...
В Америке, в Каире и в Берлине
Они одни и те же: боль и стыд.
Они — Россия. Остальное — плесень:
Валюта, декламация и ложь,
Развязная, заносчивая наглость,
Удобный символ безразличных — "наплевать",
Помойка сплетен, купля и продажа,
Построчная истерика тоски
И два десятка эмигрантских анекдотов...

. . .

Прокуроров было слишком много!
Кто грехов Твоих не осуждал?..
А теперь, когда темна дорога
И гудит-ревет девятый вал,
О Тебе, волнуясь, вспоминаем, —
Это всё, что здесь мы сберегли...
И встает бывшее светлым раем,
Словно детство в солнечной пыли...

В МАРСЕЛЕ

Посмотри, посмотри, как вскипает, как пенится след!
Чайки низко над нами летят вперегонку...
Провансалец-старик надвигает на брови берет,
Смотрит вбок на сапфирный лоснящийся цвет
И в мотор наклоняет маспенку.

Раздвигается порт. Вкусно пахнет соленая даль.
За спиной над домами янтарная мгла и пылица.
На волне, отражая дрожаще-цветную спираль,
Пароходы пустые открыты до ржавого днища.
Удирает душа... Ничего на земле ей не жаль.

Паутиной стальной маячит воздушный паром.
Спят подъемные краны, амбары пустынные и резки.

Островок, как дракон, промелькнул острозубым
бугром,
Мол растаял и косо отходит гранитным ребром.
Закачался наш катер... Веселые брызги
и всплески!

Далеко-далеко чуть сквозит желто-серый Марсель.
Богородица — щит рыбаков — золотится над далью.
Развертелась моторная прялка — журчащая трель,
Хрусталем васильковым вспухает морская постель,
Переливчатой пьется эмалью...

Повернули назад. Не навек же заплыли сюда...
Катер мал. Надо жить, и ходить, и работать, и драться.
Ты послушай, послушай, как гулко лопочет вода!
На часок из тюрьмы отпускает судьба иногда,
Час промчался... изволь возвращаться.

Вырастают седые дома, расплывается мгла.
Флаг наш вяло повис — скучно в гавани виться
и хлопать...
Как гагары, качаются лодки, томительно пахнет
смола.
У камней полукругом кишат-копошатся тела —
Это люди смывают марсельскую копоть...

ДОРОГА

Дорога поет и шумит, как река,
Съедая на сердце тоску,
Как кони степные, летят облака
В каком-то горячем скаку...

Уж скоро потянутся птицы на юг
Крикливой такой чередой —
Дорога, старинный и верный мой друг,
Дай снова обняться с тобой.

Знакомые песни я вновь узнаю —
Да, это моя сторона.
Вот только боюсь, что в домашнем краю
Никто не узнает меня.

Придут посмотреть заграничный костюм,
Да слов не найдется со мной.
И я замолчу, спотыкаясь от дум,
Усталый, нелепый, смешной...

Старинная бабка на чей-то вопрос
Прошамкает только — Кажись...
И ликом похож, и отцовский и рост,
Ну что же, пришел — так садись.

МАМА

Остров прекрасной жалости
В море житейских бед.
Мама, купи мне, пожалуйста,
Трехколесный велосипед...

Помнишь, зелень крапивная
Дико цвела у крыльца?
Ты была тогда очень красивая,
С полным овалом лица.

С вечными, звонкими песнями
В праздник пекла пироги,
Весело прыгали блесками
Серьги и кольца твои...

Да. Да. Конечно. Разумеется.
Сказка превращается в быль,
Память же былью развеется,
Как ветром дорожная пыль.

И никому не надо шалости,
Растянутой на тридцать лет...
Мама, купи мне, пожалуйста,
Пробочный пистолет.

Отчего ты так молчалива,
На тебе не видно лица...
А чудная была крапива
У самого крыльца!

1939

ГЛОБ ТРОТТЕР

Ни родины, ни дома, ни семьи
И никого, кто ждал бы его где-то,
Все для него — чужие и свои
В любой стране и в каждой части света.

Весь круглый мир он так исколесил
Развинченной и медленной походкой,
Он отдыхал там только, где любил,
Где песни пел и пил вино с красоткой...

Вот он идет — прямой, как истукан,
В зубах гаванна терпкая, как жалость,
В глазах воспоминанье дальних стран,
А в сердце — бесконечная усталость.

На поясе болтаются ножи —
Один морской, другой для харакири.
Что для него спокойствие души,
Когда душа, как гость в пустой квартире.

Опять запели жерла белых труб,
И он спешит расстаться до заката,
И сердце ноет вновь, как старый зуб,
И облака опять летят куда-то...

Прощай, земля! И вновь горят зрочки,
Глотая даль последней части света,
В груди легко от сумрачной тоски
И от того, что кто-то плакал где-то...

СЕРДЦЕ ГОРОДА

Центр гигантского механического тела,
Пульс жизни, скованный сталью и цементом,
Рождающий полчища белых и красных шариков,
Создающий ритмы движения.

Эти человеческие лица —
Словно маски минутных страстей;
Красные губы манят в темноту,
Бледно-неоновые глаза утомления
Вспыхивают и потухают...

И титанические челюсти, дыша алкоголем,
Медленно пережевывают миллионы жизней.
Это сердце города.
Зеркало старой красавицы — Времени.

Я узнаю тебя, я хорошо знаю тебя,
Старый развратник, мой город.
Я знаю, чье сердце бьется в твоей груди —
Это мое сердце...

МИСТЕР ДЖОНС

Он часто видит в беспокойном сне,
Как светит ослепительное солнце,
В давным-давно покинутой стране,
Где никогда не слышали о Джонсе.

Уходят сны, и в утренней тиши
Пока еще печаль их ощутима,
Он вспоминает в глубине души
Другое человеческое имя.

Но лишь на миг... И строгий, как всегда —
Вот он летит в моторной рыси глянца,
Забыты сны, больные от стыда,
И ветреное имя иностранца.

И старый дом над тихой рекой,
И яркое расплывчатое солнце...

И счастлив тот, кто робкою рукой
Жмет руку уважаемого Джонса.

О, душа, ты полнишься осенним огнем,
морем вечереющим ты полна.
Души-то бессмертны, а мы умрем —
ты бы пожалела слегка меня.

Смотришь, как качается след весла,
как меняется нежно цвет воды.
Посмотри — ложится синяя мгла,
посмотри, как тихо, — и нет звезд.

Хоть бы рассказала ты мне, хоть раз,
как сияет вечно музыка сфер,
как, переливаясь, огнем струясь,
голубеют звуки ангельских лир.

Канзас
1963

• • •

Лиловеют поганки,
серебрится ракита,
в длинном столбике света
золотятся пылинки.

Сок зеленой травинки
вяжет горечью небо.
Золотисты оттенки
там, где сине полнеба.

Оцарапал коленки
чей-то мальчик горбатый:
смугло рдеют кровинки
в теплом столбике света.

И от южного ветра
как бы в дымчатом блеске
золотистые краски
нежной Божьей палитры.

Мюнхен
1956

• • •

Шепчу слова, бессвязно, безотчетно,
Бессмысленно в безлиственной аллее,
Проходит день бесплодно и бесплотно,
Но темные слова уже светлее,

И вижу звук, как серебристый луч, я,
И кажется — не обречен шептать я:
Уже слетает ангел полнозвучья
Наплывом музыки и благодати.

А в небе отблеск — дымный, дынный, длинный —
И колокол звонит (не дар Валдая),
И синие цветы иной долины
(Не то, что рая, но — иного края)
В сиянии цветут не увядая.

* * *

И луковица — жемчужина,
И финик — темный янтарь.
Собор — как жесткое кружево,
Дырявый, древний стихарь.

Акула в томатном соусе —
Коралл и мрамор, смотри!
И кружка пива, по совести,
Топазовая внутри.

И взяв рыбешку копченую,
Что золота золотей,
Пошел к святому Антонию
Какой-то рыжий Антей.

Ну да — хотелось бессмертия,
И я запомнил навек
Трактир, собор, и безветрие,
И море, и вечер, и свет.

* * *

Хрустальным кристаллом
Казался июль,
И в зареве алом
Проехал патруль.

Играл на свирели
Убитый солдат,
И лилии пели
Для малых ребят.

И в струях напалма
Горело село,
И черная пальма
Поймала крыло

Того самолета,
Который — ну, да.
И летчик горел,
Как большая звезда.

* * *

Мало-помалу, мало-помалу,
И вот и вся недолга.
Будто подходит поезд к вокзалу
И серебрятся снега.

Будто звучит труба Азраила
На заснеженном пути.
Многое было, многое сплыло.
Крути, Гаврила, крути.

Мелет Емеля в белой метели:
Эх, замело меня, друг!
Сам Азраил свистит на свирели,
И воют волки вокруг.

Жил потихоньку, жил помаленьку —
Мелким, мелким шажком!
Трудно плестись домой в деревеньку
Под бесноватым снежком.

Нет, не подходит поезд к вокзалу.
Жжет ледяная пурга.
Мало-помалу, мало-помалу —
И вот и вся недолга.

* * *

Не нарушает тишины
Закат китайско-желтоватый,
И ветки голубой сосны,
Бескрылые, полукрылаты.

На синем запечатлены
Две неподвижные ракиты,
И тень сапфирная волны
Лежит у лодки позабытой.

И слабым пламенем горят
Вершины снежные на юге.
(Здесь две дороги: на Царьград
и на Багдад.) Как бы в испуге

Все ждет. Ни чаек, ни цикад.
Синеют горные отроги.
И слышно, как молчит закат,
Как бы задумавшись о Боге.

Точка схода. Уходящие рельсы.
Паутинки осенней пряжи.
Женщина на крае бабьего лета
стоит в платье ярком, как праздник.
А поезд ушел в давность.
Ушел в красивую песню.
И семафор повис удушенником
над рыжей степью.
Пыль.
Полустанок.
Из какого-то дня,
из какого-то года
женщина с лицом усталым,
не мигая смотрит в точку схода.

* * *

Нигде.
В нигде.
По нигде.
Пространство лет
и дорог, вмещенных в себе.
Пройденных — где...
Барабанит по крыше дождь.
А в глазах — высокий собор над грудой камней.
Время, куда идешь
и откуда — ко мне...
Стуки секунд, стуки минут, часы по часам
в толще календарных дней.
Условность: я — там.
Условность: я — здесь.
Мелькнувший перрон,
росчерк пером
на нигде.

* * *

Все случается
в непогоду.
Что случается
в непогоду...
Чайник поставишь и чаю
в кружку нальешь с медом
торопливый глоток выпалит небо
ругнешься на одном из шести континентов
голубой планеты

и где-то
в городе без названия
на улице без названия
откликнется эхо
в будни оползающего века
где ты
где я
только затерянные образы
оставшиеся от тех, что на заре розовой
в кудряшках цвета пакли
бежали вдоль реки
а вокруг пахли
цветы
медом.

Но все случается
в непогоду.

ЧЕРЕЗ ПОЛВЕКА

В давно памятной были
там, где для писем ящик,
очередь собралась людомобилей
и рука у каждого
опускает любовь кому-то и счастье
и я под елку
пожеланье опускаю в Киев.

Там на ресницах колких
золотые лежат снежинки,
в снегах золотых золотые смеются очи,
а дойти — уже неостанет жизни,
неостанет и писем для письмомоши.

Только на гоголевском чёрте,
укравшем месяц среди ночи —
ворожея когда-то сказала —
пожеланье успею доставить
и апо-атласные к нему черевички.

Но тают далеко — все тают
на колких ресницах, словно девичьих,
снегов зопотых золотые снежинки...

ДИОТИМА — НОЧЬ

Николаю Татищеву

Диотима уходит, цветы цепенеют в молчаньи.
О, прощай, Диотима, прозрачен, как воздух, твой след.
От волос твоих синих идет золотое сиянье,
Драгоценная память тобой совершенных побед.

Оглянись и увидишь. Торжественно следует мимо
Вереница прошедших веков и забытых имен.
Ты поднимешь для них покрывало свое, Диотима.
Пред тобою склонятся древки побежденных знамен.

Диотима прошла, и рассыпался звездами вечер.
Тишина запекает и птицей небесной поет,
И кружится, кружится, кружится по острову ветер,
Увлекая лавровые рощи в последний полет.

НОЧЬЮ

О просияй, о просветлей,
Узор неясный нашей жизни,
Взметнись над чернотой ночей
Небесной радугою брызги,
Залей водой, сожги огнем,
Схвати и претвори все это,
Очисти все, что было днем,
И приготовь нас для рассвета.

1968

Ночь пришла и двери отворила
В неизбывность радости и сна,
И в ночи такая зреет сила
И такая нежная весна,

Что душа, от страха замирая,
Ищет, ищет нового пути,
Приближается к преддверью рая,
Недостойная в него войти...

...

Нету скучных, ни тяжелых дней,
Стало проще все и все бедней,
Стало так свободно и тепло,
И вся жизнь, как тонкое стекло...

Разобьется с звоном, и войдет
То, что смертью кто-то назовет...

...

Над морем Эгейским упала звезда золотая.
Мы не знаем, кто пел. Может, ветер гудел и вещал,
Только блеск пролетел, просиял и растаял,
Только пена забила о тени темнеющих скал.

И надежда рождалась, что мы и миры бесконечны,
Безначальны, бессмертны, навеки чисты и светлы,
И идем бороздою широкой и млечной,
Вырываясь безбольно из нас облегающей мглы.

Над морем Эгейским луна так торжественно встала,
Зыбкий мир отдалялся и плыл по безвременью вод,
И катились прохладные эти зеркала,
Отражая еще не рожденный восход.

...

Слушай, слушай тишину,
Лучше песни не услышишь...
Я в безмолвии тону,
Вьется плющ по красной крыше,
Воздух ясен, чист и прост,
Пятна солнца на панели,
Через реку брошен мост,
Ветер обнимает ели.
Луг блестит и воздух свят,
Птицы по небу летят,
Подождите, подождите,
Я взлетаю в тишину,
Расцветаю в ней, тону,
Тишиной я становлюсь,
Богу тишиной молюсь.
Отдыхаю, отдыхаю,
Тишина — дорога к раю.

* * *

Расцветают цветы. И в ночи,
Как весною оделись деревья.
Одинокaя птица кричит,
Из старинного вырвaсь поверья.

Это сон или явь? Все равно.
Как воде ледяного колодца
Нам прозрачное счастье дано
Отраженного воздухом солнца.

Орошенная звездным дождем,
Просыпается ночь для полета,
О котором забудем мы днем...

* * *

Как лeгok ласточек полет
Над древностью земной,
А время все идет, идет,
И ты всегда со мной
В дрожаньи неба, в шуме дня
И в шорохах ночей.

Как лeгok ласточек полет
Над тяжестью моей...

Рим, 1973

* * *

Пустое кресло у стола,
И память бьется о потере,
Как птица в клетке из стекла
В освобождение не верит.
Пустое кресло, дом пустой
И улица совсем пустая,
И мир, как будто бы простой,
Вдруг растворился и растаял.
И все ненужное гнетет,
Все нужное ненужным стало,
А память все поет, поет
Но не печально, а устало.

1974

Звезды горят лучистые,
Благость и тишина.
Розы цветут душистые
У моего окна.

Может быть, только чудятся
Звезды и небосвод;
Темная, темная улица
И не найти ворот.

...

Окно мое на крышу,
Внизу — веселый бал.
Знакомый вальс я слышу —
Он в старину звучал

У Лариных, быть может, —
Татьяна, ты не спишь?
Для слез одно и то же —
Москва или Париж.

...

Услышать песню русскую метели,
Утешить сердце голосом родным.
Тогда любить еще мы не умели,
Тогда наш мир был малым и своим.

Казался он веселым и светящим,
Как мячик прыгал, лодочку пускал,
Но пассажирский поезд уходящий
Разрушил мир и призрачный вокзал,

И мир теперь безрадостный, огромный,
В чужой стране, суровый и пустой.
Был горек дым, тревожен шум вагонный —
Его повсюду слышу за собой.

МАТЬ

Милая, как жили мы убого
В доме деревянном на ветру!
Печка черная монашкой строгой
Остывала, догорев, к утру.

К жизни возвращали мы монашку,
Углем напитав ее с трудом,
Душу открывали нараспашку,
Грелись и слезами и огнем.

Милая, за что такая участь,
Ссылка — как предательский капкан?
И годами жили, жили, мучаясь,
А долину покрывал туман...

Это все напомнил старый чайник —
Вынула его из сундука:
Прошлого свидетель он случайный,
Трогала его твоя рука

Маленькая, бедная, сухая
От монашки черной, от воды.
— Память, память, горькая, святая,
Не стереть глубокие следы.

* * *

Ползет букашка, прячется в листок, —
От мира страшного, яркого, большого!
Ей нужен только маленький мирок,
Одна полоска света голубого.

И нежностью душа твоя полна
К такому беззащитному созданью.
А в необъятном, так же как она,
Боишься потерять свое сознание.

* * *

Не все ль равно, какие слезы, —
У каждого своя печаль.
Вот снова отцветают розы,
И жизни розовой мне жаль.

Пусть коротка, — она прекрасна
Благоуханьем, чистотой.
На гибель смотрим безучастно, —
Подумаешь, цветок простой!

А я с любовью подбираю
Опавший бледный лепесток.
Как будто украшеньем рая
Был этот розовый цветок.

Над бесплодным полем,
Над опавшей рощей
Торопилась птица
В дальний край.
 По бокам дороги
 Вётлы глухо ропщут
 И роняют листья
 Невзначай.
И казалось поле
Безутешной жизни,
Перекресток каждый
Будто западня.
 Я серьезно болен,
 Болен по Отчизне...
 Как листок, познавший
 Злобу октября.
И кричала в небе
Птица не впустую,
Разрыдалась роща
Оттого,
 Что в такую осень
 Я страну родную
 Покидал однажды...
 Для чего?

1943 Заслав

Не шуметь уж больше листьям,
Пали, смытые дождем!
По тропе, по краю жизни
Мы осенние бредем.
 Скоро, скоро все мы ляжем
 Как опавшие листья.
 И восстанут, будто стражи,
 Деревянные кресты...

1944 Венгрия

СОЧЕЛЬНИК

В полузамерзшее окно
Глядели вечера остатки,
И время нехотя текло,
И заходили святки.

Повсюду праздник, торжество;
Снаружи смех и чьи-то крики,
А в комнате моей черство,
Да в окнах — смерти лики.
Зачем мне это Рождество?
Не для колядок, как Вакуле!
Вокруг все мраком занесло
И в револьвере пули...

1944 24 декабря
Вена

КОВЫЛИ

Над пустынной, голой степью,
Колыхая ковыли,
Гнали ветры длинной цепью
Тучи в дали издали.

А под тучами летели
Стрелы мудрых журавлей,
В небе слышались свирели —
Плач над степью ковылей.

Мы ведь тоже отлетали
За степные пустыри.
Почему, зачем — не знали,
Как те братья журавли.

Мы теперь за океаном,
На чужую севши пыль,
Вспоминаем постоянно
Степь родную и ковыль.

1950 Мериленд САСШ

. . .

В закатах, уходящих ежедневно,
Нисходит в пурпуре на землю Бог,
И облака гурьбой стоят нетленной
По сторонам божественных дорог.
Походит все тогда на чудо:
Вот ангелом душа к закату понеслась,
И обвалился день алмазной грудой,
И золотом зажглась земная грязь,
Да Херувимов зазвучал хвалебный клирос,
И солнце вдруг, на миг, остановилось...

1962

* * *

Изумленно гляжу я на выси,
Где пылают пожарища звезд,
Где над безднами солнца нависли,
Где за звездами вечности мост.

Там сияют в пространстве пороги,
И завихрены млечны пути,
Там идут в бесконечность дороги,
Не дано по которым идти.

Смотрит тайна молчащей вселенной
В мелководную заводь души,
И мерцают сияньем нетленным
Сонмы звезд в непробудной тиши.

1963

Грусть наплыла... Шепнулась строфа.
Да полно, то грусть ли?
Как будто — ветер в саду растрепал
Кленов зеленые гусли.

И вот — тороплюсь: успею ли, нет
Услышать, поют покуда,
И в строчки собрать невнятный привет,
Невнятный привет о т т у д а.

* * *

Вечер смуглый, вечер лунный
Бросил росы в коноплю,
Подождите, замолчите, струны,
Дайте мне пропеть: люблю.

Не тебе, неведомый-далекий,
Не с тобою разговор в тиши —
— Вечер смуглый мне целует щеки,
Дух полынный косы распушил.

Не про ласки друга ясна-сокола
Сладко сердцу загадать,
На любовь ответит — около —
— Голубая благодать...

Вся в росе тропинка тонкая,
Под луною вздохи ковыля...
Ненаглядная моя сторонка,
Стелю, родина моя!..

* * *

На знойном кладбище могилы стеснены,
И памятники выросли повзводно,
И только вот под елкой, у стены,
Немножко тени и еще свободно.

Дорожки хрусткие и розы всех пород,
Вазоны и венки, кропила и купели,
Какой торжественный гранитный огород —
Покойников зеленые постели!

Что ж, может быть, так легче отгореть,
Хотя б и в поспешившем смертном часе,
Коль есть кому могильный крест согреть,
Последнее убежище украсить?

Вот позовут — и лягу в эту тишь,
И звякнет жалостно навстречу колоколец,
Когда пересечет с веселым свистом стриж
Последний путь мой от чужих околиц.

Не возропщу тогда, что тишина — не та,
Смиренно буду ждать: вот дождик брызнет...
И, может быть, простит мне эта красота,
Что полюбить ее я не смогла при жизни.

Привал. Пригорок пригрело. —
Чуть слышным струит парком.
В кучу грузди и белые
Осыпаны кувырком.

Теперь — уложить попригляднее,
Повыскоблив добела,
Завидней чтоб и наряднее
Корзина моя была...

.....
Какая полянка! Розовый
Вереск и влажный мох,
Ветер в косах березовых
Вздувает переполох,

Солнцем вся запорошена,
Хрупкой веснушкой листа...
Какая полянка хорошая!
Словно бы — наши места.

У нас по лесным по выделам
Такие полянки видела...

Всегда платить за все. За все платить сполна.
И в этот раз опять я заплачу, конечно,
За то, что шелестит для нас сейчас волна,
И берег далеко, и Путь сияет Млечный.

Душа в который раз как будто на весах:
Удастся или нет сравнять ей чашу с чашей?
Опомнись и пойми! Ведь о таких часах
Мечтали в детстве мы и в молодости нашей.

Чтоб так, плечом к плечу, о борт облокотясь,
Неведомо зачем плыть в море ночью южной,
И чтоб на корабле все спали, кроме нас,
И мы могли молчать, и было лгать не нужно...

Облокотясь о борт, всю ночь, плечом к плечу,
Под блеск огромных звезд и слабый шелест моря...
А долг я заплачу... Я ведь всегда плачу.
Не споря ни о чем... Любой ценой... Не споря.

Рагуза, 1938

. . .

Мы ничего не знаем,
Мы ничего не слышим,
Грезят о чуждом рае
Святые по темным нишам.

Пыль на июльской дороге
Нежит ленивые ноги.
Низкое солнце брезжит
На монастырском пороге.

Пахнет горошком, левкоем,
Долгою сухостью лета.
Мы же воздушные замки
Строим, — и платим за это.

Моравская Тшебова, 1930

. . .

Снова осень и сердце щемит —
Здесь сильнее дыхание грусти.
Эти дни хорошо проводить
Где-нибудь далеко в захолустьи.

Очертания острые крыш...
В небе ратуши темные башни.
Легкий сумрак... Стоишь и стоишь,
Заглядевшись на камни и пашни.

Вдаль уходят пустые поля,
Темнота опускается ниже...
Как ни странно, но все же земля
С каждым годом нам будто все ближе.

* * *

Дошел и до него уже, увы, черед...
Совсем не тот задор, не очень крепко спится.
Он больше не дитя. Ему тридцатый год.
Давно уже пора настала протрезвиться.

Из-за него лилось уже немало слез.
На памяти о них не зажили ожоги.
В процессии ему не раз уж довелось
Понуро провожать кладбищенские дроги.

Он часто видит сны и, замирая весь,
В передраассветном сне, в особенности тонком,
Встречает снова тех, кто был когда-то здесь,
Тех, кто его любил, когда он был ребенком.

Во сне и наяву, с собой наедине,
Он долгий счет ведет ошибкам и потерям.
Да, я был виноват... Да, по моей вине...
Как мало любим мы! Как скупно нежность мерим.

* * *

Только след утихающей боли...
С каждым валом — слабей валы.
Легкий сумрак. В осеннем поле
Тянут медленный плуг волю.

Между небом и между нами
Заполняется мглой провал.
Мы во всем виноваты сами,
Ты у нас ничего не брал...

Тишина. Тишина такая,
Тишина на земле и в нас,
Словно в мире совсем иная
И хорошая жизнь вепась.

Словно осенью мы не те же,
А серьезнее и грустней...
О себе вспоминаем реже,
Вспоминаем Тебя ясней.

Вечером выйдем гулять по меже.
Сторож внезапно возникнет из мрака.
Спросит огня. Мы закурим. Уже
Осень вблизи дожидается знака.

Ночью иначе звучат голоса,
Глухо и даже немножко тревожно.
Каждая пауза четверть часа...
Можно о многом сказать односложно.

Речь про дожди, урожай, молотьбу
(Сдержанно, чинно, ответы — вопросы).
Речь про крестьянскую боль и судьбу...
Лиц не видать. Огонек папиросы.

Красный, тревожный, ночной огонек.
Запах полыни и мокрой овчины.
Терпкая грусть — очень русский порок.
Грусть без какой-либо ясной причины.

У нас не спросят: вы грешили?
Нас спросят лишь: любили ль вы?
Не поднимая головы,
Мы скажем горько: — Да, увы,
Любили... как еще любили!..

Одно ужасное усилие,
Взлет тяжело падающих век,
И — вздох, и вырастают крылья,
И вырастает ч е л о в е к.

И в шуме ветра городского
И пригородной тишины
Он вновь живет, он верит снова
В те дали, что ему видны, —

Обласканные солнцем дали,
Где птицы без конца свистят,
Где землю не утрамбовали,
Где звезды счастьем блестят...

Но облака идут волнами, —
Как холодно и — что скрывать! —
Как больно хрупкими крылами
Уступы зданий задевать!

СИРЕНА

Сидит — поджатые колена,
Большие лунные глаза, —
Оцепенелая сирена,
Как затаенная гроза...

Как много, как ужасно много
Людей — в былом, теперь — калек,
Толчется у ее порога!
Один красивый человек
Теперь в нее влюблен. Печально
Он с ней до сумерек сидит,
Она не гонит, но глядит
С холодностью необычайной...

А по ночам — она — сирена —
Она — сирена — по ночам
Крадется в парк: дрожат колена,
И косы бьются по плечам,
Как перегрызенные цепи...
Стоят беседки. Месяц строг.
И — ждущий ф а в н табачный пепел
С козлиных стряхивает ног.

ОБНОВЛЕНИЕ

Я думал, что только влюблен,
Что надо с тобою бороться, —
Мой ангел! Я страшно умен
Умом чудака и уродца.

Виски набухали от дум,
Мне чудился звон панихидный,
И — вправду — скончался мой ум, —
Морщинистый карлик ехидный.

Он трясся, пощады моля,
Топорщился злобно, упорно.
Но тяжко прижала земля,
Прикрыла пробившимся дерном.

Я вздрогнул: как быть без него?
И смутные страхи возникли...
Но — в свете лица твоего —
Глаза к этой жизни привыкли.

И видят и видят они —
За днями унынья и тленья —
Тягчайшие трудные дни, —
Прекрасные дни обновления...

Дождь светится; небо мертво,
И солнце на нем не смеется...
Мой ангел! Я новый, я твой, —
А даром ничто не дается!

ДВА ПОЕЗДА

Ты уезжаешь завтра. Солнце встанет,
И на вокзале соберется люд.
Ты уезжаешь завтра. Как в тумане,
Гремя, вагоны предо мной пройдут.

Свисток... Проклятый уходящий поезд
Умчит тебя в лазоревую даль.
Широкополой шляпой я прикроюсь —
Скрыть слезы, замаскировать печаль.

Жить — это ждать, ждать терпеливо, молча,
Неделю, месяц, — каждый день, как год...
О сердце жадное, о сердце волчье, —
В нем никогда надежда не умрет.

Что будет день, день жизни настоящей,
Рай на земле, осуществленный сон!..
И поезд милый, поезд приходящий
Стальной походкой содрогнет перрон!

Каштан расцвел, весенняя истома
Царит над ним и над моей душой,
А трещины разрушенного дома
Прикрыты безмятежною листвою.

На всей земле печальные обломки
Так нам дано с годами забывать,
И нас полюбят дальние потомки
За то, что жизнь могли мы продолжать.

Я в грозных смутах уцелел. Я молод
И к сердцу льнет горячая струя.
Но как забыть, что межпланетный холод
На сердце лег из трещин бытия.

...

Осень в небо широко раскрыта,
Легких листьев медленный полет.
Не страшись того, что пережито,
Не тревожь того, что настает.

Нам идти путем прямым, далеким
Тяжелей, чем сделать поворот,
Но сегодня, в этот день высокий,
Без тревоги поглядим вперед.

Есть судьба отсюда и — оттуда,
Две судьбы сопровождают нас.
Если веришь в чудо — будет чудо
И спасет нас в многотрудный час.

ФОНАРЬ

Фонарь над берегом пустым
Зажегся, и в воде горенье.
Как продолжение творенья,
Пятном сверкнуло золотым.

Пусть отражение оно —
Сильнее свет во тьме огромной,
Когда светящее пятно
Отражено рекою темной.

Поверь, что день прошел не зря,
Когда заметишь с удивленьем,
Что ни волною, ни теченьем
Не сорван отблеск фонаря.

Мы знаем будни и работу
В ущерб небесному родству,
Но я вседневную заботу
Бессмыслицей не назову.

Ведь нужен в корабельном трюме
Какой-то верный груз на дне,
Чтобы корабль в стихийном шуме
Уравновесить на волне.

КАКТУС

Песок, жара, исчезновение
И кости по краям дорог, —
Здесь безграничное томленье
Лишь бедный кактус превозмог.

Он из последнего усилья
Возник на грани бытия,
Где хлещет в адском изобильи
Песка мертвящая струя,

И вместо видимого сходства
С зеленой, рослою травой
Он принял колкое уродство
Перед пустынною судьбой.

Но в золотистой паутине
Цветок, через тугой надрез,
Вдруг появляется в пустыне,
Как будто сброшенный с небес.

В привычном горе мне не больно
Принять удар своим плечом,
Но взор свой я таю невольно,
Как не уверенный ни в чем.

Пусть каждый холм земли измерен,
Пусть каждый город населен —
Я в этом мире не уверен,
Как будто мир не воплощен.

И, открывая молча вежды
На сероватый небосклон,
Я прячу лучшие надежды
Под крылья будущих времен.

ЯПОНСКИЙ ХРАМИК

М. Урванцову

Коричневый морской дракон изваян в потолке;
Колючие хвосты сползают по колонкам.

На лаке алтаря зеркально-ломком
Нефритовый божок уселся в уголке
И пухлым улыбается ребенком.

Внизу — огромный и пузатый черный краб, —
Потрескавшийся гонг старинных церемоний,
И бронзовых кадиланиц ряд зеленый.

Приятно приторен и слаб
Увядавший аромат вчерашних благовоний.

Токио 1927

ВИШНЯ

Холодно.

На бумажном окне, за решеткой бамбука,
Карлик-вишня в чашечке сине-узорной;

Долгая мука
искривила росток непокорный.

Плачет одна горбатая ветка
розовым роем цветков.

Переплет тростников, —
как клетка.

Моджи 1928

ОДИНОЧЕСТВО

Рубцы в душе теплом не разутюжу,
Веселой песней грусти не уйму.
Вам приходилось в ветреную стужу
Стоять на перекрестке одному?

Своим нутром на здешних не похожий,
И потому покоя не дано.
Не наступил на тень мою прохожий,
А обошел, как мокрое пятно.

На многолюдном тротуаре замер,
От проходящих мыслями далек.
Страшнее койки одиночных камер,
Когда в толпе годами одинок.

Не в те края, пути кривые вышли.
Гадалка веру в счастье не вернет.
Лишь хорошо, что собственные мысли
Не растворил чужой водоворот.

ОТКРОВЕНИЕ

Мой котелок был пуст в плену,
Шинель дырявая.
Ворвалась в сытую страну
Орава бравая.

Здесь легкость все приобрести
Несет страдания.
Не остановятся в пути
Мои желания.

Несется в бездну человек
Дорогой шибкою.
Мне озаряет только чек
Лицо улыбкою.

Приобретений кутерьма:
Судьбой намечены,
Участки, домики, дома
И рак на печени.

Все в день последний наскребу
Руками старыми.
Подушку узкую в гробу
Набью долларами!

ВСТРЕЧА

Я встретился с Вами за пивом
В старинном баварском дворе.
Вы мне говорили красиво
О Родине и о Царе.

Для Вас это Белый Ангел,
И Вы за него горой.
Водил Вас в атаки Врангель,
Чтоб жил Николай Второй.

Да, многое в жизни пройдено,
Многое пройдено зря.
Я слушал о светлой Родине
И пропускал про Царя.

НЕПОВТОРИМОЕ

В страхе дадена хлеба краюха,
И не хочет от пленного платы.
На коленях рыдая старуха
Умоляла уйти из хаты.

"Сына жалко, помилуй, не можем,
Неспособна на старости врать я,
Немцы нынче за помощь проходим
У соседки повесили зятя".

За околицей мокрая стужа,
От обозов в рытвинах дорога.
Зашагал по осенним лужам,
Под покров позабытого стога.

ЛУРД

Есть странные, чудесные места,
Где благодать нисходит Бога,
Где грешные безмолвствуют уста,
А в сердце сладкая тревога.

Веселых птиц передрагсветный хор
В прозрачном воздухе так звонок...
Лавандой пахнет свежий ветер с гор,
Смеется утро, как ребенок.

И тысячи, и тысячи калек
В блаженстве замерли у гота...
В наш грубый, жадный и жестокий век
Лурд распахнул свои ворота.

Любовью каждый камень здесь согрет,
Здесь Дева исцеляет муки,
Здесь к небу простирает руки
Наивная пастушка Бернадет.

ЛИГЕЯ

Так ограниченны пределы света,
И шар земной нам замкнутая клеть.
Ах, почему до Марса нет билета
В экспрессе межпланетном полететь!

Лететь года к созвездью Андромеды,
Чудовищных симфоний слышать зов,
Вкусить плоды таинственной победы —
Младенчества невероятных снов.

Быть может, на затерянной планете
Лигея распахнет навстречу дверь,
И радостны, как маленькие дети,
Шепнем: рассудку никогда не верь!

Деревья будут петь, листвою играя,
Два солнца будут освещать нам дни,
И вновь увижу я дорогу к раю
И беспредельные огни.

В. А. Мамченко

Кто мне сказал, что грусть печальна,
Что сердце "стынет от тоски",
Что наша жизнь пуста, банальна
И от души — одни куски?

Все это вздор! Как раз под вечер
Грусть навестить пришла меня
И, в шаль упрятав зябко плечи,
Со мной присела у огня.

Наш разговор был тих, приятен,
Мы пили прошлого вино,
А на полу, средь лунных пятен,
Легло квадратное окно.

А там — за ним — был сад, цикады,
И пел так нежно соловей,
Что прахом рухнули преграды
В душе оттаявшей моей.

**В ГОСТЯХ
У СВ. ФРАНЦИСКА**

(Ассизи)

Синее небо над нами.
Солнце и зелень долин.
Лес, убаюканный снами.
Умбрии радужный сплин.
Видел под фресками Джотто
В пышной базилике гроб.
Нет! мне нашептывал кто-то —
Встреча у каменных троп!
Воздух прозрачен у грота.
Птиц несмолкаемый хор...
В сердце спустилась дремота —
Тень окружающих гор.
Ласково старец Зосима
Исповедь принял мою...
Белое облако мимо
Плыло в отчизну свою.

MISTERIUM MAGNUM

(Яков Беме)

В плаще багровом летний вечер,
А в лавке — терпкий запах кожи,
И отзвук вдохновенной речи,
Что произнес мудрец-сапожник:
Душа, любовь и ум — едины,
Смирение, как свежий ветер,
В сердцах растают злые льдины,
И мы воскреснем в новом свете.
Тела прикованы к земному,
А души жадно рвутся к Богу,
Но только человеку-гному
Так трудно отыскать дорогу!
Бледнеет ночь. Свеча сгорает.
Заря, как нежной розы почка.
И Ангел, прилетев из Рая,
Поставил в рукописи точку.

УТРО

Как славно пахнет свежий хлеб!
Дымится кофе в чашке тонкой,
А день, так празднично нелеп,
Поет в окне по-детски, звонко.

Застыл над розой мотылек,
На крыльях радуга играет...
Кто мне сказал, что Бог далек
И на земле нет места раю?

МЮНХЕН

Я вас люблю, немецкие Афины,
Когда-то Тютчев жил здесь много лет,
Его посмертный передать привет
Готов я вам, веселые долины.

Порою мне кусок священной глины,
Осколок мрамора, льют нежный свет —
Забытой красоты в них скрыт завет
И сердца расправляются морщины.

Закат зажег над городом пожар.
Зеленый плещет и поет Изар.
На ратуше удары карильона.

Но кто отыщет пламенный Грааль?
Трепещет мир и не удержит стона —
Вонзилась в грудь безжалостная сталь.

Я жду...

В старой заброшенной хижине
Я развела огонек.
Стелется пламя униженно
Возле смуглеющих ног.

Ты же тропой окольной
На огонек мой придешь.
Сумерки дрожко-стекольные
Лезут в отверстия рогож.

Синее, звездное, вечное —
Сдвинулось складками штор...
Счастье осеннего вечера
Ссыпалось в этот костер.

1928

Пале-Тигру

Весенними влажными днями
Одна я блуждаю с винтовкой.
Пересекаю часами
Овраги, долины, сопки.

По-разному смотрят на счастье.
По-разному ищут дороги.
А мне — побродить по чаще.
В росе промочить ноги.

И сердцем дрожать как собака,
На выводок глядя фазаний,
А ночью следить из мрака,
Как угли пылают в кане.

Такие простые явления,
А жизни без них мне не нужно.
И здесь, в горах, в отдаленье.
Мне кажется мир — дружным.

1934

ПРОЩАНИЕ С КОРЕЕЙ

Я расстанусь и с этой страной —
Потому что вся жизнь — расставанье.
Но с тобой, как с последней весной,
Тяжелее, больнее прощанье.

И мечтать, и стрелять, и любить —
Все на том полуострове диком,
Каждой мысли исходная нить
И о маленьком и о великом.

Все меня возвращает сюда
К этой девственно-яркой природе,
И разлука моя навсегда
Будет горшей из многих рапсодий...

Там, где прежде умела мечтать
В буйной чаще лесного вигвама,
Там, где я научилась страдать
По ушедшим — по Родине с Мамой...

Там и юность свою погребла
В жарких соснах и горных потоках.
У костров и у моря сожгла —
И осталась без них одинокой.

1939

...

Шелестит тальник. Журчит, звенит река.
Пухнут в синеве снежками облака.
И жужжат-гудят печальные шмели.
Пляшут бабочки над илом на мели.

Растворяюсь в синем небе и воде.
Я ли всюду? Или нет меня нигде?
Или это ощущение бытия?
Может, нет меня и вовсе я — не я!..

Мне теперь бы только речкою бажать...
Ни о чем не знать, не помнить, не страдать...
Колыхаться в тальниковых берегах...
И не думать о людских больных делах...

Зеленеют томно-сонно тальники.
Плещут рыбы по извилинам реки.
И жужжат шмели, и жгутся овода...
И бежит, бежит куда-то вдаль вода...

Сахаджан 1943

ЖИЗНЬ

По зеленой реке в красной лодке
Я плыву ослепительным днем.
Воздух трелетный золотом соткан —
Бирюза и сиянье во всем.

Переплыть целых три океана
И три четверти мира объять,
Чтоб не поздно, но и не рано
К новой жизни подкрасться опять.

После бега, тревожных скитаний,
И миров, неизвестных дотоль,
Вдруг прислушаться к подсознанию:
А ведь вот — притупляется боль...

Боль, которой, казалось, нет равной:
Мать, ребенок и Родина... Что ж?
Невозможно питаться отравой.
Раз дана тебе жизнь — ты живешь.

Выбираешь потише, поглуше
Отдаленный кусочек земли,
И опять наполняешь душу
Тем, Чего отобрать не смогли!

1971

БЕЛАЯ ГОРА

Широкая дорога,
Ведет к высотам путь.
У Божьего порога
Легко вздыхает грудь.

Простор невыразимый.
Здесь по вершинам гор
Шагает Бог незримо,
Свершая свой дозор.

И постигаешь силу
Божественной руки,
Что эту мощь вскрылила
Над уровнем тоски.

Внизу скользящей тенью
Проходим мы на миг,
Следя в игре явлений
Сокрытый в тайне лик.

Не выразить мгновенья:
Высоты без конца.
Бессмертие творенья,
Величие Творца.

А. Присмановой

Свою преемственность несла
Ты от пернатых в царстве Духа.
От них широкий взмах крыла,
И зоркость глаз, и чуткость уха.

Проходишь светлую стезей,
Душе явленья приобщая,
И в жизни темной и больной
Нетленной хрупкостью сверкая.

Земные грани перешла:
Глубь, высоту и расстоянье.
В зенит душа твоя возшла
Освобожденного сознанья.

Все озарилось на мгновенье
В невыразимой глубине.
Такая легкость выраженья
Откуда вдруг явилась мне?

Исчезли смутные виденья,
Весь мир — прозрачно-голубой.
Таким внезапным откровеньем
Душа возносится порой.

НА БЕРЕГУ

Без устали я наблюдаю,
Как, гладь морскую шевеля,
Зыбь в блеске искрится, сверкая.
Колышет сонные поля.

Такая нежно-голубая,
Такая светлая в лучах,
Что чудится — такого рая
Не может быть в земных волнах.

И, видно, неземною дланью
Разостлана среди твердынь,
Такой нерукотворной тканью
Здесь залегла морская синь.

Гладь, не тронутая ветром,
Глубь затихших вод.
Светит ласкою ответной
Мирный небосвод.

В этой яви восходящей
Неземной недуг.
Вижу отблески звенящей
Красоты вокруг.

Даль уходит в бесконечность,
Поглощая взор.
И спокойно дышит вечность
В голубой простор.

* * *

Только солнце и море,
Да небесная высь...
В необъятном просторе
Разливается мысль.

Брызнет ярким фонтаном,
Мрак развеяв и страх,
И ведет караваны
В голубых небесах.

Ходит строгим дозором
И в полуночный час
Разрисует узором
Звездный иконостас.

И лучом перелетным
Мрак земной озарив,
В новый мир унесет нас
Вдохновенный порыв.

ПОЭЗИЯ

Как свет, забрезживший едва,
Как вставшие во мгле картины, —
Так появилась ты сперва
В душе младенчески невинной.

И вместе ты со мной росла,
И в кровь и в плоть мне проникала,
В свои объятия звала,
В свои просторы завлекала.

О, деспот мой и мой кумир,
Ты, словно фейерверк мгновенный,
Из некой дали сокровенной
Вдруг озаряешь этот мир!

* * *

Как рукой сняло усталость,
Как рукой сняло печаль.
(Тяжело давила жалость,
Нажимала ты педаль.)

Как внезапна легкость в теле
(Сор смели — и дочиста!)
И взлетели ввысь качели
До небесного моста.

Это музыка другая,
И аккорд звучит в тиши,
Но живешь, о ней не зная,
Болью скрюченной души.

АДАМОВИЧ ГЕОРГИЙ. "ЕЩЕ ПЕРЕМЕНИТСЯ ВСЕ В ЭТОЙ ЖИЗНИ, — О, ДА!" Печатается по кн.: *Адамович Г.* На Западе. Париж: Дом книги, 1939. Впервые в журнале "Перезвоны" (1926. № 19). Напечатано также в "Новом корабле" (1927. № 2).

"ЗА ВСЕ, ЗА ВСЕ СПАСИБО. ЗА ВОЙНУ..." "На Западе". Вошло также в кн.: *Адамович Г.* Единство. Стихи разных лет. Нью-Йорк: Русская книга, 1967.

"ИЗ ГОЛУБОГО ОКЕАНА..." "На Западе". Вошло в "Единство". Включено в антологию Юрия Иваска "На Западе" (Нью-Йорк, 1953). Ранее публикация в журнале "Числа" (1934. № 10).

"НЕВЫНОСИМЫ СТАНОВЯТСЯ СУМЕРКИ..." "На Западе".

"ЗА СЛОВО, ЧТО ПОМНИЛ КОГДА-ТО..." "Единство". Ранее в "Числах" (1930. № 1). Вошло в антологии "Якорь" (Берлин, 1936) и "Муза диаспоры" (Франкфурт-на-Майне, 1960).

"ЧТО ТАМ БЫЛО? ШИРЬ ЗАКАТОВ БЛЕКЛЫХ..." "Единство".

"КОГДА УСПОКОИТСЯ ГОРОД..." "Единство". Явная реминисценция стихотворения В. Жуковского "Ночной смотр".

"НО СМЕРТЬ БЫЛА СМЕРТЬЮ. А НОЧЬ НАД ХОЛМОМ..." "Единство".

"ПОРА ПЕЧАЛИ, ЮНОСТЬ — ВЕЧНЫЙ БРЕД..." "Единство". Ранее в "Числах" (1930—1931. № 4). Вошло в антологию "Муза диаспоры".

"НИЧЕГО НЕ ЗАБЫВАЮ..." "Единство". Вошло в книгу Адамовича "На Западе". Две последние строфы — реминисценция на мотив стихотворения В. Брюсова "Творчество".

"ПРИГЛЯДЫВАЯСЬ ОСТОРОЖНО..." "Единство". Ранее в журнале "Опыты" (1953. № 2).

АЛЕКСЕЕВА ЛИДИЯ. "ДНИ ЛЕТЯТ, ЛЕТЯТ НЕ УСТАВАЯ..."; МОЕЙ ЕЛИ. Печатается по кн.: *Алексеева Л.* Лесное солнце. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1954.

"ТО СВЕРКНЕТ, ТО ЗАТОНЕТ..." По кн.: *Алексеева Л.* В пути. 2-е изд. Мюнхен, 1962.

"ЧЕРНЫЙ ДАНТЕ В ОБЛЕТЕВШЕМ СКВЕРИКЕ..." По кн.: *Алексеева Л.* Прозрачный след. Третья книга стихов. Мюнхен, 1964.

"ИЗ НОРКИ БУРУНДУК МЕТНУЛСЯ И ИСЧЕЗ..."; "ТАМ ШУРША СТРУЯТСЯ КОЛОСЬЯ..." По кн.: *Алексеева Л.* Время разлук. Четвертая книга стихов. Нью-Йорк, 1971.

ПОЛДЕНЬ. "В САДАХ, ГДЕ ПРОХЛАДНЫЕ АСТРЫ ЦВЕТУТ..." По кн.: *Алексеева Л.* Стихи (Избранное). Нью-Йорк, 1980. В книгу вошли избранные стихотворения из четырех поэтических сборников Л. Алексеевой и добавлен раздел "Новые стихи (после 1971)".

АЛЛ НИКОЛАЙ. "МНЕ БЛИЗОК ЕДКИЙ ДЫМ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЧЕРНОЙ БАНИ..." Печатается по кн.: *Алл Н.* Ектенья. Стихи о России. Харбин, 1923. В книге 14 стихотворений и поэма "Ектенья".

НЕВЕСТА. Печатается по книге "Четырнадцать", изданной в 1949 г. в Нью-Йорке Кружком русских поэтов в Америке. Этот коллективный сборник вышел к десятилетней годовщине существования Круж-

ка. Другие участники сборника — Елена Антонова, Александр Биск, Г. В. Голохвастов, В. С. Иванов, В. С. Ильяшенко, Гизелла Лахман, В. А. Магула, Евгения Маркова, Кира Славина, Лев Славин, Татiana Тимашева, Зинаида Троцкая и Михаил Чехонин.

"К ХОЛОДНОМУ СЕРДЦУ НАШЕЛ ТЫ КЛЮЧИ..." Печатается по кн.: Содружество. Из современной поэзии русского зарубежья. Вашингтон: Изд-во Виктора Камкина, 1966.

АМАРИ. Стихотворения печатаются по кн.: *Амари (М. Цетлин)*. Кровь на снегу. Стихи о декабристах. Париж: Дом книги, 1939. Книга вышла в серии "Русские поэты", № 7. Ранее в этой серии были опубликованы сборники В. Смоленского "Наедине", З. Гиппиус "Сияния", Ю. Терапиано "На ветру", Б. Поплавского "В венке из воска", Г. Адамовича "На Западе" и А. Гингера "Жалоба и торжество". Книга Амари состоит из разделов: Камилла, Николай I, Искупление, Россия Николая, В Сибири.

ДОН АМИНАДО. Печатается по кн.: *Д. Аминадо*. В те баснословные года. Париж. (Отпечатана в январе 1951 г.) Эпиграф к сборнику: Я знал ее еще тогда,

В те баснословные года.

Тютчев

АНДЕРСЕН ЛАРИССА. "ОГОНЬКИ..." Печатается по кн.: *Андерсен Л.* По земным лугам. Шанхай, 1940.

ЯБЛОНИ ЦВЕТУТ. "По земным лугам". Ранее в коллективном сборнике "Семеро" (Харбин: Молодая Чураевка, 1931; с разбивкой на строфы).

"В ЗОЛОТИСТОМ, ЗАРДЕВШЕМСЯ АВГУСТЕ..." "По земным лугам".

"ЛУЧШИЕ ПЕСНИ МОИ НЕ СПЕТЫ..." "По земным лугам". В связи с этим стихотворением Ю. Крузенштерн-Петерек вспоминала: "Гордостью Чураевки была тогда Ларисса Андерсен. В первый раз я слышала ее, когда она читала свои "Яблони": Лучшие песни мои не спеты... Лариссе было в то время лет пятнадцать. Темные кудри вокруг бледного личика, синие глаза, белое воздушное платье — более воздушной, "яблоновой" девушки я никогда не видела... Трудно себе представить группу более разнородную по характерам, вкусам, воззрениям, чем чураевский Цех поэтов... Над всем этим царила как всеобщая муза, как маяк, как ось, приводившая в движение молодую творческую энергию — Ларисса Андерсен" (Возрождение. 1968. № 204).

АНДРЕЕВ ВАДИМ. "ОКНО СКЛОНЯЕТСЯ ВОТ ТАК..." По кн.: *Андреев В.* Недуг бытия. Вторая книга стихотворений. Париж, 1928. Книге предпослан эпиграф: "Любить и лелеять недуг бытия" (Е. Баратынский).

"ВОЗЬМИ ПРОЗРАЧНЫЙ УГОЛЕК..."; "ДО ЧЕГО ЖЕ ПЛЕНИТЕЛЬНА НОЧЬ!..."; "ШАГАЕТ РЯДОМ ГОЛУБАЯ ТЕНЬ..."; "КОГДА ЛИЛОВЕЮТ ВЕРШИНЫ..." По кн.: *Андреев В.* Второе дыхание. Стихи 1940—1950 гг. Париж: Рифма, 1950.

АНСТЕЙ ОЛЬГА. "ДУША ПРОСНУЛАСЬ, ЗАХОТЕЛА ПИТЬ..." По кн.: *Анстей О.* Дверь в стене. Мюнхен, 1949. Стихотворение вошло также и в кн.: *Анстей О.* На юру. Питтсбург, 1976. В нашем экземпляре сборника "Дверь в стене" под этим стихотворением рукой автора проставлены дата и место написания: 1948, Schleisheim.

"КОГДА ВЕСЬ ДОМ ПРИЧЕСАН И УМЫТ..." "На юру". Этот второй (и последний) сборник О. Анстей содержит разделы: Живые камни, Фен, Город внизу, Паперть, Побратимы, Стол у окна. Стихотворение "Когда весь дом причесан и умыт..." впервые напечатано в "Новом журнале" (1960. № 62). Екатерина Таубер писала: "...она твердо знает о тех мирах, где "не преходят времена"... Сильна в ней и привязанность к семье, к дочери, маленьким внукам. И еще это великолепное чувство презрения к деньгам. Да, ее мир — не мир жадной торгашеской Европы. Она ищет только творческого покоя, и не отдаст его за "двухнедельную бумажку чека" (Новый журнал. 1986. № 163).

ВОЛЧЬЕ СЧАСТЬЕ. "На юру". Впервые в "Новом журнале" (1975. № 103).

"МАСЛЯНА В ДВЕРЯХ, ДРУЖОК, ТАК ЧЕГО НАМ СУПИТЬСЯ..." "На юру". Впервые в "Новом журнале" (1975. № 119).

АНТОНОВА ЕЛЕНА. Печатается по кн.: Антонова Е. Отражения. Стихотворения 1942—44. Нью-Йорк: Изд. Кружка русских поэтов в Америке, 1944. Сборнику предпослан эпиграф:

Моменты жизни, настроения
И вереницы грез и снов
Сменяются в строках стихов,
Как в светлых водах отраженья.

ЗЕЯ. Зея — город в Амурской области, где прошло детство поэтессы и где она окончила гимназию.

"НЕ ПОД ЧЕРНЫМ ПЛАЩОМ, НЕ С КОСОЮ ОТТОЧЕННОЙ..." Напечатано также в сборнике Литературно-художественного кружка в Сан-Франциско "У Золотых Ворот" (1957).

АРГУС (МИХАИЛ ЖЕЛЕЗНОВ). Печатается по кн.: Аргус. Полусерьезно, полушутя. Сатира, юмор, лирика. Нью-Йорк: Чайка, 1959. (И. Бунин — "Вместо предисловия".)

НЕТ НИЧЕГО ЛЮБВИ ВЕЛИКОЛЕПНЕЙ. Впервые в "Новом журнале" (1943. № 5) под фамилией М. Железнов; затем в "Новом журнале" (1949. № 21) под названием "Вариации" и со значительными разночтениями.

АЧАИР АЛЕКСЕЙ. ОТТЕПЕЛЬ. Печатается по кн.: Ачаир А. Полынь и солнце. Харбин: Изд-во Союза казаков на Дальнем Востоке "Стремя", 1938. Эпиграф к книге:

Стремя к стремени,
сердце к сердцу.

На последней странице: "Издано 29 декабря 5-го года Кан-Дэ. Тираж 400 экземпляров". В сборник вошло 28 стихотворений. "Оттепель" напечатана также в книге под ред. В. Нагель "Песни с Востока". Сборник стихотворений харбинских и шанхайских поэтов. Adelaide, Australia, 1989.

АНГАРА; ДОРОГА К ДОМУ; ДУША ЗВЕЗДЫ. Печатаются по кн.: Тропы. Харбин, 1939. Сборник вышел в свет не позднее января 1939 г. Книга состоит из разделов: У горного озера, Звук памяти, Защита и Встречи; всего 46 стихотворений, написанных в 1926—1938 гг.

БАКУНИНА ЕКАТЕРИНА. ГУДОК; "ВСПОМИНАЮ ПОКРОВ ГЛАЗЕ-ТОВЫЙ..."; ЗАКАТ. По кн.: Бакунина Е. Стихи. Париж: Книжное дело "Родник", 1931. Сборник состоит из девяти разделов: Родина, Изгнание, Люди, Одиночество, О смерти, Материнство, Женское, Отражение, Земля.

"ИЗ НЕВЫНОСИМОГО ДАЛЕКА..." Стихотворение впервые опубликовано как пролог к роману Е. Бакуниной "Любовь к шестерым" (Париж, 1935)

БАЛТРУШАЙТИС ЮРГИС. Печатается по кн.: *Балтрушайтис Ю.* Лилия и серп. Стихи. Париж: YMCA-Press, 1948.

БАЛЬМОНТ КОНСТАНТИН. В ЧЕРНОМ. По кн.: *Бальмонт К.* "Ма-рево". Париж: Франко-русская печать, 1922. Стихотворение написано в 1921 г. Впервые напечатано в "Последних новостях" (1921. 16 ноября).

ЦВЕТНАЯ ТРОПА. По кн.: *Бальмонт К.* Моё — Ей. Прага: Пламя, 1924. Стихотворение написано в 1923 г.

ДРЕМОТА. По кн.: *Бальмонт К.* В раздвинутой дали. Поэма о России. Белград: Русская библиотека, 1929. Впервые напечатано в "Современных записках" (1927. № 31).

ЗЛАТОВОЗДУХ. По кн.: *Бальмонт К.* Северное сияние. Стихи о Литве и Руси. Париж: Родник, 1931.

ЗАДЫМЛЕННЫЕ ДАЛИ. По кн.: *Бальмонт К.* Светослужение. Харбин: Заря, 1937.

БАТУРИН КИРИЛЛ. По кн.: Врата. Дальневосточный сборник при литературно-художественном объединении "Восток". Шанхай, 1934. № 1.

БЕЛАВИНА НОННА. "КАЖДЫЙ МИГ НЕСЕТ С СОБОЮ ЧУДО!.." По кн.: *Белавина Н.* Земное счастье. Нью-Йорк, 1966. Стихотворение напечатано также в антологии "Содружество" (1966).

ЗЕРКАЛА; "СЕГОДНЯ ТАК ОТРАДНА ТИШИНА..."; "НЕТ, Я НЕ ВЕРНУСЬ УМИРАТЬ ДОМОЙ..." По кн.: *Белавина Н.* Стихи. Избранное из трех книг и новые стихи. Нью-Йорк, 1985.

БЕЛОЦВЕТОВ НИКОЛАЙ. По кн.: *Белоцветов Н.* Жатва. Третья книга стихов. Париж, 1953. Предисловие Анны Белоцветовой.

БЕМ ИРИНА. Печатается по машинописи: *Бем И.* Стихи разных лет, 1936—1968. Сборник, подготовленный к печати сыном поэтессы.

БЕРБЕРОВА НИНА. "Я ДЕСЯТЬ ЛЕТ НЕ ОТКРЫВАЛА СТАРОЙ..." "Новый журнал" (1953. № 34).

"РЕБЕНОК МАЛЕНЬКИЙ ЛЕПЕЧЕТ..." "Новый журнал" (1956. № 46). Написано в 1956 г.

"КАССИР СПРОСИЛ: ТУДА И ОБРАТНО?..." "Новый журнал" (1956. № 46). Написано в 1956 г.

ОТРЫВОК. "Новый журнал" (1956. № 46). В книге Н. Берберовой "Стихи" (Нью-Йорк, 1984) — без заглавия.

"НИ О ВАЗЕ, НИ О РОЗЕ В ВАЗЕ..." "Новый журнал" (1962. № 67). Написано в 1961 г.

БЕРЕЗОВ РОДИОН. ДУГА. По кн.: *Березов Р.* Дождь и слезы. Сан-Франциско: Дело, 1951.

КЛУБОЧЕК ЖИЗНИ. По кн.: *Березов Р.* Раздумья. Лирика. Брайт (Калифорния): Изд. газеты "Наши дни", 1968.

МЕНЬШЕЕ ЗЛО. По кн.: *Березов Р.* До заката. Стихи. Майами, Флорида: Изд. автора, 1973.

БЕРЛИН АННА. "НОЧЬ ЗА ОГРАДОЙ САДА ЗАЛЕГЛА..." "Звено" (1927. № 2), а также в антологии "Якорь" (Берлин: Петрополис, 1936).

СВЕТЯЩИЙСЯ ЦИФЕРБЛАТ. "Сборник Союза молодых поэтов и писателей в Париже" (Вып. 5. 1931). В этом же выпуске "Сборника" напечатаны стихи Л. Ганского, А. Гингера, В. Дряхлова, Б. Заковича, В. Мамченко, Ю. Мандельштама, А. Присмановой, В. Смоленского, Е. Таубер.

БИСК АЛЕКСАНДР. РУСЬ. Печатается по кн.: Биск А. Чужое и свое. Избранные стихи. 1903—1961. Париж, 1962. Ранее это стихотворение было напечатано в коллективном сборнике "Четырнадцать" (Нью-Йорк, 1949).

"ПРОСКОЛЬЗНУЛ В КАМОРКУ ЛУЧИК..." "Чужое и свое". Ранее в сборнике "Четырнадцать".

"ПРОСТОЮ РЕЧЬЮ НИЧЕГО НЕ СКАЖЕШЬ..."; ШВАРЦ. "Чужое и свое".

БЛОХ АНДРЕЙ. Печатается по кн.: Блох А. Стихотворения. Париж: Родник, 1927.

БЛОХ РАИСА. "ВСЯКОМУ В МИРЕ СВОЕ ДАНО..." По кн.: Блох Р. Мой город. Берлин: Петрополис, 1928.

"ПРИНЕСЛА СЛУЧАЙНАЯ МОЛВА..." По кн.: Роца. Второй сборник берлинских поэтов. Берлин: Слово, 1932. Позднее в кн.: Блох Р. Тишина. Стихи 1928—1934. Берлин: Петрополис, 1935. Стихотворение вошло в песенный репертуар Вертинского.

"ПОМНИШЬ: ОТЕЦ, БЫВАЛО..." По кн.: Невод. Третий сборник берлинских поэтов. Берлин: Слово, 1933. Позднее в книге "Тишина" с разделением на четверостишия.

"СТРАННО, ЧТО ЗДЕСЬ ПАРИЖ..." "Тишина".

"НАЛЕТАЕТ ВЕТЕР ДЛИННОКРЫЛЫЙ..." "Тишина". Впервые в "Числах" (1932. № 6.). Вошло в антологии "Якорь" и "Муза диаспоры".

"НЕБО БЛАГОСТНОЕ И ЖАРОК..." По кн.: Блох Р., Горлин М. Избранные стихотворения. Париж: Рифма, 1959.

"ПОЛНАЯ ЧАША СВЕТА..." "Избранные стихотворения".

БОБРИНСКОЙ ПЕТР. По кн.: Бобринской П. Стихи. Париж: типография Beresniak, 1969. Предисловие Г. Адамовича. Стихи в книге не датированы; известно лишь, что самое раннее из включенных в этот сборник написано в 1914 г. Однако почти все стихотворения, если и не за единственным, то за малым исключением, написаны в эмиграции. Книга была издана Мари Бобринской, ею же написана краткая биография поэта.

БОЖИДАР НИКОЛАЙ. ВЕНЕРА; В ПУТИ. По кн.: Божидар и Дир. След на камне. Зальцбург, Австрия, 1955. Эпиграф к книге (на титульном листе):

Нагой человек на голой земле, —
Камень, огонь, вода...

Отрывок из стихотворения "Венера" включен в антологию "Берега".

РАЗДУМЬЕ. "Возрождение" (1950. № 11). Подписано: Николай Бернер.

РАЗДУМЬЕ. "Новый журнал" (1954. № 37). Подписано: Николай Бернер.

БОЖНЕВ БОРИС. "КАК ВЫМАЗАННОЕ ЛИЦО..."; "НЕБЛАГОДАРОНОСТЬ — САМЫЙ ЧЕРНЫЙ ГРЕХ..." Печатается по кн.: *Божнев Б.* Борьба за несуществование. Париж, 1925.

"СОКРЫТА ЗВУЧНАЯ СТРУЯ..." По кн.: *Божнев Б.* Фонтан. Восемнадцать стихотворений. Париж, 1927. Стихотворение включено в антологию "Якорь".

"СРЕДЬ СТРАШНОЙ ДИКОЙ БУРИ СОЛОВЕЙ..." По кн.: *Божнев Б.* Альфы с пеною омеги. Двадцать семь стихотворений. Париж, 1934. Каждое стихотворение в этом сборнике как заставкой над первой строкой начинается греческой альфой и как графическая концовка под стихотворением напечатана омега.

"КОГДА В ТИШИ ГАРМОНИИ НАУК..."; "УХОДИТ В ЗЕМЛЮ ГЛУБОКО СКАМЬЯ..." По кн.: *Божнев Б.* Утешенность разрушения. Книга стихотворений. Париж, 1939.

БОНГАРТ СЕРГЕЙ. РУССКИЙ ПАРНАС В РАССЕЯНИИ. "Перекрестки". Альманах 6 (Нью-Йорк; Филадельфия; Сан-Франциско, 1982).

БЕРЕЗА. "Встречи". Альманах (Филадельфия, 1983).

ВЛЮБЛЕННЫЕ ПОШАДИ. "Встречи". Альманах (Филадельфия, 1984).

БРАИЛОВСКИЙ АЛЕКСАНДР. "ТЫ ПОВТОРИЛСЯ, ДРЕВНИЙ СКАЗ..." Печатается по кн.: *Браиловский А.* Дорогою свободной. Нью-Йорк: Орфей, 1955. На титульном листе — эпитафия:

...Иди, куда влечет тебя свободный ум.

Пушкин.

"ЖИЗНЬ ПРОБЕЖАЛА, КАК В РОМАНЕ..." Впервые в "Новом журнале" (1955. № 41).

"УСТАЛОЙ ПОСТУПЬЮ К ЗАКАТУ..." Впервые в "Новом журнале" (1952. № 30). Вошло в антологию Ю. Иваска "На Западе" и в книгу А. Браиловского "Дорогою свободной".

"ВЕЮТ, ВЕЮТ СУХОВЕИ..." "Дорогою свободной".

МИРАЖИ. Там же. Печатается только первая часть диптиха.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА. "Дорогою свободной".

БРАСЛАВСКИЙ АЛЕКСАНДР. "ПРОХОДИТ ЖИЗНЬ, КАК ТОРОПЛИВЫЙ СНЕГ..." Печатается по первому поэтическому сборнику А. Браславского "Стихотворения" (Париж, 1926; книга вышла под псевдонимом: А. Булкин). На титульном листе — эпитафия из Ф. Тютчева:

Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг —
И мы в борьбе, природой целой,
Покинуты на нас самих;

И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак, на краю земли
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали...

"НОЧНОЙ КОРАБЛЬ КРУЖИЛСЯ НАДО МНОЙ..." Печатается по кн.: *Булкин А.* Стихотворения. Париж, 1926.

"ЛЮБИ И ВЕРЬ, ЧТОБ ПЕРЕЖИТЬ РАЗЛУКУ..." По кн.: *Браславский А.* Стихотворения II. Париж, 1929. Книге предпослан эпитафия из А. Блока:

Миры летят. Года летят. Пустая
Вселенная глядит в нас мраком глаз,
А ты, душа, усталая, глухая,
О счастье твердишь, — который раз.

"КОГДА ЛЕТАЩИЙ С КРУТИЗНЫ..."; "РЫДАЮТ КОШКИ, КАК БОЛЬНЫЕ ДЕТИ..." Впервые в "Числах" (1932. № 6). Здесь печатается по кн.: *Браславский А. Стихотворения III*. Париж, 1937. Сборник открывается эпиграфом из "Записок сумасшедшего" Н. Гоголя: "Я хочу видеть человека; я требую пищи — той, которая бы питала и услаждала мою душу; а вместо того эдакие пустяки..."

БРИТАН ИЛЬЯ. "ЛАМПА ПОД ЗЕЛЕНЫМ АБАЖУРОМ..." По кн.: *Британ И. Разноцвет*. Берлин, 1924. Сборник состоит из разделов: Плен, С детьми, Грозы, Видения, Под знаком вечности. Дата только в конце сборника: 27. XI 1923—1. IV 1924.

"ХОЛОДНЫЙ ЧЕРНЫЙ СОН ЗАПУЩЕННОЙ УСАДЬБЫ..." "Разноцвет". *Лиза и Лаврецкий* — герои романа И. Тургенева "Дворянское гнездо".

"ВРЕМЯ БЫЛО К ВЕЧЕРНЕ. ОГНЯМИ ЗАКАТА..." По кн.: *Британ И. Полдень*. Берлин, 1925. Последнее в сборнике стихотворение датировано: 3. IV — 1924 г. IX. По-видимому, дата относится не только к заключительному в сборнике стихотворению, но и ко всем 267 стихотворениям этой книги. Разделы в сборнике: Тропа и покой, С детьми, Гроза, Без завесы, В веках, Миг за мигом. Книге предпослан авторский манифест "Светлая судьба" с подзаголовком "Testamentum militis", т. е. завещание воина, в котором, в частности, утверждается: "Поэзия — путь к Богу. Поэт — Божий... Кто ищет земного, тот не родился... Без Святого и без Поэта миру не устоять... Ибо Господь — Поэт... Слово найдет себя — только не мешай..."

"ВЕРБОЧКИ — НЕЖНЕЕ ДЕТСКИХ ЩЕК..."; "ПТИЦЫ ЧЕРНЫМИ КРЫЛЬЯМИ ХЛОПАЛИ..." "Полдень".

БРОДСКАЯ НИНА. Печатается по кн.: *Бродская Н. А. Напролет*. Париж: Рифма, 1968. В книгу вошли также переводы из Рильке, Ронсара и др.

БУЛИЧ ВЕРА. "ВЕТЕР ХОДИТ ПО ДОМУ ХОЗЯИНОМ..." По кн.: *Булич В. Маятник. Стихи*. Гельсингфорс: Акц. общ. "Либрис", 1934.

РОЗОВЫЙ ВОЗДУХ. По кн.: *Булич В. Бурелом. Стихи*. Книга третья. Хельсинки: Типография Акц. о-ва "Литтера", 1947. В этом сборнике представлены стихотворения, написанные в 1937—1946 гг. В книге три раздела: Листки календаря, Бурелом, Верность.

"ЛИЛОВЕЮТ ПРОЗРАЧНЫЕ РОЩИ..."; ВЕТВИ. По кн.: *Булич В. Ветви*. Четвертая книга стихов. Париж: Рифма, 1954. Стихотворение "Ветви" включено (без названия) в антологию Ю. Иваска "На Западе".

БУНИН ИВАН. КАНАРЕЙКА. Печатается по кн.: *Бунин И. Роза Иерихона*. Берлин: Слово, 1924. В сборник включено 25 рассказов и стихотворения 1915—1922 гг.

"У ПТИЦЫ ЕСТЬ ГНЕЗДО, У ЗВЕРЯ ЕСТЬ НОРА..."; РАДУГА; "ЗАРОС КРАПИВОЙ И БУРЬЯНОМ..."; "МЕЧТЫ ЛЮБВИ МОЕЙ ВЕСЕННЕЙ..."; "ПЕЧАЛЬ РЕСНИЦ, СЯЮЩИХ И ЧЕРНЫХ..."; ВЕСНА 1886 г. Печатаются по "Розе Иерихона".

"ЛЬЕТ БЕЗ КОНЦА. В ЛЕСУ ТУМАН..."; В ГЕЛИОТРОПОВОМ СВЕТЕ МОЛНИЙ ЛЕТУЧИХ... По кн.: *Бунин И. Избранные стихи*. Париж: Современные записки, 1929. В книгу вошли стихотворения 1900—1925 гг.

БУРКИН ИВАН. ПЕРЕД СУДОМ ОБЪЕКТИВА. "Перекрестки". Альманах № 2 (Филадельфия, 1978).

КСТАТИ. "Встречи". Альманах (Филадельфия, 1989).

СТИХОТВОРЕНИЕ (В КОТОРОМ Я ЗАЩИЩАЮСЬ ОТ ХЛЕБНИКОВА). "Встречи". Альманах (Филадельфия, 1990).

БУШМАН ИРИНА. "КОГДА ВИДЕНИЙ ПРИЗРАЧНЫЕ СОНМЫ..."; "ТАКАЯ ВЕСОМАЯ, ЗРИМАЯ ДАЖЕ..." "Мосты" (1961. № 7).

РАЗДРОБЛЕННЫЙ СОНЕТ. Печатается по автографу. "Написано 7. 11. 92, т. е. в день смерти В. Перелешина, о чем я, само собой разумеется, знать не могла..." (Из письма И. Бушман составителю настоящей антологии).

"С МОЕЙ ДУШИ СОДРАЛИ КОЖУ ЗАЖИВО..." Печатается по автографу.

ВАДИМОВ ЕВГЕНИЙ. ЙОГ. Печатается по кн.: *Вадимов Е.* Где-то... Избранные стихотворения. Белград: Изд-во Н. З. Рыбинского, 1930. Эпиграф из книги Свами Абедананды "Самопознание".

КУПАВА. По кн.: *Вадимов Е.* Свете тихий. Вторая тетрадь избранных баллад и стихотворений. Варшава, 1938. Посвящение А. А. Кондратьеву связано со встречами Е. Вадимова и А. Кондратьева на литературных вечерах у поэтессы Л. Сеницкой в Ровно в тридцатые годы.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА. По кн.: *Вадимов Е.* "Русская культура" и другие избранные стихотворения, 1932—1936. Варшава, 1937.

ВЕГА МАРИЯ. "МНЕ ХОЧЕТСЯ МОЛИТЬ КОГО-ТО СКВОЗЬ ВЕКА..." Печатается по кн.: *Вега М.* Польша. Париж, 1933. Сборнику предпослан эпиграф из В. Ф. Ходасевича:

В заботах каждого дня
Живу, а душа под спудом,
Каким-то пламенным чудом
Живет помимо меня.

И часто, спеша к трамваю
Иль над книгой лицо склоня,
Я слышу ропот огня
И глаза закрываю.

"В ОКНЕ МОЕМ ЗВЕЗДЫ И СУМЕРКИ БЛЕДНЫЕ..." По кн.: *Вега М.* Мажор в миноре. Париж, 1938.

МУЗЫКА; ТЕНЬ. По кн.: *Вега М.* Лилит. Третья книга стихов. Париж, 1955. В этот сборник вошло 29 стихотворений и поэма в октавах "Петербург".

"КОГДА ОСТАНОВИТСЯ ПОЕЗД, ПОЛЕТОМ ПРОРЕЗАВ ПУРГУ..." Журнал "Возрождение" (1958. № 82).

ВЕЙДЛЕ ВЛАДИМИР. БЕРЕГ ИСКИИ. "Воздушные пути" (1965. № 4). Написано в 1965 г.

К*** "Новый журнал" (1966. № 82).

"ЗАЧЕМ, РАССУДОК БЕСПОКОЯ..." "Новый журнал" (1966. № 82).

СТИХИ О СТИХАХ. "Новый журнал" (1967. № 86). В сборнике В. Вейдле "На память о себе" стихотворение посвящено Рене Герра, издавшему этот сборник.

УМИРАТЬ НАДО В БЕДНОСТИ. "Новый журнал" (1978. № 132). Написано в июне 1978 г. В книге В. Вейдле "На память о себе" имеется

примечание к этому стихотворению: "Чаепитие у о. Сергея Булгакова и его — сбывшееся — предсказание соответствуют действительности. Ницше окончательно обезумел, бросившись поднимать упавшую извозчицью лошадь в Турине, на площади Кариньян".

ВЕЛИЧКОВСКАЯ ТАМАРА. Стихотворения печатаются по кн.: *Величковская Т. Белый посох.* Париж: Рифма, 1952.

О МУЗЫКЕ. "Возрождение" (1954. № 31). Стихотворение написано в 1952 г. В последней книге Т. Величковской "Цветок и камень" (Париж, 1981) это стихотворение напечатано с разночтениями и без посвящения. С. С. Постников — пианист.

ВЕЛИЧКОВСКИЙ АНАТОЛИЙ. "ВОТ УЖЕ И НАМ ПОРА ПРОСТИТЬСЯ"; "СОЛНЦЕ ГРЕЕТ, ПАХНУТ ЛИПЫ МЕДОМ..."; "В СУГРОБАХ, СЛОВНО В БЕЛЫХ ДЮНАХ..."; "Я ЛЮБЛЮ, КОГДА В ОКОШКЕ ВЫЮТСЯ..." Печатаются по кн.: *Величковский А. Лицом к лицу.* Стихи. Париж: Рифма, 1952.

"ВЕЛЕНЬЮ ДИВНОМУ ПОСЛУШНА..." "Новый журнал" (1954. № 38).
"КОГДА Я ВИЖУ УТРЕННИЙ ВОСТОК..."; "НИ СОЛНЦА РОЗОВЫЙ ВОСХОД..." "Новый журнал" (1956. № 45).

ВЕРЕЩАГИН ВЛАДИМИР. Печатается по кн.: *Верещагин В. Стихи.* Париж: Impr. de Navarre, 1955.

ВЕРТИНСКИЙ АЛЕКСАНДР. В СТЕПИ МОЛДАВАНСКОЙ. Печатается по кн.: Из песен А. Вертинского. Стокгольм: Изд-во Свенсона, 1980. "...Я уехал в турне по Бессарабии... Мы покатили в ясный, солнечный день по нашей — "почти нашей" русской земле в молдаванские степи. Те же милые сердцу белые хаты...

Что за ветер в степи
молдаванской...
Как поет под ногами
земля...

танцевали у меня в голове первые строфы будущей песни... Мы останавливались, шли к цыганам, садились к костру... Под гитарные переборы грустили о Родине. А степь была уже серебристой от лунного света... и было много общего между жизнью этих людей без Родины и моей. Так родилась моя песня "В степи молдаванской" (*Вертинский А. Записки русского Пьеро.* Нью-Йорк, 1982. С. 28—29).

ПРОЩАЛЬНЫЙ УЖИН. "Из песен А. Вертинского". "Александр Николаевич долго лежал на песке, молча, сосредоточенно глядя на воду, потом вдруг как-то встрепнулся и сказал: "Стойте! Я нашел рифму... Ах, как долго я ее искал, и она мне все не давалась... Слушайте:

Отлив лениво ткет по дну
Узоры пенных кружев...
Мы пригласили тишину
На наш прощальный ужин!"

И через несколько дней он впервые спел свой несравненный "Прощальный ужин" (*Бабенко В. Г. Артист Александр Вертинский.* Свердловск: Изд-во Свердловского университета, 1989. С. 91).

ВИЗИ МАРИЯ. "Я НЕ ЗНАЮ, ПО ЧЬЕМУ УКАЗУ..." Печатается по кн.: *Визи М.* Стихотворения II. Шанхай: Изд-во В. П. Камкина и Х. В. Попова, 1936.

"КОГДА ПОТУХНУТ НА ПУТИ ОГНИ..." "Стихотворения II". Вошло также в кн.: *Визи М.* Голубая трава. Сан-Франциско, 1973.

НА БЕРЕГУ. "Голубая трава". Ранее в книге "Стихотворения II".

У ОЗЕРА. "Перекрестки". Альманах 5 (Нью-Йорк; Филадельфия; Сан-Франциско, 1981).

НА ЗАРЕ. "Встречи". Альманах (Филадельфия, 1988).

ВОЛИН МИХАИЛ. "МУЗЫКА — ОНА НЕ УМЕРЛА..." Печатается по журналу "Современник" (1970. № 20—21). Ранее в "Гранях" (1963. № 54).

"ЗИМНИЙ ВЕЧЕР. К ОКОННОЙ РАМЕ..." "Новый журнал" (1973. № 110).

МЕДИТАЦИЯ. Печатается по альманаху "Перекрестки", 4, 1980. Ранее в "Новом журнале" (1972. № 107).

ВОЛКОВ БОРИС. ПУЛЕМЕТЧИК СИБИРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. По кн.: *Волков Б.* В пыли чужих дорог. Стихи. Берлин: Парабола, 1934. Сборнику предпослан эпиграф: "Справедливость и человеколюбие нынешнего времени — пустые звуки: они служат прикрытием жестокости и тревожат сердца людей" (Лао-Цзы). В книге четыре части: В яркой полосе, Шут Господа Бога, Найденный манускрипт, Возведенные на эшафот. Из триптиха "Пулеметчик сибирского правительства" здесь печатаются только первое и третье стихотворения.

КОНЕЦ ПУТИ. "В пыли чужих дорог".

В ГОСПИТАЛЕ. Здесь печатается только вторая часть диптиха. Впервые опубликовано в сборнике Литературно-художественного кружка "У Золотых Ворот" (Сан-Франциско, 1957).

ВОЛКОВА МАРИЯ. ВОСПОМИНАНЬЕ. ШИПОВНИК. По кн.: *Волкова М.* Стихи. Париж: Изд. Кружка казаков литераторов, 1944.

НЕЖНОСТЬ. По кн.: Содружество. Вашингтон. Изд-во В. Камкина, 1966.

ВОЛЫНЦЕВА ЛИДИЯ. ЛЕДЯНЫЕ УЗОРЫ. Это стихотворение дало название сборнику "Ледяные узоры" (Нью-Йорк, 1975). Книга состоит из шести разделов: Interieur; Бред летних дней; Образы и впечатления; Года лихие, встречи светлые; Десятиграня; Quasi una fantasia.

"И УЖЕ ЗАКОНЧЕН КРУГ ДНЕВНЫХ ЗАБОТ..."; "ЗА ГОРОД ВЫЙТИ, И ТИХО, БЕЗ ЦЕЛИ..."; ЭЛЕГИЯ; СРЕДИ ПОЛЕЙ. "Ледяные узоры".

"ЧРЕЗ ОКНО, ЧТО ЛУННЫМИ ЛУЧАМИ..." "Ледяные узоры"; заключительная часть цикла Quasi una fantasia.

ВОРОБЬЕВ НИКОЛАЙ. ЗАКАТ. STILL COVE. По кн.: *Воробьев Н.* Стихи о разном. Pebble Beach, California. Изд. авт., 1969.

ГАЛЬСКОЙ ВЛАДИМИР. ЧЕРНЫЙ ГОРОД. "Возрождение" (1954. № 34).

"ЭТО БЫЛО — В БРЮССЕЛЕ? В ПАРИЖЕ?..." "Встречи". Альманах (Филадельфия, 1990).

BASSIANA. "Возрождение" (1954. № 33).

"ГУБ ТВОИХ РУМЯНЫЙ ЗРЕЛЫЙ МЕД..." "Возрождение" (1954. № 33).

НА ОТЪЕЗД В АМЕРИКУ. "Возрождение" (1954. № 36).

ГАНСКИЙ ЛЕОНИД. Стихотворения печатаются по кн.: *Ганский Л.* На весу. Париж, 1962. Название сборника дано по строке в стихотворении "Человек человеку — печенег":

Живя в бетонном лесу —
Душу держи на весу.

ГАРДНЕР ВАДИМ. ЗАВИРУХА. "Якорь". Антология зарубежной поэзии. Составители Г. В. Адамович и М. Л. Кантор (Берлин: Петрополис, 1936).

"КОГДА Я ОДИН И МНЕ ГРУСТНО..." *Гарднер Вадим.* У Финского залива. Избранная лирика. Составители Темира Пахмусс и Бен Хеллман (Хельсинки: Гранит, 1990).

НЮЛАНДСКИЙ СОНЕТ. "Русская мысль" (1987. № 3676) (Литературное приложение).

САФИЧЕСКИЕ СТРОФЫ. "У Финского залива".

ГЕРШЕЛЬМАН КАРЛ. "НЕ НАПРАСНО ЗАГОРЕЛОСЬ ЗОЛОТОЕ..." "Грани" (1953. № 20).

"УДАЛОСЬ ОДНАЖДЫ РОДИТЬСЯ..." "Новый журнал" (1952. № 31).

"МНЕ КТО-ТО ПОДАРИЛ ОКНО В ВЕЧЕРНИЙ САД..." "Новый журнал" (1952. № 31).

"СИЖУ НАД СТАКАНОМ ЧАЮ..." "Грани" (1953. № 20).

ГЕССЕН ЕВГЕНИЙ. Стихотворения печатаются по сборнику русской зарубежной литературы "Ковчег" (Нью-Йорк, 1942).

ГИНГЕР АЛЕКСАНДР. СЕРДЦЕ. Печатается по кн.: *Гингер А.* Сердце. Стихи 1917—1964 гг. Париж, 1965. Написано в 1937 г. Ранее в кн.: *Гингер А.* Жалоба и торжество. Третья книга стихов. Париж: Современные записки, 1939.

СЕСТРА. "Сердце". Написано в 1948 г. Ранее в кн.: *Гингер А.* Весть. Четвертая книга стихов. Париж: Рифма, 1957. Впервые в "Новоселье" (1949. № 39—41).

УГОЛ. "Сердце". Написано в 1955 г. Ранее в книге "Весть".

ГИППИУС ЗИНАИДА. Стихотворения печатаются по кн.: *Гиппиус З.* Сияния. Париж: Современные записки, 1938 (Серия "Русские поэты". Выпуск второй). Тираж — 200 экз. Эпиграф к книге:

Тебе, чье имя не открою,
Но ты со мной всегда.
Ты мне, как горная вода
Среди земного зноя.

МЕРА. Ранее в "Числах" (1930. № 1).

ETERNITE FREMISSANTE. Впервые в "Современных записках" (1934. № 54). Перевод названия: Трепещущая вечность (фр.).

ГЛИНКА ГЛЕБ. УТЕШЕНИЕ; НА ЧУЖБИНЕ; ОСВОБОЖДЕНИЕ. Печатаются по кн.: *Глинка Г.* В тени. Избранная лирика. Нью-Йорк, 1968. В сборник вошло также 12 стихотворений, написанных в 1920-е гг., т. е. задолго до эмиграции.

РУБИКОН. По кн.: *Глинка Г.* Было завтра. Нью-Йорк, 1972. "Рубикон" включен также в антологию "Берега". Стихи поэтов второй эмиграции (Филадельфия, 1992). Составители В. Синкевич и В. Шаталов.

SILENTIUM. "Было завтра". Название и предпоследняя строка заимствованы из стихотворения Ф. Тютчева "Silentium!".

ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ ИЛЬЯ. Печатается по кн.: *Голенищев-Кутузов И.* Память. Париж: Парабола, 1935. С предисловием Вяч. Иванова (написано задолго до выхода книги — 24 авг. 1931 г.). В одном из писем к Вяч. Иванову Голенищев-Кутузов писал, что его сборник пролежал в издательстве три года, из чего следует, что стихотворения, вошедшие в "Память", написаны не позднее 1932 г.

МОНМАРТР. *Фригийский колпак* — островерхая шапка марсельских каторжников, символ бунта в пору революции 1789 г.

"ВОКРУГ ВОЛОС ТВОИХ, ЯНТАРНЕЙ МЕДА..." Напечатано также в антологии "Якорь" (1936).

ГОЛОВИНА АЛЛА. "РАЗОБРАН ЛЕСОК ТРОПИНКАМИ..." "Современные записки" (1934. № 56).

"ОТ СЛОВ ТВОИХ, ОТ ПАМЯТИ МОЕЙ..." "Современные записки" (1938. № 67).

"ЗИЯЮЩАЯ ПУСТОТА..." "Новый журнал" (1977. № 127).

СЕВЕРНОЕ. "Новый журнал" (1977. № 128).

ГОЛОХВАСТОВ ГЕОРГИЙ. По кн.: *Голохвастов Г.* Полусонеты. Париж, 1931. Предисловие Бориса Бразоля, позднее написавшего статью о поэме Голохвастова "Гибель Атлантиды" ("Речи". Нью-Йорк: Изд. Общества им. А. С. Пушкина, 1943). В сборник вошло 300 полусонетов.

ГОМОЛИЦКИЙ ЛЕВ. Стихотворения печатаются по "Сборнику русских поэтов в Польше". 1. Львиград, "Четки", 1930, 1000 экз. (Издательская аннотация: "Отпечатано в типографии львовской Ставропигии, основанной Иваном Федоровым, первопечатником московским. В книге приняли участие русские поэты Варшавы, Вильно, Гродно, Львова, Острога, Ровно и др. городов".)

ГОРЛИН МИХАИЛ. МЕКСИКА МОЕГО ДЕТСТВА. "Роща". Второй сборник берлинских поэтов (Берлин: Слово, 1932). Другой вариант этого стихотворения напечатан в антологии "Муза диаспоры" (1960).

"МОКРОЮ РЕДЕЮЩЕЙ ЛИСТВОЮ..." "Якорь".

"КАДИДИЯ, КАДИДИЯ..." По кн.: *Горлин М.* Путешествия. Берлин, 1936.

ШНУРРЕНЛАУНЕНБУРГ. "Грани" (1959. № 44).

ГОРЯНСКИЙ ВАЛЕНТИН. Печатается по журналу "Возрождение" (1955. № 42).

ГРОНСКИЙ НИКОЛАЙ. Стихотворения печатаются по кн.: *Гронский Н.* Стихотворения и поэмы. Париж: Парабола, 1936.

ДЖАНУМОВ ЮРИЙ. По кн.: *Джанумов Ю.* Стихи. (Предисл. Г. Адамовича). Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1966.

"ПОРА, ПОРА..." Впервые в "Роще" (Второй сборник берлинских поэтов. Берлин: Слово, 1932). Вместе с Джанумовым в этом сборнике участвовали: Я. Бикерман, Р. Блох, Н. Бродская, Н. Белоцветов, М. Горлин, И. Миллер, А. Павлович, В. Пиотровский, С. Прегель, Е. Раич, Н. Эльяшев, В. Эрден.

ДИКСОН ВЛАДИМИР. "ВМЕСТЕ МЫ ХОДИМ ИЛЬ ПОРОЗНЬ..." По кн.: *Диксон В.* Стихи и проза. Париж: Вол, 1930. Написано в июне 1928 г.

"ДОЛГО СТРАНСТВУЮ, МНОГО СКИТАЮСЬ..." "Стихи и проза". Написано 21 октября 1928 г. в Константинополе.

"ЗДЕСЬ НАМЕЧЕНО И РАЗМЕРЕНО..." "Стихи и проза". Написано в мае 1928 г. в Берне.

"ЧТОБ НА ЛЮДЯХ ГЛАЗАМ БЫТЬ СУШЕ..." "Стихи и проза". Написано в Цюрихе 23 марта 1927 г.

"У ДЕТЕЙ, ИЗГНАННИКОВ И ПЛЕННЫХ..." "Стихи и проза". Написано 1 января 1928 г. в Париже.

"ОБЛАКУ РАДУЮТСЯ ГЛАЗА МОИ..." "Стихи и проза". Написано 10 сентября 1926 г. в Париже.

ДИМЕР ЕВГЕНИЯ. РАДУГА; В НЬЮ-ЙОРКСКОЙ ГАВАНИ. Печатаются по первому сборнику Е. Димер "Дальние пристани". Стихи (Вашингтон, 1967).

ВИНОГРАД; НА СКАЛЕ. По кн.: *Димер Е.* С девятого вала. Стихи. Си Клифф (штат Нью-Йорк), 1977.

ПЕРЕД ЗИМНИМ ПЕЙЗАЖЕМ ГРЭНДМА МОЗЕС. Печатается по авторской машинописи. *Анна Мэри Мозес*, девичья фамилия Робертсон (1860—1961) — знаменитая американская художница, известная как Грэндма (бабушка) Мозес (примеч. Е. Димер).

ДИТЕРИХС фон-ДИТРИХШТЕЙН ВЛАДИМИР. Стихотворения печатаются по кн.: *Фон-Дитрихштейн Д.* Собрание стихов 1912—1964. Брюссель: Изд. журнала "Родные перезвоны", 1965.

"ОСЕНИ ВОЗДУХ ДУШИСТЫЙ, БОДРЯЩИЙ..." Напечатано также в журнале "Современник" (Торонто) (1967. № 14/15).

ДРЯХЛОВ ВАЛЕРИАН. ПУТЬ. Печатается по кн.: *Дряхлов В.* Проблески. Париж, 1972. Впервые в альманахе "Орион". Под ред. Ю. Одарченко, В. Смоленского и А. Шайкевича. Париж, 1947. В "Проблесках" с разночтениями; в "Орионе" дата под стихотворением: 1935.

БЕСПЕЧАЛЬНАЯ РАЗЛУКА. "Проблески". Впервые в журнале "Возрождение" (1965. № 164).

ДРУГАЯ ЛЮБОВЬ. "Проблески".

ДУКЕЛЬСКИЙ ВЛАДИМИР. По кн.: *Дукельский В.* Послания. Мюнхен, 1962. Предисл. В. Маркова.

ДУРАКОВ АЛЕКСЕЙ. "Я БЫЛ СИЯЮЩИМ ПОВЕСОЙ..." "Сборник Стихов" 1. Изд. Союза молодых поэтов и писателей. Париж, 1929. В этом сборнике А. Дураков участвовал вместе с А. Гингером, И. Голенищевым-Кутузовым, В. Мамченко, Ю. Мандельштамом, А. Присмановой, И. Кнорринг, Д. Кобяковым, Ю. Рогалю-Левицким и др.

"ЗАЧЕМ КАЗНИШЬ МЕНЯ, ВСЕВЫШНИЙ?..." Там же.

"ГЛЯЖУ НА МИР ПОТУСТОРОННИЙ..." "Сборник стихов" III. (Париж, 1930). Другие участники этого выпуска: В. Гансон, Л. Ганский, И. Голенищев-Кутузов, В. Дряхлов, Л. Кельберин, И. Кнорринг, Д. Кобяков, В. Мамченко, Ю. Мандельштам, А. Присманова, В. Смоленский, Ю. Софиев, Н. Станюкович, Е. Таубер, К. Халафов, Л. Червинская, Т. Штильман.

ЕВАНГУЛОВ ГЕОРГИЙ. ВДОХНОВЕНИЕ. Печатаются по кн.: *Евангулов Г.* Золотой пепел. Париж: Изд. Д. Грединов, 1925.

ВЫБРАТЬ СВОЙ ЦВЕТ... "Современник" (1965. № 11).

Я НОЧЬЮ ВИДЕЛ ИНОГДА... "Новый журнал" (1958. № 52).

КОГДА УМРУ... "Новый журнал" (1968. № 91). Два стихотворения Евангулова в этом номере журнала напечатаны с примечанием от

редакции: "Георгий Сергеевич Евангулов, поэт и прозаик, скончался в 1967 году в Гамбурге, в Германии, после тяжелой болезни. Незадолго перед смертью он прислал нам эти два стихотворения".

ЕВСЕЕВ НИКОЛАЙ. Печатается по кн.: *Евсеев Н.* Крылатый шум. Париж: Родимый край, 1965. В сборнике четыре раздела: Незабвенное, Простор, Радость, Жизнь.

ЕЛАГИН ИВАН. "НЕЖНОСТЬ, ВИДНО, РОДИЛАСЬ ЗАΙΚОЙ..." По кн.: *Елагин И.* Отсветы ночные. Изд. "Нового журнала". Нью-Йорк, 1967. Включено в кн.: *Елагин И.* Тяжелые звезды. Избранные стихотворения. Изд-во "Эрмитаж" (США), 1986.

"Я РЕШАЮ ВОПРОС БОЛЬШОЙ..." По кн.: *Елагин И.* Косой полет. Стихи. Нью-Йорк: Изд. "Нового журнала", 1967. Впервые в "Новом журнале" (1965. № 78).

"НЕСЛЫШНО ВХОДИТ ГОРОДСКОЕ ЛЕТО..." Там же. Впервые в "Новом журнале" (1964. № 76).

"МОЙ ВЕК! ОТ СТУКА..." По кн.: *Елагин И.* В зале вселенной. Изд-во "Эрмитаж" (США), 1982.

"В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ Я К СТОЛУ ПОДОЙДУ..." "В зале вселенной".

"ГДЕ-ТО ВВЕРХУ, ЗА ХОЛМЫ УХОДЯ..." "Тяжелые звезды".

ЗАБЕЖИНСКИЙ ГРИГОРИЙ. По кн.: *Забезинский Г.* Стихи. Книга вторая. Париж; Нью-Йорк: Кремень, 1956.

МОЛИТВА. Впервые в "Новом журнале" (1953. № 35); в журнальной публикации — без названия.

ЗАВАЛИШИН ВЯЧЕСЛАВ. "ЧТО БРОСИЛ Я В ОБУГЛЕННОЙ РОССИИ?..." "Встречи". Альманах (Филадельфия, 1989).

НИКОГО. "Альманах-87" (Изд. Клуба русских писателей в Нью-Йорке, 1987).

С ВЫСОТЫ В НИЧТО. "Перекрестки". Альманах 5 (Нью-Йорк; Филадельфия; Сан-Франциско, 1981).

ЗАКОВИЧ БОРИС. "ЕСТЬ НЕПОНЯТНАЯ УСЛАДА..." "Русские записки" (1939. XIV).

"Я УЗНАЮ ПОДЧАС НА ГЛУБИНЕ..." Там же. В книжном варианте посвящено французскому филологу и издателю русских книг Р. Ю. Герра, с чьим послесловием вышла книга Б. Заковича "Дождь идет над Сеной".

"ПАХЛО КОШАТИНОЙ, СКУКОЙ..." "Эстафета". Сборник стихов русских зарубежных поэтов (Париж; Нью-Йорк, 1948).

"МЫ ШЛИ ДОМОЙ, НО ВДРУГ СООБРАЗИЛИ..." "Новоселье" (1950. № 42—44). В книжном варианте ("Дождь идет над Сеной". Париж, 1984) стихотворение посвящено переводчику и эссеисту Н. Д. Татищеву.

"Я ШАРИЛ ДОЛГО, СКУЧНО, ДЕЛОВИТО..." "Новоселье" (1950. № 42—44).

"ТЕМНЫЙ ЗАЛ, ЗАДУМЧИВЫЕ ЛИЦА..." "Встречи" (Филадельфия, 1990).

ЗЛОБИН ВЛАДИМИР. ОСТРОВ НА СЕНЕ. Вероятно, известнейшее (как и "Свидание", не включенное в эту антологию) стихотворение Злобина. Часто цитировалось и вошло в антологию Ю. Иваска "На Западе". Печатается по единственному сборнику В. Злобина "После ее смерти" (Париж: Рифма, 1951). Заглавие дано по экземпляру.

подаренному Злобиным 4 мая 1953 г. редактору журнала "Опыты" Р. Н. Гринбергу. В этом экземпляре имеются поправки, внесенные рукой Злобина, в том числе и название данного стихотворения. *Мария Вениаминовна Абельман*, которой посвящено это стихотворение, дружила со многими поэтами эмиграции. В ее парижской квартире одно время жил С. Маковский, и там собирались в пятидесятые годы Г. Адамович, И. Одоевцева, А. Присманова, А. Гингер, Г. Раевский, К. Померанцев, В. Корвин-Пиотровский; бывал и Г. Иванов, посвятивший М. В. Абельман стихотворение "Я в вашем доме гость случайный".

УЙТИ. "Опыты" (1953. 2).

СКВОЗНЯК; ДВЕРЬ. "Новый журнал" (1955. № 41).

"Я САМ СЕБЯ ЗАКОЛДОВАЛ..." Там же. Вошло в антологии "Муза диаспоры" (1960) и "Источник" (1989).

"ЕСТЬ ЧТО-ТО СТРАННОЕ В МОИХ МЕЧТАХ..." "Новый журнал" (1962. № 69).

ИВАНОВ ВЯЧЕСЛАВ. Стихотворения из "Римского дневника 1944 года" печатаются по кн.: *Иванов В.* Свет вечерний. Оксфорд, 1962.

ИВАНОВ ГЕОРГИЙ. "НАЧАЛО НЕБО МЕНЯТЬСЯ..." По кн.: *Иванов Г.* Розы. Париж: Родник, 1931.

"ЗАКРОЕШЬ ГЛАЗА НА МГНОВЕНЬЕ..." Там же. Впервые в "Звене" (1925. 16 марта). В некрологе "Памяти Георгия Иванова" ("Опыты", № 9, 1958) об этом стихотворении упоминается как о представляющем собою квинтэссенцию всего творчества поэта: "У Георгия Иванова была своя тайна, которую он постоянно разгадывал, но так и не разгадал, но именно о ней он спел песню на могиле его и нашей России. Все же некоторые приближения к разгадке этой тайны мы у него находим. Есть таинственная освобождающая радость в этих его стихах (и отрицающих, и утверждающих)".

"МЕДЛЕННО И НЕУВЕРЕННО..." "Розы". Впервые в "Последних новостях" (1928. 10 мая); затем в "Числах" (1930. Кн. 1).

"ЗАМЕЛО ТЕБЯ, СЧАСТЬЕ, СНЕГАМИ..." По кн.: *Иванов Г.* Отплытие на остров Цитеру. Избранные стихи 1916—1936 (Берлин: Петрополис, 1937). Ранее в "Современных записках" (1932. № 48) в подборке под заглавием "Из книги "Ночной смотр".

"ЭТО ЗВОН БУБЕНЦОВ ИЗДАЛЕКА..." "Отплытие на остров Цитеру". Впервые в "Числах" (1930—1931. Кн. 4) в подборке под общим названием "Разрозненные строфы" (1930).

"ДРУГ ДРУГА ОТРАЖАЮТ ЗЕРКАЛА..." По кн.: *Иванова Г.* Портрет без сходства. Стихи. Париж: Рифма, 1950. Впервые в "Возрождении" (1950. № 9). Написано в мае 1950 г.

"БЫЛ ЗАМЫСЕЛ СТРАННО-ПОРОЧЕН..." "Портрет без сходства". Впервые в "Современных записках" (1934. № 55) (имеются разночтения).

"ЭМАЛЕВЫЙ КРЕСТИК В ПЕТЛИЦЕ..." "1943—1958 Стихи". Нью-Йорк: Изд. "Нового журнала", 1958. Вступительная статья Романа Гуля. Написано в 1950 г. Впервые опубликовано в "Новом журнале" (1951. № 25).

"МЕЛОДИЯ СТАНОВИТСЯ ЦВЕТКОМ..." "1943—1958 Стихи". Впервые в "Новом журнале" (1951. № 25).

"ОТВЛЕЧЕННОЙ СЛОЖНОСТЬЮ ПЕРСИДСКОГО КОВРА..." "1943—1958 Стихи". Впервые в "Новом журнале" (1957. № 51). Написано в 1957 г.

"В ВЕТВЯХ ОЛЕАНДРОВЫХ ТРЕЛЬ СОЛОВЬЯ..." "Новый журнал" (1959. № 58), в подборке "Посмертный дневник".

ИВАСК ЮРИЙ. ПСКОВ. По кн.: *Иваск Ю.* Царская осень. Вторая книга стихов. Париж: Рифма, 1953. 25 апреля.

"ПЕЧАЛЕН, СЕРДЦЕ, ТВОЙ РАССКАЗ..." "Царская осень". Эпиграф из стихотворения К. Батюшкова "Мой гений" (1815).

"УЙТИ, ПОЗАБЫТЬ, ЗАМЕРЕТЬ..." "Царская осень". Перевод эпиграфа: Терпение, трудная вещь... (англ.). *Хопкинс, Джерард Мэнли* (1844—1889) — английский поэт. Его стихи имели большее влияние на поэтов XX в., нежели на современную Хопкинсу поэзию.

ОАХАКА. РЫНОК; БОЛДИНО. По кн.: *Иваск Ю.* Хвала. Вашингтон: Изд-во В. Камкина, 1967. Оахака — город в южной Мексике.

ИЛЬИНСКИЙ ОЛЕГ. "ТЫ ДУМАЕШЬ О СОЛНЦЕ ЛИ, О ЛЕТЕ..." По кн.: *Ильинский О.* Стихи. Книга вторая. Мюнхен, 1962.

НА УСТУПЕ. "Встречи". Альманах (Филадельфия, 1987).

НОВОЕ УТРО. "Встречи". Альманах (Филадельфия, 1988).

БЕСПРИЮТНОСТЬ. "Встречи". Альманах (Филадельфия, 1991).

РАТИСБОНА. Печатается по авторской машинописи.

ИЛЬЯШЕНКО ВЛАДИМИР. Печатается по коллективному сборнику "Из Америки" (Нью-Йорк, 1925). Вместе со стихами Е. Христиани, Г. Голохвастова и Д. Магулы в книгу вошло 42 стихотворения Ильяшенко. Книга была отпечатана в количестве 500 экз., "из коих 4 авторских, 3 специальных и 45 именных и нумерованных".

КАНТОР МИХАИЛ. Печатается по единственному поэтическому сборнику М. Кантора "Стихи" (Париж, 1968). В книге 28 стихотворений. Рецензию на этот сборник написал Г. Адамович (Новый журнал. 1968. № 92).

"КАК И ТЫ, Я НЕ ЗНАЮ..." Перевод эпиграфа: "Ты не спрашивай..." (лат.)

КАСИМ АНДРЕЙ. СОЧЕЛЬНИК; ВЕРЮ. "Грани" (1953. № 18).

ПЕНАТЫ; "ЗА ДРЕВНЕЙ ЦЕРКОВЬЮ — КЛАДБИЩЕНСКАЯ НЕМОЧЬ..." "Грани" (1954. № 23).

КЕЛЬБЕРИН ЛАЗАРЬ. Стихотворения печатаются по единственному сборнику Л. Кельберина "Идол" (Париж, 1929), по экземпляру, подаренному Кельбериным Борису Вильде. В книжке — 28 стихотворений. Не все стихотворения датированы. Самая ранняя дата — июнь 1926 г.

КЛЕНОВСКИЙ ДМИТРИЙ. СЛЕД ЖИЗНИ. Печатается по кн.: *Кленовский Дм.* След жизни. Франкфурт-на-Майне, 1950. С предисл. Н. Берберовой.

НЕ ЗАБЫТОЕ, НЕ ПРОЩЕННОЕ. По кн.: *Кленовский Д.* Неуповимый спутник. Четвертая книга стихов. Мюнхен, 1956. В настоящем издании печатается только первая часть триптиха.

"КАКАЯ-ТО РАДОСТЬ..." По кн.: *Кленовский Д.* Прикосновенье. Пятая книга стихов. Мюнхен, 1959. Вошло в антологию "Источник". Ред.-составитель В. Крейд (Чикаго, 1989).

"ТО, ЧЕМ СЕРДЦЕ БЫЛО ПЬЯНО..." По кн.: *Кленовский Д.* Разрозненная тайна. Мюнхен, 1965.

КНОРРИНГ ИРИНА. "НЕ ТЕ СЛОВА. НЕ ТЕ, ЧТО ПРЕЖДЕ..." По кн.: *Кнорринг И.* Окна на север. Вторая книга стихов. Париж: Дом книги, 1939. Серия "Русские поэты". № 10.

"МНЕ ХОЛОДНО. МНЕ ХОЧЕТСЯ СОГРЕТЬСЯ..." "Русские записки" (1939. № 20—21).

"ТЕМНОТА. НЕ СВЕТЯТ ФОНАРИ..."; "СЧИТАТЬ ТОЛКОВО КИЛОМЕТРЫ..."; "ПРОСЫПАЛИСЬ ГЛУХИМИ НОЧАМИ..." По кн.: *Кнорринг* И. После всего. Париж: Изд. Н. Н. Кнорринга, 1949.

КНУТ ДОВИД. МОЙ ЧАС. Печатается по кн.: *Кнут Д.* Избранные стихи. Париж, 1949. Ранее в книге "Моих тысячелетий" (Париж: Птицелов, 1925).

Я НЕ УМРУ. "Избранные стихи". Вошло во "Вторую книгу стихов" (Париж. Изд. авт., 1928). Включено также в антологии Ю. Терапиано "Муза диаспоры", В. Крейда "Прапамять" (Изд-во Антиквариат (США), 1988).

"МЕЖ КАМЕННЫХ ДОМОВ..."; "ОКНО НА ПОЛУНОЧНОМ ПОЛУСТАНКЕ..." По кн.: *Кнут Д.* Парижские ночи. Стихи. Париж: Родник, 1932. (Отпечатана в марте 1932 г.) В этом, третьем, сборнике Д. Кнута — 20 стихотворений.

ДИАЛОГИ. По кн.: *Кнут Д.* Насущная любовь. Париж: Дом русской книги, 1938 (январь). Печатается первое стихотворение из этого цикла.

КОБЯКОВ ДМИТРИЙ. "МУРЛЫЧЕТ КОТ — УЮТ МЕЩАНСКОЙ БЫЛИ..." По кн.: *Кобяков Д.* Горечь. Париж: Птицелов, 1927. Стихотворение вошло также в сборник Д. Кобякова "Чаша" (Париж: Птицелов, 1936). В сборнике "Горечь" 13 стихотворений, написанных в Париже в 1925—1926 гг.

"МОСТКОВ ДЕРЕВЯННЫХ СКОЛЬЗЯЩАЯ СЫРОСТЬ..."; "В ПОЧТОВОЙ КОНТОРЕ И СЕГОДНЯ ТАК СИНИ..." "Чаша". Эпиграф к книге: Горю тому, кто расплещет / Эту чашу, не выпив до дна.

КОЛОСОВА МАРИАННА. БОР МОЙ... По кн.: *Колосова М.* Не покорюсь! Книга третья. Харбин, 1932. На обложке православный крест, на котором написано: "Господи, спаси Россию!" В сборник вошли стихотворения 1927—1932 гг. На экземпляре, из которого взяты два стихотворения для настоящего издания, — автограф Колосовой: "Редакции газ. "Русская газета".

В МИРЕ МЕМУАРОВ. "Не покорюсь!"

ВЦЕПИВШИСЬ В ПОВОДЬЯ... По кн.: *Колосова М.* Медный гул. Шанхай, 1937. Посвящается Петру Великому, Создателю Российской Империи. Книга пятая. В сборнике шесть разделов: О державе Российской, Старая и новая Россия, Под властью интервентов, Русская двуединая задача, Мир мой, На страже России.

КОНДРАТЬЕВ АЛЕКСАНДР. В ДЕНЬ ПОКРОВА. Печатается по кн.: *Кондратьев А.* Закат. Посмертный сборник стихотворений. Изд. "Антиквариат" (США), 1990. Под ред. и с комментариями В. Крейда. Впервые напечатано в "Волинском слове" (1921. № 71).

"СЕРЕБРЯСЬ, БЛИСТАЕТ ЮНАЯ ЛУНА..." "Закат".

ВЕРТОГРАД НЕБЕСНЫЙ. Печатается по альманаху "Священная лира" (Варшава, 1937).

ЗЕМЛЯ I. По кн.: *Кондратьев А.* Славянские боги. Стихотворения на мифологические темы. Ровно: Изд. А. Кондратьева, 1936.

"СЕСТЕР КАСТАЛЬСКИХ БЛАГОСТЫНИ..." Журнал "Грани" (1991. № 159. Публикация В. Крейда).

КОРВИН-ПИОТРОВСКИЙ ВЛАДИМИР. "ДОЖДЬ СЕЧЕТ. ФОНТАН КИРПИЧНЫЙ..." По кн.: *Корвин-Пиотровский В.* Воздушный змей. Стихи. Париж: Рифма, 1950.

"КОГДА С РАБОТЫ ОН ИДЕТ..." По кн.: *Корвин-Пиотровский В.* Поздний гость. Т. 1. Вашингтон: Изд-во В. Камкина, 1968.

"СТОИМ, ОБВЕЯННЫЕ СНАМИ..." "Воздушный змей".

"НАЛЕВО, НАПРАВО — ШАГАЙ БЕЗ РАЗБОРА..." "Поздний гость".

КОРОСТОВЕЦ МАРИЯ. Печатается по сборнику "Остров". Шанхай: Изд. Шанхайской студии поэтов "Остров", 1946. Другие участники сборника — Л. Андерсен, В. Иевлева, Ю. Крузенштерн-Петерец, В. Перелешин, В. Померанцев, Л. Хаиндрова, Н. Щеголев. Предисловие Н. Щеголева.

"ДЕВОЧКА СКОЛЬЗНУЛА, ТОРОПЛИВО..." *Цы Си* (1835—1908) — вдова императора Сен-Фенга (ум. 1861), правительница Китая, остававшаяся враждебной западным влияниям.

КОСАТКИН-РОСТОВСКИЙ ФЕДОР. Печатается по кн.: *Кн. Ф. Косаткин-Ростовский.* Крестным путем к воскресению. Под ред. С. Позднышева. Париж: Изд. Зарубежного союза инвалидов, 1948. Книга открывается посвящением: "Тебе, с которой мы прошли крестный путь страдания этих лет, с которой болезненно и чутко переживали душой все этапы терзаний нашей Родины, твердо веря в ее Возрождение, тебе, моей жене, и в твоём лице — всем страдавшим за Россию русским женщинам посвящаю эту книгу. Я старался вложить в нее всю муку пережитого, всю надежду на возрождение. Пусть она останется отражением прошлых дней, воспоминанием о той Голгофе России, которая должна была привести к светлому воскресенью народной души. Оно уже близко! Я твердо в это верю! Кн. Федор Косаткин-Ростовский".

КРЕЧЕТОВ СЕРГЕЙ. По кн.: *Кречетов С.* Железный перстень. Берлин: Медный всадник, 1922. Стихотворение "Железный перстень" вошло в антологию "Память".

КРОТКОВА ХРИСТИНА. По кн.: *Кроткова Х.* Белым по черному. Нью-Йорк; Париж, 1951 (отпечатана в Париже в мае 1951 г.).

"ПОТОМУ ЧТО ВСЕ-ТАКИ НАМ НАДО..." Впервые в "Новом журнале" (1950. № 23).

КРУЗЕНШТЕРН-ПЕТЕРЕЦ ЮСТИНА. "В КАЖДОЙ ЖИЗНИ ХОТЬ РАЗ ЗАПЕВАЛА СВИРЕЛЬ..." Печатается по кн.: *Штейн Э.* Остров Лариссы. Изд-во "Антиквариат" (США), 1988. Автограф стихотворения воспроизведен в этой книге факсимиле. Стихотворение вошло также в книгу "Песни с Востока" (Аделаид (Австралия), 1989).

ТУРГЕНЕВ; ДОННА АННА. "Грани" (1959. № 44).

ИЗ ЦИКЛА "МОЛОДОСТЬ". "Современник" (Торонто) (1969. № 19).

КУДАШЕВ НИКОЛАЙ. Печатается по кн.: *Князь Н. В. Кудашев.* Тени. Сан-Франциско: Изд. авт., 1978.

КУЗНЕЦОВА ГАЛИНА. Печатается по кн.: *Кузнецова Г.* Оливковый сад. 1923—1929. Париж: Современные записки, 1937.

ЛАДИНСКИЙ АНТОНИН. "НЕ КАМЕНЬ, А КАРТОЧНЫЙ ДОМИК..." ДУБ. По кн.: *Ладинский А.* Стихи о Европе. Париж, 1937.

ЛИРИЧЕСКИЙ ТЕАТР. По кн.: *Ладинский А.* Роза и чума. Пятая книга стихов. Париж: Рифма, 1950. Ранее в "Новоселье" (1946. № 24—25).

КОГДА ПРИХОДЯТ МЫСЛИ... "Роза и чума".

ЛАХМАН ГИЗЕЛЛА. "В ХРАНИЛИЩЕ КНИЖНОМ НЬЮ-ЙОРКА..."; "ОКОЛО ПОТУХШЕГО КАМИНА..."; "ЗА НЕДЕЛЕЙ ТИХО ТЯНЕТСЯ НЕДЕЛЯ..."; "ПЕРЕДОХНУТЬ... ЗАДУТЬ ФОНАРЬ ДОРОЖНЫЙ..." Печатаются по кн.: *Лахман Г.* Пленные слова. Нью-Йорк: Изд. Кружка русских поэтов в Америке, 1952.

"Я В ПОЛУДРЕМЕ В ВЕЧНОСТЬ ЗАГЛЯНУЛА..." По кн.: *Лахман Г.* Зеркала. Вторая книга стихов. Вашингтон: Изд-во Виктора Камкина, 1965. Сборник включает также переводы из Эмили Дикинсон, Роберта Фроста и Эдны Сент-Винсент Миллз. Напечатано также в антологии "Источник".

"ПЕРВЫЙ ПОДСНЕЖНИК. ОТТЕПЕЛЬ МАРТА..." "Зеркала".

ЛЕБЕДЕВ ВЯЧЕСЛАВ. СТИХИ О КРЫЛЬЯХ. Впервые в "Современных записках" (1928. № 37). Печатается по сборнику В. Лебедева "Звездный крен". Стихи (Прага: Скит, 1929). Книга делится на четыре раздела и включает 27 стихотворений. "Звездный крен" вышел под № 1 в серии изданий "Скита".

ПОДЗИМЬ. "Звездный крен". Впервые в "Звене" (Париж) (1928. № 1).

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ЗВЕЗД. "Звездный крен".

СТЕПНОЙ РАЗЪЕЗД. "Мосты" (1961. № 6).

ПОДАРОК ИЗ ПАРИЖА. "Русская мысль" (1969. 11 сент.), в статье Глеба Струве "Памяти В. М. Лебедева".

ЛЕГКАЯ ИРАИДА. "НА ГОРОДСКИХ ПЛОЩАДЯХ..."; "ЛУНА БЫЛА ПОЛНОЙ И НОВОЙ..."; "МЫ ГОВОРИМ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ..." Печатаются по кн.: *Легкая И.* Попутный ветер. (1962—1967). Вашингтон: Изд-во Виктора Камкина, 1968.

ВИД НА МАНХЭТТЕН. "Перекрестки". Альманах. 1 (Филадельфия, 1977).

ПЛОЩАДЬ КОЛУМБА. "Перекрестки". Альманах. 2 (1978).

"МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ В КАКОМ-ТО НОВОМ МИРЕ..." "Перекрестки". Альманах. 4 (1980).

ЛОПАТТО МИХАИЛ. Стихотворения печатаются по кн.: *Лопатто М.* Стихи. Париж, 1959. Сборник состоит из разделов: В пути, Песни, Вдвоем, Чичероне, Сонатины, Газеллы, Похищение из сераля, Анд-рогин, Мудрость, Лампада Психеи, Косметика космоса, Роща Эпикура, Недостающие, Старый мир.

ЛУРЬЕ ВЕРА. НА СМЕРТЬ ГУМИЛЕВА. "Сполохи" (1922. № 10).

"РАЗВЕ Я УСПЕЛА СТОЛЬКО ЗЛА..." "Дни" (1923. 4 февр.)

"ВСЕ ТОТ ЖЕ ВЕТЕР МНЕ НАПОМНИТ ПУСТЬ..." "Невод". Третий сборник берлинских поэтов (Берлин: Слово, 1933).

НА ЧУЖБИНЕ. "Русская мысль" (1957. 5 марта).

СТАРЫЙ ВАЛЬС. "Русская мысль" (1957. 10 окт.).

ЛУЦКИЙ СЕМЕН. Стихотворения печатаются по кн.: *Луцкий С.* Одиночество. Стихи. Париж, 1974.

ЛЬВОВ ЛОЛЛИЙ. ФРА БЕАТО АНДЖЕЛИКО В ФЬЕЗОЛЕ. Печатается по кн.: *Львов Л.* Флоренция, 1956—1957. Мюнхен, 1957. Напечатано в количестве 100 экз. *Фра Беато Анджелико* (1387—1455) — флорентийский художник. *Фьезоле* — город в Тоскане рядом с Флоренцией. Около Фьезоле находится церковь св. Доменика с живописью Фра Беато Анджелико.

НА ПУТИ ИЗ ФЬЕЗОЛЕ К БОТИЧЕЛЛИ. "Флоренция". *Перси Биши Шелли* (1792—1822) — английский поэт. В 1818 г. переехал в Италию. *Уффици* — одно из богатейших в мире собраний живописи Возрождения. *Примавера* — весна (итал.); имеется в виду картина Боттичелли "Весна", находящаяся в галерее Уффици во Флоренции. *Арно* — река во Флоренции, впадает в Тирренское море. *Сандро Боттичелли* (ок. 1444—1510) — флорентийский живописец. *Венера* — имеется в виду знаменитая картина Боттичелли в Уффици.

ЛЬДОВ КОНСТАНТИН. По кн.: *Льдов К. Н.* Против течения. Из сказанного и недосказанного за 50 лет. Брюссель: Изд-во Ю. А. Квашина, 1926. С портретом автора работы И. Е. Репина (1911). В сборнике 3 раздела: На чужбине, 15 лет тому назад, 25 лет тому назад. Предпослано предисловие К. Льдова, выражающее его взгляд на современную поэзию:

"Когда в созвездии Тютчева догорели последние "Вечерние огни" лучезарного Фета, наступила ночь.

Бездушная, беспросветная...

Холодным саваном облекли удушливый сумрак седые туманы.

Под ними закопошилось звериное, смрадное, бессловесное.

Но "зажгутся вновь огни заката и зорь прозрачных янтари".

Предутренним ветром разгонит мозглые туманы. Облизывая окровавленные губы, уляжется косноязычный упырь в свою неотпетую могилу. И крепко вобьют ему осиновый кол в ненасытную утробу.

Это будет!

Это будет, когда меня не будет.

К. Льдов".

МАГУЛА ДМИТРИЙ. "ГАСНУТ МЫСЛИ..." По кн.: *Магула Д.* Свет Вечерний. Париж, 1931. Сборник отпечатан в количестве 300 экз. в марте 1931 г. Книге предпослан эпиграф из стихотворения Г. Голохвастова:

На запад солнца я иду,

Встречая тихий Свет Вечерний.

Ранее стихотворение "Гаснут мысли..." было напечатано в коллективном сборнике "Из Америки" (Нью-Йорк, 1925), в котором, кроме Магулы, принимали участие Г. Голохвастов, В. Христиани и В. Ильяшенко.

САПФИЧЕСКИЙ СТИХ. "Свет Вечерний". Сапфическая малая форма представляет собой четверостишие, в котором три строки по одиннадцати слогов, а заключительная — пятисложная.

"МНОГО В ЖИЗНИ ТРОПИНОК ИСХОЖЕНО..." Это и следующие стихотворения Магулы печатаются по его последнему сборнику "Fata Morgana" (Нью-Йорк: Изд. авт., 1963). Книга открывается эпиграфом из А. А. Фета:

И лжет душа, что ей не нужно

Всего, чего глубоко жаль.

В книгу вошло несколько переводов Магулы с английского, испанского и французского.

ФАТА МОРГАНА. Перевод эпиграфа: Рдяно-розовый город, древний, как полувечность (англ.).

МАКОВСКИЙ СЕРГЕЙ. ИЮНЬ; АВГУСТ; НОЯБРЬ. Печатаются по кн.: *Маковский С.* Год в усадьбе. Париж, 1949. Стихотворения входят в сонетный цикл "Год в усадьбе", давший название сборнику. Сам Маковский этот сонетный цикл, написанный в Ржевнице (пригороде

Праги) в 1920 г., называл поэмой. Впервые она была напечатана в "Гранях" (Литературный альманах. Кн. 1. Берлин, 1922). В "Гранях" цикл назван "Сонеты". Вариант стихотворений, включенных в книгу, значительно отличается от варианта в "Гранях".

"ЗНОЕН ДЕНЬ, НО С ГОР ПРОХЛАДА..." Печатается по кн.: *Маковский С. Somnium breve*. Париж, 1948. Стихотворение включено в антологию духовной лирики "Источник".

"ЕСТЬ НА ПУТИ ЗЕМНОМ РУБЕЖ..." Печатается по журналу "Опыты". (Нью-Йорк) (1953. № 1).

УТИШЬЕ. "Опыты" (1955. № 5).

МАМЧЕНКО ВИКТОР. ТРЕВОГА; СОН О ЧЕЛОВЕКЕ; "НАД МОРЕМ НОЧЬ, ОГНИ И ТЕПЛОЕ ТЕЧЕНИЕ..." По кн.: *Мамченко В. Земля и лира*. Париж, 1951.

УЛИЦА. По кн.: *Мамченко В. Певчий час*. Париж: Рифма, 1957.

"КАКОЙ ПРОСПЕКТ? ИЛЬ ЭТО НЕВСКИЙ..." По кн.: *Мамченко В. Воспитание сердца*. Париж: Editeur G. Gerell, 1964.

МАНДЕЛЬШТАМ ЮРИЙ. "СКОЛЬКО НЕЖНОСТИ ГРУСТНОЙ..." По кн.: *Мандельштам Ю. Третий час*. Берлин: Парабола, 1935. Вошло также в антологию "На Западе".

"ПОЛЯ БЕЗ КОНЦА, БЕЗ ПРЕДЕЛА..." По кн.: *Мандельштам Ю. Годы. Стихи 1937—1941*. Париж: Рифма, 1950. Впервые в "Русских записках" (1937. № 2) (со многими разночтениями).

"НОЧЬЮ, КОГДА СОВЕРШЕННАЯ..."; "НУ, ЧТО МНЕ В ТОМ, ЧТО ВЕТРЯНАЯ МЕЛЬНИЦА..."; "УЖЕ ЗИМА ОСТАЛАСЬ ПОЗАДИ..." "Годы".

МАНСВЕТОВ ВЛАДИМИР. СЕРЕНАДА. "Перекрестки". Альманах. 5 (Нью-Йорк; Филадельфия; Сан-Франциско, 1981).

"ЛИСТЬЯ ПАДАЛИ..." Там же. Ранее в "Якоре" (1936).

ПРИЗРАК. "Перекрестки". Альманах. 2 (1978). Ранее в "Якоре" (1936).

МАСАИНОВ АЛЕКСЕЙ. Печатается по кн.: *Масайнов А. Отходящие корабли. Поэзы*. Париж: Книгоиздательство крылатых, 1925. В книгу вошли "поэзы" из сборников "Винтик" (1915), "Мимозы льна" (1916), "Остров очарований" (1917) и новые стихотворения, написанные в эмиграции.

МАТЬ МАРИЯ. "ТЫ ПО-РАЗНОМУ ОТКИНУЛ ВСЕХ..."; "ВЕЧНО ГРОМОЗДИТЬ НА ВСТРЕЧУ ВСТРЕЧУ..."; "ВИЖУ ОДЕЖДЫ СИЯЮЩИЙ КРАЙ..." Печатаются по "Русским запискам" (1938. № 3).

"КАК ХОРОШО, ЧТО ЕСТЬ ГЛУХАЯ НОЧЬ..."; "МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО МИР ЕЩЕ В ЛЕСАХ..."; "КАЖДАЯ МЫШЦА СВИНЦОМ НАЛИТА..."; "ТАМ БЫЛО МОЛОКО И МЕД..." Печатаются по сборнику "Русская женщина в эмиграции" (Вашингтон, 1970).

МОЖАЙСКАЯ ОЛЬГА. БАЛЛАДА О ПАРИЖЕ. "Грани" (1959. № 41). Первые пять строф были написаны в 1942 г. Последние четыре строфы дописаны после смерти поэта Николая Оцупа (1894—1958). Начало этого стихотворения под названием "Париж в дни войны" вошло в антологию "Содружество".

"СКАЖИ, КОГДА БЫ НЕ ВО СНЕ..." "Новый журнал" (1962. № 69).

АВТОРУ "СВИДАНИЯ ДЖИМА". Напечатано в книге О. Можайской "Разлука и верность". Стихи (Париж, 1963). Стихотворение посвящено

мужу Можайской писателю Виктору Николаевичу Емельянову (1899—1963), автору повести "Свидание Джима" (Париж: Дом книги, 1938). Повесть была переиздана в 1964 г. с предисловием Можайской.

МОРШЕН НИКОЛАЙ. ТЮЛЕНЬ. По кн.: *Моршен Н. Тюлень. Стихи.* Предисл. Владимира Маркова. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1959.

"ШАГАЮ ПУТАНОЙ ДОРОГОЙ..." По кн.: *Моршен Н. Двоеточие.* Вашингтон: Изд-во Русского книжного дела в США В. Камкина, 1967. Впервые это стихотворение напечатано в "Новом журнале" (1966. Март. № 82).

МНОГОГОЛОСЫЙ ПЕРЕСМЕШНИК. По кн.: *Моршен Н. Эхо и зеркало.* Беркли, 1979. Впервые в "Новом журнале" (1967. Сентябрь. № 88).

НАБОКОВ ВЛАДИМИР. Подборка "Семь стихотворений" печатается по "Новому журналу" (1956. № 46). Подпись под стихами: В. Набоков-Сирин.

НАРЦИССОВ БОРИС. "ВЕЧЕРАМИ, НОЧАМИ, В ЗАТИШЬИ..." По кн.: *Нарциссов Б. Голоса.* Франкфурт-на-Майне: Посев, 1961. Стихотворение напечатано также в антологии "Источник".

ДВА ГОЛОСА. "Голоса". Этот сборник открывается эпиграфом из А. Блока:

И в бесконечном отдаленье
Замрут печально голоса...

ВЕЧЕР. Из цикла "Ангелы". По кн.: *Нарциссов Б. Память.* Третья книга стихов. Вашингтон: Русская книга, 1965. Сборник открывается эпиграфами: "А памяти дана власть воскрешать из мертвых..." (Лонгфелло, "Золотая легенда"); "...Черный ворон Хугин, скорбной памяти детище, У него на плече" (И. Бунин).

ОКЕАНИЯ. "Память".

"ОЧЕНЬ ДАВНО, И НЕ В ЭТОЙ..." "Память". Включено в антологию перевоплощения "Прапамять" (изд-во "Антиквариат" (США), 1988).

ТАМ. По кн.: *Нарциссов Б. Подъем.* Четвертая книга стихов. Лувен, 1969. На титульном листе эпиграф из стихотворения Веры Булич:

Поднимайся! — Вверх на горе —
Поднимайся! — На самой вершине,
На последней, холодной заре
Ты застынешь камнем в пустыне.

НЕЙ АННА. Стихотворения печатаются по кн.: *Ней Анна. Координаты.* Сборник стихов. Берлин: Петрополис, 1937. Эпиграф к книге: "Где-то? Когда-то? Здесь и сейчас. У сердца свои законы пространства и времени".

"И ЭТА — Я..." — второе стихотворение диптиха "Тридцать лет".

НЕЙМИРОК АЛЕКСАНДР. "ТАК ЖИТЬ..." Печатается по кн.: *Неймирок А. Стихи.* Под ред. Б. Серафимова. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1946. Стихотворение вошло также во второй сборник Неймирока "День за днем" (Франкфурт-на-Майне: Посев, 1953).

БЕРЛИН. "Стихи". Под названием "Берлин 1942" вошло также в сборник "День за днем". Курфюрст — немецкий князь, из числа наделенных правом выбирать императора Священной Римской империи.

К. З. "Стихи".

ПАРИЖСКОЕ УТРО; "ЕЖАТСЯ ПОД КАПЛЯМИ КАШТАНЫ..." "День за днем".

НЕСМЕЛОВ АРСЕНИЙ. НОЧЬЮ; ПЯТЬ РУКОПОЖАТИЙ. По кн.: Несмелов А. Без России. Харбин, 1931.

СТИХИ О ХАРБИНЕ. По кн.: Несмелов А. Полустанок. Харбин, 1938. Печатается вторая и третья части триптиха.

ФЛЕЙТА И БАРАБАН. По кн.: Несмелов А. Белая флотилия. Стихи. Харбин, 1942. Впервые в журнале "Рубеж" (1928. № 10).

НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ ИВАН. ЗАВОЛОЧЬЕ; ОРДА ИДЕТ. Печатаются по кн.: Новгород-Северский И. Степные огни. Двадцатая книга стихов. Изд. авт., 1964. Книга посвящена жене И. Новгород-Северского писательнице Ю. А. Кутыриной.

ТРОЕРУЧИЦА. По кн.: Новгород-Северский И. Матерь Божия Державная. Чудны лики Твои Пресвятая. Париж, 1966. С предисл. проф. М. Л. Гофмана.

ТАЕЖНЫЙ ПУТЬ. По кн.: Новгород-Северский И. Северное послание. Париж, 1968. Вступление проф. Валентина Сперанского.

НОВОСАДОВ БОРИС. По кн.: Новосадов Б. По следам бездомных Аонид. Вторая тетрадь стихов. Таллин: Русская книга, 1938. Аониды — музы.

ОБУХОВ ВАСИЛИЙ. "ПО ВЕЧЕРАМ ТЯЖЕЛЫЕ ЗАКАТЫ..." Печатается по коллективному сборнику "Лестница в облака". Стихи (Изд. Литературного кружка АКМЭ. Харбин, 1929). Участники сборника: Н. Алябьев, Т. Андреева, Г. Копытова, Н. Резникова, Н. Светлов.

"НЕ МОГУ НИ ПЛАКАТЬ, НИ МОЛИТЬСЯ..." "Лестница в облака".

СЕНТЯБРЬ. Печатается по "Вратам". Дальневосточный сборник при литературно-художественном объединении "Восток" (Шанхай, 1934. № 1). В этом же выпуске сборника "Врата" напечатаны стихи К. Батурина, Бориса Беты, Всеволода Иванова, Арсения Несмелова (главы из поэмы) и Михаила Щербакова. В. Обухов представлен двумя стихотворениями.

ОДАРЧЕНКО ЮРИЙ. ЧАЙНАЯ РОЗА; "ЕСТЬ СОВЕРШЕННЫЕ КАРТИНКИ..."; "НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ, НА ПЛАХЕ..."; "А ТЫ, ВАНЮША..."; "Я СЕБЯ В ТВОРЕНЬИ ПЕРЕРОС..." Печатаются по кн.: Одарченко Ю. Денек. Париж, 1949. Эпиграф к книге:

На всем вышеизложенном, однако,
Ни капли не настаиваю я.

А. Гингер

"В АПТЕКЕ ПРОДАЕТСЯ ВАТА..." "Новый журнал" (1953. № 32).

"ЖИЗНЬ ИСЧИСЛЯЮТ НЕ ГОДАМИ..." "Новый журнал" (1955. № 40).

ОДОЕВЦЕВА ИРИНА. "СИЯЕТ ДОРОГА РАЙСКАЯ..." "Орион". Литературный альманах (Париж, 1947). Вариант этого стихотворения — в антологии Ю. Иваска "На Западе" (1953). В сборнике И. Одоевцевой "Златая цепь" (Париж, 1975) стихотворение датировано: 1923.

"КАК ТЫ ЛЮБИЛА ЗЕРКАЛА..." Печатается по кн.: Одоевцева И. Одиночество. Вашингтон: Русская книга, 1965. Ранее в "Опытах" (1953. № 1).

"НАД ЗОЛОТОЮ ПОЛОСОЙ ЗАКАТА..." "Одиночество". Эпиграф — неточная цитата из "Последней любви" Ф. Тютчева. У Тютчева: "Полнеба охватила тень".

"НО БЫЛА ЛИ НА САМОМ ДЕЛЕ..." "Одиночество". Вошло также в сборник И. Одоевцевой "Златая цепь" с посвящением Г. Иванову и с некоторыми разночтениями.

"Я В РУКУ КАМЫШЕК БЕРУ..." "Возрождение" (1969. № 213). Позднее в сборнике "Златая цепь" с ошибочной датой под стихотворением.

ОЛЕНИН КОНСТАНТИН. ПАСХАЛЬНАЯ ЗАУТРЕНЯ. Печатается по кн.: *Оленин К. И.* Прелюдии. Вильно, 1925. Впервые напечатано в газете "Свобода".

ЛАМПЫ НЕ НАДО. "Прелюдии".

CHANSON TRISTE. Там же. Впервые в газете "За свободу". Перевод названия — Грустная песнь (фр.).

ОСТРОУМОВА ТАТИАНА. "ГОЛУБЕЕТ ТЕПЛЫЙ ВОЗДУХ..." "Ковчег". Сборник русской зарубежной литературы (Нью-Йорк, 1942). С разбивкой на строфы — в антологии "Эстафета". Напечатано также в антологии Ю. Иваска "На Западе" (1953).

"ГРОМКИЙ УТРЕННИЙ ОТПУСТ ЗА НОЧНЫЕ ГРЕХИ..." "Ковчег" (1942). С разночтениями — в антологии "Содружество" (1966).

"БЫЛ ПЬЯН РАСПЛЫВЧАТЫЙ РАССВЕТ..." "Новоселье" (1946. № 24—25).

ОЦУП НИКОЛАЙ. "НЕ ДИВО — РАДИО: НАД ОКЕАНОМ..." По кн.: *Оцуп Н.* В дыму. II книга стихов. Париж; Берлин: Петрополис, 1926. Сборник включает стихотворения, написанные в 1921—1926 гг.

"КОГДА ОЗАРЯЕМЫЙ ЗИМНИМИ..." и все другие стихотворения Н. Оцупа в настоящем издании печатаются по кн.: *Оцуп Н.* Жизнь и смерть. Париж, 1961. Т. 2.

ПАСТУХОВ ВСЕВОЛОД. По кн.: *Пастухов В.* Хрупкий полет. Нью-Йорк, 1967. Книге предпослан эпиграф из стихотворения И. Анненского "Снег":

Эта ломанность линий,
Этот хрупкий полет,
Этот нищенски синий
И заплаканный лед...
(У Анненского: Этот грузный полет.)

Сборник состоит из разделов: Отрешенность, Падения, Годы зол, Митавские стансы, Снежный путь, Моему внуку, Мимолетности, Из Гейне, Покинутые, Сонеты, Венок сонетов и Разные стихотворения. Включены в сборник (раздел "Годы зол") и стихи, написанные в 1920—1921 гг. в Петербурге, Царском Селе и Павловске.

ПЕРЕЛЕШИН ВАЛЕРИЙ. СЯНТАНЬЧЭН. По кн.: *Перелешин В.* Южный дом. Пятая книга стихотворений. Мюнхен: Изд. авт., 1968.

НОСТАЛЬГИЯ. По кн.: *Перелешин В.* Три родины. Десятая книга стихотворений. Париж: Альбатрос, 1987. Перепечатано в кн.: *Перелешин В.* Русский поэт в гостях у Китая, 1920—1952. Сборник стихотворений. Под ред. Пола Хинрикса. Гаага, 1989.

ХУЦИНЬ. "Три родины".

EXTASIS; ОЗЕРО ЛЮБВИ. По кн.: *Перелешин В.* Качель. Шестая книга стихотворений. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1971.

БЛАГОДАРЕНИЕ; КАК ХОРОШО. По кн.: *Перелешин В.* Из глубины воззвях... Одиннадцатый сборник стихотворений. Холиок, Нью Ингланд Пабблишинг, 1987.

ПЕРФИЛЬЕВ АЛЕКСАНДР. "ТАК ЛАСКОВО СОЛНЦЕ В НЕБЕ"; "СКОЛЬКО МНЕ СТОИЛО ГОРЬКИХ УСИЛИЙ..."; "СИЛЬНОМУ — МОЩЬ ВОДОПАДА..." Печатаются по кн.: *Ли Александр.* Снежная маска. Рига: Пресса, 1925.

"Я СЛИШКОМ УСТАЛ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ СНАМИ..."; ПЛОТОВЩИКИ; ОКТЯБРЬ; РЫЦАРИ СВЯТОГО ДУХА. По кн.: *Ли Александр.* Листопад. Рига: Саламандра, 1929.

ПЕСТРОВО КЛАВДИЯ. ВИШНЕВЫЙ САД. Печатается по кн.: *Пестрово К.* Цветы на подоконнике. Стихи. 2-е изд. Австралия, 1965. Ранее напечатано в "Современнике" (Торонто) (1961. № 4).

"ТЕПЛО И ТИХО. НЕТ ВЕЧЕРНЕЙ СТУЖИ..."; ТИШИНА. "Цветы на подоконнике".

ГНЕТСЯ. "Современник" (1964. № 9).

"ТАК ВОТ ОНО — ПРЕДДВЕРЬЕ РАЯ!..." "Современник" (1967. № 16).

ТЕНИ НА СТЕНЕ... "Современник" (1971. № 23—24).

ПОМЕРАНЦЕВ КИРИЛЛ. ОПЯТЬ НА ДОРОГАХ ИТАЛИИ. "Новый журнал" (1962. № 67). Напечатано также в антологии "Содружество" под заголовком "На дорогах Италии".

"БЛИЗИТСЯ ВЕЧЕР..." "Новый журнал" (1961. № 65).

"СЛАВА БОГУ, ТЕПЛЕТЬ НАЧИНАЕТ..." "Новый журнал" (1963. № 74).

"ЛЮБЛЮ ПЕРЕКРЕСТОЧНЫЙ ВЕЕР..."; "КОГДА-НИБУДЬ..." "Новый журнал" (1964. № 76).

"ВОЙДИ, КАК БЫВАЛО ВХОДИЛА..." "Новый журнал" (1966. № 84).

ПОПЛАВСКИЙ БОРИС. ЧЕРНАЯ МАДОННА. Печатается по кн.: *Поплавский Б.* Флаги. Стихи. Париж: Числа, 1931. Впервые в "Воле России", 1928 (без посвящения и без даты под стихотворением).

"РОЗОВЫЙ ЧАС ПРОПЛЫВАЛ..." "Флаги".

"ВОСХИТИТЕЛЬНЫЙ ВЕЧЕР..." "Флаги". Впервые в "Современных записках" (1929. № 38).

"МИР БЫЛ ТЕМЕН, ХОЛОДЕН, ПРОЗРАЧЕН..." "Флаги".

"РАННИЙ ВЕЧЕР БЛЕСТИТ НАД ДОРОГОЙ..." По кн.: *Поплавский Б.* "Снежный час". Стихи 1931—1935. Париж, 1936. Сборник посвящен Борису Заковичу. Впервые в "Числах" (1932. № 6).

БЕЛОЕ СИЯНИЕ. По кн.: *Поплавский Б.* Дирижабль неизвестного направления. Париж, 1965.

ПОТЕМКИН ПЕТР. ГЕРАНЬ; ЛЕБЯЖЬЯ КАНАВКА. По кн.: *Потемкин П.* Отцветшая герань. То, чего не будет. Берлин; Петербург; Москва: Изд-во З. И. Гржебина, 1923.

ПАРИЖ. "Сегодня" (1924. 26 октября).

ПАРОЧКА. "Сегодня" (1924. 2 ноября).

ПРЕГЕЛЬ СОФИЯ. "В ТЕХ СУГРОБАХ НА ГУЛКОЙ ОКРАИНЕ..." По кн.: *Прегель С.* Полдень. Третья книга стихов. Париж: Дом книги и Современные записки, 1939. Серия "Русские поэты". Выпуск восьмой.

"ДОЖДИК ОСЕННИЙ, ПОДДАКИВАЙ..."; "МАЛЕНЬКИЙ ГОРОД, УЮТНЫЙ БЕЗ МЕРЫ..."; ВЕСНА В ЕВРОПЕ. По кн.: *Прегель С.* Берега. Четвертая книга стихов. Париж: Новоселье, 1953.

"УЛИЦЫ ПРАЗДНОЙ ПЕННОЕ МЫЛО..." По кн.: *Прегель С.* Весна в Париже. Шестая книга стихов. Париж: Новоселье, 1966.

"НА ЗАРЕ МНЕ БОЛЬШЕ НЕ СНИТСЯ..."; "ВСЕ ТЕ Ж ОСТАЛИСЬ В РАЗЛУКЕ..."; "ФОНАРИ ИСЧЕЗЛИ ВО МГЛЕ..." "Берега".

ПРИСМАНОВА АННА. "ЖАЖДЕТ ВЛАГИ ОБУГЛЕННЫЙ БОР..." По кн.: *Присманова А.* Тень и тело. Париж: Изд. Объединения поэтов и писателей, 1937.

"РАЗВЕ ПОМНИТ САДОВНИК..." "Тень и тело". Ранее в альманахе "Круг" (1937. № 1).

СИЯНИЕ. По кн.: *Присманова А.* Близнецы. Вторая книга стихов. Париж: Объединение русских писателей во Франции, 1946.

ЯД. "Близнецы". Впервые в "Современных записках" (1940. № 70).

ПРОСТИ. По кн.: *Присманова А.* Соль. Третья книга стихов. Париж: Объединение русских писателей во Франции, 1949.

РАЕВСКИЙ ГЕОРГИЙ. "ЗЕЛЕНАЯ ВОЛНА, ЗЕЛЕНАЯ ТРАВА..." Печатается по кн.: *Равевский Г.* Строфы, 1923—1927. Париж, 1928. Вошло в антологию "Якорь".

"МЕДЛИТЕЛЬНЫМ ПОСОХОМ МЕРНО ЗВЕНЯ..." "Строфы".

"СГОРБИЛИСЬ ПРЯМЫЕ ПЛЕЧИ..." "Русские записки" (1938. № 5).

"НЕ ГОВОРИ, ЧТО В ПЫЛЬ И ПРАХ И ДЫМ..."; **СОСНА.** "Мосты" (1965. № 11).

"ТЫ С ПЛАЧЕМ ВХОДИШЬ В МИР, ДИТЯ..." "Мосты" (1968. № 13—14).

РАИЧ ЕВГЕНИЙ. По кн.: *Раич Е.* Современник. Париж: Рифма, 1965. Сборник составлен из разделов: Современник, Одиночество, Путешествия, О любви, Из ранних стихов.

РАТГАУЗ ДАНИИЛ. По кн.: *Ratgauz Д.* О жизни и смерти. Стихи. Прага-Дейвице: Чешская беллетристика, 1927.

РАТГАУЗ ТАТЬЯНА. ВЕСЕННЕЕ. "Современные записки" (1934. № 55).

"ОТ НЕЖНОСТИ ТЯЖЕЛОЙ НЕ УСНУТЬ..." "Современные записки" (1934. № 56).

"Я — СЛУЧАЙНАЯ ГОСТЬЯ В ВЕСЕЛОЙ СТУДЕНОЙ СТРАНЕ..." "Русские записки" (1938. № 11).

РАФАЛОВИЧ СЕРГЕЙ. Печатается по кн.: *Рафалович С.* Терпкие будни. Берлин: Петрополис, 1926.

"КРУГОМ ПОЛЯ И РОЩА ЗА РЕКОЮ..." Ранее в кн. *Рафалович С.* Август. Берлин: Изд-во Л. Д. Френкеля, 1924.

РАФАЛЬСКИЙ СЕРГЕЙ. ВЕРСАЛЬ. "Грани" (1959. № 41). Напечатано также в антологии "Муза диаспоры".

РООС МЕТА. По кн.: *Роос М.* Мартовское солнце. Таллинн: Изд. журнала "Новь", 1936.

РОСИМОВ Г. (ЮРИЙ ОФРОСИМОВ). По кн.: *Росимов Г.* Стихи об утерянном. Берлин: Изд-во И. П. Ладыжникова, 1921. Эта большеформатная книга, превосходно отпечатанная в берлинской типографии Отто Эльснера, включает 52 стихотворения и открывается эпиграфом из Ф. Тютчева:

О, вещая душа моя!

О, сердце, полное тревоги!

О как ты бьешься на пороге

Как бы двойного бытия!

"МИГИ — БЕЛЫЕ ПТИЦЫ..."; "УПОРНЫЙ СОН ВСЕ ЧАЩЕ СНИТСЯ..." Из цикла "Помню и верю"

САБУРОВА ИРИНА. Стихотворения печатаются по кн.: *Сабурова И.* Разговор молча. Мюнхен, 1956.

САВИН ИВАН. "ПОМНИТЕ? ХАТЫ ДА ПАШНИ..."; НА САЙМЕ. По кн.: *Савин И.* Ладонка. Стихи. Белград: Главное правление Галлипольского об-ва, 1926. Предисл. В. Даватца.

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ. По кн.: *Савин И.* Только одна жизнь. Нью-Йорк, 1988. Составители: Л. В. Савина-Сулимовская и Р. В. Полчанинов. Обложка работы художника С. Голлербаха. Вошло в третье издание "Ладонки" (Нью-Йорк, 1958). Включено в антологию Ю. Иваска "На Западе"; напечатано без заглавия, без посвящения, без первой строфы и без даты.

СВЕТЛОВ НИКОЛАЙ. ЦВЕТОК ВАН-ХАО; ОДИНОЧЕСТВО. По кн.: Лестница в облака. Харбин: Изд. литературного кружка АКМЭ, 1929. В сборнике напечатаны также стихи Н. Алябьева, Т. Андреевой, Г. Копытова, В. Обухова и Н. Резниковой.

СЕВЕРЯНИН ИГОРЬ. Стихотворения печатаются по кн.: *Северянин И.* Классические розы. Стихи 1922—30 гг. Белград: Русская библиотека, 1933. Посвящение: "Ее Величеству Королеве Югославии МАРИИ с искренним восхищением почтительно подношу в дар свою книгу. Автор".

СИНКЕВИЧ ВАЛЕНТИНА. ПЛАЧ ПО ЗВЕРЮ. Печатается по кн.: *Синкевич В.* Здесь я живу. Филадельфия, 1988. Обложка и иллюстрация Владимира Шаталова.

ПРИ СВЕТЕ ЛАМПЫ; ПОРТРЕТ. "Встречи". Альманах (Филадельфия, 1990).

СКОПИЧЕНКО ОЛЬГА. ПАМЯТИ ПОГИБШИХ. "Грани" (1951. № 13). "ПРЕКРАСНЫЙ СЛОГ СТАРИННОГО СТИХА..." "У Золотых Ворот". Сборник: Изд. литературно-художественного кружка в Сан-Франциско, 1957.

"ЕЩЕ ПОЛЕТ..." "Возрождение" (1961. № 112).

СЛАВИНА КИРА. ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ; "ВЕСНА — В КАЛЕНДАРЕ..."; У ДЕТСКОЙ ПЛОЩАДКИ. Печатаются по кн.: *Славина К.* Бумажные крылья. Нью-Йорк, 1944. Обложка работы Андрея Ратушева. Сборник состоит из разделов: Бумажные крылья, Заколдованный круг и Шутки ради.

НЕЗНАКОМЕЦ. По кн.: Эстафета. Сборник стихов русских зарубежных поэтов. Под ред. И. Яссен, В. Андреева и Ю. Терапиано. Париж; Нью-Йорк, 1948.

"ЖАРА. НАКАЛЕННЫЕ ПЛИТЫ..." "Новый журнал" (1956. № 44).

"Я ИНОГДА ЗАБЫВАЮ..." По кн.: Содружество. Из современной поэзии Русского Зарубежья. Вашингтон: Изд-во В. Камкина, 1966.

СМОЛЕНСКИЙ ВЛАДИМИР. "В ТОМЛЕНИИ СМЕРТНОМ, НА СМЯТОЙ ПОСТЕЛИ..." По кн.: *Смоленский В.* Наедине. Париж: Современные записки, 1938.

"МЫ ВЫШЛИ РАННИМ УТРОМ..." Впервые в "Возрождении" (1955. № 37); затем в кн.: *Смоленский В.* Собрание стихотворений". Париж, 1957.

"ЛУННОГО НЕБА ТОСКА И ВЕЛИЧЬЕ..." СТАНСЫ. "Собрание стихотворений".

"ДУША ВО МГЛЕ ПРОСНУЛАСЬ..." "Собрание стихотворений". Ранее в "Возрождении" (1954. № 35).

"Я ЗНАЮ, РОССИЯ ПОГИБЛА..." "Собрание стихотворений". Впервые в "Возрождении" (1956. № 57).

СОФИЕВ ЮРИЙ. "НАС ТЕШИТ ПАМЯТЬ — ВОЗВРАЩАЯ СНОВА..." "Русские записки" (1937. № 1).

"ПОВОРОРИМ ВПОЛГОЛОСА О ЖИЗНИ..." "Русские записки" (1938. № 5).

"МЫ РАСПРОЩАЛИСЬ С ДРУГОМ НА ПОРОГЕ..." По кн.: Орион. Литературный альманах под ред. Юрия Одарченко, Владимира Смоленского и Анатолия Шайкевича. Париж, 1947.

"ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ ЦВЕЛ СВЕЖЕСТЬЮ ЧУДЕСНОЙ..."; "СЕН-МАЛО". "Новоселье" (1950. № 42—44).

СТАВРОВ ПЕРИКЛ. РЕКА; ПУТЕШЕСТВИЕ; КАФЕ. По кн.: *Ставров П.* Без последствий. Стихи. Париж, 1933.

ФОНАРИКИ; "ПОВОРАЧИВАЙ ДНИ ПОКОРОЧЕ..." По кн.: *Ставров П.* Ночью. Стихи. Париж: Изд. Объединения писателей и поэтов, 1937.

"ВСЕ РОВНЕЕ, БЫСТРЕЙ И НЕЖНЕЙ..." "Новоселье" (1946. № 24—25).

СТАНЮКОВИЧ НИКОЛАЙ. "...И ВОТ УПРЯМЫЕ ТОПОРЩАТСЯ ЛИСТКИ..." По кн.: *Станюкович Н.* Из пепла. Париж, 1929.

БЕЖЕНКА; ГОРОДСКОЙ РАССВЕТ. По кн.: *Станюкович Н.* Свидетельство. (Вторая книга стихов). Париж, 1939. Эпиграф к книге:

Листы осенние, что падают на землю,
Под жалобный напев бичующих ветров.
Струи мятежных вод, обломки берегов
И голоса богов, которым тайно внемлю...
апрель 1921 г.
лагерь у г. Галлиполи

НЕНУЖНОЕ ЧУДО; РОЖДЕНИЕ. По кн.: *Станюкович Н.* Возвращение в гавань. (Третья книга стихов). Париж: Изд. авт., 1949. Обложка художника Гр. Голубкова.

СТОЛИЦА ЛЮБОВЬ. "ПОРОЙ И ЗЕЛЕНЬ ВЕШНЯЯ ЯЗВИТ..." "Сплохи" (1921. № 1).

НЕЗАБВЕННОЕ. "Перезвоны" (1927. № 28).

ПОМИНАНИЕ. "Перезвоны" (1929. № 42).

СТРАННИК. ТАЙНОДЕЙСТВИЕ; ОТРЕШЕНИЕ; ВСТРЕЧА НА РОДОСЕ, ПЕСНЬ НАЗАРЕТА. СУЩНОСТЬ ПОЭЗИИ. Печатаются по кн.: *Странник.* Странствия. (Лирический дневник). Нью-Йорк, 1960.

"ПОЭЗИЯ — БЕЗМЕРНОСТЬ И ПОКОЙ..."; ВЕЧЕРНИЕ ЗВЕЗДЫ; СНОВА УТРО. По кн.: *Странник.* Книга лирики. Париж, 1966.

ЗЕМЛЯ. По кн.: *Странник.* Нескучный сад. Четвертая книга лирики. Калифорния, 1970.

СТРАХОВСКИЙ ЛЕОНИД. ОСЕНЬ. "Новый журнал" (1950. № 24).

ОКНО. "Грани" (1959. № 44).

ПОРА. "Современник" (1960. № 2).

О РОССИИ. "Современник" (1963. № 8).

СТРУВЕ ГЛЕБ. Стихотворения печатаются по кн.: *Струве Г.* Утлое жилье. Избранные стихи 1915—1949 гг. 2-е доп. изд. 1978. В сборник вошли также переводы из Райнера Марии Рильке.

"ТЫ ЛЕГКИМ ПОЦЕЛУЕМ ТРОНESHЬ..." Вошло также в антологии "Якорь" (1936) и "На Западе" (1953), в обоих случаях с разделением на строфы и без даты под стихотворением.

СТРУВЕ МИХАИЛ. СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГ. "Последние новости" (1934.15 апреля).

ЯНВАРЬ В ПАРИЖЕ. По кн.: Эстафета. Сборник стихов русских зарубежных поэтов. Под ред. И. Яссен, В. Андреева, Ю. Терапиано. Париж; Нью-Йорк, 1948.

СУМБАТОВ ВАСИЛИЙ. СУМЕРКИ. Печатается по кн.: *Сумбатов В.* Стихотворения. Мюнхен: Изд. книжного магазина "Град Китеж", 1922. Поэт называл эту книгу "сборником юношеских стихотворений", хотя издана она была, когда автору исполнилось 29 лет и сборник включал стихи, написанные преимущественно в эмиграции, т. е. в 1920—1922 гг. В эту книгу вошла и единственная известная нам поэма Сумбатова "Без Христа", написанная под влиянием поэмы "Двенадцать" Блока.

"ГИПЕРБОРЕЙ". "Литературный современник" (1954). "Гиперборея" — петербургский журнал, издававшийся М. Лозинским с октября 1912 до начала 1914 г. Инициатором и душой этого журнала был Н. Гумилев. Главными сотрудниками были акмеисты. Вышло десять номеров (№ 9 и 10 — сдвоенным выпуском). *Тетрадь восьмая* — в ней напечатаны стихи А. Ахматовой, В. Галахова, Грааля Арельского, Г. Иванова и О. Мандельштама. Стихотворение перепечатано в кн.: *Иванов Г.* Несобранное. Ред. В. Крейд. Антиквариат (США), 1987.

ГРАД ПЕТРА. Это и все последующие стихотворения Сумбатова печатаются по кн.: *Сумбатов В.* Прозрачная тьма. Стихи разных лет. Ливорно, 1969. Сборнику дано название по одноименному стихотворению. Название имеет биографическую основу — временная слепота.

Яснее вижу в темноте
Все, что когда-то видел в свете,
Но впечатления не те
Теперь дают картины эти.

.....
И даже больше — суть идей
И чувств теперь я глубже вижу,
Кого любил — люблю сильней
И никого не ненавижу.

В числе 62 стихотворений сборника — стихи, посвященные В. Смоленскому, М. Визи, Д. Кленовскому, В. Мамченко, Б. Зайцеву, Ю. Терапиано, Л. Алексеевой, М. Цветаевой, т. е. эмигрантским поэтам и писателям, с которыми Сумбатов встречался лично или переписывался.

ДВА МОСТА. Напечатано также в "Современнике" (1969. № 19).

ТАУБЕР ЕКАТЕРИНА. "ИМ ВСЕ НИПОЧЕМ: НИ ЛЮБВИ, НИ ЗАБОТЫ..." "Возрождение" (1955. № 41).

"МОРЕ ЦВЕТА СЕРЕБРА И СТАЛИ..." "Грани" (1958. № 37).

"ЛИШЬ ПЕРВОЗДАННОЕ, ПРОСТОЕ..." "Мосты" (1959. № 2).

"ОКНО ВЫХОДИЛО В ЧУЖИЕ САДЫ..." Впервые там же. Вошло в кн.: *Таубер Е.* Нездешний дом. Четвертая книга стихов. Изд. автора.

1973. Борис Нарциссов, рецензируя книгу, отметил это стихотворение "как наиболее сильное в сборнике" (Новый журнал. 1973. № 113).

"ОНИ ОТДЫХАЛИ ОТ БОЯ..." "Новый журнал" (1959. № 58).

"ТВОЙ ЧЕКАН БЫЛАЯ РОССИЯ..." "Нездешний дом". Впервые в "Гранях" (1960. № 48).

"БЕРЕЗА ТИХАЯ С АТЛАСНОЮ КОРОЮ..." "Современник" (1974. № 26—27).

"МЫ ИДЕМ С ТОБОЙ ЧЕРЕЗ ВЕСЬ ПАРИЖ..." "Новый журнал" (1974. № 115).

ТЕЛЬТОФТ ОЛЬГА. Печатается по кн.: *Тельтофт О.* Бренные песни. Харбин: Заря, 1943. В сборник включены стихотворения 1936—1943 гг. Об издании этого сборника находим несколько слов в воспоминаниях Валерия Перелешина: "...Бренные песни Ольги Тельтофт (жившей тогда — в 1943 году — в Шанхае; сборник фактически издала в харбинской типографии "Заря" моя мама, лишь с величайшим трудом добившаяся от отца Ольги Тельторфт, Ярослава Мариановича, возмещения своих расходов, — и в этом, как ни странно, ей помог страшилище Политехникума — капитан японской армии, прикомандированный к Политехникуму от жандармерии Накамур)" (Russian Poetry and Literary Life in Harbin and Shanghai. Ed. Jan Paul Hinrichs. Amsterdam, 1987. С. 79).

ТЕРАПИАНО ЮРИЙ. "УТРОМ, В ОСЛЕПИТЕЛЬНОМ СИЯНЬЕ..." "Новоселье" (1945. № 19). Вошло в кн.: *Терапиано Ю.* Избранные стихи. Вашингтон, 1963; в антологию "Источник" (Чикаго, 1989).

"СИЯЕТ ОГНЯМИ ПАРИЖ..." "Новый журнал" (1952. № 29); "Избранные стихи".

"ЗДЕСЬ НИЧТО, НИЧТО НЕ ВЕЧНО..." "Новый журнал" (1952. № 29); "Избранные стихи".

"СНОВА НОЧЬ, БЕССОННИЦА ПУСТАЯ..." В СОДРУЖЕСТВО ТАЙНОЕ С НАМИ... "Опыты". (1955. № 5); "Избранные стихи".

"ВЕТКИ УСТАЛО КАЧАЮТСЯ..." "Современник" (Торонто)(1960. № 1).

"ГЛУБИНУ ОДИНОЧЕСТВА СМЕРЬТЕ..." "Современник" (Торонто) (1960. № 1), а также в кн.: *Терапиано Ю.* Паруса. Вашингтон: Русская книга, 1965.

"С ОЗАРЕННОГО ВОСТОКА..." "Избранные стихи". Вошло в антологию "Источник".

ТИМАШЕВА ТАТИАНА. ОБЛАКА. Впервые в газете "Русская жизнь" (1943. 5 июня). Печатается по кн.: *Тимашева Т.* Избранные стихотворения. Париж: Изд. Н. С. Тимашева, 1953. Сборник состоит из разделов: Песни о поэте, Ночи и дни, Времена года, Зарисовки, Песни о России, Песни о любви, Настроения, Песни о судьбе, Думы о Боге.

ПЕРЕД ЗАКАТОМ. "Избранные стихотворения".

ОЗЕРКО. Впервые в ежегоднике "День русского ребенка", 16.

СТАРОСТЬ. "Избранные стихотворения". Впервые в журнале "Возрождение" (1950. № 11). Без заглавия напечатано в антологии Ю. Иваска "На Западе".

"ЧАРУЮЩАЯ ДУШУ ТИШИНА..." Впервые в "Возрождении" (1951. № 19).

ТОЛСТАЯ МАРИЯ. ПРОЛОГ. "Новый журнал" (1942. № 2).

"РАНО УТРОМ В ДАЛЬНЮЮ ДОРОГУ..."; ЖЕЛТЫЙ ЛУЧ ПРОБЕЖАЛ ВЫСОКО НАД КАРНИЗОМ... По кн.: Ковчег. Сборник русской зарубежной литературы. Нью-Йорк, 1942.

"ТЯЖЕЛАЯ РЕЗНАЯ ДВЕРЬ СОБОРА..." "Новый журнал" (1943. № 6). Напечатано также в "Эстафете" (Париж; Нью-Йорк, 1948).

"ГАСНЕТ НОЧЬ, И ФОНАРИ ЖЕЛТЕЮТ..." "Новый журнал" (1954. № 36).

"СЕРЕБРО ЛИСТЫ В ТУСКЛОМ СВЕТЕ..." "Новый журнал" (1954. № 39).

ТРОЦКАЯ ЗИНАИДА. ПЕРЕД ОТПЛЫТИЕМ; ПИСЬМО; "Я РАЗУЧИЛАСЬ ПРОСТО ВЕСЕЛИТЬСЯ..." Печатаются по коллективному сборнику "Четырнадцать" (Нью-Йорк. Изд. Кружка русских поэтов в Америке, 1949.)

"Я ВСЕГДА БЫЛА ЛИШЬ ТОЛЬКО СТРАННИЦА..." "Современник" (Торонто) (1968. № 17—18).

ТРУБЕЦКОЙ ЮРИЙ. "ЦЕРКОВКА, ЗАРОСШИЕ ПРИГОРКИ..." Печатается по кн.: *Трубецкой Ю. Двойник.* Париж: Рифма, 1954. Эпиграф к "Двойнику":

Знаком этот образ печальный,
И где-то я видел его...
Быть может, себя самого
Я встретил на глади зеркальной.
Александр Блок

Впервые в "Возрождении" (1950. № 9) под заголовком "Из цикла "О России" без разбивки на строфы и без даты под стихотворением. Вошло в антологию Ю. Иваска "На Западе" (1953).

"ПАРКИ ПРЯЖУ ТКУТ И РАСПУСКАЮТ..." "Новый журнал" (1955. № 41).

"ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ДЕТАЛЕЙ..."; "ЗАКАТНЫЙ СВЕТ И ТАЮЩЕГО СНЕГА..." "Мосты" (1960. № 5).

"В ПЕТЕРБУРГЕ, ДАВНЫМ-ДАВНО..." "Современник" (Торонто) (1960. № 2). Вошло в антологию "Берега" (Филадельфия, 1992).

"ПОРОЙ ТАКАЯ БЕШЕНАЯ ЗАВИСТЬ..." "Современник" (Торонто) (1964. № 9). Вошло в антологию "Берега" (1992).

"ТА ТЕНЬ ЖИВЕТ. И НЕТ УЖЕ СПАСЕНЬЯ..." "Современник" (Торонто) (1965. № 12).

СНЕГ. "Современник" (Торонто) (1968. № 17—18).

ТУРОВЕРОВ НИКОЛАЙ. Стихотворения печатаются по кн.: *Туроверов Н. Стихи.* Книга пятая. Париж, 1965. Этот наиболее полный сборник — итог полувекового творчества (1915—1965). В него вошли стихотворения из всех предшествующих книг Туроверова.

СНЕГ. Стихотворение посвящено младшему брату поэта — горному инженеру Александру Туроверову, изредка печатавшемуся в эмигрантских периодических изданиях. В его рассказе "Непосланное письмо" встречаются строки воспоминаний о времени работы Н. Туроверова на мельнице в Сербии: "Мы вставали в холодные предрассветные часы... Река слегка дымилась. Таинственная полярная звезда неподвижно сияла направо. На широком дворе мельницы стояли тяжелые возы. Почти средневековые крестьяне (селяки), черные, в меховых безрукавках спали на налитых зерном мешках. Брат садился за весы, а "селяки" поспешно и радостно сносили свои мешки и складывали их за стеной на огромных весах" (Новый журнал. 1965. № 80. С. 69). "Коля (брат мой) на обратной стороне объявлений "Млина Бркича" (т. е. мельницы Бркича.— В. К.) писал стихи...

Но русскому сердцу дороже
В пастушьем напеве свирель,
У женщины, с нашею схожей,
В руках вековая кудель...
И весь от загара ты бурый,
Огонь высекающий в трут,
И эти овчинные шкуры,
И потом пропитанный труд.

Мне кажется, что "Сербские стихи" — самое лучшее написанное им" (Там же. С. 70).

ТЭФФИ. Стихотворения печатаются по кн.: *Тэффи Passiflora*. Берлин: Изд. журнала "Театр", 1923. В сборник вошло 34 стихотворения. *Passiflora* — страстоцвет.

ФЕСЕНКО ТАТЬЯНА. Печатается по кн.: *Фесенко Т.* Пропуск в былое. Буэнос-Айрес: Сеятель, 1975.

ФИЛИППОВ БОРИС. "АПОЛЛОН ИГРАЕТ НА ГАРМОШКЕ..." По кн.: *Филиппов Б.* Ветер свежееет... Стихи и проза. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1969.

"СЛАДКИМ КЛЕЕМ БРЫЗЖУТ ПОЧКИ..."; "СЕРЕБРЯНЫЕ ТРУБЫ..."; "НА РЫЖИХ ХОЛМАХ ЗОЛОТОЙ ВИНОГРАД..."; "ДА, ВОТ ТАК, МЫ БУДЕМ ЖИТЬ НА СВЕТЕ..." Печатается по кн.: *Филиппов Б.* Тусклое оконце. Рассказы. Стихи. Очерки. Нью-Йорк: Русская книга, 1967.

"РАДОСТНО ВСТРЕЧАЙ УТРО ОБНОВЛЕНИЯ..."; "ПРИШЛА ЭСТАФЕТА..." По кн.: *Филиппов Б.* Влекущие дали дорог. Стихи разных лет. Вашингтон: Изд. авт., 1987.

ФОРШТЕТЕР МИХАИЛ. ЖИЗНЬ; ПРАГА. "Грани" (1960. № 46).

КРЕСТОВИК; ТРИ АНГЕЛА; ПОСЛЕДНЕЕ. "Новый журнал" (1960. № 61).

ХАИНДРОВА ЛИДИЯ. Стихотворения печатаются по коллективному сборнику "Остров" (Шанхай, 1946). Вместе с Хаиндровой в сборнике участвовали Л. Андерсен, В. Иевлева, М. Коростовец, Ю. Крузенштерн-Петерец, Н. Петерец, В. Перелешин, В. Померанцев, Н. Щеголев, который написал также и предисловие к "Острову".

ХАЛАФОВ КОНСТАНТИН. "БЫВАЮТ ВСТРЕЧИ..." "Возрождение" (1956. № 52).

ПТИЦЕ-ЛИРЕ. "Возрождение" (1956. № 59); в подборке стихотворений под общим заглавием "Шербрукский лес". "Шербрукский лес. — писал К. Халафов, — в шестидесяти милях от Мельбурна — является родиной птицы-лиры... Лес, всегда веселый и светлый днем и таинственный и торжественный ночью, когда серебряная зелень великанов-эвкалиптов превращается в горную чащу... То, что составляет как бы душу этого леса и его голос, — птица-лира, песни которой звучат в лесу с зари до сумерек... Об удивительном умиротворяющем действии этого леса и песни этой птицы упоминали многие — среди них также и серьезные орнитологи".

"БЛАЖЕННЫХ СЛЕЗ БЕСЦЕННЫЙ ДАР..." МУЗЕ. "Грани" (1959. № 41).

ХОДАСЕВИЧ ВЛАДИСЛАВ. Стихотворения печатаются по кн.: Ходасевич В. Собрание стихов (1913—1939). Нью-Йорк, 1961. Книга издана под редакцией Н. Берберовой к 75-летию со дня рождения В. Ф. Ходасевича.

"ВДРУГ ИЗ-ЗА ТУЧ ОЗОЛОТИЛО..." Впервые было напечатано в "Беседе" (1923. № 1) в подборке под общим названием "Зимние стихи".

"ВСЕ КАМЕННОЕ. В КАМЕННЫЙ ПРОЛЕТ..." Написано 23 сент. 1923 г. Впервые в "Беседе" (1923. № 3).

"ИНТРИГИ БИРЖ, ПОТУГИ НАЦИЙ..." Написано 19—20 марта 1924 г. Впервые в газете "Дни" (1924 г. 21 сент.)

БАЛЛАДА. Написано в июне — 17 августа 1925 г. Впервые в "Современных записках" (1925. № 25).

"ТРУДОЛЮБИВОЮ ПЧЕЛОЙ..." Впервые в "Беседе" (1923. Май — июнь).

ГРАММОФОН. Впервые в "Современных записках" (1928. № 34).

СКАЛА. Напечатано в "Современных записках" (1928. № 37).

Примечание Н. Берберовой: "Написано в 1928 г. после долгого разговора о символизме и символистах".

ХОЛЧЕВ АЛЕКСЕЙ. НЕ НАДО. По кн.: Холчев А. Гонг. Кн. 1. Париж, 1924. Эпиграф к сборнику:

И всяк, зевая,
Смерти ждет.

В ЦЕРКВИ; НА БЕРЕГУ. По кн.: Холчев А. Смертный плен. Париж: Родник, декабрь 1929. Сборнику предпослан эпиграф:

Двум странницам,
Сидящим у распутия —
Любви и Смерти,
До земли поклон.

ЦВЕТАЕВА МАРИНА. НАКЛОН; "ЕСТЬ ЧАС ДУШИ, КАК ЧАС ЛУНЫ..." По кн.: Цветаева М. После России, 1922—1925. Париж, 1928.

ЛУЧИНА. По кн.: Цветаева М. Избранное. М., 1961.

СТОЛ. "Встреча" (1934. № 1).

"ОБНИМАЮ ТЕБЯ КРУГОЗОРОМ..." "Новый журнал" (1963. № 74).

ЧЕГРИНЦЕВА ЭМИЛИЯ. Стихотворения печатаются по кн.: Чегринцева Э. Посещения. Стихи 1929—1936. Прага: Скит, 1936. Книга вышла в серии изданий "Скит" и отпечатана издательством "Новь" в количестве 200 экз. В сборнике 17 стихотворений. Посвящена Сергею Чегринцеву. В той же серии "Скит" вышли сборники стихов Вячеслава Лебедева "Звездный крен", Аллы Головиной "Лебединая карусель" и "Тобозо" Вадима Морковина.

ВАЛЬС. Вошло в антологию "Якорь".

ЧЕРВИНСКАЯ ЛИДИЯ. Стихотворения печатаются по кн.: Червинская Л. Двенадцать месяцев. Париж: Рифма, 1956.

А. ЧЕРНЫЙ. "МЫ С ТОБОЙ ДВА ЗНАТНЫХ ИНОСТРАНЦА..."; "ТЕХ, КТО СТРАДАЕТ ГОРДО И УПРЯМО..."; "ПРОКУРОРОВ БЫЛО СЛИШКОМ МНОГО..." Печатается по кн.: Черный А. Жажда. 3-я книга стихов (1914—1922). Берлин: Изд. авт., 1923.

В МАРСЕЛЕ. "Последние новости" (1928. № 2734).

ЧЕХОНИН МИХАИЛ. Стихотворения печатаются по кн.: *Чехонин М.* Стихи. Нью-Йорк: Изд. Кружка русских поэтов в Америке, 1946.

ГЛОБ ТРОТТЕР. Впервые в "Новоселье" (1945. № 21). Название стихотворения от английского слова globe-trotter — вселенский бродяга.

ЧИННОВ ИГОРЬ. "О, ДУША, ТЫ ПОЛНИШЬСЯ ОСЕННИМ ОГ-
НЕМ..." "ЛИЛОВЕЮТ ПОГАНКИ..." По кн.: *Чиннов И.* Метафоры. Нью-Йорк: Изд. "Нового журнала", 1968.

"ШЕПЧУ СЛОВА..."; "И ЛУКОВИЦА — ЖЕМЧУЖИНА..."; "ХРУ-
СТАЛЬНЫМ КРИСТАЛЛОМ..." По кн.: *Чиннов И.* Партитура. Нью-Йорк: Изд. "Нового журнала", 1970.

"МАЛО-ПОМАЛУ, МАЛО-ПОМАЛУ..." По кн.: *Чиннов И.* Антитеза. Седьмая книга стихов. Колледж Парк (Мэрилэнд), 1979.

"НЕ НАРУШАЕТ ТИШИНЫ..." По кн.: *Чиннов И.* Автограф. Восьмая книга стихов. Холиок, Нью Инглэнд Пабблишинг Компани, 1984.

ШАТАЛОВ ВЛАДИМИР. "ТОЧКА СХОДА..."; "УХОДЯЩИЕ РЕЛЬ-
СЫ..." "Перекрестки". Альманах (Филадельфия, 1980).

"НИГДЕ..." "Встречи". Альманах (Филадельфия, 1984).

"ВСЕ СЛУЧАЕТСЯ..." "Встречи". Альманах (Филадельфия, 1986).

ЧЕРЕЗ ПОЛВЕКА. "Встречи". Альманах (Филадельфия, 1991).

ШАХОВСКАЯ ЗИНАИДА. ДИОТИМА — НОЧЬ. "Новый журнал" (1969. № 94). *Николай Татищев* — поэт, переводчик, эссеист, друг Б. Поплавского, автор статей и воспоминаний о нем и издатель его книг.

НОЧЬЮ. "Новый журнал" (1969. № 94).

"НОЧЬ ПРИШЛА И ДВЕРИ ОТВОРИЛА..."; "НЕТУ СКУЧНЫХ НИ
ТЯЖЕЛЫХ ДНЕЙ..." "Новый журнал" (1969. № 96).

"НАД МОРЕМ ЭГЕЙСКИМ УПАЛА ЗВЕЗДА ЗОЛОТАЯ..."; "СЛУШАЙ,
СЛУШАЙ ТИШИНУ..." "Новый журнал" (1970. № 98).

"РАСЦВЕТАЮТ ЦВЕТЫ..." "Новый журнал" (1970. № 100).

"КАК ЛЕГОК ЛАСТОЧЕК ПОЛЕТ..." "Новый журнал" (1974. № 114).

"ПУСТОЕ КРЕСЛО У СТОЛА..." "Новый журнал" (1974. № 117)
— второе стихотворение в диптихе "Сентябрьские стихи".

ШИМАНСКАЯ АГЛАИДА. "ЗВЕЗДЫ ГОРЯТ ЛУЧИСТЫЕ..." "Эста-
фета" (Париж; Нью-Йорк, 1948).

"ОКНО МОЕ НА КРЫШУ..." "Муза диаспоры" (1953).

"УСЛЫШАТЬ ПЕСНЮ РУССКУЮ МЕТЕЛИ..." По кн.: *Шиманская А.* Я вам прочту. Париж: Рифма, 1963.

МАТЬ. "Современник" (Торонто) (1964. № 9).

"ПОЛЗЕТ БУКАШКА, ПРЯЧЕТСЯ В ЛИСТОК..." "Современник" (1964. № 10).

"НЕ ВСЕ ЛЬ РАВНО, КАКИЕ СЛЕЗЫ..." "Современник" (1976. № 30—31).

ШИПОВНИКОВ МИХАИЛ. "НАД БЕСПЛОДНЫМ ПОЛЕМ..." Печата-
ется по кн.: *Шиповников М.* Из чащи промелькнувших лет. Стихи 1. 1943—1948. Вашингтон: Изд-во В. Камкина, 1967. Стихотворение вклю-
чено также в антологию "Берега".

"НЕ ШУМЕТЬ УЖ БОЛЬШЕ ЛИСТЬЯМ..."; СОЧЕЛЬНИК. "Из чащи
промелькнувших лет".

КОВЫЛИ; "В ЗАКАТАХ, УХОДЯЩИХ ЕЖЕДНЕВНО..."; "ИЗУМЛЕН-
НО ГЛЯЖУ Я НА ВЫСИ..." По кн.: *Шиповников М.* Почти автобио-
графия, Вашингтон: Изд-во В. Камкина, 1968.

ШИШКОВА АГЛАЯ. "ГРУСТЬ НАПЛЫЛА..." По кн.: *Шишкова А.* Чужедадь. Стихи (Франкфурт-на-Майне: Посев (№ 1 в серии "Русская зарубежная поэзия"), 1953). А. Шишкова писала составителю: "Грусть наплыла..." — хорошо, что войдет в Вашу антологию. Я люблю это стихотворение — это ответ на вопрос "как слагаются стихи?".

"ВЕЧЕР СМУГЛЫЙ, ВЕЧЕР ЛУННЫЙ..." "Чужедадь". Последнее стихотворение в триптихе "Цыганские напевы". Напечатано также в антологиях "Муза диаспоры" и "Берега".

"НА ЗНОЙНОМ КЛАДБИЩЕ МОГИЛЫ СТЕСНЕННЫ..." "Чужедадь".

"ПРИВАЛ. ПРИГОРОК ПРИГРЕЛО..." "Чужедадь". Седьмое стихотворение в девятичастной "Грибной балладе", самом известном произведении А. Шишковой. "Грибная баллада" полностью напечатана также в сборнике "Литературное зарубежье" (Мюнхен, 1958) и в отрывках в антологии "На Западе" (1953).

ШТЕЙГЕР АНАТОЛИЙ. Стихотворения печатаются по кн.: *Штейгер А.* Дважды два четыре. Стихи 1926—1939. Париж: Рифма, 1950.

"ВЕЧЕРОМ ВЫЙДЕМ ГУЛЯТЬ ПО МЕЖЕ..." Второе стихотворение из цикла "Бессарабия".

ЩЕГОЛЕВ НИКОЛАЙ. Стихотворения печатаются по альманаху "Излучины" (Харбин, 1935). Альманах вышел под ред. Валерия Перелешина 22 апреля 1935 г. тиражом 200 экз. Участники "Излучин" — Виктор Ветлугин, Михаил Волин, Валерий Перелешин, Наталия Резникова, Сергей Сергин, Владимир Слободчиков, Лидия Хаиндрова и Николай Щеголев.

ЩЕРБАКОВ ЕВГЕНИЙ. "КАШТАН РАСЦВЕЛ, ВЕСЕННЯЯ ИСТОМА..." По кн.: *Щербаков Е.* Свет и камень. Стихи. Париж: Рифма, 1951. С разночтениями это стихотворение напечатано в антологии "Эстафета" (1948).

"ОСЕНЬ В НЕБО ШИРОКО РАСКРЫТА..." "Свет и камень".

ФОНАРЬ. "Свет и камень". Ранее в "Новоселье" (1950. № 42—44).

"МЫ ЗНАЕМ БУДНИ И РАБОТУ..." "Свет и камень".

КАКТУС. "Свет и камень". Ранее в "Новоселье" (1950. № 42—44).

"В ПРИВЫЧНОМ ГОРЕ МНЕ НЕ БОЛЬНО..." "Свет и камень".

ЩЕРБАКОВ МИХАИЛ. ЯПОНСКИЙ ХРАМИК; ВИШНЯ. "Врата" (Шанхай, 1934. № 1).

ЭЛЛИС ВЛАДИСЛАВ. Стихотворения печатаются по кн.: *Эллис В.* Избранное. Лос-Анджелес, 1968.

ЭРИСТОВ ГЕОРГИЙ. ЛУРД. По кн.: *Эристов Г.* Синий вечер. Милан, 1956.

ЛИГЕЯ; ГРУСТЬ. "Современник" (Торонто) (1960. № 1).

В ГОСТЯХ У СВЯТОГО ФРАНЦИСКА (АССИЗИ). Впервые в цикле "Итальянские стихи" в "Современнике" (Торонто) (1960. № 2).

MISTERIUM MAGNUM (Яков Бёме). "Современник" (Торонто) (1961. № 4). Перевод названия: Великая тайна (лат.).

УТРО. "Современник" (1963. № 7).

МЮНХЕН. "Возрождение" (1971. № 233).

ЯНКОВСКАЯ ВИКТОРИЯ. Печатается по кн.: *Янковская В.* По странам рассеяния. Стихи. Нью-Йорк, 1978. Эпиграф к сборнику:

...И за то, что нас Родина выгнала, —
Мы по свету ее разнесли.

Алексей Ачаир

"ВЕСЕННИМИ ВЛАЖНЫМИ ДНЯМИ..." К посвящению: отец поэтессы — Ю. М. Янковский — автор книги "Полвека охоты на тигров" (Харбин, 1944).

ЯССЕН ИРИНА. БЕЛАЯ ГОРА. По кн.: *Яссен И.* Дальний путь. Нью-Йорк: Изд. авт., 1946. Вошло в антологии "Муза диаспоры" и "Источник".

"СВОЮ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ НЕСЛА...". По кн.: *Яссен И.* Лазурное око. Париж: Рифма, 1950.

"ВСЕ ОЗАРИЛОСЬ НА МГНОВЕНЬЕ..."; НА БЕРЕГУ. "Лазурное око".

"ГЛАДЬ, НЕ ТРОНУТАЯ ВЕТРОМ...". По кн.: *Яссен И.* Последние стихи. Париж: Рифма, 1959. Этот сборник И. Яссен задумала как посмертное издание. Обращаясь к Софии Прегель, Яссен писала: "Иду на операцию. Не уверена, что выживу. У меня нет "литературных" наследников. Я распорядилась, если не выживу, чтобы Вам был послан оставшийся материал, из которого надо сделать две книги: одну мою — "Последние стихи", другую — Американский сборник, в который должны войти, по возможности, все мои стихи, а также Ваши и других, кого Вы привлечете к участию. В мои "Последние стихи" должно войти все, что отразило мои мысли и чувства за последнее время, хотя я вовсе не уверена, что эти стихи Вам понравятся как стихи. Раевский вошел в сердце моих стихов, привлечите его к участию" (из архива Иллинойского университета, г. Урбана, США).

"ТОЛЬКО СОЛНЦЕ И МОРЕ..."; ПОЭЗИЯ. "Последние стихи".

"КАК РУКОЙ СНЯЛО УСТАЛОСТЬ...". Печатается по автографу, хранящемуся в архиве Иллинойского университета, г. Урбана, США.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

АДАМОВИЧ Георгий Викторович (19 апреля 1892, Москва — 21 февраля 1972, Ницца). Учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Первое выступление в печати — в 1915 г. В следующем году в издательстве "Гиперборей" вышел сборник стихов "Облака", в 1922 г. — сборник "Чистилище". С 1923 г. жил в Париже. В 1923—1928 гг. Г. Адамович — ведущий критик в газете, затем журнале "Звено". С 1928 по 1939 г. регулярно печатал критические статьи в газете П. Н. Милюкова "Последние новости". В 1939 г. поступил добровольцем во французскую армию. Некоторые из многочисленных эссе Г. Адамовича собраны в двух изданных в послевоенное время книгах "Одиночество и свобода" (Нью-Йорк, 1955) и "Комментарии" (Вашингтон, 1967). Статьи и стихи Г. Адамовича печатались во всех крупных периодических изданиях русского зарубежья. К суждениям Г. Адамовича о поэзии прислушивались многие. Его мироощущение и эстетические взгляды способствовали формированию особого направления в эмигрантской поэзии, так называемой "парижской ноты". Его собственные стихи были собраны в вышедшей накануне второй мировой войны книге "На Западе". Последний (четвертый) сборник Г. Адамовича — "Единство" опубликован в Нью-Йорке в 1967 г. Стихотворения Г. Адамовича вошли в антологии "Якорь", "На Западе", "Муза диаспоры", "Содружество".

АЛЕКСЕЕВА Лидия Алексеевна (в замужестве Иванникова, урожденная Дёвель; 7 марта 1909, Двинск — 27 октября 1989, Нью-Йорк). Алексеева вошла в русскую поэзию как мастер тонкой пейзажной миниатюры, в которой в созерцательной манере выражены эзегические переживания "вневременного характера". Детство прошло в Севастополе. Мать, чья девичья фамилия Горенко, — родственница А. Ахматовой. В конце 1920 г. Алексеева вместе с родителями эмигрировала в Константинополь. В середине 1922 г. переехала в Болгарию, оттуда — в Белград. В Югославии окончила русскую гимназию и Белградский университет, отделение славянской филологии. Преподавала сербский язык и литературу в белградской русской гимназии. Стихи писала с детства. Печататься начала в 1930-е годы в русских журналах, издававшихся в Югославии, участвовала в белградском литературном кружке "Новый Арзамас". В 1937 г. вышла замуж за писателя Мих. Иванникова (1904—1968). При подходе советской армии к Белграду уехала в Австрию. Жила в беженском лагере, описанном в ее рассказах. С 1949 г. — в Нью-Йорке, где в течение многих лет работала в славянском отделе Публичной библиотеки. Первый поэтический сборник ("Лесное солнце") вышел в 1954 г. За ним последовали книги "В пути" (два издания), "Прозрачный след", "Время разлук" и "Стихи".

АЛЛ Николай Николаевич (наст. фам. Дворжицкий) — автор сборника "Ектенья", вышедшего в Харбине в 1923 г. Его стихотворения напечатаны также в коллективном сборнике "Четырнадцать" (1949), в антологии "Содружество" и др. Родился в Петербурге, учился

в Морском корпусе и в Константиновском артиллерийском училище. Участвовал в первой мировой войне, затем в гражданской. В конце 1920-го или в 1921 г. эмигрировал в Китай. Редактировал выходивший в Харбине художественно-литературный еженедельник "Дальневосточный огонек". Сотрудничал в газетах русского Китая "Заря", "Новости жизни", "Русский голос". В 1923 г. переехал в США. Преподавал русский язык в Гарварде, редактировал "Русскую газету", сотрудничал в "Новом русском слове", переменял несколько специальностей, работал в инженерных компаниях по специальности мостостроительства и дорожного строительства. Н. Алл — один из участников Кружка русских поэтов в Америке.

АМАРИ Михаил Осипович (наст. фам. Цетлин, 10 июля 1882, Москва — 10 ноября 1945, Нью-Йорк). Начиная с 1906 г. долго жил за границей. По словам хорошо его знавшего М. Алданова, был "человеком большой, очень разносторонней культуры". До революции вышли двумя изданиями его "Стихотворения" (1906) и сборник "Глухие слова" (1916). В 1920 г. Цетлин эмигрировал, поселился в Париже. В том же году издал книгу "Прозрачные тени". Со времени основания "Современных записок" Цетлин оставался литературным консультантом этого журнала и фактически редактором отдела поэзии. Как литературный критик Цетлин много писал о современных эмигрантских поэтах — Бальмонте, Штейнере, Ладинском, Поплавском, Кнуте, Булич, Г. Кузнецовой, Аминадо, З. Гиппиус, Кнорринг, монахине Марии, Прегель и др. Один из активных участников общества "Зеленая лампа". Последняя его поэтическая книга — "Кровь на снегу. Стихи о декабристах" — вышла в 1939 г. в Париже. С 1942 г. Цетлин жил в Нью-Йорке. Вместе с Марком Алдановым основал "Новый журнал". Две его книги в прозе — "Пятеро и другие" и "Декабристы" — превосходные образцы историко-биографического жанра.

ДОН АМИНАДО (наст. имя и фам. Аминад Петрович Шполянский, 25 апреля (7 мая) 1888, Елизаветград, Херсонской губ. — 14 ноября 1957, Париж) писал также под псевдонимами Дон-Аминадо и Д. Аминадо. Детство прошло в Херсонской губернии. Учился в Новороссийском и Киевском университетах. Получил образование юриста. Переехал в Москву, где начал печататься в популярных иллюстрированных журналах. Сотрудничество в "Сатириконе" принесло ему всероссийскую известность. Первый поэтический сборник — "Песни войны" (два издания: 1914, 1915). За ними последовала книга "Весна Семнадцатого года". Участвовал в первой мировой войне. В начале гражданской переехал в Киев. Эмигрировал из Одессы 20 января 1920 г. После непродолжительного пребывания в Константинополе поселился в Париже, где прошла большая часть его эмигрантской жизни. В 1921 г. опубликовал книгу сатирических стихотворений "Дым без отечества", в 1927-м — сборник юмористических рассказов "Наша маленькая жизнь". Его лучшая поэтическая книга — "Накинув плащ. Сборник лирической сатиры" (1928). В 1935 г. вышла еще одна книга — "Нескучный сад". Сотрудничество в "Последних новостях", крупнейшей эмигрантской газете, принесло ему колоссальную популярность. "Его стихи вырезали из газет, знали наизусть", — вспоминал об этой всеэмигрантской известности Д. Аминадо писатель Леонид Зуров. После войны Д. Аминадо отошел от газетной работы. В 1951 г. он издал сборник стихотворений "В те баснословные года". Последней его книгой были мемуары "Поезд на третьем пути" (1954). В 1940—1950-е стихи он писал редко, а в последние годы жизни к писанию стихов и вообще не возвращался.

АНДЕРСЕН (также Андерсон) Ларисса Николаевна. Родилась в 1914 г. в Хабаровске. Свой литературный путь начала в Харбине. Входила в кружок "Молодая Чураевка" и печаталась в одноименном журнале. Вместе с Н. Ильнек, Н. Резниковой, Н. Светловым, Л. Хаиндровой, М. Шмейссером и Н. Щеголевым участвовала в сборнике стихотворений "Семеро", изданном "Молодой Чураевкой" в 1931 г. Много печаталась в харбинском журнале "Рубеж". В 1940 г. вышел ее сборник стихотворений "По земным лугам". В 1940-е годы жила в Шанхае. Значительной страницей ее биографии в этот период было участие в кружке "Пятница", в котором были активны также М. Коростовец, Ю. Крузенштерн-Петерец, В. Перелешин, Л. Хаиндрова, В. Померанцев, В. Ивлева. Итогом собраний "Пятницы" было издание большого коллективного сборника стихотворений "Остров" (включено 13 стихотворений Л. Андерсен). В 1950-е годы уехала на Таити, а в середине пятидесятих переехала во Францию в город Иссанжо в департаменте Верхняя Луара. С конца пятидесятих и до 1970 г. ее стихи изредка появляются на страницах эмигрантских журналов ("Грани", "Возрождение", "Современник"). Два стихотворения были включены в составленную Ю. Терапиано антологию "Муза диаспоры". В 1988 г. вышла в издательстве "Антиквариат" подготовленная Э. Штейном антология стихотворений поэтов-дальневосточников "Остров Лариссы". Книга включает стихи Л. Андерсен, печатавшиеся в сборниках "Семеро", "Остров", в антологии "Муза диаспоры" и в журнале "Молодая Чураевка", в также факсимильно воспроизведенный альбом Л. Андерсен, в котором писали свои стихи поэты Г. Гранин, Ачаир, М. Коростовец, И. Лесная, В. Перелешин, В. Померанцев, Л. Хаиндрова и др. Несколько стихотворений Л. Андерсен вошли в изданный в 1989 г. в Аделаиде (Австралия) сборник стихотворений харбинских и шанхайских поэтов "Песни с Востока".

АНДРЕЕВ Вадим Леонидович (7 января 1903 — Москва — 17 мая 1976, Женева). Родился в семье писателя Леонида Андреева. Учился в Гельсингфорсе в русской гимназии. В 1919 г. вступил волонтером в Добровольческую армию. Затем — Константинополь, а с 1922 г. — Берлин. Здесь печатался в редактировавшемся Р. Гулем "Литературном приложении" к газете "Накануне". В Берлине вышел в 1924 г. его первый поэтический сборник "Свинцовый час". Воспоминания В. Андреева о жизни в Берлине были опубликованы в журнале "Звезда" (1969. № 5). В конце 1924 г. переехал в Париж. Встречался с поэтами-эмигрантами в знаменитом кафе "Ла Болле"; входил в Союз молодых писателей и поэтов, организованный в 1925 г.; принимал участие в выступлениях Союза. Несколько позднее вошел в основанную Марком Слонимом группу "Кочевье". В Париже издал сборник "Недуг бытия" (1928) и поэму "Восстание звезд" (1932). Его стихи были включены в первую эмигрантскую поэтическую антологию "Якорь". Перед началом войны в журнале "Русские записки" печаталась его "Повесть об отце". В том же журнале он сотрудничал в качестве рецензента; писал под псевдонимом Сергей Осокин (отзывы на книги стихов Ладинского, Гингера, Амари, Поплавского, Смоленского, Адамовича, Туроверова, Прегель и др.). В годы войны участвовал во французском движении Сопротивления. В 1946 г. принял советское гражданство. В 1948 г. вышла в свет вторая антология зарубежной поэзии — "Эстафета" — под ред. В. Андреева, И. Яссен и Ю. Терапиано. Книга открывается стихами В. Андреева. В известном парижском издательстве "Рифма" в 1950 г. вышел его сборник "Второе дыхание", включивший стихотворения 1940—1950 гг. Две книги прозы — "Детство" (1963) и "История одного путешествия" (1974) — вышли в Москве.

АНСТЕЙ Ольга Николаевна (девичья фамилия Штейнберг; 3 марта 1912, Киев — 30 мая 1985, Нью-Йорк) — самая известная поэтесса второй эмиграции. Романтичность ритмов, эмоциональность смыслов, интонационное богатство — вот некоторые из признаков художественного почерка Анстей. Чувство родины, которое вообще играет заметную роль в мироощущении Анстей, исчерпывается воспоминаниями о Киеве, русской литературой и православной церковностью. Анстей окончила в Киеве Институт иностранных языков. Работала секретаршей и переводчицей. По словам самой Анстей, она "стала складывать стихи лет с четырех". В 1937 г. вышла замуж за поэта И. Елагина; в 1943 г. вместе с ним уехала из СССР. Во время войны жила в Праге и в Берлине, с 1946 г. — в Мюнхене. Печататься начала в 1946 г. В Мюнхене вышла ее первая книга — "Дверь в стене", включившая стихотворения 1930—1948 гг. Анстей делила свою жизнь на три периода: киевский, германский и самый продолжительный — американский. В США она прожила 35 лет. Работала в ООН в Отделе русских письменных переводов. В 1960 г. была издана в переводе Анстей повесть Стефана Винсента Бенз "Дьявол и Даниэль Вебстер". Последняя книга Анстей — сборник стихов "На юру" — вышла в 1976 г. После выхода этой книги стихи Анстей печатались в "Новом журнале" и в альманахе "Встречи".

АНТОНОВА Елена Анатольевна. Родилась около 1900 г. в поезде на пути из Сибири в Петербург. Раннее детство прошло в Петербурге, откуда семья переехала в г. Зея Амурской области. Гимназию окончила на Дальнем Востоке. Эмигрировала в Харбин. Некоторое время жила в Токио, откуда вскоре после знаменитого токийского землетрясения (1 сентября 1923) отбыла в США. В 1928 г. окончила в Сизтле Вашингтонский университет со специальностью геолога. Работала в Айдахо, Монтане, на Аляске, в Калифорнии, Пенсильвании и в Нью-Йорке инженером-металлургом, а позднее инженером-мостостроителем. Стихи, по ее собственным словам, "начала писать в раннем детстве". Многие из них были утрачены во время землетрясения в Японии. Печаталась в "Новоселье", "Новом журнале", в "Новом русском слове", в русских периодических изданиях в Сан-Франциско. В 1944 г. в Нью-Йорке вышел ее единственный сборник "Отражения". Обложка к книге выполнена по рисунку Мстислава Добужинского. Участвовала в нью-йоркском Кружке русских поэтов и изданном этим кружком сборнике "Четырнадцать". Стихи опубликованы также в сборнике Литературно-художественного кружка в Сан-Франциско "У Золотых Ворот" и в антологии "Содружество".

АРГУС (ЖЕЛЕЗНОВ) — наст. фам. и имя Ейзенштадт Михаил Константинович. До революции жил в Новгороде. В 1919 г. перешел русско-латвийскую границу. Работал в рижской газете "Сегодня". В двадцатые годы или в начале тридцатых эмигрировал в США, жил в Нью-Йорке. Много печатался в "Новом русском слове", изредка — в "Новоселье", "Новом журнале", "Мостах". Бунин писал в 1952 г., что он обычно начинает просматривать "Новое русское слово" с фельетонов Аргуса — "опять мне захотелось сказать Вам, сколько блестящих строк есть всегда в Ваших фельетонах". (Вместо предисловия — в книге Аргуса "Полусерьезно полушутя". Сатира, юмор, лирика. Нью-Йорк: Чайка, 1959.) Адамович ставил его имя в ряд с такими писателями-юмористами, как Аверченко, А. Черный, Тэффи. "Аргус — прирожденный юморист, едва ли не последний у нас оставшийся. Не сатирик, а именно юморист, зорко и пристально вглядыва-

ющийся в наше здешнее житье-бытье, все смешное или даже все досадное подмечающий, но к обличению не склонный... Для человека, который бы поставил себе целью изучить и понять, как в течение десятилетий жили русские люди на чужой земле, фельетоны Аргуса окажутся свидетельством и документом незаменимым" (Адамович Г. Об Аргусе // Аргус. Другая жизнь и берег дальний. Нью-Йорк: Чайка, 1969). Обе упомянутые здесь книги включают и прозу и стихи Аргуса. В "Другую жизнь" включена также его поэма "Восточный герой", ранее вышедшая отдельным изданием (Нью-Йорк, 1948).

АЧАИР Алексей (наст. имя и фам. Грызлов Алексей Алексеевич; 1896, станция Ачаир в Сибири — 16 декабря 1960, Новосибирск). Как писала в своих воспоминаниях поэтесса Наталия Резникова, "сын казачьего офицера и сам офицер, Ачаир пешком прошел тайгу и чудом вырвался из коммунистической России" (Новый журнал. 1988. № 172—173. С. 391). В 1921-м или в начале 1922 г. Ачаир поселился в Харбине. Здесь он основал отделение Христианского союза молодежи и издал в 1923 г. брошюру "Русский христианский союз молодых людей в Харбине". В течение многих лет он оставался секретарем этой организации. Книга его стихотворений ("Первая") вышла в 1925 г. При Христианском союзе Ачаир организовал кружок поэтов "Вечера под зеленой лампой", более известный по мемуарной литературе как "Чураевка". Под его редакцией издан в 1931 г. коллективный сборник "Семеро". Сам Ачаир много печатался в харбинском иллюстрированном журнале "Рубеж". Время от времени его стихи публиковались и в русских журналах в Европе (напр., поэма "Казачи" в пражской "Вольной Сибири"). В 1936 г. его стихи были включены в первую эмигрантскую антологию — "Якорь". Из других изданий, в которых появлялись стихотворения Ачаира, следует упомянуть "Русские записки", газету "Русское слово" и нью-йоркский сборник русской зарубежной литературы "Ковчег" (1942). Кроме названной выше "Первой" Ачаир опубликовал еще четыре книги: "Лаконизмы" (1937), "Полюнь и солнце" (1938), "Тропы" (1939) и "Под золотым небом" (1943). В сентябре 1945 г. Ачаир был арестован, насильственно репатриирован в СССР и отправлен в Воркутинские лагеря.

БАКУНИНА Екатерина Васильевна (печаталась также под инициалами Ек. Б.; 1889, Царское Село — 1976, Лондон). Рано начала писать. В девятилетнем возрасте напечатала свой первый рассказ в журнале для детей "Задуманное слово". Училась в Екатерининской гимназии, затем на Агрономических курсах и на Бестужевских курсах. В 1923 г. эмигрировала во Францию, оттуда — в Англию. Живя в Париже, была секретарем редакции "Чисел". В "Числах" печатались ее стихи, роман "Тело" и рецензии на книги Н. Берберовой, В. Зензинова, Ж. Фоконье, на "Русские сказки" под ред. М. Азадовского. Печаталась также в "Современных записках", а начиная с 1945 г. — в "Новоселье", "Новом журнале", "Русском сборнике", "Новом русском слове". Ее стихи вошли в антологии "Якорь", "Эстафета", "Содружество". Были изданы два ее романа: "Тело" (1933), переведенный на чешский и французский, и "Любовь к шестерым" (1935). В 1931 г. издала свой единственный поэтический сборник — "Стихи" (Париж: Родник).

БАЛТРУШАЙТИС Юргис Казимирович (20 апреля (2 мая) 1873, деревня Паантвардис, Литва — 3 января 1944, Париж). Первая его книга — "Земные ступени" (1911); второй сборник — "Горная тропа" вышел через год. Стихи писал на русском и литовском языках. Третья

(последняя) русская книга "Лилия и серп" вышла после смерти поэта (Париж, 1948). С 1893 г. жил в Москве, учился в университете, здесь же и начал печататься (1899). Был одним из деятельных участников нарождавшегося символизма. С 1920 до 1939 г. был руководителем литовской миссии в Москве и чрезвычайным посланником Литвы. В 1939 г. эмигрировал в Париж. Еще в двадцатые годы печатался в русских эмигрантских изданиях ("Эпопея", "Струги"). В сороковые годы его стихи публиковались в нью-йоркском "Новом журнале".

БАЛЬМОНТ Константин Дмитриевич (15 июня 1867, д. Гумнищи Шуйского уезда Владимирской губернии — 23 декабря 1942, Нуази ле-Гран, близ Парижа) прожил в эмиграции 22 года, с 25 июня 1920-го, когда он уехал в Ревель, и до своей кончины во Франции. В Эстонии он прожил месяц в ожидании визы, затем через Германию приехал в хорошо знакомый ему Париж, где он годами жил до революции. В 1921 г. вышло шесть книг Бальмонта — одна в Москве, пять — в эмигрантских издательствах. Но начало собственно эмигрантского творчества поэта мы видим не в этих книгах, а в сборнике "Марево" (1922). Двадцатые годы — для Бальмонта время подлинного творческого подъема. В это десятилетие окончены роман "Под новым серпом", сборник рассказов "Воздушный путь", книга очерков "Где мой дом", сборники стихов "Мое — Ей" и "В раздвинутой дали", переводы — "Зовы древности", "Книга смиренных Яна Каспровича", "Избранные стихи Ярослава Врхлицкого", а также несколько книг, которые остались неопубликованными. В Париже Бальмонт оставался недолго; продолжительное время он жил в уединении в Бретани, а в 1927 г. переехал в Капбретон на берег Атлантического океана. В 1930 г. вышли его очерки "Соучастие душ". За этой книгой последовали сборники стихов "Северное сияние" (1931), "Голубая подкова" (1937), "Светослужение" (1937). В тридцатые годы вышли его переводы — народные песни "Золотой сноп болгарской поэзии" и полный перевод монументальной поэмы Шота Руставели "Носящий барсову шкуру". Многие стихотворения Бальмонта, печатавшиеся в эмигрантской периодике, остались не включенными в вышедшие при жизни поэта книги.

БАТУРИН Кирилл Викторович (? — 1971, Нью-Йорк). Шанхайский поэт и прозаик. С 1933 г. участник шанхайского литературного объединения "Восток", издавшего два выпуска альманаха "Врата". После "освобождения" Китая попал в Бразилию. Затем жил в США. Печатался в русских дальневосточных изданиях, например в журнале "Понедельник" и в альманахе "Врата". Умер в больнице для неимущих. О нем вспоминает Валерий Перелешин в "Поэме без предмета":

Своим я стал в миреке убогом
и не ищу забав толпы,
но к чужакам и астрологам
тогда влеклись мои стопы.
Один из них — Кирилл Батурин —
был полусвят, полукультурен
и по приемлемой цене
два тома "Врат" сосватал мне.
Питался он лапшой и репой,
буддийский соблюдал закон,
Рамачаракой бредил он,
Вивеканандой, Миларепой:
не ставя "майи" ни во что,
вдыхал об острове Пу-то.

БЕЛАВИНА Нонна (Миклашевская Нонна Сергеевна). Из биографии Н. Белавиной, написанной для настоящего издания: "Родилась в Евпатории в 1915 г., в 1920 г. эвакуировалась с семьей, попав сначала с семьей в Константинополь, а через два года в Югославию. Училась в Мариинском Донском институте, а по окончании — на юридическом факультете Белградского университета (заочно), служа одновременно в городском суде в провинции. Во время войны переехала в Белград и поступила в Русский драматический театр (о чем давно мечтала), где, кроме участия в постановках, вскоре получила должность помощника режиссера. Выехала из Белграда в сентябре 1944 г.

Стихи начала писать рано, печатала в институтском журнале. Сохранились тетради с 1928 г. Позже стала писать больше по-сербски, стихи, рассказы, даже пьесы. Занималась переводами.

В Германии с 1944 г. печаталась в периодических изданиях: "Явь и быль", "Обозрение"... Живя в США, сотрудничала в журнале "Мосты", в "Современнике" (Канада), в журнале "Возрождение" (Париж). Также в альманахе "Перекрестки" (теперь "Встречи"), "Альманахе клуба писателей" и в газете "Новое русское слово". Изданные книги: Синий мир, 1961; Земное счастье, 1966; Утверждение, 1974; Стихи, 1985".

БЕЛОЦВЕТОВ Николай Николаевич (15 мая 1892, Петербург — 12 мая 1950, Мюльгейм). Еще в юности Белоцветов был очарован поэзией Блока. После революции жил в Берлине. Глубоко заинтересовался учением Р. Штейнера. В Берлине вышла его первая книга "Дикий мед" (1930). "Многое в его творчестве, — писал о Белоцветове Юрий Иваск, — может быть объяснено антропософскими медитациями". После прихода Гитлера к власти Белоцветов переехал в Ревель. Здесь готовит свой второй сборник — "Шелест". Книга вышла в Риге в 1936 г. Третий сборник — "Жатва" — издан посмертно. Он был подготовлен к печати женой Белоцветова, которая писала в предисловии: "Ушел из жизни большой поэт. Он пролетал через жизнь... вернее: пролетел... Он пел, как Орфей в преисподней". Его орфизм, как справедливо сказано в предисловии, "рождался из подлинно христианского истока".

БЕМ Ирина Альфредовна (13 февраля 1916, Петроград — 18 июля 1981, Градец-Кралове, Чехословакия). В эмиграции с 1919 г. Отец — известный историк литературы Альфред Людвигович Бем (1886—1945). В начале 1922 г. через Югославию и Польшу семья приехала в Чехословакию и поселилась в Праге. Здесь И. Бем училась в гимназии и затем в Карловом университете на филологическом факультете. Изучала французский, латынь и русскую литературу. Входила в Пражский Скит поэтов, основанный и руководимый ее отцом. В 1943 г. в Праге вышел сборник ее стихотворений "Орфей" (отпечатан на mimeографе в колич. 100 экз.). В 1948 г. переехала в г. Хрудим в Восточной Чехии. Последние двадцать лет жила в Градце-Кралове.

БЕРБЕРОВА Нина Николаевна (8 августа 1901, Петербург — 26 сентября 1993, Филадельфия). Уехала из России вместе с В. Ф. Ходасевичем в июне 1922 г. Жила в Берлине, Италии, Париже, в 1950 г. переехала в США. Преподавала русскую литературу в Йельском и Принстонском университетах. Литературный дебют — в вышедшем в России сборнике "Ушкуйнику" (1922). Печаталась в "Последних новостях", в "Современных записках", была одним из редакторов журнала "Новый дом", а в 1948—1950 гг. — редактором литературного

отдела "Русской мысли". В 1930 г. вышел в Париже ее роман из эмигрантской жизни "Последние и первые", в 1932 г. в Берлине — роман "Повелительница" и в 1938 г. в Париже — роман "Без заката". Отдельными книгами вышли написанные Н. Берберовой в тридцатые годы биографии Чайковского и Бородина. Ее повести, печатавшиеся в "Современных записках" и в "Новом журнале", собраны в книгу "Облегчение участи". Под редакцией Н. Берберовой изданы "Литературные статьи и воспоминания" В. Ходасевича и его же "Собрание стихов". В 1972 г. вышло в свет первое издание теперь уже широко известной автобиографии "Курсив мой". В 1983 г. издана книга о жизни Закревской-Будберг "Железная женщина". Н. Берберова — автор сборников "Из книги "Наше сердце" (1933) и "Стихи" (1984). Ее стихотворения включены в антологии "Якорь", "На Западе", "Муза диаспоры", "Содружество".

БЕРЕЗОВ Родион Михайлович (наст. фам. Акульшин) (1896—1988) — один из самых плодовитых эмигрантских литераторов. Печататься начал в двадцатые годы. Входил в группу "Перевал". Во время войны попал в Германию. После войны печатался в "Гранях" (под псевдонимом Д. Новоселов). Только за годы 1948—1968 издал около двадцати своих книг в стихах и в прозе: "Веруй, надейся и жди" (1948), "Дождь и слезы" (1951), "Далекое сердце" (1952), "Радость" (1953), "Русское сердце" (1954), "Песни души" (1955), "Золотая ракета" (1956), "Пророк" (1957), "Что было" (1958), "Иосиф прекрасный" (1959), "Окно в Евангелие" (1960), "Чудо" (1961), "Иов" (1962), "Красота" (1963), "Вечно живет" (1965), "Звезда" (1966), "Все новое" (1966), "Раздумья" (1968). В книге "Что было" рассказано о так называемой "березовской болезни". Около 1950 г. в США был принят закон о "ди-пи", т. е. о перемещенных лицах. По этому закону добровольно признавшие в том, что солгали под присягой о своем прошлом, и, таким образом, оставшиеся жить в США, не подлежат репатриации. Р. Березов, приехавший в США в 1949 г. и преподававший в военной школе иностранных языков в Монтерее, в ответ на принятый закон признался, что скрыл от властей свое советское гражданство. Тогда иммиграционная служба США потребовала депортации Р. Березова в СССР. За поэта начали ходатайствовать общественные деятели. Перипетии, связанные с березовским делом, названным "березовской болезнью", длились семь лет. В конце концов поэту разрешено было остаться в США. Ряд книг Р. Березова инспирирован его баптистским вероисповеданием. Таковы "Иов", "Окно в Евангелие" и др.

БЕРЛИН Анна (?—1935, Париж). Стихи ее были напечатаны в журнале "Звено", в "Числах", в пятом выпуске "Сборника Союза молодых поэтов и писателей в Париже" (1931), в антологии "Якорь" (1936). Есть сведения, что А. Берлин выпустила в Париже свой сборник стихотворений (разыскать его не удалось).

БИСК Александр Акимович (29 января 1883, Одесса — 3 июня 1973, штат Нью-Йорк) — поэт и переводчик. Стихи начал писать не позднее 1903 г. С 1906 г. жил в Париже. Познакомился с Н. Гумилевым и участвовал в издававшемся им в Париже журнале "Сириус". В 1912 г. А. Биск опубликовал в Петербурге свою первую книгу стихов — "Рассыпанное ожерелье". В 1919 г. вышло в Одессе в переводе Биска собрание стихотворений Рильке. В том же году Биск эмигрировал в Западную Европу. Около 1939 г. он переехал в США. Участвовал в Кружке русских поэтов в Америке. В 1957 и 1959 гг. двумя изданиями

вышло в его переводах "Избранное из Райнер Мария Рильке". В последней книге Биска "Чужое и свое" (1962) собраны как оригинальные стихи поэта, так и переводы из Стефана Георге, Гейне, Гофманшталя, Эредиа, Анри де Ренье, Малларме, Готье, Верхарна и др.

БЛОХ Андрей — автор двух сборников: "Стихотворения" (Париж: Родник) и "Поэмы и стихи" (Париж: Родник, 1929). На первый сборник откликнулись рецензиями Г. Адамович (Звено. 1927. № 6) и Г. Струве (Россия. 1927. 26 октября). На второй появилась рецензия П. Пильского (за подписью П. Тр-в) в газете "Сегодня" (1929. № 164). А. Блох эмигрировал во Францию. Служил во французском Иностранном легионе — вероятно, между 1922 и 1926 гг. Печатался в журналах "Русская мысль", "Перезвоны", "Современные записки", в газетах "Либавское русское слово", "Слово" (Рига). Писал рассказы. Его последняя — известная нам — журнальная публикация относится к 1930 г. Правда, "Всеобщий календарь на 1934 год" напечатал одно стихотворение А. Блоха, но это была, по всей видимости, перепечатка ранее опубликованного стихотворения.

БЛОХ Раиса Ноевна (17 сентября 1899, Петербург — 1943, Германия). Связанные с петербургской поэтической традицией, лучшие стихи Блох отличаются простотой и строгостью формы, благородством тона и психологической насыщенностью. В годы учебы в Петроградском университете специализировалась в области медиевистики. В начале 1920-х Блох эмигрировала в Берлин. В 1928 г. вышел ее первый сборник "Мой город". Блох была участницей Берлинского поэтического кружка, в который входили, в частности, Г. Раевский, С. Прегель, В. Пиотровский, Н. Белоцветов, Ю. Джанумов. В кружке участвовал и муж Раисы Блох, поэт и литературовед Михаил Горлин. По инициативе Блох кружок издал коллективные сборники "Новоселье", "Роща" и "Невод".

В 1933 г. поэтесса переехала в Париж, работала в Парижской национальной библиотеке. В тридцатые годы стихи Блох печатались в лучших эмигрантских журналах ("Современные записки", "Числа" и др.). Ее второй сборник ("Тишина", 1935) привлек внимание ведущих критиков зарубежья. В 1939 г. Р. Блох издала в Брюсселе книгу "Заветы" (в нее вошли также стихи Мирры Бородиной). В 1941 г. Михаил Горлин был арестован нацистами. Блох скрывалась под чужим именем. В ноябре 1943 г. она была схвачена при попытке перейти швейцарскую границу и 20 ноября депортирована в Германию. Сохранилось ее письмо, наудачу выброшенное из вагона и случайно подобранное. Погибла она в концлагере. По инициативе друзей Р. Блох и М. Горлина в 1959 г. была издана книга их избранных стихотворений.

БОБРИНСКОЙ Петр Алексеевич, граф (19 декабря 1893, Петербург — 24 августа 1962, Париж). Учился в петербургской 6-й гимназии, затем в Политехническом институте, закончить который помешала первая мировая война. После прохождения офицерских курсов был направлен в Гвардейскую конную артиллерию. В 1919 г. вступил в Добровольческую армию; с нею же эвакуировался в 1920 г. из Крыма в Константинополь. После недолгого пребывания в Турции поселился в Париже, где и прожил до конца своих дней. До эмиграции издал сборники "Стихи" (1912) и "Пандора" (1915).

Публиковал философские и литературные статьи в русской и французской периодике. В 1929 г. вышла его книга о Григории Сковороде. В 1920—1930 гг. участвовал в парижском поэтическом кружке "Пере-

кресток", вдохновителем которого был В. Ходасевич. В послевоенные годы печатался в журнале "Возрождение". Подготовленная им книга стихотворений напечатана посмертно (Стихи. Париж, 1969). Предисловие написал Г. Адамович, видевший в сборнике Бобринского следы "непрерывного, неподдельного духовного подъема и какого-то прирожденного духовного благородства". Г. Адамович считал Бобринского продолжателем линии Баратынского. Ю. Терапиано находил у Бобринского "неповторимо-личные слова для любовной темы" и умение говорить о своих чувствах с глубокой религиозной настроенностью. "Подобно Баратынскому, — писал Ю. Терапиано, — гр. П. Бобринский был мистиком, интересовавшимся эзотерическим духовным знанием".

БОЖИДАР Николай (Николай Федорович Бернер, 1890, Киев — после 1965). Гимназию окончил в Киеве. В 1909 г. зачислен на юридический факультет Московского университета. Будучи студентом, познакомился с В. Брюсовым и позднее называл его "другом и первым наставником в творческих исканиях". В 1915 г. выпустил в Москве свою первую книжку стихов — "Одиннадцать". Вторая книга — "Осень мира" — вышла в 1922 г. в Киеве. Неоднократно арестовывался, сидел на Соловках и позднее в нескольких тюрьмах. Был выслан в Воронеж и во время оккупации города попал в Австрию (Зальцбург), затем переехал в Германию — в Мюнхен. Жил в лагере для перемещенных лиц (ди-пи). В конце сороковых — начале пятидесятых годов печатался в журнале "Возрождение", в "Новом журнале" и в "Литературном современнике". В шестидесятые годы несколько его стихотворений напечатано в канадском "Современнике" и в антологии "Содружество". Единственный его вышедший в зарубежье сборник стихов — литографированная книжка "След на камне" (Зальцбург, 1955). Последние годы жизни прошли в старческом доме в маленьком провинциальном городке во Франции.

БОЖНЕВ Борис Борисович (24 июля 1898, Ревель — 24 декабря 1969, Марсель). Отец — преподаватель литературы. С 1899 г. семья жила в Петербурге. Эмигрировал в 1919 г. Жил в Париже, служил в нотном магазине, был переписчиком нот. В 1920 г. под его редакцией (совместно с К. Парчевским) вышла в Софии антология "Русская лирика". Осенью 1921 г. его стихи напечатаны в журнале "Русская мысль". Входил вместе с Б. Поплавским, И. Зданевичем и др. в кружок "Через". В 1924 г. стихи Б. Божнева появились в издававшемся в Москве альманахе "Недра". Первый сборник стихотворений Б. Божнева — "Борьба за несуществование" (Париж, 1925). Через два года вышла его маленькая книжка "Фонтан" с подзаголовком "Восемнадцать стихотворений". В 1928 г. редактирует два выпуска альманаха "Стихотворение"; поэзия и поэтическая критика. Отдельной брошюрой издана в 1936 г. в Париже его поэма "Silentium Sociologicum" и в том же году сборник "Альфы с пеною омеги" с подзаголовком "Двадцать семь стихотворений". С 1930 г. до начала войны Б. Божнев жил в Кламаре, с 1939 г. — в Марселе. Писал по-русски и по-французски. В военные годы стихи печатались в нью-йоркском журнале "Новоселье". Другие книги Б. Божнева: "Саннодержавие". Четверостишия о Снеге (Париж, 1939); "Утешенность разрушения". Книга стихотворений (Париж, 1939); "Элегия эллическая" (Париж, 1940); "Оратория для дождя, мужского голоса и тумана" (1948, 90 экз.); "Колокольный звон над Царство Божие внутри нас". Поэма (1948); "Утро после чтения Братьев Карамазовых". Поэма (1948); "Уход солдат на русско-японскую войну". Поэма (1949); "Высоко белеющие строки и свист площади".

(1949). Двухтомное "Собрание стихотворений" Б. Божнева было издано под ред. Л. Флейшмана в США (Беркли, т. 1 — 1987, т. 2 — 1989) с включением всех названных книг, а также стихотворений, не вошедших в прижизненные издания.

БОНГАРТ Сергей Романович (1918, Киев — 1985, Санта-Моника, США) — художник, поэт. Учился в Киевской Академии художеств и еще студентом получил известность как автор картины "Пушкин в Михайловском". В 1943 г. попал в Германию. Печататься начал в 1946 г. в журнале "Грани". В 1947 г. его стихотворения вошли в коллективный сборник "Стихи" (Мюнхен, 1947), в котором вместе с Бонгартом участвовали И. Елагин, В. Гальской, О. Анстей, Н. Кудашев, А. Шишкова и др. В 1949 г. эмигрировал в США. Некоторое время жил в Теннесси и затем до конца жизни в Калифорнии, временами уезжая в штат Айдахо, где Бонгартом была основана художественная школа. Его стихи печатались преимущественно в альманахах "Перекрестки" и "Встречи". Незадолго до своей кончины Бонгарт собирался издать сборник стихов, однако не успел осуществить свой замысел. Бонгарт был прежде всего художник, "русский Коро", как его называли в Америке, талантливый, известный, требовательный преподаватель живописи, открывший свою частную школу, член Американской Академии художеств и Королевского Лондонского общества художников, удостоенный множества наград, премий, медалей. В память о нем его друг поэт Иван Елагин писал:

Мы выросли в годы таких потрясений,
Что целые страны сметали с пути.
А ты нам оставил букеты сирени,
Которым цвести, и цвести, и цвести.

Еще и сегодня убийственно-густо
От взрывов стоит над планетою дым,
И все-таки в доме просторном искусства
Есть место стихам и картинам твоим!

И ты не забудешь на темной дороге,
Как русские сосны качают верхи,
Как русские мальчики спорят о Боге,
Рисуют пейзажи, слагают стихи.

БРАИЛОВСКИЙ Александр Яковлевич (1884, Ростов-на-Дону—?) — поэт, журналист, переводчик. За участие в революции 1905 г. был приговорен к высшей мере. Повешение заменили каторгой. Бежал, участвовал в вооруженном бунте и был второй раз приговорен к повешению. Совершил побег из камеры смертников. Жил в Швейцарии, Италии, Франции. Разочаровался в марксизме и революции и в 1917 г. эмигрировал в Америку — именно тогда, когда революционеры устремились из Америки в Россию. Участник объединения русских писателей в Нью-Йорке, а также изданного этим Объединением в 1942 г. сборника русской зарубежной литературы "Ковчег". До 1955 г. печатался в "Новом журнале", в котором опубликовал, в частности, не издававшуюся ранее поэму М. Волошина "Дом поэта". Пробовал себя и в прозе (напр., в "Ковчеге" напечатан его рассказ "Неугасимая лампада"). В 1943 г. вышла в Нью-Йорке его книга "Из классиков", включившая переводы из Данте, Шекспира, Марло, Леопарди и др. В его переводе издательство им. Чехова опубликовало исторический

роман Онорэ Морроу "Навеки свободны", повествующий о жизни Линкольна. В 1955 г. опубликованы два его поэтических сборника: "Дорогою свободной", куда вошло 48 стихотворений, и тоненькая книжка политических басен и пародий "Временщики в Кремле".

БРАСЛАВСКИЙ Александр Яковлевич (псевдоним А. Булкин). Основал Союз молодых поэтов и писателей в Париже. Печатался в "Воле России", "Числах", "Современных записках". Одно его стихотворение вошло в антологию "Якорь". Издал три поэтических сборника: "Стихотворения" (под псевдонимом А. Булкин), Париж, 1926; "Стихотворения II", Париж, 1929; "Стихотворения III", Париж, 1937. О нем писал в своих мемуарах "Поля Елисейские" Василий Яновский:

"Числился в Париже немолодой уже поэт, избравший себе псевдоним — Булкин! Когда осведомлялись, почему Булкин, он объяснял: — Ну, Пушкин, ну, Булкин, какая разница.

...Был он лысый, с козлиной бородкою, похожий на адвоката или врача времен Аверченко и Санина. Впрочем, он торговал, и успешно, бензином. А в разгар войны проделал чудеса храбрости: добровольцем прошел с отрядами генерала Леклерка от озера Чад в Африке до Триумфальной арки в Париже".

БРИТАН Илья Алексеевич (8 июня 1885, Кишинев — 15 декабря 1942, Париж). Свой жизненный путь И. Британ описал в стихотворении "В семь лет уж не дитя...", вошедшем в книгу "Полдень":

Но скоро злая жизнь зажгла его грехами:
Восславил он разгул, пленил его порок;
Им проклят был Господь, и ночью в темном храме
Рука, сорвавши крест, нажала на курок.
Потом опять и книг, и жутких дум провалы.
В семнадцать он борец за вольность, он — Спартак;
Но скоро дух остыл: земной свободы мало...
"Мир минус Я есть нуль; мой ближний — он мне враг!"

За этим следуют годы "красивого угара", потом путешествия: дважды "обогнул... тюрьму земного шара". Учился в Казанском университете. На тридцатом году жизни ушел в монастырь, провел пять лет в келье.

О чем-то стал учить словами, песней, книгой.
Любя одну Любовь, он встретил дивный лик;
И та пошла за ним, безумцем и расстригой.
И в мудрость Божьих слов впервые он проник...

В двадцатые годы жил в Берлине. Там в 1924 г. вышли его книги "Богу", "С детьми", "Разноцвет", "Ибо — я большевик", "Изгнанники". В 1925 г. был издан его большой поэтический сборник (267 стихотворений) "Полдень", в 1927 г. — мистерия в стихах — "Мария". В начале тридцатых он переезжает во Францию. В 1942 г. был расстрелян немцами как заложник.

БРОДСКАЯ Нина А. Художница, поэтесса. До эмиграции жила в Киеве, в двадцатые годы — в Берлине. Входила в группу русских берлинских поэтов и участвовала в изданиях этого кружка, в коллективных сборниках "Новоселье", "Роща", "Невод". В годы войны жила в Тулузе. В 1968 г. издала свой единственный сборник стихотворений "Напролет".

БУЛИЧ Вера Сергеевна (17 февраля 1898, Петербург — 2 июля 1954, Хельсинки) родилась в семье профессора-лингвиста и историка музыки Сергея Константиновича Булича, бывшего одно время директором Бестужевских курсов. Стихи начала писать в детстве. В 1920 г. вместе с отцом уехала из Петрограда в Финляндию. Работала в славянском отделе университетской библиотеки в Хельсинки, а в послевоенные годы также и в библиотеке общества "Финляндия — СССР". Печататься начала с 1920 г. Ее стихи и проза появляются как в русской эмигрантской периодике, так и в финских и шведских журналах и газетах. В 1927 г. вышла ее книга сказок (на финском языке). Эти же сказки были изданы в 1931 г. в Белграде в двух книгах. Булич — автор поэтических сборников: "Маятник" (Гельсингфорс, 1934), "Пленный ветер" (Таллинн, 1938), "Бурелом" (Хельсинки, 1947) и "Ветви" (Париж, 1954). Стихи Булич вошли в антологии "Якорь", "На Западе", "Муза диаспоры".

БУНИН Иван Алексеевич (22 октября 1870, Воронеж — 8 ноября 1953, Париж). Впервые выступил в печати в 1887 г. — со стихотворением "Над могилой Надсона". Первая книга И. Бунина — "Стихотворения 1887—1891" (1891). Затем последовали книги стихов "Под открытым небом" (1898), "Листопад" (1901), "Новые стихотворения" (1902), "Стихотворения" (1912). За "Листопад" Бунину была присуждена Пушкинская премия. Стихи и прозу Бунин нередко издавал вместе, под одной обложкой. Так было и с книгой, вышедшей в 1900 г. в серии "Библиотека детского чтения", — "Стихи и рассказы". Точно так же проза и стихи включены вместе в первое собрание сочинений Бунина и в книгу "Рассказы и стихотворения 1907—1910", а также в некоторые книги, изданные в эмиграции. Бунин эмигрировал в январе 1920 г. Живя во Франции, он оставался столь же творчески активным, как и в годы жизни в России. Бунин — первый русский писатель, награжденный Нобелевской премией. Присуждена была премия "за строгую художественность, с которой он продолжил традицию русской классической прозы". За рубежом, став всемирно известным писателем-прозаиком, Бунин написал сравнительно немного стихотворений. Его первый зарубежный поэтический сборник — "Роза Иерихона" (1924). В 1929 г. опубликована его книга "Избранные стихи", включившая написанное Буниным как до, так и после отъезда.

Далеко не все написанные им стихотворения И. Бунин включал в свои книги и в завещании подчеркнул, что он против посмертной перепечатки его стихотворений, находимых в старой периодике:

"Умоляю разных литературных гробокопателей не искать и не печатать моих стихов и рассказов, рассеянных по разным газетам и журналам и никогда мною не введенных в издания моих книг: я многое печатал только по той бедности, в которой часто бывал. На счет же того, что введено в издания моих книг, я делаю указания" (Новый журнал. 1961. № 66).

БУРКИН Иван Афанасьевич. Поэт, скульптор, профессор-славист. Род. в Пензе 5 февраля 1919 г. На Запад попал в годы второй мировой войны. С 1951 по 1954 г. учился в Колумбийском университете (Нью-Йорк). Преподавал в Сиракузском университете и в Сан-Францисском колледже русскую литературу и язык. Живет в Редвуд Сити, Калифорния. Стихи начал публиковать в 1938 г. Печатался в "Опытах", "Гранях", "Мостах", "Перекрестках", "Встречах", "Современнике" и др. Его стихотворения вошли в антологии "Муза диаспоры", "Содружество", "Берега". И. Буркин — автор поэтических сборников "Только ты" (1947), "Рукой небрежной" (1972), "Путешествие из черно-

го в белое" (1972), "Заведую словами" (1978), "13-й подвиг" (1978), "Голубое с голубым" (1980), "Луна над Сан-Франциско" (1992).

БУШМАН Ирина Николаевна (урожд. Сидорова-Евсеева, род. в 1921 г. в Царском Селе) — поэт, прозаик, литературовед, критик, переводчица на немецкий язык. На Западе — с сороковых годов. Жила в Берлине, в Кобурге, затем — по настоящее время — в Мюнхене. Печаталась в "Новом русском слове", "Новом журнале", "Свободе", "Литературном современнике", "Голосе зарубежья", "Мостах", "Современнике", "Вестнике Института по изучению СССР", в альманахе "Встречи". В 1964 г. вышла ее книга "Поэтическое искусство Мандельштама"; в том же году — ее перевод на немецкий повести Ф. Абрамова "Вокруг да около". Стихотворения И. Бушман вошли в антологии "На Западе", "Муза диаспоры", "Содружество", "Берега".

ВАДИМОВ Евгений (наст. имя и фам. — Юрий Ипполитович Лисовский, 1879 — 1944, Варшава). Детство прошло в Муроме. Окончил кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Участник первой мировой войны, в 1916 г. он был отправлен в Париж, а оттуда на французский фронт. После революции остался на Западе. В 1920 г. совершил морское путешествие в Сингапур и Бомбей. Вернулся в Европу, жил скитальцем, "не имевшим даже постоянного крова, пристанища", как писал составителю настоящей антологии хорошо знавший поэта Е. Сеницкий (сын поэтессы Волынцевой). Жил в Югославии и в Польше. В 1930 г. переехал в Париж, работал ночным сторожем. В начале тридцатых годов оказался на Волыни. Здесь встречался с А. Кондратьевым, посещал кружок Л. Сеницкой (Волынцевой) в Ровно. "Был общительным человеком с кроткой и умиротворенной душой. Его скудные литературные заработки не портили ему настроения и его теплого отношения к людям. Любил также наше общество — тогда очень еще молодых людей. Сыпал экспромтами... Евг. Вадимов часто появлялся у нас на неделю-другую. По ночам писал, по субботам участвовал в литературных вечерах, устраиваемых Л. Сеницкой, а затем незаметно исчезал... Во время войны связь с ним прервалась. И только после ее окончания я случайно узнал, что сразу же после занятия города Лодзи, где Евг. Вадимов обрел очередной временный приют в местном "Русском доме", он был арестован специальными частями, вылавливавшими всяких "врагов народа". С тех пор он как в воду канул". (Из письма Е. Сеницкого к В. Крейду.)

Евг. Вадимов начал печататься в 1910 г. В эмиграции его стихи публиковались большей частью в местных эмигрантских изданиях — "Славяне и Восток", "Наше время", "Меч", "Воскресное чтение", "Русское слово". Печатался также в парижском "Часовом" и в газете "Россия и славянство". В 1929 г. выпустил в Белграде воспоминания о своих днях в Николаевском кавалерийском училище — "Корнеты и звери". Е. Вадимов — автор поэтических сборников: "К Единому" (1929), "Где-то..." (1930), "Русская культура" и другие избранные стихотворения (1937), "Свете тихий" (1938). Намерен был издать сборник "Русская культура" вторым изданием, однако нам неизвестно, удалось ли Е. Вадимову этот замысел осуществить.

ВЕГА Мария Николаевна (Ланг, Нижерадзе, княгиня, 1898, Петербург — 1980, Ленинград) — поэтесса, прозаик. До революции жила в Петербурге. Там же начала писать стихи. Эмигрировала во Францию. Печаталась в ряде периодических изданий, в том числе в журнале "Для Вас", в газете "За родину", но более всего в послевоенном

парижском журнале "Возрождение". Здесь были опубликованы ее переводы Рильке, роман "Бронзовые часы" и продолжение этого романа "Бродячий ангел". Три ее сборника вышли в Париже: "Полынь" (1933), "Мажор в миноре" (1939), "Лилит" (1955). Отзывы на ее книги писали С. Осокин, Е. Таубер, П. Пильский. В начале шестидесятых годов вернулась в СССР. Жила в Ленинграде.

ВЕЙДЛЕ Владимир Васильевич (13 марта 1895, Петербург — 5 августа 1979, Париж). Писал стихи в молодости, еще до эмиграции. Одно из ранних стихотворений появилось в берлинском сборнике "Завтра" (1923), в котором участвовали М. Кузмин и М. Лозинский. Учился в Петербургском университете (окончил в 1916 г.). В 1921—1924 гг. преподавал в Петрограде историю искусства — в университете и в Институте истории искусств. Летом 1924 г. Вейдле эмигрировал. Жил в Париже. С 1932 г. — профессор Православного богословского института по кафедре истории христианского искусства. К писанию стихов он вернулся после сорокалетнего перерыва в 1965 г. Стихи печатались в антологии "Содружество", в альманахе "Воздушные пути", в "Новом журнале". Эссеист, историк искусства, теоретик стиха, критик, ученый-медиевист, мыслитель-гуманист, он был человеком ренессансного склада. "Другого такого у нас нет и не скоро будет", — писал о нем Ю. Иваск. За свои французские книги он получил звание "Кавалера ордена литературных заслуг". Его книги переведены на английский, испанский и немецкий языки. В последние годы жизни Вейдле стал писать прозу — роман "Вдвоем без друга", повесть "Белое платье", рассказы. Единственный поэтический сборник Вейдле вышел в 1979 г. Его поздние стихи — все об умирании, о любви, о поэзии (напр., "Стихи о стихах" — умный и тонкий образец "определения поэзии"). Стремление к простоте при огромной эрудиции, яркий декор при нарочитой бедности средств, высокая культура вместе с разговорной интонацией — особенности стихотворений Вейдле.

ВЕЛИЧКОВСКАЯ Тамара Антоновна (29 апреля 1908, Одесса — 3 июня 1990, Франция) — поэтесса, прозаик, эссеист, переводчица. Родители увезли ее за границу, когда будущей поэтессе было двенадцать лет. Семья поселилась в Сербии. В предвоенные годы Величковская переехала в Лион, а после войны поселилась в Париже, продолжала, как и раньше в Сербии, занятия живописью и музыкой. У нее собирался литературный кружок, который посещали Н. Ровская, А. Величковский, С. Рафальский, К. Померанцев, В. Доброхотов. Приходили и более известные поэты — Г. Иванов, И. Одоевцева, С. Маковский. Стихи Величковская писала с детства, однако начала печататься в возрасте около сорока лет. Лучшее в ее литературном наследии — поэтические сборники "Белый посох" (1952) и "Цветок и камень" (1981). Поэтесса предстает в своих стихах как восторженный созерцатель природы. Основной эмоциональный тон — нежность, умиление и любовование, ибо природа в понимании Величковской — щедрый Божий подарок, рай на психологическом фоне затаенной горечи. Величковская останется в истории поэзии как певец "райской улыбки небесной бирюзы" и острого восприятия явлений в мире простых радостей.

ВЕЛИЧКОВСКИЙ Анатолий Евгеньевич (14 декабря 1901, Варшава — 2 января 1981, Париж). Отец был преподавателем в юнкерском училище. Детство и юность прошли в Елизаветграде. В 16-летнем возрасте пошел в Добровольческую армию. С 1920 г. жил в Польше, служил управляющим большого имения. Переехал во Францию, рабо-

тал на металлургическом заводе в Канне и ночным шофером такси в Лионе. Во время войны переселился в Париж. Печатать стихи начал в 1947 г. В следующем году его стихотворения были включены в антологию "Эстафета". Его первый поэтический сборник — "Лицом к лицу" (1952) — вышел в известном эмигрантском издательстве "Рифма". Другие его поэтические сборники — "С бору по сосенке" (1974), "О постороннем" (1979) и вышедший посмертно "Нерукотворный свет" (1981). Его творчеству близки поэты "парижской ноты". Сам Величковский говорил о своих книгах: "Ключ к моим стихам — отчаяние. Оно и сделало меня поэтом. Отчаяние — потеря родины, гибель старой России, гибель природы в наш технический век..." Юрий Иваск подчеркивал ту же мысль: "Он чувствовал себя побежденным". Однако Величковский, продолжает Иваск, "находил в себе лирическую силу петь не только о горестях, но и о радостях". В 1950 — 1970-е годы стихи Величковского часто появлялись на страницах журналов ("Грани", "Возрождение", "Современник"), а также в газетах "Русская мысль" и "Новое русское слово". Но чаще всего он печатался в "Новом журнале" — в общей сложности в пятидесяти номерах. В его прозе больше красок, чем в стихах. Рассказы его лаконичны, не без чеховского влияния. Все в них выверено на звук, — это, конечно, проза поэта. В 1972 г. отдельным изданием вышла его повесть "Богатый", но рассказы отдельной книгой не издавались.

ВЕРЕЩАГИН Владимир Алексеевич (1888— после 1968). В Париже в 1955 г. вышла его маленькая книжка (24 коротких стихотворения) "Стихи". Сын некогда популярного писателя А. Верещагина, племянник знаменитого художника, он начал писать рано — еще в годы учебы в Пажеском корпусе. Едва ли не первым слушателем юного поэта был друг отца — историк искусства В. Стасов. В 1913 г. в суворинском издательстве "Новое время" вышла книга В. Верещагина "Стихотворения". В годы гражданской войны он часто бывал в петербургском доме литераторов, где встречался с А. Блоком и Н. Гумилевым. Впрочем, в стихах В. Верещагина вряд ли обнаружим мы следы эстетических веяний серебряного века. Осенью 1922 г. Верещагин эмигрировал. Жил в Париже, стал профессиональным певцом, выступал со своим квартетом. В пятидесятые годы несколько его стихотворений появилось в парижском "Возрождении". Там же печатались его воспоминания. Его превосходная мемуарная книга "Из далекого прошлого" была опубликована, когда ее автору исполнилось восемьдесят лет. Книга Верещагина "Стихи" (1955) — также своего рода мемуарная: это цикл изящных лирических миниатюр, в каждой из которых слышен голос Мнемозины.

ВЕРТИНСКИЙ Александр Николаевич (наст. фам. Сколацкий; 21 марта 1889, Киев — 21 мая 1957, Ленинград). Начинал как артист в Киеве. В 1913 г. с опереточной труппой приехал в Москву. Значительной для него оказалась встреча с футуристами. "...Ходил по Кузнецкому с деревянной ложкой в петлице, с разрисованным лицом, "презирал" все старое... искренне считая себя новатором", — писал Вертинский в воспоминаниях. В тот же период начал сочинять песенки ("Лиловый негр", "Маленький креольчик", "Минуточка"). В 1914 г. добровольно пошел на фронт братом милосердия. После ранения вернулся в Москву. Переехал в Петроград, где на сцене "Павильон де Пари" начался путь Вертинского — прославленного эстрадного певца. В 1920 г. эмигрировал в Константинополь. Переезжает в Бессарабию, затем в Польшу и, наконец, в 1924 г. — во Францию. "Моя Франция

— это один Париж, но зато один Париж — это вся Франция! — так могу сказать я, проживший в этой прекрасной стране почти десять лет" (Вертинский А. Записки русского Пьеро. Нью-Йорк, 1980). В октябре 1934 г. отправился за океан. Пел в Нью-Йорке, Сан-Франциско, затем поселился в Голливуде. В песенном наследии Вертинского не во всех случаях и дапеко не сразу можно отличить его собственные слова от заимствованных, оригинальные тексты от переделок. Он сочинял музыку на слова И. Анненского, Г. Иванова, А. Ахматовой, Н. Гумилева, С. Есенина, Н. Тэффи, В. Кривича, В. Инбер, Ф. Сологуба, И. Северянина, А. Блока, Н. Агнивцева, Н. Грушко и нескольких малоизвестных поэтов (Н. Новикова, Ю. Зубовского, К. Подревского и др.). Последний зарубежный период в жизни кумира эмигрантской эстрады прошел в Китае. В 1943 г. Вертинский вернулся в СССР.

ВИЗИ Мария (Туркова Мария Генриковна; 17 января 1904, Нью-Йорк — 18 октября 1994, Сан-Франциско). Училась в Петрограде. В 1918 г. уехала из России. Жила в Харбине, затем в США, где и получила высшее образование. Работала в Калифорнийском университете. Первый ее сборник — "Стихотворения" — вышел в Харбине в 1929 г.; второй — в 1936 г. в Шанхае ("Стихотворения II"). Третья книга стихов — "Голубая трава" — отпечатана в 1973 г. в Сан-Франциско. Ее стихи вошли в антологию "Содружество" и печатались в "Современнике", "Возрождении", в альманахах "Перекрестки" и "Встречи". Писала стихи на русском и английском языках. Юстина Крузенштерн-Петерек рассказала о поэтессе в своих воспоминаниях "Чураевский питомник": "Стороной, мимо Чураевки, прошла Мария Визи, тоненькая Муся, американка по отцу, русская по матери. С чураевцами у нее было личное знакомство, со многими из них она училась. Семья Муси была известной в городе, отца ее, редактора-издателя единственной в городе американской газеты, знали все. Муся, если бы хотела, легко могла бы поднять вокруг себя шумиху, но она не стремилась ни печататься, ни выступать, "пряталась", и лишь немногим было дано оценить ее певучую чистую лирику. Наконец ее уговорили выпустить книжечку стихов. Книжка вышла в Харбине и быстро была раскуплена. Вторую поэтесса издала уже в Шанхае, и теперь это тоже библиографическая редкость. Потом долгое молчание, и лишь в 1966 г. стихи Марии Визи появляются в сборнике "Содружество" (Возрождение. 1968. № 204).

ВОЛИН Михаил Николаевич (наст. фам. Володченко). Родился в Китае. Жил в Харбине и в Шанхае. Участвовал в кружке "Молодая Чураевка". Участник и издатель коллективного сборника харбинских поэтов "Излучины" (1935). После установления коммунистического режима в Китае уехал в Австралию. Начиная с шестидесятых годов печатался в русских периодических изданиях Западной Европы и Америки ("Грани", "Возрождение", "Новое русское слово", "Новый журнал", "Современник", "Перекрестки"). В журналах печатались также и его рассказы. Автор не менее десяти книг по восточной философии.

ВОЛКОВ Борис Николаевич (1894, Екатеринослав — 1953, Калифорния). Учился в Московском университете. Участвовал в первой мировой войне. Георгиевский кавалер. Участник Белого движения. Уехал из России через монгольскую границу в 1919 г. Скитался по странам Востока. Побывал в Монголии, в Иране, в арабских странах. Жил в Японии и в Китае. Переехал в Калифорнию. Работал портовым грузчиком в Сан-Франциско. Печататься за рубежом начал с 1921 г.

Первая известная нам публикация его стихотворений — в сан-францисском альманахе "Дымный след" (1925). В 1929—1930 гг. печатался в пражском журнале "Вольная Сибирь", в "Калифорнийском сборнике" (1934), чикагском журнале "Москва". В том же году вышла в свет единственная книга стихов Б. Волкова "В пыли чужих дорог". В дальнейшем находим его стихи в калифорнийском сборнике литературы и искусства "Земля Колумба", в шанхайском сборнике "Врата", в парижских "Русских записках", в сан-францисском коллективном сборнике "У Золотых Ворот" и в журнале "Возрождение". В поэзии Б. Волкова сказалось влияние Н. Гумилева. Умер Б. Волков в Калифорнии от травм, полученных в автомобильной аварии.

ВОЛКОВА Мария Вячеславовна (по мужу Энгельбергер; 1902, Усть-Каменогорск — 1983, Германия). Детство и юность прошли, как М. Волкова писала в автобиографии, "у подножия Тянь-Шаня". Некоторое время жила в Петербурге, потом в Сибири и оттуда эмигрировала в Китай. "Жить пришлось все время на отшибе, в глухих уголках, в условиях, не благоприятствующих литературной работе" (автобиографическая заметка в антологии "Содружество"). В 1936 г. вышел в Харбине ее сборник "Песни Родине". Автор предисловия к этой книге П. Н. Краснов писал о поэтессе: "...дочь сибирского казака и уральской казачки... Страшный, неистово лютый, подлинно ледяной поход через всю Сибирь... до Байкала. В нем — ужасная смерть горячо любимого отца, героя колчаковского похода... потеря дочери-первенца. А потом — изгнание, чужбина, бедность, сознание своей неприкаянности". Тема казачества — основная и во втором сборнике М. Волковой "Стихи" (Париж, 1944). После войны печаталась в "Русской мысли", а начиная с 1955 г. ее стихи изредка появлялись в эмигрантских журналах ("Возрождение", "Современник", "Новый журнал").

ВОЛЫНЦЕВА Лидия Эразмовна (в замужестве Сеницкая; ? — 1973, Нью-Йорк). Зная Волынцеву лично ее земляк по Ровно профессор И. С. Михальченко писал в "Краткой биографии": "...родилась в семье, в которой интерес к литературе был традицией, относящейся к половине XVIII столетия. Один из предков поэтессы, профессор Московского университета, ценился как переводчик Горация и античной поэзии, а отец печатал шутливо-нравоучительные басни в русской прессе юга России". Училась в житомирской Мариинской гимназии. После революции жила в отошедшем к Польше городе Ровно. Ее рассказы, пьесы, стихи появлялись в русской печати в Польше ("Наше время", "Русский голос", "Звено", "Меч", "Воскресное чтение" и др.). Стихи Сеницкой вошли в "Сборник русских поэтов в Польше" (1930) и печатались также в "Журнале Содружества" (1936 и 1937). Дом Сеницких в Ровно стал местом встреч русских эмигрантских поэтов. Сюда часто приходил Александр Кондратьев, бывали Евгений Вадимов, Константин Оленин, Иван Кулиш и др. В 1939 г. Л. Волынцева переселилась в Варшаву. Большая часть ее архива сгорела в 1944 г. во время варшавского восстания. После войны поэтесса много переводила с французского и с польского (Верлена, Леконта де Лилля, Асныка, Конопницкую, Стаффа и др.). Ее переводы печатались, в частности, в "Русском голосе" в Лодзи. В 1964 г. переехала в США. Здесь стала подписываться псевдонимом Волынская. Печаталась в "Православной Руси", "Новом журнале", "Наших вестях". В 1975 г. вышел единственный сборник ее стихов — "Ледяные узоры" на который появились несколько отзывов: В. Завалишина в "Н. в лм русском слове", Ю. Крузенштерн-Петерец в "Русской жизни" и др.

ВОРОБЬЕВ Николай Николаевич (наст. фам. Богаевский; 21 ноября 1908, Петербург — 3 июля 1989, Калифорния). Поэт, художник. Родился в казачьей семье. Учился в кадетском корпусе. Эмигрировал с родителями в Египет. Жил в Турции, Югославии, Германии. В 1950 г. эмигрировал в США. На протяжении многих лет преподавал русский язык в Военном институте иностранных языков (Монтерей, Калифорния). Много писал на казачьи темы. Печатался в казачьем журнале "Родимый край" (Париж). В 1965 г. отдельным изданием вышла его "сказ-поэма донской вольности" "Кондратий Булавин"; в 1969 г. — сборник "Стихи о разном" и в 1972 г. — его последняя книга "О человечках с другой планеты", включившая поэмы, стихотворения и переводы из Эмили Дикинсон.

ГАЛЬСКОЙ Владимир Львович (15 марта 1908, Мценский уезд Орловской губернии — 12 июня 1961, Касабланка). В 12-летнем возрасте эвакуировался из Крыма вместе с родителями в Константинополь. Вскоре семья переехала в Югославию, где В. Гальской окончил школу и высшее учебное заведение с дипломом архитектора. Печататься начал, живя в Белграде. Одна из первых, если не самая первая его публикация — в белградском сборнике "Литературная среда". Жил в Бельгии, во Франции, в Германии. В 1947 г. участвовал в первом послевоенном коллективном сборнике русских поэтов за рубежом "Стихи" (Мюнхен, 1947). Печатался в журналах "Грани" и "Возрождение".

ГАНСКИЙ Леонид Иосифович (1905—?) родился в Лодзи. Школьные годы прошли в Киеве. Учился в классической гимназии. Около 1924 г. переехал в Ленинград. В 1926 г. смог уехать во Францию. Жил в Париже, изредка печатал стихи (еще реже прозу) в "Числах", "Современных записках", "Встречах", "Сборниках Союза молодых поэтов", в газете "Возрождение" и в "Журнале Содружества". Его стихи вошли в антологию "Якорь" (1936) и в вашингтонское "Содружество" (1966). Вышло два сборника его стихотворений: "На весу" (отпечатано в парижской типографии Березняка 31 мая 1962 г.) и книга "Слова" (в той же типографии 15 октября 1965 г.).

ГАРДНЕР Вадим Данилович (30 мая 1880, Марко-Вилле под Выборгом — 20 мая 1956, Хельсинки). Отец поэта — Дэниэл Томас Гарднер, инженер. Мать, Екатерина Ивановна Дыхова, писательница, феминистка, уехала в 1870-е годы в США, чтобы получить медицинское образование, и там вышла замуж за инженера Дэниэла Томаса Гарднера. Учился на юридическом факультете Петербургского университета, откуда был исключен за участие в студенческих волнениях 1905 г. После короткого тюремного заключения поступил в Дерптский университет. Во время первой мировой войны был командирован в Англию. В апреле 1919 г. на одном пароходе с Н. Гумилевым вернулся из Англии в Мурманск и затем добрался до Петрограда. В 1921 г. бежал в Финляндию, жил на Карельском перешейке. В конце тридцатых годов переехал в столицу Финляндии. Умер основательно забытый как в России, так и в эмиграции. При жизни В. Гарднера вышло три книги его стихов: "Стихотворения. Сборник 1" (1908), "От жизни к жизни" (1912) и "Под далекими звездами", изданная в Париже в 1929 г., но содержащая стихи, написанные до эмиграции. Живя в Финляндии, Гарднер продолжал писать, однако печатался редко. Через десятилетия после смерти несколько его стихотворений появилось в эмигрантской печати, а в 1990 г. в Хельсинки вышла книга избранной лирики

В. Гарднера — "У Финского залива" (составители Темира Пахмусс и Бен Хеллман), включающая стихотворения из трех сборников поэта и из его архива.

ГЕРШЕЛЬМАН Карл Карлович (1899—21 августа 1951) — поэт, художник, эссеист. Родился в Севастополе в семье военного врача. В 1916 г. окончил кадетский корпус и был принят в Михайловское артиллерийское училище в Петрограде. Участник первой мировой и гражданской войн. После поражения армии Врангеля Гершельман эмигрировал в Турцию. Оттуда после годичного пребывания в Галлиполи переехал в Эстонию. Участвовал вместе с Новосадовым, Иваском, Иртелем, Базилевской в таллинском Цехе поэтов. Служил в эстонском министерстве земледелия чертежником. В 1940 г. бежал из оккупированной Эстонии в Польшу и затем в Германию. Своего поэтического сборника Гершельман не издал. Его стихи печатались в "Нови", в "Журнале Содружества" и вошли в антологию "Якорь", а посмертно были опубликованы в "Новом журнале", "Гранях", антологии "На Западе", в сборнике "Чтец-декламатор" (1962).

ГЕССЕН Евгений Сергеевич (1910 — пропал без вести в Германии во время войны). Сын Сергея Иосифовича Гессена (1887—1951) и внук Иосифа Владимировича Гессена (1866—1943), издателя "Архива русской революции" (Берлин, 1921—1937). Эмигрировал в Берлин, затем переехал в Прагу. Входил вместе с В. Лебедевым, А. Головиной, Э. Чегринцевой, Т. Ратгауз, В. Мансветовым и В. Морковиным в пражский кружок "Скит поэтов". Был истовым поклонником творчества Вяч. Иванова. Печатался в таллиннской "Нови" (1934), в "Журнале Содружества" (1936, 1937), в "Современных записках" (1936) и в сборниках "Скит", издававшихся пражским кружком. Во время войны его стихи были напечатаны в нью-йоркском сборнике русской зарубежной литературы "Ковчег", в антологии "На Западе" (1953).

ГИНГЕР Александр Самсонович (1897—28 августа 1965). Приехал в Париж около 1921 г. Весной 1922 г. вошел вместе с Б. Поплавским, Б. Божневым, С. Шаршуном и В. Парнахом в организованную Д. Кнутом "Палату поэтов". В том же году вышел его первый поэтический сборник — "Свора верных". С 1925 г. участвовал в возникшем в Париже "Союзе молодых поэтов и писателей" и тогда же опубликовал свой второй сборник — "Преданность". В 1926 г. женился на поэтессе Анне Присмановой. Печатался в "Воле России", "Благонамеренном", "Звене", "Современных записках", в альманахе "Круг" и др. Перед началом войны издал свой третий сборник стихотворений — "Жалоба и торжество". Во время войны оставался в Париже. "Его приходили арестовывать четыре раза, — вспоминал Г. Газданов, — и каждый раз совершенно случайно его не было дома". В послевоенные годы он очень редко появлялся в литературных кругах. По словам Ю. Терапиано, он "сознательно отошел в сторону, чтобы уступить дорогу Присмановой. Так или иначе, Гингер сам себя временно обрек на неудачу. Но если говорить о способности сохранять всегда "лица необщее выражение", то путь Гингера все же оказался интереснее многих удач". Его четвертая книга стихов — "Весть" — вышла через восемнадцать лет после издания предыдущего сборника. Перед смертью Гингер издал еще один сборник — "Сердце", включивший 33 стихотворения — все лучшее, на его взгляд, что им было написано. Умер он от мучительной и долгой болезни и завещал похоронить себя по буддийскому обряду.

ГИППИУС Зинаида Николаевна (20 ноября 1869, г. Белев Тульской губ. — 9 сентября 1945, Париж). В 1919 г. вместе с мужем, Д. Мережковским, перешла польскую границу. Около десяти месяцев жила в Польше. Основала здесь газету "Свобода" и выпустила под псевдонимом Антон Кирша свой сборник стихотворений "Походные песни". С 1920 г. постоянно жила в Париже. Публицистика, критические статьи и воспоминания З. Гиппиус печатались во многих зарубежных временных изданиях, особенно часто в "Современных записках". В 1925 г. изданы ее воспоминания "Живые лица", одна из первых мемуарно-литературных книг в эмиграции. Вместе с Мережковским основала общество "Зеленая лампа" — едва ли не самый известный в зарубежье кружок интеллигенции, своеобразный "инкубатор идей". Столь же широкой известностью пользовались и воскресные собрания в квартире Мережковских, представлявшие собой как бы ядро общества "Зеленая лампа". Подлинным событием для эмигрантской литературы стал ее сборник стихотворений "Сияния" (1939). В годы войны она писала книгу "Дмитрий Мережковский", которая осталась неоконченной и была опубликована в 1951 г.

ГЛИНКА Глеб Александрович (1903, Москва — 1989, Монпелье, штат Вермонт, США). Окончил Высший литературно-художественный институт им. В. Я. Брюсова. Впервые выступил в печати в 1925 г. Входил в группу "Перевал". Печатался в "Красной нови", "Новом мире", "Молодой гвардии", "Наших достижениях" и др. В 1920 — 1930-е гг. вышло несколько его книг (стихи для детей, рассказы, повести, очерки). Преподавал в Московском университете и в Литературном институте. В начале войны пошел добровольцем на фронт. Был ранен и взят в плен. После войны жил в Париже, затем переехал в США. В 1954 г. вышла прокомментированная им антология "На перевале". Много печатался в нью-йоркском "Новом журнале". Живя в США, выпустил два сборника стихотворений — "В тени" (1968) и "Было завтра" (1972).

ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ Илья Николаевич (25 апреля 1904, с. Наталино Саратовской губ. — 26 апреля 1969, Москва) — поэт, филолог, специалист по романской филологии, компаративист, писавший о средневековье и Возрождении. Эмигрировал с семьей в Югославию в 1920 г. В 1933 г. защитил в Париже докторскую диссертацию. В мае 1934 г. был избран приват-доцентом Белградского и Загребского университетов. Читал лекции по старсфранцузскому языку и литературе. Преподавал также в белградской гимназии. Единственный поэтический сборник, изданный за рубежом, — "Память" (Париж, 1935). Печатался в "Воле России" (1928), "Сборниках Союза молодых поэтов" (1929, 1939), "Перекрестках" (1930), "Литературной среде" (Белград, 1935), "Журнале Содружества" (1935—1938), в "Русских записках" (1938), "Современных записках" (1929, 1930, 1932, 1933, 1935, 1937), его стихи вошли в антологию "Якорь" (1936). Во время войны участвовал во французском Сопротивлении. После войны принял советское гражданство. В 1953 г. отправился в Москву. Живя в СССР, опубликовал ряд книг: "Итальянское возрождение и славянские литературы XV—XVI веков", "Славянские литературы" (вышла посмертно в 1973), "Жизнь Данте" и др.

ГОЛОВИНА Алла Сергеевна (урожд. баронесса Штейгер, сестра поэта Анатолия Штейгера; 15 июля 1909, Николаевка, Киевской губ. — 2 июля 1987, Брюссель). Отец — предводитель дворянства и член Государственной Думы. В годы революции семья переехала в Одессу,

а в 1920 г. — в Константинополь. Оттуда А. Головина попала в Чехословакию. Вместе со своим братом училась в русской гимназии в Моравской Тршебове. Здесь начала писать стихи и познакомилась с М. Цветаевой. Переписка с Цветаевой продолжалась до 1939 г. Окончив гимназию, училась в Пражском университете. В 1929 г. вышла замуж за скульптора Александра Головина. Печататься начала в 1931 г. в "Воле России". Участвовала в "Ските поэтов" и печаталась в коллективных сборниках, издаваемых этим кружком. В серии книг "Скита" вышел ее первый сборник стихов — "Лебединая карусель". В тридцатые годы переехала в Париж. Печаталась в парижских журналах "Современные записки", "Русские записки", в альманахе "Круг" и др. В начале войны переехала в Швейцарию. В 1955 г. вышла замуж за бельгийца и с того времени жила в Бельгии. Изредка печаталась в эмигрантских изданиях ("Грани", "Новый журнал"). В нью-йоркских "Опытах" были помещены главы из ее романа "Загравский". Второй сборник А. Головиной — "Городской ангел" вышел в Брюсселе в 1989 г.; еще один — в 1990 г. — "Ночные птицы".

ГОЛОХВASTОВ Георгий Владимирович (1882, Ревель — 15 июня 1963, Нью-Йорк). Подробности его биографии до эмиграции неизвестны. Известно лишь, что служил в армии. Приехал в Америку в 1920 г. В 1925 г. вместе с Д. Магулой, Е. Христиани и В. Ильяшенко издал большой коллективный сборник "Из Америки"; в нем около шестидесяти стихотворений Голохвастова. В 1931 г. вышел том его "Полусонетов", включивший триста семистихий. Первым из эмигрантских поэтов к этой форме полусонета пришел В. Ильяшенко. Голохвастов, испытавший влияние Ронсара, Парни, Бодлера "и ясность пушкинского дара", довел этот не утвердившийся в русской поэзии тип стихотворения до степени формального совершенства. В 1936 г. вышла в Нью-Йорке поэма Голохвастова, посвященная В. Ильяшенко, "Гибель Атлантиды" (8 или 9 тысяч стихов). Как и "Полусонеты", была издана тиражом 300 экз. В тридцатые годы Голохвастов печатался в нью-йоркской русской газете "Р. С. Т." (рцы слово твердо). Жил он в Лоукэст-Вэли, на Лонг-Айленде, неподалеку от Нью-Йорка. В 1944 г. его приятель и сотрудник по "Р. С. Т." Б. А. Завалишин издал маленькую книжку Голохвастова "Четыре стихотворения", в которой напечатан также перевод знаменитого "Ворона" Эдгара По. В том же году вышел сборник стихотворений Голохвастова "Жизнь и сны". Многие его произведения остались неизданными, в том числе поэма "Лицо Нарцисса", состоящая из 80 сонетов. Голохвастов был участником Кружка русских поэтов в Америке и изданного кружком коллективного сборника "Четырнадцать".

ГОМОЛИЦКИЙ Лев Николаевич (27 августа 1903, Петербург — 1988, Варшава). Поэт, прозаик, литературовед. В "Сборнике русских поэтов в Польше" (Львиград, 1930) он писал о себе: "Я был еще мальчиком, когда началась революция и мой отец внезапно лишился имущества, почестей и привилегий. Но я бессознательно почувствовал не огорчение утраты, а освобождение от тяготевших уже и надо мною суда и ненависти тех, кто в прежнем мире не были господами положения. С этих пор никакие лишения нищеты и страдания грубого труда и унижения уже не пугали меня, очищающим искуплением за всю среду, в которой прошло мое детство. Став же свободным, я ощутил себя господином своей жизни, и тогда впервые проснулось сознание, что есть настоящая, разумная и вечная жизнь, не вмещающаяся в рамки моего существования. И пришла первая огромная и потряса-

ющая любовь — п. ч. моею первою любовью был — Бог. Она дала мне твердость, оградившую чистоту от чужой злой воли и своих недодуманных поступков, и определила направление всей моей последующей жизни. Это та часть меня, которая м. б. интересна каждому и потому является единственною настоящею биографией. Все же остальное есть только бесконечная вариация человеческой трагикомедии”.

В юности Л. Гомолицкий жил на Волыни. Печатался с 1921 г. В 1931 г. переехал в Варшаву. С 1945 г. — в Лодзи. До начала войны издал девять поэтических книг, в том числе поэму “Варшава”, переведенную на польский. Эту поэму ценил Ю. Тувим, а Г. Адамович писал о ней, что она утомляет “дубоватым пафосом”. В послевоенное время писал по-польски; издал несколько сборников стихотворений и 15 книг прозы. Многие из написанного им в прозе вошло в трехтомное собрание его произведений, изданное в 1976—1978 гг. в Лодзи. Как литературовед, концентрировался на изучении творчества А. Мицкевича и А. С. Пушкина и опубликовал несколько своих литературоведческих книг.

ГОРЛИН Михаил Генрихович (11 июня 1909, Петербург — 1944, концлагерь в Германии). Эмигрировал с родителями в 1919 г. Жил с семьей в Вильно и в Лондоне, а с 1922 г. в Берлине. Учился в Берлинском университете по специальности славянская филология. В 1933 г. защитил диссертацию на тему о русском и немецком романтизме (“Н. Гоголь и Э. Т. А. Гофман”). Участвовал в сборниках русских берлинских поэтов: “Новоселье” (1931 г. — вместе с Джанумовым, Белоцветовым, Р. Блох, Н. Бродской, В. Пиотровским, С. Прегель, Е. Раичем и др.), “Роца” (1932) и “Невод” (1933). С 1933 г. вместе с женой, поэтессой Р. Блох, жил в Париже. Работал в парижском Славянском институте. В 1936 г. в Берлине вышла в свет его книга стихов “Путешествия”. Опубликовал ряд литературоведческих статей на французском, немецком, английском и русском языках. В мае 1941 г. был арестован нацистами и отправлен в концлагерь в Германию. Посмертно (1959) была издана книга “Избранные стихотворения”, куда вошли стихи М. Горлина и Р. Блох, а двумя годами ранее вышел в Париже том, в котором собраны их литературоведческие статьи.

ГОРЯНСКИЙ Валентин Иванович (наст. фам. Сулима-Грудзинский, 1887, Петербург — 26 марта 1949, Париж). Стихи писал с шести лет. Печататься начал в 13-летнем возрасте. Учился во Второй петербургской гимназии. Ранние его стихи появились на страницах “Русского паломника” и “Нивы”. На юного поэта обратил внимание меценат-богач Смирнов, взявший вскоре его под свое покровительство. Вскоре, впрочем, Горянский от этого покровительства отказался, как и от помощи отца, художника-баталиста князя Сулима-Грудзинского. В 1905 г. В. Горянский стал сотрудником газеты “Слово”. В 1913 г. начал печататься в “Сатириконе”. Работал также в суворинской газете “Новь” (Москва). В 1915 г. вышла книга В. Горянского “Крылом по земле”; в 1916 г. — сатирический сборник “Мои дураки”. В 1918 г. уехал в Одессу и в 1920-м эвакуировался в Константинополь. С 1922 по 1926 г. жил в Хорватии, с 1926 г. — в Париже. Работал в редакции газеты “Возрождение” (Париж). Позднее — потеря зрения, которое удалось восстановить через восемь лет полной слепоты. “Какое это было чудо, когда я снова прозрел! — читаем в его предсмертной автобиографической записке. — И как теперь я влюбился в линии и краски и стал ни с того ни с сего — рисовать!” Главное произведение

в наследстве В. Горянского — роман в стихах "Парфандр и Глафира". Книга была издана посмертно в Париже в 1958 г.

ГРОНСКИЙ Николай Павлович (24 июля 1909, Териоки — 21 ноября 1934, Париж). Родился в семье приват-доцента Петербургского университета П. П. Гронского, специалиста в области государственного права. Детство прошло в Петербурге. Каждое лето семья выезжала в Тверскую губернию.

Так, вспоминай, колоколами
Лесных часовень — Китеж грянь! —
Потопленных: я тверитянин,
От твердой кости тверитян.

Отец поэта был членом Государственной Думы от Тверской губернии. Н. Гронский приехал с родителями во Францию в 1920 г. В Париже поступил в русскую школу, по окончании которой — на юридический факультет Парижского университета. В 1932 г. получил диплом бакалавра. В 1933 г. был принят в Брюссельский университет на факультет философии и литературы. Один из наиболее часто встречающихся мотивов в поэзии Гронского — Альпы, куда он в последние годы жизни уезжал каждое лето. Отсюда такие названия его стихотворений, как "Муза горных стран" и "Мадонна скал". Впервые стихи Н. Гронского появились в печати в 1934 г., незадолго до его внезапной гибели (был сбит проходящим поездом метро): три стихотворения были изданы отдельной брошюрой в Каунасе. Посмертно вышла в парижском издательстве "Парабола" большая его книга "Стихи и поэмы", которую подготовил к печати он сам. Поэма "Белладонна" была напечатана в "Последних новостях" (9 декабря 1934 г.) и через 33 года перепечатана в нью-йоркском альманахе "Воздушные пути". Стихи Гронского включены в антологию "На Западе" (1953).

ДЖАНУМОВ Юрий Александрович (1907, Москва — лето 1965, Мюнхен). В 1919 г. вместе с матерью уехал из России. Гимназию окончил в Берлине, жил в бедности, работал чернорабочим. Писать стихи начал в гимназические годы. Вошел в литературный кружок, в котором участвовали жившие тогда в Берлине В. Ходасевич и В. Набоков. Из русских берлинских поэтов в особенности сблизился с М. Горлиным, Р. Блох и В. Пиотровским. Около 1936 г. переехал из Берлина в Ольденбург, там получил работу, которая впервые обеспечивала ему материальный достаток. В 1944 г. попал в Дрезден. Здесь пережил вошедший в историю воздушный налет, в котором погибла невеста Ю. Джанумова. Из Дрездена перебрался в Чехословакию, где был арестован НКВД и просидел год в тюрьме. Незнакомый советский лейтенант, которому Джанумов читал наизусть стихи эмигрантских поэтов, устроил ему побег. Джанумов через Австрию попал в Мюнхен и прожил там почти двадцать лет. Единственная книга стихов вышла посмертно в Мюнхене в 1966 г.

Печататься Джанумов начал, по-видимому, в 1931 г. (в берлинском сборнике "Новоселье" и издававшемся в Берлине и Париже "Ллойд-журнале"). Несколько стихотворений напечатано во втором и третьем сборниках берлинских поэтов "Роща" (1932) и "Невод" (1933). В некоторых стихотворениях тридцатых годов видно влияние Н. Гумилева, хотя Адамович считал, что в них сильнее чувствуется присутствие Бодлера. Стихи Джанумова вошли в "Якорь", первую антологию зарубежной поэзии, изданную в 1936 г. под ред. Г. Адамовича и

М. Кантора. После войны в нью-йоркском "Новом журнале" было напечатано два стихотворения Джанумова, одно из них — памяти погибших друзей, поэтов М. Горлина и Р. Блох. В предисловии к "Стихам" Джанумова Адамович писал: "Немного было в последние десятилетия стихов, где из неведомых далей так явственно веял бы холодок, перед которым человек бессилён".

ДИКСОН Владимир (16 марта 1900 — 17 декабря 1929, Париж) — поэт, прозаик. "Встреча с человеком, отмеченным светом, неизгладима до последней минуты жизни", — писал, вспоминая безвременно ушедшего из жизни Диксона, А. Ремизов. Жизнь Диксона необычна даже на фоне сплошь необыкновенных биографий поэтов-эмигрантов. Его дед со стороны отца — канадец, бабушка — англичанка. Отец поэта американец Уолтэр Фрэнк Диксон приехал в Россию в 1895 г. и работал инженером-строителем в паровозном отделе Сормовских заводов. В 1898 г. он женился на Людмиле Биджевской, дед которой происходил из Польши. Диксон родился в Сормове Нижегородской губернии, с детства говорил на трех языках. Рано начал писать стихи, рано пробудилась в нем страсть к религиозному поиску. В 1917 г. он окончил Подольское реальное училище, а в июле того же года уехал в США. Учился в Массачусетском технологическом институте, который окончил в 1921 г., и еще год — в Гарвардском университете. Служил в американской армии простым солдатом и был переведен в штаб генерала Першинга переводчиком, поскольку свободно владел четырьмя языками. После окончания учебы работал в компании Зингер и в 1923 г. был переведен на работу в той же компании в Париж. С тех пор он жил во Франции. Умер он от эмболии после операции по поводу аппендицита. В гроб ему положили сохранившиеся у кого-то лепестки роз с надгробного венка Блоку и горсть русской земли.

Стихи Диксона исключительно религиозного характера. Писал он и прозу — рассказы и сказки. Первый его поэтический сборник — "Ступени" (Париж, 1924). Через три года был издан сборник "Листья". Посмертно, в 1930 г., в издательстве "Вол", основанном Диксоном, вышла его книга "Стихи и проза" с предисловием А. Ремизова.

ДИМЕР Евгения Александровна. Родилась в 1925 г. в Киеве. В автобиографической заметке для настоящего издания Е. Димер пишет: "...с детства стала проявлять склонность к литературному творчеству. Моим любимым поэтом был Михаил Лермонтов. Военные действия, оторвав меня в 1943 году от родины, занесли через Польшу и Австрию в Италию, где я стала невольным свидетелем высадки союзных войск на острове Эльба и активной партизанской деятельности. Конец войны застал меня в Южном Тироле. Переехав в Германию, где моя мать была врачом в лагере для перемещенных лиц (ди-пи), я поступила в 1945 году на экономический факультет Мюнстерского университета, который окончила в 1949 году, получив степень магистра. В 1951 году эмигрировала в Америку и поселилась в штате Нью-Джерси. Вначале работала продавщицей в пекарне, ассистенткой мага и моделью причесок, а после окончания школы лаборантов — в госпитале. В настоящее время занимаюсь переводами..." Е. Димер много печаталась в эмигрантской периодике — в "Новом русском слове", "Русской жизни", "Современнике", "Встречах", "Новом журнале", "Родных далях", "Мире", "Литературном зарубежье" и др. Писала рассказы, статьи, очерки. Ее стихотворения вошли в ряд альманахов и в антологию поэзии второй эмиграции "Берега". Е. Димер — автор книг "Дальние пристани" (стихи) (1967), "С девятого

вала" (стихи) (1977), "Молчаливая любовь" (рассказы) (1979), "Огляды-
ваясь назад" (воспоминания) (1987). Готовит к печати сборник стихо-
творений "Две судьбы".

ДИТЕРИХС ФОН-ДИТРИХШТЕЙН Владимир Давыдович (1890, Луж-
ский уезд Петербургской губ. — ?). Его первая книга — "Стихотворе-
ния" — вышла в Одессе в 1912 г.; "Блеклый венец" — вторая книга
стихов — в 1914 г. В раннем творчестве заметно влияние звукописи
Бальмонта. Увлекался также Сологубом и Блоком, но символистской
эстетике всегда оставался чужд. Ближе ему был А. Голенищев-Куту-
зов и И. Бунин, которым Фон-Дитрихштейн посвящал свои стихи.
Происходил из старинного дворянского рода, в генеалогическом дре-
ве которого есть крестовосцы. В выборе карьеры пошел по стопам
отца: учился в Петербургском кадетском корпусе, позднее в Никола-
евском кавалерийском училище, служил в лейб-гвардии конно-грена-
дерском полку. В 1916 г. был отправлен на фронт. В 1917 г. вышла его
книга стихов "Тихая свирель". Будучи монархистом, Февральскую
революцию пережил как личную трагедию. Последняя его вышедшая
в России книга — "Кавалерийские кочевья" — включает стихи, напи-
санные в 1916—1917 гг. Во время гражданской войны находился на
юге (Одесса, Геленджик, Нальчик, Севастополь). Эмигрировал осенью
1920 г. Около года прожил в Константинополе, затем с декабря 1921 г.
поселился на севере Франции, где жил более двадцати лет. Годы
старости прошли в глуши, в бельгийской деревне, среди "чужих", по
его собственным словам,

В нашей, чужой нам деревне
Только природа близка.

Дни были заполнены незатейливыми житейскими заботами, про-
гулками в лесу, писанием стихов. Выезжал из деревни редко; в днев-
нике Веры Буниной он упоминается в записи от 18 июня 1946 г.:
"Дитерихс приезжал на полковой праздник. Такой же милый и немного
блаженный человек из ушедшего мира". На Западе он подготовил
поэтические сборники "На зыбких гранях" (Париж, 1922) и "Миражи"
(включающие стихи 1922—1924 гг.). Последняя его книга "Собрание
стихов. 1912—1964" вышла в Брюсселе в 1965 г. Она включает избран-
ные стихи из "Блеклого венца", "Тихой свирели", "Кавалерийских
кочевий", из книг "На зыбких гранях", "Миражи" и "Созвучность"
(1925—1964), которая отдельным изданием не выходила. В журналах
он печатался редко. Последняя журнальная публикация — в канадс-
ком "Современнике" в 1967 г.

ДРЯХЛОВ Валериан Федорович. Родился в Поволжье. В Париж
приехал в начале двадцатых годов. Ю. Иваск называл его "чудакова-
тым поэтом, провозгласившим: "Мне хочется сказать светлейшие сло-
ва". Вспоминая стихи Дряхлова в "Числах", В. Яновский писал: "Среди
поэтов "аутсайдеры" типа Дряхлова, может быть, переживут многих
зарубежных "генералов" от литературы". Дряхлов был участником
многочисленных литературных собраний на Монпарнасе. Вот одно из
впечатлений современника от этих разговоров с участием Дряхлова:
"Такого вдохновенного интереса к новой мысли, такого желания
понять и простить "все" я уже потом не встречал в жизни". Дряхлов
дружил с Б. Поплавским, встречался со многими парижскими поэтами,
увлекался эзотерическими учениями. На жизнь он себе зарабатывал
продажей шарфов и галстуков. Его стихи появлялись на страницах

эмигрантской периодики на протяжении сорока с лишним лет (с конца двадцатых до начала семидесятых). Он печатался в сборниках Союза молодых писателей и поэтов, в "Журнале Содружества", в "Числах"; после войны его стихи были опубликованы в альманахе "Орион", в журнале "Возрождение". Его книга "Проблески" вышла в 1975 г. Есть сведения, что первый свой сборник стихов он выпустил еще до войны (разыскать его не удалось). Неизвестна судьба его второй поэтической книги — "Царица", включившей стихи 1955—1959 гг., так же как и многочисленных его переводов из Гете, Альберта Штеффена и Рудольфа Штейнера.

ДУКЕЛЬСКИЙ Владимир Александрович (10 октября 1903—1968) родился в Пскове; гимназию окончил в Киеве и там же поступил в консерваторию. Эмигрировал в 1920 г. в Константинополь. Вместе с Б. Поплавским основал Константинопольский Цех поэтов. В 1925 г. его балет "Зефир и Флора" был поставлен С. Дягилевым. Написал еще три балета, оперу "Барышня-крестьянка", множество музыкальных комедий и ревю, кантату "Конец Санкт-Петербурга"; писал симфонии, камерную музыку, романсы. В американских журналах было опубликовано более ста его статей о музыке и театре. В музыкальном мире он был известен как Вернон Дюк. Свой жизненный путь Дукельский описал в книге, вышедшей на английском языке, — "Passport to Paris". Другая его английская книга — "Listen Here", сборник эссе о музыке, была издана в Нью-Йорке в 1964 г.

Стихи писал с детства, однако первый сборник ("Послания") вышел в свет, когда автору было 59 лет. Тогда же (1962 г.) издана и вторая книга стихов "Страдания немолодого Вертера". В 1965 г. в Калифорнии издан его сборник "Картинная галерея". Последняя книга В. Дукельского ("Поездка куда-то") была опубликована в год его смерти. Вместе со своими стихами Дукельский включал в поэтические сборники и переводы из английских и американских поэтов — Эзры Паунда, Роберта Фроста, Карла Сандбурга, Дороти Паркер и др.

В шуточном стихотворении, которым открывается его книга "Картинная галерея", находим вполне серьезную самооценку:

Прелюд приветственный пропет.
Вот авторский автопортрет:
Я среди поэтов — композитор,
Среди композиторов — поэт.

ДУРАКОВ Алексей Петрович (1899—1944). Своего сборника стихотворений не издал. Жил в Белграде. Был одним из четырех белградских поэтов, входивших в парижский "Перекресток" (вместе с Е. Таубер, К. Халафовым и И. Голенищевым-Кутузовым). Печатался в "Воле России", "Сборниках стихов", издаваемых Союзом молодых поэтов и писателей в Париже, в "Литературной среде", в "Журнале Содружества".

ЕВАНГУЛОВ Георгий Сергеевич (189?—31 июня 1967, Гамбург) — поэт и прозаик. Почти вся его эмигрантская жизнь прошла в Париже, куда он приехал раньше, чем большинство других русских поэтов-эмигрантов. Его поэтическая книга ("Второе сердце") вышла в 1920 г. в Тифлисе; в следующем году — сборник "Белый духан" (Париж, изд. "Палаты поэтов"). Другие его книги — сборник стихов "Золотой пепел" (Париж, 1925) и роман в стихах "Необыкновенные

приключения Павла Павловича Пупкова в СССР и в эмиграции" (Париж, 1946). В "Золотом пепле" слышатся отголоски интонаций Маяковского. По рассказу мемуариста, жизнерадостный Евангулов, читая свои стихи, выкрикивал их "на манер Маяковского". Стихи и рассказы Евангулова печатались в "Современных записках", "Русских записках", "Звене", "Иллюстрированной России", "Новом журнале", "Мостах", "Современнике". После 1946 г. его книги не издавались. В 1959 г. в "Новом журнале" была напечатана его небольшая поэма "Кентавр".

ЕВСЕЕВ Николай Николаевич (1891, Борисоглебск — 6 февраля 1974). В детстве и в ранней юности жил в Воронежской и Тамбовской губерниях. Окончил с золотой медалью гимназию, а в возрасте двадцати трех лет — юридический факультет Московского университета. Во время первой мировой войны был направлен в Михайловское артиллерийское училище и затем — в действующую армию. Участвовал в гражданской войне. В 1920 г. эвакуировался в Турцию. Писать начал в двадцатые годы в Париже. В тридцатые годы стал одним из инициаторов Казачьего литературного кружка; принимал участие в издаваемом кружком "Казачьем альманахе". Стихи Евсеева печатались в альманахе "Орион", в "Новом журнале", "Возрождении", "Гранях", "Современнике". В парижской газете "Русская мысль" было напечатано около трехсот его стихотворений. "Вечера стихов Николая Евсеева, которые из года в год он устраивал в Париже, — пишет Ю. Терапиано, — неизменно собирали переполненный зал и пользовались большим успехом". В 1963 г. вышла его книга "Дикое поле", в 1965-м — второй сборник стихотворений "Крылатый шум". В последние годы жил под Парижем — в Ганьи в доме для русских пенсионеров. Готовил третий свой сборник, который назвал "Последняя книга". В нее должны были войти стихи, написанные после 1964 г. Книга эта, насколько нам известно, издана не была.

ЕЛАГИН Иван Венедиктович (наст. фам. Матвеев; 1 декабря 1918, Владивосток — 8 февраля 1987, Питтсбург, США). Родился в семье поэта-футуриста Венедикта Марта. Учился в медицинском институте. В 1943 г. вместе со своей женой поэтессой Ольгой Анстей оказался в Германии. Жил в Шлессгейме — лагере для перемещенных лиц. После войны вышли в Мюнхене его сборники стихов "По дороге оттуда" (1947) и "Ты, мое столетие". В 1950 г. эмигрировал в США. Работал в редакции "Нового русского слова", учился в Колумбийском и Нью-Йоркском университетах. В 1953 г. вышла его новая поэтическая книга под тем же названием, что и сборник 1947 г. В 1959 г. были изданы в Мюнхене его "Политические фельетоны в стихах". В 1960-е годы в издании "Нового журнала", где стихи Елагина печатались особенно часто, вышли его сборники "Отсветы ночные" и "Косой полет". В 1970 г. Елагин получил докторскую степень по литературе за перевод большой поэмы Стефана Винсента Бенэ "Тело Джона Брауна", позднее напечатанной отдельной книгой. Около того же времени начал преподавать русскую литературу в Питтсбургском университете (Пенсильвания). В течение жизни Елагина вышло двенадцать его сборников стихотворений. Еще одна поэтическая книга — "Kурган" — вышла посмертно.

ЗАБЕЖИНСКИЙ Григорий Борисович — переводчик, поэт. Впервые выступил в печати со стихами в 1906 г. в "Двухнедельнике литературы и искусства". До революции жил в Москве. Входил в кружок скульптора К. Ф. Крафта, где бывали А. Белый, Эллис, С. Клыч-

ков, с которым у Забежинского установились дружеские отношения и о котором в эмиграции он написал воспоминания. Эмигрировал через румынскую границу. С начала двадцатых годов жил в Берлине. Здесь он открыл свой книжный магазин "Универсальная библиотека". Позднее переехал в Париж. Увлечен масонством, стал "досточтимым мастером" ложи "Свободная Россия". Последние годы жил в США. В эмиграции был известен более как переводчик. В начале двадцатых годов издал книги своих переводов: "Из новой немецкой лирики" (переводы из 17 поэтов), "Смерть Тициана" Гуго фон Гофмансталя и "Песни Билитис" Пьера Луиса. Эту книгу, вышедшую впоследствии вторым и третьим изданием, Забежинский опубликовал под псевдонимом Григорий Борский. Под тем же псевдонимом напечатал в Париже в 1947 г. еще одну книгу своих переводов: "Жизнь и творчество Райнер Мария Рильке. Стихотворные перевоплощения Часослова". Две книги стихотворений Забежинского ("Стихи. Книга первая" и "Стихи. Книга вторая") были опубликованы в Нью-Йорке в 1953 и 1956 гг.

ЗАВАЛИШИН Вячеслав Клавдиевич (род. в 1915 г. в Петрограде; живет в Нью-Йорке). Отец был расстрелян в ежовщину, мать отправлена в концлагерь в Казахстан. Перед началом войны окончил Ленинградский университет. В начале войны попал в плен. Бежал, скрывался под чужим именем, снова попал в плен, подвергался пыткам. После окончания войны остался в Германии. В 1946 г. издал четырехтомник Н. Гумилева, книгу стихов С. Есенина. В том же году вышла его небольшая книга об А. Рублеве. С 1949 г. живет в США. В 1958 г. издана его книга "Ранние советские писатели". Много лет работал над переводом "Центурий" Нострадамуса. Книга вышла двумя изданиями. В 1992 г. издана его книга о Казимире Малевиче. Много печатался в различных периодических изданиях эмиграции. В 1980 г. вышел в свет сборник стихов В. Завалишина "Плеск волны".

ЗАКОВИЧ Борис Григорьевич (род. 8 ноября 1907 г. в Москве). Попал в эмиграцию тринадцатилетним мальчиком. Некоторое время жил в Литве, в 1923 г. переехал в Париж. Первое выступление в печати — в 1930 г. Печатался в "Числах", "Сборнике стихов" (изд. Союза молодых поэтов и писателей), в "Журнале Содружества", альманахе "Круг", в сборнике "Встреча", в "Русских записках", "Новоселье". Его стихи включены в эмигрантские антологии: "Якорь" (1936), "Эстафета" (1948) и "На Западе" (1953). "Дождь идет над Сеной" — первая и единственная его поэтическая книга (57 стихотворений) была издана в Париже в 1984 г. Последняя нам известная его публикация — в филадельфийском альманахе "Встречи" (1990); здесь напечатаны стихи Б. Заковича, датированные 1988 г.

Значительным событием в жизни поэта была дружба с Б. Поплавским, который не раз упоминает Заковича в своих дневниках и которому посвятил свой сборник "Снежный час". Закович входил в кружок "Кочевье" вместе с Б. Поплавским, А. Гингером, Е. Евангуловым, Д. Кобяковым, М. Струве и др. Состоял в парижском Союзе молодых поэтов и писателей. Бывал на "воскресеньях" у Мережковских. Ю. Терапиано в своих воспоминаниях говорит о нем как о "постоянном кадре "воскресений" и собраний общества "Зеленая лампа". Р. Герра, написавший послесловие к книге Б. Заковича "Дождь идет над Сеной", справедливо говорит о нем как об одном из "наиболее парижских" среди всех парижских поэтов и ставит его имя в один ряд с Г. Адамовичем, Б. Поплавским и Л. Червинской. Василий Яновский,

встретившийся с Заковичем в 20-е годы, писал в своих воспоминаниях, что стихи Б. Заковича в "Числах", "может быть, переживут многих зарубежных "генералов" от литературы" (Поля Елисейские. Нью-Йорк, 1983. С. 257).

ЗЛОБИН Владимир Ананьевич (июль 1894, Петербург — 9 декабря 1967, Париж) — автор единственного сборника стихов "После ее смерти" (Париж: Рифма, 1951). В эмиграции имя Злобина известно с двадцатых годов — как поэта и как секретаря Мережковских. Учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Об Октябрьской революции двух мнений никогда, кажется, не имел. В 1920 г. ему удалось перебраться в Варшаву. С 1921 г. жил в Париже, где оставался до конца своих дней, заняв в эмигрантской литературе не очень видное, но весьма определенное место. Эта определенность была следствием его индивидуальности. "...Твердо высказывавший свои взгляды, пунктуально точный во всех литературных делах", — писал о нем Ю. Териано. На поэзии Злобина лежит тень Зинаиды Гиппиус. На личной жизни это влияние сказалось еще резче. О Гиппиус он написал книгу — "Тяжелая душа". Стихи и статьи Злобина печатались во многих эмигрантских журналах ("Современные записки", "Числа", "Новый корабль", "Опыты", "Грани", "Новый журнал" и др.). Его ранние стихотворения, как и написанные в последние шестнадцать лет его жизни, в отдельную книгу им собраны не были.

ИВАНОВ Вячеслав Иванович (28 февраля 1866, Москва — 16 июля 1949, Рим). Начиная с 1905 г., когда после длительного пребывания за границей Вяч. Иванов поселился в Петербурге, он стоял в центре художественных и интеллектуальных исканий эпохи. Его имя неотделимо от истории серебряного века; ему, по словам Н. Гумилева, были "вручены ключи русского символизма". Вяч. Иванов уехал из России в августе 1924 г. Сначала поселился в Риме, затем в Павии, где восемь лет преподавал в университете, а с 1934 г. и до конца своих дней жил в Риме. В эмигрантских изданиях он долгое время печататься не хотел "ввиду данного им в Москве при отъезде обещания, что он будет соблюдать полную политическую нейтральность". Тем временем его произведения публиковались в итальянских, испанских, немецких, французских журналах. Только с 1936 г. его стихи начинают появляться на страницах "Современных записок". В 1939 г. вышла отдельным изданием его поэма "Человек". В 1944 г. Вяч. Иванов пережил подлинный творческий подъем, результатом которого были 118 стихотворений, объединенных в "Римский дневник".

ИВАНОВ Георгий Владимирович (10 ноября 1894, Ковенская губерния — 27 августа 1958, Иер, Франция). Г. Иванов обладал многосторонним литературным талантом. После него остались стихи, переводы, роман, рассказы, мемуары, очерки, статьи, рецензии, художественное исследование о жизни последнего императора. Как поэт Г. Иванов начинал свой путь в золотую пору серебряного века. До эмиграции было издано шесть его поэтических сборников. С осени 1922 г. Г. Иванов жил в Берлине, в следующем году переехал во Францию. Здесь он вступил в новую полосу своего поэтического творчества. В 1928 г. вышла первая книга прозы — беллетризованные воспоминания "Петербургские зимы". Затем был написан роман "Третий Рим", героем которого явился имперский Петербург перед революционной катастрофой. В "Розах" (1931) — первом эмигрантском сборнике стихов — смерть является настойчивой, почти навязчивой

темой. От петербургского периода творчества сохранился лишь романтизм, прозвучавший теперь в более высокой октаве. Через шесть лет вышло "Отплытие на остров Цитеру", книга пронзительного минорного лиризма и совершенного мастерства. Чувство непрочности всего существующего наиболее драматическим образом отразилось в его "Распаде атома". Эта книга вышла в Париже вскоре после опубликования "Отплытия".

Следующая книга вышла через двенадцать лет ("Портрет без сходства"). Здесь с особенной убедительностью показано, что поэтическое творчество для Г. Иванова — акт не предусмотренный, не планируемый. Это вспышка, всплеск сознания, роза, волшебной падающая из эфира. Начиная с того времени полюса его поэзии — фатальная энтропия и космический лиризм. В "Портрете" находим стихотворения, которые впоследствии Г. Иванов определил как "дневниковые". Еще больше таких стихотворений в последнем сборнике, вышедшем в 1958 г. (посмертно). Сияние, которое всегда было сверхтемой его поэзии, все чаще покрывается "пеплом". Но связь с искусством осознается по-прежнему на большой глубине.

Слепой Гомер и нынешний поэт,
Безвестный, обездоленный изгнаньем,
Хранят один — неугасимый — свет,
Владеют тем же драгоценным знаньем.

ИВАСК Юрий Павлович (14 сентября 1907, Москва — 13 февраля 1986, Эмхёрст, США). В эмиграции с 1920 г. Жил в Эстонии. Окончил юридический факультет Тартуского университета. Сборник стихов "Северный берег" вышел в 1938 г. в Варшаве. Через пятнадцать лет издана его вторая поэтическая книга — "Царская осень". Тогда же была опубликована хорошо известная любителям поэзии зарубежья антология Ю. Иваска "На Западе". В это время Ю. Иваск жил в США и писал докторскую диссертацию о П. Вяземском, которую защитил в 1954 г. в Гарвардском университете. С тех пор началась преподавательская деятельность Ю. Иваска, длившаяся более тридцати лет. В 1955—1958 гг. он был редактором нью-йоркского литературного журнала "Опыты". Вышло девять номеров, которые остались, как и антология "На Западе", ценнейшим источником по истории эмигрантской литературы. Поэтические книги Ю. Иваска — "Хвала", "Золушка" и "Играющий человек" вышли в свет соответственно в 1967, 1970 и 1973 гг. В 1974 г. была опубликована его монография "Константин Леонтьев". Значительное число статей и рецензий Ю. Иваска напечатано на протяжении десятилетий в целом ряде русских периодических изданий Европы и Америки. Ю. Иваск подготовил также издания книг В. Розанова, Г. Федотова.

ИЛЬИНСКИЙ Олег Павлович (родился в 1932 г. в Москве). Во время войны попал в Германию. Жил в Мюнхене, где окончил гимназию и учился в университете и в школе иностранных языков. С 1956 г. — в США. Окончил в Нью-Йорке колледж. В 1970 г. защитил докторскую диссертацию по специальности русская литература. Живет в Нью-Йорке. Первая публикация — в 1950 г. С тех пор его стихи и литературоведческие статьи печатались во многих периодических изданиях русского зарубежья. Стихотворения О. Ильинского включены в антологии "На Западе", "Муза диаспоры", "Содружество", "Берега". О. Ильинский — автор пяти поэтических сборников — все под названием "Стихи" (1960, 1962, 1966, 1976, 1981).

ИЛЬЯШЕНКО Владимир Степанович (15 мая 1887 — 20 ноября 1970). Родился в Екатеринославской губернии в помещичьем имении Афанасьевка. Учился в Александровском лицее, по окончании которого поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Получил служебное назначение в Вашингтон. Революция его застала в США. По инициативе Ильяшенко был издан первый коллективный сборник русско-американских поэтов "Из Америки". Книга вышла в свет в конце 1924 г. (на титульном листе — 1925 г.); в ней вместе с Ильяшенко приняли участие Г. Голохвастов, Д. Магула и Е. Христиани. Участвовал в Кружке русских поэтов в Америке, а также в сборнике "Четырнадцать", изданном этим кружком в 1949 г. Стихи Ильяшенко вошли в антологию "Содружество". Печатался в нескольких малоизвестных периодических изданиях, а в послевоенные годы — в "Новом журнале" и в "Возрождении". Продолжал изучение Фета, о котором еще до революции опубликовал под псевдонимом В. С. Федина свою работу "А. А. Фет (Шеншин). Материалы к характеристике". Увлекался так называемыми "твердыми формами"; едва ли не первым ввел в русское стихосложение форму полусонета. Писал стихи и на французском языке. Тяжело больной, парализованный, он застрелился на 84-м году жизни в доме для престарелых в Нью-Йорке.

КАНТОР Михаил Львович (1884—1970) — литературный критик, составитель (вместе с Г. Адамовичем) "Якоря" — первой антологии эмигрантской поэзии; редактор журналов "Звено" и "Встречи", издававшихся в Париже. Как поэт он стал известен только в 1968 г., когда выпустил свой единственный поэтический сборник. О том, что он писал стихи, вряд ли знал кто-нибудь из его многочисленных литературных знакомых. "Не часто случается, — писал знавший его лично Евгений Винавер, — чтобы поэт с такой настойчивостью стремился отойти в тень и в такой мере достиг своей цели. Большинство пишущих ведь нетерпеливо ждет признания. Кантор, наоборот, склонен был продлить ожидание чуть ли не до бесконечности". Друг Кантора и его сотрудник по "Якорю", "Звену", "Встречам" — Георгий Адамович в 1968 г. писал о "Стихах" Кантора как о книге в своем роде редкостной. "Трудно представить себе стихи менее "словесные", чем те, которые в ней собраны". Живя в эмиграции, Кантор много печатался в журналах, причем в таких читаемых и почитаемых, как "Числа", "Встречи", "Опыты", однако биографические сведения об авторе этих статей и рецензий (о Бунине, Розанове, Набокове, К. Мочульском и др.) довольно ограничены. До революции он получил юридическое образование, рано уехал в эмиграцию, поселился в Берлине. С 1923 г. работал консультантом в одной из парижских адвокатских контор. Одновременно работал секретарем редакции газеты, а затем и журнала "Звено", а с 1926 г. стал его редактором. Г. Струве, познакомившись с архивом Кантора, предполагал, что инициатива издания знаменитой антологии "Якорь" исходила, по-видимому, именно от Кантора.

КАСИМ Андрей (Андрей Иванович Альтаментов; 1891, Саратов — 18 июня 1956, Нью-Йорк). По специальности — инженер-текстильщик. Участник второй мировой войны. В 1942 г. был взят в плен. После войны попал в Мюнхен в лагерь для перемещенных лиц. Печатался в мюнхенском журнале "Обозрение" под псевдонимом Уральцев. В 1951 г. приехал в Нью-Йорк. Работал на спичечной фабрике. Своего сборника А. Касим не издал. Его стихотворения находим в вышедшем в 1947 г. (Мюнхен) коллективном сборнике "Стихи", в "Гранях", "Литературном современнике", в антологиях "На Западе" и "Берега".

КЕЛЬБЕРИН Лазарь Израилевич (23 ноября 1907, Киев — 28 декабря 1975, Париж). До войны жил в Париже. Участвовал в собраниях "Зеленой лампы". Постоянно бывал на вечерах "Круга". Его стихи печатались в "Сборниках стихов" Союза молодых поэтов, в "Современных записках", "Числах", "Круге", "Русских записках". В 1929 г. вышел в Париже его небольшой сборник стихов "Идол". Писал он также рецензии — на книги Л. Селина, Ю. Мандельштама, А. Бергсона, Ю. Фельзена, М. Цетлина, В. Яновского, М. Ремизова и др. Его стихи вошли в антологии "Якорь" и "На Западе".

КЛЕНОВСКИЙ (Крачковский Дмитрий Иосифович; (24 сентября (6 октября) 1893, Петербург — 26 декабря 1976, Траунштейн, Германия). Родился в семье известного художника-пейзажиста И. Е. Крачковского. "И это последнее во многих отношениях предопределило мой душевный склад, мое развитие и мои интересы", — писал Кленовский в автобиографии. В 1905 г. семья переехала в Петербург. Учился в Николаевской гимназии, где директором был И. Анненский и где учились Н. Гумилев, Вс. Рождественский, Н. Оцуп, Г. Раевский. Часто бывал с отцом за границей. Влияние французской поэзии испытал раньше, нежели познакомился с новейшей поэзией России. Писать стихи начал в детстве. Первый сборник — "Палитра" — вышел в 1917 г. С 1920 г. перестал писать. В 1943 г., оказавшись на Западе, вернулся к литературной работе. В эмиграции вышли его поэтические сборники: "След жизни" (1950), "Навстречу небу" (1952), "Неуловимый спутник" (1956), "Прикосновение" (1959), "Уходящие паруса" (1962), "Разрозненная тайна" (1965), "Стихи" (избранное из шести книг) (1967), "Певучая ноша" (1969), "Почерком поэта" (1971), "Теплый вечер" (1975) и вышедшая посмертно книга "Последнее" (1977), составленная из стихотворений 1975—1976 гг., времени, когда Д. Кленовский ослеп и был тяжело болен.

КНОРРИНГ Ирина Николаевна (в замужестве Софиева; 4 мая 1906, Самарская губ. — 23 января 1943, Париж). Ее поэтическое наследие — три книги (около 140 стихотворений) и ряд стихотворений в периодических изданиях. Лирика Кнорринг — одна из наиболее искренних страниц в истории эмигрантской литературы. Ее творческую манеру можно было бы назвать поэтикой минимализма: дневниковость, документальность, экзистенциальность, отсутствие декоративности и риторики. Детство и отрочество прошли в Харькове. К этому времени относятся ее первые поэтические опыты. Осенью 1920 г. вместе с отцом она эвакуировалась в набитом беженцами трюме военного корабля, шедшего в Константинополь. Поселилась в портовом городе Бизерта (Тунис), здесь окончила школу. В 1924 г. начала печататься (журнал "Студенческие годы"). В 1925 г. переехала в Париж и поступила во Франко-Русский институт. В 1928 г. вышла замуж за поэта Юрия Софиева. В первые годы жизни в Париже часто встречалась на Монпарнасе с русскими поэтами-парижанами. В дальнейшем болезнь удерживала ее от участия в литературных объединениях. Поэтесса жила в бедности, болезнь прогрессировала, и в возрасте 36 лет Кнорринг умерла от диабета. Первая ее книга — "Стихи о себе" (1931). Вторая ("Окна на север") вышла незадолго до начала войны. Сборник "После всего" был опубликован посмертно усилиями отца поэтессы, литератора Н. Н. Кнорринга (1880—1967). О двух полюсах поэзии И. Кнорринг — гармонии и страдании — писал Николай Станюкович.

...О, бесприютная душа! —
Добыча горькая изгнанья,
Как гармонично хороша
Позма твоего страданья.

Здесь слово каждое легло,
Как вздох усталости и боли,
И смерти черное крыло
Сломило бунт ненужной воли.

И ты, в ответ небытию,
Нашла слова, нашла движенья, —
Ты Музу грустную свою
Спасла от жадной пасти тленья.

И покорилась, как никто...
Но кто, скажи, смотрел бесстрашной,
Кто безобразное Ничто
Вселил в свой обиход домашний.

Страшной Жуковского поэм
Очаг, где смерть сидит и вяжет
И улыбнется и совсем
Спокойно что-нибудь расскажет...

Мы непривычны, нам невмочь
Терпеть убийцы голос сладкий,
Но ты в упор смотрела в ночь —
Владела страшною загадкой.

И часто, слушая тебя,
Я содрогался поневоле, —
Тебя мучительно любя
В такой необычайной доле.

КНУТ Довид Миронович (наст. фам. Фихман; 1900, Кишинев — 14 февраля 1955, Тель-Авив). Приехал в Париж в 1920 г. Учился в городе Канны, получил специальность химика. Летом 1922 г. вошел в парижскую группу поэтов "Через", в которой участвовал вместе с Б. Божневым, А. Гингером, Б. Поплавским. Зарабатывал на жизнь, содержа вместе со своими родственниками таверну в Латинском квартале. В 1925 г. вступил в Союз молодых поэтов и писателей, стал деятельным участником этой группы. В том же году вышла его первая книга "Моих тысячелетий". В 1926—1927 гг. был одним из редакторов журнала "Новый дом". В 1928 г. была издана его "Вторая книга стихов". Тогда же образовалось литературное объединение "Перекресток", в парижское отделение которого вошли Д. Кнут, П. Бобринской, Г. Раевский, Ю. Мандельштам, Ю. Терапиано и В. Смоленский. С середины двадцатых и до начала войны стихи Кнута появляются почти во всех значительных эмигрантских изданиях: в "Воле России", "Числах", "Современных записках", "Русских записках", "Благонамеренном", "Новом доме", "Круге", "Встречах", "Звене", в газете "Последние новости", в антологии "Якорь". В тридцатые годы вышло еще два сборника Кнута — "Парижские ночи" (1932), о которых неоднократно писали как о лучшей книге, и "Насущная любовь" (1938). О репутации

поэта в парижских литературных кругах отлично свидетельствует маленькая заметка под заголовком "Вечер Довида Кнута" в "Последних новостях" от 12 октября 1935 г.: "Имя это всем известно. Кнута незачем представлять. Эмиграция выдвинула не много истинных поэтов. Довид Кнут принадлежит среди них к тем, о которых не может быть споров. Искренний, чистый и ясный лиризм привлекает к творчеству Д. Кнута всех, кто любит стихи". В годы оккупации Парижа Кнут и его жена Ариадна Скрябина (дочь композитора) участвовали в еврейской группе движения Сопротивления. А. Скрябина погибла в 1944 г. После войны Кнут написал документальную книгу на французском языке о еврейском Сопротивлении во Франции. В 1949 г. вышла его последняя поэтическая книга "Избранные стихи". После этого он уехал в Израиль, и его связь с русской эмигрантской литературой прервалась.

КОБЯКОВ Дмитрий Юрьевич (1902, Москва — ?). Первый его сборник стихов вышел еще в России. Жил в Париже с 1921 г., до этого — в Белграде. Редактировал сатирический журнал "Ухват". Второй его сборник ("Осколки") вышел в эмиграции в 1921-м. Другие книги: "Керамика. Тринадцать вещей 24-го года" (Париж, 1925); "Вешняк" (Париж, 1926); "Горечь", стихи 1925—1926 гг. (Париж, 1927); "Чаша" (Париж, 1936). В тридцатые годы было объявлено о публикации его романа "Представление продолжается". Неизвестно, был ли когда-нибудь этот роман опубликован.

КОЛОСОВА Марианна Ивановна (псевдонимы: Джунга, Елена Инсарова, 26 мая 1903 — 6 октября 1964, Сантьяго, Чили). Дочь священника, убитого "воинствующими безбожниками". Родилась на Алтае (возможно, в Барнауле). Автор поэтических сборников "Армия песен", "Господи, спаси Россию!", "Не покорюсь!". Книга третья (Харбин, 1932), "На звон мечей..." (Харбин, 1934), "Медный гул" (Шанхай, 1937). Ее стихи печатались в харбинском журнале "Рубеж", в сборнике "Парус", в газете "Русское слово". Была связана с Чураевкой (литературным кружком в Харбине). Писала множество патриотических стихов — ее называли "бардом Белой армии". "Ее отталкивали вообще все "левые", — вспоминала Ю. Крузенштерн-Петерец, — и поэтому свои политические симпатии она перенесла на русских фашистов... на крошечную горсточку, оставшуюся около А. Покровского, первого "зачинателя" русского фашизма в Харбине". Японцы выселили ее из Харбина в Шанхай. Зарабатывала на жизнь, держа вместе с Покровским платную русскую библиотеку. После войны эвакуировалась на Филиппины и оттуда переехала в Чили.

КОНДРАТЬЕВ Александр Алексеевич (24 мая, Петербург 1876 — 26 мая 1967, Наяк, штат Нью-Йорк). Родился в семье директора Государственной типографии. Гимназическим учителем будущего поэта был И. Анненский. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Служил в Министерстве путей сообщения, а позднее делопроизводителем в Государственной Думе (до января 1918 г.). Зимой 1918 г. уехал в Крым, оттуда на Волынь, которая в 1920 г. отошла к Польше. До конца 1939 г. жил в селе Дорогобуж неподалеку от г. Ровно. Позднее в одном из своих писем он иронически заметил, что не он уехал из России, а Россия уехала от него. В 1939 г. в усадьбу, в которой Кондратьев прожил девятнадцать лет, ворвались "освободители". Взяв с собой несколько записных книжек со стихами, Кондратьев ушел пешком в Ровно, а оттуда — на Запад. Последовали годы

скитаний, лагерь для перемещенных лиц в Триесте, старческий дом "Пеликан" в Швейцарии, переезд в Америку.

До революции Кондратьев печатался в лучших русских журналах ("Русская мысль", "Весы", "Аполлон" и др.). Вышло восемь его книг, в том числе два поэтических сборника: "Стихи" (1905) и "Черная Венера" (1909). Другие его книги — роман "Сатиресса", сборники рассказов "Белый козел" и "Улыбка Ашеры", монография об А. К. Толстом. Живя в эмиграции, Кондратьев издал две книги, обе связанные с его глубоким интересом к славянским древностям: демонологический роман "На берегах Ярыни" (1930) и книгу сонетов "Славянские боги" (1936). Посмертно вышла его повесть "Сны" (Новый журнал. 1990. Июнь. № 179) и ранее не печатавшийся сборник его стихотворений "Закат" (изд. "Антиквариат", 1990, под ред. и с комментариями В. Крейда).

КОРВИН-ПИОТРОВСКИЙ Владимир Львович (1891, Белая Церковь — 2 февраля 1966, Лос-Анджелес). Участвовал в гражданской войне и в 1920 г. эмигрировал в Польшу. В том же году переехал в Берлин. Встретивший его в ту пору Роман Гуль позднее вспоминал о поэте, любившем "поговорить о древности рода Корвиных, напомнить о венгерском короле Матвее Корвине (1458) и о "правах" его, Владимира Корвина, на венгерский престол". Живя в Берлине, печатался в многочисленных в ту пору эмигрантских газетах и журналах. Руководил поэтическим отделом в журнале "Сполохи". Первый его сборник стихотворений — "Полынь и звезды" — вышел в 1923 г. Через несколько месяцев издана была книга поэм "Святогор-скит", а в 1925 г. — сборник "Каменная любовь". В 1929 г. вышла книга драматических поэм "Беатриче". В 1939 г. переехал в Париж. Участвовал в движении Сопротивления, был арестован, около года сидел в нацистской тюрьме. После войны стал, как и Ладинский, Вадим Андреев, Софиев и некоторые другие, "советским патриотом", печатался в просоветских изданиях, поговаривал о возвращении на родину. В итоге — переехал в США. Жил в Лос-Анджелесе, много печатался в "Новом журнале". В послевоенные годы вышли две его поэтические книги — "Воздушный змей" (1950) и "Поражение" (1960). Умер он от болезни сердца в Калифорнии. Посмертно вышло в 1968—1969 гг. двухтомное собрание его произведений (стихи, поэмы, драматические поэмы, критические статьи).

КОРОСТОВЕЦ Мария Павловна. Дочь российского консула в Монголии синолога-лексикографа Попова. Жила в Пекине и в Шанхае. Участвовала в шанхайском кружке "Пятница" (вместе с Л. Андерсен, В. Перелешиним, Н. Петерец, Ю. Крузенштерн-Петерец, Л. Хаиндровой, Н. Щеголевым и др.). В пятидесятые годы уехала в Австралию. Участвовала в "Острове" (1946) — "лучшем, — по словам В. Перелешина, — сборнике стихов разных авторов, когда-либо изданном русской эмиграцией на Дальнем Востоке".

КОСАТКИН-РОСТОВСКИЙ Федор Николаевич, князь (1 ноября 1875, Петербург — 22 июля 1940 в деревне Сен-При в 25 км от Парижа). Принадлежал к древнему роду, ведущему происхождение от св. Владимира и св. Ольги и от Всеволода Большое Гнездо. В роду Ростовских — семь святых. В 1895 г. окончил Пажеский корпус, служил в лейб-гвардии Семеновском полку. Входил в кружок "Вечера Случевского". Участник первой мировой войны. Был ранен и четыре раза контужен. Октябрьский переворот застал его в Нижнем Новгороде. За

чтение стихотворения "Грузчики" об офицерах, работавших после большевистского переворота в грузинской артели на Николаевском вокзале, его должны были арестовать. Бежал из Нижнего Новгорода в Воронеж. В поезде узнал о расстреле большевиками матери и сестры. Сформировал в Новороссийске сводно-гвардейский полк. В 1920 г. эвакуировался из Крыма в Сербию. Работал учителем в гимназии. В 1923 г. переехал в Париж. Вместе со своей женой, артисткой Малого театра, основал в Париже "Интимный театр", где ими были поставлены 135 пьес. Служил в страховом обществе. Последний год жил на вилле около Парижа, где вместе с женой, без зарплаты, только за кров и стол, обслуживал сорок несчастных детей — калек, паралитиков и дебилов. Первая его книга "Стихотворения" — по любым меркам большой для сборника стихов том: около 350 стр. — была издана в 1899 г. Последняя его доэмигрантская книга — "Голгофа России" — вышла в 1919 г. в Ростове-на-Дону. Всего им было написано девять поэтических книг, три сборника рассказов и два сборника драматических произведений.

КРЕЧЕТОВ Сергей Алексеевич (наст. фам. Соколов, 1879, Москва — 1936, Париж). Основатель знаменитого в эпоху серебряного века издательства "Гриф", в котором печатались книги И. Анненского, К. Бальмонта, А. Блока, В. Ходасевича, А. Белого и мн. др. До революции вышли сборники стихов С. Кречетова "Алая книга" (1907) и "Летучий голландец" (1910), а также книга записок с фронтов первой мировой войны — "С железом в руках, с крестом в сердце". На оба ранних сборника написал отзывы А. Блок (см.: Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: Худ. лит., 1962. Т. 5. С. 158, 653). И. Анненский в иронической статье в "Аполлоне" писал об "Алой книге": "Кречетов немножко нервен для барда. Но я люблю неврастеничность и — может быть, даже искреннюю — этих строк "Алой книги"... О, какой это интересный документ, не для Кречетова, конечно... а для всех нас". В эмиграции С. Кречетов основал издательство "Медный всадник", в котором в числе многих других книг зарубежных писателей вышел и единственный стихотворный сборник Кречетова-эмигранта — "Железный перстень". В зарубежье Кречетов вел активную политическую жизнь, был основателем общества "Русская правда". В последние годы он отошел от политической деятельности, занимался изучением истории Византии, писал рассказы о Византии.

КРОТКОВА Христина Павловна (она же Ирманцева и Франкфурт); умерла в 1965 г. Эмигрировала в Прагу, входила в пражский поэтический кружок "Скит поэтов". Печаталась с середины двадцатых годов. Ее стихи появлялись на страницах "Перезвонов", "Своими путями", "Воли России", "Современных записок", "Скита", "Русских записок". В начале войны переехала в США. Жила в Нью-Йорке. Печаталась в нью-йоркских журналах "Новоселье" и "Новый журнал". Ее стихи вошли в антологии "Эстафета" (1948) и "На Западе" (1953). Единственный сборник ее стихотворений — "Белым по черному" — вышел в мае 1951 г. в Париже (на титульном листе местом издания указаны Париж и Нью-Йорк).

КРУЗЕНШТЕРН-ПЕТЕРЕЦ Юстина Владимировна (19 июня 1903, Владивосток — 8 июня 1983, Сан-Матео, Калифорния) — поэтесса, прозаик, журналистка, переводчица. Ее предком по отцовской линии был знаменитый адмирал Иван Федорович Крузенштерн. В начале двадцатых годов с матерью и братом бежала в Харбин. Живя в Хар-

бине, сотрудничала в русской газете "Гун бао". Вышла замуж за поэта и критика Николая Петерца. В конце тридцатых годов переехала в Шанхай. Сотрудничала в ежедневной газете "Шанхайская заря" и в англоязычной "Норс Чайна дейли ньюс", для которой писала по-английски. Нередко писала фельетоны под псевдонимом "Мерри Девл" (т. е. "Веселый бесенок"). Ее единственный поэтический сборник — "Стихи". Напечатан в 1946 г. В том же году с участием Крузенштерн-Петерец выходит большой коллективный сборник "Остров" поэтов — участников шанхайского литературного кружка "Пятница". В конце сороковых Крузенштерн-Петерец издала свой сборник статей "Антигона". Не успев вовремя уехать, несколько лет жила в красном Китае и лишь после продолжительных хлопот ей удалось эмигрировать в Бразилию. В начале шестидесятых переехала в США. Работала на "Голосе Америки". В 1968 г. в парижском журнале "Возрождение" был напечатан ее мемуарный очерк о поэзии "русского Китая". В 1969 г. издала в Канаде книгу рассказов "Улыбка Псиши". Переехала в Сан-Франциско. Позднее 79-летнюю Крузенштерн-Петерец пригласили быть редактором сан-францисской газеты "Русская жизнь". "Маленькая, седовласая старушка с неизменной сигаретой во рту, отчаянно барабанившая на пишущей машинке, — такой вспоминал ее автор некролога, появившегося в декабрьском номере "Нового журнала" за 1983 г. — Ее веселый, а порой и саркастический нрав выявлялся вспышками громкого хохота... Бескорыстие, порядочность, живой ум, острую наблюдательность и интеллектуальную любознательность она пронесла через всю свою жизнь".

КУДАШЕВ Н. В., князь. Родился ок. 1903 г., детство прошло на Украине, на Днепре. "Вырос на песнях о "Варяге" и "Стерегающем" и на рассказах участников обороны Порт-Артура", — писал он в предисловии к сборнику "Тени". Юношей, почти мальчиком, вступил в Добровольческую армию. К тому же времени относятся его первые стихи. Творческие попытки возобновились в Словении, где поэт жил в лагере вместе со своими товарищами по кадетскому корпусу, эвакуировавшемуся с армией Врангеля в ноябре 1920 г. Двадцать лет Кудашев прожил в Югославии, служил пограничником. В 1941 г. поступил добровольцем в русский белый корпус. Был переведен в армию Власова. Попал в плен, а в 1947 г. был арестован за выступления против насильственного возвращения в СССР русских беженцев. В конце сороковых годов перебрался в Америку. Зарабатывал на жизнь физическим трудом. В течение жизни несколько раз утрачивал рукописи, и только выйдя на пенсию, постепенно восстановил некоторые из своих стихотворений. Они-то и составили его единственный сборник "Тени" (Сан-Франциско, 1978). Сам Кудашев в предисловии к "Теням" называет этот сборник "первым и, вероятно, последним".

Юность, такая же как у его дворянских предков, участие в боях и походах, символы русской славы — вот источники его поэзии. Он был из тех немногих, кто мог сказать с непоколебимой искренностью о своем творчестве. "Пусть из этих обрывков моих песен узнают и поймут, как мы любили Родину и жили только думами о ней". Интроспективных строк в его стихах — ни одной, ретроспективных — множество. Ранние стихи романтичны. Зрелые стихи конкретно связаны с биографией. Интересно своими роковыми контрастами стихотворение, посвященное деду-декабристу:

Его и меня за служенье народу
Ждал тот же суровый конец...
Он жаждал свободы — я жертва свободы!
Он сеятель смуты — я жнец!

КУЗНЕЦОВА Галина Николаевна (10 декабря 1900, Киев — 8 февраля 1976, Мюнхен) — прозаик и поэтесса. Эмигрировала в 1920 г. — сначала в Константинополь, затем переехала в Прагу. Училась в Пражском Французском институте. В двадцатых годах переселилась в Париж. С 1927 по 1942 г. жила в семье Буниных в Париже и в Грассе. Об этом периоде жизни и об общении с Буниным Г. Кузнецова написала книгу "Грасский дневник" (Вашингтон, 1967). В 1949 г. переехала в США, в 1956 г. приняла американское гражданство. В течение восьми лет работала в Издательском отделе ООН (в Нью-Йорке и в Женеве).

Печататься начала около 1922 г. Стихи ее появлялись на страницах "Современных записок", "Благонамеренного", "Звена", "Перезвонов", а в послевоенные годы в "Новом журнале" и "Мостах" и вошли в лучшие зарубежные антологии, начиная с "Якоря" (1936). В 1930 г. вышла ее первая книга — сборник рассказов "Утро", в 1933 г. — роман "Пролог", в 1937 г. — ее единственный сборник стихотворений "Оливковый сад".

ЛАДИНСКИЙ Антонин Петрович (31 января 1896, село Общее Поле Псковской губ. — 4 июня 1961, Москва) — поэт, прозаик. Учился на юридическом факультете Петроградского университета. Прервал обучение. Участвовал в первой мировой и в гражданской войнах. В 1920 г. эмигрировал в Египет. Вскоре переселился в Париж. Ранние эмигрантские публикации — в журналах "Звено", "Своими путями", "Воля России" и "Перезвоны". В дальнейшем печатался почти во всех значительных периодических изданиях, альманахах и антологиях. Издал пять поэтических сборников: "Черное и голубое" (1930); "Северное сердце" (1931); "Стихи о Европе" (1937); "Пять чувств" (1939); "Роза и чума" (1950). В эмиграции вышло два его исторических романа (один из римской истории, другой о Древней Руси) и книга "Путешествие в Палестину". В 1946 г. принял советское гражданство. В 1950 г. был выслан из Франции, жил в ГДР, а последние шесть лет жизни — в СССР.

ЛАХМАН Гизелла Сигизмундовна (1895, Киев — 28 октября 1969, Нью-Йорк) — поэтесса, переводчица. Детство в родительской усадьбе на Украине — один из частых мотивов, встречающихся в стихах Лахман. Образование получила в Киеве. В 1919 г. эмигрировала в Германию. В двадцатых годах переехала на постоянное жительство в Швейцарию. Начавшаяся война заставила подумать о новой эмиграции. Осенью 1940 г. приехала в Лисабон и оттуда на пароходе — в США. Жила в Нью-Йорке. Литературный дебют состоялся в "Новом русском слове" в 1944 г. Сблизилась с членами Кружка русских поэтов в Америке и участвовала в издании этим кружком сборника "Четырнадцать" (1949). В 1950—1960-е годы ее стихи и переводы печатались в "Мостах", "Новом журнале" и других периодических изданиях. Несколько ее стихотворений включены в антологию "Содружество" (1966). Два ее сборника — "Пленные слова" (1952) и "Зеркала" (1965) — включают сто стихотворений, а также переводы из Роберта Фроста, Эмили Дикинсон и Эдны Сент-Винсент Миллз. В наследии Лахман преобладают лирические миниатюры с преимущественно простым

ритмическим рисунком. Как и творчество многих других эмигрантских поэтов, творчество Лахман проявилось в русле акмеистической поэтики.

ЛЕБЕДЕВ Вячеслав Михайлович (1896, Воронеж — 6 июля 1969, Прага). Участвовал в гражданской войне. Не позднее 1920 г. эмигрировал в Прагу. Здесь вошел в редколлегию эсеровской газеты "Воля России", закрывшейся в конце 1921 г. Начиная с 1922 г. входит в редколлегию журнала "Воля России". Первая известная публикация — в сборнике "Чтец-декламатор" (1922), хотя есть основания предполагать, что печатался и раньше. В 1923 г. его стихи появляются на страницах пражского журнала "Студенческие годы" и в "Русской мысли"; в 1924 г. — в издававшемся в Болгарии журнале "Зос". Во второй половине двадцатых годов много печатается в "Воле России" (около сорока стихотворений, две поэмы и проза). Сотрудничал также в парижских изданиях "Звено", "Современные записки". В Праге Лебедев получил диплом инженера и работал по специальности. Вошел в кружок "Скит поэтов". В 1929 г. под маркой этого кружка вышел в свет сборник стихов Лебедева "Звездный крен". В тридцатые годы участвовал в коллективных сборниках, издаваемых "Скитом поэтов". После войны печатался редко. В 1959 и 1960 гг. в "Новом журнале" (Нью-Йорк) было опубликовано восемь его стихотворений под псевдонимом Виктор Ляпин и с примечанием от редакции: "Печатаемые ниже стихи получены нами из-за железного занавеса, от поэта, которого там не печатают". Еще 8 стихотворений — на этот раз под настоящей фамилией — появились в 1961 г. на страницах "Мостов". В конце шестидесятых годов В. Лебедев готовил издание своей поэтической книги по-чешски. Неизвестно, удалось ли ему издать эту книгу. Жил он до конца своих дней в Праге, жил в бедности, болел туберкулезом. Похоронен на Виноградском кладбище в Праге.

ЛЕГКАЯ Ираида Ивановна — приводим ее автобиографическую заметку. "Ираида Легкая (девичья фамилия), по первому мужу — Ванделлос (под этой фамилией работала радиожурналистом в "Голосе Америки" с 1963 по 1987 г.), с 1973 года замужем за Борисом Пушкарёвым.

Родилась 1 июля 1932 года в Тартаке, Латвия. С 1936 года по 1944-й семья жила в Риге, в женском монастыре, где отец был настоятелем. Немцы вывезли нас, вместе с другими духовными лицами и их семьями, в Германию. В Судеты, где осела наша группа, пришли советские войска. Все духовенство решило возвращаться в Латвию, и только уговоры советских солдат (с глазу на глаз) изменили это решение, и, под видом возвращающихся на родину западных европейцев, мы бежали через Прагу сперва в английскую зону, а затем в американскую. Из лагеря Ди-Пи в Шлейсгейме, где мы с сестрой учились в русской гимназии, мы переехали в Соединенные Штаты в 1949 году. Я сразу пошла на работу, училась вечерами.

Стихи начала писать в Нью-Йорке. Первая публикация в "Новом журнале", во времена проф. Карповича. Печаталась в нескольких антологиях, в ряде эмигрантских журналов. В 1981 году вместе с группой друзей участвовала в создании поэтического альманаха "Перекрестки", впоследствии превратившегося во "Встречи". Несколько моих переводов американских поэтов передавал "Голос Америки".

Читать, по семейному преданию, я научилась сама, в раннем возрасте. Первым любимым поэтом был Надсон, а за ним Гумилев. Позднее Цветаева, Ахматова, Мандельштам, Хлебников, Рильке.

Говорить о влияниях затрудняюсь. Скорее всего стихи были столкновением между внутренним ритмом и ритмом окружения. Способом выжить. Они не писались, а возникали, иногда просыпалась со стихотворением. Иронические замечания о не новых новшествах и об отсутствии знаков препинания мне всегда казались забавными. Разве во сне бывают точки и запятые? Мне ближе была устная традиция, в которой интонация важнее знаков препинания, но как ее обозначить?"

ЛОПАТТО Михаил. Опубликованы его поэтические сборники "Избыток" (Пг., 1916) и "Круглый стол" (Пг.; Одесса: Изд-во "Омфалос", 1919). В эмиграции жил в Италии, работал гидом. В 1959 г. вышли в Париже его "Стихи", включившие стихотворения 1913—1958 гг.

ЛУРЬЕ Вера Осиповна (21 апреля 1901, Петербург — ?). Отец — врач, мать — из семьи финансиста. Училась в женской гимназии в Петербурге. Неоднократно ездила с родителями за границу (Германия, Швейцария). В 1920—1921 гг. часто посещала Дом искусства, где бывала на выступлениях А. Блока, А. Белого, Е. Замятина, К. Чуковского, Н. Гумилева и др. Посещала занятия в поэтической студии Н. Гумилева. Участвовала в кружке "Звучащая раковина". В 1922 г. в сборнике, изданном этим кружком, были напечатаны стихотворения В. Лурье. В октябре 1921 г. эмигрировала. Около месяца жила в Риге, затем поселилась в Берлине, в период, когда этот город на короткое время стал средоточием русской литературной жизни. Здесь встречалась с А. Ремизовым, В. Ходасевичем и др. и особенно часто с А. Белым. Посещала берлинский Дом искусств, ходила в знаменитое литературное кафе Ландграф. Писала многочисленные рецензии на книги современных русских писателей. Ее статьи, рецензии и стихи печатались в журнале "Новая русская книга", в газетах "Голос России" и "Дни". В дальнейшем продолжала писать стихи с большими перерывами. В 1933 г. ее стихи были напечатаны в сборнике берлинских поэтов — "Невод". В 1938 г. была арестована гестапо, провела два месяца под арестом и внезапно была освобождена в Рождественскую ночь, о чем в пятидесятые годы рассказала в своих воспоминаниях, напечатанных в "Русской мысли". В восьмидесятые годы начала писать стихи по-немецки. В 1987 г. в Берлине вышла ее книга "Стихотворения" (под ред. и с предисловием американского слависта Томаса Р. Бейера).

ЛУЦКИЙ Семен Абрамович. С двадцатых годов жил в Париже. Первая известная публикация в 1926 г. в "Воле России", когда редакция по инициативе Марка Слонима открыла страницы журнала молодым парижским поэтам В. Андрееву, Б. Божневу, А. Гингеру, Д. Кнуту, А. Ладинскому, А. Присмановой, М. Струве, Ю. Терапиано и др. и в том числе С. Луцкому. Он печатался также в журналах "Звено" и "Своими путями" и в альманахе "Стихотворение". Издательство этого альманаха опубликовало в 1929 г. его первый поэтический сборник — "Служение". В 1947 г. его стихи включены в первую послевоенную эмигрантскую антологию — "Эстафета". В послевоенные годы печатался очень редко ("Новоселье", "Новый журнал"). В 1974 г. вышел в Париже сборник стихов С. Луцкого "Одиночество", включающий стихотворения 1925—1973 гг.

ЛЬВОВ Лоллий Иванович (1888—1968). Родился в Москве. В 1915 г. окончил историко-филологический факультет Московского универси-

тета. Печататься начал еще до революции. Эмигрировал не позднее 1921 г. Жил во Франции. Сотрудничал во многих зарубежных изданиях: "Русская мысль", "Литературный современник", "Возрождение", "Вестник института по изучению СССР", в газетах "Слово", "Россия и славянство", "Сегодня". Писал статьи о литературе, рецензии, рассказы, повесть "Смех" (1921). Был одним из организаторов пушкинских юбилейных торжеств 1937 г. Опубликовал книгу "Парижские отклики на смерть Пушкина". В ней рассказывается о том, как была встречена во Франции весть о дуэли и смерти поэта. Во время войны Л. Львов побывал в России в качестве переводчика. С 1945 г. жил в Мюнхене. Л. Львов — автор пяти поэтических книг: "Венок" (1938); "Отъезд в Венецуэлу". Поэма (1939); "Флоренция" (1957); "Странствия" (1958) и "Царица Евдокия Лукьянова из рода Стрешневых" (1958) — поэма, в которой повествуется о Москве XVII в.

ЛЬДОВ Константин Николаевич (наст. фам. Розенблюм, 13 мая 1862—1930-е). Окончил гимназию в Санкт-Петербурге. Печататься начал в 1876 г. Его стихи появлялись на страницах "Нивы", "Нови", "Северного вестника", "Русского богатства", "Задумчивого слова" и во многих других периодических изданиях. Первый сборник "Стихотворения" вышел в 1890 г. Писал романы ("Лицедей", "Саранча", "Пустыня внемет"). В 1901 г. за сборник "Отзвуки души" (1899) К. Льдову присуждена премия имени Пушкина Императорской Академии наук. В 1911 г. вышел его сборник "Без размера и созвучий" (поэмы в прозе). В эмиграции жил в Бельгии. Издал на французском языке книги об А. К. Толстом, о Тютчеве, Фете, Полонском, Герцене, а также два тома своих стихотворений в авторских переводах. В 1926 г. вышел в Брюсселе к пятидесятилетию творческой деятельности К. Льдова его сборник "Против течения".

МАГУЛА Дмитрий Антонович (8 января 1880, Петербург — ?). Детские годы прошли на Урале. Гимназию окончил в Петербурге. Поступил в Горный институт и по завершении высшего образования работал на Монетном дворе и в Горном институте. В 1914 г., когда уже началась мировая война, он был послан Монетным двором в США для закупки оборудования. В начале 1917 г. его командировали в Швецию. Узнав об октябрьском перевороте, он решил не возвращаться в Петербург и в 1918 г. эмигрировал в США. В 1920 г. был направлен российским посольством в Америке с грузом припасов для армии генерала Врангеля и вместе с этой армией эвакуировался из Крыма. В Америке долгие годы работал по специальности горного инженера. Литературные интересы Магулы проявились рано. В возрасте 16 лет он опубликовал в "Журнале иностранной литературы" переводы рассказов Брет Гарта. В том же журнале печатались его переводы романов Герберта Уэллса. В 1925 г. вместе с Голохвастовым, Ильяшенко и Христиани издал в Нью-Йорке коллективный литературный сборник "Из Америки". В этом сборнике напечатано 42 стихотворения Магулы. Свой первый поэтический сборник он подготовил к печати, когда ему исполнилось пятьдесят лет. Книга вышла в Париже в 1931 г. почти одновременно со сборником близкого друга Магулы, поэта Г. Голохвастова. Название этой книги ("Свет вечерний") позднее еще раз встречается в эмигрантской поэзии — у Вяч. Иванова (его посмертная книга стихов, вышедшая в Оксфорде). Второй сборник стихотворений Магулы — "Последние лучи" (Нью-Йорк, 1943). Вместе с Е. Антоновой, А. Биском, Г. Голохвастовым, В. Ильяшенко, Г. Лахман, К. Славиной, М. Чехониным и другими русско-американскими поэтами участвовал

в сборнике "Четырнадцать" (Нью-Йорк, 1949). Последняя книга Магуды вышла в 1963 г. под названием "Fata Morgana".

МАКОВСКИЙ Сергей Константинович (27 августа 1877, Санкт-Петербург — 13 мая 1962, Париж). Отец — знаменитый художник К. Е. Маковский. Первая его поэтическая книга — "Собрание стихов" — опубликована была в 1905 г. Первое выступление в печати — в 1898 г. В 1907 г. Маковский участвовал в создании журнала "Старые годы" и стал одним из его редакторов. В 1909 г. по его инициативе был основан "Аполлон", явившийся центральным феноменом художественной и литературной жизни своего времени. До эмиграции Маковский проявил себя как историк искусства, организатор многих выставок и художественный критик. Его "Страницы художественной критики" в трех книгах (1906, 1908, 1914) были известны любителям искусства во всех уголках России. В эмиграции — с 1920 г. В первой половине двадцатых годов в Праге были изданы его "Силуэты русских художников". За ними последовали "Графика М. В. Добужинского", "Последние итоги живописи", "Народное искусство Прикарпатской Руси". Жил в Праге и затем в Париже, продолжал редакторскую деятельность; в 1926—1932 гг. был одним из редакторов крупной русской газеты "Возрождение"; редактировал журналы "Встреча" и "Дело". А с 1949 г., когда было основано издательство "Рифма", под редакцией Маковского стали выходить небольшие изящные сборники эмигрантских поэтов.

Второй поэтический сборник Маковского издан в 1940 г. В послевоенные годы одна за другой выходят шесть его поэтических книг. Девятый сборник стихов — "Requiem" — издан посмертно в 1963 г. Маковский — автор двух мемуарных книг ("Портреты современников" и "На Парнасе серебряного века"). Его воспоминания многое добавили к нашим знаниям о выдающихся современниках, с которыми Маковский встречался на жизненном пути.

МАМЧЕНКО Виктор Андреевич (1901, Николаев — декабрь 1982). В двадцатилетнем возрасте отправился в Африку. Работал портовым грузчиком в Тунисе, маляром, батрачил на фермах. С 1923 г. жил в Париже. Некоторое время учился на филологическом факультете Сорбонны. Был строительным рабочим, преподавал русский язык, работал корректором. Близко сошелся с Львом Шестовым, Константином Мочульским, Зинаидой Гиппиус. Регулярно посещал "воскресенья" Мережковских. Первый его сборник (рукописный) — "Паузники" (1924). В том же году по инициативе В. Мамченко было основано "Объединение русских поэтов в Париже". Первый напечатанный сборник — "Тяжелые птицы" (1936). Шесть сборников его стихотворений вышли в 1940 — 1970-е гг.: "Звезды в аду", "В потоке света", "Земля и лира", "Певчий час", "Воспитание сердца", "Сон в холодном доме". Ю. Иваск назвал его стихи "беспомощными": "ритмы однообразны, слова случайны, но иногда он договаривается до каких-то ошеломляющих откровений". Вспоминая, как ценили Мамченко выдающиеся русские писатели в Париже, Ю. Терапиано назвал его "одним из интереснейших людей своего поколения".

МАНДЕЛЬШТАМ Юрий Владимирович (8 октября 1908, Москва — осень 1943, нацистский концлагерь). Эмигрировал с родителями в 1920 г. Жил в Париже. Окончил в 1925 г. русскую гимназию и в 1929 г. — филологический факультет в Сорбонне. Первая известная его публикация в № 1 "Сборника Союза поэтов" — издание, в котором он

продолжал печататься и в 1930—1931 гг. С выходом в свет его первой книги стихов "Остров" Ю. Мандельштам вошел в литературные круги зарубежья и стал одним из видных поэтов русского Парижа. Сотрудничал в "Числах", "Современных записках", "Встречах", "Журнале Содружества", "Перекрестках", "Русских записках", в альманахе "Круг" и др. Писал критические статьи и рецензии (в частности, о Б. Поплавском, Д. Мережковском, А. Блоке, Г. Иванове, Л. Зурове, В. Булич). Сборник его статей о литературе и искусстве Европы "Искатели" (этюды) вышел в 1938 г. в Шанхае. Еще раньше были изданы второй и третий сборники стихов — "Верность" (1932) и "Третий час" (1935). Напечатал на французском языке в журнале "Ла ревью де Франс" ряд статей о русских писателях. После кончины В. Ходасевича вел критический отдел в газете "Возрождение". Вся литературная деятельность Ю. Мандельштама длилась около 13 лет. 10 марта 1942 г. он был арестован немецкими оккупационными властями и был отправлен в концлагерь Дранси, позднее в лагерь около Орлеана, затем снова в Дранси и оттуда в Германию. Точная дата и обстоятельства гибели неизвестны. В 1950 г. издательство "Рифма" выпустило его четвертую книгу стихов, над которой он работал в 1937—1941 гг. Стихи Ю. Мандельштама вошли в антологии "Якорь", "На Западе", "Годы", "Муза диаспоры".

МАНСВЕТОВ Владимир Федорович (1904, Енисейск — 1974). Жил в Праге, был связан с пражским литературным кружком "Скит поэтов". Печатался в сборниках этого кружка (1933, 1934, 1937), а также в "Воле России". Стихи В. Мансветова вошли в антологию "Якорь" (1936). В 1940 г. переехал в США. Опубликовал ряд статей в русско-американских изданиях: например, "О советской художественной прозе" — в "Новом журнале" и в сборнике "Ковчег" (Нью-Йорк, 1942) очерк "Неизвестная литература", в котором содержатся ценные сведения для историка эмигрантской поэзии. В дальнейшем выступал с литературно-критическими статьями в "Новом русском слове". Работал на "Голосе Америки", где был редактором отдела культуры.

МАСАИНОВ Алексей Алексеевич. До эмиграции печатался в изданиях эгофутуристов, например, вместе с И. Северяниным, В. Ховиным, Б. Гусманом, А. Толмачевым, М. Струве и др. — в альманахе "Очарованный странник" (1915). Другой петроградский альманах, в котором находим ранние стихи А. Масаинова, — "Винтик", вышедший также в 1915 г. (второй выпуск напечатан в Тифлисе). В "поэзоальманахе" "Мимозы льна" представлено более тридцати стихотворений А. Масаинова и примерно столько же в "Островах очарований" (1917). В эмиграции отдельным изданием вышла его поэма "Лик зверя" (Париж, 1924) и сборник стихотворений (или, по слову автора, — "поэз") "Отходящие корабли" (Париж, 1925). В 1926 и 1927 гг. напечатаны два тома его "Легенд" — "Легенды Океании" и "Легенды острова Мангарева". Несколько стихотворений Масаинова появилось в сан-францисском альманахе "Дымный след" (1925). В это время Масаинов жил в Голливуде.

МАТЬ МАРИЯ (Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, урожденная Пиленко, во втором браке Скобцова, в поздние свои годы известна под именем монахиня Мария и мать Мария; 21 декабря 1891, Рига — 31 марта 1945 в фашистском концлагере). Детство прошло на Кавказе. В 1906 г. переехала с семьей в Петербург. Училась в частных гимназиях Таганцевой и Стаюниной. Бывала на собраниях на "башне"

Вяч. Иванова и в гумилевском Цехе поэтов. В издательстве Цеха вышла ее первая книга "Скифские черепки" (1912). В 1915 г. дебютировала как прозаик — повестью "Юрали". В следующем году выходит ее книга стихов "Руфь", отмеченная концентрированной религиозностью тем и образов. Эмигрировала в Константинополь, откуда уехала в Югославию, а затем во Францию. В Париже опубликовала двухтомник "Жатва духа" (Жития святых) и монографии о Хомякове, Вл. Соловьеве и Достоевском (все в 1929 г.). В 1932 г. приняла монашество. Об этом времени писал Ю. Терапиано: "Готовность матери Марии прийти кому-либо на помощь, наконец, ее живой ум, ее широкое понимание христианства и того, чем в настоящее время должны заниматься христиане, постепенно привлекли к ней симпатии многих поэтов и писателей, которые стали постоянно бывать на собраниях "Православного Дела" и просто у матери Марии". Во время оккупации с необычайной энергией мать Мария помогала бездомным, голодным и гонимым. Вместе с сыном Юрием она была арестована и в концлагере Равенсбрюк, как рассказывает мемуарист, добровольно пошла в газовую камеру вместо какой-то приговоренной к казни женщины. Стихи она писала на протяжении почти всей своей жизни. В тридцатые годы вышел ее сборник "Стихи", изданный под именем монахини Марии. Две книги вышли посмертно в сороковые годы ("Стихотворения, поэмы, мистерии..." и "Стихи").

МОЖАЙСКАЯ Ольга Николаевна (по мужу Емельянова, 1896—?) родилась вне России. Детство прошло в Петербурге. Здесь окончила гимназию. В 1920 г. эмигрировала во Францию. Более пятидесяти лет жила в Париже. Состояла в парижском Союзе русских писателей и журналистов. Изучала испанский, переводила испанских поэтов (в частности, Лорку). Работала преподавательницей русского языка. Вышла замуж за писателя-прозаика Виктора Николаевича Емельянова (1899—1963). Стихи О. Можайской печатались в "Новоселье", "Гранях", "Возрождении", "Опытах", "Мостах", "Новом журнале", "Русской мысли", "Новом русском слове". Несколько стихотворений вошло в антологию "Содружество" (1966). В той же антологии помещена краткая автобиография Можайской, в которой, в частности, говорится, что своего сборника стихов она так и не опубликовала. На самом же деле ее сборник "Разлука и верность" вышел в Париже в 1963 г. Издание было ротаторное, тираж незначительный, и, вероятно, поэтому поэтесса не считала "Разлуку и верность" книгой. На сборник откликнулась Екатерина Таубер (Новый журнал. 1963. № 74). "Хотелось бы, — писала Таубер, — чтобы этот недавно вышедший сборник стихов прочли все любители поэзии... Можайская проходит по жизни не бездумно, многие ее стихотворения — итоги. Во всех ее стихах нет ничего статического... Стихотворение "Автору Свидания Джима" волнует тонким пониманием юности, простодушности, чистоты... Отсутствием равнодушия, горячностью, гневом и горечью отмечены многие стихи поэта. Все стихи в движении, беспокойстве, стремлении, и все они тянутся в запредельное. К "житейскому попечению" Можайская относится высокомерно-презрительно".

МОРШЕН Николай Николаевич (наст. фам. Марченко; род. 8 декабря 1917 г. в Киеве). Окончил физический факультет Киевского университета. В конце войны попал в Германию. В послевоенное время жил в лагере Ди-Пи. С 1950 г. — в США. Преподавал в Военном институте иностранных языков. Живет в г. Монтерее, Калифорния. Печататься начал в конце сороковых годов. Стихотворения Н. Мор-

шена включены в ряд антологий: "На Западе", "Муза диаспоры", "Содружество", "Берега" и др. Н. Моршен — автор трех поэтических сборников: "Тюлень" (1959, второе — репринтное издание — без даты, вероятно, в 1989), "Двоеочие" (1967), "Эхо и зеркало" (1979).

НАБОКОВ Владимир Владимирович (22 апреля 1899, Петербург — 2 июля 1977, Монтрё). В англоязычной литературе его не раз называли гением. "Но я не знаю ни одного русского критика или читателя, — писал Ю. Иваск, — который назвал бы Набокова гением, хотя его изумительный дар был оценен еще в начале 30-х гг." Первую книгу В. Набоков напечатал в 17-летнем возрасте (Стихи. Пг., 1916). Вторая появилась в 1918 г. (*Балашов Андрей и Набоков В. Альманах. Два пути. Стихи*). В 1919 г. В. Набоков эмигрировал. Учился в Кэмбридже. Затем пятнадцать лет жил в Берлине. В тот же период вышли его сборники стихов "Гроздь" и "Горный путь". В 1926 г. опубликовал первый из своих многочисленных романов. В 1937 г. переехал в Париж, в начале войны эмигрировал в США. Живя в Америке, писал на английском языке и переводил классиков русской литературы. До 1959 г. был профессором Корнелльского университета (штат Нью-Йорк). В 1960 г. переехал в Швейцарию. Его стихотворения печатались в эмигрантской периодике и вошли в его поэтические сборники "Стихотворения 1929—1951 гг." (1952) и "Poems and problems" (1970), а также в собрание сочинений.

НАРЦИССОВ Борис Анатольевич (1906, Саратовская губерния — 27 ноября 1982, Вашингтон). Детство Нарциссова прошло в Ямбурге. В 1919 г. семья переехала в Эстонию. Здесь он окончил гимназию и поступил в Тартуский университет на отделение химии. По окончании университета работал в Газозащитной лаборатории Министерства обороны Эстонии. В 1941 г. был отправлен в Эстонский корпус на фронт. Заболел, попал в госпиталь и бежал из госпиталя в Эстонию. Оттуда был отправлен немцами в Тюбинген. В послевоенное время жил в лагере перемещенных лиц около Мюнхена. В январе 1951 г. эмигрировал в Австралию, где прожил два года, работая по специальности, а в марте 1952 г. переехал на постоянное жительство в США. Стихи Нарциссов начал писать, когда учился в гимназии. В студенческие годы стал членом Юрьевского Цеха поэтов. В 1934—1938 гг. участвовал в Таллиннском Цехе поэтов. В тридцатые годы его стихи печатались в таллиннской "Нови" и в парижских "Современных записках". Его первая книга ("Стихи") вышла в 1958 г. в Нью-Йорке. За ней последовали "Голоса" (1961), "Память" (1965), "Подъем" (1969), "Шахматы" (1974), "Звездная птица" (1978). Рассказы, статьи, рецензии, очерки Нарциссова печатались в "Гранях", "Возрождении", "Современнике" и "Новом журнале". Через год после смерти поэта вдова Нарциссова издала его последнюю книгу — "Письмо самому себе". Стихи, рассказы (Нью-Йорк, 1983).

НЕЙ Анна (наст. имя и фам. Жозефина Леонидовна Пастернак, 1900 — 16 февраля 1993, Оксфорд). Сестра Бориса Леонидовича Пастернака. В 1921 г. эмигрировала в Берлин. Переехала в Англию. Жила в Оксфорде. Под именем Анна Ней опубликовала в 1938 г. в Берлине сборник стихотворений "Координаты". В 1972 г. в Мюнхене вышло второе издание этой книги (под настоящей фамилией автора).

НЕЙМИРОК Александр Николаевич (1911, Киев — 1973). Окончил в Югославии Кадетский корпус и Белградский университет (отделение

лесоводства). Печататься начал в тридцатые гг. Ранние его публикации — в газете "Меч" (Варшава) и коллективном сборнике "Литературная среда" (Белград). После войны печатался в "Новом журнале" и особенно много в "Гранях". В 1946 г. в Регенсбурге издана была его книга "Дороги и встречи" (о фашистских концлагерях, где Неймирок находился в 1944—1945 гг.). Первая его поэтическая книга ("Стихи", 1946) вышла в Германии. В 1953 г. издательство "Посев" выпустило второй сборник стихов — "День за днем".

НЕСМЕЛОВ Арсений (наст. фам. Митропольский Арсений Иванович; 8 июня 1889, Москва — осень 1945, Гродековская пересылка около Владивостока). Печататься начал в 23-летнем возрасте. Первая публикация — в "Ниве" под фамилией Митропольский. Первая книга — "Военные странички: стихи и рассказы". Участник первой мировой войны, он воевал и в гражданскую. С армией Колчака отступал через Сибирь. В 1921 г. во Владивостоке вышла его книга "Стихи", написанная под явным влиянием футуристов. В 1922 г. напечатана поэма "Тихвин", а в 1924-м, тоже во Владивостоке, издан был тоненький сборник "Уступы". В 1924 г. А. Несмелов перешел советско-китайскую границу.

Иду. Над порослью вечернее
Пустое небо цвета льда.
И вот со вздохом облегчения:
"Прощайте, знаю: навсегда!"

Жил в Харбине. Много печатался в периодических изданиях, в том числе под псевдонимами (Анастигмат, Тетя Розга, Н. Рахманов, Мпольский, Николай Дозоров). Под псевдонимом Н. Дозоров вышли две его ультрапатриотических книги ("Только такие" и "Георгий Семена"). А. Несмелов был одним из очень немногих русских дальневосточных поэтов, чье творчество вызывало интерес в Европе и в Америке. Он печатался в "Современных записках", "Русских записках", "Вольной Сибири" (Прага), в "Воле России", в чикагском журнале "Москва", в антологии "Якорь", в сан-францисском сборнике "Земля Колумба". А. Несмелов писал и прозу — рассказы и роман "Продавцы строк" (полностью не опубликован). Основное поэтическое наследие А. Несмелова — в его книгах, изданных в Китае: "Кровавый отблеск" (1929), "Без России" (1931), "Через океан" (1934), "Полустанок" (1938), "Протополица" (1939) и "Белая флотилия" (1942). В августе 1945 г. А. Несмелов был схвачен смершевцами и отправлен в СССР. Умер на полу пересыльной тюрьмы в Приморском крае.

НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ Иван Иванович (наст. имя и фам. Ян Плешкевич; 25 ноября 1893, Алексеевск-на-Амуре — 10 июля 1967, пригород Парижа). В детские годы жил в Мариинске Томской губернии. Учился в Механико-техническом училище имени Александра III в Омске. После этого окончил военное училище. В краткой биографической справке, составленной женой — писательницей Ю. Кутыриной, сообщается, что по семейным делам и по службе "он изъездил на коне и на почтовых всю Сибирь от северной тундры до Алтая и Приморья". Участвовал в первой мировой войне, получил чин ротмистра, был тяжело контужен. Находясь в рядах Добровольческой армии, был второй раз контужен, на этот раз смертельно, и, как пишет Ю. Кутыри-

на, "был отнесен в морг, но ожил и был произведен генералом Врангелем в полковники". Эмигрировал в 1920 г. в Константинополь. Жил в Болгарии, оттуда переехал в Париж и учился в Парижском богословском институте. Был необыкновенно плодовитым автором: написал более тридцати сборников стихов и несколько книг прозы (многое осталось неопубликованным, в рукописях).

НОВОСАДОВ Борис (настоящая фам. и имя — Тагго Борис Христианович, 1907, Петербург — 1945). Участник таллиннского русского поэтического кружка, в который входили также Павел Иртель, Елена Базилевская, Борис Нарциссов и др. Стихи Б. Новосадова печатались в таллиннской "Нови" и в Выборгском "Журнале Содружества". Самая ранняя известная нам публикация Б. Новосадова относится к 1934 г. В "Журнале Содружества", кроме стихов Б. Новосадова, напечатаны две его статьи: "Мысли о молодой эмигрантской поэзии" (1936. № 6) и "Мысли о советской поэзии последних лет" (1938. №№ 7—8, 9, 12). Его первый сборник стихотворений — "Шершавые вирши" — вышел в 1936 г. в Таллинне тиражом 300 экз. Второй сборник — "По следам бездомных Аонид" издан был в 1938 г. также в Таллинне (тираж 500 экз.; художественное оформление Карла Гершельмана, поэта, включенного в нашу антологию). На оба сборника откликнулся известнейший в русском зарубежье журналист Петр Пильский. Его рецензии появились в рижской газете "Сегодня", 1935, № 315 (из чего следует, что "Шершавые вирши" вышли в 1935 г., хотя на обложке проставлен 1936 г.) и в 1938, № 350. В 1940 г., уже во время оккупации, в таллиннском сборнике "Литературные записки" была напечатана статья Б. Новосадова "Мысли о современной русской поэзии". В годы войны Б. Новосадов жил в Печерском крае, где редактировал газету. После войны поэт был арестован и умер в тюремной больнице. В 1953 г. Ю. Иваск включил два стихотворения из книги "По следам бездомных Аонид" в свою антологию "На Западе".

ОБУХОВ Василий Константинович (? — 1946) — поэт, прозаик. Жил в Харбине. Печатался в харбинском журнале "Рубеж". Его стихотворения вошли в коллективный сборник "Лестница в облака" (Харбин, 1929), в котором вместе с В. Обуховым участвовали Н. Алябьев, Т. Андреева, Г. Копытова, Н. Резникова и Н. Светлов. Стихи и проза Обухова напечатаны также в шанхайских сборниках "Врата" (1934 и 1935). В ранней поэзии Обухова заметна несомненная зависимость от Н. Гумилева. В начале сороковых годов издал свою единственную книгу стихов "Песчаный берег". После оккупации Маньчжурии советскими войсками В. Обухов был арестован, увезен из Харбина, однако вскоре отпущен. Вернулся в Харбин и через непродолжительное время умер от рака в 1946 г. В 1989 г. в Австралии вышел сборник стихотворений харбинских и шанхайских поэтов "Песни с Востока", и в нем, едва ли не впервые после смерти Обухова, было напечатано несколько его стихотворений. В 1990 г. в издательстве "Антиквариат" (США) под ред. Э. Штейна вышла маленькая книжка: Василий Логинов. Василий Обухов. "Елене". В этой книге напечатано четыре стихотворения Обухова, а также четыре фотографии поэта.

ОДАРЧЕНКО Юрий Павлович (1903 — 25 августа 1960, Париж) — человек разносторонне талантливый, для которого поэзия была лишь одним из путей творческой самореализации. Знавший его Николай Станюкович писал в "Возрождении": "Человек широкий, щедрый, расточительно даровитый, Ю. Одарченко принадлежал к тем русским

людям, которым все слишком легко дается, а поэтому они во всем и остаются блестящими дилетантами". Ю. Одарченко вырос на Украине. Долго жил в Париже. Зарабатывал на жизнь как художник по тканям и был владельцем ателье дамского платья. Мемуаристы говорят о нем как об отличном художнике-графике и пианисте. Он писал также рассказы. До первых послевоенных лет держался в стороне от парижских литературных кругов. Печататься начал в сороковые годы. В 1947 г. под его редакцией (совместно с В. Смоленским, с которым Одарченко связывала старая дружба, и с А. Шайкевичем) вышел "Орион" — один из лучших литературных альманахов. В "Орионе" напечатаны произведения Г. Адамовича, В. Дряхлова, Н. Евсеева, Г. Иванова, А. Ладинского, И. Одоевцевой, И. Бунина, Г. Газданова, Б. Зайцева, А. Гингера, В. Злобина и др., а также стихи и проза Ю. Одарченко. В дальнейшем он участвовал во всех крупнейших эмигрантских периодических изданиях тех лет ("Мосты", "Опыты", "Грани", "Возрождение", "Новый журнал"). Его единственный поэтический сборник "Денек" вышел в 1949 г. "Друзья и знакомые, — писал в своих воспоминаниях Кирилл Померанцев, — относились к Ю. П. как к добродушному чудаку, и мне не помнится, чтобы кто-нибудь принимал всерьез его поэзию; никому не приходило в голову в нее вдуматься. Исключения составлял, пожалуй, Георгий Иванов, который благодаря отношению к своему искусству и — само собой — к поэзии понимал, что стихи Одарченко есть нечто совершенно новое". Впрочем, при жизни Ю. Одарченко его стихи были включены в антологию "На Западе", а посмертно (в год его смерти) — в антологию "Муза диаспоры". В 1983 г. под ред. В. Бетаки вышло в Париже собрание сочинений Ю. Одарченко — "Стихи и проза".

ОДОЕВЦЕВА Ирина Владимировна (Гейнике Ираида Густавовна, в замужестве Иванова — жена Георгия Иванова; 23 ноября 1895, Рига — 15 октября 1990, Ленинград). Считала себя ученицей Н. Гумилева. О встречах с ним И. Одоевцева с большими подробностями рассказала в книге "На берегах Невы". Первый сборник поэтессы вышел в Петрограде в 1922 г. ("Двор чудес"). С 1923 г. жила во Франции. В апреле 1987 г. реэмигрировала — вернулась в Ленинград. В эмиграции опубликовала романы: "Ангел смерти" (1927), "Изольда" (1931), "Зеркало" (1939), "Оставь надежду навсегда" (1954), а также два тома мемуаров; работала над третьим томом воспоминаний — "На берегах Леты". Ее стихи, статьи, рецензии, рассказы, воспоминания печатались в важнейших периодических изданиях зарубежья. Сборники ее стихотворений, написанных в эмиграции, были опубликованы в 1950 — 1970-е гг.: "Контрапункт", "Стихи, написанные во время болезни", "Десять лет", "Одиночество", "Златая цепь", "Портрет в рифмованной раме".

ОЛЕНИН Константин Иванович (1881, Тамбовская губ. — ?). Окончил в Петербурге училище правоведения. В 1906 г. издал в Москве книгу "Стихотворения" (157 стр., 600 экз.). Печатался в "Солнце России", в "Вестнике Европы" и в других журналах. В эмиграции издал книги "Прелюдии" (Вильно, 1925) и "Несколько слов". О нем написал составителю данной антологии из Варшавы знавший его лично Евгений Сеницкий, сын поэтессы Л. Волынцевой: "Во время революции Оленин оставил Родину. Скучные средства к существованию добывал во время скитаний по русскому зарубежью (Сербия, Париж, Польша), где его помнили. Он выступал на своих авторских вечерах, о чем рассказывал не без юмора. В конце концов обосновался в Польше

и благодаря своему диплому правоведа вскоре получил назначение в городской суд в полесском городе Сарны, неподалеку от советской границы. И хотя, как гласила молва, сам генералиссимус любил его стихотворение "Спите, орлы боевые!" (посвященные памяти павших в начале первой мировой войны), за судьбу поэта трудно было поручиться. С приходом советской власти в Сарны Константин Иванович, который так часто бывал у нас, сидел за нашим обеденным столом, участвовал в литературных встречах, как в Лету канул. Вот его стихотворение, сохранившееся благодаря моей матери, которая в глухую сталинскую ночь на польской земле диктовала мне по памяти в длинные вечера произведения русских поэтов (таким образом заполнился мой блокнот):

СОНЕТ

Старушка своенравная, живи!
Не покидай сварливой оболочки, —
Я без тебя споткнусь на первой кочке
Без воркотни, заботы и любви.

Нам суждено быть вечно *vis a vis*,
Жить в сырости, самим стирать сорочки,
С тобой мы только маленьких две точки
Или два шарика — как хочешь назови.

Мы все толкаемся, хотим бежать отсюда,
Один уйдет — другому будет худо.

Когда зима навалит нам бугров
И ветер севером дохнет из леса,
Кто принесет тебе вязанку дров?
Кто станет штопать пятки Ахиллеса?"

ОСТРОУМОВА Татьяна (Татьяна Иосифовна Ненсберг, 1901—1969). Печататься начала еще до эмиграции. В зарубежных журналах впервые ее имя появляется перед войной. Ее стихи встречаются на страницах "Современных записок", "Новоселья", "Нового журнала" и вошли также в коллективный сборник "Ковчег" (1942), в антологии "Эстафета", "На Западе" и "Содружество". Жила в США, в городе Боулдер, штат Колорадо. Преподавала в Колорадском университете русский язык. Автор сборника "Стихи", изданного Объединением русских писателей в Нью-Йорке.

ОЦУП Николай Авдеевич (4 ноября 1894, Царское Село — 28 декабря 1958, Париж). В 1913 г. окончил Николаевскую царскосельскую гимназию. В 1913 и 1914 гг. учился в Парижском университете, слушал лекции у Анри Бергсона. Участвовал в Цехе поэтов (1920—1921) и печатался в альманахах Цеха. В 1921 г. вышел первый сборник стихов Н. Оцупа — "Град", переизданный в 1922 г. в Берлине. Эмигрировал в 1922 г. Некоторое время жил в Берлине, затем обосновался в Париже. В 1926 г. вышла вторая его книга — "В дыму", — включившая стихотворения 1921—1926 гг. Отдельным изданием выходит в 1928 г. его поэма "Встреча". Еще через год была издана в Бреславле по-немецки его книга, посвященная новейшей русской поэзии, включенная затем в программы некоторых немецких университетов. В 1930 г. основал "Числа" и был главным редактором этого

журнала. В начале войны вступил, во французскую армию. Находясь в Италии, был арестован как антифашист. Полтора года сидел в итальянской тюрьме, из которой сумел бежать, но был вновь арестован и отправлен в концлагерь. В конце 1942 г. совершил новый побег и с 1943 г. участвовал в движении Сопротивления. Первой послевоенной книгой Н. Оцуа был его монументальный "Дневник в стихах", который он писал более пятнадцати лет. Защитил докторскую диссертацию о Н. Гумилеве. Преподавал в Ecole normale supérieure. В последний год жизни вышли три его книги: драма на библейскую тему "Три царя", подготовленное Н. Оцупом "Избранное" Н. Гумилева, а также "Избранные стихи" Ф. Тютчева с предисловием и комментариями Н. Оцуа. Посмертно, в 1961 г., изданы книги "Современники", "Литературные очерки" и двухтомник "Жизнь и смерть", представляющий собой наиболее полное собрание стихотворений и поэм Н. Оцуа.

ПАСТУХОВ Всеволод Леонидович (1894—1967) был известен в русском зарубежье главным образом как блестящий пианист, а в 1950-е гг. как редактор журнала "Опыты" (совместно с Р. Н. Гринбергом). Журнал этот способствовал, как писал один современный критик, "созданию литературной атмосферы, иногда весьма утонченной" ("Русская литература в эмиграции". Питтсбург, 1972. С. 29). Родители Пастухова из Ярославля. Молодость прошла в Петербурге, где В. Пастухов встречался с М. Кузминым, Н. Гумилевым, Г. Ивановым, Р. Ивневим и другими поэтами. Петербургская поэтика — более всего М. Кузмин, И. Анненский и А. Блок — оказали очевидное влияние и на стихи самого Пастухова. Печатали их он редко. Четыре стихотворения вошли в антологию Ю. Иваска "На Западе" (Нью-Йорк, 1953). Чаще он выступал с рецензиями (напр., на книги М. Цетлина, А. Ремизова, Н. Ульянова) и статьями о композиторах. Сборник В. Пастухова "Хрупкий полет" вышел в Нью-Йорке в издательстве Раузена в год смерти автора. В эмиграции Пастухов жил в Европе, в частности в Митаве. После войны около 1949 г. эмигрировал в США. Жил в Нью-Йорке, а с 1957 г. под Нью-Йорком в Дагластоне. Участвовал в кружке, называвшемся в обиходе "Лигой". Кружок собирался на квартире М. С. Цетлиной. Бывали Г. Федотов, А. Керенский, В. Зензинов, Ю. Иваск, Б. Николаевский и др. К Пастухову, вспоминал Ю. Иваск, "иногда заходили американские аспиранты-слависты. Помню один из них как-то сказал: "В беседе с ним я действительно перенесся в Петербург 1913 г., ощутил цвет и запах той эпохи, и я очень благодарен ему за это путешествие в серебряный век". Одно из таких мемуарных путешествий запечатлено Пастуховым в его эссе "Страна воспоминаний" (Опыты. 1955. № 5).

ПЕРЕЛЕШИН Валерий Францевич (наст. фам. Салатко-Петрище, 20 июля 1913, Иркутск — 7 ноября 1992, Бразилия). Родился в семье железнодорожного служащего. В 1920 г. мать увезла его в Харбин. По окончании школы поступил на юридический факультет. Печататься начал в 1928 г. В 1937 г. вышла его первая книга "В пути" (Харбин, 200 экз.), составленная из сорока с небольшим стихотворений, ранее появлявшихся на страницах журнала "Рубеж". В 1937 г. учился в семинарии св. Владимира. Был монахом в Харбинском монастыре. С 1939 до 1943 г. жил в Пекине; переехал в Шанхай. После войны работал переводчиком в шанхайском корпункте ТАСС. В 1950 г. пытался эмигрировать в США, но был выслан из Сан-Франциско в Китай. С января 1953 г. жил в Бразилии. Работал в ювелирном магазине, на

мебельной фабрике, преподавал английский в школе Берлица, работал библиотекарем в Британском консульстве и затем несколько лет преподавал русский язык в морском училище. В. Перелешин — автор многочисленных сборников стихотворений, большой поэмы (409 стр.), напечатанной отдельным изданием ("Поэма без предмета", Холиок, США, 1989), мемуаров "Два полустанка", нескольких книг переводов (с английского, китайского и португальского на русский и с русского на португальский). Сборники стихотворений В. Перелешина: "В пути" (1937), "Добрый улей" (1939), "Звезда над морем" (1941), "Жертва" (1944), "Южный дом" (1968), "Качель" (1971), "Заповедник" (1972), "С горы Нево" (1975), "Аризль" (1976), "Три родины" (1987), "Из глубины воззвях" (1987), "Двое — и снова один?" (1987), "Вдогонку" (1988).

ПЕРФИЛЬЕВ Александр Михайлович (2 октября 1895 — 26 февраля 1973). Родился в Чите в семье генерала М. А. Перфильева. Жена поэта, Ирина Сабурова, писала о происхождении рода Перфильевых: "Князь Гантимуров, потомок хана Тимура, женился на дочери атамана Перфильева и был им усыновлен". Учился будущий поэт во Втором Петербургском кадетском корпусе (вместе с Георгием Ивановым). Курс обучения окончен не был: Перфильев путешествовал с экспедицией Козлова, исследователя Центральной Азии. Вместо кадетского корпуса он окончил Оренбургское казачье училище. Служил в Первом Нерчинском полку и в гвардейской сводно-казачьей сотне. Участвовал в мировой войне, несколько раз был ранен, награжден Георгиевским крестом и произведен в чин есаула.

Печататься начал в журнале "Огонек" в годы войны. После революции провел год в одиночном заключении в чекистской тюрьме. После выхода на волю скрывался, а в начале двадцатых годов ему удалось уехать в Латвию. Его журналистская карьера началась с работы в "Рижском курьере". В 1925 г. под псевдонимом Александр Ли издал в Риге свой первый сборник "Снежная месса". Там же в Риге вышли еще два сборника — "Листопад" (1929) и "Ветер с севера" (последний — под настоящей фамилией автора). Работал литературным сотрудником, фельетонистом и техническим редактором в рижских журналах "Наш огонек", "Новая нива", "Для Вас", в газетах "Русское слово" и "Сегодня". Писал тексты для артистов эстрады, был известен как автор песен и романсов (напр., на его слова написан романс "О эти черные глаза"). В 1940 г., скрываясь от оккупационных властей, работал ночным сторожем. Осенью 1944 г. перебрался в Берлин и, как писала И. Сабурова, "связался с ген. Красновым, снова надел военную форму, был послан в Италию, оттуда в Прагу и после фантастического бегства из-под расстрела очутился в Баварии". Живя в Мюнхене, участвовал в журналах "Петрушка", "Сатирикон", "Свобода", работал на радиостанции "Свобода". Издал два сборника рассказов: "Человек без воспоминаний" (Рига, 1942) и "Когда горит снег" (Мюнхен, 1947).

ПЕСТРОВО Клавдия Прокофьевна. Родилась на Украине. Стихи начала писать в детстве. С 1920 г. жила в Югославии. После войны эмигрировала в Австралию. В 1964 г. издан был ее сборник "Цветы на подоконнике". В 1965 г. книга вышла вторым изданием. Стихи Пестрово печатались в "Новом русском слове", в "Русской мысли", "Гранях", "Новом журнале", "Возрождении", канадском "Современнике" и в австралийских журналах "Крылья" и "Русский в Австралии".

ПОМЕРАНЦЕВ Кирилл Дмитриевич (1906, Москва — 5 марта 1991, Париж). В 1920 г. эвакуировался с семьей в Константинополь. Окончил школу в Турции. В 1927 г. переехал в Париж. Работал на заводах. В годы войны жил в Лионе, участвовал во французском Сопротивлении. Печатался во многих послевоенных периодических изданиях ("Возрождение", "Мосты", "Литературный современник", "Новый журнал", "Вестник РСХД", "Опыты" и др.). Был представителем журнала "Мосты" в Париже. С 1957 г. работал в отделе политической информации в "Русской мысли". В 1965 г. вышла его книга путевых очерков "Итальянские негативы", ранее печатавшаяся в "Мостах". Его книга "Сквозь смерть" (1986) — одна из лучших в эмигрантской мемуаристике. Стихи писал с детства. В зрелом возрасте на его поэзию особенно проникновенное влияние оказало личное знакомство с Георгием Ивановым, о котором К. Померанцев написал несколько блестящих статей. Стихотворения К. Померанцева вошли в антологии "Муза диаспоры" и "Содружество".

ПОПЛАВСКИЙ Борис Юлианович (7 июня 1903, Москва — 9 октября 1935, Париж). В 1918 г. Поплавский уехал со своим отцом на юг России. В 1919 г. четыре месяца жил в Константинополе, затем вернулся, и в декабре 1920 г. — снова Константинополь. В мае 1921 г. Поплавский переехал в Париж, где и прошла вся его последующая жизнь. Печататься он начал еще до эмиграции — в провинциальных альманахах, — однако годом своего вступления в литературу считал 1928 г. Единственный сборник стихов, вышедший при жизни поэта, — "Флаги", о которых Г. Иванов заметил: "Очарование стихов Поплавского — очень сильное очарование", а также сказал, что в "аморфных" стихах Поплавского находим проявление того свойства, которое "единственно достойно называться поэзией, в неунизительном для человека смысле". Трагическая случайность оборвала жизнь Поплавского в самом расцвете творческих сил. При жизни поэта, кроме его сборника "Флаги", печатались также главы из его романа "Аполлон Безобразов". Посмертно были опубликованы сборники стихов "Снежный час", "В венке из воска", "Дирижабль неизвестного направления", а также небольшая книжка, содержащая дневниковые записи Б. Поплавского, и роман "Домой с небес".

ПОТЕМКИН Петр Петрович (1886, Орел — 25 октября 1926, Париж). До эмиграции вышли его книги стихов "Смешная любовь" (1908) и "Герань" (1912). Был широко известен в России как поэт-сатирик. "...В заурадной столичной повседневности, — писал Саша Черный о "Герани", — на панели и в петербургских скверах, во дворах, на каналах и на верхушке конки поэт подсмотрел красочную и краснощекую народную жизнь и весело и любовно заполнил ею круг "Герани". В годы гражданской войны П. Потемкин жил в Одессе. Эмигрировал в Константинополь, оттуда переехал в Кишинев и затем поселился в Праге. Печата в эмигрантских изданиях ("Дни", "Сегодня", "Воля России" и др.) свои стихи и переводы из чешских поэтов. В 1923 г. издал поэтический сборник "Отцветшая герань". В 1924-ом или в начале 1925 г. переселился в Париж. Писал пьесы для театра "Летучая мышь", сотрудничал в "Последних новостях". Зарабатывал на жизнь исключительно литературным трудом и жил в бедности. "...Поэт — весь целиком, — писал о нем в парижской газете "Дни" Борис Зайцев. — Такой уж уродился. Можно так или иначе оценить стихи, жизненное дело, только уж никак не отнесешь его к дельцам и практикам. Художник". Посмертно (в 1928 г.) вышла в Париже с предисловием А. Черного книга П. Потемкина "Избранные страницы".

ПРЕГЕЛЬ София Юльевна (20 августа 1904, Одесса — 26 июля 1972, Париж). Эмигрировала в Константинополь. Вскоре переселилась в Берлин. Печаталась во всех сборниках русских берлинцев: "Новоселье" (1931), "Роща" (1932), "Невод" (1933). Первый сборник ее стихов — "Разговор с памятью" — вышел в 1935 г. До войны издала еще две книги — "Солнечный произвол" (1937) и "Полдень" (1939). В тридцатые годы переехала в Париж, а в начале войны — в Нью-Йорк. Основала журнал "Новоселье", выходивший в Нью-Йорке с 1942 по 1950 г. (последние номера изданы были в Париже, куда С. Прегель вернулась в 1950 г.). Журнал, как характеризовал его Г. Струве, был с "советофильским душком". Однако напечатано в нем немало отличных произведений (Бунин, Тэффи, Адамович, Варшавский, Ремизов и мн. др.), и 52 номера этого журнала заняли видное место в истории литературы зарубежья. В послевоенное время вышли три ее книги стихов: "Берега" (1953), "Встреча" (1958) и "Весна в Париже" (1966). Еще одна ее поэтическая книга издана посмертно: под ред. М. Слонима — "Последние стихи" (1973). С. Прегель печаталась во всех крупных эмигрантских журналах. Сама С. Прегель ставила себе в заслугу поддержку, которую она оказывала парижскому издательству "Рифма", опубликовавшему начиная с февраля 1950 г. сборники А. Штейгера, В. Булич, В. Набокова, Г. Иванова, И. Одоевцевой, Ю. Трубецкого, А. Ладинского, В. Корвин-Пиотровского, Г. Раевского, А. Гингера и др. В дальнейшем — с 1957 по 1972 г. — С. Прегель была директором этого издательства. Воспоминания о С. Прегель оставили К. Померанцев, З. Шаховская, Ю. Терапиано, В. Яновский.

ПРИСМАНОВА Анна Семеновна (6 сентября 1892, Либава — 4 ноября 1960, Париж). Печататься начала до революции. Около 1918 г. переехала в Москву. Не позднее 1923 г. эмигрировала в Берлин и вскоре переехала в Париж. В 1926 г. вышла замуж за поэта А. Гингера. Первая известная ее публикация в зарубежье — стихи в берлинском журнале "Эпопея" (1923). В 1920—1930-е гг. печаталась в "Воле России", "Русских записках", в альманахе "Круг". Первый поэтический сборник А. Присмановой — "Тень и тело" — вышел в 1937 г. Вторая ее книга стихов — "Близнецы" — напечатана в 1946 г., а третий сборник — "Соль" — в 1949-м. Перу А. Присмановой принадлежит также повесть в стихах о Вере Фигнер — "Вера" (Париж, 1960).

РАЕВСКИЙ Георгий Авдеевич (наст. фам. Оцуп; 10 января 1897 — 1963). Младший брат поэта Николая Оцупа. Родился в Царском Селе в семье придворного фотографа. Эмигрировал в начале двадцатых годов. Поселился в Париже. Участвовал вместе с Д. Кнутом, Ю. Мандельштамом, В. Смоленским и Ю. Терапиано в кружке "Перекресток". Первая его книга — "Строфы" вышла в Париже в 1928 г. В довоенные годы его стихи печатались в "Перекрестках", "Современных записках", "Числах", "Журнале Содружества", "Круге", "Неводе", "Встрече", "Русских записках" и вошли в антологию "Якорь". В послевоенные годы вышло два поэтических сборника Г. Раевского: "Новые стихотворения" (1946) и "Третья книга" (1953). Его стихи были включены также в лучшие послевоенные антологии зарубежных поэтов: "Эстафета", "На Западе" и "Муза диаспоры".

РАИЧ Евгений Исакович (Рабинович). Родился в Петербурге. С 1920 г. жил в Берлине, где в 1922 г. окончил университет по специальности химия. В 1934 г. с приходом к власти фашистов уехал из Германии в Англию. В 1938 г. эмигрировал в США. Был профессором

биохимии в Иллинойском университете. Опубликовал несколько книг по своей специальности. Был избран почетным доктором Дартмутского и Брандайзского университетов. Стихи писал с детства. Живя в Германии, участвовал в Кружке русских берлинских поэтов (вместе с М. Горлиным, Р. Блох, Ю. Джанумовым, Н. Бродской, В. Лурье, Н. Белоцветовым, В. Пиотровским, С. Прегель, Г. Раевским, Я. Бикерманом, Н. Эльяшевым, В. Эрден). Его стихи были напечатаны во всех трех сборниках берлинских поэтов ("Новоселье", "Роща", "Невод"). Более сорока лет работал над переводом "Фауста". Единственный его сборник стихов — "Современник" — вышел в известном парижском издательстве "Рифма" в 1965 г.

РАТГАУЗ Даниил Максимович (6 февраля 1869, Харьков — 1937, Прага). Учился в Киевском университете на юридическом факультете. Первое выступление в печати — стихи в журнале "Наблюдатель". В 1893 г. вышла его первая книга — "Стихотворения". Другие дореволюционные книги Д. Ратгауза: "Песни сердца" (1897), "Собрание стихотворений" (1900), "Песни любви и печали" (1902), "Избранные стихотворения" (1910), трехтомное собрание стихотворений (1909—1910) и др. Эмигрировал в 1922 г. За рубежом вышли его книги "Мои песни" (Берлин, 1920) и "О жизни и смерти" (Прага, 1927). На стихотворения Ратгауза писали романсы Чайковский, Кюи, Рахманинов, Глиэр и другие композиторы.

РАТГАУЗ Татьяна Даниловна. Родилась 27 июля 1909 г. Отец — поэт Даниил Максимович Ратгауз. Эмигрировала с отцом и матерью в Берлин. Между 1923 и 1926 гг. семья переселилась в Прагу. Начала печататься в шестнадцатилетнем возрасте. Первые публикации — в иллюстрированном литературно-публицистическом журнале "Студенческие годы", издававшемся Союзом русских студентов в Чехословакии. В тридцатые годы участвовала в кружке "Скит поэтов", которым руководил А. Л. Бем. Печаталась в коллективных сборниках, издаваемых этим кружком под редакцией А. Л. Бема, а также в "Современных записках", "Русских записках", в таллиннской "Нови", в варшавском "Мече" и в антологии "Якорь".

РАФАЛОВИЧ Сергей Львович (1875—1943). Окончил Санкт-Петербургский университет по историко-филологическому факультету. Первая его книга — "Стихотворения" — опубликована в Петербурге в 1894 г. Другие его сборники: "Весенний ключ" (1901), "Светлые песни" (1905), "Зеркало души" (1911), "Стихотворения" (1913), "Стихотворения" (1916), "Триолеты" (1916). В годы гражданской войны был на Кавказе: Цинандали, Баку, Батум, Тифлис. Писал также рассказы, повести, драмы, комедии и др. Пользовалась известностью его пьеса "Река идет" (1905). До того как Рафалович в 1922 г. эмигрировал, было опубликовано более двадцати его книг. С 1922 г. жил в Париже. В 1923-м — в Берлине, затем снова в Париже. За рубежом вышли его книги: "Горящий круг" (1923), "Семи церквам". Пять поэм (1923), "Зга". Стихотворения (1923), "Марк Антоний". Трагедия в стихах. Издание второе (1923), "Август". Стихотворения (1924), "Симон Волхв". Поэма. Издание второе (1926), "Терпкие будни". Стихотворения (1926).

РАФАЛЬСКИЙ Сергей Милич (1896, Изяславль Волынской губ. — 1981). Родился в семье священника. Окончил гимназию в Остроге (1914). Учился на юридическом факультете Петроградского университета. С 1915 г. был членом партии Народная свобода. К 1920 г.

оказался на территории, отошедшей по Рижскому миру к Польше. В 1922 г. переехал в Чехословакию. Печатался в берлинских "Словох" (1922), в пражской "Воле России" (1925), в рижских "Перезвонах" (1926), в пражском журнале "Своими путями" (1926). Его сборник стихов ("Август") вышел в 1924 г. Входил в кружок "Скит поэтов". С 1929 г. жил в Париже, печатался под псевдонимами в журнале "Борьба". В послевоенное время сотрудничал в журнале солидаристов "Посев", напечатал в "Гранях" "Поэму о потустороннем мире" (1957), "Поэму о романтике" (1958), поэму "Повесть о Скифии" (1959), поэму "Последний вечер" (1966). Печатался также в "Возрождении" и в "Континенте". Опубликовал много статей в "Новом русском слове" и в "Русской мысли". Стихи Рафаэльского включены в антологию "Муза диаспоры".

РООС Мета Альфредовна (4 января 1904, Москва — ?). Училась в лютеранской школе в Харькове. Уроженцы Эстонии, родители М. Роос около 1921 г. переехали с детьми в Таллинн. Здесь М. Роос окончила среднюю школу и консерваторию по классу рояля. Преподавала музыку. Переводила на немецкий язык Ф. Тютчева. Печаталась в таллиннском журнале "Новь", редактором которого был будущий муж М. Роос Павел Михайлович Иртель (1896—1979). В 1935 г. она вышла замуж за П. Иртеля. Супруги были участниками таллиннского Цеха поэтов (другие участники — Ю. Иваск, Борис Нарциссов, Карл Гершельман, Елизавета Роос, Ирина Борман). В 1936 г. в Таллинне вышел сборник стихов М. Роос "Мартовское солнце". В 1939 г. вместе с мужем бежала из оккупированной Эстонии в Польшу. С 1945 г. жила в Германии.

РОСИМОВ Г. (наст. фам. Офросимов Юрий Викторович, 1894 — 19 октября 1967, Палермо) — поэт, литературный и театральный критик. Печатался также под инициалами Ю. О. Москвич. Мать — урожд. Рахманинова. Окончил Императорский Николаевский лицей. В октябре 1917 г. участвовал в защите Москвы от большевиков. Судьба забросила в Прибалтику, откуда в 1920 г. с трудом удалось перебраться в Берлин. Здесь Г. Росимов становится сотрудником журналов "Жизнь", "Русская книга", "Новая русская книга", "Театр и жизнь". В 1921 г. вышел в издательстве И. Ладыжникова сборник "Стихи об утерянном". Печатался в начале двадцатых годов в журнале "Словохи", в альманахах "Веретено" и "Струги". Тогда же начал писать о театре для берлинской газеты "Руль"; сотрудничество продолжалось до времени прихода Гитлера к власти. В 1926 г. выпустил в Берлине свою книгу "Театр". С 1921 по 1924 г. написал и издал 16 книжек для детей и еще одну совместно с Вл. Пиотровским. Около 1924 г. "стихи забросил на всю жизнь, хоть и сильно грустил об этом" (Р. Гуль). После утверждения гитлеровского режима уехал из Германии в Югославию. Во время войны был взят в немецкий "трудовой лагерь" и освобожден только после окончания войны. Женился на дочери швейцарского консула в Югославии и с тех пор постоянно жил в Лугано, впрочем, часто уезжая в Италию. Продолжал свою деятельность как литературный критик. Печатался в "Новом журнале". Писал, в частности, о поэтах-эмигрантах Д. Кленовском, Л. Алексеевой, В. Маркове, В. Корвин-Пиотровском и др.

САБУРОВА Ирина Евгеньевна (девичья фамилия Кутитонская, в замужестве Перфильева и баронесса Розенберг; печаталась под фамилией Сабурова, а также под псевдонимами Ирина Разр, С. Тонс-

кой, А. Ильев, И. Ильнев; 19 марта 1907 г. Могилевская губерния — 22 ноября 1979, Мюнхен). Сабурова писала о себе в краткой автобиографии: "Пережила две мировых войны, два бегства, несколько гражданских революций, оккупаций и рухнувших миров, после чего пришлось начинать все сначала" (Русская женщина в эмиграции. Вашингтон, 1970. С. 64).

Печататься начала в пятнадцатилетнем возрасте. Первая публикация — "Встреча. Рождественский эскиз" в газете "Сегодня" (Рига) (1922. № 47). В последующие годы сотрудничала во многих зарубежных периодических изданиях (рассказы, статьи, стихи и многочисленные переводы). Знала четыре иностранных языка. Печаталась в журналах "Будильник", "Новая нива", "Наш огонек", "Иллюстрированная Россия", "Возрождение", "Грани", "Голос зарубежья", "Литературный современник", "Журнал Содружества", "Согласие", в харбинском "Рубеже" и др., а также в эмигрантских газетах "Русский вестник", "Сегодня", "Новое русское слово". С 1933 по 1940 г. была редактором рижского еженедельника "Для Вас". Первая книга Сабуровой — сборник рассказов "Тень синего марта" (Рига, 1937). После войны опубликовала сборники рассказов "Дама трюф" (1945), "Королевство алых башен" (1947), "Копилка времени" (1958). В 1960 г. выходит ее роман "После..." и еще через четыре года роман из жизни русской Балтики "Корабли Старого города", переведенный на испанский и немецкий языки. В США в 1956 г. был опубликован подготовленный Сабуровой альбом "Бессмертный лебедь" о жизни балерины Анны Павловой. Будучи автором десятка книг прозы, Сабурова издала только один поэтический сборник — "Разговор молча" (1956). Стихи ее печатались в периодических изданиях и вошли в антологию "Содружество".

САВИН Иван Иванович (наст. фам. Саволайнен; 10 сентября 1899, Одесса — 1927, Хельсинки). Отец поэта — финн по отцу и грек по матери — был человеком русской культуры. Мать — из русско-молдаванской семьи, по отцовской линии принадлежала к старинному роду Отян. Детство прошло в городе Зенькове на Полтавщине. В Зенькове он учился в гимназии. Во время гражданской войны участвовал в Добровольческой армии. Попал в плен в Джанкое. Чудом спасся от расстрела. Бежал из госпиталя. В начале 1921 г. попал в Петроград. Провел там голодную зиму и в том же году вместе с отцом получил разрешение на эмиграцию в Финляндию. Работал в Хельсинки на сахарном заводе, сколачивал ящики. Печататься начал в хельсинкской газете "Русские вести". Вскоре его фельетоны, стихи, воспоминания, рассказы начали появляться в других газетах и журналах зарубежья: "Руль" (Берлин), "Возрождение" (Париж), "Сегодня" (Рига), "Иллюстрированная Россия" (Париж), "Новое время" (Белград). Летом 1926 г. побывал у Репина в Куоккале. Это посещение положило начало дружбе между молодым поэтом и знаменитым художником. В том же году в Белграде вышел в свет единственный сборник Савина — "Ладонка", немедленно сделавший его одним из популярных поэтов эмиграции. Небывалый случай в истории эмигрантской поэзии: стихи "Ладонки" переиздавались еще три раза (1947, 1958, 1988). Во время операции по поводу аппендицита в 1927 г. получил заражение крови и после мучительных страданий умер в хельсинкской больнице. Весь творческий путь Савина продолжался только пять лет. Задуманный им сборник рассказов и воспоминаний "Книга былей" при жизни Савина не бы издан. К шестидесятилетию со дня смерти вдова поэта Л.

В. Савина-Сулимовская издала в Нью-Йорке сборник прозы и стихотворений.

СВЕТЛОВ Николай (наст. фам. Свинын; писал также под псевдонимом Ваня-Сибиряк). Родился в Сибири. Попал в Харбин мальчиком. Выучил китайский язык. Переводил китайских поэтов. Участвовал в кружке "Чураевка". Писал стихи, прозу, газетные статьи. Печатался в "Молодой Чураевке", в сборниках "Лестница в облака" (1929), "Семеро" (1931), в журнале "Понеделник" (1930—1932). В 1934 г. вышла в Шанхае его книга стихов "Сторукая", в 1946 г. (также в Шанхае) — в переводе Н. Светлова книга: Ай Цин "К солнцу".

СЕВЕРЯНИН Игорь (Игорь Васильевич Лотарев; 16 мая 1887, Петербург — 20 декабря, 1941, Таллинн). В эмиграции — с 1918 г. Сначала приехал в Ревель и вскоре поселился в приморской деревушке Тойла. С 1921 г. возобновил свои "поззоконцерты", подобные тем, с которыми объездил до революции всю Россию. Выступал с чтением стихов в Эстонии, Литве, Латвии, Финляндии, Польше, Румынии, Болгарии, Югославии, Германии, Франции. В годы эмиграции появлялся перед аудиторией в общей сложности даже чаще, чем в годы своего "громокипящего" успеха в России. Поездки, впрочем, были эпизодическими. Значительно больше времени он проводил в уединении, в Тойле. "Итак, я сижу в глуши, совершенно отрешась от "культурных" соблазнов, среди природы и любви", — читаем в одном из его писем. Литературным трудом он был занят без устали. Его стихи печатались во множестве русских периодических изданий от Парижа до Харбина. За рубежом вышло более двадцати его книг, в которых, однако, представлено далеко не все им написанное. В эмиграции он вырос в большого поэта, певца любви, природы и России.

СИНКЕВИЧ Валентина Алексеевна — поэтесса, эссеист, редактор альманаха "Встречи", единственного периодического издания, целиком посвященного эмигрантской поэзии. Родилась 29 сентября 1926 г. в Киеве, детство прошло в Остре. Первое стихотворение написано в десятилетнем возрасте. В 1942 г. Синкевич была принудительно отправлена в Германию. После войны жила в Гамбурге в лагере для перемещенных лиц. В 1950 г. эмигрировала в США. Американский опыт начался с работы санитаркой в доме для престарелых в штате Айова. С 1960 до 1987 г. работала в библиотеке Пенсильванского университета. Печататься начала в "Новом русском слове" в 1973 г. Первый сборник Синкевич ("Огни", 1973) привлек внимание Ю. Терапиано и И. Одоевцевой, написавших свои отзывы. Второй сборник ("Наступление дня", 1978) — двуязычный и включает автопереводы на английский. В 1983 г. Синкевич стала редактором альманаха "Встречи". Книги "Цветенье трав" (1985) и "Здесь я живу" (1989) выдвинули ее на видное место в современной эмигрантской поэзии. Итогом творчества двух последних десятилетий явилась книга "Избранное", вышедшая в Остре в 1992 г. Вместе с поэтом и художником В. Шаталовым В. Синкевич опубликовала в 1992 г. антологию поэзии второй эмиграции — "Берега".

СКОПИЧЕНКО Ольга Алексеевна (в замужестве Коновалова) родилась 25 мая 1908 в Сызрани). Начала печататься, живя в Китае. В 1928 г. вышел в Харбине ее сборник стихов "Будущему вождю"; в 1932 г. в Шанхае — сборник "Путь изгнанника". В конце сороковых или в начале пятидесятых эмигрировала в США (в Калифорнию).

Печаталась в журналах "Возрождение", "Грани", в сан-францисском литературном сборнике "У Золотых ворот". Другие ее книги стихов — "Неугасимое" (1954), "Стихотворения" (1959), "Моя книга" (1961), сборник детских стихов "Про зайца, лису и ежа".

СЛАВИНА Кира Марковна (род. 24 июля 1911 г. в Петербурге) — автор сборника "Бумажные крылья" (Нью-Йорк, 1944), а также сборника, вышедшего на английском языке, "It Could Be Verse" (США, 1978). Приехала в США в 1928 г. Среднюю школу окончила в Нью-Йорке в 1931 г. Училась в нью-йоркском городском колледже. Работала в магазине Вулворт, на фабрике искусственных цветов, в фирме "Интернациональный книжный сервис", в Организации Объединенных Наций и около тридцати лет на радиостанции "Голос Америки". Участвовала в Кружке русских поэтов в Америке (Нью-Йорк). Печаталась в "Новом журнале", "Новоселье", "Новом русском слове". Ее стихи включены в коллективный сборник "Четырнадцать", в антологии "Эстафета" (1948) и "Содружество" (1966). С 1954 г. живет в Вашингтоне.

СМОЛЕНСКИЙ Владимир Алексеевич (6 августа 1901, Луганск — 8 ноября 1961, Париж). Вместе с армией Врангеля в 1920 г. покинул Россию. В том же году переехал в Париж. Учился в парижской Высшей коммерческой школе. Начал печататься в 1929 г. Первый поэтический сборник — "Закат" (1931). Книга "Наедине" (1938) выдвинула имя Смоленского на видное место в русской зарубежной поэзии. Третья книга — "Собрание стихотворений" была опубликована в Париже в 1957 г.; и последняя его книга — "Стихи" — издана посмертно (1963). Георгий Иванов, относившийся довольно скептически к стихам многих современников, услышав в 1929 г. в чтении Смоленского его стихотворение "Мост", отозвался о поэте как о "новой восходящей звезде". "Главным в жизни для Владимира Смоленского, — вспоминал Ю. Терапиано, — были стихи, точнее, та стихия, которая вдруг в нем начинала звучать и возносить его... Здесь и метафизика, и смерть, и любовь, и напряженная воля к жизни". Критика не всегда была хвалебной. Случалось, что о Смоленском можно было прочитать отзывы наподобие следующего: "Нет, это не настоящие слова, не настоящее волнение, не настоящие стихи — это только поэтическая фальсификация" ("Русские записки", 1938, окт. С. 193). Но эти "не настоящие слова" до сих пор не утратили художественной убедительности, тогда как многое, что вызывало восхваления современников, кануло в Лету.

СОФИЕВ Юрий (Бек-Софиев Юрий Борисович, 1899 — 22 мая 1975, Алма-Ата). Из семьи офицера. Его дед — полковник Бек-Софиев — исповедовал ислам. Ю. Софиев участвовал в гражданской войне, был поручиком конно-артиллерийского дивизиона. Эмигрировал, жил в Париже. "Рыжеватый блондин с кудрями, несколько похожий на древнего галла, он зимой на рассвете мыл стекла окон больших магазинов и контор... Обожал песню, стакан вина в кругу друзей и по-гусарски просто влюблялся" (Яновский В. Поля Елисейские. Нью-Йорк; Серебряный век, 1983. С. 209). В 1928 г. женился на поэтессе Ирине Кнорринг. Состоял в Союзе молодых поэтов и писателей и избран был его председателем. В течение многих лет работал мойщиком стекол, а вечерами приходил на встречи поэтов на Монпарнасе. Участвовал в поэтических вечерах "Кочевья", "Зеленой лампы", "Перекрестка". Бывал на собраниях "Круга". После войны взял со-

ветский паспорт. Через несколько лет эмигрировал в СССР. Печататься начал в двадцатые годы. Стихи его появлялись на страницах многих зарубежных изданий ("Звено", "Сборники Союза поэтов", "Современные записки", альманах "Круг", "Русские записки", "Новоселье", "Новый журнал", "Русский сборник", "Орион" и др.), включены в несколько антологий ("Якорь", "Эстафета", "На Западе", "Муза диаспоры"). Ю. Софиев — автор сборника стихотворений "Годы и камни" (1937). В 1942 г. в русско-американской печати было объявлено о выходе еще одного сборника его стихотворений. По-видимому, эта книга так и не была опубликована.

СТАВРОВ Перикл Ставрович (1895—1955) — поэт, прозаик. Греко-одессит, в молодости он участвовал в одесском литературном кружке вместе с Фиолетовым, Э. Багрицким, Ю. Олешей, В. Катаевым. Испытал сильное влияние поэзии И. Анненского. Уехав из России, жил в Париже. Печатался в "Числах", "Современных записках", "Русских записках", "Круге", "Журнале Содружества", "Встрече", "Русском сборнике", "Новоселье", "Гранях". Выпустил два сборника стихов: "Без последствий" (Париж, 1933) и "Ночью" (Париж, 1937). Участник антологий "Якорь", "Эстафета", "На Западе", "Муза диаспоры". Переводил русских писателей на французский язык. Входил в редакционную коллегию издательства "Рифма", печатавшего сборники поэтов-эмигрантов.

СТАНЮКОВИЧ Николай Владимирович (1898, Харьков — ?) — поэт, прозаик, литературный критик. Родился в дворянской семье. Жил в Петрограде и Киеве. С армией Врангеля эвакуировался в Константинополь. Жил в военном лагере в Галлиполи. В Париже первое время работал шофером. Первое известное выступление в печати со стихами — в 1929 г. в "Сборниках Союза поэтов". Вышли три его поэтических книги (все три — издание автора): "Из пепла" (1929), "Свидетельство" (Париж, 1938) и "Возвращение в гавань" (Париж, 1949, 250 экз.). В послевоенное время сотрудничал почти исключительно в парижском журнале "Возрождение". В 1966—1967 гг. в "Возрождении" из номера в номер печатался его роман "Дело Александра Рогова". В том же журнале опубликовал множество статей и более восьмидесяти рецензий, включая отзывы на стихи: Л. Алексеевой, Г. Эристовой, М. Форштетера, Д. Кленовского, И. Кнорринг, Н. Туровой, А. Горской. Переводил стихи французских поэтов.

СТОЛИЦА Любовь (Ершова Любовь Никитична, 29 июня 1884, Москва — 12 февраля 1934, София). Сам факт рождения в московской купеческой семье в известной мере определил мироощущение поэтессы и тематику ее творчества. Фольклор, обрядность, церковность, многовековая история Москвы — вот мотивы ее творчества. Окончила с золотой медалью Елизаветинскую гимназию. В 1905 г. поступила на историко-филологическое отделение высших женских курсов. Именно к этому времени относится пробуждение всепоглощающего интереса к поэзии. Первое выступление со стихами в печати — в "Золотом руне". За первой публикацией последовало участие во многих московских и петербургских периодических изданиях. До революции были напечатаны сборники стихов "Раиня", "Лада", "Русь" и роман в стихах "Елена Деева", выдержавший четыре издания. Начиная с 1916 г. в ее творчестве преобладает интерес к драматургии. В течение одного лишь театрального сезона 1917 / 18 г. Л. Столица написала около 12 миниатюр для театра "Летучая мышь". В 1918 г. уехала из

Москвы в Ростов-на-Дону, затем переезжает в Ялту. В 1920 г. Л. Столица эмигрировала. Около года жила в Салониках, оттуда переехала в Софию. Двенадцать лет, проведенных в Болгарии, были временем неутомимой творческой деятельности. Помимо участия в эмигрантских журналах и альманахах, она опубликовала за эти годы отдельными изданиями "Елену Дееву" и поэму "Голос незримого", которую ряд поэтов-современников считали лучшим произведением Л. Столицы. Значительная часть наследия поэтессы осталась неопубликованной. В особенности это относится к произведениям, написанным в Болгарии: комедия "Два Али" (1926), комедия из купеческого быта "Рогожская чаровница" (1928) и др. Умерла Л. Столица внезапно, в расцвете творческих сил, не дожив нескольких месяцев до своего пятидесятилетия.

СТРАННИК (архиепископ Иоанн Сан-Францисский, в миру кн. Дмитрий Алексеевич Шаховской, 5 сентября 1902, Москва — 30 мая 1989, Калифорния). Уехал из России в 1920 г. Окончил Лувенский университет (Бельгия). В 1926 г. был редактором "Благонамеренного", названного так в память о журнале, издававшемся в пушкинское время с участием предка Странника — князя Шаховского. Первое свое стихотворение опубликовал в "Русской мысли" в 1922 г. До принятия монашества выпустил под фамилией Шаховской три сборника стихотворений — "Стихи" (Париж, 1923), "Песни без слов" (Брюссель, 1924), "Предметы" (Брюссель, 1926). Первый сборник под псевдонимом Странник ("Странствия") вышел в 1960 г. в Нью-Йорке. В дальнейшем опубликовал "Книгу лирики" (1966), "Упразднение месяца" (1968), "Нескучный сад" (1970), "Созерцания" (1971), "Избрание тишины" (1971), "Избранную лирику" (1974), "Иронические письма" (1975), "Поэму о русской любви" (1977 — вторая редакция "Упразднения месяца") и последний сборник — "Удивительная земля" (1983). В его литературное наследие входит также избранное в 7 томах, включая два автобиографических тома и "Переписку с Кленовским". За 18 дней до кончины, очнувшись от забытья, больной объявил о точном дне своей смерти.

СТРАХОВСКИЙ Леонид Иванович (1898, Оренбург — 1963) — автор трех поэтических сборников, литературовед, основатель и первый редактор русско-канадского журнала "Современник" (Торонто). Учился в Александровском лицее в Царском Селе. Был знаком с Н. Гумилевым, Г. Ивановым. О Гумилеве написал в конце жизни краткие воспоминания (см. в кн.: Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М., 1990). В 1922 г. вышел в Берлине первый сборник стихотворений Страховского "Ладья" (под псевдонимом Леонид Чацкий). Сборник "У антиквара" был опубликован в 1927 г. в Брюсселе. Последний сборник — "Долг жизни" — вышел через четверть века в Канаде (Торонто, 1953). Эта книга посвящена "Памяти безукоризненного поэта, совершенного кудесника русского слова, дорогого и уважаемого Друга и Учителя Николая Гумилева". Ранее (в 1949 г.) Страховский напечатал в США небольшую книжку на английском "Craftsmen of the World. Three poets of Modern Russia" о Гумилеве, Ахматовой и Мандельштаме. Об этой книге Г. Иванов написал рецензию мемуарного характера (Возрождение. 1950. № 9). В 1958 г. Страховский ездил в Европу, чтобы встретиться с ведущими поэтами и писателями эмиграции и договориться с ними о сотрудничестве в журнале "Современник". Под редакцией Страховского вышло семь номеров журнала. Стихи, статьи, рецензии Страховского печатались, кроме "Современника", в "Новом журнале", "Возрождении", "Гранях".

СТРУВЕ Глеб Петрович (9 мая 1898, Петербург — 1985, Калифорния) — историк литературы, критик, поэт. Сын философа и общественного деятеля Петра Бернгардовича Струве. Учился в Выборгском коммерческом училище, затем, уже будучи эмигрантом, — в Оксфорде. В двадцатые и тридцатые годы печатался в журналах "Русская мысль", "Благонамеренный", "Новый дом", "Жар-Птица", "Звено", "Современные записки", в альманахе "Окно", в газетах "Россия", "За свободу" и др.; в послевоенные годы — в "Новом журнале", "Гранях", "Опытах", "Мостах", "Воздушных путях", "Вестнике РСХД", в газетах "Русская мысль" и "Новое русское слово", в академических журналах и сборниках. С 1932 г. преподавал в Лондонском университете, с 1947 г. — в Калифорнийском университете (Беркли). Его книга "История русской советской литературы" (1935) была переведена на несколько европейских языков. Книга "Русская литература в изгнании" (1956 и 1984) явилась первой историей литературного зарубежья. Перевел на русский язык (1950) "Скотский хутор" Оруэлла. В том же году была издана его книга "Русский европеец" — материалы для биографии П. Б. Козловского. Вместе с Борисом Филипповым подготовил к изданию собрания сочинений Б. Пастернака, О. Мандельштама, А. Ахматовой, Н. Заболоцкого, Н. Гумилева. Издал том писем М. Цветаевой со своими комментариями. Подготовил к печати и опубликовал "Лебединый стан" М. Цветаевой и ее же "Перекоп", а также "Реквием" А. Ахматовой. Собрал и издал поэтическое наследие забытого Георгия Маслова. В 1981 г. вышел его сборник статей "О четырех поэтах" (Блок, Сологуб, Гумилев, Мандельштам).

Стихи начал писать с 12 лет. Первое напечатанное стихотворение — в 1918 г. в "Русской мысли". Переводил Рильке. Единственный его поэтический сборник — "Утлое жилье" — вышел в 1965 г. и позднее был переиздан. Стихи Г. Струве включены в сборники "Петербург в стихотворениях русских поэтов" (1923), "Чтец-декламатор" (1962), а также в антологии "Якорь", "Эстафета", "На Западе", "Муза диаспоры" и "Содружество".

СТРУВЕ Михаил Александрович (1890—1948). До революции вышла в изд. "Гиперборей" его книга "Стая", на которую откликнулся в "Биржевых новостях" Н. Гумилев. "Вот стихи хорошей школы, — писал Гумилев. — Читая их, забываешь, что М. Струве — поэт молодой и что "Стая" — его первая книга". М. Струве лично встречался с Гумилевым. Знакомство состоялось, вероятно, в марте 1915 г., когда Гумилев заболел и был отправлен с фронта в Петроград в лазарет. В 1916 г. М. Струве участвует во втором Цехе поэтов, чем и объясняется выход его книги в издательстве "Гиперборей", в котором печатались поэтические сборники участников Цеха.

В 1920 г. эмигрировал в Париж. Входил в несколько литературных объединений, в частности в Гатарапак, в котором состояли также Поплавский, Божнев, Гингер, Познер, Шаршун, Евангулов. Стихи М. Струве печатались во многих зарубежных изданиях, включая "Волю России", "Современные записки", "Числа", "Версты", "Русские записки", "Русская мысль", "Звено", "Сполохи", и вошли в антологии "Петербург в стихотворениях русских поэтов", "Якорь", "Эстафета". Писал он и прозу. Его рассказы, путевые очерки, рецензии на фильмы и др. печатались в газетах, чаще всего в "Последних новостях". Жил в нужде. Покушался на самоубийство. В январе 1937 г. в газетах появился некролог по поводу мнимой смерти поэта. В одном из них говорилось: "Для всех было загадкой — как мог он существовать на те гроши, что он зарабатывал". В связи с этой мнимой смертью

А. Даманская писала в газете "Сегодня": "Вряд ли много насчитается в литературном русском Париже людей, которые так владели русской речью, как владел ею Струве". Своего сборника стихов в эмиграции М. Струве не опубликовал, хотя подготовил книги "Злая жизнь" и "Стихи 1935—1936 гг." (объявленные издательством "Птицелов"). Тем же издательством была объявлена его книга "Титцы. Хроника". После войны, писал его двоюродный брат, литературовед Глеб Струве, он "примкнул к советским патриотам".

СУМБАТОВ Василий Александрович (1893—1977), князь, потомок древнего грузинского рода, "давно обрусевшего", как сам поэт писал в автобиографии. Родился в Петербурге, учился в кадетском корпусе, с июля 1914 г. направлен в действующую армию. Осенью 1916 г. контужен и вывезен в тыл. В 1920 г. эмигрировал, обосновался в Риме и жил там на протяжении сорока лет. Работал рисовальщиком для Ватикана, дизайнером по тканям и костюмам для киностудии, преподавателем русского языка и в русском книжном магазине, где в одном лице совмещал обязанности директора, продавца и уборщика.

Писал стихи с 1905 г. Печататься начал в эмиграции — в белградской газете "Новое время". Его стихи публиковались в "Литературном современнике", "Гранях", "Возрождении", "Русской мысли", в "Современнике" и др., а также вошли в антологии "Муза диаспоры" и "Содружество". Первая его книга — "Стихотворения" — вышла в Мюнхене в 1922 г., вторая — под тем же названием в Милане в 1957 г. Последний сборник Сумбатова — "Прозрачная тьма". Стихи разных лет (Ливорно, 1969). Известностью его стихи не пользовались. В 1959 г. Д. Кленовский писал Страннику: "Получил из Италии от некоего В. Сумбатова сборник его стихов, изданный в 1957 году. В нем есть хорошие и даже превосходные стихи, есть и на религиозные темы. Книга как-то очень располагает к автору, человеку душевно, по-видимому, чистому. По книге видно, что он стар, одинок и болеет. Порадуйте его, Владыка, — пошлите что-нибудь из своих книг, он почувствует, что его помнят и знают" (Странник. Переписка с Кленовским. Ред. Р. Герра. Париж, 1981. С. 82). Однако последняя книга Сумбатова была замечена: о ней писала Элла Боброва в "Современнике" (1971. № 22—23), Яков Горбов в "Возрождении" (1969. № 215). Юрий Трубецкой называл его поэтом-визионером и говорил о свойственном Сумбатову неприятии современности: "Читая его стихи, невольно вспоминаешь таких поэтов, как Фет, даже Случевский" (Новый журнал. № 52. С. 302).

ТАУБЕР Екатерина Леонидовна (3 декабря 1903 — 6 ноября 1987). Родилась в Харькове в семье профессора-юриста. В 1920 г. эмигрировала. Окончила в Белграде русский женский институт. В 1924 г. поступила на французское отделение Белградского университета. После окончания (1928) преподавала французский и немецкий языки в сербской школе. В 1936 г. переехала на Французскую Ривьеру. Преподавала русский язык в Каннах. Стихи писала с семи лет. Живя в Белграде участвовала в кружках "Литературная среда" и "Перекресток" (белградское отделение). Печататься начала в 1927 г. в журналах "Зодчий" и "Ступени". Затем ее стихи появляются в "Воле России", "Журнале Содружества", "Сборниках Союза поэтов", "Современных записках" (1932) и др. Первая поэтическая книга — "Одиночество" (Берлин, 1935). Все другие книги выходили со значительными промежутками: "Под сенью оливы" (1948), "Плечо с плечом" (1955), "Нездешний дом" (1973), "Верность" (1984). Таубер оставалась

творчески активной до конца своей жизни. Как критик она писала преимущественно об эмигрантской поэзии. Как прозаик она не достигла сколько-нибудь заметной известности. Ее рассказы печатались на протяжении тридцати с лишним лет в эмигрантских периодических изданиях в Европе и в Америке. Тема большинства рассказов — жизнь русских поселенцев на Ривьере. Они — "последняя страница старой России, но всюду чужие, их никто не хочет знать". Отдельной книгой ее рассказы не выходили.

ТЕЛЬТОВТ Ольга Ярославна (1915 — 1946?) — автор сборника "Бренные песни" (Харбин, 1943). Жена поэта Владимира Слободчикова (род. в 1913), вернувшегося в СССР. Жила в Харбине, сороковые годы — в Шанхае. Печаталась в дальневосточном журнале "Рубеж". Воспоминания о ней написал Валерий Перелешин. По-видимому, этот мемуарный очерк остался неопубликованным. В книге Л. Фостер "Библиография русской зарубежной литературы" приводится приблизительная дата смерти поэтессы: 1946(?) г. Два стихотворения из "Бренных песен" перепечатаны в вышедшей в Австралии антологии стихотворений харбинских и шанхайских поэтов "Песни с Востока" (Эделаид, Австралия, 1989).

ТЕРАПИАНО Юрий Константинович (21 октября 1892, Керчь — 3 июля 1980, Ганьи, Франция). Поэт, прозаик, критик, переводчик французской поэзии на русский язык, журналист, мемуарист. Его наследие составляет двенадцать книг, из них шесть — сборники лирики. Другие его книги: повесть "Путешествие в неизвестный край" (Париж, 1946), сборник воспоминаний и статей "Встречи" (1953), исследование "Маздеизм. Современные последователи Зороастра" (1968), еще две книги на французском языке, а также вышедшая посмертно книга статей и воспоминаний "Литературная жизнь русского Парижа за полвека". Терапиано много печатался в эмигрантских периодических изданиях, и некоторые его статьи и стихотворения остались не включенными в книги.

Терапиано родился в Керчи; по окончании классической гимназии поступил в Киевский университет, участвовал в белом движении, эмигрировал в Константинополь, затем переехал во Францию, где и прожил большую часть своей долгой жизни. Еще до эмиграции Терапиано был знаком с Мандельштамом и Волошиным. Преданность культуре серебряного века осталась у него навсегда. Темы его стихов довольно обычные — весна, любовь, Россия, воспоминания детства, но почти в каждом его зрелом стихотворении присутствует мотив созерцательности, так что обычные темы получают индивидуальное освещение. Из предшественников ему особенно близки акмеисты, и один из важных мотивов акмеистической поэтики мы можем видеть в таких строках, как:

Господи, прошу, нездешней тайны
Никогда не дай мне разгадать.

Именно об этом писал в своем акмеистическом манифесте Н. Гумилев, считавший в эту пору своего творчества все попытки познать непознаваемое нецеломудренными. Терапиано отличается высокая культура стиха, хотя порой трудно избавиться от впечатления излишней прилаженности. Вместе с тем в его поэтическом наследии соблюдается особенный баланс между интроспекцией и радостнымприятием окружающего мира. На фоне современных ему поэтов парижской ноты, о которых Терапиано много писал, его собственная поэзия

выглядит жизнеутверждающей. Кроме перечисленных выше книг Терапиано следует еще упомянуть составленную им антологию зарубежной поэзии "Муза диаспоры", включившую избранные стихи семидесяти поэтов-эмигрантов.

ТИМАШЕВА Татьяна Николаевна (14 ноября 1891, Петербург — 21 сентября 1950, Нью-Йорк). Родилась в семье известного в свое время промышленника, банковского деятеля и отличного виолончелиста Н. П. Рузского. С семи лет жила в Киеве. По окончании гимназии поступила в Петербургский женский педагогический институт. В начале первой мировой войны училась на курсах сестер милосердия и была отправлена на передовую. Была награждена Георгиевской медалью. После революции была арестована большевиками, сидела в тюрьмах. О своих тюремных мытарствах написала воспоминания. В 1920 г. начала учиться в Петроградском политехническом институте. В 1921 г. вышла замуж за известного социолога и юриста Н. С. Тимашева, участника таганцевского заговора. В августе 1921 г. вместе с мужем Т. Тимашева бежала в Финляндию. Из Финляндии семья Тимашевых переехала в Германию и оттуда в Прагу, а в 1926 г. в Париж. Живя в Париже, Т. Тимашева сотрудничала в ежедневной газете "Возрождение". Увлекалась музыкой, писала иконы. В 1939 г. переехала в США. В 1943 г. начала публиковать свои стихи (под псевдонимом С. Горлова). Стала деятельной участницей кружка русских поэтов в Америке (Нью-Йорк). В сборнике этого кружка — "Четырнадцать" — было напечатано двадцать стихотворений Т. Тимашевой. Печаталась также в "Новом журнале", "Возрождении", в "Русской жизни" и в "Новом русском слове". Всего в периодической печати опубликовано было около 150 ее стихотворений. В Нью-Йорке вела церковную работу, как прежде в Праге и в Париже, в среде эмигрантской паствы. Посмертно (в 1953 г.) муж поэтессы — Н. С. Тимашев издал ее книгу "Избранные стихотворения". Стихи Т. Тимашевой вошли в антологию Ю. Иваска "На Западе".

ТОЛСТАЯ Мария Андреевна (1908—?). Внучка Льва Толстого. В сороковые годы жила в Нью-Йорке. Первая известная ее публикация — стихи в "Новом журнале", 1942, № 1. В том же году в нью-йоркском сборнике "Ковчег" были напечатаны воспоминания М. Толстой о раннем детстве в Ясной Поляне. Печаталась преимущественно в "Новом журнале". Ее стихи включены в антологии "Эстафета" и "На Западе".

ТРОЦКАЯ Зинаида Самеевна (1902, Вильно — 1968, США). В гимназии училась в Петрограде. В 1921 г. эмигрировала в Германию. В 1928 г. в Берлине вышел ее первый сборник стихов "Безголосые песни". С приходом Гитлера к власти переехала в Париж. Печаталась в парижской "Иллюстрированной России", в варшавских и виленских периодических изданиях. В 1941 г. эмигрировала в США. В 1944 г. опубликовала сборник стихов "Отголоски". Входила в нью-йоркский кружок русских поэтов и участвовала в изданном этим кружком сборнике "Четырнадцать". Ее стихи появлялись на страницах журнала "Дело" (Сан-Франциско), "Современник" (Торонто), "Новый журнал" (Нью-Йорк), а также в русско-американских газетах "Новое русское слово" и "Русская жизнь". В 1961 г. выпустила в парижском издательстве "Рифма" свой последний сборник — "Вполголоса".

ТРУБЕЦКОЙ Юрий Павлович (наст. фам. Нольден; 1902, Рига — 15 июня 1974, Дармштадт, Германия). По образованию — врач. Детство

и юность прошли в Петербурге. Писать стихи начал в 1915 г., а в следующем году его стихи напечатаны в суворинском еженедельнике "Лукоморье". На всю жизнь остались для него незабываемыми встречи с А. Блоком, Н. Гумилевым, А. Ахматовой. Во время гражданской войны жил в Крыму у М. Волошина. В двадцатые годы участвовал в бакинском Цехе поэтов, руководил которым Вяч. Иванов. Из Баку переехал на Украину, скитался по разным городам, был арестован и отбывал длительный срок в лагерях. "Я выжил, — писал он, — только потому, что был врачом и меня заставили работать по этой части". На Запад попал во время войны и, когда война окончилась, остался в германской провинции и прожил там до конца своих дней. Первый сборник стихов — "Петербургские строфы" (1946). Это было ротаторное издание, отпечатанное малым тиражом. Другие два его сборника — "Двойник" (1954) и "Терновник" (1962). Его перу принадлежит также историческая повесть "Смута", повесть "Нищий принц", несколько рассказов, мемуарные очерки, рецензии на книги эмигрантов. Печатался Ю. Трубецкой в "Мостах", "Современнике", "Возрождении", "Новом журнале", "Литературном современнике" и в газетах. Его стихи находим в антологиях "На Западе", "Муза диаспоры", "Содружество", "Берега".

ТУРОВЕРОВ Николай Николаевич (18 марта 1899 — 23 сентября 1972). Родился в станице Старочеркасская. Окончил реальное училище. Служил вольноопределяющимся в лейб-гвардии атаманском полку. Сдал экзамен на чин хорунжего. Участвовал в первой мировой и гражданской войнах. Эмигрировал в 1920-м. Жил в Сербии, где работал лесорубом и мукомолом. Вскоре переехал в Париж. Работал грузчиком, учился в Сорбонне. На протяжении 37 лет служил в банке. Собирал книги, рукописи, гравюры по истории казачества. Основал Казачий музей, устраивал тематические выставки. Был председателем парижского Казачьего союза. Служил во французском Иностранном легионе. Участвовал во второй мировой войне.

Стихи его печатались в "Перезвонах", "Возрождении", "Современнике", "Гранях", "Новом журнале", в альманахе "Орион" и были включены в эмигрантские послевоенные антологии. Первой книгой Туроверова была поэма "Путь" (Париж, 1928). Затем последовали четыре книги — каждая под названием "Стихи" (1937, 1939, 1942, 1965). В эмиграции его поэзия была очень популярна. "Это не только краевая, но и настоящая общерусская лирика", — писал о творчестве поэта-казака Туроверова Ю. Терапиано. Однако в восприятии многих читателей, даже доброжелательных, он все-таки оставался именно "казачьим поэтом". "К генеральной линии русской (бывшей) литературы Туроверов, по-видимому, не принадлежит", — писал о нем рецензент "Нового журнала".

ТЭФФИ (Надежда Александровна Бучинская, урожд. Лохвицкая, сестра поэтессы Мирры Лохвицкой, 21 мая 1872, Петербург — 6 октября 1952, Париж). Впервые выступила в печати со стихами в журнале "Север" (август 1901). В 1910 г., когда имя Тэффи уже было широко известно, вышла ее первая книга — "Юмористические рассказы". Ко времени революции эта книга Тэффи выдержала десять изданий. В 1910 г. издан сборник стихов Тэффи — "Семь огней" (СПб.: Шиповник).

"В стихах Тэффи радует больше всего их литературность в лучшем смысле этого слова... Поэтесса говорит не о себе и не о том, что она любит, а о той, какой она могла бы быть... Отсюда маска, которую

она носит с торжественной грацией". Эти слова Н. Гумилева применимы и к книге "Passiflora", вышедшей, когда Тэффи жила уже в эмиграции. Она уехала из России в 1919 г. В зарубежье было издано 18 ее книг — сборники рассказов, фельетонов, пьес, книга воспоминаний. Ее рассказы и фельетоны на протяжении десятилетий появлялись на страницах эмигрантских периодических изданий. Стихи печатались в журналах "Грядущая Россия", "Современные записки", "Возрождение", "Грани", "Жар-Птица", в альманахах и коллективных сборниках — "Родная земля", "Русский сборник", "Колос" и др., а также вошли в "Антологию сатиры и юмора", в "Якорь" и "На Западе". Кроме книги "Passiflora" за рубежом напечатан еще один сборник стихов Н. Тэффи — "Шамрам. Песни Востока" (Берлин, 1923).

ФЕСЕНКО Татьяна Павловна (родилась 20 ноября 1915 г. в Киеве, живет в Вашингтоне). Весной 1941 г. окончила аспирантуру Киевского университета по специальности английская филология. Во время войны была отправлена в лагерь в Верхней Силезии. В 1950 г. эмигрировала в США. Работала в Библиотеке конгресса до выхода на пенсию. В 1963 г. издана ее автобиографическая "Повесть кривых лет", в 1966 г. — книга "Глазами туриста", составленная из очерков, печатавшихся в "Новом русском слове". В том же году под ред. Т. Фесенко вышла большая антология поэзии русского зарубежья "Содружество". Сборники стихов Т. Фесенко: "Пропуск в былое" (1975), "Двойное зрение" (1987). Составителю настоящей антологии Т. Фесенко писала: "Впервые свои стихи я решила напечатать по настоянию И. В. Одоевцевой. Работая в книжном деле В. П. Камкина, я настояла на издании ее книги "На берегах Невы", полной и приведенной в порядок. За ней последовала вторая книга — "На берегах Сены"... Сотрудничество с И. В. содействовало развитию искренней дружбы между нами. Я всячески настаивала на издании В. П. Камкиным воспоминаний Галины Кузнецовой и стихов Корвин-Пиотровского, друзей-киевлян Коли Моршена (Марченко), Ивана Елагина и др. ...Все же В. К. издал мою книжку "Глазами туриста"... Следующей, уже печальной, книгой стала "46 лет дружбы с Иваном Елагиным", огорчившей меня неудачным подбором фотографий, сделанным без моего ведома... В бытность мою старшим каталогизатором славянского отдела Библиотеки конгресса я натолкнулась на кипы неразобранных дореволюционных изданий, среди которых обнаружила ценнейшие и редчайшие книги, главным образом переводы иностранных произведений XVIII в., где подлинное имя автора оставалось неизвестным. С увлечением производя поиски по иностранным источникам, я установила множество авторов оригиналов дотоле неизвестных русскому читателю. Библиотека конгресса устроила выставку и издала каталог обработанных мною книг... Затем я много болела. Пришлось перейти на писание дома скриптов для радиопередач..."

ФИЛИПPOB (Филистинский Борис Андреевич, 6 августа 1905, Ставрополь — 3 мая 1991, Вашингтон). Отец — офицер. В 1928 г. Б. Филиппов окончил Восточный институт в Ленинграде. Несколько раз был под арестом. С 1936 по 1941 г. отбывал срок в Печорских лагерях. В 1941 г. освобожден и отправлен в ссылку в Новгород. В конце войны попал в Германию. Жил в лагере для перемещенных лиц. С 1950 г. — в США, сначала в Нью-Йорке, а с 1954 г. — в Вашингтоне. Преподавал в Американском университете. Б. Филиппов — автор более тридцати книг. Вместе с Г. Струве и Е. Жиглевич подготовил к изданию собрание сочинений Н. Гумилева, Е. Замятина, А. Ах-

матовой, М. Волошина, О. Мандельштама, Б. Пастернака и др. Печатался во всех крупных периодических изданиях зарубежья.

ФОРШТЕТЕР Михаил Адольфович (1893, Москва — 21 июля 1959). В 1917 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета, специализировался по истории России. После окончания провел некоторое время на Кавказе, вернулся в Москву и в 1919 г. эмигрировал в Прагу и вскоре переехал в Париж. Во Франции он прожил до конца своих дней. Его единственный поэтический сборник "Избранные стихотворения, 1916—1958" был издан посмертно; он вышел в свет в знаменитом парижском издательстве "Рифма" в 1960 г. С. Маковский, написавший предисловие к сборнику, говорит о поэте как последователе И. Анненского. Стихи Форштетера, по словам С. Маковского, унаследовали романтизм великих лириков Запада, от Китса до Бодлера и Рембо. "Он был слишком яркой индивидуальностью, чтобы не делать всего по-своему. К тому же в разгар модернизма — Белого, Брюсова, Бальмонта и др. он не давал себя увлечь моде на придуманные слова, трескучие эффекты и словесные фейерверки, как его однолетки-поэты, декаденты и символисты. Он почувствовал верным инстинктом, что "новая" русская поэзия созрела для поворота к классической форме. Еще до акмеистов он захотел продолжить традицию русской "прекрасной ясности".

Вот, кажется, все, что надо сказать, предлагая на суд русского читателя стихи никому не ведомого русского поэта. Человек он был примечательный и эрудит-историк и литературовед вдумчиво-строгий...

Хочется сказать в заключение, что по сути своей Форштетер был, пожалуй, больше романтиком, чем ученым-историком, и это примиряет с его противоречивыми пристрастиями, нетерпимостью к установленным мнениям; этим объясняется отчасти и соединение в нем холода и сердечности, самолюбивого позерства и пылкого воображения, отчужденности от покинутой родины и тоски по невстреченной избраннице сердца и любимому горько отечеству и по не узнанному еще, но предчувствуемому Богу" (Маковский С. Предисловие к стихам М. Форштетера // Грани. 1960. № 46).

ХАИНДРОВА Лидия Юлиановна (наст. фам. Хаиндрава, 1910, Одесса — 19 июня 1986). Жила в Харбине, участвовала в кружке "Чураевка", а позднее — в шанхайском поэтическом кружке "Пятница". Начала печататься в 1928 г. Работала кассиршей в ресторане. "Была своего рода магнитом, — писал в своих воспоминаниях В. Перелешин. — У поэтов, включая и меня, просто не было сил пройти мимо кафе и не зайти туда... Если захожий гость не торопился, то Лида рылась в сумочке и извлекала оттуда новые стихи. Писала их много и охотно, так же охотно читала их". Уехала в СССР в 1947 г. Жила в Краснодаре, где вышел ее сборник "Даты, даты..." (1976). О ее жизненном пути рассказано в романе "Отчий дом" (М.: Советский писатель, 1985), написанном ее братом Леваном Хаиндровой.

Л. Хаиндрова печатала свои стихи в основных изданиях харбинских и шанхайских поэтов — в "Багульнике", "Гумилевском сборнике", "Понедельнике", "Парусе", "Излучинах", "Острове", в сборнике чураевцев "Семеро". Живя в Китае, издала четыре сборника стихотворений: "Ступени" (1939), "Крылья" (1941), "На распутье" (1943) и "Раздумья" (без даты).

ХАЛАФОВ Константин Константинович. Жил в Белграде. По специальности инженер-строитель. Участвовал в белградском кружке "Ли-

тературная среда" и в парижском "Перекрестке", имевшем свое отделение в Белграде. Печатался в "Сборниках Союза поэтов" и в "Перекрестке". Его стихи вошли в антологию "Якорь" (1936). После войны переехал в Австралию. В 1950-е и 1960-е печатался в "Гранях", "Возрождении", "Мостах". Несколько его стихотворений опубликовано в "Содружестве" (Вашингтон, 1966). По словам самого К. Халафова, "всегда интересовался музыкой наравне с поэзией". Опубликовал по-английски ряд музыковедческих статей, писал музыкальные композиции для рояля.

ХОДАСЕВИЧ Владислав Фелицианович (28 мая 1886, Москва — 14 июля 1939, Бианкур, Франция). При жизни Ходасевича было издано пять поэтических сборников. Он широко известен и как блестящий мемуарист, критик, историк литературы, переводчик. Впервые его стихи были опубликованы в 1905 г. в альманахе "Гриф". В 1908 г. вышел первый его сборник — "Молодость", второй сборник ("Счастливый домик") — в марте 1914 г., третий — после революции. В 1922 г. он эмигрировал. Жил в Берлине, Праге, Италии и в 1925 г. поселился в Париже. В двадцатые годы становится одним из самых видных критиков в эмиграции. Последняя книга его стихотворений вышла в свет в 1927 г. В течение одиннадцати лет он публиковал литературно-критические статьи в эмигрантской газете "Возрождение". Прекрасно сказал о Ходасевиче Вл. Смоленский, понявший, кажется, самую душу его поэзии:

...Чуть слышно, сквозь мечту и бред,
Им говоришь про вечный свет,
Простой, как эта жизнь земная.

ХОЛЧЕВ Алексей. До революции жил в Севастополе. Участник гражданской войны. В 1920—1930-е гг. жил в Париже. Издал два сборника стихотворений: "Гонг" (1924) и "Смертный плен" (декабрь 1929). Печатался в "Числах" — последняя публикация в 1934 г. О стихах А. Холчева писал Георгий Иванов: они "сразу останавливают внимание и не только своей явной, бросающейся в глаза талантливостью, но еще и тем, что за каждой, даже неудачной строкой Холчева чувствуется настоящее, большое человеческое содержание. Последним они резко, выгодно отличаются от тех изящных литературных упражнений, которые во все эпохи, в том числе и в нашу, охотно титулуются поэзией... Холчев, повторяю, очень талантлив, и то, что волнует и подчас прямо-таки "раздирает" его, имеет живую и кровную связь с жизнью и искусством. Но в то же время ему как раз очень недостает "выучки" — вкуса, литературной грамотности... которая очень бы помогла Холчеву в обуздании и управлении клокочущей в нем подлинно поэтической стихии, покуда вовсе не обузданной и никак не управляемой" (Иванов Г. Третий Рим. Художественная проза, статьи. США. Изд-во "Эрмитаж". 1987. С. 231).

ЦВЕТАЕВА Марина Ивановна (8 октября 1892, Москва — 31 августа 1941, Елабуга). Стихи писала с шести лет. Первая книга — "Вечерний альбом" (1910). В 1912 г. вышел "Волшебный фонарь", через год — сборник "Из двух книг". Юность Цветаевой окрашена романтическим бонапартизмом, страстным увлечением литературой Германии, поэзией Б. Пастернака, дружбой с О. Мандельштамом. В 1922 г. М. Цветаева эмигрировала. В том же году выходят в Москве ее книги "Версты", "Конец Казановы", "Разлука". Лучшие годы ее эмигрантс-

кой жизни прошли в Чехии. Там написана ее книга "После России", а также "Поэма Горы", "Поэма Конца" и др. В период чешской эмиграции изданы ее книги "Царь-Девница", "Стихи к Блоку", "Разлука", "Ремесло", "Молодец". В 1925 г. М. Цветаева переехала во Францию. Весь этот тринадцатилетний период отмечен неустанным трудом. С русскими эмигрантами отношения у нее не сложились. В 1928 г. был опубликован ее лучший сборник — "После России". С тех пор она не издала ни одной своей книги — ни в зарубежье, ни тем более в Москве, куда она вернулась в 1939 г. В августе 1941 г. М. Цветаева эвакуировалась в Чистополь. 21 августа приехала в Елабугу, где ей предложили работу судомойки в столовой. Она оказалась в отчаянном положении, рвалась из Елабуги, не встречала никакой поддержки. 31 августа ее нашли повесившейся в сенях избы, где она снимала комнатку.

ЧЕГРИНЦЕВА Эмилия Кирилловна (1904, Екатеринбург — декабрь 1989, Прага) — автор сборников "Посещения" (Прага, 1936) и "Строфы" (Варшава, 1938). Школьные годы прошли в Кишиневе. Чегринцева входила в пражский кружок "Скит поэтов", к которому принадлежали также А. Головина, В. Лебедев, В. Мансветов, В. Морковин, Кирилл Набоков, Т. Ратгауз, Е. Гессен. "Скит" устраивал собрания с чтением стихотворений своих участников и издавал сборники стихотворений. Во всех четырех выпусках "Скита" напечатаны были стихи Чегринцевой. Кроме того, она печаталась в "Журнале Содружества", в таллиннской "Нови" и в "Современных записках".

ЧЕРВИНСКАЯ Лидия Давыдовна (1907 — июль 1988, Париж). В эмиграции (в Париже) — с начала 1920-х гг. Печаталась в "Числах", "Современных записках", "Круге", "Русских записках", "Русском сборнике", "Новоселье", "Гранях" и др. Вышло три сборника ее стихов: "Приближения" (1934), "Рассветы" (1937), "Двенадцать месяцев" (1956). Критика справедливо относилась к ее стихам к главному руслу "парижской ноты". "Стихи ее хотят быть не музыкой, а шепотом, вздохом, едва ли не молчанием" (Современные записки. 1935. № 58). В отзыве Г. Адамовича на тот же сборник сказано, что эмиграция к середине тридцатых годов переживала свою оторванность от России "острее и болезненнее", чем когда-либо. "Не знаю, можно ли, — писал Г. Адамович о книге Л. Червинской, — найти что-либо характернее для того внутреннего состояния, о котором я сейчас говорю" (Последние новости. 1934. 12 апреля). "Червинской удалось очень верно передать в стихах атмосферу и "жаргон" русского Монпарнаса 30-х гг.", — писал Ю. Иваск о книге "Двенадцать месяцев". "Ее поэзию, — уточняет Ю. Иваск, — можно также воспринимать как комментарий к статьям Адамовича, который утверждал, что, не изменяя духу поэзии, стихи "опрозаивать" можно и даже должно" (Опыты. 1957. № 8).

ЧЕРНЫЙ А. (Саша Черный — псевдоним Александра Михайловича Гликберга; 13 октября 1880, Одесса — 5 августа 1932, Лаванду, Прованс). Эмигрировал в 1920 г. Несколько лет, проведенных в Германии, были полны исключительной творческой активности. В 1922 г. переиздал свои книги "Сатиры" и "Сатиры и лирика", которые принесли ему до революции всероссийскую известность. Под его редакцией в двадцатые годы вышли "Избранные произведения для детей" И. С. Тургенева, детская антология "Радуга", "Избранные произведения" В. А. Жуковского и том А. П. Чехова под тем же названием. В 1923 г. вышла третья книга стихотворений А. Черного — "Жажда". В 1924 г.

А. Черный переехал в Париж, а в 1932 г. — в Прованс. Живя во Франции, сотрудничал во многих эмигрантских газетах и журналах, часто печатался в крупнейшей эмигрантской газете "Последние новости", в частности здесь была напечатана его поэма "Кому в эмиграции жить хорошо". Творчество для детей занимало особое место в течение всего зарубежного периода А. Черного: им написано около двадцати детских книг.

ЧЕХОНИН Михаил Георгиевич (1907, Петрозаводск — 1962, США). Жил в Нью-Йорке. Входил в Кружок русских поэтов в Америке. Участник коллективного сборника "Четырнадцать", изданного этим Кружком в 1949 г. Единственная его книга "Стихи", написанная в 1929—1945 гг., была издана в 1946 г. в Нью-Йорке. Стихотворения и рассказы Чехонина печатались в "Новом журнале", "Гранях", "Возрождении", "Новоселье". Стихи Чехонина вошли в эмигрантские антологии "Эстафета" (1947) и "На Западе" (1953).

ЧИННОВ Игорь Владимирович (родился 25 сентября 1909 г. в Риге, живет во Флориде, США). С 1914 по 1922 г. жил в России, затем в Латвии. С 1944 по 1947 г. — в Германии, затем в Париже, снова в Германии и в 1962 г. переехал в США. Профессор-славист в Канзасском университете и в университете Вандербилта (г. Нэшвилл, штат Теннесси). Печататься начал в тридцатые годы в парижских "Числах". Его стихи публиковались во многих эмигрантских периодических изданиях, в том числе в "Новом журнале", "Гранях", "Литературном современнике", "Современнике", "Новоселье", "Опытах", "Возрождении", "Мостах", "Континенте", в альманахе "Воздушные пути", в нескольких зарубежных антологиях. И. Чиннов — автор сборников стихотворений "Монолог" (1950), "Линии" (1960), "Метафоры" (1968), "Партитура" (1970), "Композиция" (1972), "Пасторали" (1976), "Антитеза" (1979), "Автограф" (1984). О Чиннове, авторе еще только первой книги "Монолог", Глеб Струве писал в пятидесятые годы: "Чиннов — неожиданное и несомненное приобретение зарубежной литературы". Г. Адамович считал И. Чиннова "на редкость искусным поэтом". Ю. Иваск слышал в его стихах "издевательские шуточки, но и райские звуки, элегический минор, но и фантастический мажор".

ШАТАЛОВ Владимир Михайлович. Приводим автобиографию, написанную для настоящего издания. "Род. в 1917 г. в России, в Белгороде. Город не помню. Уход отца к "белым", начавшаяся гражданская война заставили мать бежать на юг, в Донбасс, в заранее условленное место, куда пришел отец из Крыма, когда его заняли "красные". Потомственный дворянин, он уже не вернулся в свое имение под Пензой. Не вернулась и мать в свой белгородский дом. Таким образом, я жил и учился в УССР. Сперва в донбасской глуши, затем в Сталино (ныне Донецк), где закончил семилетку. Художественное образование начал в Днепропетровске. Продолжал в Харькове, в Киеве, в Государственном Художественном и-те. Закончить помешала война. Со времени ее, с 1943 г., и нахожусь на Западе. После войны уже жил в Германии, неподалеку от Мюнхена, который стал прибежищем многим русским, утратившим Родину в 40-х и в 20-х гг. под общим определением "Displaced Persons". Там, среди развалин и остатков пожарищ, встретился с соучеником по Киеву художником и поэтом Сергеем Бонгартом, с соучениками из Харькова, познакомился с художниками из Москвы, Ленинграда и поэтами — Ольгой Анстей, Иваном Елагиным, Сергеем Зубаревым, с искусствоведам и поэтом

Вячеславом Завалишиным. Вскоре и с писателем и поэтом Владимиром Юрасовым. К началу 50-х гг. для "Displaced Persons" предоставилась возможность устраиваться в заморских странах. Почти все "мюнхенцы" переселились в США, в большинстве своем в Нью-Йорк.

Стихи я писал до войны. Впервые печататься стал в ежегоднике "Перекрестки" с 1977 по 1982 г. включительно, в "Новом русском слове". С 1983 г. печатаюсь во "Встречах", ежегоднике, выходящем под руководством поэта, обозревателя и очеркиста Валентины Синкевич. Без малого десять лет участвовал в поэтических вечерах содружества "Поэтов "Встреч", образованного В. Синкевич в 1983 г. Вечера устраивались в Филадельфии, Нью-Йорке, Бостоне, Вашингтоне и в других местах Восточного побережья США.

В США проживаю с 1951 г. Как художник имею звание "National Academitian" и являюсь действительным членом Американской Национальной Академии Искусств".

ШАХОВСКАЯ Зинаида Алексеевна (в замужестве Малевская-Малевич; родилась 30 августа 1906 г. в Москве). В 1920 г. эвакуировалась с матерью из Новороссийска в Константинополь. В начале 1920-х гг. переехала в Брюссель. Принимала участие в Бельгийском клубе русских литераторов "Единорог" (среди участников были К. Льдов, И. Наживин, Л. Чацкий-Страховский). В 1925 г. переехала в Париж. В годы войны принимала участие во французском Сопротивлении. Была редактором Французского информационного агентства. С 1945 по 1948 г. — военный корреспондент при союзных армиях. С 1968 г. в течение многих лет была редактором парижской "Русской мысли". Печаталась в русских эмигрантских журналах ("Современные записки", "Русские записки", "Новый журнал" и др.), а также в периодических изданиях в Англии, Германии, Швейцарии, Бельгии, Франции, США. Несколько книг опубликовала по-французски, в том числе четыре романа, под именем Жак Круазе. Ее книги переведены на многие языки. На русском языке вышли сборники стихотворений: "Уход" (1934), "Дорога" (1935), "Перед сном" (1970), мемуарная книга "Отражения".

ШИМАНСКАЯ Аглаида Сергеевна (1903, Москва — ?) — поэтесса, прозаик. Попала в эмиграцию ребенком. Детство и юность провела в Швейцарии. В 1939 г. переехала в Париж. Первая публикация — в 1947 г. в нью-йоркском "Новом русском слове". Печаталась также в "Единении", "Русской мысли", "Новом журнале", "Современнике", "Гранях", "Возрождении", "Новоселье". Стихи А. Шиманской включены в антологии "Эстафета", "Муза диаспоры" и "Содружество". Вышло четыре ее поэтических сборника: "Капля в море" (Париж: Рифма, 1950), "Новолунье". 2-я книга стихов (Париж: Рифма, 1955), "Я вам прочту" (Париж: Рифма, 1963), "Антенны" (Париж: Рифма, 1976). О последнем сборнике писала в "Современнике" поэтесса Е. Рубисова: "Две перемежающихся темы в стихах А. Шиманской: тема гибели... и, несмотря ни на что, приятие этой жизни и ее закона. И также — тема родины... Память эта всегда жива, хотя

Нам не встретиться и не проститься,
Не сказать, что ты моя страна..."

ШИПОВНИКОВ Михаил (наст. имя и фам. Михаил Ильич Качуровский, 1900, Харьков — 1976, Филадельфия) — художник-акварелист, один из "маргинальных" эмигрантских поэтов, так же как, например,

композитор В. Дукельский, богослов Н. Арсеньев, пианист В. Пастухов, историк литературы Г. Струве и ряд других. М. Шиповников до войны преподавал в Харьковском университете анатомию. Стихи писал на протяжении сорока с лишним лет, хотя в сравнении с живописью поэзия не была делом его жизни. Самые ранние стихи в его книгах помечены 1932 г., самые поздние — 1968-м. На Западе оказался в 1943 г. В 1950-м переехал на постоянное жительство в США. Его биографию можно проследить по обозначенным под его стихотворениями географическим названиям: Тянь-Шань — Акмолинск — Дергачи — Харьков — Галиция — Венгрия — Вена — Тироль — Ульм — Мюнхен — Кассель — Штуттгарт — Гамбург — Ганновер — США. Шиповников издал три книги: два поэтических сборника ("Из чащи промелькнувших лет" и "Почти автобиография") и фантастическую повесть "Стихада о фиолетовой мечте". Сборники вышли в Вашингтоне соответственно в 1967 и 1968 гг. Стихотворная повесть была издана в Бельгии в 1969 г.

ШИШКОВА Аглая (псевдоним Агнии Сергеевны Ржевской). Родилась 1 февраля 1923 г. в Рославле. В эмиграции с сороковых годов. Жила в Германии. В 1953 г. вместе с мужем, известным эмигрантским прозаиком и критиком Л. Д. Ржевским, переехала в Швецию. С 1963 г. живет в США. Печататься начала в 1948 г. Ее стихи появлялись на страницах "Граней", "Литературного современника", "Мостов", "Литературного зарубежья", "Нового журнала" и вошли в антологии "На Западе", "Муза диаспоры", "Содружество" и "Берега". В 1953 г. в серии "Русская зарубежная поэзия" (издательство "Посев") вышел сборник стихов А. Шишковой "Чуждадь".

ШТЕЙГЕР Анатолий Сергеевич, барон (20 июля 1907, имение Николаевка Киевской губернии — 24 октября 1944, Швейцария; похоронен в Берне). Брат поэтессы А. Головиной. Выходцы из Швейцарии, предки поэта переселились в Россию в начале XIX в. Детство А. Штейгера прошло в родительском имении на Украине и в Петрограде. Эмигрировал в Константинополь; оттуда переехал в Чехословакию, затем в Париж. Последние годы жизни прошли в Швейцарии. Начинал как прозаик: сочинял в отрочестве исторические романы. "С 16—17 лет, — как писала А. Головина, — всецело посвятил себя поэзии. Среди его глубоких поэтических привязанностей — А. Блок и О. Мандельштам, Г. Иванов и А. Ахматова и конечно же Марина Цветаева, с которой он состоял в недолгой, но чрезвычайно интересной переписке" ("Биографическая заметка") в кн.: *Штейгер А. Дважды два четыре*. Нью-Йорк: Руссика, 1982). Много ездил, бывал в Бессарабии, Чехии, Албании и в других странах Европы. При жизни А. Штейгера вышло три сборника его стихотворений: "Этот день" (Париж, 1928), "Эта жизнь" (Париж, 1932), "Неблагодарность" (Париж, 1936). Во время войны он подготовил к печати книгу "Дважды два четыре", которая была опубликована посмертно — 28 февраля 1950 г. в Париже. Второе издание вышло в 1984 г. в Нью-Йорке (с предисловиями А. Головиной и Ю. Иваска и с портретом автора).

ЩЕГОЛЕВ Николай Александрович (1910 — 15 марта 1975, Свердловск). В эмиграцию привезен был мальчиком. Жил в Харбине, учился в консерватории по классу рояля. Входил в литературный кружок "Чураевка", был его вице-председателем. Позднее переехал в Шанхай, зарабатывал журналистикой. В 1947 г. вернулся в СССР. Стихи Н. Щеголева печатались в харбинской газете "Чураевка", в шанхайском журнале "Сегодня", а также в коллективных сборниках и в аль-

манахах поэтов русского Китая, таких, как "Багульник" (1931), "Семь-ро" (1931), "Понедельник" (1931), "Излучины" (1935), "Остров" (1946). Лучший из дальневосточных поэтических альманахов "Остров" редактировали Н. Щеголев и В. Перелешин. Предисловие к "Острову" написано Щеголевым. Стихи Щеголева были напечатаны также в "Числах" (Париж) и вошли в антологию "Якорь". В 1943 г. журнал "Сегодня" (Шанхай) напечатал его роман "Из записок одиночки".

ЩЕРБАКОВ Евгений принадлежал к поэтам послевоенного зарубежного поколения. Первое, известное нам, его выступление со стихами в печати относится к 1947 г., последнее — в 1951 г., когда в издательстве "Рифма" вышел его сборник "Свет и камень". Единственный, насколько можно судить, печатный отзыв о его книге принадлежит Ю. Иваску. "Щербаков часто пользуется чужими поэтическими идиомами, — писал Иваск. — Но у него есть свои мысли, своя творческая индивидуальность... За некоторыми его строчками чувствуется большая тема". Стихотворения Е. Щербакова включены в антологию "Эстафета".

ЩЕРБАКОВ Михаил Васильевич. Прозаик и поэт. Эмигрировал в Китай в 1922 г. Свой путь к свободе он описал в очерке "Одиссеи без Итаки" ("Архив русской революции", 1926, т. 18). Написал фантастический роман "Токсин любви", повесть "Черная серия". Писал также рассказы, очерки, рецензии, воспоминания. Переводил с китайского. Печатался во многих дальневосточных изданиях ("Врата", "Понедельник", "Багульник", "Феникс" и др.), а также в ряде европейских, например в "Современных записках". Издал два своих поэтических сборника: "Vitreaux" (Токио, 1923) и "Отгул" (Шанхай, 1944). После установления коммунистического режима в Китае М. Щербакову удалось добраться до Франции. Жил в Париже. Покончил самоубийством в пятидесятые годы (более точной даты у нас нет).

ЭЛЛИС Владислав Валентинович (1913, Кривой Рог — 1975, Глендэйл, Калифорния). Первое выступление со стихами — в харьковской газете в тринадцатилетнем возрасте, когда Эллис учился в шестом классе трудовой школы. Во время войны попал в плен, остался на Западе. Работал в Бельгии на шахте. В 1950 г. эмигрировал в США. Жил в Калифорнии. Работал инженером-строителем. Печатался в "Русской мысли", "Новом русском слове", "Современнике", "Новом журнале". Стихи В. Эллиса вошли в антологии "Содружество" и "Берега".

ЭРИСТОВ Георгий Захарьевич (6 мая 1902, Батум — ?). Детские годы прошли в Грузии и в Петербурге. Окончил классическую гимназию. Участвовал в Тифлисском Цехе поэтов. С 1920-х гг. — в эмиграции. Жил в разных странах Европы, а около 1937-го обосновался в Италии. Преподавал в миланском Интернациональном переводческом центре русский язык и литературу. Некоторые его лекции по русской культуре были изданы на итальянском языке. Стихи начал писать в 1915 г., и лишь через сорок лет вышел его первый сборник "Сонеты" (Милан, 1955). Г. Эристов — автор еще двух поэтических книг: "Синий вечер" (Милан, 1956), "Ладья" (Париж, 1966). Его стихи печатались в "Литературном современнике", "Гранях", "Возрождении" и "Современнике" и вошли в антологии "Муза диаспоры" и "Содружество".

ЯНКОВСКАЯ Виктория Юрьевна. Родилась на Дальнем Востоке в 1909 г. До 13 лет жила в имении Сидеми недалеко от Владивостока. Вместе с партизанским отрядом отца перешла корейскую границу и долго жила в Корее и затем десять лет в маньчжурской тайге, в "совершенно первобытных условиях", как В. Янковская писала в своей краткой автобиографии. Печаталась во многих дальневосточных периодических изданиях (журналы "Рубеж", "Прожектор", "Парус", газета "Слово", в коллективных сборниках "Понедельник", "Багульник", "Врата"). Переводила стихи с японского. В 1935 г. отдельным изданием вышли ее путевые заметки "Это было в Корее". С 1951 по 1961 г. жила в Чили, с 1961-го — в Калифорнии. В 1966 г. ее стихи были напечатаны в антологии "Содружество" (Вашингтон). В 1978 г. вышел в Нью-Йорке сборник стихов В. Янковской "По странам рассеяния".

ЯССЕН Ирина (ок. 1893, Ромны — 28 ноября 1957, Нью-Йорк). Окончила с золотой медалью Ромненскую гимназию. Затем училась в Петербурге на Высших женских курсах. По окончании курсов вернулась в Ромны. Редактировала местную газету демократического направления. В 1923 г. эмигрировала в США. Литературные интересы проявились еще в гимназии, однако настоящая реализация творческих возможностей началась только в 1943 г. Двадцать лет (1923—1943) Яссен жила вне сферы русских культурных влияний и фактически отошла от русского языка. Лишь под воздействием военных событий вернулся обостренный интерес к России, ее культуре, ее историческим судьбам. Литературным дебютом был поэтический сборник "Земной плен" (1944). Через два года вышла ее книга "Дальний путь". Сближение с русскими поэтами США и Франции привело Яссен к мысли об издании первой послевоенной эмигрантской антологии. Эта антология ("Эстафета"), включившая стихи 41 поэта-эмигранта, вышла в 1948 г. под редакцией Вадима Андреева, Юрия Терапиано и Ирины Яссен. Ей же обязано своим существованием издательство "Рифма", специализировавшееся на сборниках поэтов русского зарубежья. Всего было издано около 30 книг и в их числе книги Яссен: "Лазурное око" (1950), "Память сердца" (1956) и "Последние стихи" (1959).

Содержание

Вадим Крейд. О духовном опыте эмигрантской поэзии.....	5
Георгий Адамович	24
"Еще переменится все в этой жизни, — о, да!..". "За все, за все спасибо. За войну...". "Из голубого океана...". "Невыносимы становятся сумерки...". "За слово, что помнил когда-то...". "Что там было? Ширь закатов блеклых...". "Когда успокоится город...". "Но смерть была смертью. А ночь над холмом...". "Пора печали, юность — вечный бред...". "Ничего не забываю...". "Приглядываясь осторожно...".	
Лидия Алексеева	28
"Дни летят, летят, не уставая...". Моей ели. "То сверкнет, то затонет...". "Черный Данте в облетевшем скверике...". "Из норки бурундук метнулся и исчез...". "Там шурша струятся колося...". Полдень. "В садах, где прохладные астры цветут...".	
Николай Алл	31
"Мне близок едкий дым крестьянской черной бани...". Невеста. "К холодному сердцу нашел ты ключи...".	
Амари (Михаил Цетлин)	34
Утро ареста. Прогулка Николая I.	
Дои Аминадо	37
Шли поезда по Казанской дороге. Бабье лето. Утешительный романс. "Спрятался месяц за тучку".	
Ларисса Андерсен	40
"Огоньки... огоньки... огоньки...". Яблони цветут. "В золотистом, зардевшемся августе...". "Лучшие песни мои не спеты...".	
Вадим Андреев	42
"Окно склоняется вот так...". "Возьми прозрачный уголек...". "До чего же пленительна ночь!..". "Шагает рядом голубая тень...". "Когда лиловеют вершины...".	
Ольга Анстей	45
"Душа проснулась, захотела пить...". "Когда весь дом причесан и умыт...". Волчье счастье. "Масляна в дверях, дружок, так чего нам супиться?...".	
Елена Антонова	48
Зея. "Раскидала повсюду взоры я...". В медном руднике. "Не под черным плащом, не с косою отточенной..." Золотая дверь.	
Аргус (Михаил Железнов)	51
В селе Михайловском. Сядь, мой друг. Нет ничего любви великолепней. Мой старый друг Кихот.	

Алексей Ачаир	53
Оттепель. Ангара. Дорога к дому. Душа звезды.	
Екатерина Бакунина	56
Гудок. "Вспоминаю покров глазетовый..." Закат. "Из невыносимого далёка..."	
Юргис Балтрушайтис	58
Сказка. "Дышат бездной сумерки и зори..." Часы с кукушкой.	
Константин Бальмонт	60
В черном. Цветная тропа. Златовоздух. Дремота. Задымленные дали.	
Кирилл Батурин. Луна (поэма).	63
Нонна Белавина	65
"Каждый миг несет с собою чудо!..". Зеркала. "Сегодня так отрадна тишина...". "Нет, я не вернусь умирать домой..."	
Николай Белоцветов	67
"И прозвучало вдруг: "Восстань!". Благовест. "Ветер гуляет по миру...". Амарилис. Спасение.	
Ирина Бем	69
"Прекрасное слово — гордость!..". "Розовеет заря, зеленеет плетень...". "Иногда, просыпаясь, забудешь совсем, что война..."	
Нина Берберова	71
"Я десять лет не открывала старой...". "Ребенок маленький лепечет...". "Кассир спросил: Туда и обратно?...". Отрывок. "Ни о вазе. Ни о розе в вазе..."	
Родион Березов	74
Дуга. Клубочек жизни. Меньшее зло.	
Анна Берлин	77
"Ночь за оградой сада залегла..." Светящийся циферблат.	
Александр Биск	78
Русь. "Проскользнул в каморку лучик...". "Простою речью ничего не скажешь...". Шварц.	
Андрей Блох	80
"Пахнет в воздухе гвоздикой...". "Мчались по мосту, словно ракеты во тьме, поезда...". "Мирный ресторанчик...". "Замер вечер над долиной...". "Двери, раскрытые в сад...". "Приходи сюда почаще...". "Она ушла от нас неожиданно..."	
Раиса Блох	83
"Всякому в мире свое дано...". "Принесла случайная молва...". "Помнишь: отец бывало...". "Странно, что здесь Париж...". "Налетает ветер длиннокрылый...". "Небо благостное и жарок...". "Полная чаша света..."	

Петр Бобринской	86
"О летней ночи — в метель...". "День пчелою прожужжит...". "Жили мы высокими мечтами...". "Когда внимая вою бури...". "Умчало, пусть — о тщетной крик погони...".	
Николай Божидар	88
Венера. В пути. Раздумье. Раздумье.	
Борис Божнев	90
"Как вымазанное лицо...". "Неблагодарность — самый черный грех...". "Сокрыта звучная струя...". "Средь страшной дикой бури соловей...". "Когда в тиши гармонии наук...". "Уходит в землю глубоко скамья...".	
Сергей Бонгарт	93
Русский Парнас в рассеянии. Береза. Влюбленные лошади.	
Александр Браиловский	96
"Ты повторился, древний сказ...". "Жизнь пробежала, как в романе...". "Усталой поступью к закату...". "Веют, веют суховети...". Миражи. Гражданская война.	
Александр Браславский	99
"Проходит жизнь, как торопливый снег...". "Ночной корабль кружился подо мной...". "Люби и верь, чтоб пережить разлуку...". "Когда летящий с крутизны...". "Рыдают кошки, как больные дети...".	
Илья Британ	101
"Лампа под зеленым абажуром...". "Холодный черный сон заупущенной усадьбы...". "Время было к вечерне. Огнями заката...". "Вербочки — нежнее детских щек...". "Птицы черными крыльями хлопали...".	
Нина Бродская	103
"Как от ветра дугою согнулись недвижные ветви...". "Пусть все просто, обыденно мило...". "Я потеряла родину и сад...". "Страшно. Безвыходно страшно. За окном топот и крики...". "Нам, пощаженным, нам, полуспасенным...". "Если "я" ненавижу свое, как тогда...".	
Вера Булич	105
"Ветер по дому ходит хозяином...". Розовый воздух. "Лиловеют прозрачные рощи...". Ветви.	
Иван Бунин	108
Канарейка. "У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...". Радуга. "Зарос крапивой и бурьяном...". "Мечты любви моей весенней...". "Печаль ресниц, сияющих и черных...". Весна 1886 г. "Льет без конца. В лесу туман...". "В гелиотроповом свете молний летучих...".	
Иван Буркин	112
Перед судом объектива. Кстати. Стихотворение (в котором я защищаюсь от Хлебникова).	

Ирина Бушман	114
"Когда видений призрачные сонмы...". "Такая весомая, зримая, даже...". Раздробленный сонет. "С моей души содрали кожу заживо...".	
Евгений Вадимов	116
Йог. Купава. Русская культура.	
Мария Вега	119
"Мне хочется молить кого-то сквозь века...". "В окне моем звезды и сумерки бледные...". Музыка. "Когда остановится поезд, полетом прозревая пургу...".	
Владимир Вейдле	121
Берег Искии. К ***. "Зачем, рассудок беспокоя...". Стихи о стихах. Умирать надо в бедности.	
Тамара Величковская	124
"В лесу мороз. А если я щекою...". "Становятся листья тише...". Закат. "Растут два тополя. Они...". "В деревне, иногда весной...". О музыке.	
Анатолий Величковский	126
"Вот уже и нам пора проститься...". "Солнце греет, пахнут липы медом...". "В сугробах, словно в белых дюнах...". "Я люблю, когда в окошке выются...". "Веленью дивному послушна...". "Когда я вижу утренний восток...". "Ни солнца розовый восход...".	
Владимир Верещагин	129
"Как на экране синема...". "Пасхальный звон колоколов...". "У одинокого вокзала...".	
Александр Вертинский	130
В степи молдаванской. Прощальный ужин.	
Мария Визи	132
"Я не знаю, по чьему указу...". "Когда потухнут на пути огни...". На берегу. У озера. На заре.	
Михаил Волин	134
"Музыка — она не умерла...". "Зимний вечер. К оконной раме...". Медитация.	
Борис Волков	136
Пулеметчик сибирского правительства. Конец пути. В госпитале.	
Мария Волкова	139
Воспоминанье. Шиповник. Нежность.	
Лидия Волынцева	141
Ледяные узоры. "Уже закончен круг дневных забот...". "За город выйти, и тихо, без цели...". Элегия. Среди полей. "Чрез окно, что лунными лучами...".	

Николай Воробьев	143
Закат. Still Cove (Спокойная бухточка).	
Владимир Гальской	146
Черный город. "Это было — в Брюсселе? В Париже?..". Bassiana. "Губ твоих румяных зрелый мед...". На отъезд в Америку.	
Леонид Ганский	149
"Звезды купались в асфальтовых лужах...". "Никто не провожал. Никто не встретил...". "Под мертвым небом европейским...". "Нас разделяют границы...". "Стакан вина у стойки грязной...". "Все чище голос мой, все чище...". "Сверлит сверло сомненья...".	
Вадим Гарднер	151
Завируха. "Когда я один и мне грустно...". Нюландский сонет. Сафические строфы.	
Карл Гершельман	154
"Не напрасно загорелось золотое...". "Удалось однажды родиться...". "Мне кто-то подарил окно в вечерний сад...". "Сижу над стаканом чаю...".	
Евгений Гессен	157
"Разлуки срок уже к концу подходит...". "От бедности сердечной принимаем...". "С кровью тяжелой и душной...".	
Александр Гингер	158
Сердце. Угол. Сестра.	
Зинаида Гиппиус	161
Мера. Вечноженственное. Быть может. Как он. Прорезы. Зеркала. Eternite Fremissante. Игра.	
Глеб Глинка	165
Утешение. На чужбине. Освобождение. Рубикон. Silentium.	
Илья Голенищев-Кутузов	168
"Древний помещичий сад...". "Не говори о страшном, о родном...". "Шестикрылая мучит душа...". Монмартр. "Вокруг волос твоих, янтарней меда...". "За это одиночество...".	
Алла Головина	171
"Разобран лесок тропинками...". "От слов твоих, от памяти моей...". "Зияющая пустота...". Северное.	
Георгий Голохвастов	173
"Жаровня пышет...". Вдохновенье. "Повеял вечер. Нежит сном он...". "Гудит набат. Дрожат сполохи...". "Мы глухи. Плоти ткань груба...". "Чем глуше шепот бледных будней...". Вечер. В лесу. "Великий Боже, длящий сроки...". Экспромт. "Под обольщающей личиной...". "Янтарно-желтая оса...".	
Лев Гомолицкий	176
Бог. Любовь. Земной рай. Наше сегодня.	

Михаил Горлин	179
Мексика моего детства. "Мокрою редющей листвою...". "Кадидия, Кадидия...". Шнурренлауненбург.	
Валентин Горянский	182
"...И вот, я, бедный фараон...". Россия.	
Николай Гронский	184
Воспоминание. Финляндия. Поезда. "Один в снегах страны вечерней...".	
Юрий Джанумов	187
"Пора, пора... Рассвет как булочник...". "Проплы вали мимо корабли...". Walse Triste. "Как страшно, когда ты однажды...". "Прости, что так поздно, но — было нельзя...".	
Владимир Диксон	190
"Вместе мы ходим иль порознь...". "Долго странствую, много скитаюсь...". "Здесь намечено и размерено...". "Чтоб на людях глазам быть суше...". "У детей, изгнанников и пленных...". "Облаку радуются глаза мои...".	
Евгения Димер	193
Радуга. В Нью-Йоркской гавани. Виноград. На скале. Перед зимним пейзажем Грэндма Мозес.	
Владимир Дитерихс фон-Дитрихштейн	196
"Сегодня снова мы в мечтах воздушных...". "Чудесный опыт, внятный духу...". "Осени воздух душистый, бодрящий...". Петербург. "Исчез навсегда безвозвратно...". "Первые листья опали...".	
Валериан Дряхлов	199
Путь. Беспечальная разлука. Другая любовь.	
Владимир Дукельский	202
Памяти Поплавского.	
Алексей Дураков	204
"Я был сияющим повесой...". "Зачем казнишь меня, Всевышний?...". "Гляжу на мир потусторонний...".	
Георгий Евангулов	206
Вдохновение. Выбрать свой цвет... Я ночью видел иногда... Когда умру...	
Николай Евсеев	208
"Синее небо, прохлада...". "Все та же картина пред нами...". "Наша жизнь — очарованье...". "Сохнут широкие плечи...". Поззия. "За рекою костер полыхает...".	
Иван Елагин	211
"Нежность, видно, родилась заикой...". "Я решаю вопрос большой...". "Неслышно входит городское лето...". "Мой век! От стука...". "В новогоднюю ночь я к столу подойду...". "Где-то вверх, за холмы уходя...".	

Григорий Забежинский	215
В больнице. "Тебя нет! Тебя нет, да и будешь ли?..". Молитва. Зеркало.	
Вячеслав Завалишин	217
"Что бросил я в обугленной России?..". Никого. С высоты в ничто.	
Борис Закович	220
"Есть непонятная услада...". "Я узнаю подчас на глубине...". "Пахло кошатиной, скукой...". "Мы шли домой, но вдруг сооб- разили...". "Я шарил долго, скучно, деловито...". "Темный зал, задумчивые лица...".	
Владимир Злобин	222
Остров на Сене. Уйти. Сквозняк. Дверь. "Я сам себя заколдо- вал...". "Есть что-то странное в моих мечтах...". "О не пойму, никогда не пойму...".	
Вячеслав Иванов	225
"Любовью сердце в нас живимо...". "Различны прежде были меры...". "Зачем, о дали, голубея...". "Европа — утра хмурый холод...". "Каникула, иль песья бесь...". "Как в дни октябрьские прекрасен...". "Таинник Ночи, Тютчев нежный...". "Станет шар земной теснее...". "Вы, чьи резец, палитра, лира...".	
Георгий Иванов	229
"Начало небо меняться...". "Закроешь глаза на мгновенье...". "Медленно и неуверенно...". "Замело тебя, счастье, снегами...". "Это звон бубенцов издалика...". "Друг друга отражают зеркала...". "Был замысел странно порочен...". "Эмалевый крестик в петли- це...". "Мелодия становится цветком...". "Отвлеченной сложностью персидского ковра...". "В ветвях олеандровых трель соловья...".	
Юрий Иваск	232
Псков. "Печален, сердце, твой рассказ...". "Уйти, позабыть, замереть...". Болдино. Оахака.	
Олег Ильинский	235
"Ты думаешь о солнце ли, о лете...". На уступе. Новое утро. Бесприютность. Ратисбона.	
Владимир Ильяшенко	238
После беседы с Рабиндранатом Тагором. Малороссия. Жемчуга. "Где была ты, мне ночи даря...". Вышивание.	
Михаил Кантор	241
"Я не искал забвения в вине...". "О себе не говори...". "Стирают волны, набегая...". "Каждый день в неведомые страны...". "Дво- ится образ твой в тревожных сновиденьях...". "Непонятный пейзаж: это может быть море и дюны...". "Как и ты, я не знаю, какие нас ждут испытанья...".	
Андрей Касим	243
Сочельник. Верю. Пенаты. "За древней церковью — кладби- щенская немочь...".	

Лазарь Кельберин	245
У городских ворот. "Сестра моя, что бархатною ночью...". "Пусть небо в жемчуг одевает тучи...". "Словно дух, от земли отлетающий..."	
Дмитрий Кленовский	247
След жизни. Не забытое, не прощенное. "Какая-то радость (но кто же)..." "То, чем сердце было пьяно..."	
Ирина Кнорринг	250
"Не те слова. Не те, что прежде...". "Мне холодно. Мне хочется согреться...". "Темнота. Не светят фонари...". "Считать толково километры...". "Просыпались глухими ночами..."	
Довид Кнут	253
Мой час. Я не умру. "Меж каменных домов, меж каменных дорог...". "Окно на полуночном полустанке...". Диалоги.	
Дмитрий Кобяков	256
"Мурлычет кот — уют мещанской были...". "Мостков деревянных скользящая сырость...". "В почтовой конторе и сегодня так сини..."	
Марианна Колосова	258
Бор мой... В мире мемуаров. Вцепившись в поводья...	
Александр Кондратьев	260
В день Покрова. "Серебрясь, блистает юная луна...". Вертоград небесный. Земля 1. "Сестер кастальских благостыни..."	
Владимир Корвин-Пиотровский	263
"Дождь сечет. Фонтан кирпичный...". "Когда с работы он идет...". "Стоим, обвеянные снами...". "Налево, направо — ша- гай без разбора..."	
Мария Коростовец	266
"Четвертый раз расплавленный металл...". "Темный ангел к по- душке прильнул...". "Девочка скользнула, торопливо..."	
Федор Косаткин-Ростовский	269
В бистро. Незабытое.	
Сергей Кречетов	271
Железный перстень. Банкир. Вожатый.	
Христина Кроткова	274
"Знаю: телу нужен воздух...". "Потому что все-таки нам надо...". "Замолкли шумы дня...". На пепелище. "Кончаем путь, глядим кругом..."	
Юстина Крузенштерн-Петерец	276
"В каждой жизни хоть раз запевала свирель...". Тургенев. Донна Анна. Из цикла "Молодость".	
Николай Кудашев	278
Внук декабриста. Тени. Ледяной поход. Этаких мы ищем!	

Галина Кузнецова	281
"Город широких улиц...". Турецкое кладбище. Русь. "Мне с каждым часом мир дороже...". "Горят цветы на сером камне стен...". "В прохладной и пустынной синеве...". "Я возвращалась в сумерки. Над садом...".	
Антонин Ладинский	284
"Не камень, а карточный домик...". Дуб. Лирический театр. "Когда приходят мысли...".	
Гизелла Лахман	287
"В хранилище книжном Нью-Йорка...". "Около потухшего каминна...". "За неделей тихо тянется неделя...". "Передохнуть... Задуть фонарь дорожный...". "Я в полудреме в вечность заглянула...". "Первый подснежник. Оттепель марта...".	
Вячеслав Лебедев	289
Стихи о крыльях. Подзимь. Путеводитель звезд. Степной разъезд. Подарок из Парижа.	
Ираида Легкая	292
"На городских площадях голуби и весна...". "Луна была полной и новой...". "Мы говорим на разных языках...". Вид на Манхэттен. Площадь Колумба. "Мы встретились в каком-то новом мире..."	
Михаил Лопатто	295
"Я дни берег ревниво, как червонцы...". "Мы живем на отлете, как птицы...". Тоска по родине. Звериный зов. Вечер.	
Вера Лурье	297
На смерть Гумилева. "Разве я успела столько зла...". "Все тот же ветер мне напомнит пусть...". На чужбине. Старый вальс.	
Семен Луцкий	300
"О, какие приходят слова...". Кинерет. "С каждым днем я все больше поэт...". "Есть то, что выше знания...". Элегия.	
Лоллий Львов	303
Фра Беато Анджелико в Фьезоле. На пути из Фьезоле к Боттичелли.	
Константин Льдов	305
Версаль. Кабилы. Букинисты.	
Дмитрий Магула	308
"Гаснут мысли, точно звезды в дальнем небе поутру...". Сапфический стих. "Много в жизни тропинок исхожено...". "Мир пред тобою поднимет забрало...". "Я шел к собору встретиться с тобой...". Фата Моргана. "Вечное время бежит и бежит все без устали...".	
Сергей Маковский	311
Июнь. Август. Ноябрь. "Зноен день, но с гор прохлада...". "Есть на пути земном рубеж...". Утишье.	

Виктор Мамченко	314
Тревога. Сон о человеке. "Над морем ночь, огни и теплое течение...". Улица. "Какой проспект? Иль это Невский...".	
Юрий Мандельштам	317
"Сколько нежности грустной...". "Поля без конца, без предела...". "Ночью, когда совершенная..." "Ну, что мне в том, что ветряная мельница...". "Уже зима осталась позади...".	
Владимир Мансветов	320
Серенада. "Листья падали. И каждый самураем...". Призрак.	
Алексей Масаинов	323
Вечером в горах. "Есть мудрый мир в забытом счастье нашем...". Человек. Русь.	
Мать Мария	325
"Ты по-разному откинул всех...". "Вечно громоздить на встречу встречу...". "Вижу одежды сияющий край...". "Мне кажется, что мир еще в лесах...". "Каждая мышца свинцом налита...". "Там было молоко и мед...".	
Ольга Можайская	328
Баллада о Париже. "Скажи, когда бы не во сне...". Автору "Свидания Джима".	
Николай Моршен	331
Тюлень. "Шагаю путаной дорогой...". Многоголосый пересмешник.	
Владимир Набоков	334
"Как над стихами силы средней...". "Целиком в мастерскую высокую...". "Все, от чего оно сжимается...". "Вечер дымчат и долог...". "Какое б счастье или горе...". "Есть сон. Он повторяется, как томный...". "Зимы ли серые смыли...".	
Борис Нарциссов	337
"Вечерами, ночами, в затишьи...". Два голоса. Вечер. Океания. "Очень давно, и не в этой...". Там.	
Анна Ней	340
"Мистический, тыквенно желтый закат...". "И эта — я. И эта — я...". Отрывок. "Прости меня, Господи, жадную...". "Не лейкой, ноктюрном Шопена...".	
Александр Неймирок	342
"Так жить... Так жить, обманывая годы...". Берлин. К. Z. Парижское утро. "Ежятся под каплями каштаны...".	
Арсений Несмелов	345
Ночью. Пять рукопожатий. Стихи о Харбине. "Как чума, тревога бродит...". "Милый город, горд и строен...". Флейта и барабан.	
Иван Новгород-Северский	348
Заволочье. Орда идет. Тростручица. Таежный путь.	

Борис Новосадов	350
"Слышатся чаще и чаще...". "Живем в изгнании, и наша жизнь тяжка...". "Одна поэзия, последняя стихия...". "Вчитываться в книги надо...". "Мы, может быть, последние на свете...". "По следам бездомных Аонид..."	
Василий Обухов	352
"По вечерам тяжелые закаты...". "Не могу ни плакать, ни молиться...". Сентябрь.	
Юрий Одарченко	354
Чайная роза. "Есть совершенные картинки...". "На красной площади, на плахе...". "А ты, Ванюша...". "Я себя в твореньи перерос...". "В аптеке продается вата...". "Жизнь исчисляют не годами..."	
Ирина Одоевцева	357
"Сияет дорога райская...". "Как ты любила зеркала...". "Над золотую полосу заката...". "Но была ли на самом деле...". "Я в руку камышек беру..."	
Константин Оленин	360
Пасхальная заутреня. Лампы не надо. Chanson triste.	
Татiana Остроумова	362
"Голубеет теплый воздух...". "Громкий утренний отпуст за ночные грехи...". "Был пьян расплывчатый рассвет..."	
Николай Оцуп	364
"Не диво — радио: над океаном...". "Когда озаряемый зимними...". Биография души. "Как называется, когда...". "Истории дальние тени...". Эмигрант. "Скажи мне, что пронизывает нас..."	
Всеволод Пастухов	368
"Твоих потусторонних уст...". "Бывает предел печали...". "Падает снег, мягкий и ранний...". "Ах, знаю я — не возвратить...". "Ах, повторять мне одно лишь осталось...". "Я верен Вам. Я не хочу Вас видеть...". "Сужается быстро дорога..."	
Валерий Перелешин	371
Сянтаньчэн. Ностальгия. Хуцинь. Extasis. Озеро любви. Благодарение. Как хорошо.	
Александр Перфильев	375
"Так ласково Солнце в небе...". "Сколько мне стоило горьких усилий...". "Сильному — мощь водопада...". "Я слишком устал для того, чтобы снами...". Плотовщики. Октябрь. Рыцари Святого Духа.	
Клавдия Пестрово	379
Вишневый сад. "Тепло и тихо. Нет вчерашней стужи...". Тишина. "Тени на стене... сквозь решетку сада...". Гнется. "Так вот оно — преддверье Рая!..."	

Кирилл Померанцев	382
Опять на дорогах Италии. "Близится вечер. Ну, что ж, господа...". "Слава Богу, теплеть начинает...". "Люблю перекресточный веер...". "Когда-нибудь...". "Войди, как бывало входила...".	
Борис Поплавский	385
Черная мадонна. "Розовый час проплывал над светающим миром...". "Восхитительный вечер был полон улыбок и звуков...". "Мир был темен, холоден, прозрачен...". "Ранний вечер блестит над дорогой...". Белое сияние.	
Петр Потемкин	389
Герань. Лебяжья канавка. Париж. Парочка.	
София Прегель	391
"В тех сугробах на гулкой окраине...". "Дождик осенний, поддакивай...". "Маленький город, уютный без меры...". Весна в Европе. "Улицы праздной пенное мыло...". "На заре мне больше не снится...". "Все те ж остались в разлуке...". "Фонари исчезли во мгле...".	
Анна Присманова	395
"Жаждет влаги обугленный бор...". "Разве помнит садовник, откинувший стекла к весне...". Сияние. Яд. Прости.	
Георгий Раевский	398
"Зеленая волна, зеленая трава...". "Медлительным посохом мерно звеня." "Сгорбились прямые плечи...". "Не говори, что в пыль и прах и дым...". Сосна. "Ты с плачемходишь в мир, дитя...".	
Евгений Раич	401
"Прав анархист. В кармане кулаки...". "Последний снег, чернея, тает...". "Да будешь ты навек благословенна!..". "Я помню пышные чертоги...".	
Даниил Ратгауз	404
В светлое мгновенье. "Не потому ль так жизнь темна...". "Это не песни, а мысли туманные...".	
Татьяна Ратгауз	405
Весеннее. "От нежности тяжелой не уснуть...". "Я — случайная гостья в веселой студеной стране...".	
Сергей Рафалович	407
"Кругом поля и роща за рекою...". "Я устал — слова сказались сами...". "Люблю уют жилых покоев...". "Не верь свидетельствам простым...".	
Сергей Рафальский	410
Версаль.	
Мета Роос	412
"Лампадка теплится пред древнею иконой...". "Все та же аллея, и тот же на ней...". Вечер. В поезде.	

Г. Расимов (Юрий Офросимов)	414
"Миги — белые птицы...". "Упорный сон все чаще снится...". "Значит, не все распято?...". "В моей шарманке скрипучей...". "За пределом небесной черты...". "Встретились, как обычно...". "Мы с тобою все те же...".	
Ирина Сабурова	417
"Быть может, в Конго — или в Аргентине...". "...И почтальон забыл дорогу к дому...". "Горит румяным яблоком заря...". "Одиночество, это: мысли...". "Упасть и не подняться. Не мо- гу...". "Могла бы рассказывать много...".	
Иван Савин	419
"Помните? Хаты да пашни...". На Сайме. У последней черты.	
Николай Светлов	421
Цветок Ван-Хао. Одиночество.	
Игорь Северянин	423
Не устыдись... На монастырском закате. Все они говорят об одном. Десять лет. В деревушке у моря. Отрада приморья... В гичке.	
Валентина Синкевич	427
Плач по зверю. При свете лампы. Портрет.	
Ольга Скопиченко	430
Памяти погибших. "Прекрасный слог старинного стиха...". "Еще полет. К созвездьям... за созвездья...".	
Кира Славина	432
День поминовенья. "Весна — в календаре, но стужа — за окном...". У детской площадки. Незнакомец. "Жара. Накален- ные плиты...". "Я иногда забываю...".	
Владимир Смоленский	435
"В томлении смертном, на смятой постели...". "Мы вышли ран- ним утром...". "Лунного неба тоска и величье...". Стансы. "Душа во мгле проснулась...". "Я знаю, Россия погибла...".	
Юрий Софиев	438
"Нас тешит память — возвращая снова...". "Поговорим впол- голоса о жизни...". "Мы распрощались с другом на пороге...". "Весенний день цвел свежестью чудесной...". Сен-Мало.	
Перикл Ставров	441
Река. Путешествие. Кафе. Фонарики. "Поворачивай дни покоро- че...". "Все ровнее, быстрее и нежнее...".	
Николай Станюкович	444
"...И вот упрямые топорщатся листки...". Беженка. Городской рассвет. Ненужное чудо. Рожденье.	
Любовь Столица	447
"Порой и зелень вешняя язвит...". Незабвенное. Поминание.	

Странник	450
Тайнодействие. Отрешение. Встреча на Родосе. Песнь Назарета. Сущность поэзии. "Поэзия — безмерность и покой...". Вечерние звезды. Снова утро. Земля.	
Леонид Страховский	453
Осень. Окно. Пора. О России.	
Глеб Струве	455
"Ты легким поцелуем тронешь...". Январский сонет. "Декабрь — и веянье весны...". "Дерев неубранного сада...". "Смотри: два ястреба кружат над нами...". "Тонким кружевом кружится снег...".	
Михаил Струве	458
Старый Петербург. Январь в Париже.	
Василий Сумбатов	461
Сумерки. "Гиперборей". Град Петра. О поэзии. Власть слов. Два моста. Памяти поэта.	
Екатерина Таубер	464
"Им все нипочем: ни любви, ни заботы...". "Море цвета серебра и стали...". "Лишь первозданное, простое...". "Окно выходило в чужие сады...". "Они отдыхали от боя...". "Твой чекан, бывлая Россия...". "Здесь травы сухие сжигают зарею...". "Береза тихая с атласною корой...". "Мы идем с тобой через весь Париж...".	
Ольга Тельтофт	467
"Ко мне ты приходишь во сне...". "Тыходишь в дом,— нездешний, неземной...". Любовь. Письмо. Женщина.	
Юрий Терапиано	469
"Утром, в ослепительном сиянье...". "Сияет огнями Париж...". "Здесь ничто, ничто не вечно...". "Снова ночь, бессонница пустая...". "В содружество тайное с нами...". "Ветки устало качаются...". "Глубину одиночества смерьте...". "С озаренного востока...".	
Татiana Тимашева	472
Облака. Перед закатом. Озерко. Старость. "Чарующая душу тишина...".	
Мария Толстая	475
Пролог. "Рано утром в дальнюю дорогу...". "Желтый луч пробежал высоко по карнизам...". "Тяжела резная дверь собора...". "Гаснет ночь, и фонари желтеют...". "Серебро листвы в тускловатом свете...".	
Зинаида Троцкая	478
Перед отплытием. Письмо. "Я разучилась просто веселиться...". "Я всегда была лишь только странница...".	
Юрий Трубецкой	480
"Церковка, заросшие пригорки...". "Парки пряжу ткут и распускают...". "Двусмысленность второстепенных деталей...". "Закатный свет и тающего снега...". "В Петербурге, давным-давно...".	

"Порой такая бешеная зависть...". "Та тень живет. И нет уже спасенья...". Снег.

Николай Туроверов 484
Снег. "Помню горечь соленого ветра...". "Пущу собак. И, как дитя, заплачет...". "Не выдаст моя кобылица...". Старый город. "Уходили мы из Крыма...".

Надежда Тэффи 487
"Я сердцем кроткая была...". "Тоска, моя тоска! Я вижу день дождливый...". "Иду по безводной пустыне...". Ля-Э-Ли! "На острове моих воспоминаний...". Северное.

Татьяна Фесенко 490
"Я заветной земли символический ком...". "Может, в горящем танке...". "Мы, за руки взявшись, на горы глядели...". Чужое лето. "Снилось: у темного входа...". "Сядь рядом. Дай руку. Допустим...". "Когда ты спишь и долетает мерно...".

Борис Филиппов 493
"Аполлон играет на гармошке...". "Сладким клеем брызжут почки...". "Серебряные трубы...". "На рыжих холмах золотой виноград...". "Да, вот так. Мы будем жить на свете...". "Радостно встречай утро обновления...". "Пришла эстафета: довольно шататься по свету...".

Михаил Форштетер 496
Жизнь. Прага. Крестовик. Три ангела. Последнее.

Лидия Хаиндрова 499
"Слишком поздно приходит прозренье подчас...". "Волны ударяют чаще, чаще...". "Ты выдумка, пленительная ложь...". "Россия, твой ветер привольный...". "Если кто-то запутан в измене...". "Мои глаза не смогут потускнеть...". "Смотри, он нарядный, уютный...".

Константин Халафов 502
"Бывают встречи — как постигнуть нам...". Птице-лире. "Блаженных слез бесценный дар...". Музе.

Владислав Ходасевич 504
"Вдруг из-за туч озолотило...". "Все каменное. В каменный пролет...". "Интриги бирж, потуги наций...". Баллада. "Трудолюбивою пчелой...". Граммофон. Скала.

Алексей Холчев 508
Не надо. В церкви. На берегу.

Марина Цветаева 512
Наклон. "Есть час Души, как час Луны...". Лучина. "Мой письменный верный стол!...". "Тридцатая годовщина...". "Обнимаю тебя кругозором...".

Эмилия Чегринцева 516
Бессонница. Вальс. "Зубочистки грозят, как ралиры...".

Лидия Червинская	518
"Те, которых не осудят...". "Раннее солнце за красною што- рой...". "Холодные, длинные майские дни...". "Как в одиночной камере рассвет...". "Темный август. Солнца нет следа...". "Я жду твоего возвращенья...". "Лишь мысль об одном постоян- на..."	
Александр Черный	521
"Мы с тобой два знатных иностранца". "Тех, кто страдает гордо и угрюмо...". "Прокуроров было слишком много...". В Марселе.	
Михаил Чехонин	524
Дорога. Мама. Глоб троттер. Сердце города. Мистер Джонс.	
Игорь Чиннов	527
"О, душа, ты полнишься осенним огнем...". "Лиловеют поган- ки...". "Шепчу слова, бессвязно, безотчетно...". "И луковица — жемчужина...". "Хрустальным кристаллом...". "Мало-помалу, мало-помалу...". "Не нарушает тишины..."	
Владимир Шаталов	530
"Точка схода. Уходящие рельсы...". "Нигде...". "Все случает- ся...". Через полвека.	
Зинаида Шаховская	532
Диотима — ночь. Ночью. "Ночь пришла и двери отворила...". "Нету скучных, ни тяжелых дней...". "Над морем Эгейским упала звезда золотая...". "Слушай, слушай тишину...". "Расцве- тают цветы. И в ночи...". "Как легок ласточек полет...". "Пустое кресло у стола..."	
Аглаида Шиманская	535
"Звезды горят лучистые...". "Окно мое на крышу...". "Услышать песню русскую метели...". Мать. "Ползет букашка, прячется в листок...". "Не все ль равно, какие слезы..."	
Михаил Шиповников	537
"Над бесплодным полем...". "Не шуметь уж больше листьям...". Сочельник. Ковыли. "В закатах, уходящих ежедневно...". "Изум- ленно гляжу я на выси..."	
Аглая Шишкова	540
"Грусть наплыла... Шепнулась строфа...". "Вечер смуглый, ве- чер лунный...". "На знойном кладбище могилы стеснены...". "Привал. Пригорок пригрело..."	
Анатолий Штейгер	542
"Всегда платить за все. За все платить сполна...". "Мы ничего не знаем...". "Снова осень и сердце щемит...". "Дошел и до него уже, увы, черед...". "Только след утихающей боли...". "Вечером выйдем гулять по меже...". "У нас не спросят: вы грешили?..."	
Николай Щеголев	545
"Одно ужасное усилие...". Сирена. Обновленье. Два поезда.	

Евгений Щербаков	547
"Каштан расцвел, весенняя истома...". "Осень в небо широко раскрыта...". Фонарь. "Мы знаем будни и работу...". Кактус. "В привычном горе мне не больно..."	
Михаил Щербаков	549
Японский храмик. Вишня.	
Владислав Эллис	550
Одиночество. Откровение. Встреча. Неповторимое.	
Георгий Эристов	552
Лурд. Лигея. Грусть. В гостях у Св. Франциска (Ассизи). Misterium Magnum (Яков Беме). Утро. Мюнхен.	
Виктория Янковская	555
Я жду... "Весенними влажными днями...". Прощание с Кореей. "Шелестит тальник. Журчит, звенит река...". Жизнь.	
Ирина Ясен	558
Белая гора. "Свою преемственность неслыша...". "Все озарилось на мгновенье...". На берегу. "Гладь, не тронутая ветром...". "Только солнце и море...". Поэзия. "Как рукой сняло усталость...".	
Комментарии	561
Биографические сведения	597

ВЕРНУТЬСЯ В РОССИЮ — СТИХАМИ

Заведующий редакцией *В. Е. Вучетич*
 Редактор *Н. В. Красникова*
 Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
 Технический редактор *Е. Ю. Куликова*

ИБ № 9663

ЛР № 010273 от 10. 12. 92 г.

Сдано в набор 13.09.94. Подписано в печать 02.03.95. Формат 84х108^{1/32}. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура "Гельветика". Печать офсетная. Усл.-печ. л. 36,12. Уч.-изд. л. 36,69. Тираж 11 тыс. экз. Заказ № 345.

Российский государственный информационно-издательский
 Центр "Республика"
 Комитета Российской Федерации по печати.

Издательство "Республика".
 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Полиграфическая фирма "Красный пролетарий".
 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.